

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ
И РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ:
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Сборник статей
Международной научной конференции,
26–28 сентября 2012 г.

Рязань
2012

УДК 40
ББК 81
И11

*Издание подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 12-04-14131/12)
и Правительства Рязанской области*

И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского : сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – 392 с.

ISBN 978-5-88006-794-7

В сборник статей Международной научной конференции «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского» включены доклады и сообщения отечественных и зарубежных участников, рассматривающие проблемы изучения научного наследия академика И.И. Срезневского, его вклад в развитие русского исторического языкознания и словесной культуры. Статьи посвящены также анализу языковых особенностей памятников древнерусской письменности, лексикографии в диахроническом контексте, исторической грамматике.

Для широкого круга филологов, историков и культурологов – преподавателей вузов гуманитарного профиля, научных работников, студентов, магистрантов и аспирантов, всех, кто занимается изучением истории русской письменности и ее современными научными традициями.

история русского языка, лингвистическое источниковедение, лексикография, лингвистическая персоналогия, словесная культура.

Редакционная коллегия:

Е.А. Догусева, канд. филол. наук, доц.;
Н.В. Колгушкина, засл. учитель РФ;
О.В. Никитин, д-р филол. наук, проф. (отв. редактор);
Е.П. Осипова, канд. филол. наук, доц.;
Т.В. Федосеева, д-р филол. наук, проф.;
И.М. Шеина, канд. филол. наук, проф. (отв. редактор)

**УДК 40
ББК 81**

ISBN 978-5-88006-794-7

© Шеина И.М., Никитин О.В., отв. ред., 2012
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редколлегии</i>	8
Раздел 1	
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО	10
Бекасова Е.Н. (Оренбург) И.И. Срезневский: классика предупреждений	10
Георгиева Т.Й. (София, Болгария) И.И. Срезневский и изучение сборников <i>Златоструй и Торжественник</i>	15
Дуличенко А.Д. (Тарту, Эстония) Академик Измаил Иванович Срезневский и резьянщина (с извлечениями из его путевых заметок по Резье в 1841 году)	23
Жакова Н.К. (Санкт-Петербург) И.И. Срезневский и В. Ганка	27
Каверина В.В. (Москва) И.И. Срезневский о правописании	33
Колгушкина Н.В. (Рязань) «Мой юбилей был для меня неожиданным торжеством...»	43
Никитин О.В. (Москва) Наследие академика И.И. Срезневского: у истоков изучения истории русского языка	48
Попова Т.Г. (Северодвинск) Рукописи Лествицы Иоанна Синайского в трудах И.И. Срезневского	56
Прискока О.В. (Киев, Украина) Византийская культура в научном наследии И.И. Срезневского	66
Федосеева Т.В. (Рязань) И.И. Срезневский и Ф.И. Буслаев: к вопросу о современном значении сравнительно-исторического метода в филологии	74
Черепанова О.А. (Санкт-Петербург) Народные верования древних славян в трудах И.И. Срезневского: этнолингвистический аспект	85
Чернышёва М.И. (Москва) «Материалы» И.И. Срезневского как источник «Словаря русского языка XI–XVII вв.»	93

Раздел 2

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ:

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ГРАММАТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ 105

Аннушкин В.И. (Москва)

Язык – речь – слово в истории русской филологии:
фрагмент «Словаря» И.И. Срезневского 105

Астахина Л.Ю. (Москва)

Призрачные слова в «Материалах для словаря древнерусского
языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского 110

Белова Л.А. (Пермь)

Пермские памятники письменности XVI–XVIII веков
как лингвистический источник 116

Васильев В.Л. (Великий Новгород)

Этимологические наблюдения над лексикой и топонимией
Русского Северо-Запада и Севера (*водос, черёх*) 124

Ватсон К. (Упсала, Швеция)

Свидетельство одной рукописи XVII века
о возможных лексических полонизмах 132

Галиуллин К.Р. (Казань)

Языковые интернет-комплексы – источники
исторической русистики 141

Глинка Е.В. (Брянск)

Развитие семантической структуры
слов с отрицанием 148

Гордова Ю.Ю. (Москва)

Имена рязанских князей в русских летописях 152

Демидов Д.Г. (Санкт-Петербург)

«Материалы» И.И. Срезневского
как источник исторической идеографии 160

Догусева Е.А. (Рязань)

Формы личных местоимений в памятниках рязанской
деловой письменности XVIII века 173

Дудин А.А. (Рязань)

И.И. Срезневский и изучение русских народных говоров:
заметки по лингвистическому источниковедению
(лексикографические материалы М.Н. Макарова) 177

Жолобов О.Ф. (Казань) К истории глагольного формообразования и спряжения в древнерусском языке	181
Зубов Н.И. (Одесса, Украина) Двойственное число в древнерусском <i>Слове Исаии пророка...</i> : контекстуальное истолкование формы <i>рожаницам</i>	191
Илиева Т.А. (София, Болгария) Задачи на съвременната българска историческа лексикография. Речници на отделни писатели	194
Исаченко Т.А. (Москва) «Тайна поистинъ сокровенна в сем трязычии» (идея идеального языка в филологической школе Чудова монастыря к XVII – началу XIX века)	206
Ковалых Е.В. (Псков) Изучение и издание псковских памятников деловой письменности XVII века	217
Коннова В.Ф. (Оксфорд, Великобритания) Некоторые словообразовательные особенности в материалах «Словаря русского разговорного языка» Марка Ридлея	221
Костючук Л.Я. (Псков) Внимание к древнему слову в свете идей И.И. Срезневского (используя данные псковских памятников письменности)	225
Красикова А.Ю. (Вологда) Состояние и проблемы изучения качественных прилагательных русского языка XVIII века	231
Кузнецов А.М. (Даугавпилс, Латвия) О развитии относительной функции у местоимения <i>которыи</i> в древнерусском языке	236
Мазитова Л.Л., Логунова Н.В. (Соликамск) Рукописные источники Северного Прикамья: принципы издания и аспекты лингвистического описания	245
Михайлова Л.П. (Петрозаводск) Несистемные лексические единицы в памятниках письменности	253
Мускала Ю. (Упсала, Швеция) К текстологии Травника Любчанина (некоторые наблюдения)	258

Мызников С.А. (Санкт-Петербург) О некоторых скандинавских заимствованиях в древнерусском языке и севернорусских говорах	267
Николенкова Н.В. (Москва) Дополнения к историческому словарю русского языка XVII века по материалам перевода Атласа BLAEU	276
Никольский А.А. (Рязань) «Опыт словаря из Ипатьевской летописи» Н.Г. Чернышевского	285
Осипова Е.П. (Рязань) Лексика рязанских говоров: принципы формирования и функционирования	288
Пентковская Т.В. (Москва) Взаимодействие толковых и богослужебных новозаветных текстов в славянской книжной традиции	293
Пименова М.В. (Владимир) Устойчивые лексико-семантические единицы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского	300
Плавинская Л.С. (Рязань) Этимоны фамилий рязанского дворянства XVI–XVII веков	305
Плешакова В.В. (Рязань) О древнерусских благопожеланиях	309
Романов Д.А. (Тула) «Рассуждение о лирической поэзии» Г.Р. Державина как источник сведений о формировании корпуса терминологической лексики отечественного литературоведения	321
Ротарь В.В. (Лампетер, Великобритания) Отсубстантивные прилагательные иноязычного происхождения в путевых записках рубежа XVII–XVIII веков: структурно-семантическая характеристика	330
Старовойтова О.А. (Санкт-Петербург) «Словарь русского языка XIX века» и проблема окказиональной лексики	335
Судаков Г.В. (Вологда) «Кислая жизнь» русича в зеркале истории слов	342

Табаченко Л.В. (Ростов-на-Дону) Позиционные глаголы с приставкой у- в истории русского языка (по данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и другим источникам)	350
Ховрина Т.К. (Ярославль) Из истории переводной лексикографии Петровской эпохи	356
Хрусталёв И.Н. (Рязань) <i>Ерандучь, Кря и Осока</i> (к проблеме этимологизации топонимии Центральной России)	361
Шамин С.М. (Москва) Из истории появления слова «комета» в русском языке	366
Шапошников А.К. (Москва) От антов, венетов и славян к восточнославянскому языковому состоянию	373
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	386

От редколлегии

26–28 сентября 2012 г. в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина состоялась Международная научная конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание», приуроченная к 200-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта. Имя И.И. Срезневского стоит в одном ряду с такими талантливыми умами России, как А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов, открывавшими новые направления исторического познания национальных традиций словесной культуры, проникновения в ее дух и плоть, – будто средневековые рыцари, они принимались за титаническую работу по просвещению людей своим оружием – Словом, которое для них было единственно возможным средством борьбы и реальной силой.

И.И. Срезневский – из той плеяды самородков, которые предугадали и всей своей жизнью проповедовали высокое назначение филологического труда в России, обогащая его подлинно научными методами и совершенствуя образовательную систему – от обучения детей в детском возрасте до профессиональной работы по историко-лингвистическому изучению древних текстов, составлению словарей и становлению лексикографической науки. Своими знаниями, личным опытом и многогранной работой на благо просвещения Родины И.И. Срезневский показывал ориентиры общественного служения человека, посвятившего себя филологическому труду.

Основные проблемы, рассматривавшиеся на конференции, можно представить следующими тезисами:

1. Научное наследие академика И.И. Срезневского в контексте современных парадигм русистики, палеославистики и компаративистики.
2. Историческая лексикология и лексикография в прошлом и настоящем.
3. Историческая грамматика русского языка: новые аспекты изучения памятников письменности.
4. Лингвистическое источниковедение как актуальный подход к описанию и изучению текстов.
5. Лингвокультурологическая и этнологическая характеристики языка и эпохи и их выражение в слове.

Так или иначе в центре внимания всех участников конференции были ключевые понятия современного филологического мировоззрения, тесно связанного с глубокими традициями нашей лингвистической науки: *язык – речь – слово – текст*. Выявлению их историко-культурного потенциала, освещению новых подходов и открытий в исследовании письменных памятников разных эпох в рамках прежде всего исторической русистики были посвящены многие выступления и дискуссии, состоявшиеся во время конференции.

К очевидным достижениям участников этого международного форума относятся такие факты: в ходе конференции были проанализированы и введены в научный оборот редкие архивные материалы и исторические источники русского Средневековья и Нового времени (включая уникальные тексты, хранящиеся в зарубежных собраниях); установлены и уточнены неизвестные факты из биографии И.И. Срезневского и его потомков, которые приняли самое живое участие в работе конференции; собраны и обобщены результаты и достижения отечественных и иностранных ученых в области лексикографии и лингвистического источниковедения.

Главным же результатом работы можно признать то, что международный форум продемонстрировал огромный действенный потенциал методов и средств исторической русистики, которая и сейчас находится на передовых рубежах современной науки. Без нее немислимо развитие языкознания не только в смысле гносеологии, но и как науки будущего, в которой поиск и приоритет *исторического* факта будет всегда единственным объективным мерилom подлинной научной деятельности.

Р а з д е л 1

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Е.Н. Бекасова
(Оренбург)

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ: КЛАССИКА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЙ

В решении проблемы генезиса русского литературного языка программным и во многом опережающим свое время стал труд И.И. Срезневского «Мысли об истории русского языка», который с полным правом можно назвать классикой предупреждений.

В XX в. предложенный И.И. Срезневским абрис становления и развития русского литературного языка каждым из сторонников «старой» и «новой» концепций был отнесен к противоположному лагерю: для С.П. Обнорского и А.И. Ефимова И.И. Срезневский – основоположник теории церковнославянской основы русского литературного языка, для С.И. Бернштейна и В.В. Виноградова – сторонник исконной основы [Бекасова 2008].

«Идея единства литературного и разговорного русского языка XI–XII вв.» [Горшков 1987: 19] позволила И.И. Срезневскому не только создать свою картину развития древнерусского языка без искажения и сгущения красок, «совестливо и отчетливо» [Срезневский 2007: 81], но и выявить основные положения, определяющие стратегические направления исследований русского языка, в том числе и его литературной страты. При этом И.И. Срезневский решительно выступал против «удобных» аксиом, односторонних доказательств, умозрительных заключений, идеологических предпочтений и «слабости воображения», что впоследствии нередко отражалось на определении языковой ситуации Киевской Руси и языковой природы восточнославянского и русского литературных языков учеными XX в.

Такой подход к языку обусловлен, по мнению И.И. Срезневского, прежде всего «неосновательной уверенностью», «при которой позволяют себе оставаться многие», что «прошедшие судьбы русского языка –

признак воображения» [Срезневский 2007: 34]. Причины такого заблуждения разнообразны, но, к сожалению, как показывает история русистики, неистребимы, особенно в тех позициях, где исследования затруднены сложностью и неоднозначностью языкового материала, связанного в том числе с феноменом русского литературного языка, который «в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков мира» [Трубецкой 1990: 126].

Одна из причин заключается в «порывах ложного патриотизма или космополитизма» [Срезневский 2007: 25], определяемых «самым важным вопросом относительно истории как образованности, так и языка народа; важнее всего он в наше время, когда борение национальностей так сильно и так велико пристрастие к ним; есть же люди, говорящие, что немцы выведены из дикого состояния только славянами, у которых заняли всю образованность, или наоборот» [Срезневский 2007: 100]. Для восприятия русского языка, как постоянно подчеркивает И.И. Срезневский, более свойственно непризнание и неприятие собственного языка, что декларируется вплоть до настоящего времени.

К этим «ложным порывам» присоединяется незнание того, что И.И. Срезневский считает «главным положением»: «теперешний русский язык – изменение прежнего русского языка; прежде он был не таков, как теперь. Многие не знают этой, кажется, слишком простой, истины, другие в ней сомневаются [Срезневский 2007: 119]. Однако вне данной истины продолжают оставаться исследователи, утверждающие, «что в старых памятниках наших формы языка, отличные от нынешних, чуть ли не все взяты книжниками из старославянского, а в народе никогда не были» [Срезневский 2007: 34]. Пророческим в этой связи является своеобразный диалог И.И. Срезневского: «На каком же языке писаны наши летописи? На славянско-церковном, смешанном с русским, или же, напротив, на русском, смешанном с церковным? Думаю, что на русском. <...> Но постоянное правильное употребление прошедшего простого и двойственного числа – разве не признак церковнославянского языка? Почему же признак? Потому ли, что теперь мы в своем языке этого не имеем? Если только потому, то это не доказательство. <...> летописец писал так, как случилось, заботясь не о правильности языка церковнославянского, а о достоинстве слога и черпая для этого из церковного языка так же, как делаем это мы и теперь» [Срезневский 2007: 86–87]. Однако аргументы выдающего исследователя истории русского языка, автора до сих пор значимого словаря языка Древней Руси игнорируется достаточно авторитетной российской научной школой, где любой памятник письменности (начиная с XI в.), фиксирующий аорист, имперфект и двойственное число, рассматривается как памятник старославянского языка, а язык летописания вплоть до XVIII в. постулируется как церковнославянский.

И.И. Срезневский подчеркивает необходимость дифференцированного подхода к различного вида источникам, которые в силу особенностей своего содержания фиксируют определенные языковые факты. В частности, он пишет о «памятниках народного языка XII–XIV вв., на которых или совсем или почти совсем не налегло влияние книжное. В одних из них заключаются постановления и распоряжения, потому господствует наклонение повелительное и условные времена изъяннительного; в других передаются воспоминания о прошедшем, и потому господствуют прошедшие времена изъяннительного. Отсюда кажущаяся разница языка в тех и других» [Срезневский 2007: 85].

Наряду с рассмотрением языка как исторической категории и определенной избирательности его представления в различных древнерусских текстах, И.И. Срезневский выдвигает положение о равноправии изучения двух языковых ипостасей – языка книжного и языка народного. Протестуя против диаметрально противоположных их оценок – «язык книг – правильный язык, а язык народа – черт знает что, искаженный язык» [Срезневский 2007: 101], – И.И. Срезневский отмечает, что «язык народный – причина создания языка книжного и самых важных перемен его...» [Срезневский 2007: 119], и это «особенно важно для истории русского языка, где господствуют очень неправильные понятия об отношении письменного языка к народному» [Срезневский 2007: 102].

Следствием «самых восточных, самых азиатских понятий об отношениях книжного языка к народному» [Срезневский 2007: 118] становится очередное отрицание русского языка в памятниках древнерусской письменности. И.И. Срезневский призывает «сравнить... весь строй древнего русского языка с тем, что находим в церковнославянском», которое позволит увидеть, «что древнерусское и церковнославянское – почти один и тот же язык. Прежде объясняли эту близость не близостью языков, а тем, что памятники, которые, предполагаем мы, писанные на древнерусском (Русская правда, грамоты и т.д.), сами писаны на церковнославянском. Но это было бы слишком искусственно; язык их предполагал бы тогда слишком много уменья в писавших им... От этой-то близости только и могла родиться мысль, что церковнославянское и русское – одно наречие» [Срезневский 2007: 109]. Предупреждая возражения, И.И. Срезневский добавляет: «Для неверующих в то, что все почти принадлежащие церковнославянские формы принадлежали и древнерусскому, можно было бы положительно доказать, что они действительно и необходимо принадлежали самому русскому, а не заняты в него из церковнославянского» [Срезневский 2007: 110].

Развенчивая глубоко укоренившееся в русистике мнение о церковнославянском языке как единственном литературном языке Древней Руси, И.И. Срезневский вслед за М.В. Ломоносовым определяет его как язык канонических богослужебных текстов, который не мог иметь и не имел реальной истории и возможности развития. Принадлежность к «кни-

гам св. Писания», где «остался тот же слог» [Срезневский 2007: 35], определяла «необходимую неподвижность языка, освященного церковью», которая вступает в противоречие с развитием «языка народа», «более богатого жизнью, но зато более связанного с мелочами жизни», — «каким бы изменениям ни должен был подвергнуться язык народа, язык книг богослужебных должен был оставаться тем же самым, чем был сначала», тогда как народный язык «шел все далее по пути изменений в своем составе и строе», однако «жизнь языка в книге возможна только потому, что есть или была жизнь в народе» [Срезневский 2007: 37–38].

Неизменность текстов как требования церкви приводила к «нерушимости языка», переходящей «и на самую форму», однако, на русской почве происходила утрата чужеземного обличия: язык «церковнославянский, не наш по крайней мере по некоторым звукам и формам, но очень близкий к нашему, потому что таких звуков и форм было очень мало», теряет их в результате замены «нашими без перемены текста» [Срезневский 2007: 116]. Так появился «свой и вместе с тем не свой язык, наш и вместе чужой язык, можно было сказать: это не наш, а славянский язык; и можно сказать: это наш русский язык... Но как скоро язык этот раз освятили в своей тогдашней форме... он уже не стал и не мог изменяться, как язык веры» [Срезневский 2007: 116–117]. Данное видение церковнославянского языка русского извода впоследствии было со всей определенностью подчеркнуто А.А. Шахматовым [Шахматов 1916: 60–62].

И.И. Срезневский предупреждает о том, что «в истории языка, как и во всякой истории, должно отличать явления случайные, одновременные, остающиеся без всяких или по крайней мере без важных последствий, от явлений, свивающихся, как волокна, в одну нить» [Срезневский 2007: 25]. Такой подход позволил И.И. Срезневскому однозначно решить проблему усиления византийского влияния, когда «вносились в книги византийские фразы и обороты, не говоря о множестве слов», «но один писатель делал это, другой не делал; потому византийское влияние собственно простиралось только на личность известных писателей, а не на всю письменность, было делом личного желания подчиняться ему, а не делом необходимости» [Срезневский 2007: 132]. Однако и эти предупреждения не избавили русистику от десятилетий простой констатации в ряде случаев небесспорных по своему происхождению южнославянских и восточнославянских элементов для доказательств генезиса русского литературного языка и глобального южнославянского влияния в XIV–XV вв.

Чтобы выявить основные тенденции развития языка, «для истории русского языка, предмета непочатого, чрезвычайно важны самые источники» [Срезневский 2007: 102], на основе которых должен быть составлен словарь: «Каждый из старых памятников языка должен быть разработан отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-

литературном. По сличению лучших списков надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттенка его значения и особенную полную и подробную грамматику... В том и другом должно быть отмечено влияние чужестранных языков. То же влияние иностранных элементов должно быть отмечено и при историко-литературном разборе памятника со стороны содержания, изложения и слога» [Срезневский 2007: 80].

И.И. Срезневский первым указал не только на необходимость изучения всего строя взаимодействующих стихий, но и на определяющее значение «развития уже не самого языка в его материальной форме, а мысли, выражающейся в языке» [Срезневский 2007: 99], что позволило ему утверждать исконные посылы развития восточнославянского литературного языка: «от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние понятия обо всем; таким образом, понятие и вся образованность народа должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка» [Срезневский 2007: 106]. Это в корне подрывает представления о слабости и ущербности «профанного» русского языка, не способного противостоять натиску сакральных текстов.

Утверждая единство литературного и разговорного языка, И.И. Срезневский предупреждал о целом ряде заблуждений, которые в будущем не только стали камнем преткновения в определении генезиса литературного языка Древней Руси, природы церковнославянского языка русского извода, особенностей взаимодействия восточнославянской и южнославянской стихий на разных этапах языкового развития, но и до сих пор нередко являются причиной «слабости соображения и ложной уверенности», уводящих исследования из филологической парадигмы в область идеологическую и эфемерную.

Литература

Бекасова, Е.Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций [Текст] : моногр. – Оренбург, 2008.

Горшков, А.И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке [Текст] // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М., 1987. – С. 7–30.

Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка [Текст] / вступ. ст. С.Г. Бархударова. – 3-е изд., стер. – М., 2007.

Трубецкой, Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре [Текст] // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 122–139.

Шахматов, А.А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий: Очерк основных моментов развития литературного языка [Текст] // История русской литературы до XIX в. – М., 1916. – С. 39–64.

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ СБОРНИКОВ *ЗЛАТОСТРУЙ* И *ТОРЖЕСТВЕННИК*

О рукописи F.n.I.46 Российской национальной библиотеки писалось не один раз. Внимание научного мира привлекает ее уникальный состав. Согласно существующему до сих пор мнению она содержит неполный список краткой редакции сборника «Златоструй» (названный в исследовательской литературе *Златоструем XII в.*), к которому присоединен неполный список сборника «Торжественник» (так называемый *Торжественник XII в.*). По этой причине рукопись получила известность как «Златоструй и отрывок Торжественника» [Сводный каталог: 113–116].

Мнение, что рукопись F.n.I.46 не является единым целым, а содержит отрывки двух различных сборников, оформилось в середине XIX в. в результате серьезных трудностей, созданных нарушенным порядком расположения листов. Некоторые из них были безвозвратно утрачены, а остальные – разрозненны, вследствие чего текст *Торжественника XII в.* оказался расположен между текстами *Златоструя XII в.* Первый ученый, который сообщает об особом упорядочении статей в книге Спиридона Палаузова, изучая *Златоструй XII в.* в сопоставительном плане с одной более поздней переписью, указывает на то, что «в первом 73 слове И. Златоустаго [есть фрагменты], прерываемые другими статьями духовнаго содержания» [Палаузов 1852: 84]. Для восстановления порядка листов в рукописи было приложено немало усилий. Первым в этой деятельности стал И.И. Срезневский, который указал место для каждого отдельного Слова [Срезневский 1867, XXI: 6–27]. Позже – В.Н. Малинин [Малинин 1878: 57–112] и М.С. Фомина [Фомина 1993: 34–53] также внесли свой вклад в восстановление состава рукописи и в уточнение расположения в ней слов и поучений. Последовательность в чтении последних трех листов – лл. 196, 197 и 198, относящихся к *Торжественнику XII в.*, также была установлена И.И. Срезневским [Срезневский 1867, XXI: 22–23].

Но некоторые особенности в структуре и оформлении рукописи говорят в пользу мнения, что она не является конволютом, т.е. механическим соединением двух отдельных книг, а представляет собой список, задуманный как кодекс, сборник, где к основной части некалендарных гомилий нравственно-поучительного характера (*Златоструй XII в.*) добавлена календарная часть из 31 слова (*Торжественник XII в.*).

Бесспорным свидетельством неразрывного единства первой (некалендарной) и второй (календарной) частей рукописи является расположение их чтений в логическом порядке, независимо от неблагоприятных обстоятельств, вследствие которых они были сдвинуты. Первое слово *Торжественника XII в.*, поставленное на дату 6 декабря и озаглавленное *Чуде-*

са св. Николая Чудотворца, начинается на том же листе (л. 66а), на котором заканчивается последнее Слово Златоструя XII в. – Слово о Втором пришествии Христовом. К сожалению, эта последовательность в расположении слов до настоящего времени не была замечена.

Категорическое мнение, что в рукописи F.n.I.46 собраны отрывки из двух различных сборников, высказано И.И. Срезневским, который утверждает, что «из рассмотренной первой части рукописи слѣдуетъ отдѣлить часть вторую, хотя и писанную отъ части тѣми же писцами, тѣмъ не менѣе совершенно отличную по содержанію. Эта вторая часть заключаетъ въ себѣ отрывки изъ торжественника, сборника сказаній и поученій на праздники, между прочимъ и изъ твореній Іоанна Златоустаго. Къ этой части принадлежатъ листы 64–113 и лл. 196–198. На лл. 65–66 находится слово безъ начала о богатомъ и о Лазарѣ» [Срезневский 1867, XXI: 18–19]. Следовательно, русский ученый ставит в начало второго отрывка неполное Слово о Втором пришествии Христовом, которое публикует под названием Слово о богатомъ и о Лазарѣ [Срезневский 1867, XXII: 28–33.]. Несколькими годами раньше он напечатал другой фрагмент из него [Срезневский 1863: 202–203], сохраненный в рукописи № 12 из собрания сочинений Троице-Сергиевой лавры [Сборник XII – нач. XIII в.], а в 1875 г. под заголовком Слово о богачѣ и бѣднякѣ издает его полный текст по рукописи Син. 638 [Сборник ГИМ]. Сравнивая полный текст Слова *И·waOj ЗлатwНестаго w второN пришеств·и ХвТjэ и w милостини. и w богатѣмъ. и w Лазарѣ* с возникшими в более ранней эпохе фрагментами, исследователь устанавливает, «что онъ принадлежитъ къ тому же изводу, какъ и списокъ Торжественника XII в.» [Срезневский 1875, LXXVIII: 546–553].

Принимая безоговорочно авторитетное мнение И.И. Срезневского, ряд ученых тоже относит Слово о Втором пришествии Христовом ко второй (календарной) части рукописи (см., например: [Черторицкая 1982: 9]). Позже исследователь меняет свою точку зрения и в дальнейших публикациях относит Слово о Втором пришествии Христовом к памятнику Златоструй XII в. Результаты ее исследований обобщены: [Черторицкая 1994], а оттуда находят отражение и в: Katalog der Homilien [Каталог гомилий 1998: 99–100].

Другую позицию отстаивают В.Н. Малинин, Кл. Иванова и М.С. Фомина, даже несмотря на то, что исследователь не замечает, что на листе 64а–66а находится значительный отрывок из этого произведения (вероятно, из-за отсутствия заголовка, начала и первой одной трети текста). В Исследовании Златоструя по рукописи XII в. Императорской публичной библиотеки В.Н. Малинин [Малинин 1878: 111] дополняет ее под № LXXX на основании данных так называемого Сборника графа Толстого (см.: [Сегодняшняя сигнатура ръкописи]), указывая на то, что в полной редакции сборника она не встречается. Спустя один век, Климентина Иванова устанавливает, что Слово о Втором пришествии Христовом находится не только в краткой редакции (представленной в лице Златоструя XII в.), а и в никому неизвестной до тех

пор третьей редакции памятника, которую она открыла в рукописи № 386 из библиотеки Гилендарского монастыря, называя ее Гилендарской редакцией (более подробно о Гилендарском сборнике № 386 и о третьей редакции сборника *Златоструй XII в.* см.: [Иванова 1976: 89–107]).

Русский исследователь М.С. Фомина относит Слово только к краткой редакции *Златоструя XII в.* [Фомина 1987: 187–190; 1983: 53].

Имея ввиду существование этих двух диаметрально противоположных мнений и для того, чтобы отбросить какое бы то ни было сомнение, что на л. 66а написан конец *Слова о Втором пришествии Христовом*, а не какого-нибудь другого, была составлена археографская справка (из-за ограниченного объема археографская справка не представлена. – Т.Г.), а его текст, особенно в его финальной части, был сопоставлен с доступными нам переписями. Как показывает археографская справка, место Слова в сборниках разных типов не строго фиксировано. Чаще всего оно встречается как календарное поучение в сборниках проповеднического типа, что подтверждает его органическую принадлежность к сборнику *Златоструй XII в.* Сопоставление изучаемой переписи с переписями в *Михановичевем гомилиаре* (далее – *Мих*), в *Златоусте Ягича* (ркп. Q.n.I.56) и в рукописи № 144 Троице-Сергиевой лавры (*Тр. 144*) раскрывает, что в более позднем времени текст был переработан и отредактирован. Восстанавливая текст *Слова о втором пришествии Христовом* в *Михановичевем гомилиаре* по *Хлудовому Златоусту* № 55 и по *Гилендарскому Златострую* № 386, Кл. Иванова констатирует, что перевод один и тот же в трех рукописях, но *Гилендарский Златоструй* «отличается текстуально некоторыми дополнительными фразами, с лексикальными и синтаксическими изменениями». Исследователь специально отмечает и группу из восьми слов, которые связывают состав *Михановичева гомиляра* со сборником *Златоструй* (более подробно см.: [Иванова 1977: 219–244]).

Все исследователи, работавшие над рукописью F.n.I.46, приходят к единому мнению о том, что состав ее двух частей нигде не повторяется. Сравнивая *Златоструй XII в.* с переписями более позднего времени и с греческим текстом, В.Н. Малинин приходит к категорическому выводу, «что оригиналомъ сборника былъ древній южно-славянскій списокъ, хотя, вѣроятно, не непосредственно. Отсюда слѣдуетъ заключеніе, что и настоящій свой видъ и составъ сборникъ получилъ не въ Россіи», а «на славянскомъ югѣ» [Малинин 1878: 61, 74]. Изучая *Торжественник XII в.*, Т.В. Черторицкая также отмечает его самобытный облик, который стоит «одиноко в древнерусской письменности раннего периода» [Черторицкая 1982: 11]. По составу и расположению текстов некалендарная часть показывает наибольшую близость к рукописи F.I.241 (названной В.Н. Малининым *Сборником графа Толстого*) и *Великим четвѣмъ минеям*, а ряд общих слов связывает календарную часть с *Супрасльским сборником* (2 слова), с *Германовым сборником* (6 слов), с *Ягичевым Златоустом* (5 слов), с *Михановичевым гомилиаром* (3 слова), с *Милешевским панигириком* (3 слова); особенно

близка она к южнославянским по происхождению, но сербским по написанию *Хлудову сборнику № 195* (11 слов) и рукописи *ZIIIc22, Четым минеям декабря – августа* (11 слов).

В рукописной традиции известны случаи, когда состав сборника *Златоструй XII в.* дополнялся словами Иоанна Златоуста, Василия Великого, Кирилла Александрийского, Климента Охридского и др. Научное сообщество определяет такие списки, как *Златоструй с прибавлениями* и *Златоструй «особого состава»*, а их самоназвание – *Иоанна Златоустаго и других поучений*. Между добавленными в них статьями присутствуют и календарные чтения, которые характерны для сборников *Торжественник XII в.* Так, например, в рукописи № 142, *Иоанна Златоустаго и других поучениях* (XVI в.), и в рукописи № 144, *Иоанна Златоустаго и других поучений* (конец XVI в.), из собранных сочинений Троице-Сергиевой лавры читаются слова как из *Златоструя XII в.*, так и из *Торжественника XII в.*

Общие для *Златоструя XII в.* и рукописи № 142 слова: л. 25 об. *В среду 1 недели поста. Тогоже Поучение о среде и о пятце (= Слово о ведрэ и о казньхъ божихъ)*. Нач. Братие, приспе время добраго исповедания и поспеха еже к Богу; л. 64 об. *В пяток 3 недели поста. Поучение Иоанна Златоустаго о суетном сем житии, и о ползе душевней, и о умилении*. Нач. Възлюблени, оставльше суетнаа дела и погыбающаго житиа сего, блюдите, да не паки ваша сердца к темже златом возвратятся.

Общие для *Торжественника XII в.* и рукописи № 142 слова: л. 112 об. *В пяток 5 недели поста. Слово св. Иоанна Златаустаго на Похвалу пресв. и славней Владычици нашей Богородици и Приснодевеи Марии*. Нач. Въсия нам, братие, свет днесь праведное солнце; л. 115 об. *Мес. марта в 25. Тогоже Слово на Благовещение пресв. Владычице нашей Богородици и Приснодевы Мариа*. Нач. Царских таин празднество празднуим днесь, въ нже вся тварь собрана веселитися; л. 150. *В субботу цветныя недели, на въскресение друга Христова Лазаря. Слово св. Иоанна Златаустаго*. Нач. Христова въскресения се предтече светозарное торжество; л. 194 об. *В св. великую Светлую неделю въскресения. Поучение Иоанна Златаустаго*. Нач. Въста во третий день Господь наш Ис. Христос и жизнь миру дарова.

Общие для *Златоструя XII в.* и рукописи № 144: л. 19 об. *Неделя 6. Слово Иоанна Златоустаго о среде и о пятнице*. Нач. Братие, присне ныне время добраго исповедания и поспеха еже к Богу; л. 105. *Неделя 21. Слово тогоже о алкании*. Нач. Днесь, възлюбленни, врачеви душевному поклонимся, позывающему нас на исцеление невидимых наших язв; л. 169. *Неделя 32. Слово Иоанна Златоустаго о втором пришествии*. Нач. По вознесении Господа нашего Ис. Христа иже на небеса, учеником взирающим на небо и се явися им ангел Господень; л. 187. *Неделя 34. Слово Иоанна Златоустаго о твари Божии*. Нач. Бог премудростию своею всю тварь сотвори; л. 199 об. *Неделя 36. Слово тогоже о страстех (= Слово о ведрэ и о казньхъ божихъ)*. Нач. Братие, тяготу греховную оттрясаючи от себе и воспрянем, яко от сна тяжка, от беззаконий наших.

Общие для *Торжественника XII в.* и рукописи № 144 слова: л. 236. *В субботу цветной недели поста. Слово тогоже на въскресение друга Христова Лазаря.* Нач. Христова въскресения се предтече светозарное торжество; л. 251 об. *В св. великую Светлую неделю въскресения. Слово Иоанна Златоустаго.* Нач. Въста в третий день Господь нашъ Ис. Христос и жизнь миру дарова.

Златоструй с прибавлениями «за немногими исключениями сходен по составу с краткой редакцией Златоструя XII в. Императорской Публичной библиотеки» для рукописи № 33.16.15 (Нов. 1001), *Златоструй с прибавлениями* (сборник БАН, Москва, XV в. (1407) (см.: [Срезневский В., Покровский 1915, 2: 159]). Постатейное сравнение двух переписей показывает, что к первоначальному составу рукописи 33.16.15 добавлено 21 произведение, два из которых посвящены праздничным дням. Одно из них помещено в *Златоструй XII в.* как некалендарный текст для чтения. В рукописи № 33.16.15 оно стоит под № 43 и имеет надслов *Слово въ вторникъ сырныя недѣли о покаяньи* (нач. *Время ти есть омыти ся, о душе*); съответствия му *ПоНечениѣ и ѡ покаянии .лѣѣ.* (№ 38 в *Злат. XII в.* и № 5 в полной редакции) с нач. *врѣм- ти ѣсть покаяти с- Неже ѡ дНѣше. и пом-нѣти с- и въс- ѡр-сти.*

Рукопись Муз. 8190 от РГБ определена М.С. Фоминой как *Златоструй «особого состава»* (см.: [Фомина 1990: 298–328; 2000: 9]), с одной стороны, содержит традиционных 138 статей полной редакции памятника, хотя и с различным расположением, с другой – к ним прибавлены без нумерации 29 слов Иоанна Златоуста, большинство которых не встречается ни в какой другой редакции. Два слова из них читаются в *Златоструе XII в.*: Слово о второмъ пришествии христовѣ и Слово о покаянии и о каинѣ. и о авелѣ и о данилѣ и о ахавѣ цари и о павлѣ апостолѣ.

Отличительной чертой каждой из двух частей изучаемой рукописи являются оригинальные древнеболгарские произведения, включенные в них. Еще Н.Л. Туницкий устанавливает, что в *Златоструе XII в.* помещен отрывок из Климентового Слова о св-тѣи троицѣ, о твари и о сѣдѣ, и допускает, что расположенное в соседстве Слово о твари божии, о коньчинѣ смъртънѣи и о покаянии также принадлежит ему [Туницкий 1904, IX: 3: 201–232].

Последние исследования показывают, что с большой долей уверенности к Климентовому литературному наследию можем отнести Слово о ведрѣ и о казнѣхъ божияхъ и Слово о постѣ, о средѣ и о п-тъцѣ (см. более подробно: [Георгиева 2005]).

В то же самое время, когда Н.Л. Туницкий публикует свои наблюдения над Словом о св-тѣи троици, о твари и о сѣдѣ, сербский ученый Л. Стоянович отмечает Климентовую *Похвалу о четырехдневном Лазаре* в составе *Торжественника XII в.* [Стоянович 1905: 1–263].

Сегодня установлено, что в него входит пять сочинений Климента Охридского: *Похвала о четырехдневном Лазаре*, Слово о Светоносной неделе

(Цветница), Поучение о Святой Пасхе, Слово о Рождестве Иоанна Предтечи и Похвальное слово о пророке Илье [Гранстрем 1980: 345–375; Станчев, Попов 1988: 70–71]. На основании комплексного стилистико-языкового анализа высказано предположение, что анонимное *Слово о Рождестве Христовом*, вероятно, является Климентовым [Георгиева 2012: 283–304].

Включение оригинальных сочинений в ранние древнеболгарские является откликом социально-религиозных и культурных потребностей болгарского общества в конце IX и начале X в. Структура и состав рассматриваемой рукописи были внимательно обдуманы. Главную цель, которую преследует составитель (составители), – это укрепить веру новокрещенного народа и направить его на путь нравственного спасения. Желая передать «болгарам все, что касается церкви и с чьей помощью можно тронуть души», он композитрует незнакомый до тех пор состав, в котором к основному корпусу сочинений с морально-этической направленностью прибавляет календарные произведения для чтения о самых важных христианских праздниках. Между двумя группами он вкладывает слова с разъясняющими функциями. Укомплектованный таким образом сборник приобретает целостный, законченный вид: одни из текстов настраивают на богопознание неокрепших в вере, объясняют основные теологические догмы и внушают самые важные христианские добродетели – чистоту исповедания, покаяние в причиненном зле и сотворение хороших дел, а другие – с помощью рассказов об искупительной жертве Иисуса Христа и о богоугодной жизни его последователей свидетельствуют о «силе и чести» праведной жизни.

К группе связывающих слов с разъясняющей функцией относятся Слово о постѣ, о средѣ и о п-тъцѣ; Слово о св-тѣи троицѣ, о твари и о сѣдѣ; Слово о твари божии, о коньчинѣ съмъртънѣи и о покаянии; Слово о ведрѣ и о казньхъ божияхъ; сюда нужно отнести и Слово о второмъ пришествии христовѣ. Существующие многочисленные переписи показывают, что они распространяются и как произведения для чтения о праздниках триодного цикла, например, Слово о постѣ, о средѣ и о п-тъцѣ в *Златоструе XII в.*, л. 125г – 127а, нач.: Бѣа̀дѣꙗ ѱѱа́ ѱѣѣѱѱ ѣѣѱѱ- ѣѣѣѣѣѣ ѣѣѱѱѣѣѣѣѣѣ. ѣ ѱѱѱѱѣѣ ꙗѣѣ ѣѱ ѣѱ' с переписью в рукописи Увар. 595, *Златоуст учительный и постный*, ГИМ, Собрание Уварова № 595, нач. XVI в., л. 18–20, где есть надслов: *Въ среду 1-ю недѣли поста, поученіе Иоанна Златоустаго о средѣ и о пятницѣ*. Нач.: Братіе, пріспѣ время добраго исповѣданія.

Ряд слов *Златоструя XII в.* включены в сборники с устойчивым составом. Так, например, кроме данного выше Слова о постѣ, о средѣ и о п-тъцѣ, в *Златоусте* читаются: *В пятницу 5-й недели поста, Поучение Иоанна Златоуста о суетном сем житии и о пользе душевной* с нач.: Возлюблении, оставивше суетнии дела; *В неделю 15-ю после недели Всех святых, Притча о дворе и змии* с нач.: Вся убо, возлюблении, яже во времена архиереи; *В неделю 21-ю, Слово Иоанна Златоуста об алкании* с нач.: Днесъ, возлюблении, врачу душевному поклонимся; *В неделю 34-ю, Слово*

Иоанна Златоуста о втором пришествии Христове с нач.: По вознесении Господа Бога и Спаса нашего; *В неделю 35-ю, Слово Иоанна Златоуста о твари божий* с нач.: Бог премудростию своею всю тварь; *В неделю 36-ю, Поучение Иоанна Златоуста о казнях божиих и о страстях* с нач.: Братие, тяготу греховную отрясше. Два слова из *Златоструя XII в.* входят в постоянный состав триодного *Торжественника XII в.: Слово о кресте и отвержении Петра апостола* с нач.: Потребно есть в се время и долг Иову воздати и *Слово о покаянии и о блудном сыну* с нач.: Присно убо божье человеколюбие проповедати. Отдельные слова *Златоструя XII в.* входят в состав сборника *Измарагд* (более подробно см.: [Фомина 1987: 189–190]).

Существующие предположения, что их автором является Климент Охридский не лишены основания. Болгарские исследователи предполагают, что значительная часть гомилий, посвященных праздникам солнечного цикла, принадлежат Клименту Охридскому (см.: [Климент 1977: 193–470]). Установлено, что Климентовые поучения отличаются «своим разъяснительным характером» [там же: 324]).

Изучение части этих слов [Георгиева 2005: 27–64, 158–176, 234–251] показывает, что, кроме функционального сходства, они имеют тематическую, жанрово-композиционную и стилистико-языковую близость, далеко превосходящую обычную, возникшую в произведениях одного литературного жанра. Установлено, что произведения Климента включаются в разные болгарские (южнославянские) и русские памятники – Гомилиар (*Торжественник*), *Златоуст*, *Маргарит (Измарагд)* и др. [Иванова 1989, 4: 5–67].

Данные наблюдения позволяют считать, что более верным следовало бы рассматривать рукопись F.n.I.46, РНБ как «Златоструй расширенного состава», а не «Златоструй с отрывком Торжественника».

Литература

Георгиева, Т. Три оригинални слова в ранната старобългарска проповедническа традиция. Хабилит. труд [Текст]. – София, 2005 (машинопись).

Георгиева, Т. Слово за Рождество Христово в състава на минейния Тържественник от XII век [Текст] // Преславска книжовна школа. – Шумен, 2012. – Т. 12. – С. 283–304.

Гранстрем, Е.Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI–XV вв.) [Текст] // ТОДРЛ. – Л., 1980. – Т. 35. – С. 345–375.

Иванова Кл. Неизвестна редакция на Златоструя в сръбски извод от XIII век [Текст] // Сборник историје книжевности / Одељење језика и книжевности. – Београд, 1976. – С. 89–107.

Иванова, Кл. Неизвестни преписи от творби на Климент Охридски в книгохранилищата на Югославия [Текст] // *Palaeobulgarica* ; Старобългаристика. – XIII (1989). – Кн. 4. – С. 51–67.

Иванова, Кл. Цикл великопостных гомилий в гомилиарии Михановича [Текст] // ТОДРЛ. – Л., 1977. – Т. 32. – С. 219–244.

Каталог гомилий – Johannes Chrysostomos im altrussischen und südslavischen Schrifttum des 11.–16. Jahrhunderts. Katalog der Homilien [Текст] // Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий. – СПб., 1998. – С. 99–100.

Климент Охридски. Събрани съчинения [Текст] / обраб. Б.Ст. Ангелова, К.М. Куева, Хр. Кодова, Кл. Ивановой. – София, 1977. – Т. II.

Малинин, В.Н. Исследование «Златоструя» по рукописи XII века Императорской публичной библиотеки [Текст]. – Киев, 1878.

Палаузов, Сп. Век болгарского царя Симеона [Текст]. – СПб., 1852.

Сборник ГИМ, Синодальное собрание № 638, XVI в., л. 173 и след. [Текст].

Сборник XII – начала XIII в. [Текст] // РГБ. Ф. 304. Оп. I. Л. 1–6.

Сводный каталог – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв. [Текст]. – М., 1984. – № 74.

Сегодняшняя сигнатура ръкописи – Сегодняшняя сигнатура ръкописи F.I.241 – РНБ, СПб. [Текст].

Срезневский, В.И. Описание рукописного отделения библиотеки Императорской Академии наук [Электронный ресурс] / В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. – Пг., 1915. – Т. 2. – С. 159. – Режим доступа : <http://byzantinorossica.org.ru>

Срезневский, И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): общее повременное обозрение [Текст]. – СПб., 1863.

Срезневский, И.И. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ [Текст]. – СПб., 1867.

Срезневский, И.И. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ [Текст]. – СПб., 1875.

Станчев, Кр. Климент Охридски. Живот и творчество [Текст] / Кр. Станчев, Г. Попов. – София, 1988.

Стоянович, Л. Новые слова Климента Словянского [Текст] // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Император. Акад. наук. – СПб., 1905. – Т. 80. – № 1. – С. 1–263.

Туницкий, Н.Л. Слово о св. Троицѣ, о твари и о судѣ Климента Словянского [Текст] // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Император. Акад. наук. – СПб., 1904. – Т. IX, кн. 3. – С. 201–232.

Фомина, М.С. «Златоструй» в славянской письменности XII–XVI вв. [Текст] // Метод. рек. по описанию славяно-русских рукописных книг. – М., 1990. – Вып. 3. – С. 298–328.

Фомина, М.С. «Златоструй» как памятник литературы XII–XVI вв. [Текст] : автореф. – М., 2000.

Фомина, М.С. Древнейшие списки сборника «Златоструй» в ранней славянской письменности (XI–XII вв.) [Текст] // Тр. Отд. древнерус. лит. – СПб., 1993. – Т. XLVII (47). – С. 34–53.

Фомина, М.С. Златоструй // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI – первой половины XIV в. [Текст]. – Л., 1987. – С. 187–190.

Черторицкая, Т.В. К вопросу о литературной истории древнерусского мистического «Торжественника» [Текст] // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. – Новосибирск, 1982.

Черторицкая, Т.В. Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописи XI–XVI вв. Преимущественно восточнославянского происхождения [Текст] / под ред. Х. Миклас. – Б. м., 1994.

А.Д. Дуличенко
(Тарту, Эстония)

**АКАДЕМИК ИЗМАИЛ ИВАНОВИЧ СРЕЗНЕВСКИЙ
И РЕЗЬЯНЩИНА**
(с извлечениями из его путевых заметок
по Резье в 1841 году)

Имя русского слависта академика Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) хорошо известно специалистам по южнославянским языкам и особенно по словенистике. Можно сказать, что от середины и до 80-х гг. XIX в. – это эпоха Срезневского в русской славистике. Он занимался практически всеми ветвями славянства – их историей, древностями, языками и литературами. А все началось с путешествия в славянские земли, которое он совершил в 1839–1842 гг. Путешествие было длительным и охватывало многие славянские регионы. Для нас важно то, что одной из главнейших задач Срезневского было посещение Словении и знакомство с историей, традиционной культурой, языком и говорами словенцев.

Нельзя сказать, что об этой странице русской словенистики мало известно – вспомним, например, монографию И.В. Чуркиной [1986: 38 и далее]. Тем не менее, есть моменты, на которые хотелось бы обратить специальное внимание. Прежде всего это касается Резьи, которую Срезневский посетил первым как славист в 1841 г., обратив при этом внимание как на культуру и фольклор, так и на речь резьян. О важности для славистики его научных наблюдений в Резье сказано в ряде статей последнего времени (см., например: [Цыхун 1993: 63–67; Дуличенко 1996: 567–590]).

О своем путешествии в славянские земли, в Словению и прилегающие регионы, в том числе и в Резью, Срезневский писал в «путевых письмах» и в письмах к своей матери Елене Ивановне, изданных уже в конце XIX в., а также в ряде статей и в написанной накануне смерти обширной работе «Фриульские славяне» [Срезневский 1893: 20–63; 1878–1881; 1895] (этот текст неоднократно переиздавался в дополненном или сокращенном виде, в академических сериях или самостоятельно).

Поскольку эта статья пишется в Тарту (старое название также Дерпт/Дорпат и Юрьев), важно указать на то, что, выехав в путешествие из Санкт-Петербурга, И.И. Срезневский проехал через Эстонию и, в частности, через город Дерпт и далее по Прибалтике через Польшу в Берлин. Вот как он сам пишет о начале своего путешествия:

«Города по дорог# – Ямбургъ, Нарва, Дерпть, Валкъ, Волмаръ – промелькнули мимо, такъ что я объ нихъ сохранилъ самое темное понятие: Ямбургъ еще Русскій городъ, Нарва – въ половину Н#мецкій, вс# другія

почти чисто Н#мецкія; бол#е вс#хъ Н#мецкій – Дерптъ, Н#мецъ старый – улицы красивы, узки, кирка чисто Н#мецкая съ башнею, дома высоки и покрыты черепицей <...>».

Однако давайте посмотрим, каков был маршрут И.И. Срезневского по Словении и словенским землям. Вот как он сам обозначает его в апреле – мае 1841 г.:

Апрель

14. [это день месяца] Любляны (словен. Ljubljana, н#м. Laibach)

Торжець (словен. Teržič, н#м. Neumarkt)

17. Целовець (словен. Celovec, н#м. Klagenfurt)

18. Мошбургъ

20. Целовець (словен. Celovec, н#м. Klagenfurt)

22. Верба (Velden)

Роженъ (Rosenthal)

24. Быстрица (Feistritz)

25. Деревня св. Георга

Блейбергъ

26. Быстрица (село въ Зильской долиин#)

27. Гарфисъ

Резіута

Венцоне

Джемона

Тарченто

Май

1. Ложёваро

Чивидаль

2. Горица (словен. Gorica, н#м. Görz)

4. Липава (словен. Vipava, н#м. Wippach)

Постоина (словен. Postojna, н#м. Adelsberg)

Любляны (словен. Ljubljana, н#м. Laibach)

7. Триестъ (серб. Трст)

11. Венеция (серб. Млетци)

13–27. Триестъ

28. Копръ (серб. Копаръ, ит. Capo d'Istria) <...> [Срезневскій 1895: 359].

Каковы же были впечатления Срезневского о словенском языке? Из записи от 5 апреля:

«Вотъ я и тутъ <...>. И досада: когда я читаю Краинскую книгу, понимаю почти вс#, разве какое-нибудь слово заставить задуматься, а слушаю, когда говорятъ, какъ ни слушаю, какъ ни вслушиваюсь, то разве десятое слово разберу. Удареніе дивное, большая половина гласныхъ проглочена, другія изм#нены. Досада, да и только. А языкъ <...> очень приятенъ для слуха» [Срезневскій 1893: 40].

Как известно, Срезневский планировал направиться в Резью вместе со Станко Вразом. Однако последний заболел, и ученому пришлось отправиться в путь одному (позже Враз совершил поездку в Резью самостоятельно). Оставим в стороне промежуточные продвижения и остановки И.И. Срезневского. Обратим внимание на то, как он описывает в письме к своей матери подход к Резье и само ее посещение:

«Въ Тарфис# – Н#мцы. Но мн# нужно было пройти черезъ него, чтобы пробраться къ Резіанамъ. Эти Резіане – жители Резіанской долины (Vale della Resia) въ Венеціанской Италіи на границахъ Краинскихъ. Два слова о нихъ были сообщены Добровскому когда-то, и съ т#хъ поръ никто не говорилъ ни слова, такъ что даже и тутъ хорошо не зна[ютъ], гд# собственно лежитъ эта долина. Отыскавши на карт# селеніе Резіуту, я не могъ предположить, что эта долина недалеко отъ Резіуты, и отправился въ Тарфисъ, съ т#мъ чтобы оттуда пробраться к Резіут# и дал#е, какъ Богъ дастъ. Я хот#ль 27-го же идти или #хать въ Резіуту, но въ этотъ день должна была при#хать въ Тарфисъ императрица <...> По н#воли остался ночевать, вид#ль императрицу, вид#ль равнодушіе народа къ ней и на другой день по#халь въ Резіуту. <...> Въ Дунь# я остановился об#дать, все еще не зная, куда #ду и какъ найду Резью. Къ счастью хозяинъ зналъ два слова по Н#мецки. Я спрашиваю его о Резіи, а онъ въ отв#тъ указываетъ на молодого челов#ка въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, говоря, что онъ капелланъ изъ Резіи. О счастье! <...> Къ нему – и по Н#мецки. «No capisco» (не понимаю), отв#чаетъ онъ мн# по Фурлански. Вотъ т# и счастье! Что тутъ д#лать! Надобно было р#шиться въ первой разъ въ жизни начать говорить по Итальянски. Можете представить, какъ шло: однако шло. Къ тому же, капелланъ, хоть родомъ и Фурланъ, говоритъ однако по Резіански; такимъ образомъ, чего я не могъ ему объяснить по Итальянски, то добавлялъ по Краински, и на оборотъ, – и сошелся. Капелланъ сказалъ мн# между прочимъ, что долженъ #хать сей же часъ по д#ламъ, но что въ Резіут# увидится со мною, и оттуда пойдемъ вм#сте въ долину. Такимъ образомъ 28-го [мая] еще былъ я въ Резіи» [Срезневскій 1893: 47–48].

Что же увидел в Резьянской долине Срезневский, с кем встречался и чем занимался? Из того же письма выясняется, что встретили его в Резье очень гостеприимно, ср.:

«Долина какъ котель, со вс#хъ сторонъ обнесенная дикими стремнинами, и только съ одной стороны дающая въ себя узкій проходъ. Отъ Резіуты 1 ½ часа. Священникъ, старикъ 73 л#тъ, но живой, веселой, и гордящійся т#мъ, что Резія и Россія одно и то же, обласкалъ меня какъ могъ и въ тотъ же вечеръ еще сообщилъ мн# много любопытныхъ изв#стій о жителяхъ. Русскіе были однако тутъ: н#сколько соддать проходомъ изъ Италіи, да графъ Потоцкій (не бывший у насъ попечителемъ, а братъ его), случайно услышавши въ Резіут# н#сколько Славянскихъ словъ. 29-го я провелъ весь день въ долин#, обходя деревни, расспрашивая объ обычаяхъ, язык# и такъ дал#е. Капелланъ всюду со мною. Тутъ узналъ я и о другихъ Славянахъ Итальянскихъ, живущихъ въ горахъ на югъ отъ Резіи, взялъ одного Резіана проводникомъ, и съ

нимъ ходилъ 3 дни, дошедши до сюда [въ Горицу] 30-го прошли черезъ Резіуту, Венцоне, Джемону въ Тарченто» [Срезневскій 1893: 48–49].

«Священникъ, старикъ 73 лѣтъ, но живой, веселой» – это был Одо-рико Буттоло, который переводил на резьянский молитвы, а также пытался составлять резьянско-итальянский словарь.

В публикации 1881 г. о встрече с Резьей сказано так:

«Резія. Вотъ я и тутъ <...> Съ нами шла женщина изъ деревни Нивы <...> Въ Б#л# мы зашли въ одинъ изъ дворовъ отдохнуть и осв#житься виномъ <...> Черезъ 4 часа мы были на борг# Равенц# у приходской церкви <...> Патерь Одорико Буттоло, добрый старикъ (ему уже 73 года), вс#мъ сердцемъ обрадовался моему приходу. ‘Резія и Русія одно и то же’: это его любимая поговорка, какъ онъ началъ ее».

Чуть ниже еще одно интересное замечание:

«Плебанъ сообщилъ мн# между прочимъ, что Резія должна быть изв#стна въ Россіи. Графъ Потоцкій, про#здомъ изъ Италіи, остановился однажды въ Резіут#. Резьянки случились тамъ съ виноградомъ, и обратились къ нему съ вопросомъ: купите вина? Славянскій вопросъ изумилъ графа; онъ сталъ спрашивать ихъ, откуда они, велелъ себя прив#сти въ долину, провель въ ней ночь и записалъ ‘Отче нашъ’. Солдаты русскіе заходили въ Резію и говорили съ жителями по русски» [Срезневскій 1881: 4, 5].

И.И. Срезневскій, несмотря на краткое пребывание в Резье, сумел записать по-резьянски «Отче наш», лексику, отражающую быт, ландшафт, культуру резьян; сделал он и замечания по особенностям резьянской речи – анализ этого материала дан нами в докладе «У истоков резьянологии» на Международном симпозиуме «Ерней Копитар и его эпоха. Симпозиум по случаю 150-летия со дня его смерти», прошедшем в Любляне 29 июня – 1 июля 1994 г. (см. [Дуличенко 1996: 567–590]). Здесь лишь отметим, что в публикацию работы И.И. Срезневского «Фриульские славяне» 1881 г. осуществил И.А. Бодуэн де Куртенэ, который ревниво делал неоднократные «исправления» в примерах Срезневского. Так, последний пишет, что о деревне Белой говорят: *tā na Bili* – Бодуэн в примечании тут же поправляет: «(Первую деревню при выход# называютъ теперь *tù u Bili* или *tò u Bili*, смотря по говорамъ)». И т.д.

Как мы уже сказали, И.И. Срезневскій записал в Резье также несколько фольклорных текстов. В публикации 1878 г. это, например:

Gòra Kílina mojà!
ná ma trísti počuwál,
da, kòj so pride nùtu dnò,
Ná ma trísti anu dnò.

Под текстом помечено: «(Изъ Резьянской Б#лы – S. Giorgio)».

Далее следуют небольшие поэтические тексты из Раванцев и Осоян, а в Ниве И.И. Срезневскій записал прозаический текст (всего в 7 строк), озаглавленный «Káko ni grávjo, káko ni so paršlè tò u Rézjo» [Срезневскій 1878: 57–58]. В бодуэновской публикации 1881 г. в письме ученого к чеш-

скому слависту Вячеславу Ганке приводятся еще два поэтических текста и молитва «Отче наш» [Срезневский 1881: 29].

Из приведенного анализа и извлечений видно, как И.И. Срезневский добирался до Резьи, что его там прежде всего интересовало и что он представил славистике в качестве наблюдений и конкретных образцов живой резьянской речи и устного народного творчества.

Литература

Дуличенко, А.Д. У истоков резьянологии [Текст] // Kopitarjev zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani, 29. junij do 1. julij 1994 "Jernej Kopitar in njegova doba. Simpozij ob sto-pet-de-set-let-nici njegove smrti". (Obdobja, 15). – Ljubljana, 1996. – S. 567–590. (Univerza v Ljubljani. Filozofska fakulteta).

Срезневский 1878–1881 – Срезневский, И.И. Фриульские славяне [Текст] // Статьи И.И. Срезневского и Приложения. – СПб., 1878. – (4) + 91 с.; переизд. : Сборник ОРЯС Императорской Академии наук. – СПб., 1881. – Т. XXI, 32 с. и др.

Срезневский, И.И. Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елен# Иванов# Срезневской (1839–1842) [Текст] // Живая старина, год 3. – 1893. – Вып. I. – С. 20–63.

Срезневский, И.И. Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель. 1839–1842. Съ приложением карты [Текст]. – СПб., 1895.

Цыхун, Г.А. Славистычныя інтарэсы І.І. Срезнеўскага, Рэзія і ўсходнія славяне [Текст] // Славянские языки, письменности и культура. – Киев, 1993. – С. 63–67.

Чуркина, И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. [Текст]. – М., 1986.

Н.К. Жакова
(Санкт-Петербург)

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И В. ГАНКА

Статья посвящена памяти двух выдающихся представителей славянской науки – крупнейшего русского слависта, академика И.И. Срезневского (1812–1880), который 33 года возглавлял в Петербургском университете кафедру славистики, 21 год был деканом историко-филологического факультета и в 1861 г. исполнял должность ректора, и чешского деятеля Вацлава Ганки (1791–1861), архивариуса и библиотекаря Чешского национального музея на протяжении 30 лет. Ему принадлежит заметное место в национальном возрождении Чехии, в привлечении интереса соотечественников к изучению родного языка и словесности, в консолидации национальных сил и пробуждении самосознания чешского народа, чему в немалой степени способствовало собирание и издание им произведений древней чешской литературы, народных песен и обнаружение «древних» рукописей, прежде всего Краледворской (1817).

Знакомство И.И. Срезневского с В. Ганкой относится к началу 1840 г., когда молодой русский ученый был отправлен в путешествие по славянским землям для подготовки к деятельности профессора славянских языков и литератур в Харьковском университете. При этом у Срезневского были рекомендательные письма от министра народного просвещения гр. С.С. Уварова к П.И. Шафартику и В. Ганке, и к Ганке же – от редактора «Журнала Министерства народного просвещения» К.С. Сербиновича [Францев 1916, 1: 105]. Таким образом, с первого дня пребывания в Праге И.И. Срезневский попал к Ганке и между ними сразу установились теплые дружеские отношения. В. Ганка славился своим неизменным радушием и благожелательностью ко всем приезжавшим в Прагу русским. В случае со Срезневским Ганка еще чувствовал себя обязанным всячески опекать молодого специалиста, которого ему рекомендовал сам министр народного просвещения России. Таких подопечных у него было немало, и в середине 1840-х гг. ему был передан орден Св. Анны II степени по представлению С.С. Уваровым Государю: «почти все молодые люди, которые были отправляемы в Славянские земли для изучения тамошних наречий, обязаны ревностному руководству и назиданиям Ганки успехами своими в образовании и приготовлении себя по этой части знаний» [Францев 1902: LXX], а также и за труды «по усердному содействию ученым мероприятиям Министерства Народного Просвещения» [Письма к Ганке 1905: 1137–1138]. В. Ганка был на 20 лет старше И.И. Срезневского и относился к нему с отеческой заботливостью. Разумеется, последний был принят и другими выдающимися деятелями чешского национального возрождения: «ежегодно бываю то у Шафарика, то у Ганки, то у Юнгмана и Палацкого», – писал он своей матушке [Путевые письма 1895: 75], а Ф.Л. Челаковский и Франта Шумавский учили его чешскому языку. Однако к Ганке Срезневский испытывал особенно нежные чувства. Почти каждое письмо молодого ученого к чешскому деятелю из его путешествий и из России завершается просьбой передать от него приветы всем знакомым. Из этих последних слов мы узнаем о круге чешских друзей И.И. Срезневского. Вот 21 февраля 1841 г. он пишет из Вены и просит Ганку: «Засвидетельствуйте мое почтение Вашей супруге, Юнгману, Томашку, Челаковскому, Шафартику, Калине, Станьку, Амерлингу, Каубку, Тилю, Манетинской. Поклонитесь от меня всей вашей Праге» [Письма к Ганке 1905: 957]. Как видим, здесь имена чешских патриотов-ученых, писателей, актеров. Через год зимой он снова в Вене, занимается сербским языком и сербскими песнями с Вуком Караджичем. При этом И.И. Срезневский спешит успокоить своего чешского друга: «У вас в Праге я живу не только головой, но и сердцем (подчеркнуто Срезневским. – *Н.Ж.*), а в Вене даже и не головой, а только вопросами, карандашом и бумагой. Прага для меня свята (опять подчеркнуто. – *Н.Ж.*), а Вену я могу назвать только полезною книгой, которую могу прочесть, но не приобрести» [Письма к Ганке 1905: 1101]. Время Срезневского в период его пребывания за границей распределялось обычно так: весной, летом и осенью – путешествия, а зи-

мой – ученые занятия и обработка своих записей. Первой зимой 1840 г. И.И. Срезневский усердно изучает чешский (в том числе и с помощью В. Ганки), сидит в библиотеках, посещает Национальный музей, ходит в театры (тоже часто с Ганкой), вообще стремится как можно больше узнать о чешской жизни. В его научных занятиях Ганка был первым помощником, «знакомил с древними рукописями и палеографическими приемами, их исследованием, снабжал необходимой литературой» [Досталь 2003: 207], помогал в приобретении книг и даже в обеспечении скорейшей пересылки его корреспонденции в Россию.

С весны 1840 г. начинаются походы ученого по окрестностям Праги с доктором Вацлавом Станеком, среди прочего посещение друга Юнгмана священника-будителя, поэта, сторонника славянской взаимности Антонина Марека в недалекой Либуни, где они посетили два дома, поразившие его тем, что «все напоминает Русь – портреты и бюсты Государя, виды Петербурга и Москвы, самовар, чай, русский язык хоть немножко» [Путевые письма 1895: 103].

К лету 1840 г. И.И. Срезневский пускается в дальнее путешествие, по большей части пешком, в Моравию, по серболужицким землям, а к началу ноября возвращается в Прагу, где остается до середины января 1841 г. Перед расставанием Срезневский написал в альбом Ганки 3 января 1841 г.: «Пятимесячное мое пребывание в Праге родственно сблизило нас друг с другом. Увижу ли Вас, насладюсь ли беседою с Вами еще когда-нибудь, – Бог знает; по крайней мере, навсегда сохраню в душе глубокое уважение к Вашим заслугам и благодарность за расположение Ваше ко мне, за помощь Вашу в моем изучении Вашего прекрасного чешского языка. Вспомните когда-нибудь любящего Вас И. Срезневского» [Письма к Ганке 1905: 945]. 15 января 1841 г. Срезневский выехал из Праги, до окраины города его провожал Ганка вместе с П.И. Прейсом и лужичанином Йорданом.

Из Праги путь ученого лежал к южным славянам, и оттуда он стал регулярно посылать Ганке пространные письма с описанием тех мест, которые посетил с подробным рассказом о природе, крестьянском быте, постройках, costume тамошних жителей, их привычках, характере, внешности, о научной и культурной жизни, о видных деятелях и писателях и о многом другом.

В. Ганка, для которого жизнь славян всегда была в центре его интересов, просил И.И. Срезневского подробно информировать его обо всем. Со свойственной ему общительностью и желанием поделиться с соотечественниками новыми сведениями о славянах Ганка переводил обширные письма Срезневского на чешский язык и публиковал их в журнале «Часопис Ческого Музея». Это было не менее десяти публикаций, последняя с подзаголовком: «Черногория, Описание Измаила Срезневского в письмах Вацлаву Ганке» [ССМ 1840: 197–198; 1841: 403–412, 104–105, 224–234, 341–345, 468–475; 1842: 289–300, 301–304].

Позднее, после 1843 г., когда И.И. Срезневский возвратился в Харьков, В. Ганка печатал его письма о начале преподавания в Харьковском университете, о первой лекции на тему «Как дошли до мысли, что должно изучать Славянство, и в самом ли деле должно изучаться Славянство?», о предмете его университетского курса с интересными наблюдениями над белорусским языком, о содержании русских журналов «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Московитянин», «Русский вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», о новых русских книгах, о русских студентах. Обо всем этом узнавали чехи из публикаций В. Ганки [ССМ 1843: 463–367, 470–471; 1844: 308–311].

В 1845 г. Срезневский пишет Ганке о введении новых ученых степеней – магистра славянской словесности и доктора славяно-русской филологии, а также о присуждении Демидовской премии А.Х. Востокову за Остромирово Евангелие и о. Г. Павскому за «Наблюдения о русском языке» и о новых трудах по славистике. Все это стараниями В. Ганки тут же появляется на страницах музейного журнала [ССМ 1845: 146–148, 685–686] и становится достоянием чешского научного общества.

В марте 1847 г. В. Ганка получает сообщение об утверждении И.И. Срезневского доктором славяно-русской филологии и об избрании почетными членами Харьковского университета (по представлению самого Срезневского) славянских ученых: Ганки, Караджича, Пуркине, Шафарика и Юнгмана. Это письмо тоже печатается в чешском переводе Ганки [ССМ 1847, II: 331–333].

Как самому близкому человеку и своему наставнику спешит Срезневский сообщить Ганке о переезде в Петербург и о начале преподавания в Петербургском университете и в Главном педагогическом институте. Рассказывая подробно о разработанном им курсе преподавания науки о славянах, И.И. Срезневский просит у В. Ганки одобрения и совета: все ли он включил, нет ли каких-либо упущений. Извещает он и о русских ученых и их трудах по российским древностям – Буслаеве, Кавелине, Костомарове, Афанасьеве, Снегиреве, Беляеве, Погодине, Вельтмане. Ганка не может не познакомить с состоянием русской науки чешских читателей и публикует и это письмо [ССМ 1850: 311–317].

Переписка между И.И. Срезневским и В. Ганкой продолжалась многие годы и прекратилась только со смертью последнего, в ней – все вехи жизни и научной деятельности ученого, свидетельства задушевного и доверительного отношения его к Ганке. Так, рассказывая в письме о первой лекции в Харькове, И.И. Срезневский поведал о своем состоянии: «сердце у меня билось, голос дрожал», о реакции слушателей: зала не могла вместить всех пришедших послушать, пришлось искать более вместительную, а после лекции профессора благодарили, а многие подходили знакомиться.

Еще во время своего путешествия И.И. Срезневский задумался о необходимости предпринять некое издание, посвященное славянству, предлагая назвать его «Новости словесности русской и инославянской», Про-

грамму его он отсылает «на суд» В. Ганке (письмо из Братиславы 1 апреля 1842 г.), который полностью одобрил эту идею, заметив только, что «Харьков – малоподходящее место для такого солидного издания», но одновременно выразил надежду, что Уваров поможет [Францев 1902: 303]. Свой ответ Ганка заключил так: «Это будет неоценимая польза для всего славянства. Няяву увидят внуки, что не снилось отцам». В последних словах он перефразировал строки из стихотворения Ф.И. Тютчева, написанного в альбоме В. Ганки за год до этого 26 августа 1841 г.; у Тютчева наоборот:

Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!

Таким образом, В. Ганка усиливает мысль русского поэта.

Задумав издавать Хрестоматию с образцами всех славянских наречий, Срезневский вновь просит у Ганки совета: что выбрать из старочешского. Не сумев реализовать этот замысел, ученый в 1853 г. передает его В. Ганке, чтобы тот осуществил его.

В. Ганка был первым, кому И.И. Срезневский сообщал о своих педагогических успехах, о своих учениках. В 1860 г. он делится с чешским другом мыслями о новых успехах славянства: «Смотрят у нас на славянство уже иначе, чем прежде: есть уже люди, которые умеют ценить и заставляют других ценить права и обязанности славянской взаимности, есть между ними люди молодые, пылкие и даровитые, ведущие дело куда сильнее, чем мы могли и умели в свое время» [Письма к Ганке 1905: 985], имея в виду таких своих учеников и молодых ученых, как В. Ламанский, А. Гильфердинг, В. Макушев, братья П. и Н. Лавровские и др. В Петербурге И.И. Срезневский становится первым специалистом по славянским языкам и литературам. Обширнейшие знания о славянстве, о жизни, языке и обычаях славян делают его авторитетнейшим ученым-славистом. Помимо руководства кафедрой славянских наречий в Петербургском университете, он редактирует в течение 1852–1863 гг. Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, публикует в библиографических заметках журнала рецензии на 543 книги по истории и филологии всех славянских народов. Среди рецензий – отзывы на труды его чешского учителя и друга В. Ганки. Ученый извещает обо всех новых изданиях Краледворской рукописи, о подготовленных Ганкой и Эрбеном сочинениях древней чешской литературы, откликается на «рукописные» споры, дает оценку труду Ганки по подготовке и изданию Реймского Евангелия, пишет подробную статью о самом Ганке, его заслугах и интересах, его роли в популяризации славянской науки. Откликаясь в 1858 г. на появление нового чешского перевода «Слова о полку Игореве», выполненного М. Гатталой, он защищает В. Ганку и его перевод, появившийся за 37 лет до этого: «При недоступности большей части памятников древнерусских, при отсутствии всякого рода вспомогательных пособий, при малом развитии понятий о языке славянском вообще и русском отдельно, нельзя было от Ганки в то время ожидать ни вполне правильного понимания подлинника, ни счастливого пе-

ревода, ни богатых пояснительных примечаний». По убеждению И.И. Срезневского, Ганка сделал «более, чем можно было ожидать; его издание «Слова» надолго оставалось в числе лучших» [Францев 1902: 84].

И.И. Срезневский не только сам любил В. Ганку, но передал эту любовь своим близким. Летом 1860 г. ученый вновь оказался в Праге проездом из Дрездена вместе с семьей, увиделся с Ганкой, оставив ему на память последнюю свою записку: «Словами я не могу выразить уважения и признательности моей и всей моей семьи. Уверять могу в одном: мы всегда будем вас любить и помнить» [Францев 1916, 1: 117]. Надо сказать, что у Срезневских всегда существовало особое почитание Ганки. Старшего сына, родившегося в сентябре 1849 г., Исмаил Иванович назвал Вячеславом в честь своего чешского друга. Дети даже играли «в Ганку», а Вячеслава дома часто называли Ганкой. В одном из последних писем И.И. Срезневский писал В. Ганке: «Ваше имя известно в России <...> О своей семье не говорю: вы – родной дедушка моим детям» [Францев 1916, 1: 116].

Известие о смерти В. Ганки (12 января 1861 г.) отозвалось глубокой болью в сердце И.И. Срезневского. Кажется невероятным, но уже 13 января 1861 г. ученый прочитал в заседании 2-го Отделения АН (отделение русского языка и словесности) свою записку о Ганке, а 15 марта в Петербурге вышло отпечатанное в типографии Императорской Академии наук, по ее распоряжению, «Воспоминание о В.В. Ганке И.И. Срезневского».

В своих воспоминаниях И.И. Срезневский высоко оценивал заслуги почившего в «нравственном оживлении чешского народа» [Воспоминание 1861: 9]. В. Ганка мечтал «заставить уважать чехов свое прошлое», возбудить любовь к прошлому: «большая часть памятников древней чешской литературы в первый раз издана им или при его содействии» [Воспоминание 1861: 13]. Срезневский указывал на особую роль Ганки в существовании Чешского национального музея («для него Музей стал святыней»; «Он сделал его святыней и для всех чехов...»; «ни один чех не выходил из Музея не оживленный новым запасом нравственных сил» [Воспоминание 1861: 14–15]). Ученый подчеркивал, что хотя В. Ганка был не один, но его деятельность, «особенно с начала, когда и трудиться было труднее, и трудящихся было мало, была необходима для успеха» [Воспоминание 1861: 19], для успеха национального дела чехов. Точно так же важна была эта деятельность и для всего славянства. И.И. Срезневский подчеркивал в В. Ганке «чистую любовь к славянству» и «деятельное участие в каждом славянском предприятии» [Воспоминание 1861: 19].

Источники

Воспоминание – Воспоминание о В.В. Ганке И.И. Срезневского [Текст]. – СПб., 1861.

Письма к Ганке – Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель [Текст]. – Варшава, 1905.

Путевые письма – Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель. 1839–1842 [Текст]. – СПб., 1895.

Литература

Досталь, М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками [Текст]. – М., 2003. – С. 207.

ССМ – Публикации Ганки [Текст] // Часопис Ческого Музеа. – 1840. – С. 197–198 ; 1841. – С. 403–412, 104–105, 224–234, 341–345, 468–475 ; 1842. – С. 289–300, 301–304.

Францев, В.А. И.И. Срезневский и славянство [Текст] // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. – Пг., 1916. – Кн. 1.

Францев, В.А. Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия (Раздел «Документы») [Текст]. – Варшава, 1902.

В.В. Каверина
(Москва)

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ О ПРАВОПИСАНИИ

Измаил Иванович Срезневский с полным основанием считается основоположником славяноведения. В своих работах, посвященных истории языка, особое внимание он уделял вопросам правописания. При этом ученый использовал энциклопедические знания в области сравнительного и исторического языкознания, привлекая данные как славянских, так и других европейских языков, а также материалы древних памятников различного происхождения.

Статья «О русском правописании» [Срезневский 1867] стала откликом на полемику относительно упрощения русской орфографии, вызванную предложениями Орфографической комиссии под руководством В.Я. Стоюнина. Эта работа открыла в «Журнале Министерства народного просвещения» целую серию статей, посвященных русскому письму [Григорьева 2004: 168–169].

В работе содержится подробный анализ особенностей графики, орфографии и пунктуации двух периодов правописания – «древняго» (до XVI в.) и «стариннаго», окончившегося введением гражданской азбуки. Впервые в истории письма особое внимание здесь уделяется словоделению, правилам переноса, употреблению прописных букв, надстрочных знаков и сокращений.

Правописание древнейшего периода И.И. Срезневский рассматривает на примере приписки дьякона Григория к Остромирову Евангелию,

приводя ее полный текст «буква въ букву, знакъ въ знакъ, строка въ строку» [Срезневский 1867: 449]. Ученый формулирует особенности древнего правописания: слитное написание слов, свободный перенос, сокращение часто повторяющихся слов (без середины или без конца) с обозначением особыми знаками, случайное употребление точки в середине речи, написание чисел между точками, употребление четырех точек в виде креста как заключительного знака, прописные буквы только в начале периодов [Срезневский 1867: 453].

И.И. Срезневский подчеркивает, что так же писали в то время и греки, приводя в пример выписку из Евангельских чтений 1055 г. с переводом по Остромирову Евангелию [Срезневский 1867: 453–455]. Указанные особенности отличают и более поздние греческие тексты, что автор иллюстрирует на примере рукописи 1269 г. [Срезневский 1867: 455], а также памятники латинской письменности (в качестве примеров приведены рукописи 1201 г. и 1378–1394 гг.) [Срезневский 1867: 456–457]. По утверждению ученого, долго писали так и на Западе и даже печатали, и этому обычаю следовали самые умные и образованные люди в XIV и в XV вв. Далее Срезневский приводит два русских текста XVI столетия в той же системе записи: четвероевангелие 1537 г. и первое печатное московское издание Псалтыри 1568 г., где есть только одно новшество – отделение слитно написанных выражений при помощи толстых точек и запятых [Срезневский 1867: 457–458].

Продолжая разговор об изменениях в системе письма в древний период, И.И. Срезневский отмечает появление над гласными знаков ударения и двух знаков препинания, кроме точки, – запятой и точки с запятой – под влиянием «православныхъ Славянъ Задунайскихъ» [Срезневский 1867: 458]. Данные особенности автор иллюстрирует примерами из Лествицы монаха Германа 1412 г. и книги Аввы Дорофея 1414 г. [Срезневский 1867: 459–460]. Ученый отмечает, что постановка ударений становится все более правильной с точки зрения русского языка, а знаки препинания употребляются неохотно и непоследовательно даже в XVII в. [Срезневский 1867: 460].

Гораздо более важными считает Срезневский перемены в употреблении букв, поскольку «кое-что изъ того, что принято было въ давнее время, перешло и въ века поздніе, оставя слѣдъ свой и на правописаніи нашего времени» [Срезневский 1867: 460]. Ученый приводит перечень букв, написание которых регулировалось особыми правилами, с указанием их изменений. Так, сначала употреблялась исключительно буква *з*, а затем придумали правило, когда она заменялась на *s*, хотя многие по-прежнему писали только *з*. Диграф *шт* встречался наряду с лигатурой *щ*, которая потом полностью его заменила. Буквы *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*, предназначенные для слов заимствованных, использовались непоследовательно. Буква *і* сначала заменяла *и* по случайности или по недостатку места, затем некоторые писцы стали писать *і* перед гласными. Буква *ѡ* писалась только в некоторых словах, однако потом для нее было придумано правило, которое, будучи искусствен-

ным, не соблюдалось. Буква *у* вместо *оу* встречалась случайно, позже появилось правило их распределения, но ему следовали не все. Буква *ѣ* в русских рукописях стояла обычно на своем месте, кроме славянских сочетаний *рѣ, лѣ*, где обычно писали *е* по аналогии с исконно русскими полногласными сочетаниями. Наиболее подробно изложены правила написания *ъ* и *ь*, в том числе случаи замены в русских рукописях славянских сочетаний *ръ, рь, лъ, ль* на *ър, ьр, ъл, ьл* в словах типа *вълкь, пълнь, сьрнце*. Охарактеризованы позиции для буквы *Ѧ*, а также отмечена ранняя утрата в русских памятниках буквы *Ѩ* и замена ее на *у = оу*. И.И. Срезневский уделяет особое внимание надстрочным знакам – двум черточкам над *i*, означавшим «и надписанное» и превратившимся потом в две точки – *ï*; описывает появление буквы *й* из *и* с надстрочными знаками в виде точки или запятой, отмечает смену начертания *ьl* на *ы* [Срезневский 1867: 461–463]. Таким образом, ученый впервые формулирует признаки так называемого «второго южнославянского влияния».

Описанные выше особенности отличали «древний» период, который, по словам Срезневского, не совершенно окончился и в XVI в. Разъяснения данного положения даны в описании следующего периода – «старинного». Главная его примета – отделение слов и употребление разных знаков препинания.

Анализ этих вопросов начинается рассуждением о том, что некоторые латинские тексты, написанные значительно ранее, уже предполагали словоделение (например, Фульдская летопись X в.) [Срезневский 1867: 463–464]. В XIV–XV вв. в итальянском и французском языке не отделялись только служебные слова, особенно те, которые впоследствии стали отделяться апострофом. По словам И.И. Срезневского, многое из этого периода «осталось до сих поръ – или по навыку, или въ слѣдствіе рѣшенія орѳографистовъ» [Срезневский 1867: 464]. Анализируя разные списки Повести временных лет, ученый отмечает разделение небольших связей слов или просто слов точками, причем наличие точек между именами русских послов в договорах с греками, по мнению автора, доказывает, что эти точки были уже в древнейшем списке XII в. [Срезневский 1867: 464].

Несмотря на эти оговорки, по Срезневскому новый период русского правописания следует начинать со второй половины XVI в. На примере текста первой напечатанной в Москве книги Апостол ученый выводит основные начала принятого правописания: каждое важное слово отделялось от другого, а слова небольшие и неважные по значению (служебные слова и местоимения) могли соединяться с другими словами; из знаков препинания употреблялись точка (для отделения предложения) и запятая (для отделения его частей); для отделения «зачаль» использовалась прописная после точки. Устанавливаются следующие правила написания букв: в начале слов – длинное *з*, диграф *оу*, йотированное *а*; в середине слов – круглое *з*, лигатура «ук», юс малый *Ѧ*; буквы *Ѩ* и *Ѧ* предназначены для слов иностранных; буква *i* пишется перед гласными; буква *Ѩ* в связи с *т* со-

ставляет лигатуру \bar{w} ; буква *s* употребляется только в некоторых словах (*сло*, *sъло*); буквы \bar{v} , \bar{b} не пишутся «безъ нужды» [Срезневский 1867: 467].

И.И. Срезневский формулирует также правила правописания надстрочных знаков, среди которых выделяются сила (подобие запятой) над гласными, начинающими слог; черта отвесная как знак ударения; особый знак для пропущенных \bar{v} и \bar{b} ; титла для обозначения пропуска нескольких букв в середине слова. Кроме того, опущение двух последних букв в слове (преимущественно согласной с \bar{v}) обозначается надстрочным сокращенным написанием одной согласной. Появляется правило переноса, которое состоит в том, что строка оканчивается или концом слова, или гласной [Срезневский 1867: 467–468].

По наблюдению Срезневского, те же правила приняты в других изданиях Ивана Фёдорова (приводится в пример Острожская Библия 1581 г.), а также во многих других изданиях того времени и последующего [Срезневский 1867: 468–469]. Ученый отмечает, что в это время установлены правила употребления некоторых букв и титл «по отношению къ важности словъ» [Срезневский 1867: 469] – так называемый принцип антистиха.

Особое внимание уделяет Срезневский грамматическим трудам Лаврентия Зизания 1596 г. и Мелетия Смотрицкого 1618 г., а точнее, знакам препинания, кодифицированным в этих работах. Так, у Зизания обнаруживаются срока (малая точка), двосрочие почти в таком же значении, как наша точка с запятой, подстолия (знак вопроса) и соединительная черта (перенос с одной строки в другую). Ученый приводит полностью статью «о точкахъ» из грамматики Зизания и отмечает, что сам грамматист не использует весь репертуар нормализованных им знаков и причиной тому может быть погрешность типографского набора или отсутствие соответствующей выучки самого автора [Срезневский 1867: 469–470].

Как еще более важный труд характеризует Срезневский грамматику Мелетия Смотрицкого, где кодифицированы начальные прописные и принято десять знаков: черта, запятая, двоточие, точка, разъятная, единитная, вопросная, удивная, вместная и отложная. Ученый приводит правила Смотрицкого и сопровождает их комментарием: «Разъятною называетъ Мелетій тотъ крючокъ, который ставили на мѣсто пропущеннаго \bar{v} ; а единитною – знакъ переноса конца слова на другую строку... Вмѣстною называетъ онъ скобки, въ которыхъ должно быть заключаемо слово подразумѣваемое; а отложною – тѣ скобки, которыми надобно отдѣлять вставныя выражения» [Срезневский 1867: 471–472]. И.И. Срезневский отмечает, что Мелетий очень внимательно употребляет в своей книге все знаки, кроме единитной (знака переноса), и объясняет это обычаем, укоренившимся издавна.

Свое правило использования прописной буквы Смотрицкий исполняет строго только в первых двух описанных им случаях – в начале стиха и после точки, нестрога – в двух следующих: в начале имен собственных и «Достоинствъ» (например: «Царь», «Патриархъ»); и не исполняет вовсе в двух последних – начале «Художествъ» (например: «Грам-

матика», «Логіка») и «Частій художествъ» (например: «Имя», «Глаголь»). Срезневский объясняет это тем, что данное правило было заимствовано из латинских книг и противоречило «навыку общему» [Срезневский 1867: 472]. Исследователь отмечает, что Смотрицкий довольно строго проводит мысль об отделении слов, однако некоторые соединения, допускаемые им, считает странными [Срезневский 1867: 473].

Цитируя третье правило орфографии о знаках ь и ъ, ы и и, И.И. Срезневский замечает, что сам Мелетий в выговоре не наблюдал строго различия между ь и ъ и поэтому писать их правильно не умел, правила их употребления выдумывал и легко забывал, а также давал противоречивые рекомендации [Срезневский 1867: 473–474].

И.И. Срезневский подчеркивает значение правил Зизания и Смотрицкого, особенно последнего, для дальнейшего закрепления норм правописания и приводит в пример Азбуку В.Θ. Бурцова 1634 г., Букварь 1679 г. и Грамматику 1648 г., изданные в Москве с соблюдением правил Смотрицкого. Кроме того, по изданиям и спискам грамматики Мелетиева труда происходило обучение в училищах и печатание книг. Так, в «Слове утешения царю Алексею Михайловичу по смерти царицы Марии» Лазаря Барановича не только используются знаки препинания и прописные буквы по указанию правил Смотрицкого, но и многие другие существительные пишутся с прописной, как это делали немцы [Срезневский 1867: 474–475].

Вместе с тем, ученый замечает, что не везде одинаково прививались новые правила. Например, в типографии Ивана Тессинга в Амстердаме, где по указанию Петра I под присмотром Ильи Копиевича (Копиевского) началось печатание русских книг, почти не употреблялись прописные буквы, кроме заглавного листа. Однако как замечательную новость И.И. Срезневский отмечает отсутствие титл и других сокращенных написаний слов в изданиях этой типографии. Ученый приводит в пример отрывок «Введения краткого во всякую историю...», опубликованного в типографии Тессинга 1699 г. [Срезневский 1867: 476–477].

Подобным образом с 1703 г. издавались в Москве «Ведомости», часть первой страницы первого листка которых опубликована в статье и сопровождается комментариями: слова отделены довольно внимательно, начальные прописные употреблены после точек, но не всегда, а в собственных именах редко, как будто по ошибке, титл и других сокращений очень мало. И.И. Срезневский отмечает, что так печатались в Москве и другие книги, и подчеркивает, что употребление знаков препинания было принято наконец и здесь, не прививались только начальные прописные в именах собственных. Ученый делает важное замечание о том, что в переиздании грамматики Смотрицкого 1721 г. не были исполнены некоторые правила, в нем изложенные, однако неисполнение их не считалось важным и не кололо глаз [Срезневский 1867: 477–479].

В заключение И.И. Срезневский обобщает особенности, которые подготовили Петровскую реформу правописания: отделение слов, упот-

ребление разных знаков препинания, установление начальных прописных, снижение числа сокращенных написаний, а также постепенное введение арабских цифр. По мнению ученого, переворот, который готовился в это время в восточной Руси, готовился вовремя [Срезневский 1867: 479–480].

Трудно переоценить значение данной работы для истории и теории русского правописания, ее роль в подготовке реформы орфографии. Здесь впервые основательно, с привлечением материала памятников и данных других языков, проведен диахронический анализ графики, орфографии и пунктуации, сделан исторический экскурс в эпоху древнерусского и среднерусского письма. Для иллюстрации положений и подтверждения выводов приведены тексты древних славянских, греческих, латинских рукописей с сохранением особенностей правописания.

Как послание участникам орфографической дискуссии звучит зачин статьи, который хотелось бы привести полностью: «Любопытны и сами по себѣ и въ отношеніи къ нашимъ нынѣшнимъ привычкамъ – древнія и старинныя привычки и видоизмѣненія Русскаго правописанія. Иное въ нихъ не поражаетъ, потому что уцѣлѣло и до сихъ поръ; другое – дико, потому что оставлено; иное уцѣлевшее можетъ быть менее оправдано, чѣмъ то, что оставлено, а потому и то и другое можетъ быть поучительно, по крайней мѣрѣ для внимательнаго изслѣдователя правильнаго правописанія и судьбы письменности» [Срезневский 1867: 449]. А ведь именно такое исследование было необходимо при подготовке реформы орфографии.

Интерес к славянским древностям привел ученого на I Археологический съезд, где он отстаивал важнейшую мысль о том, что «слово, имя, надпись, пришедшие к нам из глубины веков, являются такими же памятниками древности, как и вещественные остатки» [Чекурин 2007: 93]. На заседании третьего отделения съезда «Памятники языка, письма и быта» И.И. Срезневский поставил вопрос о возникновении кириллицы, осветил проблему соотношения кириллицы и глаголицы, высказался по поводу Пермской азбуки. Гипотезу о появлении в VII в. греческо-славянского письма, которое легло в основу кириллицы, ученый обосновал архаичным для IX в. характером греческих букв, использованных Константином в его азбуке. В заключение ученый рассказал о проекте древнерусского словаря, перечислил источники лексического материала, в числе которых оказались не только церковнославянские памятники южных славян и летописи, но и сказания, грамоты, переводы с греческого. Приведенные принципы работы над словарем ученый проиллюстрировал примерами словарных статей Биричь, Богомилы, Бармы, Крест [Чекурин 2007: 96–97].

Трудно переоценить значение выступлений И.И. Срезневского на I Археологическом съезде. Ученые впоследствии не раз обращались к высказанным им идеям, развивая их или полемизируя с ними. Так, с докла-

дом о происхождении славянской письменности на III Археологическом съезде в Киеве (1874) выступил Д.И. Иловайский, развивая идеи Срезневского и подчеркивая, что «только И.И. Срезневский соединил житейные известия братьев о русских письменах с палеографическими наблюдениями» [Чекурин 2007: 96–98]. Действительно, ученый органично сочетал в своих исследованиях и выступлениях данные лингвистики, истории и археологии и тем самым внес неоценимый вклад в развитие этих наук.

Постоянная работа над многочисленными древними рукописями, их копирование в ходе подготовки к изданию вызвали у И.И. Срезневского особый интерес к начертанию букв, в результате чего в 1870-е гг. он «сделался лучшим, авторитетнейшим и в некоторых вопросах единственным тогда знатоком русской палеографии» (Вс. Срезневский) [цит. по: Колгушкина 2011: 95]. По свидетельству сына ученого Всеволода Измайловича Срезневского, палеография «к концу жизни заняла одно из главных мест в его трудах» [цит. по: Колгушкина 2011: 95]. После смерти Измаила Ивановича его важнейший труд «Славяно-русская палеография» подготовила к изданию и опубликовала в «Журнале Министерства народного просвещения» (1881–1884) его дочь Л.И. Срезневская [Колгушкина 2011: 157]. Через год в типографии В.С. Балашева работа вышла отдельной книгой [Срезневский 1885], с исправлениями и дополнениями в соответствии с правкой автора [Срезневский 1885: VII–VIII].

Подробно разбирая письмо памятников XI–XIV вв., И.И. Срезневский уделяет внимание не только начертанию, но и закономерностям употребления букв, выявляет особенности, отличающие русские памятники от инославянских.

Во введении делается обзор палеографических исследований в России и у западных славян. Далее ученый подробно рассматривает основные периоды развития письменности, начиная анализ разделом «Письменность славян до XI века» [Срезневский 1885: 42–94], где рассмотрены списки «Сказания Черноризца Храбра о письменах». Важным представляется сделанное «по самому характеру сказания Храбра» умозаключение о том, «что Храбр жил не долго спустя после Кирилла и Мефодия, в конце IX или в начале X века» [Срезневский 1885: 43]. В данном разделе проанализированы «известия о письменности славян до принятия христианства» из Паннонского жития св. Константина Философа, договоров с греками кн. Олега 911 г., хроники немецкого епископа Титмара (976–1018) и арабского писателя Аль-Массуди (ум. 956 г.) и некоторых других, а также гипотеза о том, что славяне пользовались сначала латинскими и греческими письменами [Срезневский 1885: 45–49]. На основании данных жития, похвальных слов, латинских хроник и сказаний И.И. Срезневский делает выводы о том, «в чем заключался славянский подвиг Константина Философа и Мефодия». Анализируя состав кириллицы, ученый сомневается в присутствии в первоначальном ее вариан-

те буквы Щ, а также рассуждает о правописании Константина: «употреблял ли он йотированные гласные, употреблял ли Ѣ вместо йотированного а» [Срезневский 1885: 72]. В заключение раздела И.И. Срезневский описывает процесс «распространения христианской грамотности во время и непосредственно после Кирилла и Мефодия» в Болгарии, Сербии и на Руси [Срезневский 1885: 72–94].

В разделе «Письменность русская в X веке» рассмотрены дошедшие до нас списки памятников, в которых «употреблялись тот же или почти тот же язык и те же письмена», что и у болгар, на основании чего Срезневский делает вывод о том, что на Руси письменность начинается «почти одновременно с болгарами». Ученый перечисляет эти памятники: Договоры Олега с греками 907 и 911 гг.; Договор Игоря с греками 944–945 гг.; Обязательная грамота Святослава императору Иоанну Цимисхию 972 г.; Слово философа «чего ради Бог сниде на землю» 986 г.; Символ веры с приложениями вероучительных наставлений, данный Владимиру при крещении 988 г.; Десятинная дарственная грамота Владимира 996 г.; Церковный устав Владимира до 1011 г. Анализируя данные тексты, И.И. Срезневский приходит к выводу, что «какими именно письменами написаны были славянские переводы греческих грамот, определительно сказать нельзя, но нельзя опустить из виду того, что некоторые трудные места в списках нельзя, кажется, решить без пособия глаголицы» [Срезневский 1885: 97–98].

«Письменность русская в XI веке» характеризуется на материале не только древнейших сохранившихся в подлиннике памятников (Остромирово Евангелие 1056–1057 гг., Изборник Святославов 1073 г., Сборник Святославов 1076 г., Месячная минея 1096 г., Месячная минея 1097 г. и др.), но и «вещей» (гробница Ярослава, Тмутараканский камень, монеты) [Срезневский 1885: 100–139]. И.И. Срезневский не только подробно описывает начертания букв и знаков препинания, но и формулирует правила их употребления. Приведем в пример правила пунктуации Остромирова Евангелия: «Главный отделительный знак после нескольких слов, выговариваемых вместе, есть точка: пишется в полувысоте строки, иногда и выше; кроме того, для отделения выражений употребляются крестики и узелки; а в конце четыре точки накрест или искривленная черта с двумя точками вверху и внизу и с добавочными изогнутыми чертами и т.п. В начале же чаще всего две точки» [Срезневский 1885: 110]. Данные правила сопровождаются иллюстрацией, как и другие палеографические и правописные наблюдения.

Важным представляется перечень признаков русского влияния в орфографии Остромирова Евангелия: ошибки в употреблении юсов, написание редуцированного перед плавным, употребление *ж* вместо *жд*, полногласных сочетаний, пропуск *д* (*семѣж*). И.И. Срезневский отмечает и другие отклонения от «чистого славянского языка», не связанные с влиянием русского языка: «смешение слогов твердых и мягких» (мена

еров, отсутствие необходимой йотации), мена юсов [Срезневский 1885: 110]. Столь же подробно разобрано письмо других текстов, а также надписи на «вещах». В результате ученый формулирует общие признаки проанализированных «русских» памятников и отмечает присутствующие у них черты различия. Важно, что он отмечает принципиальную вариативность древнейшего письма, отражающую влияние старославянского протографа и живую русскую речь: смешение *ж* с *оу*, *ѣ* с *ю*, *л* с *а*, *ѣ* с йотированным *а*; смешанное употребление *ь* и *ѣ* после плавных и перед ними; «смягчение *д* в *жд* и в *ж*... *т* в *шт* и в *ч*»; «употребление иногда *оро*, *ере*, *оло* вместо *ра*, *рѣ*, *ла*»; «употребление *о* наравне с *е* в начале слов; употребление *раз* и *роз*; употребление иногда *е* вместо *ѣ* после *р*» [Срезневский 1885: 129].

Русская письменность XII в. рассматривается также с привлечением «вещей» на материале Мстиславова Новгородского Евангелия 1117 г. с приписками по 1125 г., Юрьевского Евангелия после 1119 г., Грамоты Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г., Четвероевангелия Синодального 1144 г., Стихираря до 1157 г. Синодальной библиотеки, Стихираря до 1163 г. Новгородской Софийской библиотеки, Книги евангельских чтений 1164 г., Трефологий до 1175 г., Устава церковного и монастырского, написанного в Новгороде после 1193 г. и некоторых книг XII в., «на которых нет показания времени» [Срезневский 1885: 140–163]. Многие тексты приводятся целиком, пространные иллюстрируются фрагментами. Рукописи, помимо палеографического анализа, характеризуются относительно выведенных в предыдущем разделе признаков «русского письма». В итоге И.И. Срезневский перечисляет основные черты памятников XII в.: многие буквы сохраняют прежнее начертание, однако появляются некоторые особенности (далее следует их список); *ж* встречается очень редко; точки над гласными встречаются. Ученый приходит к выводу, что «русское правописание, особенно рисующееся своеобразным употреблением юса малого, почти вполне устанавливается» [Срезневский 1885: 160].

Еще более обширный перечень памятников (26 наименований) представляет обзор русской письменности XIII в. Среди них Кондакарь 1207 г., Книга евангельских чтений 1215 г., Житие Нифонта 1219 г., Апостольские послания с толкованиями, Триодь Савина до 1226 г., Договорная грамота Смоленска с Ригою до 1229 г. или после 1230 г. и другие договорные грамоты Смоленска и Новгорода, Ирмологий до 1249 г., Трефологий 1260 г., Пролог сентябрьской половины 1262 г., Кормчая книга до 1281 г., Кормчая 1284 г., Поучения Ефрема Сирина до 1288 г. и др. [Срезневский 1885: 164–222]. Принципы анализа текстов сохраняются, даются толкования смысла и пространные исторические комментарии. И.И. Срезневский делает важные наблюдения относительно отражения диалектных явлений в новгородских памятниках. Так, в Дого-

ворной грамоте Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1270 или 1269 г. отмечаются «неправильное употребление ъ, смешанное употребление ч и ц» [Срезневский 1885: 197].

В числе памятников русской письменности XIV в., помимо многочисленных грамот, книг евангельских чтений и других богослужебных текстов (Триодь цветная 1311 г., Пролог сентябрьской половины до 1323 г., Паремейник 1348 г., Стихирарь 1380 г. и др.), рассмотрены Лаврентьевская летопись 1377 г. и Новгородская летопись по Синодальному списку. И.И. Срезневский отмечает появление и распространение в этот период полуустава и приводит образцы первых памятников скорописи (Духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича Донского до 1389 г. и Лествица 1387 г.). К ярким чертам рукописей этого периода относятся распределение *ou* и *o/ω* в начале слова или слога, *y* и *o* – в остальных позициях; *a* йотированное и *ю/ε* в начале слова, *a* и *e* в середине и конце; употребление *ья*, *ьа*, *ьε*, *ью* вместо *ия*, *ию*, *ию*; в некоторых рукописях наблюдается смешение *ѣ* и *e*, употребление *ы* вместо *ьi*; распространяется написание *i* перед гласными [Срезневский 1885: 255–257]. В заключение Срезневский приводит «Сводную азбуку» XIV в. с различными начертаниями букв.

Даже этот краткий обзор работ И.И. Срезневского позволяет сделать выводы не только о разносторонности энциклопедических знаний ученого, глубине анализа обширного материала и точности выводов, но и о значении его трудов для истории русского письма. Многие важные положения этой науки были сформулированы Срезневским впервые, а некоторые небесспорные утверждения послужили толчком для научной полемики и дальнейших исследований.

Литература

Григорьева, Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.) [Текст]. – М., 2004.

Каверина, В.В. Становление русской орфографии в XVII–XIX вв.: правописный узус и кодификация [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. – М., 2010.

Колгушкина, Н.В. Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России [Текст] / науч. ред. О.В. Никитин. – Рязань, 2011.

Срезневский, И.И. О русскомъ правописаніи // Журн. М-ва народнаго просвѣщенія. – СПб., 1867. – Ч. 134. – С. 449–480.

Срезневский, И.И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. [Текст] : лекції, читанныя въ Императорском С.-Петербургском университетѣ в 1865–1880 гг. – СПб., 1885.

Чекурин, Л.В. И.И. Срезневский на I Археологическом съезде [Текст] // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной

195-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского, 25–27 мая 2007 г. / отв. ред. Г.А. Богатова, Н.И. Демидова. – Рязань, 2007. – С. 90–99.

Н.В. Колгушкина
(Рязань)

«МОЙ ЮБИЛЕЙ БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ НЕОЖИДАННЫМ ТОРЖЕСТВОМ...»

14 июня (1 июня по старому стилю) 2012 г. исполнилось 200 лет со дня рождения замечательного русского ученого И.И. Срезневского.

Юбилейные даты – особые вехи в жизни выдающихся людей. Они помогают им подытожить успехи и достижения, а нам оценить вклад в те дела, которым была посвящена вся их жизнь. Как правило, в истории остаются свидетельства юбилейных празднеств: телеграммы, открытки, письма, записи речей и ответных слов юбиляра, хранящиеся не только в семейных архивах, но и опубликованные в книгах или в периодической печати. Эти исторические документы, как бы подающие голос из прошлого, имеют особую ценность и дороги нам не только как исторические факты. Они помогают представить образно, в деталях события, раскрывающие широту личности, ее духовность, нравственную силу, преданность своему делу. По прошествии многих лет обращение к документам и рукописным материалам дает ощущение прикосновения к судьбе, понимание неповторимости и уникальности человека.

Черода юбилейных мероприятий к 200-летию И.И. Срезневского в 2012 г. помогла нам обратить внимание на эпистолярное наследие ученого и рукописные материалы, хранящиеся в российских архивах.

Об особом событии для И.И. Срезневского – праздновании пятидесятилетия его научной деятельности – узнаем из писем ученого к священнику села Срезнева В.Г. Катинскому. В одном из них знаменитый филолог среди обычных житейских повествований как бы невзначай сообщал: «Мой юбилей был для меня неожиданным торжеством. За месяц только из газет я учитал (так в тексте. – *Н.К.*), что он готовится, что именно готовилось и приготовилось, узнал только в день юбилея, 5 апреля (1879 г. – *Н.К.*). Я получил много приветствий, адресов и дипломов от здешних и нездешних, наших учреждений и лиц. Между прочим, сделали и почетным членом Санкт-Петербургской Духовной академии – так что теперь имею честь быть почетным членом во всех четырех наших духовных академиях (чему, как меня уверяют, могут позавидовать и митрополиты)» [РГАЛИ 436: 1: 1050: 24]. В этом же письме он по-родственному рассказывал, что «после учрежденного приема депутаций был торжественный обед в одном из новых дорогих ресторанов». «На этот обед, – писал он с гордостью, – приглашена была как почетные гости вся моя семья. И это придало обеду

дорогой для меня цвет семейности. Было и по обычаю много речей, но не по обычаю не было ни слова, от которого бы мог поморщиться хоть один из присутствовавших» [РГАЛИ 436: 1: 24].

Действительно, в этот день И.И. Срезневский получил много поздравлений, в том числе от старейших академиков Ф.Ф. Брандта и О.Н. Бетлинга, академика-слависта Н.П. Задерацкого, академика Берлинской и Мюнхенской академий А. Лескина, от Головачевского из Лейпцига, от профессоров Г.С. Дестуниса, В.В. Макушева, Г.А. Воскресенского, Н.И. Субботина, от ректора Московской духовной академии протоиерея С. Смирнова и многих других. Большая часть поздравлений пришла от бывших учеников и слушателей.

Телеграммы и приветствия зачитал на юбилейном обеде один из любимых учеников И.И. Срезневского – В.И. Ламанский (см. подробнее: [РГАЛИ 436: 1: 1618: 10]). Вот некоторые из них: «Примите приветы и поздравления из места Вашей родины, где родились Вы. Да будет для всех нас примером и ободрением Ваше славное служение Русской науке. Здравствуйте на многие годы. Капустин. Директор лицея. Ярославль» [РГАЛИ 436: 1: 1618: 4]; «Казань. Сердечно поздравляем Вас с пятидесятилетним юбилеем плодотворной ученой деятельности, да продлится она еще многие годы на славу русской науки. Булич, Шпилевский, Бодуен де Куртене, Беляев» [РГАЛИ 436: 1: 1618: 1].

Из Оренбурга были прочитаны две телеграммы: «Искренний привет Вам, многоуважаемый Измаил Иванович, по случаю торжества празднования пятидесятилетия Вашей ученой деятельности не изгладили во мне воспоминания о пользе Ваших лекций, развивших любовь к науке, о добрых советах, данных Вами с отеческой заботливостью во время моей деятельности и о радушии, которое я всегда встречал в Вашем почтенном семействе. Николай Великанов» [РГАЛИ 436: 1: 1618: 6]; «С окраины далекого востока приветствуем заслуженное торжество пятидесятилетней литературной и научной деятельности досточтимейшего своего наставника. Один из преданнейших и благодарных учеников Пётр Лавровский» [РГАЛИ 436: 1: 1618: 1]. Из Варшавы зачитана была телеграмма следующего содержания: «Ученики и почитатели господина Срезневского, празднуя юбилей полувековой неутомимой и плодотворной ученой его деятельности, искреннейше желают ему еще долго трудиться в честь себя, на славу России и всего Славянства. Мержинский, Макушев, Колосов, Первольф, Хорошевский, Барсов, Никитский, Трель, Ястребов, Востоков, Андреев, Павинский, Сумина» [РГАЛИ 436: 1: 1618: 3].

На юбилей И.И. Срезневского живо откликнулись зарубежные ученые-слависты, в том числе из Чехии (см. подробнее: [Досталь 2003: 289]). Среди зачитанных была телеграмма от чешского эмигранта, бывшего учителя Орловской гимназии: «Поздравляю с высокоторжественным для Вас днем пятидесятилетней общественной замечательной ученой деятельности. Фердинанд Поганка» [РГАЛИ 436: 1: 1618: 6].

Наряду с коллегами-учеными, бывшими учениками и слушателями, к юбиляру с приветственным словом обратился от имени магистрантов (славистов) историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета один из присутствовавших на обеде магистрантов. Дословное воспроизведение этого обращения, хранящегося в рукописи в РГАЛИ, позволяет прочувствовать торжественную атмосферу юбилея и убедиться в высочайшем авторитете ученого среди молодежи (орфография сохранена. – *Н.К.*): «Высокоуважаемый Измаил Иванович! Целый ряд поколений бывших слушателей и учеников Ваших приветствует Вас в нынешний торжественный день. Многие из них уже успели снискать громкую известность и заслуженное уважение в той области знаний, которой Вы с молодых лет всецело себя посвятили. Вы справедливо можете гордиться ими, ибо никто, и, прежде всего они сами, не будут отвергать, что своими успехами они обязаны в значительной мере пройденной научной школе, в которой такое первенствующее место принадлежит Вам, Вашим университетским чтениям, Вашим советам, Вашим трудам. Не одни лекции профессора и непосредственное общение с ним влияют на молодых его слушателей и создают ему последователей; не меньшее, а иногда несравненно большее влияние принадлежит его трудам и тем приемам, которые он в них успешно прилагал и узаконил этим, вообще его собственно ученой деятельности во всей ее совокупности. Конечно, чем значительнее, последовательнее и ценнее эта деятельность, тем сравнительно глубже и шире должно быть это влияние. Без сомнения таково была именно Ваша деятельность, и, следовательно, таково было и ее влияние.

Личный наш опыт и единогласные признания всех Ваших учеников от старших поколений до самого младшего свидетельствуют о том благотворном влиянии, какое Вы всегда имели на слушателей своих увлекательными чтениями, полезными советами и указаниями; но вряд ли мы ошибемся, сказав, что несравненно важнее и шире было и еще больше будет Ваше образовательное влияние на русских начинающих ученых, идущих по стопам Вашим, не как профессора, а как высоко даровитого и энергического труженика славянской и русской науки, пролившего на нее столько истинного света.

Вы имеете полное право считать своими учениками не только Ваших университетских слушателей, но и вообще в большей или меньшей степени всех наших молодых русских славистов, ныне подвигающихся, но никогда не бывших Вашими непосредственными слушателями, ибо и они, читая и изучая труды и многочисленные издания Ваши, более или менее сознательно учились у Вас и усваивали себе то, что другим суждено было слышать из Ваших уст, когда Вы с профессорской кафедры сообщали им результаты своих интересных наблюдений и многолетнего ученого опыта. Долго, долго впредь Вы будете влиять таким путем на следующие поколения.

Как Вы ныне требуете от всякого готовящегося к занятиям Славянством основательного изучения трудов и научных приемов Востокова, знаменитого учителя Вашего, так для будущих поколений молодых славистов *conditio sine qua non* (в переводе – *непременное условие* [Сомов 2010:

204]) успехов в их науке будет составлять прохождение школы, созданной учеными трудами нашего Измаила Ивановича Срезневского и его достойных учеников-сподвижников.

Мы принадлежим к одному из самых молодых поколений Ваших непосредственных слушателей, но, тем не менее, мы говорим все это уже на основании личного опыта. Спешим присоединиться к другим в выражении глубокого уважения к Вашей замечательной и поистине плодотворной деятельности и от души повторяем общее желание, чтобы Вы еще долгие годы продолжали обогащать русскую науку новыми трудами, а русский ученый мир новыми свежими силами в лице своих учеников» [РГАЛИ 436: 1: 1617: 4]. В приветствии магистрантов раскрыта суть научной и педагогической деятельности ученого, посвятившего свою жизнь не только научным изысканиям, но и созданию своей школы, просвещению молодежи. Благодарные ученики верят, что смогут продолжить дело своего учителя в будущем. Такая оценка не могла не взволновать самого юбиляра.

И тем более дороги нам черновые записи ответного выступления по окончании юбилейного торжества убеленного сединами академика Срезневского. В них с огромным чувством благодарности, но скромно и несуетливо он высказал свое отношение ко всему сказанному (текст приводится полностью и издается впервые. – *Н.К.*): «Заявления и награды, которыми я почтен сегодня, не могут не возбудить во мне глубокого чувства благодарности; но, принимая их, я невольно выражаю этим, что в какой-нибудь степени считаю себя достойным такого почета; а этого во мне нет. Не какая-нибудь скромность, которой недостаток я всегда в себе чувствовал, и неподавляемое желание себя нарочно принизить, а простая искренняя самооценка дает мне лично самому себе знать, что я при всей своей любви и привычке к труду, при всем желании жить и прожить не напрасно сделал несравненно менее, чем желал, должен был и даже мог бы сделать.

Я чувствую, не скрывая радости, что мне удалось перейти в 50-й год трудовой жизни, скрывая укор совести, что я не сумел прожить эти годы так, как бы должен был. Но тем тяжелее лежит эта на сердце мысль, что почти всегда и от всех я был поддерживаем в своих работах сочувствием, указаниями, советами, деятельной помощью.

Воспоминания о том, чем я обязан был двум университетам, то я должен сказать и обществам: географическому, археологическому, филологическому и другим, как сочлен, и разным учреждениям, другим университетам, ученым обществам, академиям духовным, архипастырям церкви, ведомствам разных библиотек, начиная с Императорской Публичной библиотеки и Московского музея, своим собственным слушателям. Все эти воспоминания дороги мне не только лично, но еще более как доказательства, что стоит только пожелать и начать трудиться, как я видел и сочувствие и содействие. Это я переживаю издавна и до сего дня. В эту сторону позволяю себе обратить мою благодарность всем, кто почтил меня сегодня как одного из тех, которые <от знания дела> (трудночитаемые слова. – *Н.К.*) получают ободрения и одобрения» [РГАЛИ 436: 1: 1617-а]. Эта речь,

совсем небольшая по объему, имеет свой неповторимый стиль. В каждой высказанной мысли проявляются искренние чувства благодарности и признательности всем, кто замечал его труды, работал с ними.

По праву оценили деятельность И.И. Срезневского ученые Санкт-Петербургской академии наук, когда отмечали и столетний юбилей ученого 20 января 1913 г. Во вступительном слове на торжественном собрании отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, посвященном памяти И.И. Срезневского, академик А.А. Шахматов дал высокую оценку его деятельности, сказав, что это торжество «по всей справедливости может быть признано праздником русской науки: Срезневский принадлежит к числу виднейших деятелей науки, прославивших ее и укрепивших ее развитие. Полувековая деятельность Измаила Ивановича развернула во всей мощи силы, заложенные в его богато одаренной природе: они создали те памятники ума и таланта, которыми восторгаемся мы все, имеющие то или иное отношение к науке о русском языке, литературе, этнографии. Срезневский положил основание историческому изучению русского языка, поставив его в живую и нерасторжимую связь с изучением всех других славянских языков» [Шахматов 1916: V].

Бывший ученик И.И. Срезневского, профессор И.В. Цветаев в своем выступлении обратил внимание на то, что его учитель был не только замечательным профессором для студентов, но и умело отслеживал весь дальнейший путь своих питомцев в науке, принимал живейшее участие в их научных изысканиях, тем самым расширяя свою научную школу. «Покойный И.И. Срезневский, – говорил И.В. Цветаев, – мог с полным правом считать себя учителем целой плеяды блестящих профессоров, ученых, педагогов и деятелей литературы...» [Цветаев 1916: 295]. В конце прозвучали такие слова: «Измаил Иванович неустанно теплил любовь к науке в нас, петербургских филологах. Вечная ему память и благодарность за эти прекрасные свойства его благородной души» [Цветаев 1916: 300].

Отдавая дань памяти И.И. Срезневскому, академик И.А. Соболевский, продолживший плеяду выдающихся русских филологов, произнес в своем выступлении емкую фразу: «Измаил Иванович сделал много для русской науки. Мы обязаны принести глубокую благодарность неутомимому труженику и почтить добрым словом его деятельность. Вечная память Измаилу Ивановичу Срезневскому!» [Соболевский 1916: 181].

Двухсотлетний юбилей, который отмечается в России ныне, подтверждает актуальность трудов и востребованность идей великого ученого, а также показывает ориентиры на новые поиски и открытия на ниве изучения его научного наследия. Здесь в первую очередь стоит обращаться к архивным материалам и рукописям, хранящим еще многие интересные факты из жизни И.И. Срезневского.

Источники

РГАЛИ 436: 1: 1617 – Речь, произнесенная магистрантами (славистами) Петербургского университета в честь 50-летнего юбилея И.И. Срезневского [Текст] : рукоп. – 5 апреля 1879 г. – 4 лл. / РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. № 1617.

РГАЛИ 436: 1: 1617-а – Срезневский, И.И. Речь в день 50-летнего юбилея творческой деятельности. Черновой автограф. 1879 г. 2 лл. 5 апреля 1879 г. [Текст] / РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. № 1617-а.

РГАЛИ 436: 1: 1618: 1–10 – Приветственные телеграммы по случаю 50-летнего юбилея научной деятельности И.И. Срезневского. Рукописные копии. 04. 1879 г. 10 лл. [Текст] / РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. № 1618.

Литература

Досталь, М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками [Текст]. – М., 2003.

Соболевский, А.И. Заслуги И.И. Срезневского [Текст] // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. – Пг., 1916. – Кн. I. – С. 168–181.

Сомов, В.П. Словарь латинских выражений [Текст]. – М., 2010.

Цветаев, И.В. Из студенческих воспоминаний об И.И. Срезневском [Текст] // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. – Пг., 1916. – Кн. I. – С. 278–300.

Шахматов, А.А. Вступительное слово на торжественном собрании Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук [Текст] // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. – Пг., 1916. – Кн. I. – С. V–VIII.

О.В. Никитин
(Москва)

НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО: У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

И.И. Срезневский своими взглядами и подвигом научной деятельности определил пути дальнейшего развития науки о русском языке в ее историко-культурном, этнологическом направлениях:

1. *Палеография и лингвистическое источниковедение*, основанные на тщательном анализе документальных свидетельств жизни и развития церковнославянского, русского и других современных славянских языков. В отличие от современников, уделявших особое внимание духовно-исторической ветви развития нашей письменности (религиозные сочинения), И.И. Срезневский обратил внимание научной общественности и на другую стихию в истории русского языка – деловую письменность. В этом отношении он может также считаться первопроходцем научного изучения памятников древнего делового языка.

Из наиболее значительных трудов этого характера отметим прежде всего «Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.)» [Срезневский 1863; Древние памятники 1866] и сведения и заметки о малоизвест-

стных и неизвестных памятниках, публиковавшиеся в 1867–1891 гг. Получили большую известность также изданные им документы XI–XIV вв. [Срезневский 1882] – один из первых опытов хронологического изложения истории отечественной письменной культуры. И начинается она, по И.И. Срезневскому, как раз с источников приказного содержания. Он указывает, в частности, на первые договоры русских с греками X в. [Срезневский 1882: 2–5], записи на крестах, грамоты и тому подобные «деловые» произведения. Ученый делает не только их обзор, но и публикует фрагменты текстов, сопровождая их историко-культурным комментарием.

Заметим попутно, что в архиве И.И. Срезневского в РГАЛИ сохранились редкие образцы так называемого «карнавального» делового письма. Таково, например, «Дело о побеге беглого петуха от курицы» 1750-х гг., опубликованное нами в монографии (см.: [Никитин 2004]).

В целом деятельность И.И. Срезневского в этом направлении дала сильный толчок исследованию памятников русской культуры, а языковые сведения, извлеченные из деловых источников, помещенных им в «Словаре» [Срезневский 1989], до сих пор являются наиболее авторитетными и проверенными данными по русской приказной традиции.

А.И. Соболевский подчеркнул и другую ипостась источниковедческого интереса И.И. Срезневского: «Исследователь русской старины часто встречается с искусством – очень часто с орнаментом, реже с миниатюрой.

Измаил Иванович, конечно, не оставил без внимания искусства, остановившись на наиболее выдающихся по древности рисунках – на иллюстрациях к житию свв. Бориса и Глеба в Сильвестровском сборнике XIV в., на изображении правнука Мономахова князя Ярослава в Нередицкой церкви (XII в.), на изображении князя (по его мнению, св. Всеволода – Гавриила) в сочинении папы Ипполита об антихристе (XII–XIII в.), на изображениях свв. Владимира и Ольги» (цит. по изд.: [Соболевский 2002: 93–95]).

Главными открытиями И.И. Срезневского в области лингвистической палеонтологии А.И. Соболевский называет такие древние рукописи, введенные им в научный оборот: «Саввина книга», «Листки Ундольского», «Киевские глаголические отрывки». О них он сообщал на киевском археологическом съезде: «Еще недавно, – говорит он, – не было на виду никаких данных, по которым бы можно было судить, что за богослужение было у тех славян, которые употребляли в древнейшее время глаголицу для своих книг и вместе с тем старославянский язык юсового оттенка... Новое открытие служит доказательством, что к ним проникали и богослужebные обряды церкви западной» (цит. по: [там же]).

Но не только. Академик А.И. Соболевский, знаток и почитатель его трудов, в статье памяти И.И. Срезневского отметил другие достижения ученого в этой области: «Он первый обратил внимание на переводы с греческого, сделанные в России домонгольского периода; он первый оценил важность так называемых среднеболгарских текстов; ему принадлежит

честь открытия в русских списках, иногда поздних, ряда древнейших церковнославянских переводов.

Выдающееся значение русских рукописей для Измаила Ивановича было вполне ясно. Он видел, что в них заключаются данные для истории всех славянских народов, для характеристики их взаимных отношений, для определения степени их образованности. Отсюда особенное внимание Измаила Ивановича к русским рукописям, к их письму, к их словарю, к их художественным миниатюрам» [там же].

Особо скажем о книге по палеографии И.И. Срезневского [Срезневский 1885], выпущенной по его лекциям уже после смерти ученого. Это первый систематический курс древлеписания, охвативший источники включительно по XIV в. Автор разработал структуру данного курса, ввел и адаптировал к русской традиции основные понятия и термины, исследовал иллюстративный фон текстов, особенности литер, краски.

Эта традиция была продолжена А.И. Соболевским, В.Н. Щепкиным, Е.Ф. Карским.

2. *Историческая лексикология и лексикография.* И.И. Срезневский разработал методiku анализа, систематизации и классификации словарного материала по памятникам письменности с четкой датировкой языковых фактов. Особое внимание ученый уделил семасиологии слов древнерусского языка, их научному лексикографическому описанию и объяснению.

Главное здесь состоит в том, что И.И. Срезневский сформировал исторический словарь как *научный* жанр. Но методологически он не завершил эту работу, в частности, выражения грамматических характеристик слова, «соотношения слова с его эквивалентами в переводных текстах», изучение стилистических вариантов слова и другое нуждались в совершенствовании. Но как раз незавершенность его работы и говорит о том, что для самого автора она «была процессом, научным поиском, постоянно усложнявшим первоначальную задачу» (см. подробнее: [Колесов 2003: 215–216]), которая в своей основе была решена лишь во второй половине XX в.

Почему не устаревает этот словарь? Дело не только в том, что И.И. Срезневский занимался тщательным отбором, комментированием и фиксацией текстов. Это словарь не лексем, а понятий и, если угодно, концептов. По своей сути он представляет собой *культурологический словарь* (см.: [Колесов 2003: 217]), в котором описано немало разных фактов и в целом дано представление о картине мира древних людей, запечатленной в слове.

Он наметил традицию составления исторических словарей. И.И. Срезневский обоснованно говорил: «У нас нет ни словаря наших летописей, ни словаря наших старинных актов, ни тем не менее общего словаря старорусского языка, столь необходимого для литераторов, историков, для юристов. Как бы хорошо было собраться составить хотя бы подробные словоуказатели к нашим древним и старым памятникам, чтобы было средство с помощью их добираться до значения непонятных слов и выражений»

[Срезневский 1986: 101]. В своей рецензии на «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук» (1847), ученый сетовал на отсутствие целенаправленной работы по составлению словарей разных типов и по сути предложил лексикографическую программу, реализация которой продолжается и сейчас. Строки из этой работы ученого красноречиво свидетельствуют о его личной заинтересованности в профессиональном качестве подготовки таких изданий:

«У нас нет словаря ни для одного из местных наречий наших. Есть материалы в трудах обществ, в журналах, но все разбросаны... В полный словарь наречия должны входить все слова, употребляемые в наречии, как бы ни были они общеизвестны, и словарь такой никогда не может быть удовлетворителен, если в нем не сохранены оттенки выговора слов и оттенки их смысла с подобным описанием предметов и действий, с объяснительными примерами из песен, сказок, пословиц и т.д.

У нас нет словаря иностранных слов, которые употреблялись и употребляются в русском языке – по нужде и без нужды. Словарь этот, хорошо составленный, необходим и для истории, и для литературы, и для житейского обихода...

У нас нет даже того, что всего более необходимо, – словаря языка новой литературы и образованного общества, к которому мог бы обращаться всякий, кто сомневается, как выразить то, что нужно выразить, с указанием выражений лучших писателей...

У нас нет, наконец, хорошего этимологического словаря. Кто чувствует себя в силах, пусть берется и за этот труд, как за труд, достойный благодарности и славы» [Срезневский 1986: далее по тексту].

3. *Русский язык как объект изучения компаративистики.* В этой связи необходимо упомянуть о замечательном труде ученого «Мысли об истории русского языка», изложенном И.И. Срезневским на годовичном торжественном собрании Петербургского университета 8 февраля 1849 г. Он был во многом программным. Основное же достижение состояло в том, что ученый ввел *русский язык* в сравнительно-историческое изучение славянских языков «и таким образом определил тот главный фундамент, на котором должно строиться здание исторической грамматики русского языка...» [Шахматов 1909: 449].

4. *История русского литературного языка.* Об этом И.И. Срезневский высказывался в «Мыслях...», где, в частности, изложил свой взгляд на соотношение и различия языка народного и языка книжного [Срезневский 1959а: 36–38 и далее], дал четкую картину развития русского языка и его становления как самостоятельного феномена культуры. В других статьях и заметках ученый неизменно продолжал анализ языковых данных, почерпнутых им из памятников книжной письменности. Так, в работе «О древнем русском языке» он писал: «Прочное начало образования книжного русского языка, отдельно от языка, которым говорит народ, положено было в XIII–XIV веках, тогда же как народный русский язык под-

вергся решительному превращению своего древнего строя. В XIV веке язык светских грамот и летописей, в котором господствовал язык народный, уже приметно отделился от языка сочинений духовных» (см.: [Срезневский 1959б]).

5. *Этнология языка* (в терминологии И.И. Срезневского «география русского языка»). Эти проблемы ученый считал весьма актуальными: «Вопросы географические в языкознании – самые современные; новее и занимательнее их еще не найдено, и в исследованиях о языке русском они заняли свое место почти в то же время, как и в исследованиях о других языках Европы» [Срезневский 1851а: 3].

Именно им была написана программа по собиранию материалов для «Опыта областного великорусского словаря», предложены и дополнены сведения по вологодским, воронежским областным словам, диалектам северо-восточной Сибири.

В данной области И.И. Срезневский конкурировал с идеями европейских ученых. Вот как он далее пояснял назначение этой науки: «Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или другом крае и каково именно было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях – вот задача *географии языка* [там же: 4].

Современно звучит и предлагавшаяся И.И. Срезневским программа изучения географии языка:

«I. Об области, занимаемой языком: о земле и народе в историко-географическом отношении, о расселении народа и вселении в его земле иностранцев.

II. О языке, в отношении к его характеристическим признакам, к влиянию, которое на него производили местность природы и языки соседей.

III. О народной словесности как произведении местности на языке этой местности.

IV. О письменной обработке языка также как произведении местном» [Срезневский 1851б: 2].

Нетрудно понять, что в этих тезисах ученого мы видим истоки таких наук, как ареальная лингвистика, диалектология, этнолингвистика, социолингвистика.

6. Наконец, укажем и на историко-методический аспект идей И.И. Срезневского в области диахронической русистики: ценность фактов истории языка при изучении родного языка. Он, наряду с Ф.И. Буслаевым, последовательно проводил этот принцип в преподавании русского языка детям в противоположность тому грамматическому формализму, отголоску логико-философских традиций средневековья, которые царили в наших гимназиях особенно в первой половине XIX в. Его цикл статей на эту тему, объединенный в небольшую, но очень актуально звучащую теперь книгу «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте» (см. репр.: [Срезневский 2010]), утверждает И.И. Срезневского как одного из основателей антропологической лингвистики в ее педагогическом измерении.

Можно согласиться с мнением петербургского исследователя В.В. Колесова: «Сложная фигура И.И. Срезневского в истории отечественной филологии еще несет на себе несомненные черты эпического характера. Этим Срезневский похож на таких создателей нашей науки, как А.Х. Востоков или А.А. Потебня. Разделяя с современниками многие представления о языке и его развитии, обычно Срезневский во всем придерживался средней позиции. Он избегал споров по мелочам, никогда не настаивая на своем мнении... Ему достаточно сознавать, что разделяемое им мнение является общепринятым, а “все охотники до окончательных выводов” вольны “выбирать ту из крайностей, которая на ту или другую пору кажется им более приличною”» (цит. по: [Колесов 2003: 214]).

Перефразируя некогда высказанное И.И. Срезневским об А.А. Потебне мнение, можно с уверенностью сейчас его отнести и к самому ученому: «Не он начал то, за что взялся; но он продолжал начатое другими с таким успехом, что если теперь кто-нибудь займется изучением русского языка... и не возьмет в помощь себе [трудов И.И. Срезневского], то он во многих случаях останется в темноте, с вопросами без ответов или с неясными ответами без доказательств» (цит. по: [Срезневский 1977: 324]).

В заключительной части статьи несколько отойдем от заявленной темы и поделимся своими наблюдениями, подпитанными личностью и идеями И.И. Срезневского.

Сегодня область исторической русистики – именно та сфера лингвистических (и шире – гуманитарных) исследований, которая способна противостоять «постмодернизму» в науке, этой моде и утвердить снова ценность подлинных открытий и масштабность исторического знания как культурного феномена любой нации.

Показательно в данном контексте высказывание Б. Унбегауна: «Я с Вами совершенно согласен, – писал он С.А. Копорскому 10 сентября 1962 г., – насчет структурализма. Конечно, каждая серьезная работа должна быть “структуральна”, но это отнюдь не значит, что она должна витать в стратосфере на телеологических крылышках. Кроме устранения “неудобных” фактов раздражает еще совершенно излишнее изобретение новой терминологии, отчего самые банальные вещи приобретают глубокомысленный вид. Особенно этим грешат американцы. Я все еще жду путного исследования по истории языка, написанного правоверным структуралистом, но история культурного языка – это, по-видимому, не описание бесписьменного эскимосского диалекта. По-моему, даже не стоит тревожить телеологизм XVIII в.; “апельсин разделен на дольки, чтобы было удобнее его есть” – вот к чему часто сводится модный телеологизм» (цит. по: [Никитин 1999: 123]). Или вот еще одно примечательное суждение, которое, как мы полагаем, тогда звучало очень смело: «Якобсон <—> человек увлекающийся и способный схватывать то, что носится в воздухе, но еще как-то не сфор-

мулировано. Правда, часто он дает просто формулировки общеизвестным фактам. Его увлечение фонологией и структурализмом привело, увы, к тому, что в США оказалась заброшенной история русского языка. Там же, где без нее нельзя было обойтись, ее старались “обойти” путем разных синхронических ухищрений, вроде “глоттохронологии” и под. Это, конечно, проще, чем *засесть за тексты*» [там же: 123–124] (курсив наш. – О.Н.).

В последние годы мы нередко отмечаем юбилейные даты выдающихся ученых. И это не только дань нашего уважения к их бесспорным заслугам и вкладу в копилку отечественной и мировой науки. Прежде всего наши взоры здесь обращены к XIX в., который во многом благодаря труженикам словесного искусства можно назвать веком русской филологии.

Современные конференции, по нашему разумению, должны преследовать еще и другую цель: они призваны показать путь развития отечественной науки до нашего времени, описать и проанализировать новые идеи и направления. Иными словами, оценить не только исторический путь, но и продемонстрировать современное состояние нашей гуманитарной науки, которое, чего уж скрывать, к сожалению, не входит в число «приоритетных проектов». Но смеем заметить, что как раз область исторической русистики и славистики в целом, несмотря на все потрясения, споры и переоценки, до сих пор является одной из самых прогрессивных, независимых и активно развивающихся сфер именно благодаря своей традиции и тем величинам, которые стояли у ее истоков и заложили основы этой области языкознания. Это и А.Х. Востоков, и И.И. Срезневский, и Ф.И. Буслаев, и А.И. Соболевский, и А.А. Шахматов, и поднятый теперь из лингвистического небытия Леонид Лазаревич Васильев, и еще целый ряд больших и малых имен, которые своим прозрением уходили далеко вперед, как бы настраивали будущие поколения на те подлинные приоритеты, которые могут и должны быть освоены современной наукой.

Назовем эти достижения современной исторической русистики:

1. Плодотворная, кропотливая работа в области исторической лексикографии. К числу таких фактов мы бы отнесли продолжение и, я бы сказал, возрождение издания «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» и «Словаря русского языка XI–XVII вв.», продолжение работы над «Словарем русского языка XVIII века», издание нового «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков».

2. Фундаментальные исследования в области исторической грамматики русского языка (О.Ф. Жолобов, В.Б. Крысько, И.С. Улуханов и др.).

3. Палеорусистика, активная работа по лингвистическому источниковедению и текстологии памятников письменности разных жанров (Л.П. Жуковская, А.М. Молдован, А.М. Камчатнов, А.А. Алексеев, Б.А. Успенский, Е.М. Верещагин и др.).

4. Особо хотим отметить подъем исследовательского интереса к указанным областям в региональных школах, создающих свои словари (челя-

бинская, пермская, красноярская, вологодская, псковская, ярославская и др.), открывающих и разрабатывающих новые источники. При этом в последние десятилетия заметно смещение вектора от изучения древних текстов к памятникам XVIII и даже XIX в. (см., например: [Новоселова 2006]).

Литература

Древние памятники 1866 – [То же: Срезневский 1863]. Приложение. Снимки с памятников [Текст]. – СПб., 1866.

Колесов, В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды [Текст]. – СПб., 2003.

Никитин, О.В. «Взыскуя лингвистического хлеба...» (письма Б.О. Унбегауна русским ученым 1940–1970-х гг.) [Текст] // Русистика сегодня. – 1999. – № 3–4. – С. 84–146.

Никитин, О.В. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв. [Текст] : моногр. – М., 2004.

Новоселова, Н.А. Формирование стереотипов делового письма в XVIII веке на Южном Урале [Текст] : учеб. пособие. – Челябинск, 2006.

Соболевский, А.И. Заслуги И.И. Срезневского / предисл. и подгот. текста О.В. Никитина // Рус. яз. в шк. – 2002. – № 3. – С. 93–95.

Срезневский, И.И. Замечания о материалах для географии русского языка [Текст] // Вестн. Император. Рус. геогр. о-ва. – 1851а. – Ч. 1, кн. 1–2. – Отд. V. – С. 1–24.

Срезневский, И.И. Русь Угорская. Отрывок из «Опыта географии русского языка» [Текст] // Вестн. Император. рус. геогр. о-ва. – 1851б. – Ч. 4, кн. 1–2. – Отд. II. – С. 1–28.

Срезневский, И.И. Древние памятники русского языка и письма (X–XIV вв.) [Текст]. – СПб., 1863.

Срезневский, И.И. Древние памятники русского письма и языка XI–XIV веков. Общее повременное обозрение [Текст] // Труд И.И. Срезневского. – 2-е изд. – СПб., 1882.

Срезневский, И.И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. [Текст] : лекции, читанные в Император. С.-Петербур. ун-те. – СПб., 1885.

Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка (читано на акте Император. С.-Петербур. ун-та 8 февраля 1849 г.) [Текст]. – М., 1959а.

Срезневский, И.И. О древнем русском языке [Текст] // Мысли об истории русского языка (читано на акте Император. С.-Петербур. ун-та 8 февраля 1849 г.). – М., 1959б. – С. 82–85.

Срезневский, И.И. Записка о трудах профессора А.А. Потебни, представленная во 2-е Отделение Академии наук [Текст] / А.А. Потебня // Из записок по русской грамматике. – М., 1977. – Т. IV. – Вып. II.

Срезневский, И.И. Русское слово [Текст] // Избр. тр. : учеб. пособие. – М., 1986.

Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка [Текст]. – Репр. изд. – М. : Книга, 1989. – Т. I–III.

Срезневский, И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте [Текст]. – М., 2010.

Т.Г. Попова
(Северодвинск)

РУКОПИСИ ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО В ТРУДАХ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Обширный трактат о подвигах монашеской жизни, написанный, предположительно, в первой половине VII в. игуменом Синайского монастыря Иоанном, широкоизвестный под названием «Лествица», принадлежал к числу самых популярных у средневекового читателя книг. До нашего времени дошло не менее 514 славянских рукописей Лествицы, находящихся во множественных книжных собраниях России, Балкан, Западной Европы, Ближнего Востока, США (см. об этом [Ророва 2012]). Изучение Лествицы имеет давнюю и богатую традицию и связано с именами выдающихся мировых славистов: А.Х. Востокова, П.Й. Шафарика, А.И. Соболевского, Е.Ф. Карского и др. Особое место в истории изучения русских списков Лествицы принадлежит И.И. Срезневскому. Вклад, внесенный исследователем в изучение памятника, переоценить невозможно: благодаря его работам рукописи вводились в научный оборот и находили своих читателей.

Всего, по нашим наблюдениям, в работах И.И. Срезневского встречаются указания на восемь рукописей Лествицы из московских собраний. Это следующие списки:

1–3) из библиотеки Румянцевского музея (ныне – фонд 256 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки), номера 198, 199, 201 (далее – Рум. 198, Рум. 199, Рум. 201);

4) из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ныне – фонд 304/1 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки), номер 10 (далее – Трц. 10);

5) из библиотеки Московской духовной академии (ныне – фонд 173.1 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки), номер 152 (далее – МДА 152);

6) из библиотеки Московской синодальной типографии (ныне – фонд 381 Российского государственного архива древних актов), номер 39 (далее – Син. тип. 39);

7) из Синодальной библиотеки (ныне – фонд 80370 Государственного исторического музея), номер 105 (далее – Син. 105);

8) из частного собрания А.И. Хлудова (ныне – фонд 86795 Государственного исторического музея), номер 58 (далее – Хлуд. 58).

Представляется, что в поле зрения И.И. Срезневского могло входить гораздо большее число рукописей Лествицы (например, в собрании Румянцевского музея было не 3, а 6 рукописей, в Троице-Сергиевой лавре – не 1, а 17 и т.д.).

В своем фундаментальном труде «Древние памятники русского письма и языка» (первое издание – 1863 г., второе издание – 1882 г.) И.И. Срезневский упомянул 5 древних рукописей Лествицы (Рум. 198, Рум. 199, Трц. 10, МДА 152, Син. тип. 39) (см.: [Срезневский 1882: 80, 121, 184–185, 203, 254]).

Две из этих рукописей датированы писцами: Трц. 10 – 1334 г., МДА 152–1387 гг. Давая краткое описание этих Лествиц, И.И. Срезневский привел их писцовые записи [там же: 184–185, 254]. Кроме того, исследователь воспроизвел наборным способом полный текст Слова 2 Лествицы («О бесстрастии») по списку Трц. 10 [Срезневский 1863: 244–245].

О Рум. 199, написанной, вероятно, в начале XIII в., ученый заметил, что она «очень важная и по языку, и по тому еще, что русский переписчик сохранил в ней древнее правописание нерусского подлинника» [Срезневский 1882: 121]. Современные исследователи предполагают, что местом создания этого списка Лествицы может быть Новгород [Попова 1962: 207–208, 216; Тихомиров 1965: 115, 116; Турилов 2002: 204]. Действительно, по орфографии эта Лествица гораздо архаичнее, чем более ранняя по времени Рум. 198; Л.П. Жуковская вообще предполагала, что Рум. 199 создана раньше, чем Рум. 198 [Жуковская 1994: 95]. Обе древнейшие русские Лествицы нуждаются в тщательном лингвистическом исследовании.

Несомненным достоинством «Древних памятников...» является то, что И.И. Срезневский указывает в них (под знаком *) и несохранившиеся памятники, о существовании которых известно из дошедших достоверных источников. Так, исследователь пишет о несохранившейся рукописи Лествицы, бытовавшей, вероятно, на киевских территориях, созданной до 1227 г., на которую ссылаются святой Симон в «Сказании о подвижниках Печерских» и святой Поликарп в «Повестях о святых иноках Печерских», и приводит цитаты из названных памятников (см.: [Срезневский 1882: 96–97]).

Ко многим рукописям Лествицы прилагается словарь («Толкование неудобь познаваемым в писаниях речем»), русская версия которого именуется «Пословки лествичны». В этом древнейшем типе азбуковника толкуются отдельные лексемы, характеризующие первый перевод памятника на славянский язык. Эти первые опыты русской лексикографии не могли не привлечь внимания И.И. Срезневского. Текст «Толкования речем» обрел самостоятельную ценность и очень рано стал встречаться отдельно от текста Лествицы. «Пословки лествичны» как самостоятельный текст зафиксированы в Сборнике житий и поучений, написанном в конце XIV в. в Чудовом монастыре (ныне – Чудовское собрание Государственного исторического музея, № 22). Этот сборник со «словами из Лествицы с объяснения-

ми» нашел краткое описание в упомянутом труде ученого (см.: [там же: 293]).

Лествица играла большую роль в культуре Древней Руси; в частности, на нее ссылались авторы русских общежительных уставов: Дионисий Суздальский, митрополит Фотий, Ефросин Псковский, Иосиф Волоцкий, Корнилий Комельский. В «Древние памятники...» И.И. Срезневский включил Уставную грамоту Суздальского архиепископа Дионисия Псковскому Снетогорскому монастырю (около 1382 г.) и привел фрагмент из этого текста с наставлениями Дионисия: прочээ жэ обрящэтэ въ книгахъ <...> с~таго Ивана Ластвичника <...> и прочихъ с~т\$хъ отэць. о послушанїи и смирэнїи [там же: 248].

Предметом научного интереса И.И. Срезневского были в первую очередь источники по истории русского языка. Тем не менее, в работах ученого находим и указания на памятники южнославянского письма. Обладателем большой и чрезвычайно ценной коллекции сербских рукописей в России в третьей четверти XIX в. был известный славист А.Ф. Гильфердинг. Из своих путешествий на Балканы А.Ф. Гильфердинг привез множество древних сербских книг, значение которых для палеославистики огромно. Многие собранные им в балканских странах рукописи А.Ф. Гильфердинг подарил Императорской публичной библиотеке в 1868 г. (ныне эти книги составляют фонд 182 Российской национальной библиотеки). В 1872 г. собиратель внезапно скончался (от тифа) в возрасте 41 года. И.И. Срезневский, вероятно, был дружен с последним, во всяком случае, он был знаком с коллекцией А.Ф. Гильфердинга. В этой уникальной коллекции И.И. Срезневский видел «Лествицу сербского письма», рукопись в лист, написанную «около 1200 года» [Срезневский 1865: 63–64]. Этот список Лествицы представляется особенно ценным. Помимо того что он относится к числу древнейших, он должен содержать текст древнейшего (преславского) перевода Лествицы, первый полный список сербской редакции которого (сохранившийся в рукописях «в четверку» № 44, 99 собрания А.Ф. Гильфердинга РНБ) датируется лишь 1330–1335-ми гг.; т.е. был создан спустя почти полтора века после создания утраченного сербского списка, упомянутого И.И. Срезневским. Названные рукописи (древняя («около 1200 г.») и сохранившаяся в отрывках № 44, 99) различаются и датировкой, и форматом. Судьба древней сербской Лествицы А.Ф. Гильфердинга, которую И.И. Срезневский держал в руках и о которой оставил крайне скудную информацию в «Древних памятниках письма и языка юго-западных славян», остается неизвестной. Никаких упоминаний о ней, кроме нескольких слов И.И. Срезневского, более нет, и следы ее затеряны. Вероятно, книга была продана вдовой А.Ф. Гильфердинга и попала в какую-либо частную коллекцию, где, возможно, хранится по сию пору.

В числе покупателей книг, оставшихся после смерти А.Ф. Гильфердинга, был и московский купец, старообрядец единоверческого согласия А.И. Хлудов, собрание которого описал известный исследователь древней

русской письменности А.Н. Попов (1872); рецензентом этого труда стал И.И. Срезневский. В своей рецензии он упоминает Лествицу (Хлуд. 58), написанную в 1478 г. в монастыре Богородицы Евергетиды священноиноком Ювеналием, и воспроизводит писцовую запись [Срезневский 1873: XX].

Из названных выше рукописей Лествицы, входящих в поле зрения И.И. Срезневского, наиболее известной является МДА 152 – так называемая Киприановская Лествица, написанная собственноручно митрополитом Киприаном в 1387 г. в Константинополе, в Студийском монастыре святого Иоанна Предтечи. К настоящему времени МДА 152 довольно хорошо введена в научный оборот – благодаря усилиям многих славистов, в том числе и И.И. Срезневского, который не только включил ее в число источников для своей монографии (см. выше), но и рассказывал о ней своим ученикам, студентам Императорского Санкт-Петербургского университета, в котором ученый в 1865–1880 гг. читал курсы славяно-русской палеографии [Срезневский 1885: 252–253].

Огромную научную ценность представляет собой главный труд И.И. Срезневского, скромно названный им «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». В числе источников иллюстративного материала для этого Словаря И.И. Срезневский использовал шесть рукописей Лествицы: Рум. 198, Рум. 199, Рум. 201, Трц. 10, Син. 105, Син. тип. 39. Таким путем, через Словарь, Лествица также доходила до своих читателей.

С точки зрения современной науки, выбор для лексикографического описания именно этих рукописей является неудачным. Пять списков из шести (все, кроме Рум. 201) представляют один и тот же перевод, при этом, с одной стороны, Рум. 198 и Рум. 199 и, с другой – Трц. 10 и Син. 105, вообще, содержат одинаковые редакции этого перевода (см. об этом [Попова 2011: 122–288]). Лексика древних списков памятника (при всем ее несомненном богатстве) на материале рукописей одной и той же текстологической группы или двух очень близких текстологических групп одного перевода не отличается разнообразием; лексические составы этих рукописей практически тождественны. Кроме того, приводя примеры из древних текстов, ученый не указывает ни конкретного листа, ни даже шифра рукописи, в которой функционирует та или иная лексема, не всегда приводит греческое соответствие. Тем не менее, можно с уверенностью говорить, что в Словаре И.И. Срезневского нашла отражение лексика русских списков первого перевода Лествицы на славянский язык, связанного с Преславской переводческой школой.

Для И.И. Срезневского рукописи Лествицы стали весьма ценными лексикографическими источниками. Примеры из нее иллюстрируют многие словарные статьи наряду с примерами из других памятников древнерусской письменности. Не менее 59 словарных статей Словаря И.И. Срезневского составлено исключительно на материале Лествицы, они иллюстрируются только примерами из последней. Назовем эти статьи, указывая

греческое соответствие и конкретное место функционирования лексемы в рукописи Рум. 198: анагносание Ч БнГgn♦siV 113а, 16–17; бэскуяние Ч Бgoggu/a 16в, 20; блсдьникъ Э φl&aroV 38а, 3; вэсэлование Ч e_φros&nh 135а, 17–18; вишь te br&llion 97б, 1; въжиляти сс neurЯ♦ 93а, 19–20; въспоминъчии Э #pobole&V 110в, 6; в\$шае #yhlЯtata 47б, 8; вагласъство Ч pe~ra 104а, 13–14; ватилание Ч Bdolesc/a 76б, 12–13; главоболие Ч κεφαλαlg/a 89в, 16; грожэние Ч φr/kh 89в, 15–16; доброговайньство Ч e_lГbeia 19а, 4–5; 104б, 9–10; доброизволение Ч BretШ 51г, 5; 91б, 2; 91б, 11; 117г, 17–18; доброизватън\$и e♦⊙logoV 79б, 10; 89в, 13–14; доброотъватън\$и e_apolЯghtoV 139в, 22; добропрослутие Ч e_φhm/a 46г, 17; 77в, 8; 77в, 16; доброутробие Ч e_splagcn/a 42б, 4; 61б, 7; жэлатвън\$и to% pTnJouV 71в, 15–16; зам\$слие Ч φrЯnhsiV 24б, 11–12; заяпив\$и pnhpЯtatoV 31б, 12; капищэслужьникъ Э e{d♦lolГtrhV 120а, 20–21; котэрати dikГζ♦ 109б, 4–5; 109б, 8; лаинотворие Ч plinJourg/a 63в, 8; ласкочъ Э kolakeutШV 120в, 9–10; ласкочъ кЯлах 101в, 9; лукочъ Э planШthV 120в, 5; любобожън\$и φilЯJeoV 20б, 8–9; маслодравие te Elaion 80в, 9; мэдьница Э lhnЯV 116г, 19–20; милие Ч mШlh 80б, 5; мань mTtron 130в, 22; нагнаяти kopr/ζ♦ 16а, 13–14; насмисание katagTl♦V 16в, 15–16; нэвистъ Ч Bbley/a 145а, 10; нэвъсоблен\$и БnурЯstatoV 21г, 21–22; 59в, 2–3; нэходън\$и юbatoV 16а, 16; новачьск\$и BrcaЖ⊙кЯV 34а, 19–20; обиль БфJЯn♦V 120а, 1; обранание Ч прЯskrousiV 16в, 18; ополал\$и peripeφlTgmenoV 58а, 4; оскъкъщати gargal/ζ♦ 107б, 2; остроугълън\$и Бx&g♦noV 78б, 13–14; подълэсние te pTlma 35б, 5–6; проучаем\$и promeletЙmenoV 118а, 12; ругочъ Э eЖ⊙r♦n 131г, 2; скороп\$тън\$и БkribШV 85в, 6–7; скоросучси сс e♦⊙peptoV 92а, 9; сластоврадие Ч ЧdupГJeia 12б, 3–4; сокачиинъ to% Бyopoio% 27г, 13; сокаचितъск\$и makellikЯV 121а, 21–22; сувражъ Э Бnt/dikoV 97а, 21–22; Ч EcJra 132б, 3–4; съмарьникъ tapeinЯφr♦n 28г, 5; тръвръстън\$и tr/domoV 10б, 8–9; тръстлъпън\$и tr/stuloV 10б, 9–10; тръчасън\$и tr/♦roV 89в, 15; унапраснити sunarpГζ♦ 46б, 6–7; хлупьць хлабън\$и Э prosa/thV 72в, 9–10; шаръчии Э ζ♦grГфоV 86г, 9.

Лексика первого славянского (преславского) перевода Лествицы отличается богатством и семантическим разнообразием. При отсутствии научного издания памятника (такое издание отсутствует и поныне) И.И. Срезневский просто не мог отразить в своем Словаре весь лексический состав Лествицы. По нашим предварительным подсчетам, в Словаре И.И. Срезневского отсутствует не менее 259 лексем, функционирующих в текстах рукописей Лествицы, указанных ученым в числе источников Словаря. Пе-

речислим эти лексемы, называя греческие параллели и место функционирования в тексте Рум. 198: анэфэматисание Э ΒναJematismЯV 101в, 22 – 101г, 1; бэзврадъница Ч БpГJeia 104в, 14–15; бэзвастуем\$и Бpanto&menoV 129г, 21–22; блддословие Ч e_trapel/a 87г, 19–20; блддословъница Ч e_trapel/a 95б, 22 – 95в, 1; бол^ьма meiζЯн♦V 83б, 13; бадъноизобратаем\$и duse&retoV 71б, 12–13; бадънаизобратаем\$и duse&retoV 68в, 2–3; бадънаисповадаем\$и dusexagЯreutoV 128г, 9–10; бадънаисцальн\$и dus/atoV 62г, 7–8; бадънаобратаемое te duse&reton 36в, 20–21; бадънаотъврязаем\$и dusГnoiktoV 115в, 6; бадънаотънэмлем\$и dusaφα/retoV 76б, 16–17; вол^ьхвальница Ч megalauc/a 95в, 2–3; враждание Ч pЛьxiV 53г, 9–10; вузьникъ Э desмЯV 69б, 8; te desм♦tШrion 86г, 6; възбаляти БdunГ♦ 76а, 19–20; възбънути diurn/ζ♦ 22в, 6–7; възвэличание Ч #perhφan/a 117г, 3–4; възв\$шание Ч EparsiV 137б, 3; възв\$шэние Ч EparsiV 124г, 21; възвръание Ч ζTsiV 81в, 9–10; 81в, 11–12; възваститэл^ь Э mhnutШV 125а, 18; възгнитие Ч po/hsiV 68а, 21; въздивияние Ч BgrияthV 45а, 9–10; възъпивати БnакrГζ♦ 55а, 12–13; въкупна ЭmoJumadЯн 122а, 3; въкупъходэниэ Ч sundiag♦gШ 52а, 12–13; въспот\$кати Pкмocle&♦ 40г, 13; въспрстовати #postTll♦ 78б, 4; в\$сочэм\$слити Pnabr&nomai 138а, 7–8; в\$шэстоби Э proesthkЙV 27в, 6–7; Э proestЙV 27в, 17–18; вьрание Ч ζTsiV 58а, 4–5; вьсэчасьн\$и кГJ♦roV 82г, 10; вьсякокъзньство Ч panourg/a 104а, 22 – 104б, 1; глаждэние te кнафе~on 81а, 7; гнушание te bdTlugma 135б, 11–12; годовьн\$и to% crЯnou 79г, 22; добрасътворити e_ergetT♦ 15а, 11–12; добров\$чэние Ч e_mГJeia 122б, 12–13; доброгласие te Ю☞sma 103в, 15; добродалие Ч e_erges/a 60в, 4; добронадэждьно e_elp/st♦V 55б, 12; добропамстьство Ч e_φuЖ/a 122б, 14–15; доброплачьн\$и kall/penJoV 72а, 7; доброразумив\$и e_гнЙм♦n 86а, 21–22; доброразумьн\$и e_гнЙм♦n 6б, 11–12; доброславие Ч e_dox/a 20г, 5; Ч kenodox/a (!) 124а, 17; доброслутие Ч e_φhm/a 135б, 5; добросумьнание Ч e_lГbeia 132б, 11; добросъвькупьн\$и e_katГnuktoV 136г, 6–7; добротворити e_ergetT♦ 65а, 6; доброукрадьн\$и e♦☉suloV 76в, 22 – 76г, 1; доброчьстива e_sebvV 144а, 18; добрапоувьрзэн\$и e_katГnuktoV 41а, 17; добрапушаем\$и e_JalШV 12а, 4–5; добраустроен\$и e_katГstatoV 21б, 12–13; достоиньночюдьн\$и BxiГgastoV 136б, 1–2; достоиньна Bx/♦V 33в, 4–5; душэлюбьць Э φilЯycoV 38а, 9–10; душиуспашьн\$и yuc♦φelШV 73г, 4–5; зависка Э φJЯnoV 102г, 1–2; zazorьникъ Э skЙpt♦n 4г, 5; зьлодръжание Ч mnhsikak/a 83б, 15; зьлодалание

Ч kakourg/a 106г, 2–3; зълoкъзньство Ч panourg/a 118г, 6; зълoм\$сльникъ Э Pp/boulov 109в, 7–8; зълoразумие Ч какЯnoia 131г, 12–13; зълoумие Ч какЯnoia 8а, 22 – 8б, 1; зълористание Ч panourg/a 51а, 4; зълoутрoбие Ч Bsplagcn/a 124г, 3–4; зълoх\$трьство Ч panourg/a 102г, 17; зълoх\$трьць Э panop%rgov 22а, 22; зълудръжание Ч mnhsikak/a 84в, 6; зълупомънание Ч mnhsikak/a 84б, 3–4; залoп\$тати polupragmonТ♦ 136г, 18–19; игрию metr/♦V 34в, 14; извaтъница Ч profas/stria 110в, 2–3; износь Ч proforГ 143б, 16; изношэние Ч proforГ 122б, 13–14; инамиподвизаем\$и Cterok/nhtov 70в, 13–14; инамъглаголаное te CтерЯlekton 142а, 6–7; истразвэние Ч Eknhyiv 98б, 16; Ч nYyiv 145а, 18; купьнодушън\$и ЭмЯyucov 115г, 3–4; лъжэтворьн\$и yeudep/plastov 44б, 3–4; лъжитворьць Э yeudoplГsthV 88в, 21–22; любoбoжъство Ч filojеЖ⊕❖а 9г, 1–2; любoгнусьн\$и filЯbromov 9г, 11–12; любoдoбpoлиции filokalliprЯc♦pov 79г, 3; любoмирьница Ч filokosm/a 95в, 4; любoмудр\$и filЯsofov 143в, 4; любoплътън\$и filЯsarkov 4б, 13–14; любoславън\$и тьV kenodox/aV 22а, 20; любoслaстие Ч filhdon/a 79в, 2–3; любoслoвити filologТ♦ 134а, 11–12; любoслoвьникъ Э filЯlogoV 112г, 9; любocoкaчън\$и filomГkelloV 9г, 9–10; любoприсaтън\$и filep/skopov 9г, 13–14; любoчистън\$и ф/lagnoV 9г, 12–13; любъникъ Э filЯthV 137б, 7; мълoгoглaвън\$и muriokТфalov 110б, 10–11; polukТфalov 112б, 9–10; мълoгoглaгoлaние Ч poluТpeia 87б, 19–20; Ч polulog/a 87б, 2–3; мълoгoглaгoлие Ч polulog/a 117а, 13–14; мълoгoгoдън\$и cрЯnioV 79а, 3; 79а, 6–7; мълoгoпитъница Ч polupos/a 115а, 2; мълoгoп\$тати polupragmonТ♦ 35в, 21–22; мълoгoрaчие Ч polulog/a 143б, 20; мълoгoсьние Ч polu♦⊕pn/a 115а, 4; мащэние Ч c♦rШsiV 93б, 5–6; нaвoжэние Ч Brde/a 3г, 2–3; нaпpаснивъство Ч Бхисol/a 77в, 1–2; нaрoчънoимэньнa фep♦n&m♦V 102а, 20; нaругание Э PmpaigmЯV 16в, 16–17; Э mukthrisмЯV 37а, 7; Э cleuasmЯV 50г, 7; нaтp\$жняние te Epajlon 17а, 8–9; нaутp\$жняние te ЮJlon 141а, 16–17; нaчстъчън\$и prooimiakЯV 115а, 21; нэвидoмa БорГт♦V 115а, 13; нэволею Bkous/♦V 12а, 2; нэв\$чэние Ч BmaJe/a бг, 3; Ч BmaJ/a 133б, 15; нэглаголание Ч Чsuc/a 86г, 11–12; нэдoстoинън\$и BнГxiov 140а, 3; нэзaгладън\$и BnexГлеiptov 114в, 22 – 114г, 1; нэзaгpaждэн\$и ЮфpакtoV 87в, 14–15; нэистицские Ч Brer⊕eus/a 102в, 13; нэнавистив\$и to% m/souv 85г, 18–19; нэнавистoблудън\$и misЯlagnov 79г, 6–7; нэнавистoбoжън\$и misЯJeov 128в, 16–17; нэнави-

стоскврньн\$и misЯbr♦moV 79г, 7–9; нэподражив\$и Em/mhtoV 137в, 20–21; нэпосрамьн\$и Bkata/scuntoV 53в, 21–22; нэпотърэн\$и BnexГleiptoV 24в, 21–22; нэпоучан\$и BmelTghtoV 23в, 7; нэпоходьн\$и Bk/nhtoV 131г, 13–14; нэпошьстие Ч Bkinhs/a 21г, 14–15; нэприближение Ч Bsunous/a 2в, 17–18; нэприб\$тъкъ Ч ElleiyiV 139г, 13–14; нэп\$таем\$и Bper/ergoV 23в, 5–6; нэраждение Ч BmTleia 144б, 16–17; нэразгоним\$и Bk/nhtoV 36в, 15–16; нэраздвоена Bnamφibя1♦V 47г, 11; нэраздрашэн\$и ЮlutoV 27а, 19–20; нэраздрашим\$и BdiГlutoV 101г, 14–15; нэразличьн\$и Bpo/kiloV 143б, 16–17; нэразорьн\$и ЮlutoV 53а, 3–4; нэсамохотьн\$и Bko&siоV 133г, 2–3; нэсвоевол^ьн\$и Bko&siоV 142а, 19–20; нэслаб\$и Bd/staktoV 141г, 13–14; нэстрашив\$и BpтяhtoV 36б, 22 – 36в, 1; нэсупротивьнословьникъ Э Bnant/logoV 4г, 11–12; нэсьврьшэн\$и BtelшV 21в, 12; нэсьграшьна Bpta/st♦V 143г, 21–22; нэськуплен\$и Bsund/astoV 106б, 18–19; нэсьмутьн\$и BJTlhtoV 2а, 6–7; нэтьлим\$и ЮфJartoV 96а, 10; нэтьльн\$и ЮфJartoV 109б, 15; нэтьлан\$и BmbrЯsioV 1а, 19–20; нэудобрэн\$и BkallшV 37б, 17–18; нэухулен\$и BloidЯrhtoV 139а, 3; нэчловаколюбив\$и BφilГnJr♦poV 89а, 13; нэчловачьн\$и BpГnJr♦poV 48а, 10; 129б, 15; нэчувьство Ч BnaisJhs/a 145а, 9; нэчувьствовати BnaisJhtT♦ 114б, 2–3; нововьвэд\$и Э e{sag♦gikЯV 21в, 10; новоприступл^ь neopagшV 13б, 8–9; обращение Э гГmoV 75г, 5; оброшати dros/ζ♦ 103б, 3–4; обубожити tapeinЯ♦ 80а, 12; огрьстити kurie&♦ 118а, 1; окупьна ЭmoJumadЯn 81б, 19; оскоминьно Э omφax 86а, 20; оскуждение Ч Endeia 2в, 14; ослушан\$и тьV parakoыV 18г, 2–3; острокраин\$и BkrЯtomoV 113г, 15; оссгъ Ч Bфш 106в, 8–9; отьньчавати lept&n♦ 93г, 14–15; отсжьчити barT♦ 117а, 12; охуждание Ч e_tTleia 142а, 19; пастушь to% poimTnoV 26а, 18–19; паучьнославьн\$и BpacнЯдохoV 2г, 21–22; пэл\$ньн\$и to% ByinJ/ou 46г, 14–15; плодоносив\$и карпофЯroV 32б, 5–6; плодоприношэние Ч карпофор/a 135а, 18–19; побадь Ч n/kh 90в, 12; погрьблен\$и katakamptЯmenoV 55в, 8; податьно Э pряxenoV 141а, 17; поначстие Ч prokГtarxiV 88а, 5–6; послушьница Ч #pakoш 5г, 7; приближение Ч scTsiV 14г, 8–9; провадьникъ Э PrognЙsthV 121а, 12; провадьн\$и progn♦stikЯV 22б, 6; проглаголение Ч sullal/a 27г, 8; прозорьникъ Э problTpthV 133а, 11–12; протсгнути Pkte/n♦ 9б, 5–6; протсжан\$и PpitetГmenoV 114г, 19; протсжьна PpitetamTn♦V 17г, 18; проувадание Ч pряgn♦siV 122в, 5–6; проувадание Ч pряgn♦siV 65а, 8; проустроити proparaskeuГζ♦ 115в, 18–19; прадавьць Э prodЯthV 102б, 8; прадиглаголати prolTg♦ 99г, 21–22; прадиположити prot/Jhmi 134а,

18–19; прадъличьн\$и katД прЯs♦pon 12б, 14–15; пракланяние Ч kl/siV 107г, 22 – 108а, 1; пральстьница Ч БpateЙn 98г, 10–11; пашьствовати peZe&♦ 11а, 16; peZopopT♦ 140а, 17–18; рас\$пование Э skorpismЯV 135б, 17; расадание Ч Jpa%siV 36в, 13–14; рэльн\$и to% laimo% 74г, 21–22; самоосудьн\$и a_tokatГkritoV 112г, 6–7; a_tomatЯkritoV 53в, 15–16; самопэчальн\$и a_tomTrimnoV 53в, 17; самопоходьн\$и a_tok/nhtoV 70в, 12–13; самохуление Ч a_tomemy/a 128а, 11–12; своевол^ьн\$и {dia/retoV 119б, 2–3; своевол^ьна {diairtt♦V 27в, 8; своеварьство te o{keiЯpiston 142а, 4–5; своеплэмэньн\$и ЭмяfuloV 19в, 3–4; своестроение Ч {dioruJm/a 24а, 15–16; сэбэсупротивьн\$и a_tenant/oV 112г, 8–9; сэбаварьн\$и o{keiЯpistoV 1г, 18; сэбагодов\$и a_tГreskoV 1г, 17; скороп\$тание Ч Бkribolog/a 25б, 9–10; скриньн\$и r©uparЯV 8в, 3; сладоврадън\$и суц. Э ЧdupaJШV 46г, 18–19; сладогласьн\$и Чduф♦n/aV 106г, 9; сладолубие Ч filhdon/a 115в, 2; словодръжьць Э logoJТthV 124г, 6; смахотворьница Ч gel♦topoiЖ©❖a 95б, 21–22; ст\$дько a{scrЯn 99г, 8; супротивоглаго- лание Ч Bnt/rer©hsiV 98а, 14–15; супротивословие Ч Bntilog/a 136в, 21–22; супротивьна to_nant/on 46в, 8–9; супротивьпраманение Ч BntikatallagШ 84г, 13–14; съближение Ч Эmil/a 108г, 9–11; Ч sunous/a 105г, 9; съближьникъ Э sunЯmilov 132б, 14; съкровьникъ Э kr&pthV 48а, 8; съкупляние Э sunduasmЯV 105в, 17; съмэть te sk&balon 111б, 9; съражаньн\$и proskro&se♦V 43г, 6; съсладити сс Чd&n♦ 95г, 5–6; съсластьн\$и PnШdonoV 105в, 22; състрастьн\$и PmpaJШV 8а, 3; сътужение Ч stenoc♦r/a 17г, 7–8; тождэимэньникъ Э sunЙnumoV 132б, 15; томи- тэл^ьница Ч turann/V 94г, 21; тризноположьникъ Э Бg♦noJТthV 36г, 1–2; трипльтьн\$и tr/seiroV 136а, 10–11; тьльньн\$и фJartЯV 109б, 17; угльбь perphgЙV 82г, 5; удобьпопльзаемое te e_ЯlisJon 15а, 18–19; удобьсвъращаем\$и e_metГblhtoV 77г, 22 – 78а, 1; устуждание te yucrhistШrion 86в, 20; устуждение Ч BнГyухiV 75б, 21; учутие Ч aЖ©sJhsiV 139а, 9; ходьць Э gureutШV 18в, 4; цватоносие Ч BнJhфop/a 135в, 13; чудотворьникъ Э JaumatopoiЯV 52б, 10–11; чсдораждение Ч teknogon/a 112б, 5–6.

Таким образом, лексика русских списков Лествицы, ставших для И.И. Срезневского лексикографическими источниками (Рум. 198, Рум. 199, Рум. 201, Трц. 10, Син. 105, Син. тип. 39), представлена в Словаре не в полном объеме, однако огромной заслугой ученого является то, что он ввел эти списки памятника в научный оборот. Кроме источников Словаря, в работах И.И. Срезневского находим указания на МДА 152, Хлуд 58, на одну несохранившуюся рукопись, на одну рукопись, судьба которой в настоя-

щее время неизвестна. Исследователь говорил: «Каждый из старых памятников языка должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном. По сличении лучших списков надобно составить для него особенно полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттенка его значения, и особенно полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы. В том и в другом должно быть отмечено влияние чужестранных языков» [Срезневский 1859: 80]. Лествица Иоанна Синайского стала для И.И. Срезневского именно таким памятником, давшим ему весьма ценный материал для научных изысканий.

Литература

Жуковская, Л.П. Древнейшие Лествицы Румянцевского собрания как лингвистический источник русского Средневековья [Текст] // Румянцевские чтения. К 240-летию со дня рождения Н.П. Румянцева. – Ч. I–II : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. 14–15 апреля 1994 г. – М., 1994. – Ч. II. – С. 94–96.

Попова, Т.Г. Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности [Текст]. – Саарбрюкен, 2011.

Попова, О.С. Новгородская рукопись 1270 г. (Миниатюры и орнамент) [Текст] // Зап. Отд. рукоп. ГБЛ. – М., 1962. – Вып. 25. – С. 184–219.

Срезневский, И.И. Древние памятники русского письма и языка X–XIV веков. Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков [Текст] // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – СПб., 1863 – Т. X ; 2-е изд. – СПб., 1882.

Срезневский, И.И. Древние памятники письма и языка юго-западных славян (IX–XII вв.). Общее повременное обозрение с заметками о памятниках, доселе бывших неизвестными [Текст]. – СПб., 1865.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст]. – М. ; Л., 1958. – Т. I–III.

Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка (читано на акте Император. С.-Петербур. ун-та 8 февраля 1849 года) [Текст]. – М., 1959.

Срезневский, И.И. Описание рукописей библиотеки А.И. Хлудова [Текст] // СОРЯС. – СПб., 1873. – № 1. – Т. X. – С. XV–XXV.

Срезневский, И.И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. [Текст] : лекции, читанные в Император. С.-Петербур. ун-те в 1865–1880 гг. – СПб., 1885.

Тихомиров, Н.Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII вв. Ч. II [Текст] // Зап. Отд. рукоп. ГБЛ. – М., 1965. – Вып. 27. – С. 93–148.

Турилов, А.А. «Ото князя отъ Ярѣполка» (К истории двух древнейших русских списков Лествицы) [Текст] // Рус. язык в научном освещении. – 2002. – № 3. – С. 204–210.

Popova, T.G. Die “Leiter zum Paradies” des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften [Text] // «Лествица» Иоанна Синайского. Каталог славянских рукописей. – Köln, 2012.

О.В. Прискока
(Киев, Украина)

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Как известно, византинославика с ее кирилло-мефодиевской проблематикой является фундаментом, на котором зиждется вся классическая славистика. На этой основе сформировались такие отрасли знаний, как славянская палеография, старославянский язык, историческая лексикология, лексикография и историческая грамматика славянских языков и др. Исследовательская работа над древними славянскими рукописными текстами, как правило, религиозного христианского содержания главным образом в византийской канонической традиции требует у исследователя, кроме осведомленности о древних славянах, их языке, истории и культуре, наличия основательных знаний древнегреческого, древнееврейского языков, Ветхого и Нового Завета, других богослужебных книг, жанров христианской литературы, особенностей ведения литургии и церковного чина и многого другого, поскольку в основе большинства древних славянских переводных произведений лежат древнегреческие оригиналы, а в собственно славянском литературном творчестве нередко используются мотивы древней византийской литературы.

Богатое научное наследие И.И. Срезневского свидетельствует о том, что он блестяще владел всем необходимым инструментарием учено-слависта и получил результаты, значительная часть которых не утратила актуальности и в наши дни.

По последним данным, изложенным в Биобиблиографическом указателе И.И. Срезневского, выпущенном к 200-летию со дня рождения в 2012 г. в Харькове на украинском языке, список литературы об ученом составляет 669 наименований [Журавлёва 2012: 62–127].

Если в этом списке можно встретить немало работ, посвященных анализу различных аспектов научной деятельности И.И. Срезневского, в частности объяснению пользы его трудов для русистики и славистики, то статей, в которых бы рассматривалась древнегреческая составляющая его научного творчества, мы не нашли вовсе. Ее наличие как бы подразумевается само собой. Даже в некоторых персоналиях из справочной литературы данный вопрос не освещается (см., например: [Булахов 1976, 1: 219–232; БСЭ 1957, 40: 389; БЭ 2006, 47: 462–463]).

Между тем, И.И. Срезневский не только использовал знания в области древней византийской дохристианской и христианской культуры для изучения славистики в широком понимании этого слова, он занимался исследованиями, направленными на выяснение истории отдельных разновидностей древнегреческой письменности, и осуществил по этой теме публикации. Все это, по нашему мнению, говорит о том, что изучение связей научного творчества И.И. Срезневского с византийской культурой заслуживает внимания современного срезневсковедения.

Прежде всего следует заметить, что не все из тех, кто писал о Срезневском, выпустили из поля зрения эту сторону научного наследия ученого. Так, профессор Н.А. Кондрашов в известном учебном пособии для студентов заметил: «Работы по древнерусской палеографии привели Срезневского к изучению палеографии греческой. В 1872 году он прочел специальный курс греческой палеографии. Позднее он опубликовал обширную статью “Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма” (1876 год). И по этой области знаний Срезневский собирал снимки с памятников» [Кондрашов 1979: 58].

Гораздо чаще, чем у биографов, мы встречаем оценку научных достижений И.И. Срезневского, связанных со знанием византийской культуры, в работах исследователей памятников древней славянской письменности. Приведем лишь некоторые из них.

Исследователь древнерусского перевода «Жития Андрея Юродивого» А.М. Молдован отметил, что «И.И. Срезневский был одним из немногих, кто понимал, что “Житие Андрея Юродивого” по достоинствам перевода (курсив мой. – О.П.), самобытности и живости языка уступает разве что “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия», что «благодаря И.И. Срезневскому, лексика разных списков ЖАЮ оказалась довольно неплохо отражена в “Материалах для словаря древнерусского языка”» [Молдован 2000: 5]. Как видим, в этой ремарке подспудно подчеркивается основательное знание И.И. Срезневским древнегреческого языка.

Напомним, что И.И. Срезневский был одним из первооткрывателей глаголического памятника старославянской письменности, известного в современной науке под названием «Киевские листки». Он также был первым, кто сделал его описание и анализ текста. Глубокое знание Святого Письма помогло Срезневскому определить, что текст памятника по времени и содержанию неоднороден. Главное место занимает католическая обедня по славянскому образцу, переведенная в конце X в., но на первой странице помещен более поздний текст, который является отрывком из апостольских чтений.

Вот как об этом пишет один из крупнейших исследователей «Киевских листков» В.В. Нимчук (перевод с украинского автора статьи): «Текст, занимающий три четверти первой страницы, исследователь (речь об И.И. Срезневском. – *Примеч. авт.*) назвал отрывком из апостольских чтений: глава XIII, стихи 11–14 и глава XIV, стих 1–4 из послания апостола Павла к римлянам. Правда, это не отрывок, а полное апостольское чтение, которое начинается словом братиh. Его, например, находим в недавно открытом “Енинском апостоле” XI в. (в восточнохристианском обряде этот отрывок из Апостола читается в сыропустную субботу). Естественно, И.И. Срезневский отметил, что речь идет об отрывке из древнего славянского Апостола (переведенного с греческого языка), поэтому и сопоставил эту часть Киевских листков с Охридским Апостолом и так называемой Македонской книгой апостольских чтений. ...Как явно более поздний текст, чем миссал Ки-

евские листки, апостольское чтение памятника мало привлекало и привлекает к себе внимание славистов. Точное соответствие ему еще нужно поискать. Ясно одно, в Киевских листках помещен очень древний перевод Апостола, но в его правописании отражается сравнительно поздняя пора» [Нимчук 1983: 32, 33].

Еще об одном виде научных разысканий И.И. Срезневского, связанных с византийской культурой, ярко и выразительно, частично со ссылкой на другие источники, написал исследователь «Рязанской кормчей» 1284 г. К.А. Максимович: «Во второй половине XIX в., пожалуй, наиболее плодотворным исследователем и издателем славянского рукописного юридического наследия был И.И. Срезневский. Его перу принадлежит целый ряд до сих пор актуальных работ о древнерусской юридической книжности. Среди них исследования договоров Руси с греками, подробное описание древнерусских “Пандектов Никона Черногорца” с изданием находящихся в них юридических текстов, описание Новгородской (между 1285 и 1291 гг.) и Устюжской кормчей (XIII–XIV вв.) с указанием их византийских источников, описание сербской Рашской кормчей 1305 г., описание греческого Иверского номоканона. Перу И.И. Срезневского принадлежит также подробное описание Рязанской кормчей 1284 г.». И далее: «Замечательным преимуществом Срезневского перед другими исследователями кормчих книг была его фундаментальная филологическая подготовка. Так, в своем описании Рязанской кормчей (а также других кормчих) он свободно цитирует греческий оригинал канонов, а в славянском тексте указывает слова и обороты, характерные для сербского или болгарского древнеписьменного языка» [Максимович 2007: 190, 191].

Добавим к сказанному К.А. Максимовичем, что «свободное цитирование греческих оригиналов канонов», а также знание древнегреческого языка отразилось и в главной работе жизни И.И. Срезневского – его «Древнерусском словаре». В этом отношении заслуживают внимания особенности оформления словарных статей. О том, насколько хорошо знал И.И. Срезневский греческие оригиналы переводных славянских письменных памятников и как это отразилось на оформлении словарной статьи, написал в приводимой уже здесь работе профессор Н.А. Кондрашов: «Толкование значений слова выражается в применении синонима из современного русского языка. В подавляющем большинстве случаев дается перевод на латинский язык. Греческие соответствия приводятся лишь в тех случаях, когда по церковным текстам было ясно, что именно это греческое слово было переведено на старославянский или древнерусский язык» [Кондрашов 1979: 58].

Приведенные выше высказывания демонстрируют нам достижения И.И. Срезневского в славистике, ставшие возможными благодаря его основательной подготовке в области византинологии. Но в его научном наследии есть работы, в которых византийская культура является непосредст-

венным объектом научных разысканий исследователя. Рассмотрим некоторые из них.

Весь XIX в. в научном мире длилась дискуссия, которая полностью не утихла и в наше время, по вопросам, относящимся к возникновению древних славянских азбук. Принимал участие в этой дискуссии и Срезневский. Его точка зрения обычно основывалась на фактах, содержащихся в древней письменности, лично им найденных и интерпретированных. С этой целью им предпринимались поездки по России, монастырским библиотекам, содержащим древние рукописи. В данном случае речь пойдет о поездке, осуществленной ученым в 1860 г., и о «Палеографических заметках», содержащихся в отчете II Отделению Академии наук [Срезневский 1860: 161–170]. Одна из целей поездки – «...найти какие-нибудь любопытные указания относительно древности письма кириллического и глаголического» [там же: 161].

Из содержания статьи видно, что И.И. Срезневский стремился проверить устоявшуюся к тому времени точку зрения относительно греческого письма IX в., которое, как считали, послужило образцом для образования письма кириллического. В связи с этим Срезневского прежде всего интересовали те греческие рукописи, относящиеся к IX–X вв., на которых обозначено время их написания. Имеющиеся в его распоряжении греческие рукописи IX в. Аскетикон Василия Великого с записью 860 г. и Лествица Иоанна 899 г. указывали, что в IX в. в греческой письменности господствовало письмо скорописью, что «даже и тот устав, который употреблялся для строк заглавных, не похож уже на устав, принятый славянами за образец для письма» [там же: 162].

Найти полностью нужную рукопись И.И. Срезневскому не удалось. Наиболее подходящей оказалась рукопись Парижской библиотеки № 130, содержащая список сочинений Григория Назианзина, с приблизительной датой написания 867–886 гг. В ней были представлены разные почерки письма, можно было судить, какое письмо в то время считалось лучшим, однако того письма, которое можно было бы считать образцом для письма славянского, в ней не оказалось: «...вся рукопись писана письмом косым, даже и заголовки и эпилоги писаны уставом не той формы, как наш славянский» [там же: 163]. И далее ученый отмечает: «Не забудем при этом, что есть рукописи греческие, представляющие желаемый образец если не положительно VII–VIII века, то по крайней мере относимые к этому времени: такова, например, Апракос синодальной библиотеки № 42» [там же: 163].

Таким образом, рассматривая эту небольшую работу И.И. Срезневского, мы видим, как глубоко он разбирался в тонкостях древнего греческого письма и как требовательно относился к собственному научному творчеству, касающемуся аргументации какой-либо концепции.

Еще одной работой ученого, наиболее ярко характеризующей научное наследие Срезневского в области византистики, свидетельствующей

о знании им древнегреческой дохристианской и христианской палеографии, является упоминаемая Н.А. Кондрашовым «обширная статья», изданная в 1876 г. отдельной брошюрой под названием «Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма И.И. Срезневского. I–II. Обзорение русских трудов по греческой палеографии – древние христианские надписи в Афинах» [Срезневский 1876].

Первая глава «Обзорение русских трудов по греческой палеографии» изложена на 16 страницах.

В самом начале И.И. Срезневский указывает на необходимость изучения греческой палеографии в России: «Самое происхождение славянской азбуки от греческой и важное значение этого дела в истории русской письменности должно было наводить наших исследователей на внимание к греческим письменам, и это должно было начаться довольно издавна» [Срезневский 1876: I].

Ранее, как отмечает И.И. Срезневский, в широком обиходе были труды иностранцев Монфокона, Дюканжа, Бандини, Занетти и других, но с появлением в России ряда ученых учреждений – нескольких университетов, Академии наук, Московского и Одесского обществ истории и древностей, Санкт-Петербургского археологического общества, – стали появляться и издаваться работы по греческой палеографии, главным образом исследовались надписи (Срезневский употреблял термин *надписи*).

По материалам этой главы можно сделать вывод о том, что в поле зрения И.И. Срезневского, считая только фамилии исследователей, было более тридцати работ русских ученых. Наиболее подробно он анализирует такие труды: «Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских» (в этом издании поместили свои работы П. Петров Ф.И. Буслаев с чертежами и снимками Шелковникова); архимандрит Порфирий «Указатель актов, хранящихся в обителях Святой горы Афонской» 1847 г.; статьи в зарубежной и отечественной периодике архимандрита Антонина, исследовавшего древние христианские надписи в Афинах; Собрание снимков, сделанных П.И. Севастьяновым на Афоне, хранящихся в Московском музее; «Указатель Синодальной ризницы и библиотеки» епископа (ранее архимандрита) Саввы; многочисленные палеографические издания памятников греческого письма архимандрита Амфилохия, а также труды А.С. Уварова, Л.А. Сибирского, Н.Л. Мурзакевича (разные исследования о монетах и других древностях в «Записках Одесского общества»), Б.А. Кене, П.Ф. Беккера, К.К. Герца, Ф.А. Струве, В.И. Юргенича, В.В. Стасова, В.А. Виноградского, Ю.Д. Филимонова и многих других.

Подводя итог обзорения европейских и отечественных работ по греческой палеографии, И.И. Срезневский отмечает: «Сравнивая с тем, что сделано и делается в греческой палеографии в Западной Европе, итог наших русских трудов нельзя назвать богатым, но и считать их лишними, ничем не обогатившими общего итога данных, добытых для уяснения истории греческого письма, также нельзя» [там же: XIV]. А в отношении ис-

следований памятников греческого письма христианского времени заметил: «...нельзя не признать эти работы важным вкладом в сокровищницу науки» [там же: XV].

Вторая глава данной работы «Древние христианские надписи в Афинах» делится на пять частей.

В первой части ученый объясняет, почему его внимание привлекли надписи Афин. Ссылается на послание апостола Павла к солунянам, в котором говорится о зачатках христианства в Афинах. С Афинами связаны имена философа Афинагора (защитник веры христовой против язычников), Оригена и Григория Неокессарийского, отмечает своеобразные достаточно мирные отношения язычников и христиан, среди которых ученые люди, язычники Имерий, ученики его Юлиан, Евнаний, христиане Проэресий, его ученики Григорий Назианзин, Василий Кессарийский. Самое же главное – в Афинах много храмов, хотя и в большинстве разрушенных, но с большим количеством камней с надписями.

Во второй части И.И. Срезневский рассматривает афинские надписи, помещенные в наиболее серьезной в научном отношении работе архимандрита Антонина «О древних христианских надписях в Афинах», 1874 г., и сверяет ее материалы с данными наиболее солидного в то время зарубежного справочного издания «Corpus inscriptionum, pars quadragesima» (4 том). Всего в работе Антонина описано 209 надписей, Срезневский приводит их по местностям: 1) Ликодим – 21 надпись, 2) церковь св. Феодоров – 2 надписи, 3) Фисион – 40 надписей прочитанных и 6 только срисованных, 4) Пропилеи – 20 надписей, 5) Эрехфион – 3 надписи, 6) Парфенон – 102 надписи, 7) надписи отдельные – 21 надпись.

Сравнение двух названных работ, детально и тщательно проведенное И.И. Срезневским, показывает, что в сборе материала, качестве его зарисовки, классификации и интерпретации есть достижения и недочеты как с одной, так и с другой стороны. Многое из того, что дано в «Corpus», при помощи того, что сделано Антонином, получает новый свет или освобождается от сомнений, и самый запас данных значительно увеличивается.

Анализируется также содержание текстов на плитах, в основном это надгробные надписи, но встречаются и молитвы, тропари, объяснительные надписи и др.

Из наиболее любопытных по особенности содержания приводится текст надписи со словом Мария:

Α̅Α̅² ΑΜΑΡ² Α , Ε̅Α̅² Ο̅Α̅Ο̅Ω , Μ̅Α̅Ι̅Ε̅Ε̅Α̅² , Ε̅Α̅V̅N̅I̅I̅S̅
Ο̅I̅I̅ , Ἀ̅Α̅Μ̅W̅I̅O̅Α , Ο̅Ε̅I̅I̅V̅M̅O̅E̅I̅ , Μ̅I̅Y̅E̅E̅M̅E̅O̅E̅I̅ ,
Ἀ̅Α̅I̅Α̅N̅F̅A̅E̅ , Ἀ̅M̅N̅ Α̅O̅P̅I̅I̅² I̅A , Ἀ̅X̅W̅E̅ P̅I̅I̅I̅W̅N̅
E̅I̅ , Ε̅W̅O̅I̅I̅P̅I̅M̅A̅I̅I̅A̅Y̅O̅O̅Y [там же: 65, также: 15],

что в переводе означает: «Святая Мария благодатная, повели, чтобы женившийся на моей невесте слег, а я был бы лекарем, чтобы улучил время пересечь ему ромб» [там же: 15]. По поводу перевода или значения термина *ромб* (др.-греч. P̅I̅M̅A̅I̅I̅) возникла дискуссия с Дестунисом (на с. 65–68

рассматриваемой работы приводится отрывок из его письма И.И. Срезневскому).

«Среди других, – отмечает И.И. Срезневский, – есть известия общеважные и частные», так, в храме св. Феодоров обе надписи заключают в себе известие о возобновлении храма Николаем Каломалом в 1049 г. и др. [там же: 15, 16].

В третьей части И.И. Срезневский приводит в хронологический порядок все надписи, в которых есть указание на время написания, со своими замечаниями и выводами. В связи с тем, что большинство датированных надписей на плитах идут из Парфенона, он приводит историю Парфенонского храма и историю возникновения христианства в Парфеноне. Выстраивает хронологический список епископов, похороненных возле Парфенонского храма начиная с 685 г. и заканчивая 1175 г. Приводятся также сведения о церкви в Пропилеях, христианском храме в Эрехфионе (здание перестроено из языческого храма).

Не оставил без внимания И.И. Срезневский вместе с познавательно-историческим и лексический аспект сведений, содержащихся на плитах Парфенонского храма. В частности, он приводит перечень иерархов, интересный в историко-лексикологическом отношении. В перечне мы наблюдаем грецизмы, кальки с древнегреческого и некоторые славянские слова. В этом византийском наследии И.И. Срезневский ориентировался совершенно свободно, в то время как в наши дни все они требуют специального объяснения, а часть из них и специального изучения их истории. Даем его с некоторыми сокращениями: **«иереи и пресвитеры, протопопы, девтеревсы, диаконы, архидиаконы, чтецы, сакелларии, икономы из диаконов, сосудохранители из диаконов или пресвитеров, бумагохранители, грамматевсы, хартуларии, доместики, первопевчие из диаконов, дипотаты из диаконов, сиропитатели, кураторы»** [там же: 30]. Небезынтересно заметить, что часть лексем, приведенных выше, побывали историзмами, а в наши дни, в связи с изменением отношения к религии в современном обществе, возвращаются в активный состав русской лексики.

В четвертой части И.И. Срезневский делает палеографический разбор текстов афинских плит. Здесь интересны замечание о том, что в ряд древнейших надписей, в частности 10–13, следует ставить те, на которых читается слово $\hat{\epsilon}\hat{\omicron}^2\hat{\mu}\hat{\epsilon}\hat{\omicron}\hat{\epsilon}\hat{\rho}^2\hat{\iota}\hat{\iota}$, и этимологический этюд, в котором ученый тонко подмечает постепенное преобразование первичной семантики этого слова ‘спальня’ в практике христианского обрядового общения в ‘усыпальница’ и результаты в исп. *cimiterio* ‘кладбище’, фр. *cimetii* ‘кладбище’, также пол. *smentarz* ‘кладбище’ и укр. (у Срезневского – малорусское) *цвинтарь* ‘то же самое’ (точнее – ‘кладбище при церкви’. – *Примеч. авт.*) [там же: 41–43]. Кроме того, ученый продемонстрировал еще одну сторону взаимодействия своего научного творчества с византийской культурой – умение исследовать этимологию слов древнегреческого языка.

И наконец, пятая часть важна и интересна тем, что в ней И.И. Срезневский на основе данных, извлеченных из надписей, приводит в хронологическом порядке видоизменения рисунков греческих букв в порядке греческого алфавита. Этот материал очень нужен тем, кто и в наши дни исследует вопросы возникновения и дальнейшего развития старославянской письменности.

Таким образом, подводя итог рассмотрению данной темы, можно сделать вывод о том, что византийская культура пронизывает все основное научное творчество ученого. На ее фундаменте построены главнейшие научные достижения И.И. Срезневского-слависта. Она органично вошла в его жизнь с раннего детства, будучи неотъемлемой частью системы воспитания, принятой в семьях выходцев из династии священников, ею было наполнено гуманитарное образование, чего, к сожалению, в достаточной мере нет в современной средней и высшей школе. Конечно же, далеко не последнюю роль сыграл огромный исследовательский талант И.И. Срезневского, который в соединении с византийской культурой привел к феномену его научных достижений.

Литература

БСЭ – Большая советская энциклопедия [Текст]. – 2-е изд. – М., 1957. – Т. 40.

Булахов, М.Г. Восточнославянские языковеды [Текст] : библиогр. слов. – Минск, 1976. – Т. 1.

БЭ – Большая энциклопедия [Текст] : в 62 т. – М., 2006. – Т. 47.

Кондрашов, Н.А. Лингвистическое и методическое наследие И.И. Срезневского [Текст] : учеб. пособие. – М., 1979.

Максимович, К.А. И.И. Срезневский как исследователь Рязанской кормчей 1284 года [Текст] // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: Тенденции в науке, образовании и культуре. – Рязань, 2007. – С. 189–191.

Молдован, А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности [Текст]. – М., 2000.

Німчук, В.В. Київські глаголичні листки: Найдавніша пам'ятка слов'янської писемності [Текст]. – Киев, 1983.

Срезневский, И.И. Палеографические заметки, сделанные во время путешествия летом 1860 года [Текст] // ИОРЯС. – СПб., 1860. – Т. 9. – Стб. 161–170.

Срезневский, И.И. Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма И.И. Срезневского. I–II. – Обзорение русских трудов по греческой палеографии. Древние христианские надписи в Афинах [Текст]. – СПб., 1876. – XVI.

Журавлева, I.K. Измаїл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження) [Текст] : біобібліогр. покажчик / I.K. Журавльова, Д. Айдачич. – Харків, 2012.

Т.В. Федосеева
(Рязань)

**И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И Ф.И. БУСЛАЕВ:
К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА
В ФИЛОЛОГИИ**

Современное состояние отечественной филологии вызывает споры, в которых нередко звучат разочарование и нигилизм. Совсем недавно, на рубеже XX–XXI вв., нередко были уверения в переживаемом наукой глубоко кризисе. Хочется думать, что кризис успешно миновал и филологическая наука вместе со всей разветвленной системой современного гуманитарного знания находится на пути преодоления методологического кризиса. В 1990-х гг. в результате свободного включения в отечественную науку европейской научной методологии возникла инерция отпадения от национальной исследовательской теории и практики. Это явление объясняется целым рядом объективных причин, среди которых и та, что долгое время развитие каких-то вариантов методологии в отечественной науке, кроме марксистско-ленинской, было практически невозможно. Предопределило сложившуюся в филологии ситуацию также и общее состояние современной науки, антропологически ориентированной и тяготеющей к интеграции.

Восторжествовавшее на рубеже веков постмодернистское сознание выразилось в исследовательской методике гуманитарной науки деконструктивизма, активно применяемой до сих пор в философии, филологии, искусствоведении. Исследователь и текст выступают, в соответствии с установкой на деконструкцию, как имманентно существующая замкнутая система, вне исторического контекста. Как было замечено М.А. Маяцким, в филологическом исследовании акцент переносится с процесса интуитивного постижения метафизического содержания текста, выраженного голосом автора, на изучение «конструктивной роли письма» и «процесса производства смыслов», «деконструкция расшатывает мнимую незыблемость метафизических понятий, обнаруживая разрывы и отсутствия там, где предполагалось полное присутствие смыслов» [Современная западная философия: 109–110]. С применением семиотической и прагматической методики текст толкуется как знаковая система и оценивается, прежде всего, с точки зрения точности и полноты заключенного в нем высказывания. Новые филологические методики выражают стремление разрушить классическую систему познания и сводят смысл текста к информации о мире.

Между тем, как в 1990-х гг., так и теперь, раздаются голоса в защиту универсальных методов, ориентировавших исследователя на постижение исторических закономерностей существования языка и текста, легших в основу филологии как науки. В.В. Ванслов справедливо заметил, что историко-генетический, сравнительно-исторический, формально-стилистический исследовательские методы не могут быть, «не подменены и не заменены новейшими методами» [Ванслов 1994: 99]. В работах Т.А. Касаткиной справедливой критике подвергается односторонность методологии струк-

турализма – постструктурализма – деконструктивизма. Слабое место новой методологии обнаруживается в том, что исследователями сделан «акцент на значении слова, актуализированном волей говорящего», в то время как онтология слова уходит от внимания [Касаткина 2004: 44]. По справедливому суждению ученого, отношение к слову как средству коммуникации предполагает сведение его к функции, тогда как «слово заключает в себе некую реальность, не зависящую от воли участников коммуникативного акта, реальность, которую они могут только заметить или не заметить, осознать или не осознать, но не властны вызвать ее к жизни или запретить ей быть по собственному произволению» [Касаткина 2004: 44]. Завершая анализ существующих в современной науке концепций смысловой наполненности художественного слова, Касаткина приходит к выводу о том, что «значение слова не определяется близлежащим контекстом, <...> его смысловое поле, выявляется совокупностью контекстов – по тому же принципу, по которому решается система со многими неизвестными» [Касаткина 2004: 47].

Сегодня еще ощутима возникшая в порубежный период тенденция к «размыванию» границ филологии, объединению ее с другими гуманитарными дисциплинами не только на методологическом уровне, но на уровне определения объекта изучения. Филология мыслится как комплекс научных дисциплин, перечень которых максимально расширен. «Текст» в условиях постмодернистского сознания приобрел расширительное толкование, как объект изучения он вербально не ограничен. Так, в работе петербургских исследователей И.А. Щировой и Е.А. Гончаровой утверждается, что «текст выступает сегодня предметом изучения самых разных наук». В их число включены антропологические, культурологические и социологические дисциплины, на основании чего сделан вывод о том, что «в единении различных наук на основе расширительного толкования текста формируется новая гуманитарная терминология и методология» [Щирова, Гончарова 2007: 12–21].

Такое определение лишает филологию собственного объекта изучения, что приводит к стиранию границ между различными гуманитарными дисциплинами, изначально разделявших их с точки зрения предмета изучения. Под именем филологии объединяются научные дисциплины, направленные на изучение различных сторон культурной жизни человечества, хотя и сходящиеся нередко в области изучаемого материала. Неприемлемой такая ситуация становится, когда в число филологических дисциплин включаются не только языкознание, литературоведение, палеография, текстология, лингвистическая теория текста, поэтика, риторика, но также история, семиотика, культурология, теория дискурса [Русский язык 2008: 592].

Хотя совсем недавно раздавались голоса, уверяющие в том, что «соотношение философии, филологии и литературы все еще остается не проясненным, т.е. предстает в качестве проблемы, и эта проблема имплицитно включает возможность различных способов организации установочного звена па-

радикалы филологического исследования» [Кротков, Манохин 2007: 54], настойчиво оформляется и противоположная этой тенденция – к четкому обозначению границ между взаимодействующими на методологическом уровне гуманитарными дисциплинами. Современные филологи утверждают необходимость преемственности в развитии науки по отношению к традиции, оформившейся в России конца XIX – начала XX в. Эта работа ведется, в частности, в ИМЛИ РАН [Литературоведение как проблема 2001], Институте русского языка имени А.С. Пушкина [Филология и культуроведение 2006]. В работах В.И. Аннушкина справедливо восстанавливается в правах традиционное для отечественной науки понимание филологии как «учения о Слове», «словесных науках», «словесности» [Аннушкин 2003, 2009].

Таким образом, филология не только в методологической, но и в установочной части исследования является предметом научных споров. При этом все больше голосов звучит в поддержку традиционного понимания ее как области гуманитарного знания, имеющей свой объект изучения (словесное выражение национальной духовности и культуры) и обладающей спецификой исторически сложившейся методологической системы. Для нас очевидно, что выход из методологического кризиса – именно в обретении современной отечественной наукой прочной преемственной связи в отношении к классической (если угодно, академической) дореволюционной науке.

Конечно, мы далеки от мысли, что необходимо и возможно существование современной филологии в том виде, в котором она оформилась в позапрошлом веке. Очевидно также и то, что направление развития русской и западной науки не является общим, единым.

Хорошо известно тяготение европейской науки к философско-рационалистическому познанию, предопределившее направленность на изучение конкретного, выделенного предмета. Такова возобладавшая в Европе уже в XIX в. феноменология, ориентированная на методы, обеспечивающие чистоту наблюдаемых феноменов. Феноменологическая методика требует освобождения от всего того, что к содержанию сознания «я» не принадлежит, – это весь внешний мир, мир объективной реальности. Согласно учению основоположника феноменологии Э. Гуссерля мир «историчен только благодаря внутренней историчности индивидуумов...». «Человеческое бытие исторично не потому, что включено в историю, а потому, что в основе своей темпорально. Историчность присуща не субъекту и не объекту, но бытию-в-мире» [Современная западная философия 1991: 409–410]. Поэтому «истории» в значении «прошлого» на уровне предмета гуманитарной науки просто не существует – она не может быть познана. В дальнейшем феноменологическая методология развивалась и стала одной из основополагающих в гуманитарном познании XX в.

В России же гуманитарная наука, напротив, всегда тяготела к историческому мышлению. Так, на протяжении длительного развития отечественной философии русские мыслители проявляли устойчивый интерес к проблемам истории. Философия истории, по мнению специалистов, разработана в русской философской традиции наиболее подробно и наиболее

основательно. В процессе ее развития многие философские проблемы переходят в проблемы историософские. К историософии стремятся и находят в ней завершение различные философские концепции. Как наука, в основание которой был положен исторический принцип, формируется и отечественная филология во второй половине XIX в.

С начала 2000-х гг. в науке происходит новое осмысление историзма филологической методике и методологии. Современное отношение к традиции характеризуется стремлением к полноте и достоверности знания об ее истоках. Творческое наследие ученых, создавших оригинальную, укорененную в отечественной культуре методологическую систему И.И. Срезневского и Ф.И. Буслаева, наряду с другими, стало объектом научной рефлексии. В настоящее время оно издается и осмысливается на новом уровне. Изданы не переиздававшиеся после смерти автора тексты магистерской диссертации и ряда работ на темы христианской культуры и письменности Ф.И. Буслаева [Буслаев 1990, 1997, 2003, 2005]. Переизданы некоторые труды И.И. Срезневского [Срезневский 2010, 2011]. Следует заметить, однако, что эта работа лишь в самом начале – полное собрание сочинений ни того ни другого пока не состоялось.

Труды основоположников отечественной филологии издаются и изучаются не только в городах Москве и Санкт-Петербурге, но также и в регионах, городах Пензе, Рязани, Казани и в других центрах вузовской науки. Идет процесс осмысления методологии отечественной филологии XX в. с точки зрения современного состояния науки и развития в ней академической традиции. Ю.И. Минералов, в частности, прямо заявлял о преемственной связи выработанной им методологической системы относительно академической традиции, указывая на то, что книга «Теория художественной словесности» «в своем историко-литературном аспекте преломляет буслаевский и потебнианский подходы на современном уровне» [Минералов 1999: 5]. Изучению именно исторического принципа филологической методологии посвящаются не только статьи и сборники научных трудов, но и докторские диссертации [Данилина 2009; Злобина 2010].

Значение сравнительно-исторической методологии в филологии трудно переоценить – она лежит в самом основании теоретического и исторического литературоведения, как и языкознания. Будучи современниками, И.И. Срезневский и Ф.И. Буслаев решали исследовательскую задачу в диалоге. На это обращает свое внимание Н.В. Колгушкина, которая выделила состоявшийся между двумя учеными диалог по поводу опубликованных И.И. Срезневским «Мыслей об истории русского языка» [Колгушкина 2011: 59–65]. Двум ученым-современникам, несомненно, принадлежит первенство в научном осмыслении исторического развития отечественной словесности. Историзм стал основанием их научного мировоззрения. При том, что во взглядах ученых наблюдались и некоторые разногласия, в основных вопросах они сходились по целому ряду позиций.

Во-первых, в утверждении самой идеи развития языка как способа выражения духовного существования народа в истории. И.И. Срезневский и Ф.И. Буслаев понимали, что, выявляя объективные условия развития национальной словесности, необходимо принимать во внимание как внешние, так и внутренние обстоятельства.

Ф.И. Буслаев, признавая внешние, первостепенное значение в развитии языка придавал внутренним причинам, исследуя не только национальный быт, но, прежде всего, – развитие мировоззрения и духовной жизни. В 1848 г. им была успешно защищена магистерская диссертация «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» [Буслаев 2005: 9–123]. Русское географическое общество присудило за эту работу золотую медаль (1851), а Академия наук избрала диссертанта членом-корреспондентом (1852).

Уже в этом раннем труде ученого, построенном на богатейшем лингвистическом материале, утверждается в качестве основного тезис о связи истории языка «с преданиями и верованиями народа». В языке, по убеждению Буслаева, хранится духовная память последнего.

Размышляя о формировании национального языка и его развитии, исследователь выделил в нем две стадии, каждая из которых соответствовала характеру духовности народа в его историческом существовании. С рождением языка была соотнесена мифологическая стадия истории, когда к народу пришло первое осознание себя в мире. «В языке народ сознал душу, – пишет Ф.И. Буслаев, – согласно со своими преданиями, в тех элементах и силах, которым поклонялся, олицетворяя их в образе божества» [Буслаев 2005: 45]. Последующее преобразование языка связывалось с новыми формами духовности. С развитием образования и движением в области нравственной жизни народа утрачивалась вера в предания, не подтвержденные жизнью. Промежуточное от первой ко второй стадии исторического развития языка состояние объяснялось оформлением более зрелого отношения к миру. В нем отразился «естественный переход от понятий семейных, во всей первобытной чистоте в нем сохранившихся, к понятиям быта гражданского», предшествовавший освоению национальным сознанием общечеловеческих смыслов [Буслаев 2005: 122–123].

Вторая стадия в развитии языка обусловлена принятием христианства. С целью определения того влияния, которое оказало принятие христианства на славянский язык, ученым был проведен сравнительный анализ лексики древнейшего памятника славянской письменности Остромирова Евангелия (середина XI в.) с аналогичными текстами некоторых европейских народов. В результате проведенного сравнения были обнаружены примеры более органичного вхождения в славянский язык лексики Евангелия, более адекватного употребления христианской лексики в контексте. Эти наблюдения привели к выводу о том, что славянский язык, «задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию Христианских идей» [Буслаев 2005: 122]. Христианское просвещение, считал ученый, определило собой

в дальнейшем весь характер русской народности и национальной поэзии. В нем сам народ осознал себя, свою способность к развитию, усвоению гуманных общечеловеческих начал, отразившемуся в языке и поэтическом творчестве.

И.И. Срезневский в своем труде «Мысли об истории русского языка» (1849) подчеркивал органическое, природное начало языка. Все, что есть в языке, «и сущность его, и изменяемость, все законно, как и во всяком произведении природы» [Срезневский 1849]. Необходимость изучения языка в его историческом развитии ученый считал важнейшей составной частью национальной культуры, входящей в мировое сообщество.

В общих подступах к изучению языка в историческом развитии Срезневский был близок Буслаеву и осознавал всю сложность и перспективность начатого дела. Он писал: «Первоначальное образование языков – тайна, которая вскрывается очень медленно, более угадывается, чем сознательно постигается вследствие изысканий. Впрочем несколько выводов, сделанных из соображения данных о языках исследованных, кажутся уже не подлежащими сомнению. Еще менее подлежат сомнению выводы о дальнейшем развитии языков, выводы о двух главных периодах их развития» [Срезневский 1849]. При том, что первостепенное значение Срезневским придавалось природным свойствам языка, предложенная Буслаевым периодизация им была принята.

Во-вторых, общность взглядов двух ученых состояла в утверждении родства славянских языков с другими индоевропейскими языками. При этом Ф.И. Буслаев акцентировал важность духовного, метафизического родства народов. Концепция подчиненности историко-литературного движения духовной составляющей выступала у него в качестве фундамента комплексной междисциплинарной науки об исторических формах народной духовности, отраженной в языке, фольклоре, литературе, иконописи, живописи, скульптуре, архитектуре.

И.И. Срезневский в развитии языка родственных народов, произошедших от одного племени, замечал как общие черты, так и различия, видел причины прежде всего внешние: «Связи народа промышленные, умственные, политические, религиозные, кровнородственные с другими народами: это самое важное из обстоятельств внешних» [Срезневский 1849]. В «Мыслях...» он указывает на необходимость сравнительного изучения родственных языков, поскольку лишь такое изучение дает полноту исторического развития, «язык племени нельзя объяснить исторически без знания языка семьи племен, из которых он произошел». Таким образом, впервые был поставлен вопрос о включении славистики в общую сферу индоевропейского языкознания.

И.И. Срезневский, вместе с тем, считает необходимым предварить сравнительное изучение языков серьезной подготовительной работой по описанию древних письменных памятников, диалектов, современного литературного языка в его отношении к народному. Основная часть «Мыслей...», по

существо, представляет собой программу всестороннего исторического изучения русского языка в сравнении с другими славянскими наречиями. Сопоставляя историческое и современное состояние славянских языков на всех уровнях структурной организации, включая фонетический, лексический, грамматический, ученый замечал, что у каждого народа история языка обусловлена целым рядом объективных причин внешней жизни и судьбы.

Ф.И. Буслаев, осуществляя сравнительное исследование словесной культуры не только родственных, но исторически отстоящих друг от друга народов, замечал сходные верования и обряды, обращался к поиску общих для них источников. Обратив внимание на псковское предание о горе Судоме, на которой будто бы висела с неба цепь, которая в тяжбе давалась в руки только тому, кто действительно был прав, обнаружил его сходство с эпизодом о справедливом суде Санчо Пансы из романа Сервантеса «Дон-Кихот», произведенного во второй части романа в правители острова. Псковское предание сообщает, что цепь исчезла после того, как хитрый вор спрятал украденные деньги внутрь палки, с которой пришел на гору, и не был разоблачен потому, что на горе отдал ее обокраденному соседу. У Сервантеса в подобной ситуации правый в споре определялся с помощью жезла с крестом.

Ученый предполагает, что сходство эпизодов объясняется наличием общего письменного источника – апокрифической легенды о царе Давиде, якобы получившем от Бога железную трубу и колокол для различения правого и виноватого (в Средние века присовокуплялась, наряду с другими вымышленными повестями, к ветхозаветным изданиям как в Европе, так и в России). Посредством языка авторское литературное творчество, в представлении Ф.И. Буслаева, прочно укоренено в многовековой поэтической традиции и опирается на множество народных преданий, письменных и устных.

В-третьих, филологов сближало отношение к народной словесности как целому. В ее историческом развитии они особое значение придавали древним памятникам, но со вниманием относились и к фольклору, и к поэтическим формам новой литературы.

Ядро научных изысканий Ф.И. Буслаева составила мысль об органичном воссоздании эволюции национальной духовности в устном поэтическом творчестве и в памятниках древнерусской литературы. Последовательно выражена она была в курсе по истории русской литературы, прочитанном в 1859–1860 гг. цесаревичу Николаю Александровичу. Во введении в курс сообщается: «История литературы в хронологическом порядке знакомит нас с произведениями словесности, устными и письменными, в которых народ, в течение веков, последовательно выражал свои понятия и убеждения, радости и печали, верования и надежды и вообще все задушевные интересы своей нравственной жизни» [Буслаев 1997: 427]. Таким образом, язык развивается в тесной связи с национальным бытом, историей народа, его мировоззрением.

Национальный язык изначально рассматривался Ф.И. Буслаевым как средство самосознания народа и одновременно постижения им общих законов бытия. Поэтому историческое его изучение осуществлялось в единстве с изучением литературы с другими формами национальной культуры. Главная позиция ученого – воссоздание в устном поэтическом творчестве и в памятниках древнерусской литературы народного духа, национального характера, основных этапов нравственного и духовного развития нации. В изучении народной словесности утверждался путь вхождения «в интересы нравственной жизни народа». «...Нравственные задатки великого будущего надобно видеть не только в образованной литературе, – сообщает ученый в первой, вводной, лекции, – так легко и быстро усваивающей все существенные интересы Запада, но и в устной словесности народа, который неоднократно и в прежние века доказывал и теперь доказывает свою подвижность и готовность к развитию, что его нравственные и умственные основы, выработанные его многовековой словесностью, не чужды общечеловеческим интересам образованной Европы» [Буслаев 1990: 421]. Подчеркивалось сложное диалектическое движение национальной словесности в соотношении с непростыми обстоятельствами внешнего и внутреннего развития народной жизни.

На новом уже уровне, с использованием сравнительного метода, историко-литературная концепция Ф.И. Буслаева была представлена во второй половине 1870-х гг. В его лекциях студентам Московского университета вся русская словесность и наука о ней рассматриваются в сравнении с европейскими. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты лекций, прочитанных в 1875/76 академическом году, содержат объективный исторический материал, указывающий на общие для европейских народов условия движения внутри литературы. Само же это движение рассматривается с точки зрения выражения в нем христианского сознания и обратно – нравственного состояния общества в формах жизни и художественного творчества.

Сходное отношение к филологии высказывал И.И. Срезневский, считая ее наукой о народности. В отличие от Ф.И. Буслаева, который был сосредоточен преимущественно на идее духовного развития народа в истории, проявлял интерес в большей степени к внешним формам народной жизни. Основную задачу филологии как науки он видел в воссоздании всего исторического пути национального самосознания в становлении и развитии, в исследовании физической, нравственной силы народа, его «значения и назначения». «Она (филология. – *Т.Ф.*) передаст быль первоначальной жизни народа, его нравов и обычаев, его внутренней связи и связей с другими народами теми самыми словами, которыми выражал ее сам народ, передаст тем вернее и подробнее, чем глубже проникнет в смысл языка, в его соотношении с народной жизнью, и проникнет тем глубже, чем большими средствами будет пользоваться при сравнении языков и наречий сродных» [Срезневский 1849].

Важное наблюдение И.И. Срезневского в истории языка касалось его разделения на «простонародный» и «книжный, литературный». Одинаково важным он считал изучение того и другого, при этом говорил о необходимости сначала изучать все же «народный», включая местные говоры и наречия. Филология мыслилась им как «народная наука», и она «есть исповедь разума народа перед самим собою и перед целым светом». Изученный материал того и другого видов национальной речи позволял делать наблюдения сложного их диалектического взаимодействия в истории.

Развитие национальной словесности и литературы в «Мыслях...» было рассмотрено от самых истоков и доведено до современного ее автору состояния. На ранних этапах развития русской литературы, в древнерусский период, отмечалась близость книжного языка к народному: «Несомненным считать можно, что в то время, когда началась на Руси письменность христианская и книжная литература, народная словесность русская была столько же богата содержанием и жизненной силой, сколько и язык – древними формами и силой выражать народные думы и были словом мерным и изящным. И как не имела нужды письменность чуждаться форм народного языка, так не имела она нужды чуждаться и форм народного слога: слог и язык были одинаково сообразны с требованиями ее приличий» [Срезневский 1849]. В дальнейшем развитии литературы, начиная с XVII в., отмечалось европейское влияние, в результате которого произошло отчуждение книжного языка от народной речи. Позднее, с развитием народного образования, иноземные влияния стали применяться к народному вкусу, что приводило к оживлению национальных корней литературного творчества. Именно эти процессы с удовлетворением отмечал ученый, обращаясь к современному состоянию литературного творчества. Он отзывался о новом периоде в развитии словесности как периоде обновления и сближения с народным языком, которое считал плодотворным, способствующим тому, чтобы литература стала «народной по духу». Таким образом, интерес И.И. Срезневского к истории национального языка приводит, подобно тому, как это позднее осуществится и в научной деятельности Ф.И. Буслаева, к оригинальным суждениям о логике исторического развития литературы.

В-четвертых, И.И. Срезневского и Ф.И. Буслаева сближает непосредственная связь мировоззрения с научными построениями. Этот факт отмечался современниками ученых, не утрачивает своего значения и теперь, когда идет осмысление методологических оснований их научной деятельности.

Каждый из исследователей видел в своей научной деятельности служение народу, родине. В.В. Виноградов обращал внимание на полноту связи мировоззрения Ф.И. Буслаева и его наследия. «Все филологические работы Ф.И. Буслаева (также как его внутренний образ) характеризуются устойчивой цельностью мировоззрения, внутренним единством направления и высоким художественным изяществом отделки» [Виноградов 1946: 81].

То же отмечается в работах, посвященных научной деятельности И.И. Срезневского. В частности, книга Н.В. Колгушкиной, построенная по преимуществу на документах и архивных материалах, убедительно показывает ученого как подвижника, со всей страстью и горением души увлеченного своим делом и сумевшего передать эту увлеченность своим детям.

В современной науке проблема историчности филологии на новом уровне осмысления была представлена в трудах А.В. Михайлова [Литературоведение как проблема 2001: 201–280], где осуществлено творческое взаимодействие русской и западноевропейской (немецкой) научных традиций, с одной стороны, с другой – «историзм» как методологический принцип русской научной традиции, предполагающий раскрытие как раз «авторского» смысла произведения [Данилина 2009]. Современные филологи справедливо отмечают непреходящее теоретическое и практическое значение выработанной русскими учеными во второй половине XIX в. методологии, основанной на любви к своему народу и его истории. Ю.И. Минералов пишет о целостности филологического знания, обусловленной единством объекта изучения и методологических оснований в XIX в.: «Ученые стремились к универсальной широте в профессиональных познаниях. И, надо признаться, в стремлении этом вполне преуспевали...» [Минералов 1990: 12].

Филологические труды И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, других выдающихся ученых приобретают в наши дни особое значение. Их идеи отвечают духу времени в поисках равновесия между внешним влиянием и внутренним потенциалом отечественной науки. Они соответствуют поиску общих, универсальных подходов к изучению отечественной словесности. Объективное и достоверное представление об их вкладе, несомненно, будет служить формированию науки, построенной не на отрицании, а на утверждении смысла филологического исследования.

Словари

Русский язык [Текст] : энцикл. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.

Современная западная философия [Текст] : слов. – М., 1991.

Современная западная философия [Текст] : слов. / сост. В.С. Малахов, В.П. Филатов. – М., 1991.

Литература

Азбелев, С.Н. Ф.И. Буслаев и его ученики об историко-бытовых основах народного эпоса [Текст] // Рус. лит. – Л., 1991. – № 4. – С. 3–17.

Анисов, Л.М. Неистовый исследователь [Текст] // Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Ф.И. Буслаев ; вступ. ст. Л.М. Анисова. – М., 2003. – С. 3–10.

Аннушкин, В.И. Язык и жизнь: книга о русском языке – речи – слове [Текст]. – М., 2009.

Баландин, А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф.И. Буслаев [Текст]. – М., 1988.

Болотов, В.И. А.А. Потебня и когнитивная лингвистика [Текст] // Рус. яз. – 2008. – № 2. – С. 82–99.

Буслаев, Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство [Текст] / сост., концепция, подгот. текста, вступ. ст. А.А. Алексеева. – СПб., 2001.

Буслаев, Ф.И. Исцеление языка. Опыт национального самосознания. Работы разных лет [Текст] / сост., авт. вступ. ст. А.А. Чех. – СПб., 2005. – С. 9–123.

Буслаев, Ф.И. Мои досуги: Воспоминания. Статьи. Размышления [Текст] / вступ. ст. Л.М. Анисова. – М., 2003.

Буслаев, Ф.И. О литературе: Исследования. Статьи [Текст] / сост., вступ. ст., примеч. Э. Афанасьева. – М., 1990.

Буслаев, Ф.И. О русской иконе. Общие понятия о русской иконописи [Текст]. – М., 1997.

Ванслов, В.В. Винкельман и вопросы методологии искусствоведения [Текст] // Эстетика Винкельмана и современность : сб. ст. / ред. В.В. Ванслов, В.П. Шестаков. – М., 1994. – С. 98–114.

Виноградов, В.В. Русская наука о русском литературном языке [Текст] // Учен. зап. Моск. ун-та. – М., 1946. – Вып. 106. – Т. 3. – Кн. 1. – С. 21–147.

Данилина, Г.И. Принцип историчности: концепция исторической поэтики А.В. Михайлова [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08. – М., 2009.

Злобина, Н.Ф. Концепция историзма в филологическом наследии Ф.И. Буслаева [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08. – М., 2010.

Касаткина, Т.А. О творящей природе слова: Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» [Электронный ресурс]. – М., 2004. – Режим доступа : <http://yandex.ru/clck/redirect/Aiu/>

Колгушкина, Н.В. Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России [Текст] / науч. ред. О.В. Никитин. – Рязань, 2011.

Кротков, Е.А. Специфика филологического познания [Текст] / Е.А. Кротков, Д.К. Манохин // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. – 2007. – № 9 (40). – С. 48–56.

Литературоведение как проблема [Текст] : тр. науч. совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре» / отв. ред. Е.Г. Местергази. – М., 2001.

Макурenkova, С.А. Онтология слова: апология поэта. Обретение Атлантиды [Текст]. – М., 2004.

Минералов, Ю.И. Концепция литературоведческого синтеза [Текст] // Филология и культурология / П.Н. Саккулин ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ю.И. Минералов. – М., 1990. – С. 7–22.

Минералов, Ю.И. Теория художественной словесности: (Поэтика и индивидуальность) [Текст] : учеб. для студентов вузов. – М., 1999.

Срезневский, И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): общее повременное обозрение [Текст] / предисл. А.Ф. Бычкова. – 3-е изд., испр., репр. – М., 2011.

Срезневский, И.И. Исследования о языческом богослужении древних славян [Текст]. – 2-е изд., репр. – М., 2010.

Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка (1848) [Электронный ресурс] / Архив петербургской русистики: Измаил Иванович Срезневский

(1812–1880). Мысли об истории русского языка. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm>

Топорков, А.Л. Мифологическая школа и современность [Текст] // Российская славистическая фольклористика: Пути развития и исследовательские перспективы / отв. ред. А.В. Кулагина. – М., 2007. – С. 93–96.

Филология и культуроведение: наука – практика – преподавание [Текст] / науч. ред. В.И. Аннушкин. – М., 2006. – Вып. 1.

Щирова, И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация [Текст] : учеб. пособие / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб., 2007.

О.А. Черепанова
(Санкт-Петербург)

НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН В ТРУДАХ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО: ЭТНОЛИГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Научное наследие И.И. Срезневского дает богатый материал для изучения мифологических представлений и народных верований древних славян, в том числе русичей, преимущественно в их книжном отражении. Верховные божества славян, и в первую очередь «пантеон Владимира», привлекали к себе внимание историков и филологов уже в середине XIX в., но первый обширный источник сведений о «низшей» мифологии Древней Руси – труды И.И. Срезневского. Такого рода сведения содержатся в словнике и контекстах «Материалов для словаря древнерусского языка» Срезневского, в комментариях к издаваемым им памятникам и его этнофилологических и источниковедческих работах, таких как: «Свидетельство Паисиевского сборника о языческих суевериях русских» (1851), «Рожаницы у славян и других языческих народов» (1885), «Сербо-лужицкие народные поверья» (1890) и др.

Из словаря Срезневского можно извлечь, например, корпус лексем, составляющих ТГ «наименования персонажей зла в древнеславянских памятниках», включающую, помимо таких известных и частотных лексем, как *б#съ*, *дьяволь*, *антихристъ*, *вельзауль* и др., менее известные, часть из которых возникла на основе семантических переносов: *велиарь*, *аполлионъ*, *неприятнь*, *бось*, *лихновъць*, *синъць*, *съводитель*, *б#съ хороможитель*, *б#съ полуденьный* и др. Обширная лексическая группа «наименования кудесников и видов магических действий» дает представление о большой роли различных способов волшбы в бытовой и общественной жизни того времени (*балши*, *ворожьбитъ*, *зв#здъникъ*, *кобъникъ*, *розгомечъць*, *облакогонитель*; *лечьба*, *кобъ*, *обузы*, *съмывать*, *зръцало* и под.). При анализе по-

добных материалов встает вопрос о том, какие из лексем отражают реалии именно древнерусского культурного обихода. Ответить на эти вопросы помогают современные (XIX–XXI вв.) этнолингвистические материалы, что можно сказать, например, о слове *аполлон* в значении ‘леший’ (Республика Карелия, 80-е гг. XX в.), восходящем к имени «ангела бездны», главы демонов в Ветхом завете Аполлион.

В «Материалах» Срезневского содержится несколько лексем из области культурных переживаний славян, представляющих собой этнокультурные и лингвистические загадки.

Одна из этих «загадок» – гапакс *качица*, приведенный в словаре Срезневского без определения значения с единственной цитатой из «Слова св. Василия о пост#» из «Златой цепи» (XIV в.) («Се души спасение и се т#лу сдравье, и се б#сом прогнание, се ангелу хранителю неотходное сблюдение, сблюдаючи насъ от всякоя козни сотонины, и от пакостныя качицы и от проклятыя б#са хороможителя») [Срезневский 1893: 1, стб. 1200] (здесь и далее цитаты из древних текстов приводятся с упрощением графики. – О.Ч.).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» повторена эта же единственная цитата, и со знаком вопроса предлагается определение: ‘о состоянии, вызываемом опьянением’ (7. 97). Во время этнолингвистической экспедиции кафедры русского языка СПбГУ (тогда ЛГУ) на Русский Север в 80-е гг. XX в. был записан отрывок заговора, содержащий слово *катица/качица* и позволяющий понять его как персонификацию ночного кошмара. «Ребенок не спи ночью, а заранее утром скажи: «Катица-поунощница, не играй нашим младенцем. Из избы дымом, из двора ветром, с улицы щепой, боле век ни ногой». При этом тот, кто заговаривает, «...в печи попашет, попашет, да под зыбкой кадит. Дыму-то наведет до трой раз и на улицу» (Арх.) *Катица-полунощница* из заговора стоит в ряду многочисленных упоминаний в фольклорных и диалектных материалах персонификаций ночной бессонницы, кошмара. Это *полунощница Анна Ивановна* (Арх.) [Ефименко 1864: 18], *матенка-полунощница* (Пин.), *12 сестер-полунощниц* (Арх.); в быличках фигурирует *полунощница* – нечистый дух, обитающий в нежилых домах, который мучает по ночам детей (Новг.) [Герасимов 1910: 67], *нощница* (Лен., Лод.), *нощная*. Образ нощницы-полунощницы имеет широкий ареал в славянском мире, что указывает на его древность и делает более вероятным появление сходного персонажа в «Златой Цепи» XIV в. Это укр. *нучнік, нічнік*, болг. *ношница, нош, ношно*, словац. *посніса, пощліса, пощліска*, пол. *посніса*, н.-луж. *поснісе* с общим значением ‘ночное привидение, злой дух, галлюцинация, вампир’. В белорусских мифологических представлениях, например, *нощницы* – «маленькие и злые духи. Их может прогнать только светоносное начало – огонь. Персонаж обнаруживает определенное сходство и с кикиморой, которая также связана с огнем и ночными кошмарами, что подтверждается источниками XVIII–XIX вв.: «Словенский же кикимора

представляется сам страшным привидением или пугалищем ночным» [Попов 1772: 194]; «Кикимора – тоже *cauchemar*» [Вельтман 1835: 12].

Все сказанное, как представляется, дает основание установить связь между гапаксом *качица* из «Златой Цепи» и «диалектным гапаксом» *катица-полуночица* из записи заговора. *Пакостная качица* – это ночной кошмар, дух-мучитель, привидение, мара. Как можно понять из контекста «Слова св. Василия», речь идет о кошмаре, о бесовском наваждении, мучающем пьяного человека. В этом смысле авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» недалеки от истины, понимая слово *качица* как наименование состояния, вызываемого опьянением. Но в предложенном толковании нет идеи демонологической персонификации, мифологизации понятия, на что указывают как текст памятника, так и позднейшие фольклорно-диалектные материалы.

Определенную параллель к тексту «Златой Цепи», подтверждающую близость или даже идентичность *качицы* и *полуночицы*, можно видеть в отрывке из апокрифической староболгарской молитвы XVII–XVIII вв.: ср.: «се англу хранителю неотходное сблюдение, сблюдаючи насъ... от пакостныя качицы» («Златая Цепь») и в молитве: «да сохраниши крилом твоимъ раба сего... от ношнице» (цит. по: [Dukova 1984: 36]).

Упоминание страха ночного, кошмара, который грозит человеку, нарушающему божеские заповеди, в частности пьянствующему, и от которого избавлен человек праведный, является общим местом ряда памятников с отсылкой к благовествованиям Давида: «Не устрашишисА отъ страха ноштьнааго и отъ напасти и отъ б#са полоудньнааго» (Гр. Наз. XI.109 – [Срезневский 1893, 2: 1139]). При отсутствии непосредственных совпадений все же ощущается содержательная и структурно-текстовая близость приведенных выдержек с контекстами, включающими слова *качица* и б#сѣ *хороможитель*, и укрепляется мысль о семантике *качицы* как воплощения ночных страхов и кошмаров. Вместе с тем, эпитет *льстивая (качица)* может указывать, с одной стороны, на демоническую природу образа, поскольку *льстьць* – одно из наименований дьявола, антихриста, а с другой – вызывать ассоциацию со змеем-обольстителем.

В отношении внутренней формы и этимологических связей слова *качица* можно высказать некоторые предположения.

1. Можно предположить генетическое родство с первым компонентом композита *кикимора*. Второй элемент слова – *мара* – имеет обширные и достаточно прозрачные связи. Общее значение этого компонента как в славянском, так и в более широком европейском ареале, – ‘ночной кошмар, привидение, злой дух-мучитель’. Ср.: рус. *мара*, *бабка Мара* ‘призрак, привидение, дух, появляющийся в доме’, укр. *мара* ‘призрак, привидение, злой дух’, сербохорв. *мтра* ‘домовой, привидение’, чеш. *můra* ‘кошмар’; древнесеверное *mara* ‘дух-мучитель’, англ. *nightmare*, фр. *cauchemar* ‘ночной кошмар, привидение’ и т.д.; греч. *mŏrta* ‘один из демонов болезни’ [Преображенский 1959, 1: 307, 509–510; Фасмер 1986–1987, 2: 571, 569].

Первый компонент сложного слова *кикимора* – *кик(и)* – не имеет абсолютно надежной этимологии, но достаточно основательно связывается с литов. *kau~kas*, прус. *kauks* ‘домашний пенат, приносящий в дом добро’, ‘карлик’ ‘черт’, ‘гном’ [Фасмер 1986–1987, 2: 231; Преображенский 1959, 1: 307], латыш. *kauks* ‘домовой, гном’ [Mьhlenbach 1923–1932, 2: 173], рус. *ку'ка* ‘мифическое существо в бане’ (Ряз.), *кука'н* ‘мифическое существо, обитающее в лудах, болотах’, ‘фантастическое пугало для детей, бука’, *кука'шка* ‘черт’ (Ряз.) [СРНГ 1980, 16: 30–33] и некоторыми другими. Однако имеются определенные фонетические трудности для включения элемента *как-* (> *кач-*) с корневым *-а-* в ряд чередований *оу, аы > ѱ || у > ѱ*, который представлен в образованиях с корнем *-кык-, -кик-, -кук-*, хотя Г. Ильинский такую возможность допускает [Ильинский 1915: 194–195].

2. Возникает мысль о возможности сопоставлений корня слова *качица* с греческим корнем *-kak-*, представленным, например, в словах *kakodaimon* (Greek-English lexicon 1929), ‘одержимый злым духом’, *kakos* ‘плохой, бешеный, зловредный, пагубный, больной’. Однако мало вероятно непосредственное соединение греческого корня со славянским словообразовательным формантом – суффиксом *-иц-а*.

3. Наиболее вероятным представляется сближение слова *качица* из «Златой Цепи» с серб. *кача* ‘ядовитая змея’ [Речник... 1975, 9: 366] (приношу благодарность О.Н. Трубочёву за указание на возможность сопоставления с сербским *кача*. – О.Ч.). В южнославянском заговоре от укуса змеи из сборника 1498 г. Иерусалимской патриаршей библиотеки № 22 упоминается *качка*: «от змиі. Качка, нагака, кра/т/ра п/о/н п/о/н ворсо на/г/ока, /т/рарь» (л. 386 об.) [Яцимирский 1913: 66]. Текст имеет черты заговора-абракадабры, но в нем присутствуют, как кажется, два наименования змеи: *качка* и *нагака*.

Возможность сопоставления слов *качица* и *кача/качка* стимулируется рядом соображений. Змея – один из обликов домового на русской, в частности севернорусской, территории, а *качица* в тексте соседствует с *бесом-хороможителем* – домовым. В «Слове св. Василия» много внимания уделено пороку пьянства, в литературном изображении которого используется символ *змея*: ср. *зеленый змий, допитья до зеленого змия*, т.е. до кошмаров, галлюцинаций. Однако в словах и поучениях против пьянства XIV–XV вв. и более ранних, как переводных, так и древнерусских, соотношение вина, пьянства со змием не встречается (см., например: [Памятники церковно-учительной литературы 1894–1897]).

В балканской народной демонологии при широкой мифологизации змеи, свойственной всем славянам, не удалось обнаружить персонаж, непосредственно соотносимый с *качицей*. Однако определенные аллюзии к этому слову и стоящему за ним исходному понятию можно видеть в произведении современного сербского постмодерниста Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра. Роман о Геро и Леандре» (СПб. 1999). Это фи-

лософское произведение о жизни и смерти, причем смерть выступает главенствующим членом этой оппозиции. Если в мире существует идея реинкарнации – последовательного проживания нескольких жизней, то у Павича присутствует инкарнация смерти. Идея смерти проходит через весь роман. Образным воплощением того, что находится за пределами жизни, но незримо присутствует в ней, т.е. смерти, в романе является Качуница. Качуница – это имя нематериализованной, но постоянно и незримо присутствующей сестры мальчика, которого героиня романа Геро обучает французскому языку. Ощущение ирреальности, потусторонности, смерти витает во всех сюжетах, которые связаны с образом Качуницы. Незримое присутствие последней погружает Геро в призрачный, перевернутый, ирреальный мир, имеющий черты бесовского мира. Во время занятий французским языком Геро начинает воспринимать только то, что написано на левой половине учебной тетради, где располагаются глагольные времена ирреальности; после общения с мальчиком и его невидимой сестрой Качуницей Геро может вставать только с левой ноги; у нее быстро и непрерывно растут ногти – признак смертного окостенения, продолжающие расти и у покойников; героине кажется, что ее язык раздваивается, как у змеи. По мере развертывания содержания романа и его философского смысла становится все яснее, что Качуница – это образ смерти, имеющий свое воплощение в облике змеи – мифологизированного хтонического существа, связанного с «нижним», запредельным миром смерти. В снах Геро появляется змея, которая, притворившись веткой дерева, поджидает свою добычу.

Образ Качуницы и само ее имя погружают читателя в мир древних культурных переживаний балканского и всего славянского ареала. Знаток истории и славянского фольклора, М. Павич мог использовать для создания фантазмагорического мира своих произведений мифологические мотивы и коллизии, не лежащие на поверхности славянской духовной культуры, тем самым обнаруживая неожиданные параллели, одну из которых можно увидеть при соположении в поле мифологических представлений льстивой и злокозненной качицы из «Слова св. Василия» по рукописи XIV в. и Качуницы. Обе – персонажи нездешнего мира, обе – «льстивы», т.е. обманны, как кошмарные сновидения, обе вводят в заблуждение, обе, как можно полагать, имеют непосредственное отношение к хтоническому персонажу зла – смерти в облике змеи. Имя Качуница (Kaћуница, с ч мягким) – это уменьшительное от *Kaћa*, которое в свою очередь является деминутивом и ласково фамильярным образованием от имени Катерина-Екатерина, что примерно соответствует русским образованиям Екатерина – Катя – Катюша. Но есть также сербское, хорватское и словенское *kaћa* (с ч твердым) – ‘змея’, распространенное табуистическое название этого пресмыкающегося [ЭССЯ 1983, 9: 107]. Все это наводит на мысль о том, что можно соединить чуть зримой ниточкой ирреальный образ Качуницы из «сада сновидений» М. Павича и качицу – таинственную сущность из «Слова св. Василия» и из отреченных молитв и заговоров.

Еще один вопрос, который ставят перед нами «Материалы» Срезневского – отсутствие в них слова *берегыни/берегини(я)*, наименования одного из низших персонажей народных верований славян, при том, что в статьях И.И. Срезневского это слово и образ обсуждаются и памятники, содержащие упоминание берегинь, были ему известны.

В языческом пантеоне времен князя Владимира среди ряда мужских божеств – Перуна, Волоса, Хорса и других отмечено лишь одно женское божество – *Мокошь* ([Рыбаков 1981: 355] со ссылкой: [Н.М. Гальковский 1813: 82] и [Niederle 1924: 87] и сл.). Однако в статье И.И. Срезневского 1851 г. «Свидетельство Паисиевского сборника о языческих суевериях русских» [Москвитянин 1851, 2: 5: 52–64] приведена цитата из «Поучения дѣтемъ духовнымъ» по рукописи XVI в., где рядом с Мокошью упоминается *Перегиня*: «Оуклоняися предъ богомъ невидимыхъ, молящихъ чело-векъ родоу и рожаницамъ, пореноу, аполиноу и мокоши и перегини и всякимъ богомъ и мерзкимъ требамъ не приближайся». Вторично эту же цитату И.И. Срезневский приводит в статье 1855 г. «Рожаницы у славян и других языческих народов», опубликованной в «Архиве исторических и юридических сведений Калачева» [Срезневский 1855: 104]. Указанную цитату дважды приводит М. Азбукин в книге «Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе» (1896) а также В. Мансикка. В старой и новой научной литературе о языческих верованиях славян *Перегиня*, насколько нам известно, не упоминается, так как наличие единственной засвидетельствованной цитаты считается недостаточным для включения персонажа в пантеон. Рукопись с упоминанием *Перегини* И.И. Срезневский нашел в сборнике г. Болотова XVI в., «за сообщение которого я обязан И.П. Сахарову» (Свидетельство Паисиевского сборника). В научной литературе нет сведений о том, какой именно сборник содержит интересующую нас цитату. Автору настоящей статьи также не удалось найти этот сборник и даже установить, какой именно г. Болотов упоминается ученым (несколько Болотовых оставили след в русской культуре первой половины и середины XIX в.). Существует мнение, что в рукописи вместо слова *берегиня* появилось ошибочное *перегиня*, либо, что маловероятно, И.И. Срезневский ошибся в прочтении, спутав буквы Б и П.

Вместе с тем, есть обстоятельства, свидетельствующие о сложности проблемы.

1. В древнеславянских памятниках, ходивших на Руси, представлено слово *пр#гыни/перегиня* со значением, как можно заключить по контекстам, ‘труднопроходимое место в гористой и лесистой местности’: «есть же въ пр#гынехъ м#сто то и въ непроходныхъ горахъ (*Супр. Рук. 26. 12*); «Коубары зажьже, в них же брашьно воемъ вожаху, самъ же (Иулианъ) шествовавшэ по перегин# лют#й, водимъ Персияниномъ (*Георг. Ам. /Увар./232* [Срезневский 1893, 2: 903]). Представлено также и прилагательное *пр#гыньный/прегыньный* ‘непроходимый’: «видя же отвсюдоу поустыню бестезя и непроходимоу, горахъ бо прилежашэ высокыи и м#ст#хъ прегыньныхъ,

трепетъ творяща и един#мъ възр#ниемъ... рече...» (*Жит. Влас. 2. Чет. мин., февр. 212 – там же*). В отношении этимологических истоков слова есть две версии. М. Фасмер, опираясь на мнение А. Лескина, А. Брюкнера, возводит слово к **pergybni > pergyuni > pregyuni* с корнем *gyb-* со значением ‘гнуть, изгиб’ и преобразованием *bn > n*. При такой этимологии корня *перегиня* – это ‘ложбина, долина’, праслав. ‘неровная, холмистая местность’ [Фасмер 1986–1987, 3: 236–237].

Однако, вопреки возражениям Фасмера, слово может быть возведено к индоевропейскому **bhergh > *berg > brēg* ‘высокая гора, берег’ (о переходе *p|b* *перегиня-берегиня* см. *Kiparsky V. Slavische und baltische b|p Falle – Scando-Slavica 1968. V.XIV. P. 73–97*. Ср. *прыскать-бызгать, столп-столб* и под.). В этом случае *перегиня* – это ‘возвышенное место, гора’.

2. При обсуждении проблемы необходимо учитывать, что в этнографических материалах 20-х гг. XX в. сохранилось описание обряда на территории центральной Украины (в районе г. Канев, частично на Черкашине), в котором главным персонажем является Перегенья – «як водили перегеню» [Курило 1925: 66–68]. Это обряд осенне-весеннего цикла продуцирующего характера, главным персонажем которого является девушка, обязательно высокого роста. Для усиления признака высоты девушку могли ставить на плечи парням, она к тому же вытягивала руки вверх. Эти этнографические материалы свидетельствуют о нескольких важных для обсуждаемой проблемы обстоятельствах. Во-первых, они свидетельствуют о том, что отмеченное И.И. Срезневским слово-гапак *Перегиня* в значении персонажа верований не ушло из языка и продолжает свою жизнь в народной культуре. Тем самым, подтверждается достоверность цитаты из «Поучения д#темъ духовнымъ», приведенной в статье ученого 1851 г. Во-вторых, яркая актуализация признака высоты в характеристике народного персонажа, а также связь с понятием горы древнеславянского наименования специфики местности, рельефа *пр#гыни/перегиня* делает предпочтительной этимологизацию корня по связи с этимомом **berg-*. Несомненно, что наименования *перегиня-берегиня* – фонетические варианты одного корня, что признавал и Срезневский в своих статьях. Оба персонажа, но в первую очередь Перегиня, в силу яркости семы высоты, являются остаточным знаком культа горы как мирового центра, медиатора между верхним и нижним мирами, который был не чужд и славянскому миру на ранних стадиях его культурного бытия. Культ горы был свойственен всему древнему европейскому ареалу и нашел многочисленные отражения в славянском фольклоре (подробнее см.: [Черепанова 2005: 29–43]).

Возвращаясь к вопросу о том, почему в «Материалах» И.И. Срезневского нет слов *берегиня* и *перегиня* в значении персонажа славянской мифологии, можно предположить, что составитель словаря видел сложность проблемы и счел невозможным привести не до конца явные для него самого сведения и факты.

Словари

Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 2 т. – М., 1959.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1980. – Вып. 7.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст]. – СПб., 1893/1958. – Т. I–III.

СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. – Л., 1980. – Вып. 16.

Фасмер, М. Этимологический словарь славянских языков [Текст]. – М., 1986–1987. – Т. 1–4.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков [Текст] / ред. О.Н. Трубачёв. – М., 1983. – Вып. 9.

Сокращения географических названий

Арх. – Архангельская обл.

Лен. Лод. – Ленинградская обл., Лодейнопольский р-н.

Новг. – Новгородская губерния, область.

Пин. – бассейн р. Пинеги, Арх.

Ряз. – Рязанская губерния, область.

Литература

Вельтман, А.Ф. Светославич, вражий питомец [Текст]. – М., 1835.

Гальковский, Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси [Текст] // Зап. Моск. археол. ин-та. – 1913. – Т. 18.

Герасимов, М.К. Словарь уездного череповецкого говора [Текст]. – СПб., 1910.

Ефименко, П. Памятники языка и народной словесности, записанные в Архангельской губернии [Текст] // Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. – Архангельск, 1864.

Ильинский, Г.А. Славянские этимологии [Текст] // Рус. филол. вестн. – 1915. – № 73. – Вып. 2.

Курило, О. Як водили перегеню [Текст] // Етногр. вісн. – Київ, 1925. – Кн. 1.

Памятники церковно-учительной литературы [Текст] / ред. А.И. Пономарев. – СПб., 1894–1897. – Вып. 1–3.

Попов, М.И. Краткое описание славянского языческого баснословия [Текст] // Досуги, или Собр. соч. и пер. М. Попова. – СПб., 1772. – Ч. 1.

Речник српскохорватског књижевног и народног езика [Текст]. – Београд, 1975. – Књ. 9.

Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян [Текст]. – М., 1981.

Срезневский, И.И. Рожаницы у славян и других языческих народов [Текст] // Архив исторических и юридических сведений Калачева. – М., 1855. – Т. 2. – Отд. 1.

Срезневский, И.И. Сербо-лужицкие народные поверья [Текст] // Живая старина. – 1880. – Вып. 2.

Черепанова, О.А. Культурная память в древнем и новом слове [Текст]. – СПб., 2005.

Яцимирский, А.И. К истории ложных молитв в южнославянской письменности [Текст] / ИОРЯС. – СПб., 1913. – Т. XVIII. – Кн. 3.

Dukova, U. Die Bezeichnungen den Démonen im bulgarischen [Text] // Балканско езиковзнание. – София, 1984. – XXVII. 2.

Greek-English lexicon [Text] / By H.Y. Liddel, R. Scott. – Oxford, (1897) 1929.

Mьhlenbach, K. Lettisch-deutsches Wьrterbuch [Text] / Redigiert, ergdntzt und fortgesetzt von I. Endzelin. – Riga, 1923–1932. – Bd. 1–4.

Niederle, L. Slovanskь starožitnosti [Text]. – Praha, 1924. – Т. 2.

М.И. Чернышёва
(Москва)

«МАТЕРИАЛЫ» И.И. СРЕЗНЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XI–XVII ВВ.»¹

Издающийся с 1975 г. и насчитывающий в настоящий момент 29 выпусков (2011) «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (далее – СлРЯ XI–XVII вв.) [СлРЯ XI–XVII 1975–2011] в своем развитии прошел период сложной концептуальной перестройки, включающей множественные изменения показателей, касающихся всех сторон этого лексикографического произведения, начиная со словника, выбора заголовочной формы, разработки семантики, состава источников, подбора цитатного материала и т.д., заканчивая параметрами формально-структурного характера. Это привело к тому, что Словарь из «общедоступного справочного пособия при чтении древнерусских текстов разных жанров» постепенно превратился в словарь академического типа (подробнее см.: [Чернышёва 2011: 134–138]).

Специалистам хорошо известно, что СлРЯ XI–XVII вв. является продолжателем и преемником «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (далее – «Материалы») [Срезневский 1893–1912]: во-первых, все источники «Материалов» включены в СлРЯ XI–XVII вв., во-вторых соответственно – лексика «Материалов» входит в состав Словаря, в-третьих, долгое время «Материалы» служили «поставщиком» (для первых выпусков – чуть ли не единственным) ранних фиксаций, т.е. сами «Материалы» были и остаются до сих пор крупным и важнейшим источником СлРЯ XI–XVII вв.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы Президиума РАН П33 «Традиции и инновации в истории и культуре», по проекту «Русская историческая лексикография как способ описания культурно-языковой эволюции восточных славян в эпоху Средневековья» (рук. Р.Н. Кривко).

Хотя «Материалы» Срезневского до сих пор актуальны, не потеряли своего значения и по-прежнему остаются сокровищницей древнерусской лексики, однако длительная работа по использованию «Материалов» для нужд СлРЯ XI–XVII вв. привела к пересмотру отношения к этому труду. И этот факт представляет собой один из показателей концептуальной перестройки СлРЯ XI–XVII вв. как основного пользователя «Материалов».

На первом этапе издания СлРЯ XI–XVII вв. отношение к последним И.И. Срезневского характеризует **необязательность и произвольность**, т.е. словарные статьи и цитаты вводились достаточно непоследовательно. В разделе «О построении “Словаря русского языка XI–XVII вв.”» сказано весьма лаконично: «Слово, взятое из “Материалов” Срезневского, оформляется в соответствии с правилами оформления заголовочного слова в СлРЯ XI–XVII вв., цитата отмечается звездочкой*» [СлРЯ XI–XVII Вып. 1. 1975: 14, § 26].

По нашим подсчетам, в первом выпуске СлРЯ XI–XVII вв. на букву «А» использовано 32 цитаты из «Материалов» Срезневского: для указания на раннюю фиксацию слова, новое значение или при включении лексического сочетания, не зафиксированного в Картотеке ДРС (СлРЯ XI–XVII вв. составляется на базе Картотеки ДРС, хранящейся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН).

Для сравнения: буква «А» имеет 572 словарные статьи (в первых выпусках СлРЯ XI–XVII вв. в словарной статье представлено, как правило, по две цитаты на одно значение), что составляет 60 с. печатного текста; на одной странице находится около 30 цитат, следовательно, в часть на букву «А» входит около 1 800 цитат (общий объем тома – 369 с.). Таким образом, даже в первом выпуске, имеющем больше всего замечаний со стороны рецензентов, число примеров из «Материалов» Срезневского невелико.

Уже в это время стали очевидными два факта: за счет лексики XVI–XVII вв. произошло значительное обогащение словника Словаря, объясняемое составом источников Картотеки ДРС (на это обстоятельство неоднократно указывала Г.А. Богатова) (см., например: [Богатова 1984]), соответственно – в первых выпусках было заметно неблагоприятное положение дел с ранними источниками, на что одним из первых указал Э. Вайер [Weier 1978–1979, 10–11: 239]. В самом деле, отсутствие значительного числа ранних источников в Картотеке ДРС авторы стремились компенсировать за счет цитирования «Материалов» Срезневского.

В начальный период издания Словаря ссылка на «Материалы» Срезневского считалась **авторитетной**, цитатный материал и дефиниции не вызывали сомнений; в результате – информация, представленная в «Материалах», не подлежала пересмотру.

Об этом свидетельствует то, что в Предисловиях к СлРЯ XI–XVII вв. с 1-го (1975) по 6-й выпуск (1979) никак не оценивалась работа, связанная с использованием в Словаре «Материалов» Срезневского (гл. ред. 1–7 вып. – С.Г. Бархударов).

Произшедшим изменениям способствовало обсуждение на страницах научной печати стремительно издающихся выпусков СлРЯ XI–XVII вв. Полный список рецензий, вышедших до 1987 г., опубликован в приложении к 13-му выпуску Словаря [СлРЯ XI–XVII 1987, 13: 318]. Тогда насчитывалось 24 отклика (рецензии и статьи). Затем число их стало уменьшаться по мере изменения концепции Словаря. Среди существенных откликов последнего времени наиболее интересны те, в которых рецензент включается в исследовательский процесс – это замечания И.Г. Добродомова [Добродомов 1983] (его соображения приводятся также в работе А.Ю. Козловой [Козлова 1993: 342–357]), В.Б. Крысько [Крысько 1994: 242–247; 2007: 103–118], А.Б. Страхова [Страхов 1998: 253–272; 2007: 345–346] и др.

Читателям и критикам Словаря неизвестно, сколь серьезно обсуждались все рецензии внутри словарного коллектива. Тогдашний руководитель отдела Г.А. Богатова (ред. первых выпусков и гл. ред. 15–26 вып. СлРЯ XI–XVII вв.) постоянно поддерживала любые инициативы сотрудников, направленные на улучшение качества Словаря.

Теперь при воссоздании истории формирования **нового типа Предисловия** СлРЯ XI–XVII вв. видно, сколь многое изменилось с той поры, когда (во времена издания первых выпусков Словаря) цитаты из источников, недоступных или труднодоступных, черпали только из «Материалов» Срезневского.

Одним из переломных моментов в истории Словаря оказалось возрождение интереса к переводным памятникам, среди которых видное место занимают переводы с греческого языка византийской эпохи. Эта, почти забытая в советское время область филологической науки, потребовала огромных усилий по восстановлению утраченных знаний: если в «Материалах» Срезневского практически каждая цитата из переводного произведения сопровождалась иноязычной параллелью, то в первых выпусках Словаря такие параллели почти отсутствовали, если же их вводили, то либо из «Материалов», либо списывали с карточек, содержащих текст на языке, с которого делался перевод. Работа по восстановлению корпуса греческих и латинских (в меньшей степени) оригиналов стала осуществляться автором этих строк с 1978 г. В силу объективных обстоятельств она велась очень медленно, сложности удавалось преодолевать с большим трудом. Затем, по мере возрастания интереса к данному направлению, появилась целая плеяда исследователей в области переводной литературы: А.А. Пичхадзе, К.А. Максимович, Л.И. Щеголева, С.В. Дегтев, Л.В. Прокопенко, Р.Н. Кривко и др. (некоторое время подведением греческих параллелей в СлРЯ XI–XVII вв. занимались также К. Гадзацев, Т. Межиковская, короткое время – С. Иванов). Именно эти имена определяют сейчас основные достижения в этой области лингвистики. Если прежде строились предположения об объеме переводов с греческого языка в Древней Руси, то теперь А.М. Молдован [Молдован 2000] и А.А. Пичхадзе [Пичхадзе 2011] в своих работах аргументированно и лингвистически обоснованно разра-

батывают эту тематику. Еще один «прорыв» в направлении изучения гимнографических (поэтических) переводов с греческого языка осуществил М.Ф. Мурьянов (о его многотрудной судьбе см.: [Чернышёва 2011, 4(26): 7–20]; здесь же указаны его важнейшие прижизненные и посмертные публикации, среди которых: Минея Дубровского (1999) и Путятиня минея (1998–2000); он заново открыл сокровищницу текстов служебных миней. В последнее время эта тематика очень востребована, появляются издания миней (Е.М. Верещагина – в том числе, в соавторстве с немецкими коллегами, В.Б. Крысько), минейные произведения исследуют с разных точек зрения Е.М. Верещагин, Р.Н. Кривко и др. Жанровое разнообразие изданий переводных текстов все увеличивается. Если прежде преобладал исследовательский интерес к переводам с греческого языка, то теперь проводятся сложнейшие работы по подбору оригиналов самых разных языков – особенно показательны в этом смысле постижения шведского ученого И. Майер, скрупулезно подбирающей оригиналы к «Вестям-Курантам» [Maier 1997, 2008, 2009].

Возвращаясь в прошлое, следует заметить, что, благодаря введению нового инструментария – иноязычного оригинала – момент, названный выше «переломным», стал в свою очередь ключевым с точки зрения разработки семантики слова и усложнения структуры словарной статьи, поскольку, таким образом, у исследователя-лексикографа появились совершенно новые возможности для понимания переводного текста.

При подготовке к изданию каждого выпуска СлРЯ XI–XVII вв. проводилось целевое чтение «Материалов» Срезневского. Оно привело к тому, что со временем стали появляться и накапливаться наблюдения, так что в 1980 г., т.е. через 5 лет после начала издания Словаря, в Предисловии к 7-му выпуску был обозначен новый подход к «Материалам», который фактически ознаменовал собой **поворот от, условно говоря, «потребительского» использования «Материалов» к строго научному анализу содержания этого произведения.** Именно с этого времени (1980) постепенно начинает формироваться **ответственное отношение к цитированию «Материалов».** Стало понятно, что рабочая установка на максимально полное употребление всего лексического и семантического богатства последних должна подразумевать: 1) предварительную проверку надежности данных, т.е. выверку цитатных (рукописных и печатных) иллюстраций «Материалов», 2) сравнение использованных в «Материалах» цитат с новыми и новейшими публикациями памятников письменности, 3) анализ цитатного материала и семантической интерпретации с учетом новых данных, что означает, как правило, значительную переработку словарных статей, коррекцию фактов, представленных в «Материалах», и даже – при обнаружении серьезных ошибок или неточностей – отказ от включения соответствующих данных в Словарь.

Теперь авторы последнего уже не ограничивались простой констатацией факта введения информации «Материалов» при помощи «звездочки»,

как это было в первых выпусках Словаря, поскольку пришло осознание того, что использование такой информации требует проведения дополнительных разысканий.

Поскольку научная корректность требует объяснений и обоснований при принятии того или иного решения, то с 7-го выпуска (1980; ред. выпуска – Г.А. Богатова; гл. ред. 7–10 вып. – Ф.П. Филин) **Предисловие стало средоточием итоговой работы по проверке и исследованию** соответствующих словарных отрезков «Материалов». В Предисловии 7-го выпуска отказ от использования ряда цитат из «Материалов» был мотивирован отсутствием точных данных (в том числе – при заимствовании словарных статей из «Словаря церковнославянского языка» А.Х. Востокова [Востоков 1858–1861], здесь и далее не оговариваем цитирование в «Материалах» Словаря Востокова, хотя часто именно это обстоятельство приводит к трудностям), наличием глухих отсылок (*козьлицарь*), невозможностью идентифицировать источник, поскольку его нет в списке источников «Материалов» (*кыдырь*); здесь же впервые было сформулировано положение о внесении исправлений на основании современных изданий (указано три примера из «Материалов») [СлРЯ 1980, 7: 3].

Далее развитие этого начинания происходило следующим образом.

В 8-м выпуске (1981; ред. – Г.Я. Романова) отсутствуют указания на правку «Материалов» Срезневского.

В 9-м выпуске СлРЯ XI–XVII вв. (1982; ред. В.Я. Дерягин, О.В. Малкова) сообщается об исключении тех словарных статей из «Материалов» Срезневского, «где слово не документировано цитатой с полными выходными данными или либо текст-иллюстрация отсутствует, а указан лишь источник – рукопись, не относившаяся тогда к числу основных источников словаря», например, *масломилостыня*, указание на рукописный источник – Мин. Пут., 53. XI в. – совершенно устарело, поскольку сейчас существует три активно используемых в Словаре издания Путятиной минеи, в том числе одно со словоуказателем [Новгородская служебная минея на май (Путятина минея) XI в.]; все же слово *масломилостыня* вызвало сомнение не без основания, так как на самом деле здесь нужно читать два слова: *масломь милостыня*). Кроме того, в СлРЯ XI–XVII вв. не вошли словарные статьи, «где при проверке цитат-иллюстраций была обнаружена ошибка» (например, *малоумь* вместо *палоумь*) [СлРЯ 1982, 9: 3]. Таким образом, здесь фигурируют только два примера.

В Предисловии к 10-му выпуску (1983; ред. О.И. Смирнова) оговаривается, что материал с глухой отсылкой включается очень редко. Кроме того, в этом выпуске (помимо «звездочки») вводится сокращение Срз. I–III, поскольку для заголовочного слова цитата в расширенном варианте может быть взята из другого алфавитного места (*надыматися* из *проклѣвати*). В список исключений, помимо испорченных слов и неправильных прочтений, теперь попадают также староукраинизмы (в общей сложности перечислено 8 слов: *навѣникъ*, *надѣмение*, *наѣдение*, *настрѣкание*, *намързти*,

наязнь, нагабание, нагабати). Опыт, накопленный к 10-му выпуску, был обобщен О.С. Смирновой в статье, посвященной этому вопросу, где были сформулированы основные положения: «1. СлРЯ XI–XVII вв. широко использует цитаты из Материалов Срезневского (помимо этого уже тогда складывалась тенденция не пропускать без анализа ни одной словарной статьи из «Материалов». – М.Ч.). 2. Цитаты, взятые из Материалов, тщательно проверяются, снабжаются точными отсылками к соответствующему источнику, переводятся на новейшие издания... расширяются... и сопровождаются... точной датой. 3. Цитаты, не найденные по источникам, указанным И.И. Срезневским, или снабженные “глухой отсылкой” (не указан лист рукописи или ее список), приводятся в СлРЯ XI–XVII вв. очень редко, лишь в случае крайней необходимости... ставится *. 4. Учитывая то обстоятельство, что даже самые авторитетные издания не избегают отдельных ошибок и неточностей, авторы СлРЯ XI–XVII вв. с особой осторожностью относятся к словам, которые подтверждаются единственной цитатой. Такие материалы тщательно проверяются. Обнаруженные в Материалах испорченные слова, опечатки, неправильные прочтения или необоснованные исправления рукописного текста в СлРЯ XI–XVII вв. не включаются. Не включаются в него также некоторые слова, цитируемые И.И. Срезневским только по документам, относящимся к источникам СлСУМ XIV–XV вв.» [Смирнова 1984: 199–200]. Акцентирование внимания на этой проблеме является отчасти реакцией после появления острой критики в рецензии на Словарь профессора Э. Кинана [Kinan 1978], где автор говорит о том, что в названии и содержании Словаря происходит узурпация украинской и белорусской лексики и «подавление элементов, являющихся украинскими». Таким образом, именно в Предисловии к 10-му выпуску впервые сказано об отказе от включения староукраинизмов из памятников, входящих в состав Староукраинского словаря. Заметим, что проблема теперь снята после издания староукраинских словарей [СлСУМ XIV–XV вв.; СлСУМ XVI–XVII вв.] и публикации старобелорусского словаря [ГСБМ].

Кроме указания на проверку точности цитат из «Материалов», в этой работе О.И. Смирнова впервые особо отметила также **переработку и изменение семантического описания**, представленного в «Материалах» Срезневского.

В Предисловии к 11-му выпуску (1986; авт. и ред. – А.Н. Шаламова; гл. ред. 11–14 выпусков СлРЯ XI–XVII вв. был Д.Н. Шмелев) уже достаточно серьезно обоснованы исследовательские решения, касающиеся исключения слов из «Материалов» (в результате проверки по рукописям и/или проведенного анализа): испорченные слова, неверное прочтение, описки и т.п. (указано 13 слов с пометой «например», – таким образом, в выпуске их может быть и больше); как и в Предисловии к 10-му выпуску, говорится об изменении семантического описания, произошедшем в результате обращения к греческим оригиналам. Снова оговаривается, что исключается лексика староукраинских и старобелорусских грамот. Особенностью

Предисловия 11-го выпуска является появление теоретической части, где представлены разработанные А.Н. Шаламовой критерии «разграничения случаев, в которых *не* является отрицательной частицей, и случаев с приставкой *не-*»; рассмотрены слова, которые «на протяжении рассматриваемого периода формировали и пополняли категорию предикативов»; сформулированы и другие сложные проблемы, требующие лексикографического решения в историческом словаре (подвижность приставки *не-*, вопрос о заголовочной форме причастий типа *неусыпая(й)* и т.д.) [СлРЯ 1986, 11: 4–6].

В 12-м выпуске (1987; ред. – Г.Я. Романова), по причине глухой отсылки, в «Материалах» вынуждены были отказаться от нескольких слов (*об(ь)зарити, оканьственѣе*), три слова признаны ошибочными, несколько слов понимаются как староукраинские или старобелорусские (указано только одно), в общей сложности приводится 6 примеров [СлРЯ 1987, 12: 4].

В 13-м выпуске (1987; ред. – О.И. Смирнова) проанализировано и признано ошибочными 6 слов из «Материалов», 9 слов определили как не относящиеся к древне- и старорусскому языку, 2 слова получили другую семантику и еще для двух случаев предложены уточнения, в общей сложности описано 17 примеров [СлРЯ 1987, 13: 3–4].

В 14-м выпуске (1988; ред. – О.И. Смирнова, А.Н. Шаламова) в результате проверки исправлены 7 слов, претерпели изменения дефиниции двух слов, 6 слов не были включены в выпуск, так как они «иллюстрируются в “Материалах” только цитатами из староукраинских и старобелорусских письменных источников», в общей сложности описано 15 примеров [СлРЯ 1988, 14: 4–5]. Интересно, что здесь проанализированы также неверные слова в словоуказателях к изданным памятникам письменности (в данном случае – слово *пакты* из «Курантов» [Вести-Куранты 1983]).

В 15-м выпуске (1989; ред. – Г.П. Смолицкая) проанализировано пять слов, отмечено также, что «не учитываются... некоторые значения» (точно указано только «одно из значений глагола *побѣдити*»), приведен перечень из пяти слов с неточной датировкой, в общей сложности описано 11 случаев [СлРЯ 1989, 15: 3–4].

В 16-м выпуске (1990; ред. – Г.Я. Романова) отказались от подробного описания работы с «Материалами» Срезневского, ограничившись традиционной формулировкой о проверке и уточнении данных и переводе цитатного материала на источники Словаря. Предисловие этого выпуска представляет особый интерес. Оно отличается тем, что здесь описаны принципы подачи слов с компонентом *пол-, полу-*, т.е. впервые объяснено, какие грамматические, синтаксические и семантические основания учитывались при принятии того или иного лексикографического решения. Эта часть Предисловия написана редактором выпуска Г.Я. Романовой.

По сравнению с предыдущими, в 17-м выпуске (1991; осн. ред. – И.И. Макеева, М.И. Чернышёва) более подробно анализируются результаты проверки «Материалов» Срезневского. Исправлено 4 значения, исключены или поняты иначе 20 слов, 2 слова не признаны «собственно русски-

ми», указано на «нецелесообразность использования цитат, выписанных И.И. Срезневским из словаря А.Х. Востокова» (два примера: *послухати*, *пособь*), в общей сложности описано 28 случаев [СлРЯ 1991, 17: 4–5]. Этот список дополняет правка, относящаяся к другим источникам Словаря.

Предисловие к 18-му выпуску (1992; ред. – О.И. Смирнова) указывает три слова из нерусских памятников (*прапорь*² и *прапорець*² – из сербского списка «Хроники» Георгия Амартола, а также *праца* – из польского документа), 9 слов не вошли в Словарь, так как были поняты иначе, чем в «Материалах», и т.д., в общей сложности описано 12 примеров [СлРЯ 1992, 18: 3].

Некоторые редакторы оставляли работу, проводимую по проверке и исследованию словарных данных из «Материалов» Срезневского, «за строкой», т.е. практически не говорили о ней в Предисловии, поскольку исправления производились «в рабочем порядке». Так, в Предисловии к 19-му выпуску (1994; ред. – Г.Я. Романова, Г.П. Смолицкая) приводится краткий перечень всего из шести слов.

В Предисловии к 20-му выпуску (1995; ред. – О.В. Малкова) указано 6 случаев из «Материалов» Срезневского.

Особый характер носит Предисловие 21-го выпуска (1995; авт. и ред. – А.Н. Шаламова). Как и в Предисловии к 11-му выпуску СлРЯ XI–XVII вв., А.Н. Шаламова обращается к теоретическим вопросам, в данном случае связанным с тем, что «буква “Р” (которая занимает почти 2/3 выпуска. – М.Ч.), состоящая преимущественно из приставочных образований, представляет значительные трудности для лексикографического описания» из-за того, что «трудно отразить в пределах одной словарной статьи развитие слова во всем многообразии его вариантов на протяжении семи столетий». Автор сетует на неизбежность «потерь в информативной ценности материала... в связи с почти всеобщей подачей слов с приставкой *роз-* на алфавитном месте *раз-*», а по отношению к «Материалам» Срезневского указывает на «разрыв слова по признаку написания *а* или *о* в приставке», что «разрушает целостность его семантической структуры». Здесь описано 11 случаев из «Материалов» Срезневского, потребовавших дополнительных изысканий, и, хотя автор «не ставил своей задачей учесть все случаи» расхождений в определении значений слов между СлРЯ XI–XVII вв. и «Материалами», в Предисловии находится подробный разбор (в связи с предлагаемой иной трактовкой) семантики глагола *раздѣлити* из Новгородской кормчей и двух значений слова *разорь*; в общей сложности описано 14 случаев [СлРЯ 1995, 21: 3–5]. Кроме анализа словника «Материалов», продемонстрированы ошибки некачественных изданий, выявленные в результате обращения к рукописям, – неопределимую помощь в этой работе оказывала и оказывает Л.Ю. Астахина.

В Предисловии 22-го выпуска (1997; авт. и ред. – А.Н. Шаламова; заключительная часть выполнена ею в соавторстве с К.А. Максимовичем) описано 11 случаев из «Материалов» Срезневского, иногда восходящих (как и в ряде примеров, описанных в предыдущих выпусках), к Словарю А.Х. Востокова.

Только три случая пересмотра слов из «Материалов» и один случай изменения семантики отмечен в Предисловии 23-го выпуска (1996; ред. – В.Б. Крысько, Г.Я. Романова, Г.П. Смолицкая, М.И. Чернышёва), в общей сложности описано 4 примера.

Предисловие 24-го выпуска (1999; ред. – Л.Ю. Астахина, Г.Я. Романова, О.И. Смирнова) демонстрирует 20 примеров из «Материалов»; остальные случаи – из других памятников письменности.

Предисловие 25-го выпуска (2000; ред. – О.И. Смирнова, М.И. Чернышёва, А.Н. Шаламова, К.А. Максимович) показывает 11 случаев из «Материалов», остальные примеры ошибочных чтений приводятся из других произведений.

Предисловие 26-го выпуска (2002, коллектив ред.) демонстрирует 6 иначе понимаемых слов, представленных в «Материалах» Срезневского.

В Предисловии 27-го выпуска (2006, коллектив ред.; гл. ред. 27–29 вып. – В.Б. Крысько) особо отмечена проведенная в нем унификация подачи заголовочных форм: «все заголовки словарных статей ориентированы на фонемный облик слова в позднерусский и среднерусский период (после редуцированных)». Другое прочтение данных «Материалов» Срезневского продемонстрировано на двух примерах, также приводятся 16 случаев ошибочного прочтения слов, встретившихся в картотечных собраниях и изданиях [СлРЯ 2006, 27: 5–6].

В Предисловии к 28-му выпуску (2008, коллектив ред.) указано 14 случаев из «Материалов», требующих тех или иных разъяснений; остальные 16 примеров отражают ошибки чтения или словоделения, представленные в изданиях и в картотечных выборках.

И, наконец, последнее, значительное по объему, Предисловие – 29-го выпуска СлРЯ (2011, коллектив ред.) содержит самое большое число наблюдений, что отражает нынешнее требование **отмечать в Предисловии любые изменения исходных данных**, зафиксированных в изданиях, картотечных собраниях и рукописях (39 примеров), и все случаи отказа от включения в Словарь заголовочных слов из «Материалов» Срезневского – описано 15 такого рода случаев. Еще одной особенностью этого Предисловия является наличие **серьезной аргументированной части**, которая не всегда сопровождала прежде анализ примеров из «Материалов».

Таким образом, в Предисловиях СлРЯ (с 7-го по 29-й вып.) зафиксировано **224 примера правки лексикографических материалов Срезневского**. Эта цифра весьма приблизительная, так как авторы неоднократно повторяют, что разбираются (или указываются) только некоторые случаи.

Обратим внимание также на то, что аналитическая проработка «Материалов» И.И. Срезневского и проверка приведенных данных побудила к дополнительному исследованию цитируемых памятников письменности, что потребовало **целевого обращения к источниковой базе «Материалов»**. Этот вид деятельности стал проводиться (и проводится до сих пор) параллельно с подготовкой к изданию новых выпусков СлРЯ XI–XVII вв.

При изначальной установке на полное использование источников «Материалов» Срезневского многолетняя работа с ними показала, что от некоторой части этих произведений следует отказаться. К ним относятся: нерусские списки переводных произведений (например, сербский список 1263 г. «Шестоднева» Иоанна Экзарха), западнорусские, староукраинские и старобелорусские памятники письменности и др. Кроме того, чем дальше, тем больше составители СлРЯ XI–XVII вв. стремились перепроверять используемые цитаты: рукописные – по подлинникам (увеличение числа рукописных источников замечено с 7-го выпуска), а при наличии издания – по новейшим критическим изданиям.

При одновременной подготовке очередного выпуска к печати проводились новые работы по уточнению и дальнейшей разработке источниковой базы и датировок источников. Первоначально этими вопросами занимались (из числа постоянных сотрудников Словаря) в основном Л.Ю. Астахина, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова (остальные специалисты названы в Предисловии каждого выпуска).

Начиная с 5-го выпуска, в каждом томе представлялись результаты такой работы в сводных списках новых источников; кроме того – отдельные новые источники авторы упоминают в Предисловии очередного выпуска.

Впервые после 1975 г. – года начала издания СлРЯ XI–XVII вв., когда публикацию первого выпуска сопровождала тоненькая книжечка «Указателя источников», – «Дополнения к Указателю источников» появились, как и планировалось, в 5-м выпуске Словаря (1978; ред. – Г.А. Богатова), здесь приведены сведения о 110 новых памятниках письменности, из которых 23 – рукописи.

Следующие «Дополнения к Указателю источников» были изданы в 10-м выпуске (1983), здесь находится 192 названия, из них – 83 рукописи.

Затем для внутренних нужд авторов Словаря был создан рабочий вариант «Указателя источников» (1984; сост.: С.Ф. Геккер, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова), где, помимо соотнесения названий источников Картотеки ДРС с принятыми словарными сокращениями, разработана система перевода сокращенных названий источников, использующихся в «Материалах» Срезневского, на рукописи и новые издания памятников письменности, появившиеся после публикации «Материалов».

«Дополнения к Указателю источников», представленные в 15-м выпуске (1989), включают 211 названий, из них – 97 рукописей.

Список «Дополнений к Указателю источников» 20-го выпуска (1995) содержит 74 новых источника, среди которых 20 рукописей.

Вместо ожидаемого в 25-м выпуске (2000) списка «Дополнений к Указателю источников» в составе юбилейного «Справочного выпуска» (2001) был подготовлен и опубликован новый «Указатель источников», включающий все последние издания памятников письменного древне- и старорусского языка и учитываемые в Словаре рукописные тексты, а также впервые –

указания на оригиналы переводных произведений [Указатель источников 2000: 267–390].

В 28-м выпуске (2008) в разделе «Дополнения к списку источников» указано 53 новых источника, из них – 22 рукописи [СлРЯ 2008, 28: 7–8].

Стремление учитывать все новые и новейшие издания памятников письменности и современные электронные базы данных, опирающиеся на большое число рукописных источников, привело к появлению в разделе «Дополнения к списку источников» 158 новых источников, среди которых – 71 рукопись [СлРЯ 2011, 29: 11–16].

Новые тенденции в развитии Словаря отражены в статье главного редактора 27–29-го выпусков СлРЯ В.Б. Крысько «Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы» [Крысько 2007: 103–118].

В самом кратком виде в статье очерчена картина аналитического изучения словника, цитатных данных, семантики, источников, датировок и т.д. «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Методика проведения такого рода освоения наследия великого ученого складывалась и развивалась постепенно вместе с изданием СлРЯ XI–XVII вв. и формированием его новой концепции, отражающей многомерные параметры современной лексикографической деятельности в крупнейшем историческом словаре русского языка, что нашло отражение в представленном здесь процессе выработки нового типа Предисловия.

Источники и словари

Вести-Куранты. 1648–1650 гг. [Текст] / изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина ; под ред. С.И. Коткова. – М., 1983.

Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. [Текст] / под ред. А.М. Молдована, И. Майер. – М., 2009. – Ч. 1 : Русские тексты.

Востоков, А.Х. Словарь церковнославянского языка. Т. I–II. Изд. II Отделения Императорской Академии наук [Текст]. – СПб., 1858–1861.

Майер, И. Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. [Текст]. – М., 2008. – Ч. 2 : Иностранные оригиналы к русским текстам.

Новгородская служебная минея на май (Путятинна минея) XI в. [Текст] / изд. подгот. В.А. Баранов, В.М. Марков. – Ижевск, 2003.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст]. – СПб., 1893–1912.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2011. – Вып. 1–29. – (Издание продолжается).

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы [Текст]. – Мінск, 1982–2010. – Вып. 1–30.

СлСУМ XIV–XV вв. – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. [Текст]. – Київ, 1977–1978. – Т. 1–2.

СлСУМ XVI–XVII вв. – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. [Текст]. – Львів, 1994–2010. – Вып. 1–15.

Литература

Богатова, Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии [Текст]. – М., 1984.

Добродомов, И.Г. Грамматическая и лексическая семантика в старинном тексте (призрачное слово *ирп* и хронология слова *сырп*) [Текст] // Грамматическая семантика русского языка : сб. науч. тр. – Вологда, 1983. – С. 53–54.

Козлова, А.Ю. «Трудные» слова в текстах и словарях [Текст] // Герменевтика древнерусской литературы : сб. 6. – М., 1993. – Ч. II. – С. 342–357.

Крысько, В.Б. [Рец. на:] Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 18 [Текст] // Russian Linguistics. – 1994. – № 18. – P. 242–247.

Крысько, В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы [Текст] // Вопр. языкознания. – 2007. – № 1. – С. 103–118.

Молдован, А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности [Текст]. – М., 2000.

Пичхадзе, А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект [Текст]. – М., 2011.

Смирнова, О.И. Использование «Материалов для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского» в Словаре русского языка XI–XVII вв. (из опыта работы над выпусками 7 и 10) [Текст] // Теория и практика русской исторической лексикографии. – М., 1984. – С. 188–200.

Страхов, А.Б. Об «испанской» нашивке и «сопящем» дьяке [Текст] // Palaeoslavica. – 2007. – XV (1). – P. 345–346.

Страхов, А.Б. По страницам «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [Текст] // Palaeoslavica. – 1998. – VI. – P. 253–272.

Указатель источников [Текст] / сост. Г.Я. Романова, Е.И. Державина, М.И. Чернышёва // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справ. вып. – М., 2001. – С. 267–390.

Чернышёва, М.И. «Золото в лазури» (памяти М.Ф. Мурьянова) [Текст] // Вестн. Православ. Свято-Тихоновс. гуманитар. ун-та. – III : Филология. – 2011. – Вып. 4 (26). – С. 7–20.

Чернышёва, М.И. Из истории лексикографической критики: Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст] // Вопр. филологии. – 2011. – № 1 (37). – С. 134–138.

Kinan, E.L. [Рец. на:] Словарь русского языка XI–XVII вв. [Text] // Kritika. – 1978. – N 14. – P. 1–20.

Maier, I. Verbalreaktion in den “Vesti-Kuranty” (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittellrussischen Syntax [Text]. – Uppsala, 1997. – S. 306–308.

Weier, E. [Рец. на:] Słownik ruskiego języka XI–XVII vv. Vyp. 1–4. 1975–1977 [Text] // Anzeiger für slavische Philologie. – 1978–1979. – Bd. 10–11. – S. 223–239.

Раздел 2

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ГРАММАТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В.И. Аннушкин
(Москва)

ЯЗЫК – РЕЧЬ – СЛОВО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ: ФРАГМЕНТ «СЛОВАРЯ» И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Данная статья – фрагмент исследования эволюции слов *язык – речь – слово* в русской филологической культуре. Исследование проведено на основе текстов фольклора (устная речевая культура), продолжено письменными текстами (тексты древнерусской литературы, Священное Писание, анализ словарей древнерусского языка), текстами ранней научной литературы (ранние грамматики и риторики, Словарь Академии Российской, учебники словесности и риторики XVIII–XIX вв.). В данной статье изучение избранных слов (еще не терминов, а концептами предпочитаем их не называть) проводится с обращением к избранным памятникам древнерусской литературы и к обобщающим сведениям относительно *языка – речи – слова* в имеющихся словарях древнерусского языка.

В «Словаре древнерусского языка» (далее – «Словарь») И.И. Срезневского впервые обобщены многочисленные сведения и толкования слов *язык – речь – слово* [Срезневский 1989]. Для исследования привлечены также материалы продолжающихся изданий «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.».

И.И. Срезневский предлагает большой эмпирический материал, взятый из письменных памятников Древней Руси. Основными значениями слова *язык* названы следующие:

- 1) язык, член, часть тела: *Прильпи язык мой грътани моему. Псалтырь 1280 г., псалом 86, 6;*
- 2) народ, племя: *И будете ненавидимы всеми языки имене Моего ради. Лук. XXIV.47. Остромирово Евангелие;*
- 3) иноплеменники, язычники (во мн. ч.);
- 4) люди, народ;

5) переводчик, проводник: *Невозможно бо без вожжа ходжити т без языка добре испытати и видети всех тех святых мест. Дан. Иг.;*

6) язык, пленник, туземец, который может сообщить сведения о неприятеле: *Яша половци языкъ и приведоша к Гюргеви. Ипатьевская летопись. 1152 г.*

Эти сведения говорят о существенном развитии значения слова *язык* в письменной культуре по сравнению с фольклорными текстами, причем именно в Священном Писании слово *язык* получило значение «народ, племя», а также «люди, народ». Характерно, что, видимо, именно из этого значения впоследствии развилось именование каждого национального языка типа «русский язык, английский язык, китайский язык» и т.д., но в письменных памятниках такие значения не обнаруживаются. Следовательно, обозначение языка того или иного народа по именованию народа, говорящего на этом языке, является более поздним достижением филологической культуры.

В ранней письменной культуре обычно происходит борьба за утверждение того или иного значения слова. Так, слова *язычник, язычный, язычьский* показывают, как развивались значения этой словообразовательной группы. «Язычьский» значит не только «не христианский, языческий» (современные значения), но и «иноплеменный», т.е. иностранный. Любопытно существование слова «язычный», которое наиболее просто по способу образования и имеет множество употреблений в памятниках Древней Руси. И.И. Срезневский отмечает следующие значения:

- относящийся до языка;
- болтливый;
- невоздержный на язык, бранчивый;
- иноплеменный;
- не христианский, языческий [Срезневский 1989, 3: 1649–1650].

Данные значения очень показательны, поскольку иллюстрируют эволюцию значений данного слова вместе с развитием письменного языка. Здесь имеются не только значения, показывающие развитие данного прилагательного от существительного, но и новые значения (народ, иноплеменный, т.е. иностранный). Фольклорные же значения данного концепта, более всего говорившие об употреблении языка, имеются также (ср. болтливый, невоздержанный на язык), и особенно эти значения представлены в сложных словах, которые включают одной из своих частей корень «язык-», – такие слова показывают ошибки, которые допускает говорящий при употреблении языка в речи:

- языкоблезние (вариант: языкоблезньствие) – несдержанность языка, речи;
- языковредие – (также) несдержанность языка, речи.

Данные слова, как показывает комментарий И.И. Срезневского, восходят к греческому слову *glossalgia* [Срезневский 1989, 3: 1646].

Подобные слова описаны нами в монографии «Русская риторика: исторический аспект», где перечислено множество слов данного типа [Ан-

нушкин 2003: 35–63]. Как правило, все они имеют яркую оценочную окраску, т.е. бывают либо положительными, либо отрицательными. Например, к положительным относятся слова: *благоязычие, доброязычие, остроязычие-ство*; к отрицательным: *злаязычие, безъязычие* (в значении немота, неумение говорить), *косноязычие, поздноязычный* [Аннушкин 2003: 35–63].

Сопоставление с данными других словарей (СлРЯ XI–XVII и СлРЯ XI–XIV вв.), в сущности, не меняет картину, представленную выше. Данное слово имеет несколько лингвистических и социальных смыслов. *Лингвистическими* смыслами мы называем смыслы, относящиеся к функциям языка в установлении языковых контактов и формулировании правил ведения речи, а *социальными* – те, которые язык выполняет в идентификации народа (поскольку язык начинает объединять нацию, то слово *язык* получает значение «народ»). Таким образом, концепт *язык* при развитии в письменной культуре приобрел новое социальное значение.

И все-таки, как показывают источники, слово *язык* значительно проигрывает в количестве употреблений слову *слово*, которое является гораздо более популярным и употребительным. Прежде всего, это видно по данным словарей древнерусского языка. Так, материалы «Словаря» И.И. Срезневского дают нам 28 значений слова *слово* против 11 значений слова *язык*. То же самое увидим в употреблении сложных слов по модели «доброязычие/добрословие»: согласно данным нашего исследования, существуют 44 модели сложных слов по типу «добрословие/злословие» против всего лишь 6 по типу «доброязычие/злаязычие». Вот эти слова:

(положительные по смыслу) благословие, добрословие, красословие, хитрословие, златословие, истиннословие, единословие, велесловие, громословие, краткословие, любословие, малословие, народословие, священнословие, славословие, хвалословие, чудословие;

(отрицательные по смыслу и оценке) баснословие, блудословие, блядословие, буесловие, вредословие, глубокословие, гнилословие, горькословие, грубословие, двусловие, долгословие, жестокословие, злословие, коснословие, кощунословие, лжесловие, мудрословие, неблагословие, несловие, осквернословие, плетословие, празднословие, прекословие, смехословие, срамословие, суесловие, супротивословие, тщесловие, худословие.

Нет сомнения в том, что все эти слова выстраивали правила пользования словом и служили практической риторике, которая одинаково относилась к правилам и «языка», и «речи», и «слова». Однако, как видим, слово «слово» стоит здесь на первом месте. Это доказывается количеством «смыслов» или значений, которые приведены в «Словаре» И.И. Срезневского:

- 1) слово;
- 2) дар слова;
- 3) выражение, возможность говорить;
- 4) склад речи, способ выражения;
- 5) значение, смысл;

- 6) речь, слова;
- 7) письменная речь, письмо, грамота;
- 8) слово (как литературное произведение);
- 9) поучение;
- 10) беседа;
- 11) спор;
- 12) совет;
- 13) поручение;
- 14) причина, повод;
- 15) попрек;
- 16) показание, свидетельство;
- 17) ответ (*дати слово в день суда*);
- 18) согласие, разрешение;
- 19) удостоверение;
- 20) обещание;
- 21) определение, постановление;
- 22) выражение воли, приказ;
- 23) закон, заповедь;
- 24) учение;
- 25) одно из наименований Сына Божия;
- 26) грамматический термин: *часть слова = часть речи*;
- 27) буква;
- 28) название буквы «С» [Срезневский 1989, 3: 415–420].

Итак, слово *слово* является значительно более популярным и употребимым в сочинениях русской письменной культуры Древней Руси, нежели слово *язык*.

Чтобы обеспечить корректность нашего исследования, необходимо ввести еще одно слово – *речь*, которое имеет множество аналогичных и своеобразных значений по сравнению со значением вышеисследованных слов *язык – речь*. Как увидим ниже, слово *речь* имеет 16 значений по «Словарю» И.И. Срезневского, т.е. занимает срединное положение по сравнению со словами *слово* и *язык*. Те значения, которые повторяются в сравнении со словом *слово*, выделяем полужирным:

- 1) **звук, речь;**
- 2) **слово;**
- 3) **речь, слова (во мн. ч.)**
- 4) язык, наречие;
- 5) **беседа, разговор;**
- 6) **переговоры;**
- 7) решение;
- 8) вопрос, дело;
- 9) обвинение;
- 10) донос, наговор;
- 11) **спор, несогласие;**

12) **свидетельство, свидетельское показание;**

13) способ;

14) предмет, вещь;

15) имущество (во мн. ч.);

16) глагол (грамматический термин) [Срезневский 1989, 3: 223–225].

Итак, основным словом для филологии (языкознания) Древней Руси в формулировании взглядов древнерусского книжника на пользование *языком – речью – словом* является *слово*. Это связано, на наш взгляд, с тем глубоким философским смыслом, который вложила в концепт *слово* европейская христианская культура.

Таким образом, для письменной культуры, которая в русской традиции начала реализовываться в древнерусской книжности, характерны следующие особенности в развитии концептов *язык – речь – слово*:

1. Слово *язык* в ранней письменной культуре (по сравнению с устной фольклорной культурой) получает развитие в приобретении нового значения: «народ, племя», а также «люди, народ». Это связано с тем, что язык начинает ассоциироваться с нацией, он осмысливается как главное средство ее создания и образования. Однако обозначений национального языка типа «русский язык» или «английский язык» на ранней стадии письменности еще нет.

2. Основным словом в письменной культуре становится *слово* – это доказывается количеством словоупотреблений и богатством значений, приписанных данному слову (см. «Словарь» И.И. Срезневского). Слово обозначает не только единицу языка, речи, но и дар слова, различные жанры речи, главное же имеет сакральный смысл, будучи синонимом Слова Божия как Сына Божия.

3. Концепты *язык – речь – слово* получают развитие в связи с возможностями, которые позволяет дать сама письменная речь. Так, создаются сложные слова по типу «качество речи» (*добро-, благо-, зло-*) + вторая часть (*язычие-, словие-, речие-*). В словах данного типа также превалируют слова с корнем «слово-».

Словари

СлРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Текст]. – М., 1988–1991. – Т. I–IV.

Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка [Текст]. – Репр. изд. – М., 1989. – Т. 1–3.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII веков [Текст]. – М., 1975–2002. – Т. 1–26.

Литература

Аннушкин, В.И. Русская риторика: исторический аспект [Текст]. – М., 2003.

ПРИЗРАЧНЫЕ СЛОВА В «МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ СЛОВАРЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА ПО ПИСЬМЕННЫМ
ПАМЯТНИКАМ» И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Авторы и редакторы исторического «Словаря русского языка XI–XVII вв.» по мере продвижения к концу алфавита встречаются слова, которые по тем или иным причинам нельзя включать в корпус Словаря.

Начиная с 9-го выпуска (1982), они стараются выявить призрачные, невероятные слова на стадии подготовки очередного тома. В Предисловии к девятому выпуску читаем: «Исключены словарные статьи, где слово не документировано цитатой с полными выходными данными, либо текст, иллюстрация отсутствует, а указан лишь источник – рукопись, не относящаяся к числу основных источников (например, слово *масломилостыня*)», слово, где при проверке цитат-иллюстраций была обнаружена ошибка, например *малоумь* вместо *палоумь*)» [СлРЯ XI–XVII, 9: 3]. В 10-м выпуске, вышедшем в 1983 г., «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского были признаны источником Словаря, и цитаты, извлеченные из них, уже включались со знаком * с указанием тома и страницы с шифром Срз. I–III, если не удавалось расширить их, проверить и привести по источникам. В Предисловии указывалось также, по каким причинам не включены слова: «Не вошли в 10 выпуск некоторые приведенные в “Материалах” И.И. Срезневского слова на *Н*, которые авторы Словаря относят к неправильным прочтениям, к испорченным словам или староукраинизмам (например, *навѣник*, *надѣм#ние*, *настр#кание*, *намързти*, *наязнь*, *нагабание*, *нагабати*)» [СлРЯ XI–XVII, 10: 3–4].

Со временем стало возможным объяснять причину отказа от слов, извлекаемых из «Материалов» И.И. Срезневского. В настоящей статье приводим лишь некоторые такие случаи.

В 20-й выпуск не включено слово *притружатися*: «Посла же [Феофил епистолию] и къ блаженному Епифанию епископу град[а] Константина, притружаяся къ мужу тому святому (правившему церковью 36 лет), его же преже яко еретика им#яше» [Ж. Ио. Злат. XVI ~ XV. ВЧМ, 13–15: 1012]. В древнейшем сербском списке «Жития Иоанна Златоуста» XIV в. имеется глагол «*придружатися*, что соответствует греческому оригиналу (ср.: Е. Hansack. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Bd. 3. Freiburg I. Br., 1984. S. 196)» [СлРЯ XI–XVII, 20: 3].

Оклюснити, *оклюшню* – в «Материалах» И.И. Срезневского [Срезневский 1912, II: 642] толкование дано со знаком вопроса: «вм. оклоснити (?) – *изувечить*: (Феодор уговорил жену Даниила Саидского покориться

мужу и от Даниила взял обещание жить с нею мирно; но Даниил, воротясь домой с женою) обр#тъ изв#тъ н#кьи на тоу, носа еи оур#за; она же паки дошедши манастиря, въпаше оу б%лженаго, "ко, того послоушавши словесь, оклюшена бысть. *Жит. Фед. Сик. Мин. чет. апр. 498*». И.И. Срезневский считает, что здесь должно быть слово **оклоснити**. Редактор СлРЯ XI–XVII вв. Г.Я. Романова поддерживает его мнение и помещает именно это слово в выпуске на алфавитном месте с его цитатой (XVI в.) и с более ранней – из Лествицы XIV в. [СлРЯ XI–XVII, 12: 5, 327].

Палекида. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 869] слово дано с толкованием ‘наложница’ «(греч. παλλακη❖): – Палекиду имы (παλλακη❖v, concubinam; по др. сп. женимоую). *Никон. Панд. сл. 13*». Авторы СлРЯ XI–XVII вв., не включая это слово в соответствующий выпуск, пишут: «Не подтвердилось наличие слова *палекида* в ранних списках Пандектов Никона Черногорца: *палакиду* (не *палекиду*) *имый* читается только в Почаевском издании 1795 года (церковнославянский язык украинского извода, по списку 1670 г.)» [СлРЯ XI–XVII, 14: 4].

Паритель. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 881] слово дано с толкованием ‘носящийся в высоте’: «Ако паритель, п%ррче, зачень. *Мин. июль. XIV в. л. 97*». Авторы СлРЯ XI–XVII вв. пишут: «Проверка по ранним исправным спискам и греческому оригиналу обнаружила *пиритель*» [СлРЯ XI–XVII, 14: 5]. В пятнадцатом выпуске Словаря слово **пиритель** толкуется как ‘устроитель пира’, а цитата из той же июльской минеи приведена шире: «Яко пиритель прор<о>че изящнь творяи ти враньмь възвеселие ☩☩☩ ε☩στια❖τωρ). *Мин. июль², 14 об. XI–XII вв.*». Другая цитата в качестве иллюстрации взята из памятника ограниченного использования для подтверждения наблюдений и выводов авторов: «Убогъ будетъ пирит#ль (ε☩στια❖τωρ). *Златостр., 48. XV–XVI вв.*».

Платати. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 954] слово дано с толкованием ‘накладывать заплаты, чинить’: «Платаху мрежа (измен. вместо плакахоу – полоскали; в греч. αετπε❖πλωναv). *Лук. V. 2. Ев. XIV в. (Оп. I, 260)*». В Словарь это слово не взято: «Очевидно, вследствие переосмысления возникло слово *платати* вместо *платати* (Оп. I: 260 – αετπε❖πλωναv)» [СлРЯ XI–XVII, 15: 4].

Понывати, понываю в «Материалах» [Срезневский 1912, II: 1185] дано с толкованием ‘ныть, стонать’: «Стояше "ко обу~нь, поныва". *Жит. Ниф. XIII в.*» Авторы СлРЯ XI–XVII вв. нашли, что в источнике эта цитата дается со словом **покывая** [Ж. Ниф. XVIII, 17: 4].

Хотя лексикографическая форма описания языка лапидарна, мысль ученого может быть выражена с достаточной ясностью. Так, слово **пошьньникъ** в «Материалах» [Срезневский 1912, III, Дополнения: 224] приводится со знаком вопроса: «вм. **пошьвьникъ** (?) – ‘работающий пошевни’ (?): Противо дву дворовъ Тимохи пошенника да Микитки колпачника. *Купч. Петр. Скобельц. 1579 г.*». Выше в «Материалах» приведено слово **пошьвьни** = **пошевни** ‘широкие сани, обитые внутри лубом’. И.И. Срез-

невский и заканчивавшие словарь его дети О.И. и Вс.И. Срезневские правильно указали на слово *пошевникъ*, включив как вариант, так и иное его написание, данное под вопросом. Слово *пошьньникъ* извлечено из рукописи. Оно могло существовать и в таком написании: *вн-* в речи могло звучать как *нн-*; но в СлРЯ XI–XVII вв. оно не взято ни в каком виде, так как признано испорченным (см. Инструкцию 1988 г.).

Другой же фиксации слова *пошевникъ* пока не обнаружено в источниках. В таком случае возникает вопрос, правомерно ли отказываться от подобных слов в историческом словаре.

Попудитися. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 1198] слово дано с толкованием ‘испугаться’: «Онъ же (Тохтамышъ) попудився, и оттол#поча по малу поступати отъ града Москвы. *Соф. вр. 6890 г. (т. 1. 376)*». В Новгородской IV летописи авторами СлРЯ XI–XVII вв. обнаружено правильное *понудитися* [СлРЯ XI–XVII, 17: 4].

Порушати. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 1222] находим: «вм. *порошати* – ‘орошать’: Возми воду с%ощенну и порушай села (в др. сп. вл#и въ ниву). *Никон. Панд. XIV в.*». Здесь – описка в рукописи, которую заметил И.И. Срезневский [СлРЯ XI–XVII, 17: 5].

Отметим как частный случай особенность старинной русской орфографии, когда вместо одной буквы публикатором были прочитаны две, что помешало правильному восприятию слова. Так, в 18-й выпуск (редактор О.И. Смирнова) не было взято слово *пучьство*. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 1312] оно дано с толкованием ‘изучение, вникание’: «Велику о немъ ч%лвколоубству покажетъ пучьство. *Ио. екз. Бог., 226*». В Богословии Иоанна Дамаскина, напечатанном в 1981 г. в Германии, представлено слово *пучьство* – греч. πεϋλαγος ‘пучина’. *Ио. екз. Бог.¹, II, 140. XII–XIII вв.* [СлРЯ XI–XVII, 18: 3].

В 21-м выпуске СлРЯ XI–XVII вв. приведено *пучьство* с указанной цитатой и с другой – из Алфавита XVII в.: Пучьство (гр.) – ширина. *Алф.¹, 192 об.* Призрачное слово возникло оттого, что способ изображения звука «у» буквами *ou* не был принят во внимание, а с греческим оригиналом перевод не сопоставили.

Иногда неверное деление текста на слова или использование испорченного места рукописи приводит к нарушению хронологии появления слова в языке, а именно – к удревнению. Так, «существительное *разъ*, заявленное в “Материалах” (И.И. Срезневского. – Л.А.) для двух текстов раннего периода, – пишет А.Н. Шаламова, – оказалось в одном случае продуктом неправильного словоделения (“в *колиц#м раз#*” вм. в *колиц#мраз#*), в другом – результатом использования испорченного места источника: в ряде более поздних списков Богословия Иоанна экзарха читается *с(ъ)разум#ша*, в сп. XII–XIII вв. *сьразур#ша*, причем ни одно из этих чтений не соответствует греческому (см.: Ио. екз. Бог.¹, II: 46)» [СлРЯ XI–XVII, 21: 4]. Еще один пример со словом *разъ* взят И.И. Срезневским из

«Жалованной грамоты 1388 г. великого князя Александра-Витовта литовским евреям», помещенной в «Актах, относящихся к истории Западной России». Следовательно, слово *разъ* в русском языке зафиксировано в последней четверти XVII в. (1688, 1699), как об этом свидетельствуют материалы [СлРЯ XI–XVII, 21: 134].

Нев#дь в «Материалах» [Срезневский 1912, II: 366] дано со знаком вопроса и без толкования: «Да ~сть от Адама в толиц# жь числ# л#ть часовъ \$с нев#дии, и \$ч нев#дии, и \$а (в) \$х (\$н) \$в часа кром# ноции. *Кирик. Учен. 6644 г.*». При сверке с фотомеханическим воспроизведением рукописи «Учения» Кирика оказалось *несъв#дь* [СлРЯ XI–XVII, 11: 3, 281].

Пон#щати, пон#щаю. И.И. Срезневский [Срезневский 1912, II: 1185] считает, что этот глагол употреблен вместо *погн#щати* ‘разжигать’: «Огнь бо с%рдчньни пон#ща~ть истьн#. *Конст. Болг. поуч. XII в. (Он. II. 2. 425)*» [СлРЯ XI–XVII, 17: 5]. Возможно, писец написал это слово «по слуху» – произносимое *z* перед *n* не услышал (если писал под диктовку) или здесь произносилось *z* фрикативное.

Подморие в «Материалах» [Срезневский 1912, II: 1063] дано с примечанием «**подъморие** (вм. подролие) ‘*инподром, ристалище*’: Приидохоми на подморие (in hypodromum). *Прохор. Жит. Ио. Богосл. XXXI.* – Ср. **подъгори~**, **подрумие**». Авторы СлРЯ XI–XVII вв. не взяли это слово, так как оно является опиской [СлРЯ XI–XVII, 15: 4], на что указано И.И. Срезневским.

Порова. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 1208] читаем: «вм. **повора** – ‘жердь’: Въздвигнуша ея на поровахъ $\text{ἠῶραν αὐτοῦ} \equiv \nu \text{ εεπ} \text{ αεναφορευ} \text{”σι}$, tulerunt illud super gestatoria; в др. сп. на поворахъ, на жердь). *Чис. XIII. 24. по сп. XIV в.*». Здесь явная описка в рукописи [СлРЯ XI–XVII, 17: 4], которая отмечена в «Материалах».

Неволитися в «Материалах» [Срезневский 1912, III, Дополнения: 178] толкуется ‘*совершаться против воли*’: «Неволися ~му слушати мене. *Книг. откр. Авр. 49*». Автор СлРЯ XI–XVII вв. А.Н. Шаламова считает, что «иное, чем в “Материалах”, деление текста на слова было подсказано контекстом: неволия ся ему слушати мене, ни язъ же последовахъ деломъ его. (Откр. Авр.) II. отреч. I, 49. XIV в.». [СлРЯ XI–XVII, 11: 4]. Частица *-ся* здесь относится к глаголу *слушати*.

К **оземный** в «Материалах» [Срезневский 1912, II: 634] толкование дано со знаком вопроса: ‘*загробный*’(?): «О б@d@щихъ оземныхъ микахъ нерожд@. *Мин. Пут. XI в. 20*». Авторы СлРЯ XI–XVII вв. считают, что слово возникло в результате неправильного словораздела текста Путьяиной минеи: необходимо выделить второй предлог *о* (о земных муках идет речь) (см. вып. 12: 4).

Поопытовати, поопытую. В «Материалах» [Срезневский 1912, III, Дополнения: 221] слово дано с толкованием ‘*распытывать, исследо-*

вать': «Бол# поопытовати. Изб. 1073 г. л. б». Авторы СлРЯ XI–XVII вв. считают, что этот «несуществующий глагол» возник вследствие неверного деления текста на слова. Бол# поопытовати следует читать: *εστὶ βο λ#по опытовати яв# б\$у – εστί σου* ν διαλυθεσθαι σαφω"ς του" θεου" [СлРЯ XI–XVII, 17: 4].

Придеревый. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 1399] слово дано без толкования со знаком вопроса: «Ди"воль придеревыйи. Жит. Ниф. XIII в. 24». Авторы СлРЯ XI–XVII вв. сопоставили это место с греческим оригиналом и сочли, что правильное чтение – *приде ревыи* в соответствии с греч. η^αλθεν βρυ^αχων. Из-за неверного словоделения образовался псевдогапакс [СлРЯ XI–XVII, 19: 3; Романова, 2000].

Порос#. В «Материалах» [Срезневский 1912, II: 1214] слово во втором значении дано с толкованием ‘стенобитное орудие’: «Акы поросями разбиени (εεξ οεργα^ανου, vi machinae) – Ио. Флав. В. Иуд. V. 2. 5». Авторы СлРЯ XI–XVII вв. нашли, что это слово нужно читать как *порочами* (Флавий. Полон. Иерус. II, 72. XV в. ~ XI в.) а начальную форму следует восстановить как *порокъ* [СлРЯ XI–XVII, 17: 4].

Примеры можно продолжать, но, думается, достаточно и этой небольшой части лексики, чтобы понять, что перечисленные здесь так называемые призрачные слова – это та часть лексики, которая при тщательном рассмотрении не была включена в СлРЯ XI–XVII вв. из источника, принятого за авторитетный и достоверный.

Прежде чем говорить о причинах появления у И.И. Срезневского этих слов, попробуем возразить против термина *призрачные слова*. Эти слова материально зафиксированы, т.е. напечатаны в источниках и словарях, встречаются не только в «Материалах» И.И. Срезневского. Их достаточно в других опубликованных источниках, из которых они оказались и в картотеке ДРС, откуда попали и в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [СлРЯ XI–XVII, 2001: 394]. В настоящее время эта группа насчитывает около 150 слов и словосочетаний, их никогда не было в русском языке, а сформировались они вследствие разнообразных причин [Астахина 2006: 19–48, 327–331].

Исследователи называют слова и выражения, которых нет в языке, «несуществующими», «фантастическими», «призрачными» (И.Г. Добродомов), «словами-фантомами» (А.Н. Шаламова), «мнимыми словами» и «лексикографической фикцией» (А.М. Молдован). Промелькнул и термин «псевдонеологизмы» (Л.Ю. Астахина). Термин «слово-призрак» зафиксирован в «Словаре лингвистической терминологии» О.С. Ахмановой [Ахманова 1969]. Думается, что вернее называть их *псевдогапаксами*. Термин *гапакс* (греч. εστί^α – ‘один раз, однажды’) относят к слову, употребленному один раз в какой-либо ситуации. *Псевдо* – препозитивная морфема со значением «ложный, мнимый, вымышленный». Современная лингвистика указывает на продуктивность этого компонента сложных слов в составе русских терминологических систем. И.Г. Кудрявцева, на основе наблюдений над материалом, отраженным в со-

временных лексикографических источниках, делает вывод, что «изменение статуса *псевдо-* на протяжении его эволюции в русском языке (от связанного компонента в составе сложных заимствованных слов до самостоятельной словообразовательной единицы) связано с возрастанием его сочетаемости, его продуктивности и регулярности, а также с увеличивающимся числом его модальных значений» [Кудрявцева 2005: 103–110]. В термине *псевдогапакс*, предложенном М.И. Чернышёвой в устной беседе, соединились элементы, отражающие характерные особенности определяемого понятия: слова-псевдогапаксы и словосочетания-псевдогапаксы стали фактом письменного языка, так как были зафиксированы в опубликованных памятниках письменности, в исторических словарях и в картотеке ДРС. Но их в языке нет и никогда не существовало, и наука точно установила, что они возникли вследствие определенных условий работы с текстами рукописей. Термин *гапакс* относится к слову, о котором ничего неизвестно, кроме его единственной фиксации. Со временем могут выявиться и другие случаи его употребления, т.е. еще не доказано, что такого слова не существовало в языке. Гапакс потенциально может стать псевдогапаксом, а может и не стать им. Мы останавливаемся на термине *псевдогапакс*, так как он однозначен, нейтрален по стилистической окраске, вписывается в систему лексикологической терминологии, значение его выясняется из составных частей слова. Предложенные же ранее термины коннотативны, имеют эмоционально-оценочную окраску, слабо соответствуют лексикологической терминологии.

Вернемся к вопросу: почему так много невероятных, призрачных слов в «Материалах» И.И. Срезневского? Ответ содержится в его «Записке», представленной в Отделение русского языка и словесности Академии наук вместе с рукописью начала словаря. В ней он пишет, что хочет составить словарь, «который сообщил бы понятие об образованности, о жизни и характере народа», о его «внимании к собственной мысли... желании выражаться как можно яснее». Всякое слово, как считал И.И. Срезневский, «есть представитель вещи, или осязаемой, или вещи, умом представляемой, умственного предмета». В словах отражена жизнь народа, нравственная и интеллектуальная. Поэтому, по его мнению, нужно обращать внимание на такие места «в памятниках, которые содержат все оттенки различных значений этих слов». «Из всего этого видно, – пишет он далее, – что нельзя составлять словаря русского языка только народного, а нужно вместе с тем составлять и словарь книжного языка – следовательно, всех слов, которые можно проследить в памятниках» [Срезневский 1912, I: IV–VI]. Встречая в источниках слова, ошибочные с его точки зрения, И.И. Срезневский все равно вносил их в словарь со знаком вопроса, иногда без толкования. Видимо, он считал, что дальнейшие разыскания исследователей могли бы прояснить, были такие слова в языке или нет. А тогда для него важен был сам факт фиксации слова.

Отношение И.И. Срезневского к неясным по форме и семантике словам – это забота о будущих исследователях, чтобы они не проделывали тех разысканий, которые сделал он, а шли дальше. Это и один из путей осмыс-

ления и лексикографического отражения всего комплекса древнерусской лексики, зафиксированной в источниках.

Источники и словари

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст]. – М., 1969.

Ж. Ио. Злат. – Житие Иоанна Златоустого [Текст] // Великие Четыи минеи. – XVI в. ~ XV в. – 1012. – Нояб., дни 13–15. – СПб., 1899.

Ж. Ниф. XVIII – Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта, зовомого мниха [Текст] / підгот. до друку А.В. Ристенко // Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. – Одеса, 1929.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст]. – СПб., 1890–1912. – Т. I–III.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – Вып. 1–29. – М., 1975–2011.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – Справ. вып. – М., 2001.

Литература

Астахина, Л.Ю. Слово и его источники [Текст]. – М., 2006.

Кудрявцева, И.Г. Эволюция процессов словообразования и морфемобразования в системе субстантивной префиксации [Текст] // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии : материалы Всерос. акад. шк.-семинара. – СПб., 2005. – С. 103–110.

Романова, Г.Я. Филологическая достоверность слова и лексикографическая практика [Текст] // Русская историческая лексикография на современном этапе. К 25-летию издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.». – М., 2000. – С. 33–35.

Л.А. Белова
(Пермь)

ПЕРМСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVIII ВЕКОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

Пермское письменное наследие изучается лингвистами с середины XX в., но масштабное, системное изучение языка памятников письменности XVI – начала XVIII в. связано с именем Е.Н. Поляковой. Введение в научный оборот пермского материала позволяет решать актуальные проблемы исторической лексикологии, взаимодействия разных языков в крае, становления пермских говоров, просторечия, ономастики, характера функционирования делового языка в Прикамье, истории слов и различных групп, разрабатывать методы и методики их анализа [Полякова 2007].

¹ Работа выполнена по гранту АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья».

Изучение пермских деловых текстов XVIII столетия по существу только начинается. В статье дается характеристика *ранее никем не изучавшихся* рукописных документов местного делового письма первой половины XVIII в. – «Книг секретных дел Главного заводов правления» за 1735–1737 и 1738–1740 гг., являющихся частью делопроизводственной переписки эпохи.

Не отступая от традиций, заложенных С.И. Котковым, анализ пермских памятников письменности XVIII в. как лингвистического источника начнем с их лингвистической информативности [Котков 1980: 10].

Анализируемые тексты – скорописные документы общегосударственного и частно-правового назначения, написанные в Прикамье в канцелярии Главного заводов правления в 1735–1740 гг. в бытность руководства ею В.Н. Татищевым. Тексты исследуемых рукописей отражают борьбу правительства с движением раскольников в Прикамье, становление горно-металлургической промышленности (железоделательных и медеплавильных заводов) на Урале, а также рассказывают об официальной и частной бытовой жизни людей первой половины XVIII в.

Так, в «Книге секретных дел Главного заводов правления» (далее – Книга...») за 1735–1737 гг. (135 текстов) находятся распоряжения действительного статского (впоследствии – тайного) советника В.Н. Татищева по указам «Ея Императорского величества самодержицы Всероссийской» о мерах официальных властей по поимке и высылке раскольников, списки пойманных старцев и стариц, их допросы, допросы сопровождающих раскольников лиц, в чем-либо нарушивших официальные распоряжения о дальнейшей судьбе раскольников, переписка с подчиненными, а также с монастырями и высшими церковными чинами – митрополитом Тобольским Антонием (архиереем Сибирским) и с архимандритом Успенского Долматова монастыря Сильвестром. Секретность данной «Книги...» предопределена ее содержанием: *«В сей книге дела о расколниках на 166 листах писанные отданы для содержания с секретными делами в канцелярию Главного заводов правления от тайного советника гдна Татищева при отезде ево из Екатеринбурга в Самару иуня 25 дня 1737 года»*. Следует пояснить, почему дела о расколниках требуют своего содержания в канцелярии Главного заводов правления. Пора гонения на старообрядцев в XVIII в. по времени точно совпала с разворотом строительства на Урале новых заводов, значительным усилением поиска новых рудных мест. В начале 20-х годов XVIII в. на государственные и частные заводы Урала устремилось огромное количество беглых старообрядцев. Их приход туда оказался очень кстати, так как для развития промышленности было необходимо большое количество рабочих рук, а старообрядцы хорошо работали. К середине XVIII в. на Урале открыто много государственных и частных заводов, поэтому действует стройная система органов горнозаводского управления, которые совмещают организационно-технические функции с административно-полицейскими. Отсюда в изучаемом нами собрании деловых документов большое количество распоряжений властей, касающихся расколь-

ников и сочувствующих им, и вызванная этим секретность дел. Предметом беспокойства официальных властей было само существование раскольников, а их активное неприятие новых форм жизни, декларируемых Петром I и его сподвижниками, вызывало ответные активные меры, носящие карательный характер. Крайние даты рукописи: 20 января 1735 и 25 июня 1737 г.

В «Книге секретных дел Главного заводов правления» за 1738–1740 гг. (68 текстов) представлены ходатайства о благоустройстве, исполнении повинностей, невступлении «не в свои дела Красноярского горного начальства»; определения о наказаниях за «ложной и затейной донос», сказывания о «слове и деле государевых»; репорт об «отвозу в Самару рекрута Дмитрия Чупина»; реестр деревни Решеты «дворовому числу и в них жителям»; письма о приезде контаишинского посланника, присылке в Ямышевскую крепость оружия и свинцу; промемории о «колоднике Пономареве», «ссылке в вечную каторжную работу»; секретный пакет Татищеву; доношения о «воровском пашпорте», о пьяной «скаредной матерной брани» в канцелярии, о плохой службе в приходе, «об умышленном увечье во избежании работы у плавильных печей» и др. Некоторые документы идут под грифом «Секретно». Крайние даты рукописи: 25 апреля 1738 г. и 2 августа 1740 г. В «Книгах...» отмечены личные автографы В.Н. Татищева, тогдашнего начальника горных казенных заводов Урала.

Данные рукописные материалы являются ведомственными документами и отражают сложную систему местного делопроизводства после введения государственной структуризации на Урале, повторявшей общероссийские модели. Жанровый состав «Книг...» весьма разнообразен: это распорядительные (указы, инструкции-наставления), уведомительно-просительные (промемории, служебные письма), отчетно-исполнительные (репорты, уведомления), просительные (доношения, объявления, прошения), судебные-следственные (допросы), регистрационные (реестры) и другие документы.

Все даты анализируемых рукописей написаны теми же *почерками*, что и тексты документов, в них практически нет исправлений, стертых мест, за исключением некоторых помарок, поэтому подлинность документов не подлежит сомнению. Тексты «Книг...» написаны на *бумаге* низкого качества – плотной, желтоватой, шероховатой на ощупь, в разрыве волокнистой; листы рукописей удовлетворительной сохранности – по краям помяты, местами порваны, хранят отпечатки пальцев писцов. Бумага «Книг...» иностранного и отечественного производства, о чем свидетельствуют филигранные гербы: герб города Амстердама; знак «Pro Patria» («За Родину»); орнамент овальной формы с завитками, герб Ярославской земли, «РФ» (русская фабрика), «ЯФЗ» (Ярославская фабрика Затрапезного), «АГ» в картуше (фабрика Афанасия Гончарова), «АГ» с вензелями (бумага Афанасия Гончарова), «РФфтШ» (русская фабрика Федора Торунтаевского имени Шеломово), «РФ ВЕ» (русская фабрика Василия Евреинова). *Водяные знаки* «Книг...» находятся в разных частях листа, на всех листах через 2 см *понтюзо* и *вержеры*.

Переплет «Книг...» из корочек твердого картона, обтянутого светло-коричневой кожей, местами потертой. На переплете следы чернил и разводы от попавшей на кожу воды и следы от огня. Корешки «Книг...» имеют 4 поперечных валика как свидетельство сшитых между собой отдельных «дестевых» тетрадей (особенность делопроизводства XVIII в.). «Книга...» за 1735–1737 гг. состоит из 12 «дестевых» тетрадей, отражает несколько «слоев» пагинации, что позволяет говорить о постоянной обработке и переработке рукописей в процессе делопроизводства. Основная часть текстов выполнена бледно-черными чернилами, иногда цвет чернил более насыщенный, вместе с тем, встречаются документы, написанные бурными чернилами. Размер рукописи в пределах 45 x 34 см.

«Книга...» за 1738–1740 гг. составлена из 7 «дестевых» тетрадей. Записи сделаны с обеих сторон листа в целях экономии. Каждая «дестевая» тетрадь разделена друг от друга чистыми – «порозжими» – (перечеркнутыми с обеих сторон) листами. Почти все листы имеют характерные потертые перегибы, поскольку приходили в канцелярию в виде писем. Большая часть документов выполнена коричневыми и светло-коричневыми чернилами, но встречаются черные чернила. Размер рукописи – 21 × 33 см. Все тексты «Книг...» выполнены птичьим (*гусиным*) пером.

Документы выполнены *скорописью*. Анализ *графики* исследуемых документов позволяет сделать следующие выводы: при всем разнообразии почерков (более 20), вариантов прописных, строчных букв, числа сокращений слов, существенных различий в графике анализируемых документов не отмечено. В текстах наблюдается сочетание рукописных традиций XVII в. с элементами графики 1-й половины XVIII в. Так, тексты отмечают традиционные для XVII в. знаки придыхания и силы, лигатуры ЕВ, ОВ, ЕМ, ОМ, ДУ. Графику XVII в. сохраняют буквы В, Д, И, К; в изобилии представлены многообразные начерки, взметы и выносные буквы, размашистые начерки отдельных букв (К, С, П, Н, У, И, Р, А). В документах фиксируются и старые орфографические приемы: несистемное использование заглавных букв, слитное написание служебных и знаменательных частей речи (особенность провинциальных канцелярий), употребление «кси», «пси» (как правило, в именах собственных), «омега», «зело», упраздненные реформой 1708–1710 гг. Появление их, скорее всего, объясняется языковыми пристрастиями писца. Характерной чертой «Книг...» можно считать использование дублетных букв (*у/ук; о/омега; а/альфа, земля/зело, и/i*) дольше, чем в центре.

Приметы *скорописи XVIII в.*: сокращение числа слов под титлом, начерков одной буквы, выносных букв, взметов; устойчивее становится состав лигатур, вместе с тем, по-прежнему нередки размашистые начерки отдельных букв, беспорядочное использование заглавных букв, знаков препинания (типично для провинциальных канцелярий). К приметам XVIII в. следует отнести и отсутствие в наших документах юсов и йотованных букв, единичное появление таких новых букв русского алфавита, как «Э оборот-

ное» – *резстр* и «Й – И краткое» – *тайно*. Большинство ученых отмечает, что данные буквы активно входят в русский алфавит во второй четверти XVIII в., что подтверждается и нашими данными. Действие «Генерального регламента» 1720 г. приводит к серьезной унификации документов в центральных и региональных канцеляриях и все большему контролю государства за оформлением деловых бумаг. Обязательное обучение будущих канцеляристов порядку делопроизводства, стандартному рукописному письму, началам грамматики и арифметики способствует уменьшению вариативности в графико-орфографическом оформлении скорописных текстов, письмо все больше развивается в сторону связного написания букв в слове. Уровень писцов в столице и на периферии в это время приблизительно одинаков, поэтому графику «Книг...» следует считать однородной, не отступающей от традиций скорописи 1-й половины XVIII в.

Орфография текстов «Книг...», несмотря на клишированность и структурную заданность деловых текстов, испытывает на себе определенное влияние разговорной речи, отражая особенности живого произношения, проявляющееся в графико-орфографическом варьировании. Для языка рукописных текстов 1-й половины XVIII в. характерен и закономерен орфографический дуализм – непоследовательное применение морфологического и фонетического принципов написания. Вместе с тем, возможны уступки фонетическим написаниям, которые отражают живое произношение ряда звуков: неразличение о/а в предударных слогах (*афицер/офицер, команда/команда, кананир, канцелярия/концелярия, остоновки, росколники/расколники, распространить, солдат/салдат, розорение/разорение* и др.). Отмечены ассимиляция согласных по звонкости (*зделать, з драгуном, разсмотрение*), глухости (*двацать, ис пожитков*); отсутствие передачи фонематической мягкости согласного (*далних, давнол, денги, действителного*); отсутствие передачи фонематической твердости согласного (*обявить, подячий, при отезде*), гиперкоррекция (*живусчий, есче, порутчик, преждней, Татисчев*). Последняя черта особенно характерна для анализируемых текстов, скорее всего, здесь проявляется невысокая лингвистическая компетентность писцов: они учились друг у друга, и недостаточная грамотность учителей передавалась ученикам, повторявшим одни и те же ошибки. Написание слов чаще раздельное, вместе с тем служебные части речи записаны слитно со знаменательными частями речи.

Пунктуация данных текстов не отличается разнообразием. Несмотря на обилие моделей сложных предложений в синтаксисе анализируемых деловых текстов, писцы ограничиваются лишь тремя знаками: точка, запятая, двоеточие, – которыми старались выделять самостоятельные смысловые части текста. Скупое использование знаков препинания характерно не только для данных текстов, но и для всей рукописной традиции первой половины XVIII в.

В целом неплохая сохранность материалов «Книг...» 1735–1740 гг. позволила полностью печатно воспроизвести тексты для планируемой

публикации. Лингвистическая информативность в рамках палеографического описания «Книг...» позволяет предположить, что в местной деловой письменности 1-й половины XVIII в. неустойчивы границы между кодифицированными и некодифицированными языковыми формами. Это дает основания для изучения лингвистической содержательности данных текстов.

Ее анализ начался с лингвокультурологического описания лексики и ономастики «Книги...» за 1735–1737 гг. в рамках гранта АВЦП. Лингвокультурологический подход, актуализирующий историко-социологический и этнографический фон языковых единиц эпистолярных региональных деловых текстов, дает возможность более полно и объективно говорить и о самих языковых реалиях и о внеязыковых факторах, их породивших, и на сегодняшний день является неотъемлемой частью воссоздания истории делового русского языка и истории русской культуры.

Анализируемый деловой эпистолярный предлагает лингвистически насыщенную информацию об особенностях общественной жизни Прикамья в 1-й половине XVIII в. Лингвокультурные реалии «Книги...» иллюстрируют столкновение *старой* и *новой* культурных парадигм как столкновение двух типов мышления тогдашней России. Одно из проявлений этого столкновения – церковно-религиозный конфликт эпохи – находит отражение в репрессивном характере официальной письменности, фиксирующей установку государства на искоренение инаковерующих (раскольников). Секретный характер и содержание «Книги...» выявляют ее общую тематическую составляющую – *раскол* как антигосударственное и богопротивное явление. Лексемы *раскол* – *раскольник* становятся своеобразными маркерами в противоборстве «старой» и «новой» веры, проводниками государственной политики по отношению к отступникам веры, что находит реализацию в языковых средствах с семантикой репрессий. Текстовой доминантой «Книги...» явилось лексико-семантическое поле «Раскольники как государственные преступники», эксплицированное в синонимическом ряду *раскольники* – *воры* – *колодники*. Семантика лексем *вор* – «государственный изменник, бунтовщик» [СПП 2010: 88] и *колодник* – «арестант; арестованная женщина» [СПП 2010: 256] подчеркивает антигосударственный, а потому и преступный характер действий сторонников старой веры. Потенциальная угроза для государства заключена и в семантике обозначений лиц, представленных синонимическим рядом: *подзорен о расколе* – *потаенно в расколе* – *скинув с себя чернеческое платье скитается под образом нищих*. Приверженцы старой веры не вписывались в социокультурный контекст новой российской жизни, подчиненной идее регламента, поскольку олицетворяли старую, патриархальную, не желающую меняться Россию. Незаконность социального поведения раскольников, их противопоставленность государству обуславливают военно-репрессивный характер отношения к ним властей и актуализируют в официальном письме идею истребления инакомыслия, что находит разрешение в семантике язы-

ковых единиц, входящих в поле «Карательные меры в отношении раскольников»: *раскольников размножение пресечь и искоренить – раскольников всякими мерами проводить и искать и при дорогах ловить – ехать для разорения пустынников – взять драгун сколько можно – заковать в железа – взять под караул* и др. Так формировались репрессивный официальный письменный дискурс 1-й половины XVIII в. и лексика, которая его обслуживала.

Еще одним маркером языка анализируемых деловых текстов можно считать конфессиональную лексику. Слов общерелигиозной и общехристианской лексики [Тимофеев 2001] в общем лексическом объеме памятника немного, что естественно, поскольку официальные документы, имеющие императивно-регулятивный характер, не предполагают полемики по вопросам религии. В «Книге...» наибольшую представленность имеют слова, называющие понятия, характерные для христианской православной конфессии – *архимандрит, архиепископ, архиерей, богомолец, диакон, епархия, келья, митрополит, монастырский, монах, образ, обращение, подьячий, поп, постригать, правоверный, чернец* и др.

В текстах «Книги...» приверженцы старой веры определяются только через родо-видовую модель: *раскольники старцы и старицы/монахи и монахини/чернецы и черницы* (заметим, что в языке XVIII в. именований *староверы и старообрядцы* нет). У лексем *чернец/черница* и *монах/монахиня* главным в толковании оказывается указание на немирской образ жизни, предполагающий смирение и подвижничество. У лексем *старец/старица*, помимо значений, указывающих на возраст человека, в формах *старец* и *старцы* отмечается указание на социальный статус: «старшина, начальник; старейшина города или племени» [ПЦСЛ 1998, II: 659]; заметим, что, наряду с указанием на конфессиональную принадлежность, не говорится о смирении, существенным оказывается возраст. Так, в реестры фиксируются списки старцев и стариц от 20 до 90 лет. Причем к фамилиям и летам некоторых стариц, чей возраст колеблется от 20 до 50, дается помета «молода», а документ от 2 января 1735 г. так и называется – «Реестр старицам молодым», где приводится список стариц от 30 до 56 лет. В текстах чаще других синонимов при упоминании раскольников фиксируются лексемы *старец/старица*. Форма *монах* становится известной именно в XVIII в., а лексемы *чернец/черница*, выступая синонимом к *монах/монахиня*, теряют свою актуальность и со временем устаревают. Возможно, именно многозначность слов *старец/старица* (старшинство + возраст), отсутствие в их смысловой структуре компонентов «смирение», «уединение», «немирское» и оказалось важным для номинации противников «новой веры». Размытая семантика этих слов делает их почти нейтральными, тем самым снимая остроту и актуальность постулатов «старой веры» в контексте противоборства двух церквей – официальной и неофициальной. Ср.: В секретном письме В.Н. Татищева от 12 декабря 1735 г. митрополиту Антонию Тобольскому читаем: «...повелено **росколников** живущих в лесах близь Чер-

ноисточенского Демидова завода **монахов и монахинь** розвесть под караулом по разным мнстрям внутрь Сибири ...и содержать оных в тех местах в особливых кельях в мирском а не в монашеском платье и увещавать к соединению правоверных святей цркви и которые обратятся постригать вновь а далее цркви за мнстри их не выпускать...».

Все вышесказанное позволяет выстроить два словесных ряда. Первый: *раскольники – монахи, старцы, чернецы, пустынники, бельцы*; второй: *раскольники – воры, колодники*. Очевидно, что родовое слово маркирует правовой статус приверженцев старой веры в церковно-государственном дискурсе в 1-й половине XVIII в. как отступников, отщепенцев, т.е. преступников, заслуживающих сурового наказания; а видовые номинации выступают как маркеры их конфессионального и социального (точнее – асоциального) статуса. Так язык выступает одним «из основных средств утверждения господствующей культуры, а тем самым и одним из важнейших элементов государственной политики» [Живов 1996: 68].

Столкновение *старого* и *нового* в укладе русской жизни XVIII в. нередко выступает как столкновение *своего* и *чужого*, в этом борении постепенно формировалось *новое свое*: активизировались языковые средства и рождались те, которые являлись важной стилеобразующей приметой делового языка XVIII в. С одной стороны, по-прежнему, несмотря ни на какие указы и регламенты, *волость, воевода, управитель, приказчик, острог, ведомство, кандалы, крепкое подтверждение, великое опасение, под караулом, сказка* и т.п., с другой стороны, – *провинция, офицер, Императорское Величество, государственная коллегия и правительствующий Синод, губернская канцелярия и промемория, репорт и секретарь, плакат и шихт-мейстер* и т.п.

Культурно-языковая ситуация в России в 1-й половине XVIII столетия актуализировала деловой текст, но это были уже другие условия официального письменного дискурса, нежели в XVII в., поэтому важно установить «характер взаимодействия приказной традиции с языковыми формами не только разговорного, но и книжного регистров, видеть интерференцию книжных и некнижных языковых средств в документах разных жанров, постепенную эволюцию узуса деловой письменности, его трансформацию в функциональный стиль русского литературного языка» [Майоров 2006: 5].

Примечания

1. В архиве Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета хранятся «Книги секретных дел Главного заводов правления» за 1735–1737 (ед. хр. № 12), 1738–1740 (ед. хр. № 6), 1746 (ед. хр. № 13) гг.

2. При цитировании сохранены орфография и пунктуация источника.

Словари

ПЦСЛ – Полный церковнославянский словарь [Текст]. – М., 1998. – Т. 1–2.
СПП – Словарь пермских памятников письменности XVI – начала XVIII
века [Текст] : в 2 т. – Пермь, 2010.

Литература

- Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века [Текст]. – М., 1996.
Котков, С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка [Текст]. – М., 1980.
Майоров, А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века [Текст]. – М., 2006.
Полякова, Е.Н. Итоги и перспективы лингвистического изучения пермских памятников письменности XVI – начала XVIII века [Текст] // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию д-ра филол. наук, проф. Елены Николаевны Поляковой / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2007. – С. 238–246.
Тимофеев, А.К. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения [Текст]. – Новосибирск, 2001.

В.Л. Васильев
(Великий Новгород)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЛЕКСИКОЙ И ТОПОНИМИЕЙ РУССКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА И СЕВЕРА (*водос, черёх*)¹

Первая из предложенных для этимологического анализа лексем сохранилась на Русском Северо-Западе, исключительно в области средневековых пятин Великого Новгорода (Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской), в составе многочисленной топонимии: *Водос, Водосье, Водосы, Бережные Водосы, Водоси, Водосы, Водосно, Долгой Водос, Водоса, Водус* и др. Многие такие топонимы, отмечаемые с ударением на первом слоге, хорошо известны в современном тополандшафте, но особенно часто их можно обнаружить в новгородской письменности XV–XVI вв. и более раннего времени. Кратко изложу имеющийся материал.

Среди таких топонимов – название д. *Водосье* и рядом с ней ж. д. ст. *Водос* в Чудовском р-не Новгородской обл.; оба пункта расположены на рч. *Водоска* (по [Шан. РЛЮ 1929: 58] – рч. *Водоса*), левом притоке Волхова. По списку селений 1909 г. под названием *Водосье* в этой местности Среднего Поволжья значились село, погост и усадьба Чудовской волости Новгородского уезда Новгородской губ., стоявшие на рч. *Водосье* [СНМНГ 1907–1912, I: 102–103]. На карте-трехверстке 2-й половины XIX в. – *Водо-*

¹ Работа написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-00173).

сья на рч. *Водоса*. Средневековых упоминаний об этом пункте сохранилось немало: с. *Водосы* «на рѣчкѣ на *Водосѣ*» (рядом пожня «на усть рѣки *Водосѣ*») Грузинского погоста Водской пятины Новгородской земли около 1500 г. [НПК 1859–1910, III: 445, 447], то же под 1540, 1470–1471 гг., а в более поздних материалах: с. *Водосца* 1562 г., сц. *Водоси* 1612 г., с. *Горние Водоси* 1678 г., д. *Горние Водосы* 1709, 1718 гг., д. *Водоси* 1748 г., с. *Водосье* 1788 г. (см. [Селин 2003: 249]). Неподалеку, в этом же Грузинском погосте, стояла д. *Средние Водосы*, известная по документации 1500, 1540, 1570–1571, 1582 гг., приравниваемая к сц. *Водоси за ручьем в Струхах* под 1646 г., к с. *Водоси* под 1678 г., к д. *Водоси Струги* под 1709 г. (но в материалах Генерального межевания 1788 г. этот пункт известен как усадьба *Стружка*). Отдельным селением в этом же погосте числилась д. *Водосы* на Волхове 1500 г., указанная как д. *Водоси Нижние* на Волхове под 1540 г., или д. *Водосы Нижние* под 1582 г., позднее отмеченная как пустошь *Водоси Бережные* под 1612 г., или пустошь *Бережные Водосы* под 1788 г. Поблизости дозорная книга 1612 г. указывает пустошь *Понкины Водоси*, «а зовут крестьяне Загарьем» (сведения из источников даны по [Селин 2003: 249–250]). Стоит добавить к этому, что с. *Бережные Водосы (Водосы)* фигурирует также в выписях на рыбные тони на р. Волхов из писцовых книг 1498 и 1500 гг., а *Водосы* – в оброчной книге пригородных пожен новгородского конюшего 1539–1540 гг. («на *Водосех*», «с *Водос*») [ПКНЗ 1999–2009, 1: 95, 290, 364, 366, 374] и в писцовой книге Обон. пят. 1550–1551 гг. [ПКНЗ 1999–2009, 2: 19]. В топонимическом плане, очевидно, речь должна идти о единой микросистеме смежных и последовательно сменявших друг друга названий в Среднем Поволховье, полученных путем иррадиации.

Водоси д. Белавинской волости Боровичского уезда Новгородской губ. 1911 г. [СНМНГ 1907–1912, VI: 10] (сохранялась до 1990-х гг. в составе Кировского сельсовета Боровичского р-на Новгородской обл.). Материалы Генерального межевания 1785 г. указывают в этой местности сц. *Водосье* (№ 1142 на уездном плане), такой же вариант названия сельца повторен в Материалах для оценки земельных угодий Боровичского уезда 1914 г. (сведения по [КГарн]). Отождествляется с д. *Водоси* 1564 г. в погосте Волок Держков [НПК 1859–1910, VI: 985, 1008], которая в описании 1545 г. именуется *Водок* [НПК 1859–1910, VI: 123] с опиской (правильно: *Водос*).

Водосы д. на левом берегу Мшаги на территории Уторгошского сельского поселения в Шимском р-не Новгородской обл, ранее причислялась к 3 стану Лужского уезда Санкт-Петербургской губ. 1838 г. [ОСПбгуб 1838: 126]. Отождествляется с *Водос* д. Турского погоста Шелонской пятины, впервые описанной под 1498 г. [НПК 1859–1910, IV: 62].

Водосье д. при рч. Леменке в Ретенской волости Порховского уезда Псковской губ., по сведениям 1872–1877 гг. [СНМРИ 1885, 34: № 11867], иначе – *Одосье* на карте 2-й половины XIX в. [Андрияшев 1914: 195], сегодня – ур. *Водосье* у дер. Болтово Солецкого р-на Новгородской обл. При-

равнивается к дер. *Водос* на рч. Илеменке в Ретенском погосте Шелонской пятины 1539 г. [НПК 1859–1910, IV: 492].

Водос д. на левом берегу Куньи в Кочутском сельском округе Торопецкого р-на Тверской обл., ранее – с. *Водосы* (*Водус*) Галибице-Немчиновской волости Холмского уезда Псковской губ., по спискам селений 1872–1877 гг. [СНМРИ 1885, 34: № 14987]. Отождествляют с д. *Чупрос Водос*, иначе *Водосы*, на р. Кунее в Кунейском стане Холмского погоста Деревской пятины, отмеченной писцовой книгой 1-й половины XVII в. (см. [Янин 1998: 180–181, рис. 10, № 153]). Запись «*Чупрос Водос*» явно требует исправления на *Чупров Водос*, ср. личное имя *Чупр*, *Чупро* (: *Киприан*).

Водосы – низкое место на устье р. Псижи, южного притока оз. Ильмень, близ д. Устрека Старорусского р-на Новгородской обл. (по полевым записям 1990-х гг.).

Еще больше межтерриториальных параллелей в регионе исторической Новгородской земли известно только из средневековой документации. Д. **Водосы** описывалась в Иванском на Волхове погосте Обонежской пятины 1563–1564 гг. [ПKNЗ 1999–2009, 2: 58, 59], на Генеральном плане Новгорода и уезда 1788 г. она подписана как д. *Водосье* на правом берегу Волхова (поглощена современной д. Слутка на правом берегу Волхова под Новгородом). Новгородские писцовые книги по Деревской пятине указывают, во-первых, д. **Водосы** в Деманском погосте под 1538–1539 гг. [ПKNЗ 1999–2009, 4: 220], которая в книге 1495 г. отмечена под неточным именем «*Водогы*» [НПК 1859–1910, II: 500] (вместо правильного *Водосы*, из-за смешения похожих букв «с» и «г»), во-вторых, дер. **Водос** около 1495 г. в Локотском погосте [НПК 1859–1910, II: 95] (позднее указана приправочной книгой 1550–1551 гг. [ПKNЗ 1999–2009, 5: 137]), в-третьих, д. **Водосно** Курского погоста под 1495 г. [НПК 1859–1910, II: 594] (= ? *Водоносно* «на реки на Ловоти» в Курском присуде под 1538–1539 г. [ПKNЗ 1999–2009, 4: 298]), в конце XVIII в. ставшую пустошью *Водосно* (*Водосны*) в Старорусском уезде Новгородской губ. [ИАДП 2008, 1: 182; 2: 180, № 8241], в-четвертых, пожню **Водос** 1495 г. в Холынском погосте [НПК 1859–1910, I: 290]. По видимому, эта же самая пожня, являвшаяся одним из заливаемых лугов в устье р. Мсты, отмечена в описании пригородных пожен Новгородского дворца 1535–1540 гг. под названием *Бикичевский Водос*: «пожня на Русской реке в *Бикичевском Водосе*» [ПKNЗ 1999–2009, 1: 316]. На территории все той же Деревской пятины обыскная книга 1560–1561; 1561–1562 гг. сообщает о пустоши *Долгой Водос* в Холмском уезде, а приправочная книга 1550–1551 гг. – об отхожей пожне **Водоса** на р. Мсте Млевского погоста [ПKNЗ 1999–2009, 5: 364, 237]. Не совсем понятно, отождествляется ли эта пожня на Мсте с отхожей пожней за Мстою «на *Водосѣ*», известной из описания Егорьевского Млевского погоста, данного в писцовой книге Бежецкой пятины под 1545 г. [НПК 1859–1910, VI: 326].

Приведенные названия, распространение которых ограничено исключительно центральными районами средневековой Новгородской земли

(окрестности Ильменя и бассейны рр. Мсты, Волхова, Ловати, Шелони), отражают древненовгородский ландшафтный термин *водос*, в Средневековье весьма употребительный в местных говорах, но давно уже вышедший из речевого обихода в рассматриваемом регионе. Однако на путях древненовгородской колонизации Русского Севера, в частности заволоцких земель, данное слово еще и сегодня можно встретить «на задворках» современного апеллятивного употребления. В отдаленных вятских говорах в XIX в. было записано *вѣдось* ‘пойма, поемное место’ [Даль 1998, 1: 219]. В Вологодской обл. отмечены диал. *вѣдосы* ‘низменные пожни’: «*Водосы* уже выкашивали» (Старое М-Реч) и *вѣдос* ‘болотное травянистое растение, вид осоки’ (Соколово У-Куб) [СГРС 2001–2002, II: 148]. Ландшафтное значение ‘пойма; низменное место’ является исконным, а что касается диал. *вѣдос* как обозначения осоки, то его появление обязано регулярно действующему семантическому переносу ‘место’ > ‘травя; сено’, образовавшему множество сев.-рус. обозначений трав, растущих на сырых низменных местах: *болѣто*, *болѣтина*, *мочавина*, *вѣльга*, *полѣй*, *солѣтина*, *лука*, *миѣра* и др., подробнее об этом см. [Васильев 1999: 44–52].

Жалованная грамота великого князя Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи, датируемая приблизительно 1134 г., дает самую раннюю фиксацию ландшафтного термина *вѣдос* в области древненовгородского пятинного деления: «...а по Ловати на низъ по конецъ *Водоса*» [ГВНП 1949: 139, гр. 80; Янин 1990: 138 (с уточнением датировки документа)]. Издатели грамоты, написав *Водос* с большой буквы, посчитали его топонимом, однако, скорее прав Е.Н. Носов, который трактует данное слово в приведенном фрагменте как водный термин: «вниз по Ловати до конца поймы» [Носов 1993: 30–31].

Ко времени московских писцовых описаний XVI в. термин был почти забыт или по крайней мере малоизвестен на новгородской территории, коль скоро он подвергся топонимизации и проявляется только в составе географических названий писцовых книг и более поздних письменных материалов. Все эти названия действительно прикреплены к селениям на низких и пойменных берегах водоемов либо к пожням – заливным лугам вдоль водоемов. По облику, структуре, значению и территориальной дистрибуции др.-новг. термин *вѣдос* примыкает к современным новг. диал. *водосѣс*, *водосѣсина* ‘место, где из земли сочится вода’ («*водососина* вроде жилы, но не жила, в жиле вода течет шибко, а в *водососине* сочится» Кр. + Мош., Ст.), *водосѣсина* ‘низкое место’ (Мош.), ‘заросшее озеро’ (Валд., Мош.) [НОС 1992–1995, 1: 131], волог. ‘сырое, топкое место’ (Бел., Череп.), ‘место на дереве, где мокнет кора’ (Ваш.) [СГРС 2001–2002, II: 149]. Более того, слово *вѣдос* следует считать специфическим соответствием (с сокращенной основой) современных изосемантических терминов, но различие между ними далеко не очевидно и нуждается в интерпретации. Безусловно, термины *вѣдос* и *водосѣс(-ина)* репрезентируют единую структуру сложения, отсылающую к исходной форме **водосъсь*. Можно предполагать, что, поскольку

ку фонетическая позиция гласной в компоненте *-със-* менялась при словоизменении и словообразовании, то после утраты редуцированных гласная *ъ* либо прояснялась в гласную *о* (*водосъсъ* > *водосос*), либо утрачивалась, например в родительном падеже единственного числа: *водосъса* > *водосса* > *водоса*. При этом в одних говорах окончательно возобладала основа *водосос-*, в других, напротив, сокращенная основа *водос-* сумела укрепиться, вытеснив полную основу из всех форм. Ср. др.-рус. *съсати* ‘сосать’, фонетически закономерно продолженное в рус. диал. *ссать*, укр. *ссати*, блр. *ссаць* ‘сосать’ при общерус. *сосать*, закрепленном под воздействием *сос*, *соска* (< **съсъ*, **съсъка*) [Фасм. ЭСРЯ 1986–1987, III: 725].

Впрочем, более приемлемым представляется иное объяснение. В древненовгородских говорах существовали два акцентологических варианта двуосновной лексемы: первый вариант имел ударение на гласной первой, препозитивной основы (*вѣдосъсъ*), второй вариант имел ударной гласную второй основы (*водосъсъ*). Вариант с ударной гласной первого компонента сложения еще до падения редуцированных подвергся процессу гаплогии **вѣдосъсъ* > *вѣдосъ* в условиях безударности (заударности) двух конечных повторяющихся слогов. Возникла усеченная лексема, которая смогла укрепиться во многих говорах древненовгородского диалекта и даже продвинулась далеко на восток вместе с новгородским колонизационным потоком. Что же касается второго варианта, в котором ударение падало на редуцированную гласную второго компонента, то повторяющийся слог в нем не усекался, благодаря чему возникали «полноструктурные» сложения *водосѣс*, *водосѣсина*. На новгородской территории похожий случай вариантности показывает, в частности, название д. *Подсосѣнье* Демянского р-на Новгородской обл., которую местные старожилы неофициально именуют также *Пѣдсонье* (согласно полевым наблюдениям 2000 г.). Сдвиг ударения на первый слог вызвал в топониме *Подсосѣнье* сокращение третьего слога; ср. еще зафиксированное списком селений Новгородского уезда начала XX в. название д. *Подсосѣнье* (семантически – ‘селение под соснами’) с вариантом *Пѣдсонье* [СНМНГ 1907–1912, I: 14].

За пределами области новгородских пятин топонимия на *Водос-* не выявлена. Что касается названия смоленской р. *Водоса* (*Вадоса*, *Ведоса*), левого притока Вопи в верховьях Днепра [Машт. Днепр.: 21], то здесь наиболее вероятен балтийский след, ср. жемайтск. *Ведоса* [Спрогис 1888: 37] и ряд других гидронимических балтизмов на *-са* в верхнем Поднепровье [Топоров, Трубачёв 1962: 155–156, 168, 178].

В отличие от *водос*, вторая из предлагаемых к рассмотрению лексем представлена ограниченным рядом апеллятивов и, реже, гидронимов, прикрепленных не только к области новгородских пятин, но и к исторической Псковской земле. В материалах по диалектной лексике Русского Северо-Запада обнаружены два морфологических варианта рассматриваемой редкой лексемы (*черѣх* и *черѣха*), причем значения апеллятивов определены приблизительно и довольно смутны, но осевым признаком их, безусловно,

является обозначение черного или сближающегося с черным цвета. Изложу имеющиеся факты. Среди них новг. диал. *черѣха* ‘вода красноватого цвета’ (Чуд.) [НОС 1992–1995, 12: 49]. Дефиниция этой единичной фиксации довольно необычна, скорее, речь идет о месте с красноватой водой; такой является темная вода болотной речки, которая выглядит ржаво-бурой на мелководьях, а на более глубоких местах приобретает насыщенно-черный цвет. Производной от лексемы *черѣх(a)* является опять же единично представленное новг. *черешняк* ‘заросли черешни’ («Черешняку там много» – Молв. р-н, д. Гридино) [НОС 1992–1995, 12: 49; КНОС]. Значение явно не точное: полевая проверка показала, что, вероятнее всего, имелись в виду не заросли черешни, которая никогда не произрастала в здешних местах, а заросли ирги обыкновенной – плодового кустарника с красновато-фиолетовыми или синевато-черными плодами. В Тихвинском р-не Ленинградской обл. записано *черѣх* ‘ягода (?)’ («Там везде *черѣх* растет») [СРГК 1994–2005, 6: 776]. О.А. Шкапский, составивший в начале XX в. подробное описание псковских озер, сообщает также о каком-то виде рыбы *черѣха*, которая водится в 0,9 % озер Псковской губ. [Шкапский 1912].

Диалектная лексема, объединяющая все приведенные апеллятивы, безусловно, имеет давнюю укорененность в новгородско-псковских говорах, коль скоро она отложилась в старой гидронимии региона. Один из таких гидронимов – название р. *Черѣха*, правого притока р. Великой неподалеку от Пскова, с истоком из озера *Черешно* и болота *Черешенское*; на р. Черѣхе стоит д. *Черѣха* Ядровской волости Псковского р-на. Упоминания о р. Черѣхе встречаются в древнерусской письменности, одно из них дано Первой новгородской летописью: «на рѣцѣ на *Чересѣ* сташа» под 1352 г. [НПЛ 1950: 100]. В среднем течении в р. Черѣху слева впадает речка с названием *Чересок*, в котором допустимо видеть фонетическую модификацию первоначальной формы *Черешок* (благодаря псковскому диалектному неразличению *ш* и *с*). Второй гидроним *Черѣха* относится к малоизвестному ручью, правому притоку Большого Тудра в среднем течении Ловати неподалеку от города Холм Новгородской обл.

Рассматриваемая лексема имеет славянский облик и, очевидно, славянское происхождение. Полагаю, она является весьма архаическим, периферийно сохранившимся праславянским диалектизмом, который вполне отчетливо сближается со цветообозначением *черный*, представляя не осложненный весьма древним суффиксальным элементом *-n-* (ср. др.-прусск. *kirsnan* ‘черный’) дериват того же самого корня **čьrx-* (< **kirs-*) (о развитии праслав. **čьrnь* < **čьrxnь* < и.-е. **kirsno-*, см. [ЭССЯ 1974–2010, 4: 156; Фасм. ЭСРЯ 1986–1987, IV: 346]). Скорее всего, перед нами не что иное, как полногласно преобразованное праслав. диал. **čьrxь*, которое в свою очередь может считаться формой, словообразовательно первичной относительно праславянского адъектива с суффиксом *-n-*: **čьrxnь*, далее **čьrnь(jь)*, рус. *черный*, болг. *чърн*, *черен*, пол. *czarny* и т.п. В рамках данной этимологии новг.-пск. *черѣх(a)* является точной межтерриториальной параллелью

к болг. диал. *чер* ‘черный’, которое в свою очередь рассматривали как изолированное продолжение нерасширенного праслав. **čьrxъ*, утратившего *x* (как в болг. диал. *вет* – из *vetx*) [Георгиев 1958: 31]. Новгородско-псковские факты заставляют думать о продолжениях древнего нерасширенного **čьrxъ* не только на болгарской, но и на восточнославянской (древненовгородской) языковой территории, вероятно, оформившегося через диалектный новгородско-псковский рефлекс второго полногласия (**čьrxъ* > **čьrъxъ* > *черѣх-*) либо по модели образований с суффиксом *-exa*.

Следовательно, в плане сравнения гидронимов, речное название *Череха* на Русском Северо-Западе показывает особую близость с болгарским названием *Черска река* в бассейне р. Вардар, которое И. Дуриданов реконструировал с первоначальным обликом **Čirxa* с апелляцией к болг. *чер* [Duridanov 1975: 205]. На Украине ближайшим соответствием может оказаться *Черхава* (варианты *Черхавка*, *Czer(c)hawa*, *Czerchawka*), левый приток Быстрицы в верховьях Днестра [СГУ 1979: 607], если данный украинский гидроним, вслед за О.Н. Трубачёвым, возвести к форме *čьrxava* и считать суффиксальным производным от праслав. **čьrxъ* ‘черный’ [Трубачёв 1968: 90]. Иначе трактует укр. *Черхава* В.Э. Орел, связывая с изолированным восточнослав. **čьrxavъ*, соотносительным с ограниченно представленным заподнослав. *čьrxati* ‘чертить’ [Орел 1993: 164].

Вряд ли к изложенному материалу имеет отношение укр. диал. *черѣха* ‘шпанская вишня *Prunus Duracina*’ [Грінч. СУМ 1907–1909, IV: 456], гибрид вишни и черешни, выведенный во Львове. Здесь налицо связь с *черешня*, болг. *череша* ‘черешня’, которое обычно признается древним заимствованием из лат. *cerasus*, *cerasia*, *ceresia* ‘вишня’, см. [ЭССЯ 1974–2010, 4: 78].

Источники и словари

Андрияшев, А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. [Текст]. – Вып. I : Списки селений (552 с.) ; Вып. II : Карты погостов. – СПб., 1914.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова [Текст] / под ред. С.Н. Валка. – М. ; Л., 1949.

Грінч. СУМ – Грінченко, Б.Д. Словник української мови [Текст]. – Київ, 1907–1909. – Т. I–IV.

Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – М., 1998. – Т. 1–4.

ИАДП – Фролов, А.А. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов) [Текст] / А.А. Фролов, Н.В. Пиотух. – М. ; СПб., 2008. – Т. 1–3.

КГарн – Картотека топонимов Боровичского уезда Новгородской губернии, составленная К.В. Гарновским (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ) [Текст].

КНОС – Картотека Новгородского областного словаря (хранится на кафедре русского языка Новгородского гос. ун-та, Великий Новгород) [Текст].

НОС – Новгородский областной словарь [Текст] / отв. ред. В.П. Строгова. – Новгород, 1992–1995. – Вып. 1–12 ; Великий Новгород, 2000. – Вып. 13.

Носов, Е.Н. О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины) [Текст] // Новгород. ист. сб. 4 (14). – СПб. ; Новгород, 1993.

НПК – Новгородские писцовые книги [Текст]. – СПб., 1859–1910. – Т. I–VI.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Текст] / под ред. А.Н. Насонова. – М. ; Л., 1950.

ОСПбгуб – Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам [Текст]. – СПб., 1838.

ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли [Текст] / сост. К.В. Баранов. – М., 1999–2009. – Т. 1–6.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера [Текст] / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург, 2001–2002. – Т. I–II.

СГУ – Словник гидронимів України [Текст]. – Київ, 1979.

СНМНГ – Список населенных мест Новгородской губернии [Текст] / под ред. В.А. Подобедова. – Новгород, 1907–1912. – Т. I–VI.

СНМРИ – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел [Текст]. – СПб., 1885. – Т. 34 : Псковская губерния.

Спрогис, И.Я. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI ст. [Текст]. – Вильна, 1888.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Текст] / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005. – Вып. 1–6.

Фасм. ЭСРЯ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – М., 1986–1987. – Т. 1–4.

Шан. РЛЛО – Шанько, Д.Ф. Реки и леса Ленинградской области [Текст]. – Л., 1929.

Шкапский, О.А. Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение). С картографией озерных районов [Текст]. – Псков, 1912.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков [Текст] / под ред. О.Н. Трубачёва (Вып. 1–31) ; под ред. А.Ф. Журавлева (Вып. 32–36). – М., 1974–2010. – Вып. 1–36.

Литература

Васильев, В.Л. Семантический перенос ‘место’ → ‘трава; сено’ и его реализация в новгородских и других русских говорах [Текст] // Севернорус. говоры. – СПб., 1999. – Вып. 7.

Маштаков, П.Л. Список рек Днепровского бассейна [Текст]. – СПб., 1913.

Маштаков, П.Л. Список рек Донского бассейна [Текст]. – М., 1934.

Орел, В.Э. Гидронимия славяно-восточнороманского пограничья: бассейн Днестра [Текст] // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исслед. 1988–1990. – М., 1993.

Селин, А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины [Текст]. – СПб., 2003.

Топоров, В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья [Текст] / В.Н. Топоров, О.Н. Трубачёв. – М., 1962.

Трубачёв, О.Н. Названия рек Правобережной Украины. (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация) [Текст]. – М., 1968.

Янин, В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. [Текст] : хронол. коммент. – М., 1990.

Янин, В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков [Текст]. – М., 1998.

Георгиев, В. Въпроси на българската етимология [Текст]. – София, 1958.

Duridanov, I. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle [Text]. – Köln, 1975.

К. Ватсон
(Упсала, Швеция)

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОДНОЙ РУКОПИСИ XVII ВЕКА О ВОЗМОЖНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОЛОНИЗМАХ

Введение

В истории переводов на русский язык значительное место занимают переводы с польского. В XVII в. польский язык занимал второе место (после латинского) по количеству текстов, переведенных на русский [Соболевский 1903: 49–50]. Особенно в Посольском приказе переводили самые разные тексты: дипломатические документы, художественную литературу, научные трактаты и т.д. [Рогов 1966: 259–266; ср.: Николаев 2008]. Естественно полагать, что через эти переводы польский язык влиял на русский и в лексическом отношении, и в синтаксическом. Довольно хорошо изучена область лексических полонизмов (см., например: [Kochman 1975]), но есть и работы о синтаксических полонизмах [Moser 1998]. В первую очередь влияние польского языка ощущается в интерферентных текстах, т.е. в переводах с польского, в текстах, написанных выходцами из пограничных регионов между Русью и Речью Посполитой, или же в текстах, написанных русскими, которые провели в соседнем государстве много времени [Moser 1998: 48–49].

Впоследствии некоторые из этих слов и конструкций исчезли из русского языка, а другие ассимилировались и стали одной из составных частей языка. В рамках этой статьи мы будем употреблять термин «полонизм», чтобы означать не любое заимствование с польского, а только такое, которое к тому времени еще не ассимилировалось и по этой причине свидетельствует о польском влиянии на тот текст, в котором оно употреблялось.

Цель нашего исследования – определить статус некоторых возможных лексических полонизмов, найденных в одной рукописи конца XVII в.

Материал и метод исследования

Исследуемый нами текст – польское историческое сочинение *Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi* Мачея Стрыйковского, изданное на польском языке в 1582 г. и переведенное на русский или на так называемый гибридный церковнославянский язык несколько раз в течение XVII в. Главный предмет нашего исследования – перевод, сделанный примерно в 1673–1679 гг. в Посольском приказе [Рогов 1966: 269–287; Watson 2012: 78]. Этот русский перевод существует в 11 рукописных экземплярах. Одна из рукописей, двухтомная [БАН 31: 4: 32], будет в центре внимания этой статьи. Для сравнения приводится другой неполный перевод этого же текста, сделанный в 1668–1670 г. [РГАДА: 181: 59].

Польский оригинал охватывает около 800 страниц, и текст состоит из 25 книг, которые дальше делятся на главы. Мы обозначаем книги римскими цифрами и главы арабскими. Польские цитаты взяты из издания 1846 г. Русские цитаты несколько нормализованы. Некоторые из них взяты не из рукописи [БАН 31: 4: 32], а из другой, к которой мы имели более свободный доступ, а именно UUB, Slav 26, 27 и 28.

Есть основание предположить, что перевод был выполнен несколькими переводчиками, поскольку в разных частях – их четыре – текст имеет разные характеристики. Во-первых, в двух – преобладают простые претериты, т.е. аорист и имперфект, а в других частях доминирующим временем глагола прошедшего времени является перфект. Летописная формула, обозначающая год, тоже варьирует между частями. Для этой статьи, однако, самым важным является то, что переводчики предлагали разные эквиваленты некоторым польским лексемам [Watson 2012: 191–234].

Мы условно называем эти части А, В, С и D. Таблица 1 показывает объем частей и главный признак, по которому сделано разделение, а именно времена глагола в прошедшем времени.

Таблица 1

Разделение русского перевода Хроники (1673–1679) на части

Часть	Книги	Доминирующие времена глагола
А	I–VI	Аорист/имперфект
В	VII–X	Перфект
С	XI–XIV	Аорист/имперфект
D	XV–XXV	Перфект

По палеографическим признакам и по филиграням рукопись БАН 31.4.32 датируется концом XVII в. В тексте имеются многочисленные правки, сделанные вскоре после создания перевода. Есть правки разного типа: исправления орфографических ошибок, лексические и морфологические замены, а также правки, касающиеся структуры текста [Watson 2012: 62–63, 69–75]. Нас здесь интересуют прежде всего лексические замены.

В некоторых случаях исходное слово в русском переводе и его соответствие в польском оригинале имеют один и тот же корень, и можно подозревать, что первоначальное слово в переводе было полонизмом, именно сходство с польской лексемой было причиной замены на более приемлемое слово. Есть, однако, и другие правки, не связанные с польским влиянием. В примере (1) русские слова и до правки, и после нее являются возможными переводами польского слова, но ни одно, ни другое не имеет с ним общего корня.

В цитатах обсуждаемые лексемы маркируются полужирным шрифтом. Другие слова, которые были правлены, но которые здесь не обсуждаются, подчеркнуты. В ссылках указывается, в какой из частей (А, В, С или D) встречается пример.

(1) О koronaciej **dwojakiej** (В: Strykowski 1846, I: 290)

До правки: О коруновании **повторяемой** (БАН 31.4.32, т. I, л. 413 об.)

После правки: О коруновании **сугубом**.

Есть и правки, где не может быть связи с польским языком, поскольку переведен не польский текст, а латинская цитата, как в примере (2).

(2) Haec aeterna manet, Divisque simillima **forma** (А: Strykowski 1846, I: 1)

До правки: сей вѣчныи пребываетъ, и божественным подобнѣйшии **зракъ** (БАН 31.4.32, т. I, л. 7)

После правки: сей вѣчныи пребываетъ, и божественным подобнѣйшии **образ**.

Поэтому даже если с первого взгляда кажется очевидным, что причиной замены является сходство исходного варианта с польским словом, это необходимо все-таки проверить. Мы рассмотрим некоторые такие случаи замененных слов.

Во-первых, мы проверили, что говорится в исторических словарях о зачеркнутых лексемах. Это, с одной стороны, «Материалы» И.И. Срезневского [Срезневский 1893–1903], а с другой – «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [СРЯ 1975–2011]. Если примеры, которые там приводятся, взяты из интерферентных текстов, то это можно принять как свидетельство того, что употребление этого слова (или этого значения слова, о чем ниже) было знаком влияния польского языка.

Во-вторых, чтобы исследовать распространение зачеркнутых слов именно в этом тексте, мы сопоставили разные части Хроники между собой

и проверили, как еще переводились их польские соответствия: представляет ли собой подозреваемый полонизм регулярное явление в русском тексте, или же это редкое исключение при переводе определенной польской лексемы.

Во-третьих, мы сравнили эти результаты с соответствующими чтениями в другом переводе (1668–1670) того же текста. Этот перевод охватывает только главы IV: 1–3.

скарбъ

Первый пример – слово *скарбъ*. В нашей рукописи есть такая замена:

(3) i miasto zburzyli; gdzie wielkich **skarbyw** i **lupyw** dostali (D: Strykowski 1846, II: 416)

До правки: и город збурили гдѣ **великих снарбов** [sic] и **лупов** достали (БАН 31.4.32, т. II, л. 553)

После правки: и город збурили гдѣ **много казни** и **добычи** достали.

Очевидно, зачеркнутое слово *снарбъ* является опiskeй и стоит вместо *скарбъ*. Сходство польских слов *skarb* и *lup* с русскими словами в первоначальной версии перевода, вероятнее всего, и было причиной замены. Русское *лупъ* не встречается ни в «Материалах» И.И. Срезневского, ни в СРЯ, и поэтому весьма вероятно, что это полонизм. Можно еще обратить внимание на слово *збурили*, которое тоже отсутствует в исторических словарях, но в рукописи осталось без правки.

Сложнее со словом *скарбъ*. Фасмер утверждает, что оно заимствовано из польского, а для датировки ссылается на «Материалы» Срезневского. И.И. Срезневский дает два значения: «пожитки», с цитатой из Переяславской летописи XV в., и «казна», с двумя цитатами из грамот, одной – конца XIV в., другой – конца XV в.

В СРЯ приводятся три значения. Примером значения «имущество, скарб» служит та же цитата из Переяславской летописи, которая приводилась И.И. Срезневским, а также одна цитата из Воскресенской летописи XVI в. и одна из грамоты 1660-го г.

Первый пример значения «богатства, сокровища» датируется 1488 г., и хотя это не переводной текст, стоит отметить, что в той же цитате говорится о «краве польском». Второй пример находится в «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского (XVI в., список XVII в.), которая считается интерферентным текстом в силу того, что Курбский пробыл долгое время в Польше [Moser 1998: 57]. Последняя цитата взята из «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешском» (XVII в., список XVIII в.), которая может быть переводом с чешского или польского [Бударагин 1998: 94–95].

Единственный пример в СРЯ со значением «казна, кладовая» датируется 1705 г. и взят из издания «Письма и бумаги императора Петра Великого».

В итоге возможно польское влияние прежде всего на тексты, в которых найдены примеры значения «богатства, сокровища», но в то же

время первый пример этого значения почти на два века старше, чем перевод Хроники Стрыйковского. Согласно И.И. Срезневскому значение «казна» тоже встречается уже в конце XIV в. Но если русское слово *скарбъ* было в употреблении так рано, почему тогда оно заменилось в этом тексте XVII в.? Было ли это случайной заменой или же сознательным выбором?

Как было сказано выше, перевод – это совместная работа нескольких переводчиков. Чтобы выяснить, до какой степени русское слово *скарбъ* было принятым, мы сравнили способы перевода польской лексики *skarba* в частях А, В, С и D. Для этого нами был проведен поиск слова *skarba* во всех падежно-числовых формах по цифровой версии польского оригинала на сайте Google Books и затем найдены соответствующие места в рукописи перевода. Таблица 2 показывает результаты поиска.

Таблица 2

Переводы слова *skarba*

Часть	<i>сокровище</i>	<i>казна</i>	<i>богатство</i>
А	24	3	
В	3		
С	41	2	
D	5	37	2

Как следует из таблицы, в частях А, В и С польское *skarba* в большинстве случаев переводится как *сокровище*, но иногда и как *казна*. Притом есть случаи, где ожидалось бы *казна*, но употребляется *сокровище*, как в примере (4):

(4) i jest zapis ich teraz w **skarbie** krylewskim na zamku Krakowskim (С: Strykowski 1849, II: 20)

и ныне есть в **сокровищи** королевскомъ рукописание ихъ в краковской твердыни (UUB, Slav 27, л. 197 об.).

В части D самым распространенным переводом является *казна*, но употребляются и *сокровище* и *богатство*. Есть такие случаи, где употребляется *казна*, хотя *сокровище* было бы более уместным, как в примере (5):

(5) z ktyrego dwa tysiąca wozów z wielkimi **skarbami** wziąwszy (D: Strykowski 1846, II: 222)

в котором двѣ тысячи возов с великою **казною** взяв (UUB, Slav 28, л. 49).

В итоге, несмотря на то, что есть ранние случаи употребления русского слова *скарбъ*, в этом тексте оно один раз заменяется, а в остальных случаях избегается. В другом переводе, представленном в рукописи [РГА-ДА, 181: № 59], встречается только слово *сокровище*.

Представляет интерес тот факт, что значение «имущество, пожитки» в исследуемом тексте не представлено. Это наводит на мысль о том, что хотя однокоренные слова существовали в обоих языках, но имели разные значения, русское слово *скарбъ* было семантическим полонизмом, или калькой, когда оно употреблялось в других значениях, чем первоначальное. Это означает, что сама лексема не была заимствованной, но ее значение изменилось под польским влиянием [Гарбуль 2009: 37–42].

Людмила Гарбуль, которая исследовала семантические полонизмы XVII в., замечает, что у слова *skarb* значение «имущество, пожитки» в старопольском языке не встречалось, но однокоренные лексемы с этим значением начинают встречаться примерно с одного и того же времени в русском, староукраинском и старобелорусском языках. Другие значения русского слова, однако, вероятнее всего, являются кальками с польского, возможно, через посредничество Простой мовы [Гарбуль 2009: 448–449].

Хотя словари говорят иначе, вероятно, что в XVII в. только значение «имущество» было совершенно свойственно русскому языку, а другие значения, когда они встречались, были полонизмами.

заложити

Ситуация с глаголом *заложити*, в значении «положить основание зданию или городу», напоминает вышеописанную. В рукописи БАН 31.4.32 он встречается в таком контексте, как в примере (6):

(6) miasta wszystkie nowo od Krzyżaków **założone** z gruntu wywrycił (В: Strykowski 1846, I: 292)

До правки: города все ново от крыжаков **заложены** до основания выворотил (БАН 31.4.32, т. I, л. 416 об.)

После правки: города все ново от крыжаков **устроенные** до основания разорил

И.И. Срезневский приводит примеры с этим значением из Повести временных лет, Новгородской первой летописи и Псковской первой летописи. СРЯ тоже свидетельствует о раннем употреблении и не дает оснований подозревать польское влияние. Но все-таки, как и в предыдущем случае, это слово в переводе Хроники Стрыйковского было заменено. В то же время исправлен и глагол *выворотити*, который в этом значении не встречается в исторических словарях и, наверняка, является полонизмом.

Таблица 3 показывает результаты поиска всех форм действительного залога и деепричастных форм глагола *złożyć* (причастия оставлены без внимания), а также всех падежных форм существительного *założenie* в единственном числе согласно цифровой версии польского оригинала.

Переводы слов *zalożyć* и *założenie*

Часть	<i>заложити/ заложение</i>	<i>основати/ основание</i>	<i>поставити</i>	<i>создати/ создание</i>	Другие переводы
A	4	6	9	10	18
B	7	2			
C		3	1		2
D	1				

Как мы видим, способы перевода этих лексем очень разнообразны, особенно в части А. Среди русских эквивалентов, встречающихся там только несколько раз, есть *устроить* и *зачати*. В переводе 1668–1670 гг., как и в части А, самым частотным эквивалентом является *создати*. Слово *заложити* представлено там один раз.

Можно думать, что разнообразие русских слов означает, что *заложити* и *заложение* не были естественным выбором переводчиков при переводе польского *zalożyć* и *założenie*. Замена глагола *выворотити* в том же предложении тоже говорит о том, что здесь были исправлены полонизмы. Однако *заложити* и *заложение* все-таки употреблялись почти всеми переводчиками, и это, вместе с фактом, что в исторических словарях есть ранние и надежные примеры, заставляет нас поставить это объяснение под вопрос.

твердити

Противоположная ситуация наблюдается с глаголом *твердити* в значении «утверждать, констатировать». В рукописи БАН 31.4.32 мы находим следующую правку:

(7) *zwali się Kaianami, i twierdzili to, iż on słusznie Abła zabił* (А: Strykowski 1846, I: 4)

До правки: нарицахужеса каиане, **твердяху**, яко поправдѣ Авеля уби (БАН 31.4.32, т. I, л. 12)

После правки: нарицахужеса каиане, **глаголюще**, яко поистиннѣ Авеля уби.

Этого значения глагола нет в «Материалах» Срезневского, что может указать на то, что оно не было свойственно древнерусскому языку. В СРЯ самый ранний надежный пример датируется XV в., а следующие два – концом XVII в. Из них один взят из перевода с польского «Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки 1582–1584», другой – «Писем и бумаг императора Петра Великого», причем в той же самой цитате упоминаются и польские реалии *король* и *шляхты*. Приведенные данные словарей и отмеченная правка в исследуемом тексте допускают, что русский глагол не был в общем употреблении в конце XVII в.

В нашем материале польский глагол *twierdzić* более редок, чем другие слова, которые мы обсуждали. Он встречается только в частях А и D. Таблица 4 показывает способы его перевода на русский язык.

Таблица 4

Переводы слова *twierdzić*

Часть	<i>твердити</i>	<i>глаголати</i>	Другие переводы
А	10	2	2
D	1		1

В части А он переводится десять раз как *твердити*, а в остальных четырех случаях употребляются другие глаголы, прежде всего *глаголати*. В части D один раз употребляется *твердити* и один раз *подтверждати*. В переводе 1668–1670 гг. *твердити* встречается четыре раза и *разумети* один раз.

Следовательно, этот русский глагол не был так чужд, как можно было бы считать по данным словарей, по крайней мере не для переводчика части А. Тот факт, что в примере (7) еще заменено слово *поправдѣ* на *поистиннѣ*, хотя сходства с польским оригиналом нет, говорит о том, что могли быть и другие причины правки.

Заключение и дальнейшие исследования

Задача обнаружить заимствования из определенного языка осложняется, когда речь идет о родственных языках. Чтобы определить, когда мы имеем дело с заимствованием, а когда с однокоренными словами, которые развивались самостоятельно в обоих языках, необходимо тщательное исследование источников.

К тому же важно не просто установить, какие слова имеют польское происхождение, но и уточнить, были ли они к определенному времени общепринятыми частями русского языка или же чуждыми вкраплениями.

В попытках объяснить лексические замены в рукописи БАН 31.4.32, содержащей перевод Хроники Мачея Стрыйковского, стало ясно, что информация в исторических словарях не всегда достаточна, чтобы выполнить две вышеупомянутые задачи. Иногда в тексте заменяется или избегается лексема, которая, согласно словарям, к тому времени в русском языке уже давно употреблялась, а слово, которое на одном месте исправлено, может в других случаях употребляться свободно.

Поэтому важно не только регистрировать употребления этих слов в текстах, но и исследовать, какие синонимы встречаются вместо них. Здесь

мы сделали это внутри одного текста, переведенного несколькими переводчиками, но еще более интересные результаты можно получить, если сопоставить несколько текстов того же времени и той же языковой пары, т.е. создать параллельный корпус.

Систематическое сопоставление польских оригиналов с русскими переводами помогает нюансировать картину польского влияния на развитие русского языка и в то же время выяснить переводческие техники конца XVII в.

Источники и словари

БАН 31– Библиотека Академии наук: ф. 31, оп. 4, ед. хр. № 32. [Текст].

РГАДА 181 – Российский государственный архив древних актов: ф. 181, ед. хр. № 59. [Текст].

UUB, Slav 26, 27, 28 – Упсальская университетская библиотека (Швеция): Slav 26, 27, 28 [Текст].

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2011. – Вып. 1–29.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст]. – СПб., 1893–1903. – Т. I–III.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. – М., 1964–1973. – Т. I–IV.

Литература

Бударагин, В.П. Повесть о Василии Златовласом [Текст] // Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII в.– СПб., 1998. – С. 94–97. – Ч. 3 : П – С.

Гарбуль, Л.П. Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века [Текст]. – Вильнюс, 2009.

Николаев, С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. [Текст] : библиогр. материалы. – СПб., 2008.

Рогов, А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника) [Текст]. – М., 1966.

Соболевский, А.И. Переводная литература московской Руси XIV–XVII веков [Текст] : библиогр. материалы. – СПб., 1903.

Kochman, S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. [Text] : słownictwo. – Opole, 1975.

Moser, M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts [Text]. – Frankfurt a. M., 1998.

Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi, I–II [Text]. –Warszawa, 1846.

Watson, C. Tradition and Translation: Maciej Strykowski's Polish Chronicle in Seventeenth-Century Russian Manuscripts [Text]. – Uppsala, 2012.

ЯЗЫКОВЫЕ ИНТЕРНЕТ-КОМПЛЕКСЫ – ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РУСИСТИКИ

Расширение источниковой базы языкознания – особенно исторического – одна из важных и актуальных задач современной русистики. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, значительную помощь в решении этой задачи могут оказать фонды, использующие технологические возможности современных телекоммуникационных систем, в частности удаленный доступ для широкого круга пользователей (для всех, кто имеет доступ в Интернет), формирование виртуальных информационных мегакомплексов, объединяющих материалы различных интернет-ресурсов (см. [Галиуллин 2009: 635–639]).

В Казанском университете реализуется ряд проектов, в рамках которых созданы и формируются комплексы (фонды), содержащие и описывающие материалы:

1) памятников русской письменности [например, а) «Комплексный фонд русскоязычных памятников Казанского края XVI–XVII веков: текстовый и словарный подфонды» (грант РГНФ, проект 08-04-012146в; на 1 октября 2012 г. фонд включал материалы всех известных к настоящему времени публикаций казанских памятников данного периода (883 документа) общим объемом 1 068 000 словоупотреблений; <http://www.klf.kpfu.ru/kazan/>); б) справочный комплекс «Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII века» (на 1 октября 2012 г. фонд включал материалы Сборника пословиц бывшей Петровской галереи первой четверти XVII в.; http://www.klf.kpfu.ru/pa-rem17_18/); в) словарно-текстовый комплекс «Россия и Восток: язык документов по русско-восточным отношениям XV–XVII веков» (на 1 октября 2012 г. фонд содержал материалы 254 документов, связанных с русско-индийскими отношениями XVII в., общим объемом 138 957 словоупотреблений; <http://www.klf.kpfu.ru/ros-vost/>) и др.];

2) словарей русского языка [например, а) «Комплексный справочный фонд словарей русского языка XVIII – первой половины XIX века» (грант РГНФ, проект 11-04-12076в; фонд объединяет материалы основных словарей русского языка указанного периода: САР-1, САР-2, СЦРЯ 1847 г. и ряда других источников); б) «Сводный фонд исторических словарей русского языка» и др.].

В сравнении с традиционными (бумажными) источниками в интернет-комплексах, размещенных на сайте «Казанский лингвографический фонд» (<http://www.klf.kpfu.ru>) портала Казанского университета, эффективно реализуются расширенные возможности поиска, отбора и обработки содержащихся в них материалов: отбор единиц по условному образцу, по компонентам, по современным вариантам (а для текстоописывающих источников – и по частоте), сравнение с данными родственных, сходных источников, формиро-

вание анализируемого массива (один источник, часть источников, все источники) и др. (об информационном потенциале интернет-комплексов подробнее см. [Галиуллин, Каримуллина, Мартьянов 2011: 49–57]).

Электронная форма словарно-текстовых источников предопределяет существенное расширение круга количественных (статистических) сведений о содержащихся в них материалах.

Лингвоквантитативные компоненты указанных выше фондов включают в себя сведения различного характера, среди них:

1) количество описываемых единиц во всех источниках конкретного фонда (а для фонда с одним источником – во всем этом источнике), например: а) количество текстовых слов, зафиксированных в казанских памятниках XVI–XVII вв., б) количество заголовочных единиц, представленных в академических словарях русского языка конца XVIII – первой половины XIX в.;

2) количество единиц в определенной части источников или в одном из источников, представленных в фонде, например: а) количество текстовых слов в Писцовой книге города Казани 1565–1568 гг.; б) количество заголовочных единиц, представленных в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.);

3) количество единиц, которые обладают тем или иным признаком (или теми или иным набором признаков). Запросы этого типа могут быть разнообразными, характер и количество их во многом определяются составом и числом признаков (характеристик), представленных (описанных) в рамках данного фонда.

[АБВГДЕЁЖЗИЙКЛМНОПРСТУФХЦЧШЪЫЬЭЮЯ]

Поиск слов

Слово

Символы-шаблоны: * - группа, ! - одиночный
Примеры: [*прав*] [ва!] [*вали]

Частота	Кол-во знаков
от <input type="text"/>	от <input type="text"/>
до <input type="text"/>	до <input type="text"/>

Кол-во букв

от

до

Документы - источники (диапазон номеров)

от

до

или из списка

- 1: Купчая (продажная) 1552-53 гг. (сп. сер. XVI в.)
- 2: Жалованная данная грамота 1553 г.
- 3: Жалованная грамота 1553 г. (сп. XVII в.)
- 4: Указная грамота 1553 г. (сп. сер. XVI в.)

Если несколько: [Ctrl] или [Shift]

Рис. 1

Рассмотрим возможности формирования запросов на примере окна «Поиск слов» из комплекса «Казанский край: язык памятников XVI века: интернет-словарь» (см. рис. 1).

В рамках рассматриваемых историко-лингвистических источников слова (словоформы) могут отбираться с учетом:

1) начальных, срединных и конечных букв слов (словоформ); для этого набираются соответствующие буквы с использованием (при необходимости) символов-шаблонов. Так, символ * может обозначать один знак, несколько знаков или отсутствие знака; а символ ! заменяет один знак; эти символы-шаблоны могут использоваться применительно к различным частям слова (в начале, в середине или/и в конце), например: а) запрос *под*ник*, по которому выдаются слова (словоформы) с начальной частью *под-* и финалью *-ник*: *подоконник*, *подсвешник* и т.п.; б) запрос **народ** – слова (словоформы), содержащие элемент *народ* в разных позициях: *все-народно*, *народному*, *народу* и т.п.;

2) количества букв в слове (словоформе);

3) количества знаков (знаки, как правило, это знаки + дефис);

4) частоты слова (словоформы).

Запрос может быть как однопризнаковым (однопараметровым), так и многопризнаковым (многопараметровым), включающим сочетание различных признаков, указанных выше, например, поиск слов с конечным *-тель*, имеющих частоту 5 и более, а также состоящих из 6 и более букв.

Материалы по словам (словоформам), обладающим указанными признаками, выдаются в окне «Результаты поиска» (см. рис. 2).

Результаты поиска

Параметры поиска

Слово / фрагмент *ЩИК

Для сортировки списка нажмите заголовок соответствующего столбца [Поиск]

№	Слово	словО	Частота	Кол-во знаков	Кол-во букв
1	ГРЕБЕНЩИК		1	9	9
2	ГРОБОВЩИК		2	9	9
3	ИЗВОЩИК		2	7	7
4	КАМЕНЩИК		1	8	8
5	ПЕРЕВОЩИК		1	9	9
6	ПОДЪЕМЩИК		1	9	9
7	ПРИКАЗЩИК		2	9	9
8	ПРИКАСЩИК		1	9	9
9	ПРИКАЩИК		3	8	8
10	ЯМЩИК		1	5	5

Поиск

Для просмотра слова в отдельном окне щелкните по его порядковому номеру

Рис. 2.

В первом столбце таблицы приведены порядковые номера словоформ в сформированном алфавитном списке. Номер последней словоформы (в данном примере – 10) соответствует количеству представленных в справочнике словоформ, соответствующих параметрам запроса. Если этих единиц много и они не уместятся на одной странице, то количественные данные о них приводятся в нижней части первой страницы в следующем виде:

137 слов(о,а): 7 страниц(а,ы) по 20

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 |

Целый ряд квантитативных данных отражен в словарях, подготовленных на основе электронных языковых комплексов.

В текстоописывающих словарях сведения о частоте слов (словоформ) представлены в конкордансах (которые выполняют и функцию алфавитно-частотного указателя), в частотных (частотно-алфавитных) и обратных (инверсионных) указателях; см., например:

а) конкорданс

КРЕПКО (2) ▲ и о табаку заказ учинить крепко, чтоб они отнюдь из-за моря ■ 98-176:21 ● 98-177:8

б) частотный указатель

В (12192)

И (11224)

А (6997)

С (6790)

ПО (5720)

в) обратный указатель

⁴1³2 ○ (1) РАБА

(4) ГЛЕБА

⁴2³2 ○ (23) ХЛЕБА

⁴1³1 ○ (16) СЛУЖБА

⁴1³1 ○ (2) ИЗБА

В обратном указателе, помимо абсолютной частоты словоформ, приводятся за светлым кружком (○) и данные о частоте словоформах с той или иной финалью. После выносных цифр (^{1, 2, 3, 4}) указывается количество словоформ, имеющих такую же конечную буквы (или такие же конечные буквы), что и слово, находящееся в соответствующей строке; число описываемых конечных букв показывают выносные цифры.

Раздел «Квантитативные характеристики» содержит количественные данные разного характера; рассмотрим их на примере словаря «Россия и Восток: язык документов по русско-индийским отношениям XVII века».

1. Употребительность текстовых слов (ТС) и словоформ (СФ) (см. табл. 1).

Таблица 1

# 1	# 2	# 3	# 4	# 5	# 6
1	10 534	7,5808	1	10 534	7,58
2	4 605	3,314	1	4 605	10,89
3	2 742	1,9733	1	2 742	12,87
4	2 591	1,8646	1	2 591	14,73
5	1 826	1,3141	1	1 826	16,05
6	1 808	1,3011	1	1 808	17,35
7	1 693	1,2184	1	1 693	18,57
8	1 207	0,8686	1	1 207	19,43
9	1 147	0,8254	1	1 147	20,26
10	1 048	0,7542	1	1 048	21,01

<...>

Таблица содержит следующие сведения о ТС и СФ:

1. Ранг СФ.

2. Абсолютная частота СФ.

3. Относительная частота СФ (%).

4. Количество СФ с соответствующей частотой.

5. Количество словоупотреблений, ТС.

6. Накопленная относительная частота (%).

2. Употребительность начальных букв; сведения представлены в алфавитно-частотном и частотном указателях (см. табл. 2).

Таблица 2

		# 3		
		a	b	
1	16 829	И...		12,111
2	15 517		В...	11,167
3	13 221		П...	9,514
4	9 728		С...	7,001
5	8 181		Т...	5,887
6	7 714		Д...	5,551

<...>

Таблица содержит следующие сведения:

1. Ранг буквы.

2. Абсолютная частота ТС с начальной буквой, указанной в # 3.

3. Начальная буква: а – гласная; b – согласная.

4. Относительная частота ТС с указанной начальной буквой (%).

3. Употребительность конечных букв; сведения представлены в алфавитно-частотном и частотном указателях (см. табл. 3).

Таблица 3

		# 3			
		a	b	c	
1	21 998	...И			15,833
2	14 714	...А			10,590
3	13 238	...О			9,528
4	11 010	...Е			7,924
5	9 800	...У			7,053
6	8 793			...В	6,329

<...>

Таблица содержит следующие сведения:

1. Ранг буквы.

2. Абсолютная частота ТС с конечной буквой, указанной в # 3.

3. Конечная буква: а – гласная; b – Ъ; с – согласная.

4. Относительная частота ТС с указанной конечной буквой (%).

4. Количество слов определенной длины (в слогах), сведения о длине текстовых слов и словоформ (см. табл. 4).

Средняя длина ТС в слогах – 2,21.

Таблица 4

# 1	# 2	# 3	# 4	# 5
0	9	10 045	7,274	0
1	377	39 172	28,366	39 172
2	2 876	32 244	23,349	64 488
3	4 983	33 164	24,015	99 492
4	3 208	18 710	13,548	74 840
5	1 132	4 758	3,445	23 790
6	229	770	0,558	4 620

# 1	# 2	# 3	# 4	# 5
7	49	74	0,054	518
8	12	15	0,011	120
9	2	3	0,002	27
11	1	1	0,001	11
13	1	1	0,001	13
Σ	12 879	138 957	100 %	307 091

Таблица содержит следующие сведения:

1. Количество слогов в ТС.

2. Количество СФ, содержащих указанное количество слогов.

3. Количество ТС, содержащих указанное количество слогов.

4. Относительная частота ТС, содержащих указанное количество слогов (%).

5. Общее количество слогов во всех ТС.

5. Количество слов определенной длины (в буквах), сведения о длине текстовых слов и словоформ (см. табл. 5).

Средняя длина ТС в буквах – 5,07.

Таблица 5

# 1	# 2	# 3	# 4	# 5	# 1	# 2	# 3	# 4	# 5
1	13	24 717	17,788	24 717	13	176	636	0,458	8 268
2	47	14 105	10,151	28 210	14	95	206	0,148	2 884
3	203	9 470	6,815	28 410	15	41	76	0,055	1 140
4	650	11 595	8,344	46 380	16	18	28	0,020	448
5	1 364	14 965	10,770	74 825	17	11	13	0,009	221
6	1 993	17 194	12,374	103 164	18	11	34	0,024	612
7	2 412	15 344	11,042	107 408	19	6	6	0,004	114
8	2 108	13 367	9,620	106 936	20	3	4	0,003	80
9	1 611	6 553	4,716	58 977	21	2	3	0,002	63
10	1 088	6 956	5,006	69 560	23	1	1	0,001	23
11	659	2 677	1,926	29 447	25	1	1	0,001	25
12	366	1 006	0,724	12 072		12 879	138 957	100 %	703 984

Таблица содержит следующие сведения:

1. Количество букв в текстовом слове.

2. Количество СФ, содержащих указанное количество букв.

3. Количество ТС, содержащих указанное количество букв.

4. Относительная частота ТС, содержащих указанное количество букв (%).

5. Общее количество букв во всех ТС.

Включение новых параметров (признаков) и описание их в рамках электронного языкового словарно-текстового комплекса способствует расширению его информационного потенциала, в том числе и в отношении количественных данных, которые нередко предоставляют ценные сведения для различных историко-лингвистических исследований, в особенности для сравнительно-сопоставительных.

Литература

Галиуллин, К.Р. Интернет-лингвография: русские текстоописывающие словари [Текст] // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. – Вып. 2(24). – С. 635–639.

Галиуллин, К.Р. Словарно-текстовые интернет-комплексы: возможности для пользователя, информационный потенциал [Текст] / К.Р. Галиуллин, Р.Н. Каримуллина, Д.А. Мартыанов // Русская и сопоставительная филология – 2010. – Казань, 2011. С. 49–57.

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВ С ОТРИЦАНИЕМ

Всегда ли отрицание отрицает? Какова роль отрицательных префиксов в семантической структуре древнерусского слова? Какие изменения претерпевают слова с отрицанием в процессе своего исторического развития? Некоторые наблюдения по этим вопросам представлены в исследовании.

Нулевой элемент в языке – значимое явление, издавна привлекающее внимание ученых. Древнеиндийский лингвист Панини, описывая грамматику санскрита, еще в V в. до н.э. ввел понятие нулевого элемента в языке как значимого отсутствия.

В области лексической семантики к значимым отсутствиям можно отнести явление отрицания, при котором значение, заключенное в корневой морфеме, отрицается при помощи специальных формантов.

Подчас словами с значимыми отсутствиями (отрицательными префиксами) – *немилосердный*, *бездушный*, *бесчеловечный* – мы характеризуем предмет ярче, образнее и точнее, чем словами без *не-*, *без-* и других показателей отсутствия признака.

Отрицательная частица *не* встречается во всех славянских языках и восходит к индоевропейскому **ne*: **nei*. Таким же древним по своему происхождению является формант *без-* (с вариантом *бес-*). Он употребляется в качестве предлога и префикса и обозначает отсутствие, неимение, нехватку чего-либо.

Среди множества лексем с отрицанием *не-*, зафиксированных в словаре И.И. Срезневского, выделяются слова, в которых *не-* выступает в своей прямой функции выражения отрицания признака, названного корневой морфемой. Так, *небо4зньство* – «бесстрашие», *небыти3* – «несуществование», *невид2ни3* и *невисть* – «слепота», *нев2дство* – «незнание», *некрасота* – «безобразие», *непол2зно* – «вредно». Многие из подобных лексем в современном языке заменены синонимами без *не-*. В древнерусском языке сближаются по своей семантике слова *нев2жа* и *нев2жда*, называющие незнающего, неученого, необразованного человека, а значение «невежественный, грубый» отмечено в лексеме *нев2жа* в качестве не основного. В дальнейшем эти слова семантически разграничатся, но все же глубинная связь этих понятий остается.

В ряде слов формант *не-*, отрицая качество, обозначенное корневой морфемой, выражает дополнительное значение. Например, *небр2гомица* – «нелюбимая жена» (значение развивается от *небр2говати* – «пренебрегать» к «не любить»); *невечерьнии* – «немеркнущий, негаснущий» (значе-

ние развивается на основе метафоры *вечерний – угасающий*); *невещьный* – «духовный, нематериальный»; *нежеланиЗ* – «вражда, неприязнь» и *нежитиЗ* – «несогласие, вражда» (значения вражды и неприязни конкретизируются при помощи отрицания семантики желания и существования, бытия) [Срезневский 1989, 2/1: 3550–443].

Некоторые из этих лексем продолжают употребляться и в современном русском языке, например, *недруг* – «враг», *невзгода* со значением «неурядица» в древнерусском языке и «горе, несчастье» в современном. Отрицательный формант в них усиливает семантику корня. Так, *недруг* – это вовсе не незнакомец, с которым нас не связывают дружеские отношения, а противоположное понятие – «враг».

В словаре Ожегова зафиксировано более 600 лексем с префиксом *не-*, что свидетельствует и о значимости отрицания, и во многих случаях – о независимости и самостоятельности лексического значения слов с отрицанием. Во-первых, некоторые слова (*негодяй, невзначай, ненавидеть* и др.) без префикса *не-* вообще не употребляются. Во-вторых, в ряде слов, в которых префикс *не-* структурно вычленяется и слово свободно употребляется и без *не-*, лексическое значение слов с наличием и отсутствием отрицания не вполне совпадает. В качестве примера можно рассмотреть лексемы *счастье* и *несчастье*, которые обычно рассматриваются как антонимическая пара. *Счастье* – это «чувство и состояние полного удовлетворения» и «успех, удача». *Несчастье* же – это «горестное событие». Слова *состояние* и *событие*, на наш взгляд, несопоставимы в качестве антонимов. Таких слов, в которых значение с наличием отрицания существенно изменяется, немало. Например, *нелюди* – это все-таки люди, но обладающие дополнительными отрицательными качествами – очень плохие, очень жестокие [Ожегов 1990: 398–414].

В древнерусском языке зафиксирована лексема *непогодиЗ* со значениями «непогода, неудобное время» и «неудача» с пометой «?» в контексте *Рюрикъ же видъ звъ свое непогодье, отъиде в свои Вручи* [Срезневский 1989, 2: 1: 406]. В значении «плохая погода» это слово употребляется и в современном языке. Производящим для него является *погода*, из чего напрашивается вывод, что словом *погода* изначально номинировалась только хорошая погода. В словаре В.И. Даля [Даль 1981–1982: 155] и в словаре народных географических терминов Э.М. Мурзаева есть комментарий, что на юге и западе России слово *погода* обозначало «хорошее, сухое время» [Мурзаев 1984: 442]. Существует выражение «ждать у моря погоды» – это ждать хорошей погоды! О хорошей погоде мы можем сказать *погожий день*. Но на севере России и в Сибири известно употребление слова *погода* в противоположном смысле: «ненастье», «снежная буря». Такое диаметрально противоположное расхождение семантики может быть объяснено проявлением энантиосемии. И все же возможно, на наш взгляд, наличие этимологической связи между лексемой *погода* и древнерусским словом *год2* со значением «угодно,

приятно. Можно предположить, что *погодой* в древности называли именно благоприятное, т.е. «угодное» время (может быть, это было связано с посадками, выращиванием и сбором урожая). А для ясной и жаркой летней погоды имелось наименование *ведро*. Таким образом, отрицание в *непогоде* может обозначать плохую, негодную для выполнения значимых дел погоду.

Отрицательные префиксы могут не только расширять, но и частично изменять семантику лексемы в процессе ее исторического развития. Например, древнерусский глагол *недоумити* означает «не знать, не постигать», современное же значение глагола *недоумевать* – «находиться в недоумении, сомневаться, колебаться». Сомнение – это тоже в некотором роде ментальный процесс. Отрицание признака умственной деятельности в современном значении слова ослабевает [Срезневский 1989, 1/1: 377].

Другой формант, служащий для отрицания – это префикс (а также предлог) *без-/бес-* (*безь-*), употребляемый в древнерусском языке еще с дописьменной эпохи. Основное его значение – обозначение отсутствия, неимения качества, названного корневой морфемой: *безбуриЗ* – «тишь», *безводиЗ* – «недостаток воды» [Срезневский 1989, 1/1: 51].

Многие слова с префиксом *без-/бес-* сохранили свою семантику и активно употребляются в современном языке: *бесконечный*, *бескорыстный*, *бесславие*, *бессребреник*, *бесполезный*, *беспрестанный*, *бесценный* и др. В некоторых из них мог измениться префикс (*беспричастии* – *непричастный*) или корневая морфема (*бесрамыни* – *бесстыдный*).

В древнерусском языке можно выделить целый ряд лексем, в которых отрицательный префикс не столько отрицает, сколько добавляет новую и нередко более эмоциональную семантику: так, к примеру, лексема *бездравлениЗ* означает «безумие», хотя отсутствие здоровья (именно эта семантика корня отрицается) не всегда может означать отсутствие ума, скорее, это отсутствие здравомыслия. *Безваньство* – это «несчастье, беда»; отрицание акцентирует именно неожиданность, нежелательность события. *Бескваси2* (мотивируемый словоформой *без кваса*) значит «чистота нравственная»: *Да празднуЗмь въ бесквасии и чистот2 и истин2*. Словарная дефиниция лексемы *безмълвиЗ* совпадает с современным значением – «безмолвие». Но существительное *безмълвникъ* в древнерусском языке означает «отшельник, молчальник», а глагол *безмълствовати* («жить в тишине, уединении») не столько означает отрицание признака говорения, сколько номинирует определенный образ жизни (отшельничество) [Срезневский 1989, 1: 2: 74–86]. Современный глагол *безмолвствовать*, хотя и означает «молчать», но в художественном контексте его семантика расширяется: молчание, к примеру, может быть и ответом: «*Народ безмолвствует*» – так заканчивается «Борис Годунов» А.С. Пушкина, и народное молчание является ответом.

Само молчание как отсутствие проявления звучания таит в себе глубокий внутренний смысл. Например, у Ф. Тютчева в стихотворении «*Silentium*»

говорится: «*Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои...*», и в продолжении делается вывод: «*Мысль изреченная есть ложь*».

Отсутствие звуков дает выход новым ощущениям, и мир воспринимается по-другому. Слова с нулевым выражением признака (в данном случае звучания) всегда являются фоном. Только когда что-то отсутствует на фоне присутствия – появляется новое свойство, новая семантика. «*Тишина, ты лучшее из того, что слышал*» у Б. Пастернака. «*Слушай беззвучие*», – говорит Мастеру Маргарита у М. Булгакова. Отсутствие сигнала «звук» является сигналом нового рода, своеобразным нулевым словом. Это – значимое отсутствие.

В диалектных словарях брянских говоров также выявлено множество лексем с отрицательными префиксами. В ряде слов префиксы *не-* и *без-/бес-* действительно отрицают наличие признака, выраженного корневой морфемой: *беспрокошный* – «беспольный»; *безладица* – обозначает раздор, ссору, отсутствие лада; *безрядица* – «беспорядок»; *безмужичкой* называют одинокую женщину, *бездетух* – не имеющий детей; наречие *безконца* означает «непрестанно, без конца»; *невидючим* называют слепого, *бестучный* значит нежирный (о еде) или худой (о человеке); *небогатышко* означает «немного», учитывая диалектную семантику лексемы *богато* – «много» [Расторгуев 1973; БОС 2011].

Но наряду с типичным представлением семантики отрицания – указания на отсутствие признака, выраженного в корневой морфеме – в словарях брянских говоров зафиксированы лексемы, в которых отрицательные префиксы выражают дополнительные оттенки значения, расширяющие семантику корня.

Так, например, лексемы *беспритульный* и *бесприхильный* обозначают одинокого человека, не имеющего родни (не к кому «притулиться»). *Беспутье*, как и в современном русском языке, – «бездорожье», т.е. отсутствие обустроенной дороги, а не ее отсутствие как таковой. Кроме того, так еще называют легкомысленного, бестолкового человека (непутевого). *Невдоха* – это женщина, не умеющая ничего делать. Наречие *невздумно* также не связано напрямую с семантикой корня *-дум-* и выражает значение «неожиданно». *Несын* – это все-таки сын, но не родной, а приемный. Глагол *нечкнуть* значит «молчать».

Помимо этого, слова с отрицательными префиксами часто употребляются для выражения эмоциональной характеристики лица: *невковырный* – об упрямом, неловком, неумелом, ленивом человеке; *безглуздый* – о бестолковом; *безрядный* – о неумеющем вести хозяйство; *неубой* – о своенравном, упрямом ребенке; *неслух* – о непослушном; *нестрэшны* – о неудачливом человеке; *несалошчы* – о привередливом и капризном в пище; *недагрызак* – о человеке, который постоянно огрызается, грубит; *непитушчы* – о непьющем; *незграбны* – о неловком, неуклюжем; *недбалы* – «нерадивый»; *негадь* – о негодном, не работающем человеке. Характеристика человека через выражение отрицания, формальное представление

с помощью отрицательных префиксов отсутствия у него важных, ценностных, значимых для социума качеств имеет, как видно, больший вес и смысл для коллектива говорящих и проживающих на общей территории [Расторгуев 1973; БОС 2011].

Таким образом, в семантике слова отрицание может выражать гораздо более широкий смысл, нежели только экспликацию отсутствия качества или процесса, названного в корневой морфеме. Отсутствие – всегда значимо: грамматическое отрицание часто является одновременно и утверждением яркого, эмоционального дополнительного значения. Эта закономерность прослеживается в древнерусском языке и сохраняется в говорах и в современном русском языке.

Источники и словари

БОС – Брянский областной словарь [Текст] / отв. ред. Н.И. Курганская. – Брянск, 2011.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М., 1981–1982.

Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов [Текст]. – М., 1984.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст]. – М., 1990.

Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины [Текст]. – Минск, 1973.

Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка [Текст] : в 3 т. – Репр. изд. – М., 1989.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] : в 2 т. – М., 1994.

Ю.Ю. Гордова
(Москва)

ИМЕНА РЯЗАНСКИХ КНЯЗЕЙ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

С XII по XV в. имена рязанских князей регулярно упоминаются в русских летописях. В большинстве исторических эпизодов рязанцы – участники междоусобных войн. Отмечены в летописных записях и значимые факты их жизни: женитьба, рождение детей, переезды, болезни или кончина.

Самостоятельное княжество в Рязанском крае было образовано в середине XII в. До этого времени территория являлась частью Муромо-Рязанского княжества, выделившегося из Черниговского княжества в 1129 г. В XIV в. Рязань соперничала с Москвой, но позднее попала в зависимость от нее. В 1521 г. Рязанское великое княжество было упразднено, а ее территория вошла в состав единого Русского государства.

Регулярность упоминаний представителей великокняжеской династии Рязанской земли дает возможность современным исследователям изучать их имена и в общерусском, и в региональном аспекте – и как часть древнерусской антропонимии, и как отдельную, относительно замкнутую ее группу, с местными чертами и особенностями развития.

По своему составу имена рязанских князей в точности отражают традиции княжеского именования, сложившиеся еще во времена расцвета Киевской Руси, а также тенденции более поздних периодов.

В XII в. именник княжеского рода включал в себя преимущественно древнерусские имена. Среди них встречались и исконно русские, и заимствованные. В процессе бытования они подверглись сильной фонетической перестройке и настолько прочно вошли в русский именник, что уже в древнерусский период не воспринимались как заимствования. Среди таких имен: *Володимер, Глеб, Игорь (Ингвор, Ингварь), Олег* (древнерусские имена в тексте статьи даются в современной орфографии; в цитатах – в орфографии источника). Имена данного типа – «имена князей, потомков Рюрика, выходцев из Скандинавии» [Суперанская 2007: 16].

Имена *Ярослав, Ростислав, Всеволод, Святослав, Изеслав, Мстислав* представляют традиционные древнерусские двусловные имена. Многочисленность среди них образований на *-слав* – отражение общерусских антропонимических традиций: этот тип имен был на Руси особенно популярен, подтверждением чего служит хотя бы тот факт, что из 12 сыновей киевского князя Владимира (X в.) семеро носили имена на *-слав* [ПСРЛ 1841–1994, 38: 55].

В XIII в. тенденция предыдущего столетия сохраняется: у молодых рязанских князей по-прежнему преобладают имена древнерусские, однако в большинстве случаев они повторяют имена предков по своей линии.

Уже в конце XII в. в именнике князей появляются первые христианские имена: *Роман, Костянтин, Кир Михаил*. В XIV в. их доля возрастает, князья впервые получают имена *Иван, Данилей, Феодор, Василий, Александр*. Однако в княжеском списке по-прежнему сохраняются древнерусские имена, заимствованные (*Олег*, упом. в 1343 г.; *Володимер*, упом. в 1371 г.) и традиционные (*Ярослав*, упом. в 1343 г.; *Родослав*, упом. в 1387 г.).

В записях XV в. христианские имена уже преобладают над древнерусскими. Причем самыми популярными в княжеской среде становятся антропонимы *Иван* и *Феодор*. Впервые в 1408 г. регистрируются имена *Дмитрей, Андрей*.

Имена князей, имевших отношение к Рязанскому княжеству, представлены в таблице 1 (таблица составлена на основании следующих текстов: «Начало о великих князех Рязанских» [ПСРЛ 1841–1994, 7, Воскр. лет.: 241–245]; Выборочные генеалогические таблицы русских князей

[Свод лет. Ряз. 1994: 1–13]). Антропонимы расположены в хронологическом порядке (с начала XII до конца XV в.).

Таблица 1

Имена князей, имевших отношение
к Рязанскому княжеству

Имена князей	Год/период упоминания в летописях	Тип имени [Суперанская 2005, 2006, 2007]	Примечания
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Олег	1096, 1122	древнерус. (заимствованное)	Олег Святославич; черниговский князь, в 1096 г. бежал «в Рязань»
Ярослав	1127	древнерус. (традиционное)	Ярослав Святославич; считается родоначальником рязанских и уромский князей, младший брат князя Олега
Ростислав	1127	древнерус. (традиционное)	Ростислав Ярославич
Святослав	1127	древнерус. (традиционное)	Святослав Ярославич
Юрьи	1127–1143 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Юрьи Ярославич (уромский)
Володимер	1146–1161 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Володимер Святославич
Глеб	1146–1178 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Глеб Ростиславович; первый правитель самостоятельного Рязанского княжества
Всеволод	1178–1207 (ум.)	древнерус. (традиционное)	Всеволод Глебович (пронский)
Игорь	1178–1195 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Игорь Глебович
Святослав	1178–1207	древнерус. (традиционное)	Святослав Глебович (пронский)
Роман	1178–1216 (ум.)	христианское	Роман Глебович
Ярослав (второе имя князя Романа)	1178–1216 (ум.)	древнерус. (традиционное)	Роман Глебович
Володимер	1178–1186	древнерус.	Володимер Глебович

		(заимствованное)	
Ингвор (Ингварь)	1194–1235 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Ингвор Игоревич

Продолжение таблицы

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Юрьи	1194	древнерус. (заимствованное)	Юрьи Игоревич
Глеб	1194–1217 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Глеб Володимирович
Костянтин (Константин)	1194	христианское	Константин Володимирович
Олег	1194–1207 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Олег Володимирович
Изеслав	1194–1217 (ум.)	древнерус. (традиционное)	Изеслав Володимирович
Мстислав	1194	древнерус. (традиционное)	Мстислав Святославич (пронский)
Ростислав	1194–1217 (ум.)	древнерус. (традиционное)	Ростислав Святославич (пронский)
Кир (Кюр) Михаил	1194–1217 (ум.)	христианское	Кир Михаил Всеволодич (пронский)
Роман	1217–1237 (ум.)	христианское	Роман Ингварович
Юрьи	1217–1237 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Юрьи Ингварович
Олег	1217–1258 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Олег Ингварович
Роман	1237–1270 (ум.)	христианское	Роман Олегович (Олгович)
Костянтин	1270–1306 (ум.)	христианское	Костянтин Романович
Ярослав	1299–1302	древнерус. (традиционное)	Ярослав Костянтинович
Иван	1302–1327 (ум.)	христианское	Иван Ярославич
Иван	1327–1343 (ум.)	христианское	Иван Иванович (Коротопол)
Александр	ум. 1340	христианское	Александр Михайлович (пронский)
Ярослав	1343	древнерус. (традиционное)	Ярослав Александрович (пронский)
Олег	1343–1402 (ум.)	древнерус. (заимствованное)	Олег Иванович (Коротопола)
Володимер	1371	древнерус. (заимствованное)	(пронский)
Данилей	1378, 1408	христианское	Данило Дмитриевич

(Данило)			(пронский)
Феодор (Федор)	1387–1407	христианское	Феодор Олегович (Олгович)

Окончание таблицы

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Родослав	1387–1407 (ум.)	древнерус. (традиционное)	Родослав Олегович (Олгович)
Василий	1407 (ум.)	христианское	Василий Федорович
Иван	1408	христианское	Иван Володимирович (пронский)
Иван	1408–1456 (ум.)	христианское	Иван Феодорович
Феодор	1408	христианское	Феодор Иванович (пронский)
Иван	1408	христианское	Иван Иванович (пронский) (Иван Нелюб)
Андрей	1408	христианское	Андрей Иванович (пронский) (Андрей Сухорукой)
Юрий	1408	древнерус. (заимствованное)	Юрий Феодорович (пронский)
Глеб	1408	древнерус. (заимствованное)	Глеб Юрьевич (пронский)
Иван	1408	христианское	Иван Иванович (Нелюба) (пронский)
Василей	1408	христианское	Василей Иванович (пронский) (Василей Нелюб)
Иван	1408	христианское	Иван Васильевич (пронский) (Иван Шемяка)
Дмитрей	1408	христианское	Дмитрей Андреевич (Сухорукого) (пронский)
Юрий	1408	древнерус. (заимствованное)	Юрий Дмитриевич (пронский)
Иван	1408	христианское	Иван Дмитриевич (пронский)
Феодор	1408	христианское	Феодор Дмитриевич (пронский)
Василей	1448 (род.) – 1483 (ум.)	христианское	Василей Иванович

Иван	1483	христианское	Иван Васильевич
Феодор	1483	христианское	Феодор Васильевич
Иван	1483	христианское	Иван Иванович

Из представленных антропонимов особый интерес представляют варианты скандинавского *Ингварр*. Впервые имя встречается в сильно русифицированной форме *Игорь* (1186) и лишь позднее – в формах, приближенных к оригиналу: *Ингвор*, *Ингварь* (1194), *Инъгварь* (1207, 1217, 1219) [ПСРЛ 1841–1994: 7, Воскр. лет.: 242; ПСРЛ: 1, Лавр. лет. : стб. 430, 440, 444]. Интересно, что имя *Ингварь* (*Ингвор*, *Инъгварь*) носил сын *Игоря*: «...а *Игоревы* дети *Ингвор* да *Юрьи*» (1194) (здесь и далее графические выделения в цитатах мои. – Ю.Г.), *Ингварь Игоревич* (1217) [ПСРЛ 1841–1994: 7, Воскр. лет.: 242, 124–125].

В составе патронима в отдельных летописных записях наблюдается мена согласных: «КнѦзї же Резаньстии Юрьи *Инъвгоровичь* братъ его ѡлегъ и [Романъ] *Инъвгоровичь*» (1237) [ПСРЛ 1841–1994: 1, Суздал. лет.: стб. 514].

Имя *Георгий* (*Юрий*) употребляется в форме *Гюрги* (1165, 1172 и другие записи), иногда *Юрги* (первое упоминание – 1207 г.) [ПСРЛ 1841–1994: 1, Лавр. лет.: стб. 352–353, 364, 181–182; ПСРЛ: 1, Сузд. лет. : стб. 514], *Юрьи* (1194, 1237) (цитаты см. выше).

Христианское имя *Иван* фиксируется у рязанских князей только в этой форме и относительно поздно – в 1302 г. [«Начало о великих князех Рязанских»; ПСРЛ 1841–1994: 7, Воскр. лет.: 241–245], хотя, например, в линии владимирских князей оно известно уже в 1210 г.: *Иван*, как сообщает летопись, крестильное имя князя Всеволода, внука Всеволода Большое Гнездо. К XV в. имя становится самым частотным, его носят восемь рязанских и пронских князей, живущих в это время.

Другие христианские имена зафиксированы в формах: *Феодор*, *Федор*; *Костянтин*, *Константин*; *Данилей*, *Данило*; *Василей*, *Василий*.

Особое положение в княжеском именнике занимает имя *Кир Михаил*, которое носил сын рязанского князя Всеволода (упом. в 1194 г.). Имя образовано путем соединения нарицательного *кир* «господин» (др.-церк. *кур*, из греч. *кирос* «власть, право, сила – эпитет Зевса, Диониса» [Суперанская 2006: 209]) и христианского имени *Михаил*, вероятно, по образцу славянских двуосновных имен, где каждая часть обладала собственным значением.

В летописях имя часто записывалось и как *Кюр Михаил* [Летописец Переяславля-Суздальского; Московский летописный свод; Свод лет. Ряз. 1994: 113, 114], которое более точно воспроизводит церковную форму. В то же время, нетипичность имени способствовала появлению и ошибочных записей, в частности, в Ипатьевской летописи под 1237 г. князь записан как *Кир Михайлович* [Свод лет. Ряз. 1994: 147].

Говоря о взаимоотношениях церковных и не церковных имен, следует отметить, что вторые – крестильные – имена, судя по некоторым летописным свидетельствам, князья получали уже, по крайней мере, с третьей

четверти XII в. Так, в частности, в записи под 1172 г. сообщается: «Того же году Игорю Святославичу родился сын октября 8, и нарекли его *Владимир*, а во святом крещении *Петр*» [Свод лет. Ряз. 1994: 71], в «Похвале роду рязанских князей» (XIII в.): «Благодарный князь *Ингварь Ингваревич*, названный во святом крещении *Козьмой...*» [Свод лет. Ряз. 1994: 324], однако в летописях князья почти всегда записывались под своими традиционными именами. Примечательно, что и в приведенных цитатах они считались главными именами людей, а имена крестильные – вторыми, данными «во святом крещении».

В связи с вышеизложенным ценной представляется запись Никоновской летописи под 1210 г., в которой наблюдается иное соотношение крестильного и мирского имени: крестильное имя выступает в качестве главного имени человека и записывается первым, перед именем традиционным, которым человека называют в обычной жизни: «Того же лета родися князю Константину Всеволодичю сын Иван, глаголемый Всеволод» [Свод лет. Ряз. 1994: 115]. Речь в отрывке идет о сыне владимирского князя Всеволода Большое Гнездо и внуке Юрия Долгорукого.

Важнейшей антропонимической традицией в среде великих князей Рязанской земли являлась тезоименность – повторяемость имен в разных коленах рода, причем список имен, к которому обращались при рождении ребенка, сформировался, в основной своей массе, в первые века существования княжества как отдельной области Древней Руси. Так, в пяти поколениях рязанских князей используется имя *Юрьи (Гюрги, Юрий, Юрги)*, в четырех поколениях – имена *Олег, Ярослав*, в трех поколениях – имена *Володимер, Глеб, Роман*; с XIV в. группа пополняется именами *Иван* (10 носителей), *Феодор* (4 носителя), *Василий* (3 носителя). Такую замкнутость вариантов активных имен, приверженность им, консерватизм при выборе имени в разных поколениях рода, связанного с одним княжеством, можно считать особенностью древнерусской региональной антропонимии.

Не последнюю роль в имянаречении князей играли и семейные предпочтения. Так, рязанский князь *Игорь* называл своих детей преимущественно «скандинавскими» короткими именами (*Роман, Ингварь, Юрги, Глеб*), а *Святослав*, напротив, древнерусскими двусловными (*Святослав, Ростислав*), что может служить еще одной иллюстрацией существовавших на Руси внутрисемейных традиций именования, подробно описанных в ономастической литературе [см., в частности, Суперанская 2007: 17–18].

В антропонимических формулах имена князей использовались преимущественно в полной форме: *Роман, Володимер, Всеволод*. Как полные, очевидно, воспринимались и формы *Иван, Федор* (вместо *Иоанн, Феодор*), так как именно в таком виде они присутствуют во многих летописных записях официального характера.

Случаи употребления сокращенных или народных форм имен редки. Они отмечены, в частности, для имен *Кюр Михаил, Данилей*: Кюр Михайло (1208), князь *Данило* Пронский (1378) [Летописец Переяславля-Суздальского; Никоновская лет.; Свод лет. Ряз. 1994: 113, 202].

В некоторых формулах называлось два личных имени – основное (на первом месте) и дополнительное (на втором месте), чаще всего христианское и древнерусское (внутрисемейное или прозвищное): князь *Иван Коротопол*, князь *Василей Нелюб*.

Из последних у рязанских князей в XIV–XV вв. известны имена *Коротопол* (*Коротополь*), *Нелюб*, *Сухорукой*, *Шемяка* [ПСРЛ 1841–1994: 7, Воскр. лет.: 243, 245; Свод лет. Ряз. 1994: 179, 290].

Второе имя рязанского князя Ивана Ивановича (упом. 1327–1343 гг.) зафиксировано в Никоновской летописи в двух вариантах: сначала он записан как *Коротопол*, затем как *Коротополь* [Свод лет. Ряз. 1994: 177]. Имя упоминается в составе двух формул: князь *Иван Коротопол*, князь *Иван Иванович Рязанский Коротопол* (*Коротополь*). Вместе с главным именем оно указывается и в качестве патронима у детей Ивана Коротопола: «князь *Иванов сын Коротополов Олег*» (1343) [Воскр. лет.; Свод лет. Ряз. 1994: 289].

Имя *Нелюб* пронского князя Ивана (упом. под 1408 г.) относится к традиционным внутрисемейным русским именам. Однако иной статус оно обретает в антропонимической формуле внука Ивана Нелюба: «А у князя у *Ивана у Нелюба* сын Иван же, а у Ивана сын *Василей Нелюб*» [ПСРЛ 1841–1994: 7, Воскр. лет.: 245].

Распространенными русскими именами являются и имена других князей Рязанского княжества – *Сухорукой*, *Шемяка*. Несмотря на всю сложность трактовки древнерусских имен с точки зрения их типа, есть все основания рассматривать имена *Коротопол*, *Сухорукой*, *Шемяка*, *Долгий* как имена характеризующие, как имена, отражающие личные особенности именуемых, т.е. квалифицировать их как прозвища. Позднее второе имя предка могло выступать в роли идентифицирующего имени отдельной семьи (или семейной ветви), что мы наблюдаем на примере потомков пронского князя Ивана Нелюба.

Таким образом, главными чертами корпуса личных имен рязанских князей в XII–XV вв. являлись: наличие в нем имен древнерусских (исконных и заимствованных) и христианских, постепенное движение от преобладания в письменных формулах древнерусских имен к преобладанию христианских, тезоименность колен и ветвей княжеского рода. Тот факт, что традиции именования рязанских князей соответствуют общерусским традициям именования, несмотря на длительную обособленность Рязанского великого княжества и его крайнее положение по отношению к другим русским областям, говорит о единстве ономастического пространства Древней Руси.

Литература

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей [Текст]. – СПб. ; М., 1841–1994. – Т. 1–39.

Свод лет. Ряз. – «И были полки Ольговы...»: Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х гг. XVI в. [Текст] / сост. А.И. Цепков. – М., 1994.

Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание [Текст]. – М., 2005.

Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен [Текст]. – М., 2006.

Суперанская, А.В. Имена: история и современность [Текст]. – М., 2007.

Д.Г. Демидов
(Санкт-Петербург)

«МАТЕРИАЛЫ» И.И. СРЕЗНЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕОГРАФИИ

«Материалы» И.И. Срезневского обладают большими возможностями основного источника исторического идеографического словаря русского языка.

Если не считать словарей концептов и так называемых культурных констант [Степанов 2001], а также учебных тематических и ассоциативных психолингвистических словарей [Лексическая основа 1984; Словарь ассоциативных норм 1977; Русский семантический словарь 1998], то можно думать, что идеография русского языка в узком и точном смысле слова у нас в XX в. не развивалась и полных идеологических словарей (термин Л.В. Щербы) составлено не было. Это касается современного состояния языка и, тем более, его истории. Причины отставания следует искать в общем повороте интересов лингвистов от строения (преимущественно формального) и функций языка к речевой деятельности, от языка как системы к языку (а точнее, речевым формам) как прагматической реакции на жизненные и нежизненные стимулы [Караулов, Филиппович 2009]. Очень многое зависит от американской лингвистики и методов описания английского языка. Но поскольку сам английский язык, островной по социолингвистическому статусу, германский по происхождению и романский по своему культурному становлению, в последние полтора столетия к тому же распространился через бывшие заокеанские колонии в виде эклектического по содержательному составу американского варианта, его идеография объективно в высшей степени затруднена и не стоит на повестке дня. Каждая народность вкладывает свои варианты смыслов в английские по форме слова. Не последнюю роль играют и новые возможности ЭВМ:

сетевое расположение текстовых и справочных материалов, «горизонтальный» принцип поиска лексем любого языка и их частных содержательных совокупностей снимают практическую остроту вопроса. Однако именно это обстоятельство (молниеносность перескакивания с одной темы на другую, калейдоскопичность и «клиповость» мышления) повышает теоретическую и даже онтологическую потребность в иерархически организованном понятийном описании русской лексики в ее историческом охвате.

Сам И.И. Срезневский, характеризуя различные новинки лексикографии, обращает внимание на понятийный словарь Роджета (= у В.В. Морковкина *Роже* [Морковкин 1970], правильнее *Роужей*), в котором английские слова располагаются «по порядку идей», и критически рассматривает его, но свои словарные материалы русский академик располагает в азбучном порядке. Тем не менее, он выделяет и идеографический («логический») порядок: «С обыкновенным азбучным порядком в нем (словаре. – Д.Д.) должен соединяться еще порядок так сказать логический, помогающий отыскивать под названием понятия родового названия понятий подчиненных, под названием целого названия частей и т.п.» [Срезневский 1854: 150–151]. Такой принцип позволяет избежать искусственных дефиниций и в то же время показать место данного значения в общей системе. Собственно научное обоснование: «Если законно и необходимо исследовать законы мысли, происхождение понятий и суждений, их формы, их взаимную связь и все, что относится к той части психологии, которую привыкли называть логикой, то законно и необходимо исследовать мышление и в отношении к его выражению звуками, законы этого выражения, начала и формы происхождения и образования слов и выражений с их различными смыслами и т.п.» [Срезневский 1854: 151].

Вплоть до начала XVIII в. русская лексикография строилась преимущественно по идеографическому, точнее, тематическому, а не алфавитному принципу. Еще Копиевич и Поликарпов, весьма образованные филологи, располагали лексемы в своих словарях по тематическому понятийному принципу. В этом можно усмотреть практическое воплощение русского реализма.

Впоследствии идеография отошла на второй план. Правда, успешно это направление начало было разрабатываться в 1970-е г. [Морковкин 1970; Денисов 1974; Караулов 1976], стал учитывать опыт Роже (= Роджета), Дорнзайфа, Касареса [Касарес 1958], однако, помимо некоторых автоматизированных опытов [Караулов 1980; Караулов и др. 1982], практического результата в XX в. не дала. Тем не менее, теоретическая мысль не перестает работать [Слово 1984; Сороколетов 1985; Апресян 1986; Бауэр 1988; Очередные задачи 1995; Протченко 1996; Луков 1998; История 1998; Козырев, Черняк 2004]. В XXI в. намечается оживление деятельности в области идеографии. Создаются толково-идеографические словари [Большой

толковый словарь русских существительных 2005; Большой толковый словарь русских глаголов 2007; Русский семантический словарь 1998–2002], наконец, идеографический словарь собственно идеологического типа [Баранов 2000].

В науке об истории русского языка существуют лексикологические труды, анализирующие отдельные списки слов, словари частных терминологических систем, равно как и монографические лексикологические исследования тех или иных частных лексико-семантических групп, полей или тем; делается это в тех или иных отдельно взятых текстах или жанрах письменности. Но даже при условии полноты описания и суммарного учета всего лексического материала эти исследования не могут заменить собою общего идеографического словаря русского языка с древнейших времен по настоящее время. В последние 20 лет наметилась явная диспропорция между тщательным ономаσιологическим описанием современной лексики в словарях и отсутствием такого описания в словарях исторического типа. Между тем, именно завершённые исторические циклы развития идей, выраженных в словах, дают более надёжную почву для понятийной систематизации, на поле которой (выражаясь словами Й. Трира) более отчетливо видны изменения в словесных полях. В конечном счете будет мотивированно представлена и современная картина, поскольку она обусловлена внутренней логикой развития словарного состава языка, а не внешними схемами, прикладываемыми к новейшим употреблениям и произведениям (например, позднейшим производным словам и новейшим иноязычным заимствованиям) речи. Синхронный срез XX–XXI вв. обладает тем крупным недостатком, что многие актуальные идеи находятся в становлении, и мы не можем предугадать относительной их ценности, которая останется в языке.

При составлении русского исторического идеографического словаря недопустимо ограничение составления последнего каким-нибудь одним кругом памятников, скажем, только богослужебными и переводными либо только оригинальными и деловыми. Равным образом повредит делу разделение единого и многосложного юго-восточнославянского по происхождению славяно-русского потока, к которому в XVII в. присоединяется польское влияние, на два мнимых «языка» – церковнославянский и русский. Успех И.И. Срезневского обусловлен именно тем, что он этого не сделал и не разделил славянскую и русскую языковые стихии. Того же не делали и представители академической лексикографии вплоть до самого конца XIX в.

Реестр понятий, на основе которых описывались бы исторические изменения в лексике, должен быть панхроническим и служить своеобразным терциум компаративис для диахронических изменений в лексической семантике. Современное состояние должно быть отклонено на том простом основании, что то, что известно сейчас, не было известно в древности; обратное неверно. Возможно, за такую основу следовало бы взять

семантическое состояние языка в XV в. – веке Епифания Премудрого и Андрея Рублева, может быть, – эпоху первого южнославянского влияния – XI в. Но это чрезвычайно трудная задача, которая должна решаться с обязательным привлечением лучших трудов по истории церкви, общества, литературы, философии и семантики. Здесь она может быть только намечена.

Единственный систематизированный до шести обобщающих высших разделов собственно идеографический словарь русского языка [Баранов 2000] описывает только новейшее состояние языка. Хотя он составлен по всемирно признанной методике [Roget 1852], принципы членения понятий очень модернизированы, в частности, чувствуется влияние новейших типов логистики, религия подчинена культуре и т.д. Иначе говоря, и предмет описания, и инструмент описания нацелены на новейшие реальные или мнимые тенденции. И тем не менее, за неимением других апробированных на русском лексическом материале систем понятий, целесообразно отталкиваться от рубрик, предназначенных для описания русского языка начала XXI в.

Можно было бы сослаться на положение об относительности лексикографических категорий [Гак 1978] и расширить его за счет применения готовых лексикографических категорий к историческому материалу. Но именно исторический материал уже переходит границы применимости этого положения об относительности. В древнерусском языке отдельное значение слова выделяется с трудом, сохраняя синкретические связи с другими значениями той же лексемы и со значениями других слов контекста, дифференциальные признаки для такого значения неопределимы. Во всяком случае, оно не обособляется на основе лексического понятия и имеет только собственный интегральный признак. Это повлекло за собой «тире Срезневского» и отказ от порядковых номеров значений одного и того же слова (а в словаре – вокабулы). Лексикографическое оформление полисемии стало в словаре исторического типа принципиально иным, нежели в словаре синхронно-описательного типа. Парадоксальным образом такое положение облегчает переход от семасиологического расположения материала к ономасиологическому, ведь снимается задача учитывать порядок значений во вторичном идеографическом словаре.

Три наиболее мелких уровня систематизированных О.С. Барановым понятий называются фреймами (их 5 336), подразделами (их 972) и разделами (их 255); здесь учтем только три крупнейших уровня – отделы (их 65), подгруппы (их 20) и, наконец, группы (их 6).

Разумеется, чем больше обрабатывается словарных материалов, тем больше заполняется рубрик (в нашем случае, отделов). Однако было бы опрометчиво ожидать заполнения всех рубрик без исключения. Развитие культуры, цивилизации и общественных отношений, изменения в менталитете, действие ментальности сильно повлияли на уровень фреймов, а значит, преобразовали и все более высокие уровни. По поводу выделен-

ных шести высших групп можно провести целое сравнительное исследование, привлекая 10 аристотелевых категорий, 5 схоластических *quinque voces* и т.п. Приведем список групп, подгрупп и отделов, разработанных О.С. Барановым.

Таблица 1

Семантические группы, подгруппы и отделы
(по О.С. Баранову)

Группы (высшие разделы)	Подгруппы	Отделы
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Элементы	Элементы	1. Объект
		2. Совместность
		3. Характер
		4. Количество
	Логические отношения	5. Логические отношения
		6. Значимость
		7. Согласованность
		8. Целостность
		9. Определенность
Система	Пространство	10. Структура
		11. Расположение
		12. Движение в пространстве
		13. Пространственная фигура
	Изменение системы	14. Явление
		15. Процесс
		16. Время
	Взаимодействие	17. Взаимодействие
		18. Функционирование
19. Средство		
Природа	Вещество	20. Материя
		21. Термодинамические системы
		22. Механическое взаимодействие
		23. Механическое движение
		24. Излучение
	Неживая природа	25. Вселенная
		26. Земля
	Живая природа	27. Органический мир
28. Растения		

		29. Животные
Человек	Человек	30. Человек
		31. Физиология человека
		32. Здоровье

Окончание таблицы

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
	Психика	33. Психика
		34. Восприятие
		35. Эмоции
		36. Интеллект
	Личность	37. Личность
		38. Личная жизнь
		39. Образ жизни
	Деятельность	40. Деятельность
		41. Достижение цели
		42. Состояние дел
		43. Правильность деятельности
		44. Успешность деятельности
Общество	Информация в обществе	45. Естественный язык
		46. Информация в обществе
		47. Представления
	Общение	48. Общение
		49. Взаимопонимание
		50. Антагонизм
	Поведение	51. Этика
		52. Регламент
	Общество	53. Общественные структуры
		54. Жизнь общества
Культура	Культура	55. Культура
		56. Искусство
	Цивилизация	57. Цивилизация
		58. Экономика
	Устройства	59. Устройства
		60. Предметы быта
		61. Информационная техника
		62. Машины
	Производство	63. Производство
		64. Материалы
65. Технология		

Пробные распределения по этим готовым современным рубрикам лексики из «Материалов» И.И. Срезневского привели к твердому убеждению, что такая схема имеет очень слабую пригодность для древнерусского материала. Древние реальности с трудом укладываются в эту схему. Приходится совершать над ними насилие и приписывать явно чуждые им признаки.

Так, синкретичный союз *a* мы вынуждены были бы относить к подгруппе логических отношений; слова *агиасма* ‘святая вода’, *адамантъ* ‘алмаз’ и производные, *акитъ* = *акинфъ* ‘драгоценный камень гиацинт’ надо было бы включать в отдел материи, подгруппу вещества и группу природы. Ясно, что грецизм *агиасма* для того и был заимствован, чтобы отличить это понятие от простой материальной *воды* и показать ее символическое, вовсе нематериальное и сверхприродное действие. Ни один контекст не способствует выделению материального признака, – важнее признак священнодействия или эстетический.

Современные же словесные реальности суть лишь поздняя надстройка к древним, поэтому обратная задача введения новейших слов в старые рубрики в принципе выполнима. Во всяком случае, задача стоит непреложно и объективно: найти схему, единую и панхроническую, как основание сравнения исторических семантических преобразований.

В поисках упорядоченной пирамиды понятий для исторического представления лексики следует обратить внимание на размышления самих древних авторов и переводчиков. В нашем распоряжении немало сочинений на эту тему: «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, сочинения Дионисия Ареопагита, «Диалектика» Иоанна Дамаскина, сборники, «Пчела», «Диоптра» Филиппа Пустынника, проповедническая литература, азбуковники. Все эти памятники письменности послужили источниками «Материалов». Есть и философская оценка этих и других памятников [Громов, Мильков 2001].

В трактате «О небесном священноначалии» Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника находим следующее:

«Толкованіе <...> 4. Божественное блажен'ство чело#вкы да речемъ і отъ чело#вчьскихъ вѣщїи, понеже то по себ# что есть н#сть мощно рещи.

Божеств(ен)о(е) блаженство:

Очищеніе съвер'шеніе

Просв#щеніе

<...>

Божественное блаженство:

очищаетъ, просв#щаетъ

научеваетъ, съвер

шаетъ, боготворяетъ,

возводитъ.

[Дионисий 1870: 299–300]

Максим Исповедник дает схему всеобщей связи мыслящего человека с Богом. Человек очищается общими и совершенными понятиями, просве-

щается, научается, совершенствуется в индивидуальных вещах и опять восходит к вышнему, обогатившись земным опытом. В этом состоит гносеологическое основание понятийной схемы.

Сразу вслед за этим следует рассуждение самого Дионисия Ареопагита, ученика апостола Павла, труды которого известны в славянском переводе на Руси с конца XIV в. в более чем сотне списков.

Таблица 2

Разделение понятий
[Дионисий 1870: 299–300]

Сущее. 1. Чистителем' же богатствомъ очищенiа инымъ преподавати своя чистоты; просвещателемъ же, iако чист#мъ умовомъ и къ причастiю св#та и преданию искрен'ия имущимъ. и всебогатн# священiа исполнен'нымъ луча, иже на нихъ весь пролиемый св#тъ въ иже...

Сир#чь небеса и земля.		Сир#чь бессловесна и животна.	
Или неживотна суть, iаже наричются тък'мо суца.	Или жива, яже глаголются бе(з) словеси житии.	Или разумная бесплътна iаковоже небесная.	
Или словесная и телесная, iаже наричются по насъ.			
Почювательная: Ова убо бесловесна. Ова же словесна. Ова убо бесплотна и паче насъ. Ова же в т#л# и по насъ.			

Далее говорится: «<...> весь пролиемый св#тъ въ иже и начала приобщилася быша. Неживотная убо вся еже бытии тому причаствуютъ, еже бытии вс#мъ; есть еже паче бытиа Божество. 3. Животная бо тояжде паче всякого и слова и ума самосвер'шительныя и пр#жде съвершеньства пр#мудрости. iавлен'но же есть, iако близъ тоя она существъ суть, елика многаци тоя причастишася. 4. Святыя убо небесныхъ существъ доброты паче iаже у насъ словесная богочалнаго преподаванiа въ причатни быша».

Через три страницы раскрываются подчиненные видовые понятия.

Таблица 3

Видовые понятия
[Дионисий 1870: 302]

«Сущее. 1. Вся убо суца причаствуютъ промыслу отъ пресущественнаго и всевиновнаго Божества изливаемому; не бо убо была быша, аще не сущихъ существа».

Сущ і ихъ :
1. Ова же оубо суть неживотна, іакоже каменіе, и прочая, іаже ни единому живому дѣйствию причаствующая.
2. Ова же животна.
2.1. Ова убо нечувствена, іакоже садовнаа.
2.2. Ова же почювательная.

Для получения более-менее объективной предварительной картины возможного идеографического словаря мы взяли из 1-го тома «Материалов» Срезневского только те слова на буквы А и Б, словарные статьи для которых занимают более половины столбца. Это уже очень важный показатель. Чем больше употребляется то или иное слово в древних памятниках письменности и чем более разнообразны эти употребления, тем больше цитат приходится вносить в словарь. Следовательно, в лексической системе языка такие слова занимают ключевое положение, а более редкие и простые для описания слова просто расширяют уже известные рубрики. Во всяком случае, они не повлекут за собой радикального пересмотра исходной понятийной схемы.

Поскольку нами не ставилась цель максимально дифференцировать семантику, мы ограничились всего четырьмя уровнями. При наименовании рубрик предпочтение отдавалось кратким и совпадающим где бы то ни было наименованиям. Принцип иерархии признаков ставился выше индивидуализирующего разнообразия признаков. Общее понятие всегда выше частного понятия – принцип средневекового реализма.

Отсюда в разных рубриках низшего порядка встречается одно и то же название, одно и то же название может переходить из рубрики высшего порядка в рубрику низшего порядка, изменяя иерархию семантических признаков, которыми описывается то или иное значение слова. Иными словами, признаки могут свободно индивидуализироваться.

Приведем статистику.

Таблица 4

Количественное сопоставление рубрик

Уровни понятийной схемы	В наших пробных материалах	В Словаре О.С. Баранова
Групп	5	6
Подгрупп	18	20
Отделов	35	65
Разделов	78	255

Возможно, разделов оказалось у нас существенно меньше, поскольку именно низший из этих четырех – уровень разделов – быстрее всего увеличивается при обработке все новых и новых слов. Новые высшие уровни также могут появляться, но не столь интенсивно. Если по количеству различий с О.С. Барановым немного, то по содержанию появились существенные отличия.

Есть одно отличие и в формальных требованиях к названиям рубрик. У О.С. Баранова одно и то же название может повторяться только один раз на соседнем низшем уровне. Мы же посчитали, что для разных лексем одно и то же название может присутствовать на любом уровне. Это связано с тем простым и очевидным обстоятельством, что для каждой лексемы должны каким-то образом быть представлены все уровни восхождения от низшего видового к высшему родовому. Слова языка одинаково хорошо обеспечивают все уровни.

Таблица 5

Возможные рубрики для исторического идеографического словаря русского языка

Группа	Подгруппа	Отдел	Раздел	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	
Божественное	действие	священнодействие	спасительное	
		человек	речь вещь	
	отношение	человек	действие строение	
		человек	качество	совершенное
	Небесное	духовное	священнодействие	спасительное
		действие	человек	речь
Категория	бытие	существование	время	
			место	
	различие	качество	цвет	
			время	
		отношение	мера	
			предел, граница	
			причина	
			противопоставление	
			следствие	
			разделение	
	соединение			
	условие			

			цель
			время
	СИМВОЛ	проповедь	письмо
		канон	церковь
			власть
		культура	письмо

Продолжение таблицы

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>		
Существо	бестелесные	священноначалие	ангелы		
	разумные	(иерархия)			
	человек		духовное	деятельность	
			проповедь	слово Божие	
			священноначалие иерархия	церковь	церковь
					мирское
			церковь		ересь
					отношение
			деятельность		вещь
					психическое
					волевое
					производство
					язычество
					речь
					сила
					власть
			качество		совершенное
					сила
					психическое
					умственное
					строение
					канон
					словесность
					язычество
			отношение		речь (вопрос)
					власть
					достоинство
				мера	
				состояние	
	семья				
состояние		семья			
ЭМОЦИЯ		удивление			
телесное		образ жизни, состояние			

			пища
			анатомическое
	живое	качество	психическое
			сила
	неживое	природа	растение
		природа	место

Окончание таблицы

1	2	3	4
Вещь	духовное	церковь	письмо
			утварь
	символ	символ	цвет
		церковь	утварь
		канон	власть
	неживое	культура	язычество
			церковь
			украшение
	действие	право	утварь
			место
	место	физическое	сила
			человек
место	природа	физическое	

Таблица 6

Пример распределения лексики по рубрикам
(из [Срезневский 1893])

Словарная статья	Раздел	Отдел	Подгруппа	Группа
бродь , два брода носу (и под. – каналы физиол.)	анатоми- ческое	телесное	человек	существо
бръвь = бровь <i>supercilium</i>				
бръвь = бровь 'вежда'				
б#да, от б#ды (от раны)				
баскакъ	власть	отношение	человек	существо
бесудный				
бесчъстие = бещестие				
биричь				
бити				
блюсти, блюду				
бои				
большии = большой				

боларинь, мн. боларе				
боаринь, боаре = боларинь, боларе				
братство				

Как бы то ни было, «Материалы» И.И. Срезневского по сей день остаются единственным полным завершённым удовлетворительно обработанным источником составления исторического идеографического словаря русского языка. И только он позволяет выполнить эту весьма насущную задачу. Такой «Идеографический Срезневский» помог бы активно и наглядно освоить наши древности, понять их содержательное преобразование на пути к нашему дню, объективно оценить, что мы приобрели, а что потеряли в лексико-семантическом богатстве нашего языка. За историей слов явственно, целостно и реально будет проступать история идей.

Словари

Баранов, О.С. Идеографический словарь русского языка [Текст]. – М., 2000.

Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы [Текст]. – М., 2007.

Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы [Текст]. – М., 2005.

Караулов, Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка [Текст]. – М., 1980.

Протченко, И.Ф. Словари русского языка [Текст]. – 2-е изд. – М., 1996.

Русский ассоциативный словарь [Текст]. – М., 1998. – Кн. 1–6.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Текст]. – М., 1998–2002. – Т. 1–2.

Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст]. – М., 1977.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст]. – СПб., 1893. – Т. 1.

Литература

Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь [Текст] // ВЯ. – 1986. – № 2. – С. 57–70.

Бауэр, Х.-Ю. Комплексное описание системных свойств лексем в идеографическом словаре тематического типа [Текст] // Актуальные проблемы учебной лексикографии : материалы общесоюз. конф. – М., 1988. – С. 5.

Гак, В.Г. Об относительности лексикографических категорий [Текст] // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. – М., 1978. – С. 13–24.

Громов, М.Н. Идеинные течения древнерусской мысли [Текст] / М.Н. Громов, В.В. Мильков. – СПб., 2001.

Денисов, П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии [Текст]. – М., 1974.

Дионисий Ареопагит. О небесном священноначалии [Текст] // Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографической комиссией. – I : Великие Четыи минеи. – Окт., дни 1–3. – СПб., 1870. – Стб. 275–375.

История русской лексикографии [Текст] / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб., 1998.

Караулов, Ю.Н. Лингвокультурное сознание языковой личности. Моделирование состояния функционирования [Текст] / Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович. – М., 2009.

Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст]. – М., 1976.

Караулов, Ю.Н. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову [Текст] / Ю.Н. Караулов [и др.]. – М., 1982.

Касарес, Х. Введение в современную лексикографию [Текст]. – М., 1958.

Козырев, В.А. Русская лексикография [Текст] / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М., 2004.

Лексическая основа русского языка [Текст]. – М., 1984.

Луков, В.Д. Проблемы отражения лексической семантики в идеографическом словаре. АКД [Текст]. – СПб., 1998.

Морковкин, В.В. Идеографические словари [Текст]. – М., 1970.

Очередные задачи русской академической лексикографии [Текст]. – СПб., 1995.

Слово в грамматике и словаре [Текст]. – М., 1984.

Сороколетов, Ф.П. Общая и учебная лексикография [Текст]. – Л., 1985.

Срезневский, И.И. Обзорение замечательнейших из современных словарей [Текст] // ИОРЯС. – СПб., 1854. – Т. III, вып. 4. – С. 145–164 ; Вып. 5. – С. 177–187.

Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст]. – М., 2001.

Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Электронный ресурс] // Архив Петербургской русистики. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba9.htm>

Roget, P.M. Thesaurus of English words and phrases [Text]. – P., 1852.

Е.А. Догусева
(Рязань)

ФОРМЫ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ В ПАМЯТНИКАХ РЯЗАНСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII века

Деловая речь сыграла очень заметную роль в истории развития русского языка. С XVII в. начинается процесс использования языковых средств делового стиля для выполнения других, неканцелярских функций.

По мнению М.А. Соколовой, «ни один жанр письменных памятников прошлого не может дать в руки исследователя более надежного материала, отразившего и закрепившего на письме бытовой разговорный язык эпохи» [Соколова 1957: 184].

Исконно опиравшаяся на общенародную русскую речь, имевшая за собой значительные письменные традиции и, наконец, расширившая сферу своего употребления, деловая речь сыграла существенную роль в образовании русского национального языка.

В центральных и местных архивах хранится огромное количество памятников деловой письменности, язык которых позволяет выявлять не только специфические особенности данного вида письменности, но и определенные черты народно-разговорного языка прошлых эпох.

Особый интерес представляют здесь формы личных местоимений и их реализация в деловых текстах.

Родительный-винительный падеж личных местоимений в деловой письменности XVII–XVIII вв. представлен написаниями на *-я* и *-е*, отражающими соответствующие диалектные различия.

Основная масса написаний в наших текстах представлена формами на *-я* : *оной сторожъ билъ меня знатно* [ГАРО, 660: 2: 34: 1], *незнаемо за что напавъ на меня* [ГАРО, 660: 2: 34: 20], *на меня бгомолца вашего* [ГАРО, 660: 3: 43: 2].

М.А. Гадолина считает: «В XVI–XVII вв. новая форма родительного-винительного падежа личных и возвратного местоимений становится единственно употребительной в языке деловой письменности и преобладающей в языке литературных памятников» [Гадолина 1954: 45].

Незначительное количество форм на *-е* родительного-винительного падежа личных местоимений в рязанских памятниках деловой письменности XVIII в. еще не доказывает исчезновения этих форм в устной речи, тем более что в современных рязанских говорах флексия *-е* явно преобладает («Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», карта № 129).

Преобладание написаний рассматриваемых форм с *-я* в исследованных текстах объясняется, по-видимому, влиянием норм московского приказного языка.

Вопрос об окончании родительного-винительного падежа единственного числа личных местоимений представляет лишь одну из сторон общей проблемы истории личных местоимений. Не менее интересным является вопрос о качестве корневого гласного в формах дательного-местного падежей местоимений второго лица. Формы с корневым *о* являлись в русском языке исконными. По мнению большинства исследователей (А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Н.Н. Дурново), эти формы существовали в нем с древнейшего времени и, вполне возможно, восходили к общеславянской эпохе [Шахматов 1910–1911: 227].

В исследованных нами документах обнаружены следующие формы с корневым *о*: *тоб# взят у меня под закладъ* [ГАРО, 660: 2: 57: 9 об.], *как де будетъ в томъ разбое удача тоб# не забыт и Кречетова* [ГАРО, 660: 2: 52: 53 об.].

Господствующими же в дательном-предложном падеже у местоимений 2-го лица единственного числа является форма *тебе*: *теб# де попрежнему хочетца челобитьем* бить [ГАРО, 660: 2: 34: 18 об.], *записыват теб# в книгу* [ГАРО, 660: 3: 59: 3 об.].

Появление *теб#* вместо *тоб#* можно объяснить и как заимствование из старославянского языка, и как результат фонетического изменения *o > e* в силу действия межслоговой ассимиляции. Видимо, здесь сыграли роль несколько причин, в том числе и то, «что, вероятно, некоторые русские диалекты имели и сохраняли общеславянскую форму *теб#* на всем протяжении своей истории» [Иванов 1980: 281]. Считалось, что в памятниках письменности до XVII в. преобладали формы с корневым *o*, к XVII в. они выходят из употребления [Гадолина 1954: 48]. Это заключение было сделано без учета южновеликорусских данных. В рязанских текстах XVII в. представлены не только формы с *e*, но и с *o* в основе [Галкина 1960: 18].

Материалы современных рязанских говоров подкрепляют наше предположение о том, что формы личных местоимений с корневым *o* в дательном-предложном падежах были свойственны говору рязанцев указанного периода. М.А. Гадолина отмечает, что территория распространения указанных форм включает сплошным массивом центральные и западные районы Рязанской области [Гадолина 1954: 69]. Данные «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» не противоречат этому выводу (карта № 130).

Особый интерес среди личных местоимений представляет форма винительного-родительного падежа единственного числа женского рода, выступающая также и в роли притяжательного местоимения, которая в рязанских деловых документах XVIII в. представлена двумя вариантами – *ее* (*e#*) и *ея*: *просить будет крестьянина ея* [ГАРО, 660: 3: 32: 4 об.], *прожиточное ея пом#стье* [ГАРО, 660: 1: 53: 2 об.], *мца с три поживь от нея бежал* [ГАРО, 660: 2: 47: 102], *когда госпожа поест т#хъ блиновъ то до нея будетъ дабра* [ГАРО, 660: 2: 72: 3], *члвкъ ея Иванъ Сафроновъ* [ГАРО, 660: 2: 38: 1 об.]; *мужь е# остался въ живь* [ГАРО, 660: 2: 11: 39 об.], *крестьяне е# племянника* [ГАРО, 660: 3: 34: 57], *в вотчине е#* [ГАРО, 660: 2: 20: 7].

В рязанских деловых текстах формы *ее* (*e#*) и *ея* встречаются с одинаковой частотой и чаще всего без стилистических различий. Лишь в отдельных случаях, в частности в наименовании императорского титула, обязательной становится форма *ея* (*e#*): *указ ея величества* [ГАРО, 660: 3: 24: 5], *по указом ея императорскаго величества* [ГАРО, 660: 3: 38: 6], *указь ея императорскаго величества самодержицы всеросиискя* [ГАРО, 660: 3: 39: 2].

Местоимение 3-го лица множественного числа представлено двумя формами – *они* и *оне* (*он#*), причем последняя встречается реже и ее употребление не зависит от рода существительных, которые заменяются дан-

ным местоимением. По наблюдениям Г.С. Галкиной, в XVII в. вариант *оне* был более распространен, чем *они* [Галкина 1960: 26].

В XVIII в. употребительность варианта *оне* уменьшается (32 % случаев употребления): *а как оне стали противитя* [ГАРО, 660: 2: 38: 1], *котораго и ждали оне в тотъ день* [ГАРО, 660: 3: 31: 162], *и будто показывали оне то из подобоострастия* [ГАРО, 660: 3: 31: 131].

Более распространен в рязанских деловых текстах XVIII в. вариант *они*: *агонь положили они подле господскихъ харом* [ГАРО, 660: 2: 37: 7 об.], *и они более сиыхъ трехъ возъ сена не крали* [ГАРО, 660: 2: 8: 18], *и пахали де оне в три сахи* [ГАРО, 660: 2: 31: 14 об.].

По мнению Ф.П. Филина, деловая речь близка разговорной русской речи. И хотя, по его словам, «подлинные речевые выражения прорываются сквозь письменный языковой штамп лишь изредка, время от времени» [Филин 1981: 91], но, как замечает М.А. Соколова, именно в памятниках деловой письменности «ярче и выразительнее проявляется живой язык той или иной эпохи». Деловая речь была тем типом речи, который отражал в письменности явления, создаваемые и развивающиеся в устах его носителей [Соколова 1957: 4]. Она была «ориентирована на живую речь великорусов» [Хабургаев 1980: 179]. На необходимость увеличения источниковедческой базы за счет локальной деловой письменности указывали многие современные исследователи. По мнению С.И. Коткова, в трудах по истории русского языка пока не получила должного развития дифференциация литературно-письменного языка и народно-разговорного, что в немалой степени предрешалось и слабым изучением памятников второго и тем, что многие подобные тексты (сравнительно позднего времени) еще не введены в научный оборот. «Исследование текстов, язык которых предположительно близок к народно-разговорному, – актуальная задача современной науки» [Котков 1968: 4].

Источники

ГАРО – Государственный архив Рязанской области. Ф. 660. Дела Рязанской уголовной палаты [Текст].

Литература

Гадолина, М.А. К истории некоторых форм личных и возвратного местоимений в русском языке XIII–XVII вв. [Текст] // Тр. Ин-та языкознания Акад. наук СССР. – Т. V. – М., 1954. – С. 34–79.

Галкина, Г.С. Язык рязанских деловых документов XVII–XVIII вв. [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1960.

Иванов, В.В. Историческая грамматика [Текст]. – М., 1990.

Котков, С.И. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. [Текст]. – М., 1968.

Соколова, М.А. Очерки по языку деловых памятников XVII в. [Текст]. – Л., 1957.

Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка [Текст]. – М., 1981.

Хабургаев, Г.А. Становление русского языка [Текст] : пособие по ист. грамматике. – М., 1980.

Шахматов, А.А. Курс истории русского языка. – СПб., 1910–1911. – Т. I.

А.А. Дудин
(Рязань)

**И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРОВ: ЗАМЕТКИ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ**
(лексикографические материалы М.Н. Макарова)

Деятельность И.И. Срезневского во многом предопределила основные направления развития русской диалектологии. Особое место в научных занятиях Измаила Ивановича занимала диалектная лексикография. Ученому принадлежит важная роль в создании первого академического сводного словаря русских народных говоров – «Опыт областного великорусского словаря». И.И. Срезневский составил программу словаря, подготовил пятую часть материала, постоянно участвовал в заседаниях Отделения русского языка и словесности Академии наук, на которых обсуждались словарные материалы. Связаны со Срезневским и другие диалектологические начинания Академии (подробнее см.: [Балахонова 1961; 1966]; славянская диалектология: [Толстой 1981]).

И.И. Срезневский стоял у истоков научной критики собранных к середине XIX в. областных речений и их лексикографической обработки. В предисловии к «Опыту областного великорусского словаря» указывалось: «Издаваемый словарь областных русских словъ, заключающий въ себѣ 18 011 реченій, есть только опытъ, который постепенно будетъ дополняемъ и совершенствуемъ» [Опыт 1852: I–II]. Однако позднее Измаил Иванович отходит от занятий диалектологией и посвящает себя преимущественно изучению памятников древней письменности. Наш доклад посвящен важному источниковедческому вопросу русской диалектной лексикографии, при начале разрешения которого стоял И.И. Срезневский: вопросу достоверности и научной критики диалектологических материалов, накопленных на раннем этапе развития русской филологической науки.

Одним из первых, кто начал изучать историю и культуру Рязанской земли, был М.Н. Макаров (1785–1847), которому особенно интересна была народная словесность, поскольку он имел проявленную еще в юности склон-

ность к литературному труду. В 20–40-е гг. XIX в. М.Н. Макаров публиковал материалы по русской диалектологии; ряд наблюдений содержится в его историко-литературных статьях. Итогом работы ученого по собиранию и толкованию слов народного языка стал «Опыт русского простонародного словотолковника» – первая попытка составить сводный словарь русских народных говоров. «Опыт» печатался в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» в 1846–1848 гг. Публикация прекратилась по смерти М.Н. Макарова, охватив более трех тысяч слов от А до Н включительно.

М.Н. Макаров внес значительный вклад в русскую филологию. Однако, в силу состояния историко-филологической науки первой трети XIX столетия и в силу некоторых особенностей личности самого исследователя, вклад этот неоднозначен. Особенно внимательно нужно относиться к лексике, связанной с разъяснениями топонимов. Так, очевидно, придумано М.Н. Макаровым рязанское слово *коломень*, на что уже указывал И.Г. Добродомов в связи с этимологией имени *Коломна* [Добродомов 1993: 61–64]. История такова. В Отечественную войну польский медик Гайзлер попал в русский плен и, живя в Рязанской губернии в 1812–1813 гг., заинтересовался русским народным языком. В 1814 г. Гайзлера вместе с другими польскими подданными отправили на Кавказ, однако позже М.Н. Макаров успешно ходатайствовал о возвращении «своего приятеля». Впоследствии Гайзлер писал Макарову: «Прогоняемый через *Колитву*, въ досужий часъ я подслушалъ у здѣшнихъ посельцевъ много словъ Литовскихъ, замѣтилъ я *туточко* также многое множество и Литовскихъ обычаевъ, *измѣненныхъ*, порусѣвшихъ, но все еще ярко видныхъ. <...> Этого довольно, подумалъ я, *Колитва* – околь-Литва?...» [Макаров 1846: 41]. После цитаты из письма М.Н. Макаров продолжает: «Такъ или не такъ; но намъ съ Гайзлеромъ очень нуженъ былъ *околь*, о которомъ в названіи *Колитва* именно есть намѣки, точно также, какъ и въ словѣ *колоколь*, которое объясняетъ Гайзлеръ, какъ *колооколь*, вещь, устроенную для позыва людскаго къ чему либо по всему *околу*, и проч. Въ названіи *Колуга* медикъ мой находитъ *окололужье*, то есть, поселокъ при *лугѣ* или при *луже*; в *Колязинѣ* – *колоязье*, в *Коломнѣ* – *Коло-мень*, ближайшее или сосѣднее (что либо) *ко мнѣ* (*ко мени?*), къ извѣстному мѣсту и проч., и проч.» [Макаров 1846: 41–42]. В «Опыте русского простонародного словотолковника», напечатанном через год после цитированной статьи, читаем: «*Коломень* (*Ряз.<анское> стар.<инное>*), ближайшій округъ, *околомень*, подлѣ. Вотъ гдѣ кажется значеніе нашей *Коломны*» [Макаров, Опыт: 122]. Таким образом, в своем словаре М.Н. Макаров не стал упоминать этимологические упражнения польского медика Гайзлера, изменил толкование слова и добавил лексикографическую помету «старинное», «то есть, такое, которое и въ самой области своей, замѣняясь другим, почти вышло изъ употребленія и уже кое-какъ только доживаетъ въкъ свой на языкѣ однихъ самыхъ прѣстарѣлыхъ людей своей отчизны» [Макаров, Опыт: III]. В итоге псевдодиалектизм *коломень* попал в словарь В.И. Даля [Даль¹, II: 749; Даль², II: 139; Даль³, II:

348], в «Словарь русских народных говоров» [СРНГ 1965–2011, 14: 170], в «Этимологический словарь славянских языков» (праслав. **kolome/-mene*, с вопросом) [ЭССЯ 1974–2011, 10: 146].

Еще одним словом, появившимся в результате объяснения топонима, следует считать якобы рязанский диалектизм *вышгородь*, созданный по образцу *изгородь*, *загородь* в связи с древним именем *Вышгород*. В «Опыте русского простонародного словотолковника» читаем: «*Вышгородь* (Ряз. м#стн.), *горная* огородка, пригонь для стада, или табуна, *огороженной на гор#*, на возвышенности» [Макаров, Опыт: 50]. Помету «местное» Макаров определяет так: «м#стное, то есть, *въ одномъ* только какомъ нибудь м#ст# употребляемое, а не по ц#лой области» [Макаров, Опыт: III]. М.Н. Макаров считал что выгон – место, загородка, где пасется скот – являлся «местом для распространения поселений» [Макаров 1826: 148]. В 1847 г. «Рязанские губернские ведомости» напечатали список местных слов, составленный редактором газеты, любителем старины и народной жизни А.И. Пискаревым, – «Слова и выражения рязанского простонародья». Значительная часть лексики была заимствована им из «Опыта простонародного словотолковника» М.Н. Макарова, в том числе и слово *вышгородь*, помещенное в списке с толкованием «огородка на гор# для пригона стада или табуна» [Пискарев 1847: 147]. Из губернской газеты слово перешло в «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» 1858 г. с точным воспроизведением толкования, но с ошибкой в написании – с конечным ером: «ВЫШГОРОДЪ, а, с. м. Огородка на гор# для пригона стада или табуна. Ряз.» [Доп. Опыт 1858: 30]. Именно с твердым согласным и в мужском роде слово появляется в «Словаре русских народных говоров»: «Вышгород, а, м. Загородка на горе для стада коров или табуна лошадей. Ряз., 1847» [СРНГ 1965–2011, 6: 59]. Заметим, что дата относится к источнику *вышгородь*, а не к «Дополнению» 1858 г. В.И. Даль распространил толкование, придав ему тем самым вид независимой фиксации: «Вышгородъ ж. ряз. варокъ, базъ, базокъ, загородъ на пригорк# для скота, на л#тнее время, от мухъ» [Даль¹, I: 289; Даль², I: 335; Даль³, I: 801]. Хотя в то же время В.И. Даль писал составителям «Опыта областного великорусского словаря»: «Много словъ, и, кажется, не мен#е того прим#ров р#чи, взятые отъ покойника Макарова. Это, /к сожал#нiю/, поручитель самый не надежный; имъ нельзя заимствоваться, безъ самой строгой пов#рки. <...> Макаровъ сочинял слова и придумываль имъ небывалое употребленiе. Он взяль /этим/ много гр#ха на душу» [Даль 1850: 1 об.].

Некоторые лексикографические недоразумения возникают вследствие случайной технической оплошности и, несомненно, должны быть исправлены. «Опыт русского простонародного словотолковника» М.Н. Макарова содержит отдельные словарные статьи *выть*: «*Выть* (Ряз. и Влд.), часть, доля», «*Выть* (Ряз.), загородка, дворъ, селенiе» [Макаров, Опыт: 50]. А.И. Пискарев в материалах для «Рязанских губернских ведомостей» объединил две статьи источника, затем в типографии ошибся наборщик,

вследствие чего появилось призрачное слово *вышь* со значением «часть, доля, иногда загородка, дворъ» [Пискарев 1847: 147]. Очевидная при сверке с источником опечатка из рязанских газеты перешла в «Дополнение Опыт областного великорусского словаря» 1858 г.: «ВЫШЬ, и, с. ж. 1) Часть, доля. 2) Загородка, дворъ. Ряз.» [Доп. Опыт 1858: 30]. В «Словаре русских народных говоров» находим уже два омонима *вышь*: «Часть, доля. Ряз., 1847», «Загородка; двор. Ряз., 1847» [СРНГ 1965–2011, 6: 63]. К тому же в последнем призрачном слове составители увидели корень *-выс-* и поместили его в соответствующую статью: первое значение диалектного *вышь* – ‘высота, вышина’ (фиксации в костромских, владимирских, новгородских, калужских и др. говорах); второе – ‘пространство между потолком и кровлей избы’ – слово зафиксировано единожды в воронежских говорах в 1927 г.; третье – наше ‘загородка; двор’ [СРНГ 1965–2011, 6: 63].

Итак, изучение и научная критика старых печатных и архивных источников по русской диалектологии принадлежит не только к истории науки, но и является важной задачей современной лингвистики. Необходим исчерпывающий источниковедческий анализ лексикографической преемственности диалектных гапаксов и сомнительных слов. Псевдодиалектизмы и призрачные слова содержит и изданный при участии И.И. Срезневского «Опыт областного великорусского словаря» с «Дополнением», и словарь В.И. Даля, и академический сводный «Словарь русских народных говоров». Выявление и исправление таких случаев послужит к пользе для русской лексикографии.

Словари и источники

Даль^{1–3} – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – М., 1863–1866 ; 2-е изд. – СПб. ; М., 1880–1882 ; 3-е изд. – СПб. ; М., 1903–1909.

Доп. Опыт 1858 – Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» [Текст]. – СПб., 1858.

Макаров 1826 – Макаров, М.Н. Несколько слов особенных, употребляемых в разных областях России [Текст] // Вестн. Европы. – 1826. – № 21, 22. – Ноябрь. – С. 143–148.

Макаров 1846 – Макаров, М.Н. Несколько историко-филологических заметок к словарю г. Линде по букве К [Текст] // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1846. – № 4. – Отд. 4. – С. 37–42.

Макаров, Опыт – Макаров, М.Н. Опыт русского простонародного слово-толковника [Текст]. – [Б. г. : б. м.] [= Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1846. – № 3. – Отд. IV. – С. 24–43 ; 1847. – № 1. – Отд. IV. – С. 1–19 ; № 2. – Отд. IV. – С. 33–38 ; № 3. – Отд. IV. – С. 89–112 ; № 4. – Отд. IV. – С. 143–154 ; № 6. – Отд. IV. – С. 1–24 ; № 7. – Отд. IV. – С. 17–27 ; № 9. – Отд. IV. – С. 1–21 ; 1848. – № 5. – Отд. IV. – С. 145–159 ; № 9. – Отд. IV. – С. 267–295].

- Опыт 1852 – Опыт областного великорусского словаря [Текст]. – СПб., 1852.
- Пискарев 1847 – Пискарев, А.И. Слова и выражения рязанского простонародья [Текст] // Ряз. губерн. ведомости: Неофициальная часть. – 1847. – № 29. – 19 июля. – С. 145–149 ; № 30. – 26 июля. – С. 149–152.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. – М. ; Л. ; СПб., 1965–2011. – Вып. 1–44 : А–Транба.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков [Текст]. – М., 1974–2011. – Вып. 1–37.
- Даль 1850 – [Даль, В.И.] Черновик письма Даля Вл. Ив. к Давыдову И.И., 24 сентября 1850 г. [Электронный ресурс] // ИРЛИ, 27444/СХСVI613. – Режим доступа : <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vidahl/dahllet/letdav.htm>

Литература

- Балахонова, Л.И. История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему [Текст] // История русской диалектологии. – М., 1961. – С. 98–125.
- Балахонова, Л.И. И.И. Срезневский как диалектолог [Текст] // Лексика русских народных говоров. – М. ; Л., 1966. – С. 192–214.
- Добродомов, И.Г. Город Коломна (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) [Текст] // Топонимия России. – М., 1993. – С. 55–73.
- Толстой, Н.И. И.И. Срезневский – диалектолог [Текст] // Из истории славяноведения в России : учен. зап. Тартус. гос. ун-та. – Вып. 573 : Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 1981. – С. 27–45.
- Толстой, Н.И. Избранные труды. – Т. 3 : Очерки по славянскому языкознанию. – М., 1999. – С. 267–284.

О.Ф. Жолобов
(Казань)

К ИСТОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ И СПРЯЖЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Академическое монографическое исследование по истории русского глагола увидело свет в 1982 г. [Глагол 1982] и получило резкие критические оценки рецензентов (см. [Martí 1984: 70]). С тех пор аналогичных масштабных работ по данной тематике не предпринималось. Одной из причин сложившегося положения вещей является неполнота историко-лингвистических данных. Успешным изучение динамики глагольных форм и выражаемых ими грамматических категорий, как нам представляется, может стать лишь при опоре на анализ новых больших массивов данных при совмещении его с корпусным подходом и электронными технологиями. Новые результаты могут быть получены в русле такого научного направления, как лингвистическое источниковедение, что было в свое время блестяще продемонстрировано И.И. Срезневским. Наиболее отчетливо ре-

чевые инновации, как, впрочем, и глубокие архаизмы, проявляют себя при сравнении разновременных и диалектно расходящихся списков рукописных книг общего происхождения. В настоящее время издания письменных памятников в основе своей ориентированы на текстологическое измерение и сосредоточены на лексических различиях, в то время как все иные расхождения между источниками часто признаются второстепенными и опускаются. И.И. Срезневский справедливо усматривал в анализе всех типов различий наиболее объективный критерий в воссоздании картины эволюции и самого письма, и книжной нормы, и грамматических поновлений (см. его наблюдения над списками поучений Ефрема Сирина [Срезневский 1867: 27–81]).

Готовя к изданию Паренесис Ефрема Сирина по четырем древнерусским спискам XIII–XIV вв. разной диалектной принадлежности, мы лишний раз убедились в том, насколько продуктивной является для палеорусистики опора на большие текстовые массивы общего происхождения и сплошную выборку словоформ. Так, в рукописях обнаружено довольно значительное количество словоформ 3 л. ед. и мн. презенса или футурума с так называемым нулевым окончанием (без флективного /-t/). Поскольку многочисленные примеры вариативности нулевых и ненулевых словоформ представлены только в древнерусских источниках, появляется возможность в ходе изучения их расширенного круга прояснить истоки и функциональный характер вариативности в презенсе и футуруме. В современных славянских языках наблюдаются полярные типы эволюционного развития – отсутствие флективного /-t/ в презенсе и футуруме в большинстве славянских языков и, напротив, отсутствие словоформ на /-t/ в русской литературной норме.

Детальное лингвистическое описание свыше девяти сот берестяных грамот, проведенное А.А. Зализняком [Зализняк 2004: 137–138 и др.], показало, что в ранних берестяных грамотах нулевые словоформы презенса выступают наравне с вариантом на -nt. Отсюда следует закономерный вывод, что нулевые словоформы презенса являются праславянским архаизмом. Таким образом, проясняется генезис нулевых словоформ в славянских языках в целом. Они распространились в результате обобщения одного из двух вариантов словоформ, которые существовали в языке-предке.

А.А. Зализняк установил, что в придаточных предложениях, выражающих условие или цель, в ранних берестяных грамотах в 3 л. ед. числа используются почти исключительно нулевые словоформы, тогда как в главных или простых предложениях нулевые и ненулевые словоформы представлены примерно поровну. Из этого наблюдения был сделан следующий вывод: сочетание двух факторов – употребление нулевых словоформ во всех лескиновских классах глаголов, с одной стороны, и функционально-смысловая их обусловленность, с другой стороны, позволяют говорить о данных словоформах не только как о праславянском архаизме, но и как о древненовгородском диалектизме. Кроме того, А.А. Зализняк считает привлекательной гипотезу об индоевропейском источнике нулевых слово-

форм, согласно которой славянские нулевые словоформы презенса восходят к индоевропейским формам инъюнктива. Нужно заметить, что первым это предположение выдвинул еще Ф.Ф. Фортунатов [Фортунатов 1908: 28–30] в статье «Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов», опубликованной в 1908 г. Он связал славянские нулевые словоформы с индоевропейскими формами на -t, которые выражали не значение времени, а значение особого наклонения. Фортунатов не указал, о каком именно наклонении идет речь. В новых исследованиях по индоевропеистике ведийские формы на -t без аугмента связываются с особым косвенным наклонением – инъюнктивом. Отсутствие аугмента указывает на то, что они выражали не значение прошедшего времени, а имели другую функцию и передавали разнообразные модальные смысловые оттенки. Так, инъюнктив, согласно Т.Я. Елизаренковой [Елизаренкова 1982: 281–283], мог употребляться в значении общего презенса, а не презенса настоящего момента. При таком употреблении глагол обозначает действие, реальность которого не утверждается. Безусловно, такое значение роднит ведийский инъюнктив на -t с новгородскими нулевыми формами (-t отпал по закону открытого слога в позднепраславянский период). Чаще всего нулевые словоформы отмечаются в 3 л. ед. числа 1 спр., что также роднит их с индоевропейскими формами, потому что глаголы 2 спр. с тематическим гласным -i являются славянской инновацией. Кроме того, ведийский инъюнктив употреблялся в значении футурума с модальными оттенками, что также сближает его со славянскими нулевыми формами, среди которых много словоформ будущего времени, обозначающих нефактивное, потенциальное действие.

Тем не менее, вывод о нулевых словоформах презенса или футурума с потенциальным значением как о новгородском диалектизме нужно считать предварительным. Дело в том, что древнерусские источники другой территориальной принадлежности в связи с данной проблематикой не изучены. Мы попросту не располагаем в этом случае источниками, равноценными берестяным грамотам. Предварительным, по-видимому, является и заключение о связанности нулевых словоформ преимущественно с придаточными условия и цели, поскольку синтаксис берестяных грамот довольно единообразен.

Эту проблему помогло бы решить тщательное исследование древнерусских книжных источников разной территориальной принадлежности. Книжные источники содержат нулевые формы. В работах по исторической морфологии можно найти отдельные примеры таких форм, например, в «Лекциях» А.И. Соболевского [Соболевский 2004: 249] и монографии С.П. Обнорского [Обнорский 1953: 122–134], посвященной глаголу. Однако специально и детально эта тема на материале книжных текстов не изучалась.

Мы подробно рассмотрели употребление словоформ презенса-футурума в четырех древнерусских списках Поучений Ефрема Сирина. Сборник Поучений с греческим названием Паренэсис был переведен в Древней Болгарии, по-видимому, в первой половине X в. и использовался в великопостном богослужении. Сохранились старославянские глаголические ли-

стки с небольшим отрывком из Паренесиса. Самым ранним полным списком является древнерусский Погодинский список (П). Он датируется промежутком между 69 и 89 гг. XIII в. и был создан в юго-западной Руси, на Волыни. Типографский список (Т) датируется примерно тем же временем, однако является неполным. Он происходит из Новгорода. Академический список (А) создан в Переяславле Залесском в 1377 г., а Троицкий список (Тр) смешанной диалектной принадлежности датируется примерно серединой XIV в.

Все списки содержат индивидуальные чтения с нулевыми словоформами, когда в других списках представлены словоформы на -nm. Общих, протографических, чтений с нулевыми словоформами оказалось совсем немного. Их количество соответствует обычной, очень небольшой частотности в древне- и среднеболгарских рукописях. Ниже дан фрагмент по четырем спискам Паренесиса (соответствующие формы выделены подчеркиванием):

Погодинский список	Типографский список
yt gtxtnmc1 hjlj\vm yb d@omvb #@vkmy]s\vb gjv1y@nt cg ^ċ Ĵjd]s #fgj\d@lb b hf;xtnm l[=] cdjb d yb\ / b crth,m ghj;tytnm <u>ghb\bltnm</u> ,jk@#ym / hflE`nmc1\ 1rj ,kb#m `cnm d@ytwm <u>ghb\blt</u> jEy]sym`Ã ghb`vktm\ 8 ,f= nthg@ym` <u>ghbblt</u> not\nf #@vkmyflÃ / gjvzytnm\ ly ^{c+} m rjyxfym`Ã 1Ãrj dc1 #lt\ 7ÃcnfyEnm / cnE;tyj ,]s ^ċ Ĵ `ÃvE\ 8 #kjcnhflfym1Ã gjvzytnm\ ujh@cnm vExyE.Ã / <u>ghbblt</u> rktdnf gjvlytnm 1Ãrj ,kb\#m `cnm 7Ãghfdlfym`-uj b yt\ nthgbnm / <u>ghbblt</u> ljcf;@ym` b vEr]s / gjvzy@nt 1rj\ 7Ãuytvm [jotnm ghjbnb cb\ lfjhd ,ku=lfnyb ,]sdf.Ãnm\ ghfdj hf,jnf.obv] u ^ċ Ĵdb 259r7-260a6	yt gtxtnm\cz h]l]vm yb dtomvb #\vktySvb gjvzytnm #f\gjd@lb cg=cjdS bÑ hf;lm\;tnm l[=] cdjbÑ d” yb[]\ bÑ cr]h,m ghj;tytnm <u>ghb\lt</u> gk]nmcrlÑ ,jk@#ym\ bÑ hfljE`Ñnmcz 1Ñrj ,kb\# `Ñcnm d@ymwm <u>ghblt</u> jEyS`Ñ [так] ghb`Ñvktm jn]\ ,f= nmhg@yb`Ñ <u>ghbltnm</u> \ n]otnf #tvkmyflÑ gjvzytnm ly=m rjymxyS\bÑ 1Ñrj dmcz cmlt jcnfyjE\nm c]njE;ty] ,Scnm `Ñ\vjE jn] #]kjcnhfcb1Ñ\ gjvzytnm ujhtcnm vjE\xmyjE.Ñ <u>ghblt</u> rktdnf\ gjvzytnm 1rj ,kb#\ `Ñcnm jghfdlf1ÑbÑ `uj bÑ\ nmhgbnm <u>ghblt</u> ljcf;t\yb` vjErS gjvzytnm\ cnhfcnb cg=cjdS <u>ghb\lt</u> dScjxtvjElhb`Ñ gj\vytnm 1Ñrj juymvm\ [jnznm dcz bÑcrjEityf\ ,Snb cb lfjhdm ,ku=j]l@nmyb ,Sdf.Ñnm ghz\vm hf,jnf.Ñobv] ud=s 131626-131b28

Троицкий список	Академический список
yt gtxtncz hjlj\vm yb dtomvb #\vySvb gjvzyt\nm #fgjd@lb cgc=jdS bÑ\ hf;lt;tnm l[=] cdjbÃ\ d yb[] b crjh,m ghj;t\ytnm <u>ghbltnm</u> gk]nmcrlÃ ,jk@#ym bÃ	yt gt\xtncz hjljvm yb dtom\vb #tvySvb / gjvz\ytnm #fgjd@lb cgc=jdS\ b hf;m;tnm l[=] cdjq 7\ yb[] crjh,m ghj;tyt\nm / <u>ghbltnm</u> gk]nmcrl ,jk@#ym / q hflE`nmcz\ 1rj ,kb#m `cnm

<p>hf\lE`Ãnmcz 1rj ,kb#m\ `Ãcnm d@ytwm ghblt\nm jEySyq` ghb`vkt\nm 8 ,f= nthg@yq` ghbb\ltnm notnf #tvkmyf\lÃ gjevzytnm ly=m rj\ytxySbÃ lÃrj dcz cl@\ µÑcnfyEnm cnE;tyj ^ ,S^{ct} `ÃvE 8 #kjenh^{ct}nm1\ gjevzytnm ujhtcnm\ vExtyE.Ã ghbltnm\ rkttdnf gjevzyt\nm 1rj ,kb#m `Ãcnm µÑ\ghfdlflb `uj Ìb% nt\hgbnm ghblt ljcf\cf;tym`Ã [так] b vErb gjevzytnm cnh^{ct}nb cgc=jdS \ ghblt dScjxtvElhm`Ã gjevzytnm 1rj µÑ\uytvm [jnznm dcz\ bcrEityf ,Snb\ cb lfjhd ,ku⁺nmyb\ ,Sdf.nm ghtl yb\vm hf,jnf.Ãobv\ u^{ct}db 165a28–165B3</p>	<p>d@ytwm\ ghblt jEySym` / ghb`vktnm 8 ,f= nthg@ym` ghblt notnf #tvyfl ^ gjevzytnm ly=m rjxySbÃ [так] ^ 1rj dcz #l@ 7cnfyE\nm/ cnE;tyj ,S^{ct} `vE\ 8 #kjenhfcnb1 / gjevzytnm ujhtcnm vExmyE. ^ ghblt rkttdnf gjevzytnm 1rj ,kb#m `cnm 7\ghfdlflbÃ `uj / q nthgb\nm / ghblt ljcf;tyb` ^ b vErb gjevzytnm \ cnh^{ct}nb cgc=jdS / ghblt\ dScjxtvElhm` / gjevzytnm / 1rj 7uytvm [jnznm dcz bÃcrEityf\ ,Snb / cb lfjhd ,ku=j\ghb1nyb ,Sdf.nm ^ ghzvm hf,jnf.ot u^{ct}db 172B1–29</p>
---	---

В двух списках – Погодинском и Академическом – словоформа *при(и)деть* открывает цепь повторяющихся словоформ, затем сменяясь нулевой словоформой *при(и)де*. Именно такое распределение словоформ – ghbltnm... ghblt... ghblt – по-видимому, является архетипическим. Оно совпадает с предполагаемой в индоевропейском дистрибуцией собственно индикативных и инъюнктивных словоформ, соотносительной со схемой *ti...t...t...* [Семереньи 1980: 281].

В древнеславянском отрывке категориальное ослабление и предпочтительность неопределенных словоформ без -nm (< *-t) поддерживались не просто повторением однородных словоформ, а цепью словоформ одного и того же слова – *приити*. Однако в приведенном выше фрагменте много однородных словоформ на -ть, среди которых есть и другие повторяющиеся лексемы, но нулевое оформление получает только один глагол. Причина этого кроется в семантико-синтаксической позиции данного глагола. Действительно, весь отрывок, по существу, складывается из попарно семантически связанных предикативных групп, а словоформа *при(и)де(ть)* входит в каждую из этих соотносительных предикативных пар. В первой предикативной части каждой группы с помощью *при(и)де* обозначается некое возможное и типизированное событие, а в предикативном продолжении указывается обусловленная им «духовная» реакция: **придет** уныние – **приемлет** от Бога терпение; **придет** земная суета – **вспомнит** день последний; **придет** досаждение – **вспомнит** муки и страсти Спасовы и т.п. Словоформа *при(и)де* в отрывке и связывает текст, и членит его на полипредикативные группы с морфологически однородными и семантически соотносительными предикатами.

Индивидуальные разночтения с нулевыми словоформами, таким образом, имеют древнерусское происхождение. Если в северо-восточном

Академическом списке нулевых словоформ чрезвычайно мало, то в волынском Погодинском и новгородском Типографском списках нулевых словоформ довольно много, если иметь в виду их жанрово-стилистическую природу. Как известно, книжная норма требовала использования ненулевых словоформ. Частотность нулевых словоформ в волынском и новгородском списках соотносительна, если учитывать то, что новгородский список является неполным. Троицкий список в этом отношении занимает промежуточное положение, что может свидетельствовать о его западнорусском диалектном характере. Ниже дается абсолютное и относительное количество нулевых словоформ в каждой древнерусской рукописи по морфологическим разновидностям (первая цифра – абсолютное количество, вторая – процентное отношение к количеству нулевых словоформ в рукописи, третья – процентное отношение к количеству нулевых словоформ во всех рукописях; протографические словоформы не рассматриваются; найдены и учтены новые нулевые словоформы сравнительно с публикацией [Жолобов 2012]):

Списки	I спр. ед. ч.	II спр. ед. ч.	Мн. ч.	Атемат. спр. (ед. и мн. ч.)	
				ед. ч.	мн. ч.
П	20,61 %, 27 %	8,24 %, 11 %	2,6 %, 3 %	2,6 %, 3 %	1,3 %, 1 %
Т	11,50 %, 15%	4,18 %, 5 %	6,27 %, 8 %	0	1,5 %, 1 %
Тр	8,50 %, 11 %	5,31 %, 7 %	3,19 %, 4 %	0	0
А	1,33 %, 1 %	1,33 %, 1 %	0	1,33 %, 1 %	0

В списках отмечаются нулевые словоформы в 3 л. ед. и мн. числа всех глагольных классов, хотя словоформы 3 л. ед. числа, как и в берестяных грамотах, здесь преобладают. Таким образом, нулевые словоформы имели широкую диалектную базу и не были ограничены новгородским регионом (подробнее см. [Жолобов 2012]).

Вариативность словоформ на *-ть* и нуль носит мотивированный семантико-синтаксический характер, что также сближает их с данными берестяной письменности. Нулевые словоформы связаны, как правило, с так называемым общим презенсом или футурумом с нефактивным или потенциальным значением. Наибольшее количество нулевых словоформ наблюдается в полипредикативных цепях с однородными сказуемыми или с морфологически однотипными сказуемыми в сложных предложениях, когда выражаются отношения взаимосвязи или обусловленности предикативных обозначений. Далее приводятся типичные примеры употребления в разных списках:

vjkbv] lf y]s\ b#,fdbnm nmv]s\ 7Äyj1 b crhm;mnf\ #E,myfuj / b lf b\ cgjlj,b	vjkbv]] lf\ yS b#,fdbnm nmvS 7yj\1Ñ b crhm;mnf #jE,myfu ⁺ \ b lf cgjlj,bnm yS
--	--

<p>wh^ĉIndb.\ y,=cyjvE П, 19668–13;</p> <p>[fhnb\ ,j ,jErjdfvb bcnz#jE`nm ljk];tyjE. kb[djE yf\ kb[djE cjrjdbot ;t\ ,ku=j @nb ,;=b1 jEvyj\;b vt#ljE vjkt,tyjE. Т, 70a15–20;</p> <p>#@kj ,j hf\IE`ncz ,]= μÃ rf.ob\ cz bÃ ghb`vkt d] ckfcnm bcgid@lfyb` yfit Тр, 13565–9;</p>	<p>w^ĉhmcNdb\ cdj`vjE Т, 82r10–14; lf <u>cgj\lj.bn</u> yS Тр, 114r32–33; lf <u>cgilj,bnm</u> yS A, 130a1–3;</p> <p>[fhfnml ,j ckjdS bcnz#f nm ljk;yE. kb[dE\ yf kb[dE / crhjdbot ,ku=j\lfnb ,;=b1 jEvyj;bnm\ vm#IE vjkt,yE. b vj\kbnntyE.Ñ Тр, 105a16–21; jEvyj;bnm\ vm#IE vjkt,yj. b\ vk^ĉIndmyj. П, 177618–20; jEvyj;bnm\ vm#IE A, 119a16–17;</p> <p>#@kj ,j hfljE`nmcz ,]= yfim j rf.ÑobbÑ\ cz bÑ <u>ghb`Ñvktnm</u> d] ckfcnm bÑcgid@lfyb`Ñ yfit Т, 104618–21; <u>ghb`vktnm</u> П, 22463; <u>ghb`vktnm</u> A, 147a13; b <u>ghb`vktnm</u> d] ckfcnm СбТр XII/XIII, 60 об. (Слово 82 Паренесиса Ефрема Сирина включено в данный сборник)</p>
---	--

Придаточные условные и целевые являются в этом отношении частным случаем. Сходные синтаксические условия употребления имел индоевропейский инъюнктив. Таким образом, и в формальном, и в семантико-семантическом плане древнерусские нулевые словоформы допустимо считать индоевропейским архаизмом – таким же, как, например, ѱ- и ѿ-основы, аорист, двойственное число и девятичный счет.

Показательным является употребление вариативных словоформ 3 л. ед. и мн. презенса и футурума в Пандектах Антиоха по спискам XI и XII/XIII вв. Сорок девять Слов из 130 Слов Пандектов Антиоха вошли в состав СбТр XII/XIII (о стратегии компиляции в СбТр XII/XIII см. [Жолобов, Паймина 2012]). В сравнении источников очень важно то, что ПА XI и СбТр XII/XIII рассматривается как древнейшая славянская антиграфическо-апографическая пара (см. [Popovski, Thomson, Veder 1988: 5]).

Неопределенные, нулевые формы антиграфа могут воспроизводиться и в апографе. Например:

ПА XI	СбТр XII/XIII
<p>k.,z2 ,0 ,t#vk]\dmt 2 ,t#,kf#m\y0vm 0Ev0vm [0\`nz gh2,k2;2n2\` cz ,#=@ yt [0ot dm\ctvm ,tc@l0dfn2\ y2 c] w@vm;t 8yZlm c]dhmit\y]2[] ;t v@hf c2 tcnm 0EvhmNd2\d]i2[] cz vbh0E 220b – c;</p>	<p>k.,z2 ,0 ,t#v]kd2`\ 2 ,t#,kf#ymy]vm ×Ev]vm [0nz gh2,k2;2N2\c1 ,=#@ yt [0ot dmctvm ,tc@l0dfn2 y2 c] w@vm];t 8y.lm c]dmhityS2[] ;t v2hf c2 `cnm ×E\vmhnd2d]i2[]c1 v2h0E 111 об.; 1r0 d0k] yf #fr0kty2` dtltnmcz 2\`</p>

1r0 d0k] yf\ #fr0kty2t dtlt\ n] cz 2 1r0 gm\c] yf Z#S yt d@\ 1r0 0 li=2 nt\ÿtN] 41b	1r0 gmc] yf 0E#S yt d@ 1r0 × li=2 nt\ÿtnm 150 об. – 151
---	--

Однако есть случаи, когда нулевые словоформы антиграфа правятся. Это доказывает, что они были известны переписчикам, но те вовсе не склонны были слепо их копировать. Например:

ПА XI	СБТР XII/XIII
1R0 0EYT T LF\ ,S RFV TYM YF DS\2 TUJ ;H]Y0DMY]2 G0\D@ITY] 2 DMDH]\;TY] D] V0HT YT\;T LF C],KF#Y2N]\ TL2YJ UJ VFKS2 []\ C2[] 44d; C]D@CNM ,0 NF2YFF YFIF 1R0;T C]D@L@N TKMCND0E` LF\DSL] UK=Z UM= C]D@CNM G0VS\IKTY21 XKC=RF 1R0 CZNM CZ`NM\YF 171b	1R0 0EY` `CNM LF\ ,S RFV TYM YF DS2 `U0 ;MHY0DMYS2 \ G0D@ITY] YT;T LF C],KF#Y2NM `L2\Y0U0 VFKS[] C2[] 154; C]D@CNM ,0 NF2YF1\ YFIF 1R0;T C]D@L@N TKMCND0E`NM\ LD=L] UK=1 U=M C]D@CNM G0VSIKTY2\1 ÿKD=ÿCRF 1R0 C0ENM C0E`NMYF 156 об.

Наконец, в СбТр XII/XIII обнаруживаются нулевые словоформы, которые заменили ненулевые словоформы ПА XI. Например:

ПА XI	СБТР XII/XIII
B\ C@V0 B 0YFV0 0,HF\INFZINF CZ ;M\ LZINF UJLF 1CN2\1FUJ 2 D]#]V]\ R]Y2US GJÿMNT\N] VFK0 2 GFRS\ G0K0; 2N] 1 65a; 2 GFRS [JOZ 0E,0 LF V0\K2NDZ ND0HZNM\ VZ; 2 YF D`C@[]\ V@CN@[] D]\#L@\$OT GH ^L ,YS\ HZRS ,T# UY@DF\ 2 G0VSIKTYM2 234a – b; 2\ CZLM1 NDJ1 CZL] GHFDMLTY]\ CZLZNM 2 LF YT\ GJ#YF\$NM KB\WF 2 VM#LS LF\ YT D]#MVJENM 158c	2 C@V0\ 2 0YFV0 7Ñ,HFOF.OTC1 ;ML0EOF U0\LF 1CN21FU0 2 D]#MV] RY2US G0\ÿMNT VFK0 2 GFRS G0K0;2NM 1 76; 2 GFRS [0N1O. 0E,0 LF VKN=D0E ND0H1 V0E;2 YF DC@[]\ V@CN@[] 2 D]#L@.OT GHG=L,YS H0ERS\ ,T# UY@DF 2 G0VSIKTY22 99 об.; 2 C0ELM1 ND01 C0EL] GHF\ DMLMY] C0ELZNM 2 LF YT G0#YF. K2WF 2 VM#LS LF\ YT D]#MV0ENM 138

В СбТр XII/XIII встречается источник более позднего русского *нет* < y@ n0E vs. y@cnm n0E, подтверждающего существование нулевых слово-

форм презенса в живой речи: f;t `cnm nz;t dctu0| 2;t 2otnm ;2n21 ctu0|\ f l0,hf yf y`vm y@ n0E 18 об.; dh@vz vfk0 `cnm| f c0E1] l0ku)\ 2 ,tc r0ymwz| r0ymY2yf ,k2#m 2 cnhf[] vy0u|] f\ 2#,fdk1.of y2r0u0;t y@ n0E 21 об.

Вариативность подобного типа в презенсе и футуруме проливает свет на происхождение и функционирование аналогичного явления в имперфекте, как, впрочем, и наоборот (vjkzit vs. vjkzitm; ytcz[0E vs. ytcz[0Enm и под.). Значение древнерусских письменных памятников здесь столь же велико, поскольку в инославянских источниках словоформы на /-t/ представлены лишь единичными примерами.

По подсчетам В.Г. Демьянова, только в Сказании о Борисе и Глебе и Житии Феодосия Печерского по Успенскому сборнику (СБУ XII/XIII) зафиксированы 34 словоформы имперфекта на -nm, в то время как в других частях Успенского сборника, превосходящих по объему указанные тексты, примерно в семь раз – лишь 13 словоформ [Демьянов 1974: 112]. Перепроверка этих данных показала, что они очень не точны: только в Житии Феодосия Печерского представлено 49 имперфектных словоформ на -nm (-nb), при том что текст занимает примерно 0,16 объема сборника, а частотность словоформ имперфекта в Житии в целом, по-видимому, вообще не имеет близких аналогов. Имперфект выступает здесь в функции нарративного прошедшего, свойственной аористу, имея, однако, иной смысловой акцент. Материал Жития доказывает, что распространение словоформ на -nm не было обусловлено употреблением перед энклитиками, хотя и поддерживалось им (ср. [Живов 2006: 202–203]). Насыщенность Жития словоформами имперфекта, безусловно, никак не согласуется с предположениями об утрате имперфекта в древнерусском языке еще в дописьменный период или в его начале. Как сам имперфект выражает значение настоящего в прошедшем («present-in-the-past» [Poldauf 1956: 163]), так вариативность словоформ 3 л. ед. и мн. числа имеет родственный функциональный характер сравнительно с вариативностью в презенсе.

Источники и сокращения

- А – Паренесис Ефрема Сирина (1377) [Текст] // БАН. 31.7.2. 258 л.
П – Паренесис Ефрема Сирина (1269–1289) [Текст] // РНБ. Пог. 71а. 328 л.
СБУ XII/XIII – Успенский сборник XII–XIII вв. [Текст] / изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. – М., 1971.
Т – Паренесис Ефрема Сирина (70–80-е гг. XIII в. или XIII–XIV вв.) [Текст] // РГАДА. Тип. 38. 143 л.
Тр – Паренесис Ефрема Сирина (около середины XIV в.) [Текст] // РГБ. Тр. 7. 245 л.
ПА XI – Пандекты Антиоха XI в. [Электронный ресурс] // ГИМ. Воскр. 30. 309 л. – Режим доступа : <http://www.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus/index2.html> (дата обращения: 10.10.2011) ; Портал «Манускрипт». – Режим доступа : <http://>

www.manuscripts.ru. Доступ после подписания пользовательского соглашения (дата обращения: 10.10.2011).

СбГр XII/XIII – Popovski, J. The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in transcription [Электронный ресурс] / J. Popovski, F.J. Thomson, W.R. Veder // Полата књигописњая. – 1988. – № 21–22 ; Access mode : www.stsl.ru/ manuscripts (цифровая фотокопия рукописи).

Литература

Глагол – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол [Текст] / под ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. – М., 1982.

Демьянов, В.Г. О явлениях имперфекта, дифференцирующих древнерусские тексты по происхождению [Текст] // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. – М., 1974. – С. 105–120.

Елизаренкова, Т.Я. Грамматика ведийского языка [Текст]. – М., 1982.

Живов, В.М. Восточнославянское правописание XI–XIII века [Текст]. – М., 2006.

Жолобов, О.Ф. К лингвотекстологической характеристике Троицкого сборника конца XII в. [Текст] / О.Ф. Жолобов, О.С. Паймина // Учен. зап. Казан. федер. ун-та. – 2012. – Серия «Гуманитарные науки». – Т. 154, кн. 5. – С. 24–34.

Жолобов, О.Ф. О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках [Текст] // Русский язык в научном освещении. – 2012. – № 1 (23). – С. 194–231.

Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект [Текст]. – М., 2004.

Обнорский, С.П. Очерки по морфологии русского глагола [Текст]. – М., 1953.

Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание [Текст]. – М., 1980.

Соболевский, А.И. Лекции по истории русского языка [Текст] / А.И. Соболевский ; предисл. и коммент. В.Б. Крысько // Тр. по ист. рус. яз. – М., 2004. – Т. 1.

Срезневский, И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках [Текст]. – СПб., 1867. – Вып. 1.

Фортуатов, Ф.Ф. Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов (Посвящается Игнатию Викентьевичу Ягичу) [Текст] // Изв. отд-ния рус. яз. и словесности АН. – 1908. – Т. XIII. – Кн. 2. – С. 1–44.

Marti, R. Rec. ad: Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол (М., 1982) [Text] // Russian Linguistics. – 1984. – Vol. 8. – P. 59–72.

Poldauf, I. Indo-European Personal Endings [Text] // Zeitschrift fuer Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. – 1956. – 9 (2). – S. 156–168.

Popovski, J. Introduction [Text] / J. Popovski, F.J. Thomson, W.R. Veder // The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva Lavra) № 12): Text in transcription / Полата књигописњая. – 1988. – № 21–22. – P. I–IV.

**ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО В ДРЕВНЕРУССКОМ
СЛОВЕ ИСАИИ ПРОРОКА...:
КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ
ФОРМЫ РОЖАНИЦАМ**

Внимание ученого сообщества восточнославянские мифологические названия *рожаница* и *род* привлекли к середине позапрошлого XIX в. В исследовании «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» И.И. Срезневский истолковал *рода* как привидение или дух [Срезневский 1846]. Вскоре после этого, в 1850 г., С.П. Шевырёвым в Кирилло-Белозерском монастыре была обнаружена рукопись XIV–XV вв. – знаменитый с тех пор Паисиевский сборник, в котором находилось также знаменитое с тех пор поучение *Слово святого Григория Богослова о том како первое погани суще языци кланялися идоломъ*. При внешнем восприятии содержания этого памятника славянские *род* и *рожаница* предстают во главе величественного культа, равного культу египетского Осириса, античным культам Артемиды, Геаты, Диониса.

На основании данных свидетельств, предыдущая оценка И.И. Срезневским культа рода и рожаницы противоположно меняется: он пишет уже о Роде и Рожанице как о представителях славянского языческого культа, подобного культу Артемиды = Дианы, наделенных в античной мифологии функциями покровительниц женщин, повитух и кормилиц [Срезневский 1851]. Эта же мысль развивается им и в статье «Роженицы у славян и других языческих народов».

Тогда же появляется специальная статья Д.О. Шеппинга, оценившего Рода и Рожаницу как главных славянских божеств плодородия, подобных божествам египетской и античной мифологий [Шеппинг 1851]. В дальнейшем А.Н. Афанасьев обосновывает толкование рожаниц как дев судьбы, равнозначных греческим мойрам-пряхам, германским норнам-пряхам и т.д. Род у него предстает в ипостаси божества, которое ведает рождением детей и воплощает идею оплодотворяющих сил природы [Афанасьев 1855; Афанасьев 1994: 318–421].

По этому же пути идет А.Н. Веселовский, анализируя сущность рожаничного культа в связи с идеей доли-судьбы у славян [Веселовский 1890: 177–179]. Судьбу давал Род, которому славяне в древности творили требы подобно тому, как до наших дней угощают «дедушку домового». Функционально Род – это производитель, олицетворенная совокупность мужчин племени, которые сообща владеют Рожаницами – матерями новых поколений.

Однако даже тогда, в период воодушевленного увлечения историческим прошлым и его романтизацией в духе «поэтических воззрений славян на природу» А.Н. Афанасьева, звучали внятные возражения. Так, С.М. Соловьёв [Соловьёв 1851: 71] и В.О. Ключевский [Ключевский 1904: 135–138] высказывали убеждение, что Род – это дух предков (но не высшее божество). Уже в наши дни Л.С. Клейн констатирует, что персонаж под именем Род не существует ни в ранних византийских известиях, ни в древнерусских летописях, ни в пословицах или поговорках [Клейн 1990: 14].

Подобную же констатацию находим у В.Я. Петрухина: вопреки всем усилиям включить рода и рожаниц древнерусских книжников в контекст «актуальных» восточнославянских верований о духах судьбы, никаких реальных фольклорных свидетельств об этом не сохранилось [Петрухин 2000: 322]. Собственно, это же признавали как А.Н. Афанасьев [Афанасьев 1994: 333], так и А.Н. Веселовский: древние свидетельства о культуре Рода и Рожаницы дают мало указаний на их отношение к идее врожденной судьбы [Веселовский 1890: 180].

По нашим выводам, никаких особенных персонажей под названиями род и рожаница у славян в сфере их духовных переживаний действительно не было – это просто нарицательные названия матерей-богинь (*роженица*) и их сыновей (*род* = Осирис, Дионис и даже Перун в восприятии древнерусских книжников). Особую актуальность борьба с этими языческими образами приобрела в свете христианского догмата о непорочном зачатии Девы Марии, остающейся предвечной Девой даже после рождения сына Иисуса Христа.

Тем не менее, современные нам представления о Великой Богине Рожанице, сопровождаемой Всебогом Родом занимают почетное место не только в представлениях нынешних неоязычников, но и в более серьезных научных интерпретациях, опирающихся на известную концепцию Б.А. Рыбакова: Род – это *deus deorum*, сопровождаемый двумя рожаницами.

Именно на том, каким образом из довольно случайного текстологического эпизода появилась на свет современная мифологема о двух рожаницах, остановим наше внимание. Для этого надо обратиться к другому поучительному памятнику – *Слову Исаии пророка...* о поставляющих *вторую трапезу роду и рожаницам* – именно он дает некий материал, упоминающий форму *рожаницама*, т.е. форму дательного падежа двойственного числа. Эта форма и служит единственным основанием для некоторых исследователей говорить о парности *рожаниц* в мифологических представлениях славян.

Для сопоставления нами привлечены характеризующие вопрос отрывки из списков памятника по следующим рукописям: МДА – Московская духовная академия, МСБ – Московская синодальная библиотека, СПбПБ – Санкт-Петербургская публичная библиотека.

МДА (№ 113, XVI в.)	МСБ (XVII в.)	СПБПБ (б/д)	МСТ (XV в.)
<i>избраннии мои лю^{ои}е соуть то. иже слоужа^м б^огоу и волю его творать</i>			
<i>а не родоу ни роженицамъ, коумиромъ соуетны^н</i>			<i>а не родоу ни роженицамъ, коумиромѣ соует- нымѣ</i>
<i>и боудоу^м в лоуз# оград# овца^н</i>	<i>ограда</i>	<i>огради</i>	<i>оград# овцама</i>
<i>лоугъ нарицаетс# раи. а оград# ...</i>			
<i>а овци</i>		<i>овци#</i>	
<i>испльниваете чръпаніа б#сомъ, се работающии ми</i>	<i>исполниваете бесомъ черпаніе</i>		<i>исполниваетъ черпаніе б#сама. работающии имѣ (из работающии ми)</i>
<i>работающе б#сомъ, и слоужаще идоломъ, и ставяще трапезж родоу и роженицамъ</i>			

Детализированный анализ памятника легко показал бы, что автор списка МСТ, питая общую слабость к формам двойственного числа (это заметил еще издатель памятника Н.М. Гальковский и со всей очевидностью показывают указанные выше примеры), явно не понимал их содержательного смысла: действительно: что может значить **оград# овцама** = две ограды для двух овец в изложении библейской аллегории рая как луга, а верных христиан как овец? При том в сравнении, например, со списком МДА, где еще четко видно различие древних основ на *-ā-/*-jā- и *-ǫ-/*-jǫ- (роженицамъ/коумиромъ), в списке МСТ данное различие уже стерто (б#сама). Это одно из свидетельств, что список МСТ отражает более поздние и какие-то личностные грамматико-орфографические представления его автора.

Достаточно очевидно, что какая-то первичная правильная конструкция *поклоняются родоу и рожаници кумиромъ суетнымъ* и спровоцировала некоего любителя форм двойственного числа (список МСТ) на восприятие обычного для рукописей написания формы д. п. мн. ч. *рожаницамъ* (= *рожаницамъ*) как *рожаницама*.

Разумеется, никакого отношения к реальным языческим представлениям славян эта форма не имеет. Иными словами, *современная мифологема о двух славянских богинях-рожаницах является чисто кабинетным заблуждением.*

Литература

Афанасьев, А.Н. О значении рода и рожаниц [Текст] // Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. – М., 1855. – Кн. 2 (полов. 1). – С. 132–134.

Афанасьев, А. Поэтические воззрения славян на природу [Текст] : в 3 т. – Репр. воспроизведение изд. 1865–1869 гг. – М., 1994. – Т. III.

Веселовский, А.Н. Разыскания в области духовного стиха [Текст] // Сб. ОРЯС. – СПб., 1890. – Т. 46. – С. 172–261. – XIII : Судьба-доля в народных представлениях славян.

Клейн, Л.С. Памяти языческого бога Рода [Текст] // Язычество восточных славян. – Л., 1990.

Ключевский, В.О. Курс русской истории [Текст]. – М., 1904. – Т. I.

Петрухин, В.Я. «Боги и бесы» русского Средневековья: род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия [Текст] // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М., 2000. – С. 314–343.

Соловьев, С.М. История России с древнейших времен [Текст]. – СПб., 1851. – Т. I.

Срезневский, И.И. Свидетельство Паисиевского сборника о языческих суевериях русских [Текст] // Москвитянин. – 1851. – № 5. – Кн. 1, ч. 2. – С. 52–64.

Срезневский, И.И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям [Текст]. – Харьков, 1846.

Шеппинг, Д.О. Опыт о значении рода и роженицы [Текст] // Временник Моск. о-ва ист. и древностей Российских. – М., 1851. – Кн. IX. – С. 25–36.

Т.А. Илиева
(София, България)

ЗАДАЧИ НА СЪВРЕМЕННАТА БЪЛГАРСКА ИСТОРИЧЕСКА ЛЕКСИКОГРАФИЯ. РЕЧНИЦИ НА ОТДЕЛНИ ПИСАТЕЛИ

Развитието на съвременната старобългаристика и състоянието на историческата лексикология и лексикография днес позволяват съставянето на различни видове речници, в които е събрано и лингвистически обработено словното богатство на езика от миналите периоди на еволюцията му. През последните няколко десетилетия изоставането на родната славистична медиевистика в тази област до голяма степен бе преодоляно [Давидов 1996: 159–167; КМЕ 2003, 3: 459–466]. Завършен бе големият двутомен речник на стб. език под редакцията на чл.-кор. проф. Дора Мирчева, в индекси бе описан лексикалният състав на отделни стб. ръкописи или творби [Гошев 1956: 103–116; Мирчев, Кодов 1965: 227–257; Иванова-Мирчева, Икономова 1975: 147–194; Минчева 1978: 115–169; Симеонов сборник 1993: 2; Станков 1994: 235–310; Славова 1994; Тотоманова 2008: 199–405], положено бе началото на

диахронен исторически речник на българския език в електронен формат [www.cyrillomethodiana.uni-sofia.bg и histdict.uni-sofia.bg].

Съществено място в историческата лексикография заемат речниците на езика на отделни стб. и среднобългарски писатели – Йоан Екзарх, Константин Преславски, Климент Охридски, Григорий Цамблак, Евтимий Търновски (последният под печат). Тяхното съставяне е в пряка зависимост от нивото на изследванията върху атрибуцията на средновековни паметници и равнището на тексткритичното издаване на средновековни писмени паметници в палеославистиката. Според целите, които си поставят, тези речници могат да бъдат прости азбучни списъци-регистри с наличните у даден автор думи, по-подробни индекси на словоформите или диференциални тълковни словници, описващи речниковото и фразеологичното богатство в произведенията на изтъкнат творец и строител на книжовния език през Средновековието, ексцерпирайки всички думи, употребени от автора в творчеството му, и обяснявайки чрез илюстриративни примери значенията, с които той ги е използвал. От какъвто и лексикографски жанр да са, речниците към произведенията на отделни книжовници освен че регистрират и евентуално разтълкуват застъпените в избрания текст масив лексеми, позволяват също така да се направят важни наблюдения върху характеристиките на авторския стил, богатството на неговия идиолект, връзката със съвременните му другите книжовници и с школата, към която принадлежи, отношението му към тогавашната преводаческа практика. Същите са полезни не само за изучаване словника на лексикографирания автор, но и за изследване съответния етап от изграждане на средновековния български книжовен език, и по-специално на лексикалния му състав от времето на писателя. По тази причина един бъдещ исторически речник на българския език не би могъл да загърби индивидуалната лексика на отделните автори, макар и запазена в по-късни преписи.

Тук ще направя преглед на досегашните постижения в тази област на историческата лексикография и ще набележа бъдещите задачи пред нея.

От изключително значение за изследване лексикалното богатство на един от най-големите старобългарски книжовници – Йоан Екзарх, са пълните индекси на думите и словоформите към критическите издания на съчиненията му Шестоднев (за краткост ЙоЕШ)/5472 лема/и Богословие (ЙоЕБ)/3326 заглавни единици/, изготвени от Р. Айцетмюлер [MLSDV 1975: 7; MLSDV 1983: 14]. Въз основа на първия от тях Е. Блахова сравнява лексиката на ЙоЕШ с архива на «Словарь языка старословенского» (СЯС) и с речника на Миклошич (Микл) [Благова 1980: 117–126]. Според нея над 1 700 думи от ЙоЕШ не се срещат в СЯС и над 600 не фигурират у Микл. А. Давидов на свой ред прави съпоставка на лексиката от ЙоЕШ с речниците на Садник-Айцетмюлер (СА) и Срезневски (Срезн) [Давидов 1996: 73]. По негови изчисления в СА не са включени близо 2 200 думи от ЙоЕШ, т.е. 40,2 %. Спрямо общото количество думи в СА (9 616) [Цейтлин 1986: 36] тези 2 200 лексеми съставляват 22,88 %, като 2 050 от тях, т.е.

преобладаващата част, са от праславянски и стб. произход. Сравнението със Срезн дава същия резултат – голямо количество думи (по-точно 988), отново почти изключително стб., не са включени в него, въпреки че ЙоЕШ фигурира между паметниците, от които Срезн е извлякъл своите материали. Справката на Т. Илиева за ЙоЕБ пък показва, че в «Небеса» се срещат 37 думи, нерегистрирани в досегашната лексикографска традиция, и 64, отбелязани единствено с пример от този паметник. Само три от тях са заемки от гръцки [Илиева 2005: 39]. Приведените съпоставки налагат категоричния извод, че с Шестоднев и Богословие Йоан Екзарх прави огромен принос в обогатяването на стб. речник, като създава или въвежда в обращение много неизвестни на КСП думи от най-разнообразни лексико-семантични групи или разкрива нови, непоказани дотогава значения на вече познати лексеми. В своето словотворчество (на словообразователно и на семантично равнище) книжовникът следва нормите на най-старите Кирило-Методиеви образци. Като един от най-изтъкнатите преславски писатели обаче той ги доразвива и обогатява с нови елементи, характерни за неговия книжовен център. Словникът на ЙоЕШ и ЙоЕБ показва, че за езика на този автор е характерна богата синонимия [Благова 1977: 119] – синонимите са от един и от различни корени. Йоан Екзарх не се ограничава само до преславските варианти – той използва и т. нар. охридска лексика, т.е. лексиката на първите Кирило-Методиеви преводи. Така в неговото творчество се проявява лексикалното единство на българския език от средновековния период [Давидов 1996: 82–83].

Двата речник-индекса към «Слово за Преображение» и «Похвала за Йоан Богослов», придружаващи първия том от изданието на словата на Йоан Екзарх Български потвърждават извода за огромния принос на този писател в обогатяването на старобългарския речник, както и за следване на Кирило-Методиевите традиции [Иванова-Мирчева 1971: 101–112, 185–200]. Наред с характерните за класическите старобългарски паметници (КСП) лексеми тук виждаме и думи като *буякъ*, *върсченич*, *гробокопанич*, *недостижимъ*, *повиньникъ*, *прэсушити*, *сгновьнь* и др.

Съществен влог в лексикографското отразяване словното богатство на Йоан Екзарх представлява *Старобългарско-гръцкият терминологичен речник-индекс към Йоан-Екзарховия превод на „De fide orthodoxa”*, изготвен от Т. Илиева [Илиева 2006: 430–700]. Изграден върху образцовото критическо издание на Л. Садник „Des Johannes von Damaskus ÓEkqesij a)kribhōj thōj o)rqodo/cou pi/stewj in der Übersetzung des Exarchen Johannes”, той представлява лексикографско пособие от смесен тип – преводно-тълковен и специален речник с енциклопедични елементи и индекс на словоупотребите. Същият включва само специалната терминологична лексика (1 758 речникови статии). Извън обсега му остават пълнозначните думи без специално значение, служебните думи и собствените имена. Речниковата статия се състои от следните елементи: заглавна дума; индикатор за фреквенция; гръцки съответствия с пълнен индекс на словоупотребите

и разночетенията, засвидетелствани в славянската текстова традиция; тълковно-концептуална част с илюстративен материал; синоними; антоними; справочна част със списък на всички консултирани паметници от съвременния на разглежданото произведение период, в които е засвидетелствана дадената лексикална единица, нейни дублети и близкозначни думи освен регистрираните в изследвания текст.

Така изготвеният речник представлява една малка енциклопедия на Догматиката на Йоан Дамаскин, построена върху подбора на главите от Йоан Екзарх и според стб. превод на «Точното изложение на православната вяра». Той позволява наблюдения върху терминологичния пласт лексика в стб. език както в синхрония – на микроравнище (конкретния текст) и макроравнище (други съвременни текстове), така и в диахрония – по протежение на вековното писмено предание на изследвания паметник и на съхранената традиция от Кирило-Методиевата епоха през Преславския златен век и среднобългарските преводи от XIV-тото столетие, та до наши дни.

Съставеният от А. Давидов «Речник-индекс на Презвитер Козма» (ПрезвК) е първият по рода си опит да се оцени цялостно лексиката на оригинален стб. книжовник [Давидов 1976]. Основен източник за речника е «Беседа против богомилите» според Волоколамския препис (ГБЛ, сега РГБ, ф. 113, № 8) предвид факта, че тъкмо този препис пази в най-голяма степен особеностите на оригинала. Речникът е изготвен на основата на пълна ексерпция на лексикалния материал според изданието на М.Г. Попруженко [Попруженко 1936]. Включва 2 360 речникови статии, в които се съдържат всичките 17 668 словоупотреби. Това е лингвистичен речник от смесен тип – преводно-тълковен с индекс. Лексемите са представени в пълната им семантична структура – посочват се всички значения (и нюанси на значенията) на една дума, с достатъчно илюстративен материал, за да се видят и съчетателните ѝ възможности; посочени са тяхната фреквентност, рекция, всички словоупотреби и фразеологични словосъчетания. Ако думата е в библейски цитат, привежда се и гръцкото съответствие. Всички думи са сравнени с Микл, Срезн, СА и СЯС. В случай, че дадена дума отсъства в някои от тях, това се отбелязва в справочната част на речниковата статия с Ø. В края се посочват синонимите на съответната лексема, налични в Беседата, т.е. които принадлежат към лексико-семантичната ѝ система.

Сравнението, което А. Давидов прави с речника на СА показва, че в него не са включени около 350 думи, засвидетелствани у ПрезвК [Давидов 1996: 84]. Думите, употребявани в Беседата, а нерегистрирани от Срезн и СА, са общо 73. Особено показателни са тези, които липсват едновременно у Микл, Срезн и СА. Те с голяма доза вероятност могат да бъдат отнесени към лексикалното богатство на ПрезвК наред с отбелязаните в съответните речници само с пример от Беседата [Давидов 1996: 86]. Изнесените факти недвусмислено говорят за приноса на ПрезвК в историята на българския език.

Към критическото издание на Черноризец Храбър (ЧХр), подготвено от А. Джамбелука-Коссова е приложен словоуказател, съставен от Е. До-

грамаджиева [Джамбелука-Коссова 1980: 15–174]. И тук представлява интерес лексиката, която не е включена в КСП [Давидов 1996: 164]. Статистическото проучване на Т. Илиева, извършено въз основа на рангов списък и обратен речник към ЧХр, изработени по горещитираното лексикографско приложение (под печат), показва, че словообразователните наклонности на този автор са напълно в унисон със съвременните тенденции, характеризиращи книжовната продукция на двете културни средища на Първото Българско царство – Преславското и Охридското, с изключение на някои случайни колебания, дължащи се на малкия обем текстов материал. И тук, както и на редица други места, се констатира значимо разнообразие на словообразователни дублети, което свидетелства за динамичните словотворчески процеси в младия книжовен език. Сравнението на глотометричните показатели на ЧХр както с други текстове от същата епоха, така и със съвременни литературни произведения показва по-голяма близост до характеристиките на модерната публицистика, отколкото до отличителния за средновековната литература висок индекс на повторемост на думите.

Речникът на Искра Христова към словата на Кл. Охридски [Христова 1994] съдържа 2 778 различни лексеми в 7 870 словоформи и с 19 653 словоупотреби, извлечени от двадесет и три Климентови слова, петнадесет от които са сигурно Климентови, тъй като името на книжовника се среща в заглавието, а останалите седем също отдавна са възприети като такива. Все пак авторката не крие своите съмнения относно безспорното авторство на Климент Охридски в дадени случаи, както и предположението, че вероятно съществуват и други произведения на същия, непознати в науката, освен откритите. В Речника (с. 41–286) след заглавната дума се указва броят на словоупотребите, като им се прави кратка граматична характеристика. Посочва се и в кои от КСП се среща съответната дума. Сравнението е направено по СА и по речника към изданието на Енинския апостол, изготвено от К. Мирчев и Хр. Кодов [Мирчев, Кодов 1965: 227–257]. Данните недвусмислено доказват, че лексиката в словата на Кл. Охридски е неделима част от стб. речник и от стб. книжовна лексика. Навсякъде се дава значението ѝ в съвременния български език. В извлечените от И. Христова лексеми от словата на Кл. Охридски има 444, които не се срещат в нито един КСП. Именно тези лексеми по-нататък са съпоставени с речниците на трите големи преславски произведения с известно авторство – ЙоЕШ, ЙоЕБ и ПрезвК. Това сравнение показва близостта, която съществува между лексиката на Климент с текстовете на преславските книжовници. Особено голяма е тази близост по отношение на терминологията и това кара И. Христова да се присъедини към изказаното вече мнение, че Климент е работил съвместно с книжовниците от столицата, изпълнявайки една обща задача [Христова 1994: 28]. Същевременно данните от речника потвърждават липсата на рязка граница между лексиката на преславския и охридския книжовен център по отношение на диалектната база, доколкото сравнението на Климентовия речник с известните ни двойки преславизми и охридизми показва, че в преобла-

даващата част от случаите Климент не отдава предпочитание на нито една от двете лексеми, а използва дума, обща за него и за КСП.

Сравнението между речника на словата на Климент и лексиката на пространните жития на Кирил и Методий показва, че само 18 типично Климентови лексеми се срещат и в пространните жития, като половината от тях са собствени имена или производни от тях прилагателни. Останалите се отнасят към неутралната лексика, попаднала случайно в достигналите до нас стб. паметници, поради което не биха могли да бъдат определени за собствено Климентови. Тази констатация не подкрепя предположението за Климентово авторство на някое от житията, дори напротив, сериозно го разколебава предвид резултата от сравнението с преславската лексика, при което категорично се установява лексикална близост. Този резултат става още по-убедителен, като се съотнесе с извода на И. Христова за специфичната устойчивост на Климентовия стил. До това заключение авторката стига благодарение на използваните от нея глотометрични методи, разработени от проф. М. Янакиев [Котова, Янакиев 1973: 238–260; 1978: 3–15]. Те й дават възможност да направи и други интересни наблюдения върху стила и езика на Климент Охридски, съпоставяйки го както с езика на неговите съвременници, така и с езика на някои съвременни български писатели, за които съществуват количествени данни. Многообразието на словоформи и хапакси (1 215) авторката обяснява с факта, че средновековните български книжовници тепърва сами са развивали езика, на който творят, докато съвременните ни писатели разполагат с един вече обработен литературен език с висока степен на нормираност и стилистично разслоение. Според относителната честота на употреба на лексемите у Климент И. Христова откроява редица словообразователни модели, характерни както за Климент, така и за стб. книжовна норма като цяло: *nomina agentis* със суфиксите *-тель*, *-никъ*, *-арь*, голямо количество относителни прилагателни и др. Авторката изтъква съперничеството между словообразователните модели в езика на стб. книжовник. Развитието на този тип синонимия, възприеман като особеност, присъща за началния период от установяването на книжовната норма, тя обяснява и със стилистична цел – като фигуративна риторична употреба. Изследователката разглежда и някои типично Климентови употреби, които не могат да бъдат разбрани извън културно-езиковия контекст.

Речникът на И. Христова представлява ярък пример за резултатно обединяване на методите на класическата лексикография с тези на статистиката и информатиката [Тотоманова 1995: 126–128].

Значим принос в лексикографското отразяване словното богатство на Климент Охридски представлява речникът на Стоя Попатанасова и Весна Костовска към химнографските творби на книжовника (ХимнКлОхр) [Попатанасова, Костовска 2005: 70–361]. Той наброява общо 1 813 заглавни единици в 12 222 словоупотреби. Словникът на ХимнКлОхр е замислен като триезичен. Думите се обясняват на македонски и на руски. Всяка дума

е представена в речника с всичките си засвидетелствани в ХимнКлОхр значения. Означена е и фреквенцията. Речниковата статия е съставена от: заглавие, тълкование, илюстративен материал и синоними. Разпространеността на думата в привлечените за изследването източници се дава с техните съкращения в установена последователност. Значението на думите се определя чрез семантичен анализ на целия химнографски материал. При тълкованието се използват синонимни изрази или перифраза. Броят на цитираните примери зависи от нуждата да се предаде ясно и прецизно семантиката. Поради множеството еднократно засвидетелствани думи авторките не изключват риска от субективност при определяне на смисловите нюанси. При представянето на материала те са се постарали да застъпят всички произведения, като са давали предимство на тези от тях, в които значението на дадена дума се презентира най-ясно. При подредбата на значенията първо се дава основното, а после вторичните. При думите, които са засвидетелствани само с вторично значение, основното не се привежда [Илиева 2010: 113–116].

Наблюденията на Т. Илиева, извършени въз основа на изготвен от нея обратен речник към ХимнКлОхр по словоуказателя, приложен към студията на Стоя Попатанасова и Весна Костовска, показват, че в ХимнКлОхр са застъпени над 50 словообразователни модела съществителни, обединени от определен формант, отнасящ се към категориите имена на лица, действия, качества и свойства. Адекватните модели са повече от 40 [Илиева 2012: 110–126]. Оттук се вижда, че езикът на ХимнКлОхр се характеризира с огромно разнообразие на словообразователни средства. Съпоставката с други стб. текстове констатира не само количествен превес на прилагателните в ХимнКлОхр като процентен дял от речника, но и качествен, изразяващ се в по-голямото богатство от деривационни модели въпреки малката дължина на словника. Като особено продуктивни се открояват суфиксите *-ниг*, *-ъ* и *-ъство* при съществителните, и *-ънъ* при прилагателните, които дават много производни и дублират в словообразователно отношение голяма част от останалите синонимни форманти. Личи явно висока продуктивност на наставките *-теъ* и *-нигъ* при деривацията на *nomina personalia* [Vondrák 1896: 36; Славова 1991: 57–69; Мострова 1983: 106]. Тези наклонности са напълно в унисон със съвременните тенденции, характеризиращи книжовната продукция на двете културни средища на Първото Българско царство – Преславското и Охридското [Мострова 1992: 278–279; Цейтлин 1977]. И тук, както и у други автори, се констатира значимо разнообразие на словообразователни дублети, което свидетелства за динамичните словотворчески процеси в младия книжовен език. Аналогични данни с тези от други стб. паметници предоставя ХимнКлОхр и за разпространението на префиксалните модели, както и за деривацията на думите с отрицание. При всички случаи лексикалните неологизми на книжовника, засягащи предимно композицията, спазват традициите на словообразователните модели, познати ни още от КСП. По-високият процент

composita в ХимнКлОхр спрямо други текстове е обясним с особеностите на жанра и стила на автора. Всички изнесени факти отново неоспоримо доказват единството на българския език през периода X–XI вв. в двата книжовни центъра – Охрид и Преслав.

Към разглеждания тип лексикографски трудове – речници на езика на отделни автори – се числи и списъкът с думи, приложен към монографията на Р. Павлова върху творчеството на Петър Черноризец [Павлова 1994: 421–437]. Регистърът отразява лексикалния състав на произведенията на Петър Черноризец Слово за поста (СП), Поучение за спасение на душата (ПСД) и Слово за временния живот (СЖВ). Съставителката прави уговорката, че от гледище на това, което е имало в авторските текстове, списъкът на думите очевидно не е съвсем пълен – СП например е било внесено със съкратени пасажии в първичния Измарагд и в някои сборници. Не можем да сме сигурни и в това, че всички лексеми в словника са точно такива, каквито са били в авторския текст. Някои различия явно са се появили още на българска почва. Други думи вероятно са били заменени също с книжовнонормативни, но по-разбираеми за русина лексикални единици. Но тази варираща лексика, по мнението на учената, е един сравнително неголям пласт от словното богатство на произведенията, като се съди по различията в преписите. От стигналите до нас преписи най-голям брой думи съдържа ПСД, малко по-малък е броят им в СП. Най-малък е списъкът на лексикалните единици в ССВ. Думите се дават в нормализиран вид, като се имат предвид главно принципите в речника на СА.

Тук трябва да споменем и речник-индексите на Велемира Иванова към трите безспорно принадлежащи на Петър Черноризец слова – Слово за поста и за молитвата, Слово за този временен живот и Слово за различната неправда, защитени като магистърска теза през 2011 г. в Катедрата по кирилometодиевистика към ФСлФ при СУ «Св. Кл. Охридски». Те попълват нуждата от цялостен речник-индекс на всички словоформи на тези творби, още повече че слова на Петър Черноризец не са включени и в най-често използваните лексикографски справочници (Микл, Срезн, СЯС), които обхващат материал извън КСП. За целта е използвано упоменатото по-горе издание на Румяна Павлова. Изготвянето на трите речник-индекса е в духа на българската лексикографска традиция. Заглавните думи (около 1 000) са в основната си форма със стб. правописна нормализация.

Ако изключим индекса на словоформите, от началните букви на които е образуван Акrostихът на Константин Преславски, речник-индекса към разчетения текст на акrostиха, приложени в подготвеното от Г. Попов издание на триодните произведения на Константин Преславски, и индексите към други публикувани от него преписи на химнографски творби на същия автор, словното богатство на този именит стб. книжовник засега не е получило полагащото му се лексикографско описание [Попов 1985, Попов 1995: 26–30]. Все още задача на бъдещето е съставянето на речници както към цялото песенно творчество на химнописеца, така и към превода

му на Четирите слова срещу арианите от св. Атанасий Велики и към Учителното Евангелие.

От среднобългарските писатели лексикографски описания има към «Похвално слово за Евтимий» и «Мъчение на Йоан Нови» от Григорий Цамблак, изготвени от А. Давидов по същите принципи, на които се основава речникът му към ПрезвК (вж. по-горе).

Пред отпечатване е Речникът на съчиненията на Патриарх Евтимий (РПЕ), изработен от авторски колектив към Секцията по история на българския език към ИБЕ – БАН [Карачорова 2011: 17–24]. Речникът е изготвен на основата на пълна ексцерпция на лексикалния материал от съчиненията на патриарх Евтимий по подготвяното ново издание на произведенията му от Кл. Иванова, което включва: четири жития – на св. Иван Рилски (ЖИР), на св. Филотея Темнишка (ЖФ), на св. Петка Епиватска (Търновска) (ЖП), на св. Иларион Мъгленски (ЖИМ); четири похвални слова – за равноапостолите Константин и Елена (ПслКЕ), за великомъченица Неделя (ПслН), за Михаил Воин (ПслМВ), за Йоан Поливотски (ПслЙП), четири послания – до Киприан (ПК), до Антим (ПА) и две до Никодим Тисмански (1ПН, 2ПН), както и службата за царица Теофана (СТ). По Зографския препис от XIV в. – манастир Зограф на Света гора, II д. 6 (Каталог 1994: 77, № 107, Иванова 1969) са ЖИР (л. 93а–104а), ЖИМ (л. 129б–145б), ЖП (л. 74а–82б). По преписи в ръкопис № 164 от библиотеката на Румънската академия на науките в Букурещ (Panaitescu 1959: 245–248) са ПслМВ (л. 91б–97б), ПслЙП (л. 137б–150б) и ПслН (л. 28б–301б), а по ръкопис № 165 от същата библиотека (Panaitescu 1959: 248–249) е ЖФ (л. 189б–204б). ПслКЕ е дадено по преписа в библиотеката на румънския манастир Путна, № 31 (Mihaila 1979: 281–332). ПК, ПА, 1ПН и 2ПН са по ръкописен панегирик (Рилски) от 1479 г. от сбирката на Рилския манастир, № 4/8 (Спространов 1902: 10–114). Речникът е тип тезаурус и обхваща всички думи, които влизат в избраните основни преписи на доказано авторските произведения на патриарх Евтимий. Въз основа на целия материал от РПЕ е разработена семантичната структура на лексемата. Речниковата статия се състои от заглавна дума, основна граматична бележка, значения, илюстративен материал, съчетания, индекс.

Освен индекси и диференциални тълковни речници към творчеството на отделни средновековни български книжовници са съставяни също и обратни и рангови списъци, които имат важно методологическо значение в лексикологичните изследвания.

В честотния речник към Беседата срещу богомилите, изготвен от А. Давидов, са включени всички думи от ПрезвК + собствените имена и географските названия. Думите са подредени по низходяща честота, като честотата в речника е абсолютна величина. Списъкът започва с най-честата дума № 1, която се среща 1 148 пъти и завършва с групата от 1 105 думи, употребени по 1 път. Групите думи с еднаква честота се разполагат по азбучен ред. Общото количество на словоупотреби е 17 668, а словникът

включва 2 360 думи. Ранглисти са направени и от И. Христова към СловаКлОхр, като и от Т. Илиева към ХимнКлОхр, ЙоЕБ и ЧХр. Този тип лексикографски пособия са необходим инструмент при проучване глотометричните параметри на текста (статистическа структура на речника, пропорция между количеството лексеми и словоупотреби, дял на единичните употреби, индекс на повторяемост, съотношенията между групите думи с определена честота, разпределението им по части на речта, % чужда и домашна лексика и пр. Ето защо те са необходимо допълнение към основния базов речник на творчеството на всеки книжовник.

Обратните индекси, съставени към словоуказатели на творбите на отделни стб. книжовници, илюстрират деривационните процеси в езика, отразени в словника на конкретния текст, и са ценни при изследване словотворческите наклонности на съответния автор и съпоставянето му с данните от други писатели и неатрибуирани текстове [MLSDV 1975, 7: 463–501; Давидов 1981: 91–115; MLSDV 1983, 14: 253–279]. Поради това считам, че те трябва да бъдат задължителна притурка към всеки съвременен речник на езика на отделен книжовник.

Изготвянето на този тип речници си има и своята проблематика. Не бива да се забравя относителността на тяхната информация, доколкото ръкописното битуване на паметниците е свързано с изменения в първоначалния им лексикален състав, поради което днес разполагаме не с техния автентичен словен ресурс, а с версиите на копистите. Затова важно условие е речници на езика на отделни средновековни книжовници да бъдат изработвани най-вече към надлежно изготвени критически издания. При избора си на ръкописи за такъв речник е необходимо да се ръководим от два основни критерия: ръкописите по възможност да са текстологично пълни (без пропуски в текста) и да са ранни (най-ранни). Тези речници в много случаи са отворени за допълнения и корекции поради съмнения относно безспорното авторство на съответния книжовник в конкретни случаи, както и поради вероятността да съществуват и други произведения на същия, непознати в науката, освен откритите.

В заключение мога да кажа, че въпреки сериозните постижения на историческата лексикография в областта на речниковото описание на езика на отделни средновековни творци, все още предстои много работа: по съставяне на словници към още нелексикографирани творби с известно в науката авторство (това особено се отнася за преобладаващата част от съчиненията на Константин Преславски и Григорий Цамблак), по изготвянето на специфични лексикографски инструменти към някои от вече съществуващите (обратни и честотни списъци), по изработката на двуезични речник-индекси към преводните съчинения (например на Йоан Екзарх). Необходимо е да бъде направено речниково описание също и на книжовниците от Късното Средновековие и Възраждането (Константин Костенечки, Паисий Хилендарски, Софроний Врачански, Неофит Рилски и др.). То-

ва е задължително предварително условие за изпълнението на централната задача на българската историческа лексикография в сегашния етап на нейното развитие – изработването на голям диахронен исторически речник на българския език.

Литература

Благова, Э. Лексика Супрасълской рукописи и лексика Иоанна Екзарха [Текст] // Проучвания върху Супрасълския сборник. Старобългарски паметник от X век : докл. разисквания пред Първия Междунар. симпозиум за Супрасълския сборник. 28–30 септември 1977, Шумен. – С., 1980. – С. 117–126.

Гошев, Ив. Рилски глаголически листове [Текст]. – С., 1956. – С. 103–116.

Давидов, А. Обратен речник на «Беседа против богомилите» от Презвитер Козма [Текст] // Трудове на ВТУ «Кирил и Методий». – С., 1981. – Т. XVI, кн. 2. – С. 91–115.

Давидов, А. Речник-индекс на Презвитер Козма [Текст]. – С., 1976.

Давидов, А. Старобългарска лексикология [Текст]. – В. Т., 1996.

Джамбелука-Коссова, А. Черноризец Храбър. О писменехъ [Текст]. – С., 1980. – С. 15–174.

Иванова-Мирчева, Д. Йоан Екзарх Български. Слова. [Текст]. – С., 1971. – С. 101–112, 185–200. – Т. 1.

Иванова-Мирчева, Д., Ж. Икономова. Хомилията на Епифаний за слизането в ада (Неизвестен старобългарски превод) [Текст]. – С., 1975. – С. 147–194.

Илиева, Т. Богословската терминология в Йоан-Екзарховия превод на „De fide orthodoxa” [Текст]. – С., 2006. – С. 430–700 (дисертация, машинопис).

Илиева, Т. Едно изследване върху лексиката в химнографията на Климент Охридски [Текст] // *Palaeobulgarica*, XXXIV. – 2010. – № 3. – С. 113–116.

Илиева, Т. Лексиката в химнографското творчество на Климент Охридски – глотометричен профил [Текст] // Докл. от Нац. конф. по случай 1100 години от смъртта на Наум Охридски (21–22 юни 2010 г., София).

Илиева, Т. Наблюдения върху лексиката на Богословието в превод на Йоан Екзарх [Текст] // *Palaeobulgarica*, XXIX. – 2005. – № 3. – С. 36–60.

Илиева, Т. Словникът на Храбровото Сказание за буквите – статистическа характеристика [Текст]. – (В печати).

Илиева, Т. Словообразователни склонности при лексиката в химнографското творчество на Климент Охридски [Текст] // Преславска книжовна школа. – Шумен, 2012. – Т. 12. – С. 110–126.

Карачорова, И. Речник на съчиненията на патриарх Евтимий [Текст] // Проблеми на историческата лексикология и лексикография : сб. ст. – С., 2011. – С. 17–24.

Котова, Н.В. Глотометрията експлицира основите на съпоставителната лингвистика [Текст] / Н.В. Котова, М. Янакиев // Съпоставително езикознание. – 1978. – № 3. – С. 3–15.

Котова, Н.В. Глотометрическият подход к вопросу о близости славянских языков [Текст] / Н.В. Котова, М. Янакиев. – С. ; М., 1973. – № 9. – С. 238–260.

- Минчева, А. Старобългарски кирилски откъследи. Български езикови паметници [Текст]. – С., 1978. – Т. I. – С. 115–169.
- Мирчев, К. Хр. Кодов. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. [Текст]. – С., 1965. – С. 227–257.
- Мирчева, Е. Опитът на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин в изработване на исторически речници» [Текст] // Проблеми на историческата лексикология и лексикография : сб. ст. – С., 2011. – С. 5–16.
- Мострова, Т. *Nomina agentis* в «Шестоднева» на Иоан Екзарх в съпоставка със старобългарските паметници [Текст] // Български език. – 1983. – № 2. – С. 101–107.
- Мострова, Т. Жанрово-стилистична обусловеност на функционалната характеристика на съществителните от глаголна основа в паметници от XIV век [Текст] // Български език. – 1992. – № 4. – С. 278–279.
- Павлова, Р. Петър Черноризец. Старобългарски писател от X век [Текст]. – С., 1994.
- Пенкова, П. Речници, старобългарски [Текст] // КМЕ. – С., 2003. – Т. III. – С. 459–466.
- Поп-Атанасова, С. Лексиката во поетските творби на Климент Охридски [Текст] / С. Поп-Атанасова, В. Костовска. – Скопје, 2005. – С. 70–361.
- Попов, Г. Из химнографското наследство на Константин Преславски [Текст] // *Palaeobulgarica*, XIX. – 1995. – № 3. – С. 26–30.
- Попов, Г. Триодни произведения на Константин Преславски [Текст]. – С., 1985 (Кирило-Методиевски студии, 2).
- Попруженко, М.Г. Козма Презвитер, Болгарский писатель X века [Текст]. – С., 1936.
- Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.) [Текст]. – Т. 2 : Речник-индекс / авт. Р. Павлова [и др.]. – С., 1993.
- Славова, Т. За протографа на Тълковната Палея [Текст] // *Palaeobulgarica*, 15. – 1991. – № 3. – С. 57–69.
- Славова, Т. Речник на словоформите в Архангелското Евангелие от 1092 г. [Текст]. – С., 1994.
- Станков, Р. Лексика Исторической палеи [Текст]. – В.Т., 1994. – С. 235–310.
- Старобългарски речник [Текст] / Отговорен ред. Д. Иванова-Мирчева. – Т. I. – С., 1999 ; Т. II. – С., 2009.
- Тотоманова, А.-М. Лексикографски принос към изучаването на Климентовите слова [Текст] // *Palaeobulgarica*, XIX. – 1995. – № 3. – С. 126–128.
- Тотоманова, А.-М. Славянската версия на хрониката на Георги Синкел [Текст]. – С., 2008. – С. 199–405.
- Христова, И. Речник на словата на Климент Охридски [Текст]. – С., 1994.
- Цейтлин, Р.М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. [Текст]. – С., 1986.
- Цейтлин, Р.М. Лексика старославянского языка [Текст]. – М., 1977. [Електронный ресурс]. – Режим доступа : www.cyrillomethodiana.uni-sofia.bg
- [Електронный ресурс]. – Режим доступа : histdict.uni-sofia.bg
- Aitzetmüller, R. Das Hexaameron des Exarchen Johannes. Wortstellenverzeichnis [Text] // *MLSDV*. – Graz, 1975. – № 7. – S. 1–459 ; *Ruckläufiges Wörterbuch*. – S. 463–501.

Sadnik, L. Des hl. Johannes von Damaskus ÓEkqesij a)kribh£j thqj o)rqodo/cou pi/stewj in der Übersetzung des Exarchen Johannes [Text] / Hrsg. von L. Sadnik ; ind. u. rückläufiges wörterverzeichniss, zsgest. von R. Aitzetmüller // MLSDV. – Bd. 4. – № 14. – Freiburg I. Br., 1983.

Vondrák, V. O mluvě Jana Exarcha bulharského. Příspěvek k dějinám církevní slovanštiny [Text]. – Praha, 1896.

Т.А. Исаченко
(Москва)

«ТАЙНА ПОИСТИНЬ СОКРОВЕННА В СЕМ ТРЕЯЗЫЧИИ» (ИДЕЯ ИДЕАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ К XVII – НАЧАЛУ XIX ВЕКА)¹

Исторический Словарь, в том виде, в каком он виделся И.И. Срезневскому, представляет собой единое текстовое пространство, формирующееся на основе следующих цитатных блоков: 1) *ветхозаветных и новозаветных цитат*, являющихся «тематическим ключом» к пониманию «высшего духовного смысла текстов» [Picchio 1973: 439–467; Пиккио 2002]; 2) *агиографического* блока, представляющего комбинацию цитат из житийного корпуса, создающего вертикаль учености; имена Святых Отцов здесь дополнены цитатами лиц, стяжавшими авторитет многочисленных народов (жития, чудеса, сказания и т.п.); 3) *гомилетического* блока, в беседах и прениях выстраивающего вертикаль церковного, государственного и бытового домостроительства («Валаамская беседа», «Беседы Златоуста к Антиохийскому народу», «Прения с греками» и т.п.); 4) цитатного блока *церковно-канонических* текстов, регламентирующих жизнь Церкви и социума, особый интерес к которым проявился у И.И. Срезневского под конец жизни; 5) *историографического* блока, к которому относятся летописи и летописцы, хроники, хронографы и географии, описания земель, «Книга Паломник», а также многочисленные хождения и путешествия, в том числе историософские описания («Проскинитарий» Арсения Суханова). «Цитатное пространство» этого блока выводит человека за пределы Руси во вневременное пространство. Движение здесь осуществляется либо линейно (Русь – Святая Земля), либо по кругу (от некоего мирового центра через Вавилон и Персию, державу Александра Македонского, Египет, Римскую империю и Византию на Русь). Шестой, *энциклопедический* блок цитат Словаря, связан с текстами, сочетавшими богословское видение мира с практическими и естественно-научными знаниями. К таким текстам относятся

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 10-04-00315а «Новые библейские переводы в московских филологических школах конца XVII в.».

энциклопедии славяно-русской древности (шестодневы, изборники). Как видим, перечисленные цитатные массивы отражают строй языка в системе И.И. Срезневского – А.И. Соболевского, обозначая его историчность на достаточно узком временном отрезке, охватывавшем период «языковых древностей», всех слов, которые можно проследить в памятниках. После первого обсуждения на Съезде проекта будущего Словаря сбор материала И.И. Срезневским продолжался еще 10 лет. А.И. Соболевский, приступив в 1912 г. к пополнению картотеки Срезневского, настаивал на выделении XI–XIV вв. в отдельный период по памятникам, «составленным либо переведенным» в это время. Материалы для словаря «старого языка» Московской Руси XV–XVII вв., по его мнению, должны были составлять отдельную картотеку. Такую же отдельную картотеку ученый составлял для старого языка Польско-Литовской Руси по памятникам XIV–XVII вв.

Так или иначе, «идеальные тексты» сформировали остов толкового исторического Словаря в том виде, в каком он виделся И.И. Срезневскому, А.И. Соболевскому и М.Н. Сперанскому. Когда позже «цитатное пространство» было расширено за счет включения в его состав лексики сказочных повестей (легенд, драм, притч, шуток, потех), актов (исторических, феодального землевладения, съезжих и приказных изб, актов слободских и проч.), энциклопедических сборников практического назначения (травников, лечебников, гиппиков о конях и проч.), а также разного рода учений, художеств и цветников, эти источники видоизменили Словарь, сделав его не только пособием для специалистов, но «сверх того – практическим пособием для всех, кому приходится заниматься русским прошлым» [СлРЯ 2001: 214]. В 1958 г. В.В. Виноградов изложил свою точку зрения на историю слова и исторический словарь: «История слова должна воспроизводить все содержание, всю цепь смысловых превращений, все «метаморфозы» [Виноградов 1968]. Это видение определило подходы и лексикографические приемы на вторую половину XX в. (этимологические, лексикологические, историко-культурные). Благодаря фундаментальным исследованиям в области словарного дела в этот исторический период, они становятся метаязыком лексикологии. Словарь, по выражению О.Н. Трубачёва, выступает в качестве базы, «фонда документированной эволюции».

Сейчас особое место среди источников Словаря занимают значительные по своему объему статьи, восходящие к «философской» «Книге святого Иоанна Дамаскина», включенной митрополитом Макарием в его Великие четьи минеи (ВЧМ, декабрь, дни 1–5, стб. 303–304). В этих статьях впервые намечена связь между философским знанием и грамматическим учением, связь, которая не была очевидной на Руси, но, благодаря авторитету источника, утвердившаяся в сознании великороссов: «Философия есть начало всякой хитрости. По иным же хитрость есть, еже рукама д#лаемое, художество ж – всяка словесна хитрость: грамматика, риторика и сицевая». Центральное место в философии Иоанна Дамаскина отведено учению о спасении (христологии), средоточием которого является ипостас-

кон и читать Пророков, читающий же быстрее находит дорогу к добру, отбегая зла» («И бо в#дый Писанія от нев#дущаго толико разнствуеть, елико конь обузданный отнеобузdanaго. Или яко живый от мертваго, яко же рече некто мудрыхъ къ вопрошающему его. В#сть бо Законъ и Пророки, читая исполняти, благо избирая, злобъ отбегати». (БАН, Арханг. собр., с. 211, л. 3).

Для великорусских книжников грамматики оказываются принципиально новым культурным феноменом, привнесенным извне и вступающим в противоречие не только с прежней лингвистической идеологией, но и внутренними разногласиями в среде филологической корпорации ученых. Ранее бытовавшее представление о церковнославянском языке как о «словесной иконе» не допускало создание системы абстрактных правил, объясняющих текст, и, следовательно, появление грамматик было невозможно [Успенский 1988]. Интересно отметить, что филологические воззрения чудовских иноков Евфимия и Феодора (Поликарпова), представляющих разные поколения филологов XVII в., также характеризуются разным пониманием «философии языка». Чудовской инок Евфимий в 80–90-х гг. XVII в. провозглашает «еллинословенское» единство двух «преискренних» друг другу «диалектов» – славянского и греческого – единство в начертаниях, в грамматике, лексике и, как следствие – в передаче смысла. Согласно учению Максима Исповедника, посрамившего ересь монофилитства, воплощение Божие было явлено в двух естествах, но в одном лице. Сравните строки из древней службы преподобному: «18. Троицу единосущную проповедал еси, единую в воле и действии, Бога же воплотившегося – в двух естествах, двух волях, двух действиях. Отцов наших. Боже, благословен еси. 23. Не двух волю, разделяемых разумом, противоречие проповедал, отче, но качество Единого, разнящегося в естествах». Как можно видеть, философские рассуждения инока Евфимия базируются на учении Максима Исповедника [Служба преп. Максиму Исповеднику 2003: 250–252].

Учение о Боговоплощении было заново осмыслено московскими богословами, благодаря новым переводам святоотеческих творений, осуществленным в стенах Чудова монастыря в 70–90-е гг. XVII в. Выражением филологического и богословского учения чудовской школы стал трактат Евфимия Чудовского в XVII в. Именно чудовская школа осуществила попытку полного обоснования своих взглядов. При этом идея следования Образцу-первообразу – важнейшая идея средневекового мышления – была воплощена в форму филологического трактата [«Учитися ли намъ...»: 1899]. Основной пафос московского богословия последней четверти XVII в. связан с идеей подобия. Труды в области переводной литературы, выполненные в школе Чудова монастыря в конце 70 – начале 90-х гг. XVII в., со всей очевидностью демонстрирует устойчивость модели, выработанной Средневековьем – «мышления по подобию» с ориентацией на праобраз. Как свойство евангельского праобраза переходит в подобие евангельской практики, так в трудах чудовской школы выбор исходного текста опреде-

ляется намеренной ориентированностью на византийскую традицию, восприятие которой на Руси произошло благодаря кирилло-мефодиевским переводам, на греческий язык (язык-архетип), влияние которого как языка культуры происходит и прямо, и опосредованно, через литературу и мировоззрение.

Переводить писания святых, по мысли чудовских книжников, необходимо так, как они сами писали, «дабы святые молились за нас и с нами» («О исправлении в преждепечатных книгах Минеях», рукопись Владимиро-Суздальского музея-заповедника, собр. Флорищевой пустыни, № 139(100), 1690-е гг.). «Не от себесамых тая писаху, но от Ст%аго Д%а по многолюбомудровстному учению воумляеми оная писаху, яко выше речеся еллинскимъ діалектомъ, сир#чь греческимъ, и с%т#й цр%кви предаша». «Досто-чудень н#кто мужъ, г%лаше: Писанія С\$тая и Словеса,и п#сни С%тыхъ Отцевъ тако подобаеъ преписываит, паче преводити от языка на языкъ, яко писаша сами С%тіи Отци, древниіи еллинскимъ діалектомъ, дабы с%тіи сія словеса предававшіи, своя **искренняя разум#юще, купно с нами молилися**» (там же, л. 4 об). Иными словами, точное следование написанному рождает чувство близости с писавшими. Этим единством творится молитва.

В несомненной ориентированности московских книжников на созерцательный метод святоотеческого богословия убеждает интерес к наследию Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Григория Нисского, Григория Паламы, Нила Солунского, трудам Афанасия Великого, Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, заново переведенным в чудовской школе конца XVII в. Из этого интереса проистекает неприятие всего, что было чуждо этому духу и что в конце концов определило противостояние языков и культур.

Представление о языке – первообразе в его «трехипостасности»: еврейский – греческий = латинский непосредственно восходит к догматическому учению о Святой Троице, лежащему в основе лингвистического осмысления идеи праязыка. «Тайна поистинн# сокровенна въ семь трязычіи, ибо еврейскій языкъ есть языкъ святъ. Греческій языкъ есть языкъ премудрости. Латинскій языкъ есть языкъ единачалствія», – пишет в своем предисловии к Лексикону трязычному иеромонах Чудова монастыря Феодор Поликарпов [Лексикон трязычный 1704: 2]. Буквари и лексиконы конца XVII – начала XVIII в., прежде всего созданные учениками Лихудов, отражают эту идею: титло (надписание) на Кресте Спасителя, сделанное на трех указанных языках, прообразовало этими языками «Единаго от Троицы» [Лексикон трязычный 1704: 2].

В Предисловии к Лексикону трязычному 1704 г. Феодор Поликарпов, опираясь на логику Дамаскина, формулирует философские и общелингологические позиции, постулируя *триединство* языков с приоритетным предпочтением греческого: «Вы же, о трудолюбивые единаго латинского языка рачитиіе, сущія во Христа веры питомцы, – пишет он, – еже единым токмо сосцем латинския мудрости питаетесь, примиите и второй, па-

че первый, нашей православной <восточной Церкви> греческой мудрости диалект к воспитанию разума стяжати. Не таится вас греческаго языка древность, не крыется, еже в нем пространство и мудрость. Явно всем правоверным – в нем веры законов и догматов сохранство. Ясно премудрым в науках свободных на разных языцех от сего речений взаимность...» [Феодор Поликарпов 1704: 4].

В Предисловии к своему Букварю-Алфавитарю 1701 г. Феодор Поликарпов подчеркивает истинное назначение учебной литературы: 1) «книгами, подобно щитами, Церковь ограждает свою защиту»; 2) подобными книгами «Бог прославляется, вера святая греческая умножается, учение процветает». Согласно составителю «букварь – дар Богодаровитый детскому воскоподобному уму» [Алфавитарь 1701: 3]; он – «яко крин белый от всякия иноверных краски чист»; материал его предназначен – «к познанию греко-латинского языка, к поощрению бесед и на вышшего к наукам возшествию» [Алфавитарь 1701, 8: 5 об.]. Предлагая перечень текстов для людей, постигающих грамоту, Феодор Поликарпов проводит грань между источниками цитат: «не Есопа фригийского зде смехоторные узрите басни..., законы не от Солона и Ликурга преданные, ...не стихи Овидиевы, ниже Вергилиевы», но «лествицу, возводящую нас в горний Сион, подобно бесплотным ангелам» (Алфавитарь 1701: 4 об. – 5 об.). Графической иллюстрацией языковых воззрений чудовской школы отчасти явился и Лицевой букварь чудовского инока Кариона Истомина, создававшийся в 90-е гг. XVII в.: прописи заглавных славянских и греческих букв свидетельствуют об их подобию и согласии, рядом стоящие буквы латинского алфавита дополняют этот общий образ священного письма идеей «единоначалствия».

Кариону Истомину было дано современниками имя «пестрый», подразумевавшее шаткость его позиций на первом этапе творчества: значительное число стихотворных текстов букваря Кариона Истомина заимствовано из букваря его учителя Симеона Полоцкого, одного из первых преподавателей Греко-славяно-латинской академии, знатока латинского языка, иезуита [Лабынцев 1980: 74–78]. Иными словами, букварь Кариона Истомина выбивается из русла представлений о едином «еллинославенском» языке в двух разновидностях – греческом и «славенском», но он согласуется с теорией Поликарпова о языковом триединстве. Иеромонах Карион Истомин хорошо знал греческий, латинский и польский языки, преподавал в Типографской школе, был справщиком на Московском печатном дворе, а после выхода своего знаменитого букваря короткое время был директором Московской типографии. После 1700 г. он, по приглашению митрополита Иова († 1716), участвовал в организации новгородского греческого училища, позднее преобразованного в семинарию.

Сегодня Лицевой букварь Кариона Истомина включен в число источников «Словаря русского языка XI–XVII вв.» по рукописному списку 1693 г. (ГИМ) и двум изданиям букваря (1694, 1696; а также переизданиям 1916 и 1981 гг.). Представлены цитатами и другие произведения этого ав-

тора: *Полис* (1694), *Едем* (1693), *Екклезия* (1693), а также панегирики (1694). Не только графический образ письма отражает филологические и философские воззрения автора. «Цитатное поле» букваря Истомина таково, что отдельные цитаты, в силу своей противоречивости, не поддаются привычным толкованиям. Подходить к их пониманию приходится, зачастую игнорируя традиционно привычное толкование слова, понимание с закрепленным за ним семантическим полем. Приведем пример, коснувшись одной из таких загадок букваря Кариона Истомина, связанной с толкованием неучтенной цитаты, расширяющей смысловое поле слова *пифик* 'обезьяна'.

Как видно из способа построения Лицевого букваря Кариона Истомина (ЛицБКИ), его спецификой является синтез текстового и иллюстративного материала, заимствованный у чешского просветителя Яна Коменского [Komenský 1662, 1666, 1679, 1688]. Общее количество его миниатюр и рисунков, размещенных на 38 листах издания, составляет 400. Каждая буква ЛицБКИ занимает здесь отдельную страницу. В лицевых изображениях заглавных букв можно видеть представителей разных слоев общества и профессий: воинов, кузнецов (v), артистов (∅, ∩), сокольничего (·); крестьян, горожан, жителей Немецкой слободы, которых можно узнать по платью. Присутствуют изображения сцен: церковного причастия (∧) и кулачного боя (ε, Δ), буква «зело» изображает воина, склонившегося к молитве. В рукописи (1693) и последующих печатных изданиях Букваря эти изображения варьируются.

Рисунки людей, растений и животных, построек и предметов быта сопровождаются подписями. Тематически изображения делятся на толковые, обучающие, назидательные. Толкования сопровождают, как правило, предметы церковного быта, а также изображения редких животных и птиц: агкифа, аспид, алектор (*петух*), гамаюн, единорог, ехидна, исхинилат (*горностай*), иппокентавр, кит, натопырь (*летучая мышь*), хорт (*собака*), барб (*тигр*), выдра. Присутствует и познавательная (обучающая) составляющая в толкованиях изображений: «Азия», «Африка» и «Америка» сопровождаются подписями «часть 1-я земли», «часть 2-я земли», «часть 3-я земли». Изображение виноградной лозы с подписью «виноград» дает представление об этой редкой и малоизвестной в Московии ягоде. Назидательная направленность просматривается в подписях, сопровождающих многие изображения. Например, жениха и жены (буква ∅): «Родяша чада, люди умножают/На хвалу Богу землю населяют». Среди рисунков можно встретить лиц, принадлежащих той или иной профессии и роду занятий («звездозаконник» со зрительной трубой, «историограф» с книгой и чернильницей в руках, «музыканты», играющие на смычковых, струнных, духовых инструментах, языческая богиня Юнона с подписью «богиня поганская») – все это многообразие сочетается с последующими виршами, например: «Из начала лет юн всем обучайся», «Из начала брань в мире обитает,/юныя люди жити обучает», «Гулякам юным не сладка наука,/за своеволю в веригах им мука». «Звезда блистает в своей мере всяка,/Звездозаконник смотрит в небе знака». Однако многие стихи представляются загадкой, современному читателю недоступной.

В иллюстративном ряду на соответствующем листе с буквой «Покой» присутствуют: *перстень*, *пуговица*, *потир* ('кубок, чаша'), *перо* (заточено для письма), *палата* (изображено здание в виде ворот в город с несколькими входами, окнами, а справа видна *дымница* – печная труба, характерная для изб), *пояс*, *парус* (напоминающий занавес), *пищаль* (огнестрельное оружие), *пращя́* ('ремень для метания камня', сложен петлей и имеет сетку или донце для камня), *плинфа* (разновидность кирпича), *пифик*. Под изображениями, ниже, в два столбца располагаются стихи, которые сгруппированы по рифмам:

Покой от труда/всякому есть знати,
егда будеши/и пером писати.

Парус желанный/людем в добро пушай,
палату сердца/в пост тело усушай.

Стреляй ко Богу/мислю твою,
Он опояшет/силу свою.

Чистоту в любви/пугвица застегнет,
Аще плинф греха /кто свобод отбегнет.

Пращею молитв/враги побеждати,
пифики бесы/не имут стужати.

Первая вирша «Покой от труда...» дается пониманию легко. Вторая, повествующая про *парус желанный* и про *палату сердца*, в своей замысловатой аллегории уже понимается сегодня с трудом. Следующие две аллегории («Стреляй ко Богу/мислю твою» и «Чистоту в любви/пугвица застегнет»), в принципе, понятны современному читателю. Первая приблизительно означает: 'Бог укрепляет человека по его молитвам', второе же, по всей вероятности, 'греховное искушение преодолевается целомудрием'. Однако смысл последней вирши семантически затемнен, употребленное автором выражение *плинф греха* также загадочен, как и окончание четвертой рифмы – «пифики беси/не имут стужати».

Грамматическая конструкция фразы *пифики беси/не имут стужати* представляет собой следующие друг за другом два существительных во множественном числе (*пифики* и *бесы*) плюс глагол *имати* в форме 3 л., мн. ч. с отрицанием «не» > *не имут*, дополненный архаичным глаголом *стужати*. Аналогичной древнерусской конструкцией с двумя именными формами, соединенными глаголом *не имут*, является выражение *мертвые сраму не имут*, зафиксированное летописью [Преподобного Нестора Росийский летописец 1863]. Смысл фразы раскрывается через летописный контекст; слова произносит князь Святослав Игоревич, обращаясь к своим воинам перед битвой с византийцами (970): «Да не посрамят земли русская, поляжем костями тут – мертвыи бо сраму не имут». Последнее, следовательно, означает 'павшим воинам отпускаются грехи', поскольку *срам* в древнерусском языке означает в одном из значений одновременно и 'по-

зор', и 'грех', павшие зачастую уходят из земной жизни без традиционного предсмертного покаяния.

Глагол *стужати* в церковнославянском языке означает 'докучать, тревожить, беспокоить, стеснять': «Мнози изгоняющи мя и стужающи ми» (Псалом 118₁₅₇). В сочетании *стужение демоновъ* всегда однозначно толкуется как 'нападение демонов'. *Не имут стужати* означает 'не подвержены нападению демонов'. Сложнее обстоит понять: кто на кого не может нападать: пифики на бесов или бесы на пификов ?

Пифик является гапаксом греческого *πίθηκος*, обозначающего обезьяну. Слово, закрепившееся в современном узусе, является заимствованием из персидского «абузинэ», но современникам Кариона Истомина оно известно не было. В литературных памятниках Древней Руси *пифик* фиксируется единичными употреблениями – большей частью обезьяна неизвестна древним русичам. Ее образ как глупого, лицемерного и неосмотрительного существа представлен одной цитатой из «Временника» дьяка Ивана Тимофеева, описывающего трагические события польско-литовской интервенции начала XVII в. [СлРЯ 1989, 15: 63] («яко безсловеснии пифицы соплетяхомся неразумием», что означает 'мы сравнились глупостью и неразумием с бессловесными обезьянами'), и цитатой из Иоанна Дамаскина [там же; ссылка на: ВЧМ, декабрь, дни 1–5, стб. 336] («пифик не смеется сердцем, но точию образы: подражательно бо животно есть»). Но цитата ЛицБКИ древнерусскими словарями не учтена. В контексте *пифики беси/не имут стужати* пифик предстает в образе осмотрительного, умного и хитрого существа, которому не может навредить диавол.

Можно предположить, что история появления этого образа в древнерусской литературе связана с притчей «О пифике и желве», которая восходит к индийскому эпосу. Образ мудрого пифика, спасающего свое сердце (душу), пришел на Русь вместе с циклом басен-притч, появившимся в глубокой древности в Индии и получившим известность под названием «Панчатантра» («Пятикнижие»). В персидско-арабской версии переработанный цикл стал известен под названием «Калила и Димна», с которого были сделаны европейские версии – латинская и греческая. В результате перевода с греческого на славянский, появившегося на Афоне в XIII–XIV вв., возникло произведение со странным названием «Стефанит и Ихниллат», где именами собственными в русской повести стали греческие слова *στεφανίτης* и *ιχνελάτης* – результат тройного перевода и неверной этимологизации. Со временем славянский перевод «Стефанита и Ихниллата» потерял свою первоначальную связь с индийским эпосом. Популярность ее на Руси превзошла все ожидания [Булгаков 1877; Стефанит и Ихниллат 1969; Библиотека литературы Древней Руси 2003]. Выстроенное в форме бесед царя и философа, сочинение состоит из занимательных историй, преимущественно о животных, каждая из которых имеет свою мораль.

Притча об обезьяне (*пифике*) и черепахе (*желве*) повествует о том, как черепаха пыталась обмануть своего друга пифика и была обманута сама. Войдя в доверие, коварная черепаха просила своего друга обезьяну от-

дать ей свое сердце (душу), а умная обезьяна сумела обмануть «друга». Помогла уловка обезьяны, заявившей, что ее сердце осталось дома, вынудившей черепаху вернуться с середины моря на берег, чтобы забрать желаемое. В мировом фольклоре вместо черепахи часто выступает какое-либо морское животное: крокодил, черт, левиафан, змей, но место действия, как правило, неизменно – морская пучина, место обитания враждебных существ: «Сие море великое и пространное, тамо гади, им же несть числа, животная малая с великими, ...змий сей, его же создал еси ругатися ему» (Псалом 103, 25, 26).

Ключ к пониманию притчи кроется в том, что сердце живого существа – его душа; всякая корысть, направленная против живого существа, вредит ему, его сердцу и душе. Словарь русского языка XI–XVII вв. фиксирует выражение *вередити сердце*: он же <Мстислав>, не хотя вередити сердца брату своему (т.е. не желая огорчать брата) <...> возвратися в Новгород. *Пифики беси/не имут стужати* косвенно отсылает к христианской морали: мир животных похож на мир людей, а мир людей далек от идеалов. Притча дает однозначную и простую установку, что человек должен делать, а что нет, какая хитрость приемлема и во имя чего. Хитрость обезьяны и хитрость черепахи различны. Одна – во спасение, другая – на погибель. Персонаж басенного цикла, имя которого вынесено в заглавие (Ихниллат) закрепился в литературе как образ обманщика и лицемера. «Ихниллатово лукавство» вспоминается в исторических реалиях XVII в. в связи с деятельностью римского легата Антонио Поссевино; аллюзии узнаваемы в текстах азбуковников. Так, Азбуковник 1596 г. сопровождается записью «Книжка Ихниллат учит, как беречись лукавых человек и прочия баснословия».

Как и «Маугли» Дж.Р. Киплинга, «Стефанит и Ихниллат» является переработанной версией индийского эпоса, место действия которого – джунгли, населенные племенем обезьян (Bandar-log) [Книга джунглей], шакалами, питонами, волками, вступающими между собой в непростые отношения, полные лукавства и предательства. Латинские версии упомянутого «Пятикнижия» получили широкое распространение в Европе под названием «Наставление человеческой жизни» – произведения, имеющего много общего со знаменитым «Романом о Лисе», также представляющего собой индо-арабско-греческий цикл басен о животных. Каждый в этих баснях говорит за себя и имеет собственную логику. Правильные слова звучат из уст грешников и лицемеров. Греческое слово *όθώς* (шакал) славянский переводчик перевести не смог, потому что в славянских языках слова «шакал» не было (оно попало в наш язык только в XIX в. через французский язык из персидского). Переводчику пришлось воспользоваться словом «звѣрь» или словосочетанием «некие звѣри», подбирая обозначения для диковинного мира живой природы Индии.

Из приведенного анализа становится понятно, что не только выявленный социальный топос, заложенный в предпочтении поведенческих схем, присутствует в лучшем детском букваре начала Петровской эпохи. Букварь

соединяет текстовой и графический материал, которые отражают философские воззрения автора, а литературный – традиционное восприятие обезьяны как агрессивного и неумного существа идет вразрез с образом пифика, который исторически выступает как умное и осторожное существо, хранящее сердце свое вне тела и умеющее сохранить его. Уловка обезьяны из басни про пифика связана с мотивом, широко распространенным в мировой литературе, – сказочные существа прячут свою жизнь вне тела (например, таким образом спрятана Кашеева смерть в русских сказках). Букварь Кариона Истомина лишь соединил и оживил повторяющийся мотив мировой литературы.

Источники и словари

Алфавитарь рекше Букварь славеногреколатинский [Текст]. – М. : Печатный двор, июнь 7209 [1701].

Библиотека литературы Древней Руси [Текст]. – СПб., 2003. – Т. 8 : XIV – первая половина XVI века.

Временник Ивана Тимофеева [Текст]. – М. ; Л., 1951 (переизд. : СПб., 2004. – С. 70, 238. – Прим. 176).

Калила и Димна [Текст] : пер. с араб. – М., 1957.

О исправлении в преждепечатных книгах Минеях [Текст] (Чудовское собрание. – 1692. – № 286(84) / изд. Н. Никольского ; ПДП. – СПб., 1896. – Вып. СХV.

Панчатантра [Текст] : пер. с санскрита. – М., 1958, 1962.

Преподобного Нестора Российский летописец [Текст]. – СПб., 1863.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст] / Справочный выпуск: История картотеки. Авторский состав. Указатель источников. Словник (обратный). – М., 2001.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1989. – Вып. 15.

Служба преп. Максиму Исповеднику по новгородским минеям конца XI – начала XII в. [Текст] // Гимнография Киевской Руси / М.Ф. Мурьянов ; пер. Н.Н. Лисового. – М., 2003. – С. 250–252.

Стефанит и Ихниллат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII вв. [Текст] / изд. подгот. О.П. Лихачева, Я.С. Лурье ; пер. с греч. Е.Э. Гранстрем, В.С. Шандровской. – Л., 1969.

Учитися ли намъ полезнее грамматики, риторики... или, не учася симъ хитростемъ, въ простоте Богу угождати... и котораго языка учитися намъ, славянномъ, потребнее и полезнее – латинскаго или греческаго [Текст] : рук. С.-Петербур. духовн. акад. – № 423 // Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. / опубл. М. Сменцовский. – СПб., 1899. – С. X.

Феодор Поликарпов. Лексикон треязычный [Текст]. – М., 1704.

Литература

Булгаков, Ф.И. О происхождении и литературной истории старинной повести русской «Стефанит и Ихниллат» [Текст] / сост. по поручению лит. отд-ния О-ва любителей древней письменности. – СПб. : тип. В.С. Балашева, 1877.

Буслаев, Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидата Ф. Буслаева [Текст]. – М., 1848 ; 3-е изд. – Репр. воспроизведение изд. 1848 г. – М., 2011.

Виноградов, В.В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры [Текст] // Вопр. языкознания. – 1968. – № 1.

Кузьминова, Е.А. Грамматика церковнославянского языка в культурно-языковом пространстве России XVI–XVIII вв. [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012.

Лабынцев, Ю.А. Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII в. [Текст] // Совет. славяноведение. – № 6. – 1980. – С. 74–78.

Пиккио, Р. История древнерусской литературы. – М., 2002.

Успенский, Б.А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.) [Текст] // Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988. – С. 208–224 (переизд.: Избранные труды. – Т. II : Язык и культура. – М., 1994. – С. 7–25).

Komenský, J.A. (1592–1670). Joh. Amos Comenii Orbis sensualium pictus. Hoc est, Omnium fundamentalium in mundo rerum... pictura et nomenclatura... Editio tertia... auctior et emendatior... Die sichtbare Welt, Das ist: Aller vornehmsten Welt-Dinge, und Lebens-Verrichtungen, Vorbildung und Benamung. Drittenmahl aufgelegt... Noribergae [Text]. – Nürnberg, 1662, 1666, 1679, 1688.

Picchio, R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom [Text] // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. – The Hague, 1973. – Vol. II.

**Е.В. Ковалых
(Псков)**

ИЗУЧЕНИЕ И ИЗДАНИЕ ПСКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА

И.И. Срезневский большую часть жизни посвятил источниковедению и предварительной лексикографической обработке значительного числа памятников письменности. Прошло более двухсот лет, но работа с рукописями не потеряла своей актуальности. Сведения об истории русского языка постоянно пополняются новыми фактами в результате источниковедческих исследований памятников разных жанров, разной территориальной принадлежности.

В Государственном архиве Псковской области в составе фонда Псково-Печерского Успенского мужского монастыря хранится шесть хозяйственных книг XVII в. [ГАПО 449: 1]. Это переписные книги 1639, 1652, 1656, 1663, 1678 гг., Приходо-расходная книга 1674–1675 гг., Ужинно-умолотная книга 1643–1644 гг. Переписная книга 1642 г. хранится в отделе рукописей библиотеки Академии наук (БАН); Памятная книга 1684–1691 гг. – в Древлехранилище Псковского государственного музея-заповедника.

Хозяйственные монастырские книги широко привлекаются историками для исследования Псковской земли, в частности в работах, посвя-

щенных Псково-Печерскому монастырю, в связи с вопросами землевладения, численности населения [Малков 1982; Масленникова 1989]. Лишь недавно эти монастырские рукописи стали объектом внимания лингвистов.

Хозяйственные книги Псково-Печерского монастыря XVII в. исследуются как источник сведений о начальном этапе формирования русского национального языка уже на протяжении 20 лет. Фонд Псково-Печерского монастыря Государственного архива Псковской области стал известен исследователям-лингвистам благодаря С.М. Глускиной, которая оценила потенциальные возможности рукописных книг как лингвистического источника. На кафедре русского языка до сих пор хранится фотокопия книги 1652 г.

Впервые лингвистическое описание псковских хозяйственных книг встречаем у Н.Д. Сидоренской [Сидоренская 1991], которая в своих работах дала общую характеристику фонда Псково-Печерского монастыря, отметила некоторые особенности содержания и языковые черты монастырских хозяйственных книг преимущественно на примере Переписной книги 1652 г. и Приходо-расходной книги 1674–1675 гг. (графика, лексика и грамматика этих памятников). Уникальность исследуемых памятников состоит в том, что обнаруженные в них языковые факты могут пополнить уже имеющиеся сведения о языке XVII в., содержат явления, не зафиксированные в исторических словарях и картотеках. Во всех работах отмечена хорошая выучка писцов, выраженная в их следовании складывающимся нормам делового языка московских приказов.

С 1996 г. на страницах научно-практического историко-краеведческого журнала «Псков» публикуется текст Переписной книги 1652 г. [Переписная книга 1996–2002]. Во вступительной статье отмечается: «Необходима (хотя бы в извлечениях) публикация этих памятников с соблюдением (насколько это возможно) правил лингвистического издания текста» [Переписная книга 1996: 128]. В тексте не указаны границы предложений, отсутствует современная пунктуация, отмечены границы строки и листа, выносные буквы выделены курсивом, отражено написание букв «ять», «ь» и «ъ», сохранена буквенная цифирь, общепринятые сокращенные написания слов. При этом по техническим причинам дублетные буквы обозначены прописными начертаниями. Неопубликованной оказалась последняя часть книги, где были перечислены крестьяне и ремесленники, получившие жалование. В этой части текст насыщен антропонимами. Собственные личные имена представлены русскими календарными именами и эстонскими: Ивашко, Андрюшка, Фомка, Сенька, Гаврилка, Уляшко, а также Мик, Янка, Папка, Юшко. Имена Петрик Микулин, Юшко Микулин, Мик Лаврецов, Янка Максимов, Меуско Титкин, Мергушко Кирилов свидетельствуют о теснейших связях между двумя народами на территории Псковской земли.

Опубликованный текст позволяет детально описать лексический состав памятника, его грамматические особенности. Сопоставляя тексты

книги 1652 г. и аналогичных книг других лет, исследователь получает возможность проследить изменения в лексике и грамматике. Переписные книги представляют собой, казалось бы, сухой и статичный перечень имущества, однако подобные тексты содержат порой очень ценные сведения, касающиеся как языковой ситуации изучаемого периода, так и жизни народа в целом. Например, в лексике переписных книг Псково-Печерского монастыря нашли отражение разные стороны жизни монастыря как религиозного центра, хозяйственной организации, мощной пограничной крепости. Представленная в псковских хозяйственных книгах лексика может быть распределена по следующим группам, различным по объему: 1) церковная лексика; 2) социально-экономическая лексика; 3) лексика делопроизводства; 4) военная лексика; 5) наименования людей; 6) наименования сооружений, построек и их частей; 7) наименования драгоценных камней и украшений; 8) наименования тканей и одежды; 9) наименования предметов утвари (в том числе предметов утвари как емкостей); 10) наименования мер и вместимостей; 11) наименования продуктов питания и напитков; 12) лексика, связанная с сельским хозяйством; 13) лексика животноводства; 14) лексика рыболовства. Здесь широко представлена именная лексика, что позволяет исследовать именное склонение в языке деловой письменности XVII в.

С 1997 г. уже опубликованные фрагменты текста хозяйственной книги 1652 г. расписывались студентами ПсковГУ для Картотеки Псковского областного словаря с историческими данными. Ряд текстовых фрагментов вошел в качестве иллюстраций в ПОС.

В 1991 г. в работах Н.Д. Сидоренской появилось упоминание о Нетных книгах как особой разновидности хозяйственных книг. Итогом многолетних исследований стала монография «Нетные книги Псково-Печерского монастыря 1682 г.» [Сидоренская 2010], цель которой – привлечь внимание исследователей к рукописному фонду Псково-Печерского монастыря в Государственном архиве Псковской области.

Исследователь дает общую характеристику хозяйственных монастырских книг XVII в. [Сидоренская 2010: 4–24], затем раскрывает особенности структуры и содержания хозяйственных книг, лексические и грамматические черты этих деловых памятников [Сидоренская 2010: 25–36]. В основе характеристики вновь оказывается Переписная книга 1652 г., а также Приходо-расходная книга 1674–1675 гг. После подробного комментария воспроизводится текст Нетных книг, который оформлен в соответствии с требованиями лингвистического источниковедения [Сидоренская 2010: 51–27]. Следует отметить, что в монографии отражено стремление максимально точно передать особенности текста Нетных книг с учетом различных поправок, приписок, сделанных писцами при составлении описи. В приложении дается указатель слов Нетных книг, указатель личных имен Нетных книг, приведены образцы скорописного текста рукописи (фотокопии).

В Послесловии Н.Д. Сидоренская выразила надежду, что «публикация Нетных книг Псково-Печерского монастыря окажет помощь изучаю-

щим скорописные памятники и их язык, а также поможет приоткрыть еще одну страницу истории Псковской земли XVI–XVII вв. и роли в ней Псково-Печерского монастыря» [Сидоренская 2010: 43].

К сожалению, даже после указанных публикаций сами тексты еще недоступны для широкого круга исследователей, что объясняется небольшим тиражом изданий. Решению данной проблемы поможет создание электронной библиотеки исторических текстов. В настоящее время эта работа производится при сотрудничестве кафедры русского языка и проблемной научно-исследовательской лаборатории региональных филологических исследований ПсковГУ.

В нашем распоряжении уже имеются тексты, опубликованные Н.Д. Сидоренской. Это и Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. (в десяти выпусках историко-краеведческого журнала «Псков») и Нетные книги (монография).

И работа в этом направлении продолжается. Завершена транслитерация и ведется подготовка к публикации текста Приходо-расходной книги 1674–1675 гг. В дальнейшем предполагается публикация и других памятников псковской деловой письменности. При подготовке текстов соблюдается четкое следование требованиям публикации памятников письменности [Котков, Князевская 1961]. Учитывается опыт лингвистов, работающих с древнерусскими источниками, издающих рукописные памятники [Астахина 2006].

Электронная библиотека обеспечит доступ к текстам хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря для научно-исследовательской работы широкого круга специалистов.

Литература

Астахина, Л.Ю. Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект [Текст] / послесл. Ю.Н. Филипповича. – М., 2006.

Князевская, О.А. Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности [Текст] / О.А. Князевская, С.И. Котков. – М., 1961.

Малков, Ю.Г. Новые материалы к истории архитектурного ансамбля Псково-Печерского монастыря [Текст] // Реставрация и исследования памятников культуры. – М., 1982. – Вып. 2. – С. 65–81.

Масленникова, Н.Н. Сельское население и расселение на Псковской земле [Текст] // Аграрная история северо-запада России XVII века (население, земле-владение, землепользование) / отв. ред. А.Л. Шапиро. – Л., 1989. – С. 29–38.

Масленникова, Н.Н. Хозяйство Псково-Печерского монастыря в 40-х гг. XVII в. [Текст] // Средневековая и новая Россия : сб. науч. ст. – СПб., 1996. – С. 463–471.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской // Псков. – 1996. – № 4. – С. 128–132.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской // Псков. – 1996. – № 5. – С. 105–108.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской // Псков. – 1997. – № 6. – С. 122–128.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской // Псков. – 1998. – № 8. – С. 156–161.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской // Псков. – 1999. – № 10. – С. 191–196.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской // Псков. – 1999. – № 11. – С. 187–196.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской // Псков. – 2001. – № 14. – С. 159–165.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской, Е.В. Ковалых // Псков. – 2001. – № 15. – С. 185–191.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Н.Д. Сидоренской, Е.В. Ковалых // Псков. – 2002. – № 16. – С. 211–217.

Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. [Текст] / подгот. текста к публ. Е.В. Ковалых, Н.Д. Сидоренской // Псков. – 2002. – № 17. – С. 208–213.

Сидоренская, Н.Д. Монастырские книги Псково-Печерского монастыря XVII века как лингвистический источник [Текст] // Псковские говоры и их окружение : межвуз. сб. науч. тр. – Псков. – 1991. – С. 128–138.

Сидоренская, Н.Д. Нетные книги Псково-Печерского монастыря 1682 г. [Текст] : моногр. / публ. текста и исслед. Н.Д. Сидоренской ; сост. Указателей слов и личных имен Е.В. Ковалых ; отв. ред. Н.В. Большакова. – Псков, 2010.

В.Ф. Коннова

(Оксфорд, Великобритания)

НЕКОТОРЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В МАТЕРИАЛАХ «СЛОВАРЯ РУССКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА» МАРКА РИДЛЕЯ

В материалах словаря М. Ридлея [Ridley 1996] находятся несколько групп слов, представляющихся на первый взгляд искусственными словообразованиями. Б.О. Унбегаун, автор первых исследований рукописей англо-русского и русско-английского словарей XVI в., отмечал, что хотя свидетельства Ридлея в основном достоверны, однако «Ридлей быстро, по видимому, заметил, что русский – живой язык с практически неограниченными словообразовательными возможностями, поэтому он позволял себе в отдельных случаях создавать новые, не всегда неправдоподобные, формы из существующих корней и суффиксов» [Unbegaun 1969: 239]. В своем предисловии издатель словаря Дж. Стоун оценивает такие, на первый взгляд, искусственные формы более осторожно, – это «сомнительные слова в рукописях Ридлея (мы не можем назвать их ложными, так как никто

в настоящее время не в состоянии доказать, что они не существовали в XVI в.)» [Ridley 1996: 28]. В основном речь идет не о новых словообразовательных моделях (можно отметить только два случая такого рода), а о наполнении этих моделей новыми, не известными в русских источниках формами.

1. Существительные с суффиксом *-ство*, образованные от основ прилагательных: напр., **берегливство**. heediness (заботливость, осторожность), ср. арх. **берегливой** 'экономный, бережливый' [АОС 1980–2010, 1: 165], **боленство**. pain, rances (боль), **гладство**. smoothness (гладкость), **глухство**. deafnes (глухота), **доброство**. benevolence, goodness (благоволение, доброжелательность), **жолство**. yellowness (желтизна), **кривство**. stowkednes (кривизна; мошенничество), **легство**. facilitie. ease (легкость, отсутствие помех), **лигство**. crueltie (жестокость), ср. дон. **лиховство** 'ловкость, молодечество' [СРНГ 1965–2010, 17: 17], **небоженство**. ungodliness (безбожность), **небоязливство**. audacitie (смелость), **невежливство**. rudenes (грубость), **тихство**. quietnes (тишина, спокойствие), **тученство**. fatnes (тучность, жирность), **тяжелство**. massiveness (тяжесть, массивность), **уродливство**. madnes (безумие, сумасшествие), **усталство**. wearynes (усталость).

От основ существительных образованы: **ведунство**. sorcery. witchcraft. an enchantment (колдовство, чародейство), **видоства**. semblance (внешний вид; сходство; призрак, привидение), **мирство**. (сдержанность, воздержание), **супостство**. enmitie (вражда, враждебность), **тиунство**. a deputishipe (исполнение обязанностей заместителя или специального посланника короля или правителя).

От глагольных основ: **доводиство**. prooofe (доказательство).

2. Существительные с суффиксом *-никъ* со значением лица, образованные от номинативных основ: **волосникъ**. a barber (цирюльник), **конушникъ**. a horskerer (конюх), ср. арх. вят. **конюшник** 'пастух лошадей, конюх' [СРНГ 1965–2010, 14: 278], **кучникъ**. a horder (тот, кто копит, собирает, особ. деньги), **трубникъ**. a trumpeter (трубач);

со значением помещения для животных: **курицникъ**. a coupe for hennes (курятник).

От глагольных основ образованы: **вкладникъ, вскладникъ**. a rimer (поэт, сочинитель), ср. **складывать** 'сочинять, писать', **складословець, складотворець** 'сочинитель' [СлРЯ 1975–2011, 24: 204], **випутаинникъ**. an examiner (тот, кто спрашивает, задает вопросы, проверяет знания; тот, кто допрашивает, выпытывает), **дабытникъ**. a genitoure (отец), ср. **добытник** 'человек, добывающий средства к жизни; работник, кормилец' [СРНГ 1965–2010, 8: 82], **кубретникъ**. a dissembler (лицемер, притворщик), от глагола **кубрети**. to dissemble (притворяться, лицемерить) [Ridley 1996: 193], ср. также **кубрить** курск, терск. 'пьянствовать; кутить, гулять, шалить', смол., пск. 'смеяться над кем-л., зубоскалить; шутить', зап. 'стараться казаться молодцом, выказывать удаль' [СРНГ 1965–2010, 15: 384;

ПОС 16: 314] и **кубровать** южн. 'шутить, подшучивать' [СРНГ 1965–2010, 15: 385].

Большая группа существительных образована от основ глаголов прошедшего времени: **вертильник**. а turner (токарь; гончар), ср. пск. **вертельник** 'тот, кто вертит точило, помощник точильщика' [СРНГ 1965–2010, 4: 150; ПОС 3: 96], **гнушалник**. an hater (ненавистник), **говоралник**. а speaker (говорящий, тот, кто говорит), **громалник**. а pirate (пират, разбойник) от глагола **громити** [Ridley 1996: 115; СлРЯ 1975–2011, 4: 141]; **давалник**. а giver (тот, кто дает), **добовалник**. а getter (тот, кто добывает, получает что-л.), **заималник** (**заимашник** с тем же значением, по всей видимости, описка). а lender (заимодавец), **зывалник**. а gaper (зевака) от глагола **зевати**, **кушалник**, **кушавник**. an eater (едок), **кушалник**. а taster (тот, кто пробует, проверяет качество еды), **лизалник**. а slapsouce (лакомка, любитель вкусно поесть; обжора), **меналник**. а changer (меняльщик), **мешкалник**. а lingerer (тот, кто медлит), ср. **мешкати** 'выжидать, медлить' [СлРЯ 1975–2011, 9: 141], **мочилник**. а wetter of cloath or apparele (тот, кто мочит одежду), **мстелник**. а revenger (мститель), **хвастилник**. а vaunter (хвастун).

Существительное **колшевник** (вместо **холщевник**). а lining draper (торговец бельевыми товарами) образовано от прилагательного **холщевый**. **Казнишник**. an executioner (палач), вероятно, окказиональное образование.

3. Отглагольные существительные с суффиксом *-ние*: напр., **безделание**. an intermedling (вмешательство (не в свое дело)), **безмерение**. distemperance (неумеренность, невоздержанность), **вывекнение**. а luxation (вывих), **выкупление**. а ransome (выкуп), **випутание**. an examination (расследование, дознание; расспросы; проверка знаний; допрос), **догадание**. а consideration (рассмотрение, соображение), **иммугинание** (воображение, фантазия), **кубретание**. dissimulation (притворство, обман, лицемерие), **манение**. cosonage (обман, мошенничество). Сомнительны формы, образованные, как кажется, от основ инфинитивов: **готовитание**. а preparation (приготовление), **дрожатание**. а trembling (дрожание), **неждатание**. unstayedness, **неждатние** (неустойчивость, непостоянство), **тешитание**, а consolation (утешение), **тужитание**. а mourning (скорбь), хотя правдоподобно **боротение**. а wrestlinge, ср. онеж. **боротиться** 'бороться', арх., новг., урал. **боротье** 'борьба, вид народного спорта' [СРНГ 1965–2010, 3: 118].

4. Прилагательные (и наречия) с суффиксом *-лив-*, образованные от основ глаголов и существительных, являются продуктивным словообразовательным типом. Преобладающее значение этих форм – 'склонный, способный к какому-либо действию', в словаре М. Ридлея они часто переводятся английскими прилагательными с суффиксом *-able*. Примечательно, что и другой иностранец Т. Фенне обратил внимание на эту группу прилагательных в своем грамматическом примечании [Fenne 1970, II: 92]. Вот некоторые примеры форм с суффиксом *-лив-*, не засвидетельствованные в СлРЯ: **беглетлив**. fugitive 'склонный к побегу'. ср. арх. **беготливой** 'непоседли-

вый, подвижный, шустрый' [АОС 1980–2010, 1: 139], **бедливь**. miserable (бедный, несчастный), ср. **бедливой** 'доставляющий неприятности, огорчения' [АОС 1980–2010, 1: 141], **берегливь**. heedie (внимательный, заботливый, осторожный), ср. арх. **берегливой** 'экономный, бережливый' [АОС 1980–2010, 1:165], **воритливь**. knavishe (плутоватый, вороватый), **забивливь**. forgetful (забывчивый), **казнатливь**. damnable (заслуживающий осуждения), **мирливь**. peacable (миролюбивый), **молодежливь**. youthful (молодежный, свойственный молодежи), **непарусливь**. unsailable (такой, на котором (судне) или по которому (водному пути) нельзя плыть), **неприехавливь**. unapproachable (неприступный).

5. Довольно многочисленная группа наречий с суффиксом *-во* является собой словообразовательную модель, не известную в русском языке. Все они последовательно переводятся английскими наречиями с суффиксом *-ly*. Примеры: **бесстрахово**. desperatly (отчаянно), **богатово**. richly (богато), **весилово**. merrily (весело), **изменово**. traiterously (изменнически), **лихова**. deadly (смертельно), **упрямово**. wilfully (упрямо). Можно предположить, что они образованы по аналогии с наречиями типа **готово**, **годово**. yearly (от прилаг. **годовый**), **другаво**. secondly (во-вторых), ср. арх. **другова** 'второй раз, повторно, снова' [АОС 1980–2010, 12: 306], **лениво** (записано у Ридлея как **леново** lazily).

Сомнительные слова в материалах Ридлея – прежде всего абстрактные существительные и прилагательные, не встречавшиеся, как полагает Дж. Стоун [Ridley 1996: 28], в языке русских информантов и поэтому образованные самими англичанами, М. Ридлеем или другими английскими купцами и путешественниками в Московии. Именно тот факт, что словарь М. Ридлея является, возможно, компиляцией нескольких словарных списков, имевших хождение среди английской колонии в г. Москве в конце XVI в., объясняет такие искусственные словоформы, как **тешитание** или наречия типа **лихова**, они могли быть в списке менее способного лингвиста. То, что некоторые из записей Ридлея, не известные в русских источниках XI–XVII вв., встречаются в диалектных словарях русского языка или в более поздних источниках, свидетельствует о том, что они или действительно существовали, или вполне соответствуют словообразовательному потенциалу русского языка. Рассмотренные примеры словообразовательного творчества в словаре М. Ридлея согласуются с заключительными замечаниями Е.А. Земской о механизме современного словообразования в ее книге «Словообразование как деятельность» [Земская 1996: 204–205].

Словари

АОС – Архангельский областной словарь [Текст] / под ред. О.Г. Гецовой. – М., 1980–2010. – Вып. 1–13 (издание продолжается).

Псковский областной словарь [Текст]. – Л./СПб., 1967–2008. – Вып. 1–20 (издание продолжается).

СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. – Л./СПб., 1965–2010. – Вып. 1–43 (издание продолжается).

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–2011. – Вып. 1–29 (издание продолжается).

Литература

Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст]. – М., 1992.

[Fenne] – Tunnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607 [Text]. – Vol. II : Transliteration and Translation / Ed. L.L. Hammerich, R. Jakobson. – Copenhagen, 1970.

[Ridley] – A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue. Attributed to Mark Ridley [Text] / Ed. from the late-sixteen century manuscripts and with an introduction by G. Stone. – Köln ; Weimar ; Wien, 1996.

[Unbegaun] – Unbegaun, B.O. The Language of Muscovite Russia in Oxford Vocabularies. Reprinted in his "Selected Papers on Russian and Slavonic Philology" [Text]. – Oxford, 1969.

Л.Я. Костючук
(Псков)

ВНИМАНИЕ К ДРЕВНЕМУ СЛОВУ В СВЕТЕ ИДЕЙ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

(используя данные псковских памятников письменности)

Очень долго Словарь И.И. Срезневского был единственным незамеченным источником лексико-грамматических сведений о словах из древних памятников письменности. И сейчас, когда активно используются созданные в XX в. общие исторические или региональные исторические словари русского языка, Словарь И.И. Срезневского остался авторитетным справочным трудом для проверки истинности обнаруживаемых семантических особенностей лексико-фразеологических единиц древнерусского языка.

Прекрасный знаток русского слова, И.И. Срезневский замечал, фиксировал и распространенные значения, и едва намечающийся в древних текстах сдвиг в плане содержания у слова в зависимости от соответствующего контекстного окружения. Для передачи исследовательских открытий и сомнений составитель Словаря (скромно названного «Материалами для словаря древнерусского языка» [Срезневский 1958: I–III]) отмечал знаками вопроса, а также древнегреческими или латинскими соответствиями ядро значения единицы.

Тщательная проработка каждой лексемы сопровождалась подробной дифференциацией значений, так как лексикограф обладал прекрасным знанием памятников.

При установлении общерусского или регионального характера важен учет территории распространения слова в прошлом (это дают памятники письменности при внимании к географии создания памятника) и в настоящем (местные говоры свидетельствуют об этом). Этому способствует методика, предложенная Б.А. Лариным для «Псковского областного словаря с историческими данными»: областной словарь 1) полного типа по представленности собранных и исследованных лексем и 2) словарь, включающий словарь из памятников древнерусского и среднерусского языков [Ларин 1961; 1967: 3]. Исторические параллели к современным диалектным словам (и наоборот) через труд лексикографа помогают выяснить непрерывность лексико-семантического развития лексем и однокоренных объединений слов.

Для такой работы важен исследовательский подход к определению местных памятников письменности как объектов для лексикографической работы. Поэтому выбор Б.А. Ларина псковского материала был не случаен. Известно, например, своим богатством Древлехранилище при Псковском музее-заповеднике, одно из старейших собраний рукописных и печатных памятников древности. Труды ушедших собирателей и хранителей бесценных памятников, в частности в XX в. (Л.А. Творогова, Н.П. Осипова), работа сотрудников, ныне продолжающих подготовку памятников к систематизированному представлению заинтересованным пользователям (оригинальный и глубокий труд А.Б. Постникова по созданию подробного каталога рукописных псковских памятников, хранящихся в Древлехранилище), оказывают неоценимую помощь прежде всего лексикографам и лексикологам.

Поскольку многие древние памятники по XVIII в. в основном имеют религиозное содержание, то в них, естественно, встречается соответствующий набор лексем, хотя, как обнаруживают исследования, допускались и местные слова обиходного использования. Так, в Житии псковского святого Саввы Крыпецкого нами было замечено местное слово *примошие* в значении ‘возвышенное место около мохового болота’ в рассказе о том, как Савва выбрал место для своего пустынножительства и для последующего основания монастыря, который существует и донныне недалеко от Пскова и называется Крыпецкой монастырь: «Савва <...> отиде въ поустыню з(лаго)лемую крипец и тоу обрѣте мѣсто чл(ове)ки непроходимо <...> и *примошие* прилегло около хольмоу» [Пам. Саввы XVI: 533]. В псковских, как и в ряде других, особенно северных, говорах, слово *мох* означает не только особое растение, но прежде всего и ‘моховое болото’, просто ‘болото’, и многое другое, связанное с семами ‘мох’, ‘болото’ [ПОС 1967–2012, 18: 408–414]. Но лексему *примошие* пока не удалось отметить ни в одном из диалектных и исторических словарей (хотя словообразова-

тельный тип «*при-* + *-иј* (е)» известен русскому языку, ср. *приморье*). Следовательно, допустимо считать слово *примошие* псковским регионализмом.

Псковские грамоты XIV–XV вв., дошедшие до нас в основном в списках XVII в., опубликованные Л.М. Марасиновой, при описании земельных владений подробно указывают такие ориентиры для определения границ участка, которые приходилось учитывать в прошлом [Марасинова 1966]. При этом часто встречается и слово *мох*, которое и в современных псковских говорах и в деловых документах прошлого обозначает и такие участки, которые важны для сельскохозяйственных работ. Это значение 8 – ‘зарастающая луговыми травами часть болота; сенокосный участок на таком болоте’ (например, в писцовых книгах: «*Да на отхожей пожни в мххх и на болотхх сена 40 копень*» [Кн. писц. I: 97]) и значение 10 – ‘земельное владение на неудобьях (пустошь, луг, лес на болоте и т.п.)’ (например, в грамоте великого князя Александра и посадника Твердила на спорный *мох*: «*А Радишу и Кузьмх и спасовскихъ чьрньцовъ мха лишихомь*» [Гр. Новг. и Пск. XIII: 338] – (см.: [ПОС 1967–2012, 18: 414]). Значение 10 для современных псковских говоров оказалось устаревшим (сопровождается пометой «устар.»): «*У байрина была майла земли, штоп евои приняли ф камитет, прикупал мха*» (Холмский район) [ПОС 1967–2012, 18: 411]. Однако для времени создания псковской грамоты XIII в. это значение было актуально. Не случайно и в Словаре И.И. Срезневского из этой же грамоты есть фрагмент на значение ‘место, поросшее мохом’ (правда, без уточнения, что речь идет о земельном владении): «*Стояли... всх Рожитчане, тяжучися... с черници Спасовскими про мохъ*» [Срезневский 1958, II: 213–214]. В небольшой грамоте подробно освещается история о том, что *черници* хотели завладеть этой землей, тогда «*всх рожитчане выложиша смердью грамоту, аже в грамотахъ мохъ <...> всхх рожитчань*» [Гр. Новг. и Пск. XIII: 338]. Естественно, что судебная *тяжба* была затеяна именно относительно права на земельное владение. Стоит учесть, что у И.И. Срезневского пояснение слова *тяжатися* в одном из значений дается как ‘судиться’ [Срезневский 1958, III: 1102].

Внимание к контекстам и к тексту, учет ландшафтных и растительных особенностей местности, поддержка авторитетных словарей – все это позволяет выяснить процесс развития и закрепления разных значений, в частности у лексемы *мох* в прошлом и настоящем. Так можно воссоздать участки языковой картины мира, отраженной не только в современных говорах, но и в древних источниках.

Для лексикографических исследований, связанных с представлением и изучением народных говоров при учете прошлого состояния народной речи важны такие памятники, как, например, «Русско-немецкий разговорник», составленный немецким купцом Т. Фенне в г. Пскове 1607 г. Талантливый иностранец записывал и «экзотическую», местную псковскую лексику. Так, историческую часть «Псковского областного словаря с истори-

ческими данными» из этого памятника начала XVII в. украшает лексема *метлица*, означающая ‘льнотрепалка’ из раздела «Рабочий инструмент» (см.: [Fenne’s 1607: 105; ПОС 1967–2012, 18: 194]). Эта лексема не имеет «продолжения» своей истории как слова в современных псковских говорах: ни в одной из экспедиций не удалось обнаружить такое звучание, хотя корень *мет-*, безусловно, известен в названиях действий, связанных с обработкой льна.

Зато радуется зафиксированное уже в «Разговорнике» известное до сих пор прежде всего в псковских говорах слово *литки* ‘угощение с выпивкой после удачной сделки относительно купли-продажи, сватовства или какого-нибудь хозяйственного дела’. Т. Фенне отметил именно распространенное устойчивое словосочетание *литки пить* в значении ‘отмечать выпивкой удачную сделку’: «Сегодня мы *литки пить*. Кому то платить?» [Fenne’s 1607: 337; ПОС 1967–2012, 17: 95].

В «Разговорнике» оказались отмеченными редкие, но очень показательные именно для псковских говоров случаи древних фонетических изменений согласных в словах типа *сочкди*, *розочкди*, где обнаруживается судьба сохранения древних сочетаний согласных **tl*, **dl* в виде сочетаний [кд, гд]: «Я с тобой управился/*сочкдесь* да тебѣ отплатил» [Разговорник Т.Ф. 1607: 343], «Я с тобой *розлѣзлесь/росплатился/смолвился/розочкдесь*, да я тебѣ не виновате» [там же], «Ты от меня лишнее причёл/*причкде*, отдай мой причёт» [там же: 344]. Такое явление объясняется влиянием балтийских языков, с которыми соседствовали и соседствуют псковские говоры в прошлом и настоящем. В современных псковских говорах изредка и сейчас можно встретить слова типа *егла* ‘ель, ёлка’. А.А. Зализняк этот случай рассматривает как одно из доказательств существования в прошлом древнего псковско-новгородского диалекта. Ученый пишет: «Как уже давно установлено, в древнепсковском диалекте **tl*, **dl* дали *kl*, *gl*» [Зализняк 1995: 40]. А.А. Зализняк указывает и свидетельства псковских памятников. Действительно, в псковских летописях нам приходилось встречать даже во фразеологизированном выражении *всѣсти на конь* в значении ‘выступить в военный поход’ следующее оформление выражения: *всѣгди на конь*.

Учет данной особенности позволяет уточнить понимание замеченного Л.М. Марасиновой слова *могчило* в одной из псковских грамот XIV–XV вв.

Раздельная грамота 1417–1434 гг. в списке 1671 г. (грамота № 12) [Марасинова 1966: 55] содержит сведения о подробных границах трех земельных участков, которые были в первой трети XV в. поделены между тремя хозяевами. Однако трудности вызывает толкование некоторых слов. В частности, неясно, писать ли названия *мость*, *могчило* с малой или с большой буквы. Л.М. Марасинова слово *мость* публикует с малой буквой, а в примечании сообщает: «Значение этого слова неясно. Может быть, следует читать “*Мость*”» [Марасинова 1966: 56].

Второе слово (*могчило*) вызвало еще большее сомнение у исследователя, который пишет: «Так в ркп., возможно, слово искажено. Значение его не-

ясно. Буква “z” написана над строкой более светлыми чернилами» [там же]. Для публикации памятников в 1966 г. это были справедливые рассуждения: смысл слова казался неясным, вид лексемы был непривычен. В настоящее время, после указанных открытий ученых, возможно предположить, что написанная над строкой буква «z» может находиться в другом месте: ближе к концу слова (*мочиzло*). То место, которое было обнаружено для буквы «z» при публикации (над строкой между буквами «o» и «ч»), можно объяснить «редактированием» написанного при проверке текста писцом в XVII в.: возможно, он или увидел пропущенный графический знак, или связал слово со «своим», вполне допустимым произношением – и подставил букву. Имелось в виду, вероятно, не собственное, а нарицательное слово *мочиzло* ‘специальная яма с водой для вымачивания льна при его обработке’ – наименование одного из ориентиров для границ участка. Кстати, в грамоте отмечен ряд объектов, связанных с сырой местностью: *мость*, *мыс* (‘вдающаяся в водоем часть суши’), *мочило* в сырой почве, *Милечкий* (от названия населенного пункта *Мильцы*) *мох* (‘название мохового болота недалеко от деревни *Мильцы*’). Л.М. Марасинова справедливо обратилась и к лингвистическим сведениям: ссылается на мнения В.И. Даля: «*Мох* – моховое болото»; О.С. Мжельской: «*Мох* – сырое топкое место, покрытое мохом и кочками» [Марасинова 1966: 185]. Кстати, у А.А. Зализняка среди примеров псковских слов с указанным древним фонетическим явлением есть и слово *мочиzло* со значением ‘болото’ [Зализняк 1995: 40].

Ценными источниками обнаружения специфических проявлений семантики слов и сохранения необычных корней и звукового оформления (т.е. плана содержания и плана выражения), особенно для историков языка и диалектологов, являются свидетельства каталогов Псковского Древлехранилища, составленных уже во второй половине XX в. [Каталог книг XVI–XVII; Каталог книг XVIII; Каталог рукописей XIV–XX]. Помимо сведений о том, что хранится в Древлехранилище (при необходимости читатель, исследователь может обратиться к соответствующему памятнику), в самих каталогах приводятся подробные сведения о записях на страницах памятников и сами тексты этих записей (значит заинтересованный читатель сразу получает важные сведения о содержании записей, об отдельных словах и сочетаниях в их плане содержания и плане выражения).

Приведем только один пример ценности записей на страницах памятников. В записях-приписках часто идет речь о значимости книги, рукописи в жизни ее владельца. Книгу берегли от воровства; говорилось, как ее необходимо постоянно хранить; с возмущением называлось действие кражи памятника слова (книги, рукописи): «*никому <...> не украсть*» [Каталог книг XVI–XVII: 71]; «*кто воровски похотит*» [там же]; «*кто <...> похитит*» [там же: 70]; «*кто возмет или усвоит*» [там же: 56]; «*дерзнет украсти*» [там же: 58, 93]; «*подумает утаит<ь> или украсть*» [там же: 82]; «*кто <...> возмет*» [там же: 85, 89], «*таино не изнести*» [там же: 25].

Анализ слов, употребленных для соответствующих ситуаций и в конкретном окружении в тексте, позволяет выявить своеобразные значения лексем с семой 'украсть'. Подчас это значение у тех или иных слов не фиксируется словарями. Так, характер контекста, ситуация, по поводу которой была сделана приписка, свидетельствует, что слово *усвоить* употреблено не в значении 'приобрести' (ср.: [Срезневский 1958, III: 1263]), а с яркой семой 'украсть'. Это поддерживается первой частью фразы («*а буде же кто возмет или усвоит*») и, самое главное, второй частью («*да будет анафема*») [Каталог книг XVI–XVII: 56]. Вся фраза по своей структуре и по выбору слов напоминает традиционную формулу, использовавшуюся при угрозе наказания за неблаговидный поступок. Это отражено и в записях при желании сохранить книгу в том месте, где надлежит ей быть.

Однако продолжать разговор на эту тему сейчас не будем: это составит сюжет другой статьи. Подчеркнем только, что ценность публикации необычных текстов-записей в том, что записи на страницах письменных памятников касаются обыденных обстоятельств, связанных прежде всего с жизнью книги, рукописи в мире человека, или фиксируют какие-то другие обычные реалии или события. Поэтому автор таких записей невольно отражал свою родную, обиходную речь.

Итак, сохранять и изучать древние памятники в письменных центрах имеет давнюю традицию.

Подвижнический труд И.И. Срезневского явился образцом того, что внимание ученого должно не ослабевать по отношению к малейшим лексико-семантическим и грамматическим особенностям древнего слова.

Идея Б.А. Ларина учитывать показания современных народных говоров и древних памятников письменности той же территории относительно динамики и статики смысла слов реализуется в уникальном «Псковском областном словаре с историческими данными» [ПОС]. Это способствует выяснению общерусского или регионального характера слова. На примерах из памятников псковской письменности удастся обнаруживать типичные местные лексико-семантические, лексико-словообразовательные и другие особенности номинативных единиц. Такие наблюдения свидетельствуют о широте лексико-семантического пространства лексемы и непрерывности процессов формирования плана содержания у единицы при отражении действительности языковым сознанием носителей языка.

Источники

Гр. Новг. и Пск XIII – Грамоты Великого Новгорода и Пскова XIII в. [Текст] / под ред. С.Н. Валка. – М. ; Л., 1949. – № 348.

Каталог книг XVI–XVII – Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII вв. Псковского музея-заповедника [Текст]. – 2-е изд., доп. / сост. Н.П. Осипова. – Псков, 1985.

Каталог книг XVIII – Каталог книг кириллической печати XVIII в. Псковского музея-заповедника [Текст] / сост. Н.П. Осипова, Т.П. Огинская. – Псков, 1996.

Каталог рукописей XIV–XX – Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX в.) [Текст] / сост. Н.П. Осипова. – Псков, 1991. – Ч. 1–2.

Кн. Писц. I – Псков и его пригороды [Текст]. – Кн. I : 1585–1587 // Сб. Моск. архива М-ва юстиции. – Кн. V. – М., 1913. – С. 97.

Пам. Саввы XVI – Память преподобного отца иноческого Саввы пустынножителя, нового чудотворца Псковского (список XVI в.) [Текст] / Н.И. Серебрянский // Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле : чтения ОИДР. – Кн. IV. – М., 1908. – С. 532–533.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными [Текст]. – Л./СПб., 1967–2012. – Вып. 1–23.

Срезневский I–III – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского словаря по письменным памятникам [Текст]. – Репр. воспроизведение изд. 1893–1912 гг. – М., 1958. – Т. I–III.

Литература

Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект [Текст]. – М., 1995.

Ларин, Б.А. Вступление [Текст] // Псковский областной словарь с историческими данными. – Л., 1967. – Вып. 1. – С. 3.

Ларин, Б.А. Инструкция Псковского областного словаря [Текст]. – Л., 1961.

Марасинова, Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV в. [Текст]. – М., 1966.

Fenne's 1607 – T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian [Text]. – Pskov, 1607. – Vol. II ; Copenhagen, 1970.

А.Ю. Красикова
(Вологда)

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА

История прилагательных нашла отражение в той или иной мере в многочисленных исследованиях. Накопленные результаты последних дают возможность более детально рассмотреть качественность прилагательных в языке XVIII в.

Обращение к анализу языковых фактов XVIII в. не случайно. Этот период является важной вехой в становлении русского национального языка и временем стремительного преобразования общественной жизни. Словарный состав языка в целом и состав прилагательных в частности расширяется за счет вовлечения в словопроизводство таких слов, функционирование которых до этого ограничивалось сферой разговорной речи. Многосторонние языковые контакты, широко развернувшаяся в XVIII в. переводческая деятельность и проникновение в русский язык большого

количества заимствований также являются условиями для развития и пополнения лексической системы русского языка [Мальцева 1975: 4–6].

В отечественной лингвистике на протяжении длительного времени не ослабевает интерес к истории русского литературного языка периода его становления как языка нации. В течение XIX–XX вв. создавались полные картотеки по произведениям М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, изучались русско-иноязычные словари: «Лексикон голландско-русский» Я.В. Брюса (1717), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана (1731), «Российский целлариус или этимологический российский лексикон» М. Франциска Гелтергофа (1771), словарь иностранных слов в сатирическом журнале М.Д. Чулкова «И то, и сію» (1769) и другие; картотеки в городах Москве (с 1946 г. – под руководством Н.Ю. Шведовой) и Ленинграде (с 1959 г. – сначала под руководством Г.П. Блока, затем Ю.С. Сорокина). Большая работа проделана группой по исторической лексикологии XVIII в. в Словарном секторе ЛО Института языкознания АН СССР и по исследованию языка эпохи, и по созданию картотеки. Защищаются диссертации, в которых изучается лексика памятников обозначенного периода (О.В. Боярская, Н.Э. Купчинаус, И.Р. Колчеева, Г.П. Мосолова и др.)

Употребление же имен прилагательных в XVIII в. было предметом анализа на материале текстов русского литературного языка [Петрова 1983; Котов 1999; Живов 2004]. Основное внимание названных исследователей уделяется вопросам грамматического варьирования флексий; предикативному функционированию и развитию лексических значений адъективов в литературном языке. Особенности функционирования адъективов в русском литературном языке посвящены труды Н.Ю. Шведовой – предикативное употребление прилагательных в XV–XVIII вв. (1946), А.А. Котова – грамматика и стилистика прилагательных в предикативной функции в XV–XVIII вв. (1999). Семантическое развитие прилагательных в литературном языке в XVIII в. проанализировано в исследованиях Е.А. Земской, З.М. Петровой.

Таким образом, наиболее полно рассмотрены словообразовательные возможности прилагательных, варьирование флексий, предикативная функция, тенденции развития лексических значений.

В целом исследования имен прилагательных в историческом аспекте выполнены преимущественно на материале первой половины XVIII в., и в основном по опубликованным литературным текстам. По мнению О.В. Никитина, анализ «лексико-семантических, а значит, ментальных процессов в языке и культуре XVIII века» остается мало изученным [Никитин 2004: 184]. Это касается и семантико-стилистического аспекта функционирования имен прилагательных в конце XVIII в.

В процессе эволюции к концу рассматриваемого века, по наблюдениям В.В. Виноградова, имя прилагательное превратилось в «самую многочисленную после имен существительных армию слов». В связи с этим попытаемся наметить весь спектр проблем, связанных с анализом качест-

венных прилагательных в эпоху становления грамматических норм национального русского литературного языка.

Первый неразрешенный вопрос – средства выражения грамматического значения качественности, те формальные элементы, с помощью которых выражается общее грамматическое значение качественного признака. То, что аффикс делает прилагательное прилагательным, сомневаться не приходится: ведь аффикс – формальная примета рода, числа и падежа [Виноградов 1972: 158]. Есть некоторая нелогичность в формулировке А.М. Пешковского: «Если в *туманный* простая основа означает предмет (*туман-*), а суффикс – отношение к этому предмету (*-н-*), то, очевидно, значение качества может быть заключено только во флексии *-ый*, т.е. в том самом аффиксе, который именно и делает его прилагательным [Пешковский 1938: 102]. Дело в том, что значение конкретного качества как лексико-семантического свойства конкретного прилагательного, особенно качественного, конечно, выражается всем морфемным составом этого слова. Морфемный состав в целом определяет и общий грамматический признак прилагательного. Не преувеличена ли роль флексии в выражении общего грамматического значения качественного признака? Как можно выразить значение флексией, не учитывая семантики корня и – отчасти – суффикса? Кажется, качественность гораздо выразительнее выражается значением основы, чем флексией. Не смогут ли прилагательные XVIII в., когда идет их бурное развитие, помочь ответить на этот вопрос? Методология такого исследования была в свое время намечена Е.А. Земской [Земская 1964: 277–564]. Будем при этом помнить, что качественные прилагательные обозначают признак непосредственно, они характеризуют предмет, не относя его к другому классу (*новая посуда – старая посуда – удобная посуда*), «в значении качественного прилагательного отражается одно общее свойство предметов разных классов» [Павлов 1960: 69].

Как быть с флексиями кратких форм и степеней сравнения? Общая характеристика прилагательного как части речи в современном языке исходит из качеств полных форм. Но, во-первых, так было не всегда: и в XVIII в. краткие прилагательные, памятуя о своем первоначальном приоритете, по объему своих свойств не уступают полным формам. Во-вторых, флексия – это формальный признак качества прилагательных, но ср.: *вред-н-ый, вред-ен, вред-н-а, вред-н-о, вред-н-ее*. Меняется ли выражение общеграмматического значения качественного признака при разных флексиях? А если меняется, то что именно меняется?

Переходя к обсуждению лексического значения качественных прилагательных, обратимся к двум группам последних, выделенных и охарактеризованных Л.Л. Буланиным [Буланин 1976: 72]:

1) качественно-оценочные, имеющие антонимы и степени сравнения: *длинный – короткий; длинный – длиннее*. Это слова, обозначающие переменный признак, причем по отношению к предмету такой признак высту-

пает как оценка, даваемая говорящим. Значит, качественно-оценочные прилагательные – предельно антропоцентричны;

2) собственно качественные – они называют признак как абсолютный, не зависящий от оценки говорящего: *немой, босой, голый, пустой, слепой*.

Нас интересует, каким было соотношение этих двух групп качественных прилагательных в русском языке XVIII в.

Чрезвычайно выразительными признаками являются 7 известных грамматических и лексико-словообразовательных отличий качественных прилагательных от относительных. Применительно к языку XVIII в. все они требуют специального исследования и выявления степени их проявления по сравнению с современным русским языком.

1. Как в XVIII в. обстоит дело со способностью кратких прилагательных образовывать антонимы? В каких речевых сферах эта возможность проявляется активнее и выразительнее?

2. В русском языке национального периода от качественных прилагательных активно формируются наречия на *-о, -е, -и* (*быстро, искренне, зверски*). Какой этап их развития зафиксирован в языке XVIII в.?

3. В чем отличие от современного языка развитие в XVIII в. форм субъективной оценки типа *черненький, злющий, широченный, развеселый, глубокий-глубокий*? Кстати, одним из первых попытку различить семантику обычных форм и форм субъективной оценки сделал еще А.Х. Востоков [Востоков 1859: 39]

4. Есть ли отличия в семантике и функционировании образованных от качественных прилагательных отвлеченных существительных со значением качества?

5. Бóльшая активность в XVIII в. кратких форм по сравнению с полными обуславливает иную противопоставленность кратких и полных форм. Как выражено это противопоставление?

6. Следует описать способы образования и активность употребления различных форм степеней сравнения в языке XVIII в., опять же учитывая разные сферы употребления языка.

7. Сюда присоединим и вопрос о характере сочетания в XVIII в. качественных прилагательных и наречий степени: *очень умный, необыкновенно теплый*.

Вспомним при этом, что и в современном русском не каждое качественное прилагательное имеет все перечисленные признаки (названия мастей лошадей и др.), о чем предупреждал А.Х. Востоков [Востоков 1859: 40–46].

В русском языке есть полисемичные прилагательные, которые в одном значении являются относительными или притяжательными, а в другом – качественными. Поскольку переносные значения у прилагательных со временем накапливались, то возможности их перехода в качественные

увеличивались, хотя формальные признаки качественных прилагательных не всегда появлялись у слова. Важно изучить этот источник пополнения качественных прилагательных.

Не закрыт и вопрос семантических различий между существительным и прилагательным, от которого прилагательное образовано. В свое время А.А. Потебня наметил некоторые подходы к исследованию этой проблемы [Потебня 1968: 59–63].

Отдельную проблему составляют синтаксические функции качественных прилагательных. Так, краткие формы в XVIII в. широко употребляются и в функции именной части сказуемого, и в функции обособленного определения. Но в целом полные прилагательные семантически более богаты. В какой мере это зависит от их синтаксических свойств? На материале русского литературного языка XIX в. некоторые вопросы были кратко изложены Н.Н. Прокоповичем [Прокопович 1964: 221–262].

Таким образом, анализу могут быть подвергнуты различные свойства качественных прилагательных в русском языке XVIII в. (синтаксические, семантико-грамматические, словообразовательные). Кроме того, возможно изучение истории отдельных адъективных единиц, их семантических групп.

Представляется актуальным также исследование функционирования и роли качественных прилагательных в определенном памятнике или группе памятников XVIII в. Однако следует подчеркнуть, что, во-первых, источники должны быть разнообразными по жанрово-стилевой принадлежности; во-вторых, тексты должны представлять преимущественно общерусский язык; в-третьих, необходимы иллюстрации, позволяющие исследовать всю парадигму качественных прилагательных.

Очевидно, что прилагательное является одной из наименее изученных и сложных для исследования частей речи. Это связано с рядом обстоятельств, которые затрагивают как собственную семантику прилагательных, так и их употребление в тексте. В исследуемый период складывается база русских прилагательных, расширяется и типизируется семантика, существенно возрастает их роль в предложении и, в общем, в системе языка. В силу того, что русские прилагательные имеют особое значение в закреплении результатов когнитивной практики русского человека, поскольку формируют в языковом сознании атрибутивный «портрет» реального мира, исследование семантических и функциональных особенностей прилагательных значимо для постижения ценностей русского человека XVIII в.

Литература

Буланин, Л.Л. Трудные вопросы морфологии [Текст] : пособие для учителей. – М., 1976.

Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст]. – М., 1972.

Востоков, А.А. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [Текст]. – Изд. 10-е, испр. – СПб., 1859.

Земская, Е.А. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного [Текст]. – М., 1964.

Мальцева, И.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. [Текст] / И.М. Мальцева, А.И. Молотков, З.М. Петрова. – Л., 1975.

Никитин, О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) [Текст] : лингвист. очерки. – М., 2004.

Павлов, В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке [Текст] // Вопр. языкознания. – 1960. – № 2. – С. 65–70.

Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст]. – Изд. 7-е. – М., 1956.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] : в 3 т. – М., 1968. – Т. 3.

Прокопович, Н.Н. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века [Текст]. – М., 1964. – С. 221–262.

А.М. Кузнецов
(Даугавпилс, Латвия)

О РАЗВИТИИ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ У МЕСТОИМЕНИЯ *КОТОРЫИ* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Местоимение *который* в истории русского и других славянских языков вытеснило в относительной функции древнее местоимение *иже*, однако детали процесса плохо изучены и описаны в литературе.

Образование *который* появилось в языке еще в индоевропейский период, оно является производным от вопросительного местоимения $*k^{u\textcircled{1}}o-$ с суффиксом *-ter-*, имевшим значение сравнительной степени, и родственно древнеиндийскому *katará-*, греческому *πότερος* ‘кто из двух’ [ЭССЯ 1984, 11: 202]. Гласный суффикса рано уподобился гласному предшествующего слога, но обе формы еще долго сохраняются, и в старославянской письменности фиксируется старое образование *котерыи* рядом с новым *который*. За суффиксом следовала флексия по именному образцу, поэтому склонение производного $*kotoro-s > kotor-ъ$ отличалось от склонения производящего местоимения: Р. $*koter-a$ при $*ko-go$ и т.д. В старославянской письменности известна уже только членная парадигма производного местоимения: *которааго > котораго*. Заметим, что параллельное производное от анафорического $*e/i$ ($*e-tero-/o-tero-$) или от относительного $*jo-$ ($*je-tero-$) [ЭССЯ 1981, 8: 187] в старославянской письменности сохраняло именную парадигму: И. *етерь*, Р. *етера*, Д. *етероу*.

От производящего местоимения *k^uo местоимение которых наследует функцию вопросительную. Благодаря сравнительному значению суффикса слово которых получило выделительное (индивидуализирующее) значение 'какой, который из ряда однородных предметов'. Ср. толкование местоимения *который* в словаре современного русского языка: «1. Обозначает вопрос о порядке выбора предметов; означает: какой именно?, какой из нескольких?» [СРЯ 1982, II: 116]. Таким образом, исконное значение местоимения сохраняется до сих пор.

Образование которых выполняло атрибутивную функцию при существительном, т.е. согласовывалось с ним и находилось в препозиции: коте-рааго же/отъ васъ оц=а <В. ед.> въспроситъ сн=ъ хлэ/ба. еда камень по-дасть емоу Лк. 11.11 (*Мар* 247.5) – τίνα δὲ ἐξ ὑμῶν τὸν πατέρα αἰτήσῃ ὁ υἱὸς ἄρτων. В этом плане оно вело себя так же, как местоимения кьи и какъ: бьди/те оубо эко не вэсте въ к№\ годин№ г=ъ вашъ приде/тъ Мф. 24.42 (*Зогр* 59 об.) – ῥηγορεῖτε οὖν, ὅτι οὐκ οἴδατε ποία ἡμέρα ὁ κύριος ὑμῶν ἔρχεται; @ бысть егда ся въ/зврати. примь цср=ствие. @ рече/ да пригласятъ емоу рабы ты./ @мъже дасть сьребро. да оувэ//сть как№ коупл\ с№тъ сьтворили. приде же пръвы гл=я г=и. мьнС+ъ тво/э приде/ла десять мьнась... Лк. 19.15–16 (*Мар* 285.5) – τίς τί διεπραγματεύσατο.

Местоимение кьи является чисто атрибутивной формой местоимения кьто. Единственный раз у него отмечена именная форма кь в В.п.: Se же вэд)те./ э~~а~~ко а~~а~~ще б) вэд/дэ гн=ъ храми/ны. Въ кь чаС+ / тать пр)дет./ бьдэль оу~~а~~бо би Лк. 12.39 (*Acc* 61d) – ποία ὥρα ὁ κλέπτης ἔρχεται, отражением именной формы является и русское наречие *пока* (из *по ка мѣста* – сред. р. мн. ч.). Не совсем понятно объяснение его этимологии как «йотовое (адъективное) производное от мест. *кь» [ЭССЯ 1987, 13: 177]. Форма И.-В. кьи действительно представляет собой соединение *кь+jь (обычная членная форма у прилагательных), в то время как косвенные падежи коёго, коёмоу содержат основу *ko-, распространенную суффиксом (?) -j-, и местоименные окончания (сомнительно, чтобы это была основа *ko- в соединении с местоимением *jego, jetu), в косв. падежах мн. числа и Т. ед. кьихъ, кьимъ и т.д. отражается влияние членного склонения прилагательных. Изредка кьи даже заменяет падежные формы местоимения кьто (Т. ед. цэмь → кьимъ). Образование кьи имеет чисто вопросительную семантику и не содержит специальной семы выбора из ряда однородных предметов.

В отличие от кьи и которых, местоимение какъ имеет значение качества, подразумевает детализацию предмета или понятия.

Местоимениям кьто и кьи соответствовало анафорическое местоимение и в качестве и субстантива, и атрибутива. Атрибутивное и уже в старославянских памятниках представляло большую редкость [Кузнецов 2006: 81–83], ср. др.-рус. пример: AZ} GRIGORII DI/1коН+. написахъ

еуГ+лие еѣ (*ЕвО* приписка 294 г.), – обычно и выступало в функции субстантива. Параллельно местоимениям *которыи* и *какъ* от анафорически-относительной основы **jo-* были образованы местоимения *етерь* и *1къ*.

Как и у местоимения *которыи*, у местоимения *етерь* сохранялось значение выбора: *Se/ «етер) оГ коустоди/_ѣ* пришедьше в/ъ градъ. *Въз/вѣстишя аѣ рх)/«ерео ѣ мь вьсэ/ бывьшааѣ* Мф. 28.11 (*Acc* 112a) – *τινες* τῆς κουστωδίας ‘некоторые из стражи’ (*етери*, собственно, ‘те, которые’), менее заметно это значение в формах ед. числа: *SN*ѣди бэ/ *еѣтеръ* въ *еѣтерэ* градэ Лк. 18.2 (*Зогр* 197b) – *Κοιτής τις ἧν ἐν τινι πόλει* (собственно ‘один такой’). Это местоимение не имело широкого распространения по славянским диалектам, в старославянских текстах часто конкурировало с местоимениями *нэкий*, *ѣдинь* [*ССЯ* 2006, 1: 584], в древнерусских списках евангелий к ним добавляется *некоторыи* (ср. зачин в сказках: *В некотором царстве, в некотором государстве*).

Местоимение *1къ(же)* было относительным с качественным значением: «@ бы/шя ризы его льштяштя ся./ бэлы ^эло эко «@ снэгъ./ *эѣцэхъже* не можетъ. *гнафе/«@* на землѣ тако бэлити Мк. 9.3 (*Зогр* 100 об.–101).

Семантика выбора из ряда однородных предметов у местоимения *которыи* особенно наглядно реализовалась в конструкциях с зависимым существительным (или местоимением) в Р. падеже без предлога или с предлогом *отъ*: *дѣва длъжьника бэсте за/имодавѣцоу етероу. единь бэ длъ/жень пяти\ соть динарь. а дроу/гы пять\ десять. не имѣще/ма же има въздати обѣма и/ма отъда. которы оубо ею паче/ възлюбиты* и Лк. 7.41–42 (*Мар* 225.1) – *τίς οὖν αὐτῶν; Которыи же отъ васъ. рабъ/ имэ_ ор\штъ ли пасѣщъ/ @же пришьдѣшю съ села./ речеть абие минѣвъ/ възля^и* Лк. 17.7 (*Мар* 275.12) – *Τίς δὲ ἐξ ὑμῶν; @* ти начяся искати въ/ себэ. *которы оубо бѣдетъ отъ ни/хъ. хотяи сътворити се* Лк. 22.23 (*Мар* 298.15) – *τίς ἄρα εἶη ἐξ αὐτῶν*. В подобных конструкциях используется и местоимение *кый*: *кы отъ обо\ сътво/ри вол\ отъчѣ* Мф. 21.31 (*Мар* 76.19) – *τίς ἐκ τῶν δύο*. В этих конструкциях местоимения *которыи* и *кый* субстантивируются, их падеж независим, синонимичным им оказывается даже субстантивное местоимение *къто*: *ли кто есть отъ ва/съ члв=къ* <И. ед.>. *егоже аще просить сн=ъ сво/и хлѣба. еда камень подасть емоу* Мф. 7.9 (*Мар* 19.12) – *ἢ τίς ἐστὶν ἐξ ὑμῶν ἄνθρωπος*; ср. выше пример из Лк. 11.11, где *τίς/τίνα* переведено *котерааго*.

В старославянских текстах не различается употребление местоимений в прямых и косвенных вопросах, подчиненных глаголам *вэдэти*, *оувэдэти*, *искати* – названиям рече-мыслительных процессов, – везде используются вопросительные местоимения с основой **ko-*, см. примеры Мф. 24.42, Лк. 12.39, Лк. 19.15–16, Лк. 22.23. То же наблюдается и в древнерусских текстах: *и быС+ сэча зла. и ме//жю ими смятеньѣ. не вэдяхуть котории суть побэдили* ЛЛ 340 (113 об.–114, 1153 г.); *цр=ъ же испыта коѣ1 рад+ вины* придоша

ЛЛ 107 (37, 987 г.); се же написахъ и положихъ. в коѣ лѣто почаль быти манАстырь ЛЛ 160 (54 об., 1051 г.).

Интерес в этом плане представляет пример: абие же съходящую емоу./ се раби его сѣрэт№ и гл=ше. эо сн=ъ/ ти живъ естъ. въпраша же години/ отъ нихъ. въ к№\ соулэ емоу быС+/ рѣша же емоу эо въчера въ годин№ се/дм№\ остави и огнѣ Ин. 4.51–52 (*Мар* 329–330) – въпрашаа^ѣше же часа отъ нѣи/хъ. въ которы соулэ емоу/ бысть (*Зогр* 235 об.) – гр. ἐπύθετο οὖν τὴν ὥραν παρ’ αὐτῶν ἐν ἧ <относительное местоимение!> κομψότερον ἔσχεν. В греческом конструкция представляет собой присубстантивное выделительно-определяющее (в терминологии В.А. Белошапковой) придаточное предложение и должно бы получить в переводе вид: въпраша же години/ отъ нихъ. въ н\же соулэ емоу быС+, или: часа... въ ньже. В вариантах славянского перевода подчиненная конструкция дается в форме косвенного вопроса с опущенным существительным. Это особенно заметно в примере из *ЕвМст*: въпрашааше же години отъ/ нихъ. въ кьи часъ л№че ё/моу бысть (10аб–8), где в результате контаминации двух переводов придаточное не соотносится с субстантивом години.

Косвенный вопрос представляет и пример дистантного препозитивного расположения которой в начальной фразе Жития Иоанна Лествичника, составленного Даниилом Раифским: Еже оуѣбо которыи «есть родивыи. добъ»/«1го сего «и въскрѣмивыи». прѣжде чрь/норизъства да тако рек№ чоудъныи» градъ земъныи «есть. нѣсть же ми по/трѣба глаголати «о неѣмъ. «а «еже которыи/ «есть нын1. при«имыи». «и безбрашъ/ны«имъ брашъны«имъ крѣм© чоудъна»/го сего. то не не вэдэ нѣ «и зѣло вэдэ./ «есть бо «и ть нын1 въ «ономъ» (*Супр* 272) – Τὸ μὲν, τίς ἢ ἐνεγκαμένη τοῦτον καὶ ἐκθρέψασα πρὸ τῆς ἀθλητικῆς αὐτοῦ, ἴν’ οὕτως εἶπω, ἀξιάκουστος πόλις, εἰς ἅπαν ἐπεσκεμμένως τε καὶ διηκριβωμένως λέγειν οὐκ ἔχω. Τὸ δε, τίς ἢ νῦν φέρουσά, καὶ ἀμβροσία ἐστιᾷσει ἐστιᾷσα τὸν πανθαύμαστον, ἀγνοῶ οὐδ’ ὄλωσ. Πέλει γὰρ καὶ αὐτὸς νυνὶ εἰς ἐκείνην РГ, 88: 596. Правда, переводчик не полностью справился с греческой конструкцией (В русском переводе в первой части препозиция заменена постпозицией придаточного: «Не могу сказать с достоверною точностию, в *каком* достопамятном *граде* родился и воспитывался сей великий муж до исшествия своего на подвиг брани; а *какой град* ныне покоит и нетленную пищу питает сего дивного, это мне известно» [Лествица 1908: V]). Неудачу терпели и другие книжники: Еже кьиѣ приживыиѣ крѣпъкаго. иѣ въ/спитавыиѣ. предъ натрыжненьмъ/ ёго. да сиче реку. достоиѣнѣиѣ слыша/ня градъ. ёгоже зѣло оухыщренэ./ иѣ зѣло иѣспытанья повѣдати не мо/гу. а иѣже нынэ имэяиѣ. иѣ вѣчною// пищею питая пречюдънаго. проста/ не вэдэ. естъ бо иѣ съ нынэ въ томъ. (РГБ, ф. 310, Собр. В.М. Ундольского, № 966, л. 3–3 об., 1334 г.); Е±же

оуѢбо кѢо прижи'вь)и добляа'го сеГ+ / и» бжС+Ѣвнаго, и» въспиѢавь)и прЭ/жде посѢнаГ+ и» сѢрадалнаго ѣГ+ жиѢйа,/ да си'це ре'коу доС+инь)и сль)'шаня град+ земѢ/нь)и> ^эло оуѢхь)'щреннэ повэдаѢи/ не мо'гоу> а»+ иже ниѢнэ и»мэяи»+ и» неѢлэ/нною пищею пиѢаяи все'чюднаго, не вэ/дэ никакоЖ+> ѣС+ бо' и» Ѣ± ниѢнэ въ немъ> (РГБ, Тр.-С., № 156 (1681), 1412 г., л. 1). Вопросительное местоимение которыи заменяется синонимичным вопросительным кьи и ошибочно местоимением къто. Замена относительным местоимением иже во второй части предложения вызвана, вероятно, тем, что глагол вэдэ может управлять В. падежом объекта, и переводчики придаточное предложение рассматривали как определительное при опущенном в главном предложении объекте градъ.

Хотя конструкции с косвенно-вопросительным местоимением которыи в сложном предложении могут быть довольно близки к относительно-определительным конструкциям, однако не они, вероятно, послужили базой развития этих последних.

Подобно другим вопросительным местоимениям которыи получало значение неопределенности, а именно – неконкретной неопределенности 'всякий кто; какой-нибудь, какой-либо', которое реализовывалось в условных конструкциях: EGDA HOWTEWI KOTOROU/моу ст=оумоу слоужб№ творити ∴. (Асс 157b – в указателе чтений); Аще которы бэлоризецъ. ск№по/сти ради кльнетС+ъ, лютэ эко, да/ дасть нищимъ имэние свое (Евх 104a). Вторая – следственная часть – содержит тот же субъект, который уже назван сочетанием существительного с местоимением которыи в условной части и потому здесь опущен. Даже в этом случае местоимение которыи сохраняет выделительное (индивидуализирующее) значение: не вообще все бэлоризьци, а те, которые кльн№тС+ъ. Стоит поменять препозицию местоимения которыи на постпозицию, и оно приблизится к современному относительному местоимению *который*, но в таких условных конструкциях местоимение которыи еще не имеет своего сказуемого, образующего с ним придаточное предложение.

Совсем в иных контекстах реализуется неопределенное значение у местоимения кьи: въз»пи же во«ёвода. къ с№штии§/мъ въ кораби глаголѢ©. шъдъше на «он№/ стран№ възштите прэдь градомъ. ко/«его савина «именемъ. крѣсти«1на с№шта (Супр 151, Мучение св. Савина) – τινά Σαβῖνον; Вж=е сы прэжде вэки,/ сьвэдъ прэжде быти/«э «ихъ. «@ «оходящи«ихъ наши/хъ братъ, на всѢхъ мэстэ/хъ «@справи «@мъ п№ть, ли по/ земи, ли по морю, ли по бла/томъ, ли по рэкамъ, ли «инэ/мъ «образомъ кымъ п№/ть творящемъ (Евх 18b). Здесь местоимение кьи соответствует греческому τίς неопределенному, синонимично местоимению нэкии, но не местоимению которыи. Подобное употребление этого местоимения отмечается и в древнерусских памятниках: аще кого видяше ли шюмна. ли в коём+ зазорэ не Ѓсудяше ЛЛ 264 (89, 1097 г.).

В условных конструкциях возможен был эллипсис существительного, когда речь шла о человеке: Сэсарьствоу\Ѹштоу декѸиоѸ... посьла/ по въѸсемоу цэсарьствоу своёмоу./ 1§коже въѸс© нарица\Ѹшт©я§ им©/ христово. привлэшти на сквр}/нно1§дение. аѸште ли да котори/ с№против©ть с© о§ томь. то да/ преда\Ѹть с© с№доу *Сунр* 174. В таких случаях использовалось и синонимичное относительное местоимение иже и вопросительно-неопределенное кѸто: а иже вла/свим)саать на ст=ы дх=ь. не и/мать отъпоуштениэ въ вэкъ. нѸ по/виненъ есть вэчъноумоу с№доу Мк. 3.29 (*Мар* 126); азъ есмь хлэбъ живы съшеды/ снб=се. аште кѸто сьнэсть отъ хлэба/ сего живъ б№детъ въ вэкъ Ин. 6.51 (*Мар* 340). Именно такие контексты являлись почвой для замены относительного местоимения иже местоимением которыи.

Заканчивая обзор использования местоимений с основой *ko- в старославянской письменности, приведем единственный пример относительного употребления местоимения кѸи: тэ/ло бо би«ёши. «ёже «аште дрѸ»зэ сѸтрѸ»пи/ть. славь»нэ вэнь»ча«ётъ с©. «аште ли/ напрасно оуѸмь»реть. «отидеть «избы/въ с№дии н№ждь»ны«ихъ. ции слоужь»/б№ тэлесън№ прэ«имъше. «ёште «и дш=а/ми покоуша«ёте с©. ции б=а на/шего вышь»ши с© творите (*Сунр* 88 Василия Великого Похвала 40 мученикам) – Σῶμα γὰρ τύπτεις· ὅπερ, ἐὰν μὲν ἐπὶ πλεῖον ἀντίσχη, λαμπρότερον στεφανοῦται, ἐὰν δὲ θᾶπτον ἀπαγόρευση, ὄχεται ἀπαλλαγὴν δικαστῶν οὕτω βιαίων, οἱ, σωμάτων ὑπηρεσίαν παραλαβόντες, ἔτι καὶ τῶν ψυχῶν κατάρχειν φιλονεικεῖτε· οἱ γε, εἰ μὴ καὶ τοῦ θεοῦ ἡμῶν προτιμηθεῖητε PG, 31: 513. (Ср. русский перевод: «...поражаешь ты тело, а оно, если долго выдерживает удары, светлее венчается, а если скоро изнемогает, избавится от таких судей-притеснителей, которые, взяв в услужение себе тело, усиливаются возобладать и над душою, которые, если не будете предпочтены Богу нашему...» [Василий 1911: 33] – прямая речь мучеников, обращенная к градоначальнику).

Как видим, в старославянской письменности, носящей переводный характер, уже отражается развитие относительной функции у вопросительно-неопределенных местоимений. С одной стороны, такое употребление обусловлено влиянием греческого языка, но с другой – синонимия местоимений иже и которыи, кѸи, несомненно, свидетельствует о сдвигах в живой славянской речи.

В оригинальной древнерусской письменности подобные отношения между разными местоимениями находят отражение уже на раннем этапе. Так, в условных конструкциях в довольно близких контекстах отмечаются как относительные, так и вопросительно-неопределенные местоимения: да иже го/разнэе§ сего напише. то не мози/ зазырэти мьнэ грэшьникоу (*ЕвО* приписка 294 г.) – даже кто запъртитъ «или тоу дань и се блю/до да соудитъ «ёмоу б=ь въ дн=ь пришьстви/«1 сво«ёго (*Гр* 1130). Местоимение кѸто появляется и в определительном придаточном в конструкции, в кото-

рой условное значение выражено достаточно слабо – следственной частью то: кто ся «изобѣсѣта/нетъ въ монастыри. то вы тѣмъ дѣлѣ жъни «ѣсте молити за ны бѣга «и при животѣ «и въ сѣмь/рти (Гр 1130).

В той же грамоте местоимение которыи в условной конструкции не соотносится с субъектом или объектом главного предложения, имеет неопределенное значение и не является относительным: даже которыи князь по мо«ѣмъ кня/жени«и почьнетъ хотѣти оу стѣго гебѣрги/«1. а бѣъ боуди за тѣмъ (Гр 1130). Ср. подобные случаи в смоленских грамотах: аже въедеть/ братъ мои которыи въ смольнѣскѣ. а оучинится вамъ свада. съ ихъ/ моужьми. вамъ ся вѣдати с ними самѣмъ (ГрСм 1219–1228/9, 77–79); или гость ис которое зе/мле приедеть. въ мои смольнѣскѣ. а боудеть вы с нимъ свада. а вѣдаи/теся с ними сами (*там же* 79–81).

Относительным местоимение которыи можно считать в случае соотношения с субъектом главного предложения: аще которыи роу/синь. или немчичь. противитися въсхочеть сеи правдѣ. да тѣ противень/ боу и сеи правдѣ (ГрСм 1229Е 50–52b); аще которыи товаръ възметъ роусинь оу немчи/ча а понесеть из двора. тыи товаръ не ворочается (ГрСм 1229D 24–25b); Которо/ѣ орудѣ доконьчано боудеть въ смольсцѣ... боле того. не/ починати (ГрСм 1229В 50–53b). В языке закрепляется соотносительная пара которыи – тѣ/тыи. Однако местоимение которыи еще не оторвалось от определяемого существительного.

В приведенных примерах везде представлена препозиция придаточного предложения. В той же грамоте Мстислава 1130 г. в постпозиции придаточного фиксируется относительное местоимение: даже которыи князь по мо«ѣмъ кня/жени«и почьнетъ хотѣти оу стѣго гебѣрги/«1. а бѣъ боуди за тѣмъ «и стѣа«1 бцѣа «и тѣ стѣы«и гебѣрги/«и оу негото <‘у которого’> оѣтимаѣтъ. Это один из самых ранних примеров русских релятивных местоимений с постпозитивной частицей то, о которых подробно пишет А.А. Зализняк [Зализняк 1981]. Учитывая тот факт, что с веками частотность вопросительных местоимений с релятивизатором то в письменности убывает, А.А. Зализняк приходит к выводу, что подобные образования сложились и широко использовались в праславянский период, а в древнерусский период они утрачиваются. В смоленских грамотах XIII в. местоимение ижето зафиксировано только один раз в готландской редакции: Товаръ. ижто потопль. брати оу/мьсто своѣю дружиною (Гр 1229А 9–10 об.). Второй случай: “а поудѣ дали немци волочаномъ. ижето имъ товаръ/ возити на волоцѣ всякомуу гостѣи” (Гр1229Е 28–29b) [Зализняк 1981: 103] переводит как «немци дали волочанам пудовую гирю, *которая им* [для того, чтобы] возить товар [взвесив его]» и воспроизводит имъ, т.е. как Д. мн., однако в рукописи – Т. ед., что заставляет определить ижето как союз ‘чтобы’ и далее: им (= с его помощью) товар [взвешивать и] провозить...

Рядом с местоимением ижето в смоленских грамотах уже фиксируется и которыито: и взяти ёмоу та правда котора1то в то/мь городэ (Гр 1229Е 5–6b). Это же местоимение употребляется в относительной функции в постпозиции и без частицы: розлюбиё на стороноу о́Евэрэчи. кото/роё было мэжи немци и смолняны (*там же* 7–8); Ла/тиньскомуу ёсть. коупити въ смоленьсцэ то волно. кото/рого въсхочеть. бес пакости (Гр 1229В 41–43b).

Местоимение и существительное, к которому оно относится, здесь расподобляются по падежу, тем самым которыи становится чисто относительным местоимением с выделительно-определительным значением. Однако интерес представляют и случаи повторения в придаточном предложении существительного главной части: аже такою правдоу напсали. кото/рою/ правдоу быти роусиноу въ ризэ. и на готьскомь березэ (Гр 1229Е 14–15). Ср. в современном тексте, стилизующем деловое просторечие: *Во всем Владикавказе был только один человек, не знавший меня в лицо, и это именно тот **бравый юноша** с пистолетом на бедре, **каковой юноша** стоял, как пришитый, у стола, где выдавались ордера на проезд в Тифлис* (М.А. Булгаков. Богема); – *Ничего, кроме **сочинений** Гоголя в переплете, **каковые сочинения** мной недавно проданы на толчке* (М.А. Булгаков. Похождения Чичикова).

В ЛН примеры с относительным местоимением которыи начинаются с 1263 г. [Гиппиус 2006: 90]: а полочань поустиша которыхъ изымали с князем ихъ а миръ взяша (140 об.).

Эти примеры первой и второй половины XIII в. позволяют с доверием отнести к случаям употребления которыи в поздних списках древних частей русских летописей и признать их отражением языковых фактов начала XII в. Ср. примеры с препозицией относительного придаточного: аще которыи братъ въ ётеро прегрэшеньё впадаше. оутэшаху и ёпитемью ЛЛ 188 (63 об., 1074 г.) – аще которыи братъ впадетъ в коё любо согрэшениё и оутэшаху и. и ёпитемью ёдиногo брата. раздэляху ЛИ (69 об.). Расхождения по спискам наблюдаются в примерах: то вдаМ+ ти кото/рои ти городъ любь.

любо всеволожь. любо шЕполь. любо перемиль ЛЛ 265 (89 об., 1097 г.); 8же бы пришёлъ саМ+ толико з дэтми. то кото/ра1 бы волость люба. ту же бы взя Л+ ЛЛ 321 (107, 1148 г.) – то вдам ти которыи любо городъ . любо всеволожь любо шеполь. любо перемиль ЛИ (91), т.е. неопределенное значение вызывает замену относительного которыи неопределенным кото/рои любо и самой конструкции. Неопределенное местоимение известно и по Лаврентьевской летописи: земли же согрэшивше кото/рэи любо. казнить б=ъ смр=тью ли гладомь 167 (56 об., 1068 г.) – в условной конструкции; а нынэ пошли брата кото/рого любо 359 (120 об., 1169 г.) – в атрибуте.

Гораздо важнее случаи постпозитивных относительных предложений: 1ко велику честь при1ль 8А цр=я. при кОторомь приходивъ цр=и ЛЛ

10 (4) – 1ко велику честь приИ+1ль ёсть 8А цС+ря. которого не възь. и при котороМ+ приходи цС+ри ЛИ (5 об.). В ЛИ определительное придаточное отнесено вставной конструкцией с изъяснительной придаточной частью, а в ЛЛ представлена конструкция с повторением в придаточном предложении существительного главной части. Пример с релятивизатором то: в се же лэто посла всеволодь ст=ополка. в новьгородъ. шюрина своего. смолвяся с новьгородьци. которыхъто былъ при1ль и по1ша и новгородци и сзде и на столэ ЛИ (114 об., 1142 г.). К ним примыкает и разобранный А.А. Зализняком пример из Слова о полку Игореве: *Тѣи бо два храбрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодь уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ* Слово 61(21).

Итак, местоимение *который* к XIII в. вытесняет старое относительное местоимение *иже* и при этом сохраняет свои старые функции вопросительного и неопределенного местоимения. Этот процесс был вызван развивавшейся синонимией вопросительных и относительных местоимений в составе условных конструкций и косвенных вопросительных предложений и, вероятно, был связан с тем, что уникальный релятивизатор *же* в составе местоимения *иже* вытеснялся новым – *то*, а формы косвенных падежей *ёго*, *ёмоу* и *тому* подобным уже входили в парадигму лично-указательного местоимения 3-го лица *онъ*, *ёго*.

Источники и словари

Гр 1130 – Грамота жалованная в. кн. Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. Изд.: Ильинский Г.А. Юрьевская грамота 1130 г. [Текст] // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М., 2000. – С. 321–356.

ГрСм 1229А, В, D, E – Иванов, А. Смоленско-рижские акты: XIII в. – первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica – Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги [Текст] / А. Иванов, А. Кузнецов. – Рига, 2009.

ЕвМст – Апракос Мстислава Великого [Текст] / изд. подгот. Л.П. Жуковская, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова. – М., 1983.

ЕвО – Остромирово Евангелие 1056–1057 [Текст]. – Л. ; М., 1988.

ЛИ – Полное собрание русских летописей [Текст]. – М., 1998. – Т. 2 : Ипатьевская летопись (*Указывается номер листа ркп.*).

ЛЛ – Полное собрание русских летописей [Текст]. – М., 1962. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку (*Указывается стб., в скобках – лист ркп.*).

ЛН – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Текст]. – М. ; Л., 1950.

Мар – Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями [Текст] / Трудъ В. Ягича. – СПб., 1883. (*Указывается с. издания*).

Новый Завет на греческом и русском языках [Текст]. – М., 2002.

Слово – Слово о полку Игореве [Текст]. – М., 1970.

Супр – Северьянов, С.Н. Супрасльская рукопись [Текст]. – СПб., 1904. (Указывается лист ркн.).

СРЯ – Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. – М., 1982. – Т. II.

ССЯ – Словарь старославянского языка [Текст]. – Репр. изд. – СПб., 2006. – Т. 1.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд [Текст] / под ред. О.Н. Трубачёва. – М., 1981. – Вып. 8 ; 1984. – Вып. 11 ; 1987. – Вып. 13.

Acc – *Evangeliař Assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II* [Text] / Vydal J. Kurz. – Praha, 1955.

Evx – *Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Izdao Dr Lavoslav Geitler* [Text]. – Zagreb, 1882.

Зоґр – *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus* [Text] / Ed. V. Jagić. – Graz, 1954. (Указывается лист ркн.).

PG, 31 – Migne, J.-P. *Patrologia Graeca* [Text]. – Paris, 1857. – Т. 31.

PG, 88 – Migne, J.-P. *Patrologia Graeca* [Text]. – Paris, 1864. – Т. 88.

РГБ, ф. 310, Собр. В.М. Ундольского, № 966, 1334 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=010>

РГБ, Тр.-С., № 156 (1681), 1412 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?manuscript=156&col=1&Submit=%CE%F2%EA%F0%FB%F2%FC>

Литература

Василий – Творенія иже во святыхъ отца нашего Василия Великаго, архієпископа Кесаріи Каппадокійскія [Текст]. – СПб., 1911. – Т. 2.

Гиппиус, А.А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006.

Зализняк, А.А. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском [Текст] // Балто-славянские исследования 1980. – М., 1981. – С. 89–106.

Кузнецов, А.М. Прилагательные (Историческая грамматика древнерусского языка) [Текст] / А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько ; под ред. В.Б. Крысько. – М., 2006. – Т. III.

Лествица – Преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы, Лѣствица, въ рускомъ переводѣ [Текст]. – Сергіевъ Посадъ, 1908.

Л.Л. Мазитова, Н.В. Логунова
(Соликамск)

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИКАМЬЯ:

ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ И АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ¹

Региональные музеи городов Северного Прикамья располагают обширными рукописными архивами документов XVIII – начала XX в., большая часть которых не введена в научный оборот, при том что они обладают несомненной информативностью, как *фактологической*, так и *лингвистической*. *Фактологическая* информативность состоит в том, что в рукописях представлены описания (более или менее детальные) разнообразных реалий; часть источников содержит сведения об имущественном состоянии, хозяйственной деятельности и повседневных бытовых нуждах представителей разных сословий, другие демонстрируют культурно-духовную составляющую их жизни. *Лингвистическая* информативность источников позволяет судить об уровне образованности и наборе речевых компетенций носителей языка, составивших документы.

На протяжении последних 7 лет нами ведется целенаправленная работа с рукописными источниками из архива Соликамского краеведческого музея, дополнительно привлекаются рукописные материалы Чердынского краеведческого музея (главным образом частные купеческие архивы), а также Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых» (рукописи из строгановских вотчин). Начиная с 2006 г., осуществляется издание части рукописного архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря, относящегося к XVIII–XIX вв., деловой переписки управляющих усольскими имениями Строгановых, Голицыных, Полье и Лазаревых, а также описей церковного имущества Новоусольской Николаевской церкви первой половины XIX в. [ПДП XVIII–XIX; ПДП XVIII; МБ XIX; НД].

Среди разнообразия известных нам местных рукописных фондов наиболее объемным (более 300 дел) является хранящийся в Соликамском краеведческом музее архив Соликамского Святотроицкого монастыря, одного из древнейших монастырей Прикамья. Сохранившиеся документы относятся преимущественно ко второй половине XVIII – началу XX в.

Объективная значимость монастырского архива обусловлена несколькими обстоятельствами. В первую очередь, она связана с жанрово-тематическим разнообразием представленных в нем документов. В основном это тексты делового характера: послужные списки братствующих, ведомости о штатных служителях, их женах и детях; указы Пермской духовной консистории, хозяйственные договоры и сметы, приходо-расходные книги, описи имущества монастыря и отдельных монахов, рапорты настоятеля монастыря в консисторию и некоторые другие. К частно-деловым источникам можно отнести документы эпистолярного характера, в частно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-14-59008а.

сти, собрание из 54 писем, адресованных иеромонаху Николаю, бывшему казначею Соликамского Святотроицкого мужского монастыря в пятидесятых годах XIX в., среди которых 26 написаны настоятелем монастыря архимандритом Алексием. Разнообразие жанров определяет широту и разнообразность содержащейся в документах *фактологической* информации. Ряд документов отражает процесс административного управления монастырем как со стороны консистории, так и со стороны настоятеля; другие содержат описание элементов храмовых построек и деталей церковного интерьера, церковных одеяний и облачений священнослужителей, икон и настенных росписей, книг, а также обрядовых и бытовых предметов церковного обихода. Особый интерес представляет информация о деталях внутримонастырского быта и уклада, включая отношения между монахами и сведения о морально-нравственном облике и личностных качествах некоторых из них, свидетельства о происхождении и уровне образования монахов, о местах их службы, поощрениях и наказаниях, читательских предпочтениях.

В *лингвистическом* плане информативны документы всех жанров, хотя эта информативность может быть и не равноценной, поскольку тексты различаются набором реализующихся в них речевых компетенций. Наиболее объективны сведения, содержащиеся в текстах так называемой *естественной письменной речи*. Данное понятие мы используем вслед за Н.Б. Лебедевой, которая определяет его как «весь корпус текстов, не подвергшихся редакторской, цензурной правке, не прошедших через сито полиграфической машины» [Лебедева 2008: 13]. Среди характеристик естественной письменной речи Н.Б. Лебедева называет следующие: «письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения, неофициальность (повседневность) сферы бытования, отсутствие промежуточных лиц и инстанций между текстом, написанным самим автором, и читателем. <...> ЕПР отличается непринужденностью, непосредственностью, вписанностью в конситуацию, короткой временной дистанцией между замыслом и реализацией...» [Лебедева 2008: 14]. Данный термин привлек наше внимание, поскольку он применим ко многим изучаемым нами рукописным материалам. С одной стороны, большинство из них обладает основными признаками естественной письменной речи, но, с другой, – изучение текстов показывает в целом ряде случаев наличие расхождения между перечнем признаков естественной письменной речи, предложенных Н.Б. Лебедевой, и реальными характеристиками самих этих текстов. Поэтому, признавая заявленный Н.Б. Лебедевой подход как перспективный и продуктивный и соглашаясь в целом с изложенными позициями, мы считаем необходимым более детально и тщательно проработать отдельные положения, обозначенные в указанной статье.

Среди изучаемых нами материалов к текстам естественной письменной речи относятся главным образом частно-деловые письма. Они отличаются долей произвольности в тематике, спонтанностью и ослабленным контролем в процессе порождения, а также определенной свободой в по-

строении. Например: *«Діаконъ Мутинъ нуженъ и у насъ на покосѣ – скажи ему, что его лошадь много у насъ сѣна съѣла, а потому и долженъ онъ возвратъ (так в рукописи – возвратить) оное на покосѣ – пусть онъ погуляетъ на нашемъ покосѣ, а домой ему ѣздитъ нѣтъ зачѣмъ. Не найду я для его дочери жениха нашель было, о коемъ я и писалъ Вамъ, да что то захворалъ, а потому Архипастыръ и не посылаетъ. Изъ учениковъ исключенные не найдется ли какой подождемъ»* [ПДП XVIII–XIX: 142].

Относительно свободная структура текста позволяет составить представление о наиболее широком наборе речевых компетенций языковой личности – от графико-орфографических до лексико-стилистических и текстопорождающих. В то время как в документах со строго регламентированной структурой (*«Указомъ изъ Пермской Духовной Консисто́ри за № 1008 отъ 31 Марта сего года послѣдовавшимъ рекомендуемую книгу Сумфонію на Моисейскія книги не имѣть нужды Соликамскій Монастырь выписывать; посему въ таковой силѣ приготовить и репортъ отъ имени моего и какъ сей, такъ и всѣ прочія бумаги въ настоящемъ пакетѣ посылаемая прислать ко мнѣ съ первою отходящею почтою. Иеромонахъ Павелъ»* [МБ XIX: 37]) отражаются главным образом орфографические и пунктуационные и лишь отчасти – грамматические и стилистические навыки. Степень сформированности разнообразных речевых компетенций является показателем образованности и культуры в целом, в силу чего лингвистическая информация, извлеченная из публикуемых материалов, позволяет судить об общем культурном уровне представителей русского духовенства XVIII–XIX вв.

Таким образом, в силу очевидной объективной значимости монастырский архив представляет несомненный интерес и для представителей духовенства, и для краеведов, и для специалистов различных отраслей гуманитарных наук (историков, социологов, филологов, искусствоведов) – он должен быть доступен для всех интересующихся. Однако работа с документами затруднена: основная масса бумаг рукописная, почерки не всегда ясно читаемые, тексты отражают старую графику и орфографию, т.е. архив нуждается в соответствующей палеолингвистической обработке специалистами и только затем – в издании. Осознание практической значимости этой деятельности побуждает нас продолжать работу с данными источниками.

Очевидно, что при определении принципов издания необходимо учитывать «фактор адресата». Поскольку предпринимаемые нами издания представленных документов сориентированы прежде всего на исследователей-лингвистов, мы стремимся максимально сохранить совокупность всех формальных и языковых особенностей оригинала. Это послужило критерием отбора принципов печатного воспроизведения рукописных источников. В них полностью сохраняется типичный для каждого из жанров документов формуляр. Тексты воспроизводятся в современной графике

с сохранением упраздненных букв. Выносные буквы даются в строке, но выделяются курсивом. Сокращенные слова поясняются в примечаниях, титла и другие надстрочные знаки не проставляются. Сохранены авторское деление текста на слова, авторская орфография и пунктуация. Конец строки отмечен знаком « / », конец страницы – « // ». Ошибки и описки не исправляются, указания на них даются в подстрочных примечаниях, в случае необходимости предполагаемый вариант прочтения приводится в примечаниях курсивом. В примечаниях же отмечаются факты авторских исправлений и другие дефекты текстов. Воспроизводятся приписки и пометы, сделанные на полях рукописей, констатируется смена почерков в пределах одного текста. В издаваемых рукописях не подчиняется строгим правилам употребление прописных и строчных букв. При публикации материалов в большинстве случаев мы сохраняем написания оригинала, кроме передачи имен собственных, в которых строчную букву заменяем на прописную, что констатируется в примечаниях (за исключением первого издания соликамских и новоусольских документов [ПДП XVIII–XIX]). Для каждого документа указан номер (если он проставлен) и номер листа (лицевого или оборотного), если листы дела пронумерованы. Все перечисленные принципы, исключая деление на слова, являются общепринятыми для лингвистических изданий рукописных источников XVI, XVII вв. и более позднего времени, подготовленных Институтом русского языка АН СССР в 60–80-е гг. XX в. (коллектив под руководством С.И. Коткова). Сохранение авторского деления текста на слова позволяет, по нашему мнению, расширить аспекты лингвистического описания издаваемых рукописей: дать оценку степени владения авторами орфографической нормой; осмыслить принципы отражаемого в рукописях синтагматического членения речевого потока. Это может дать информацию для дальнейшей лингвистической интерпретации уровня языкового сознания пишущих.

В процессе работы по подготовке к публикации материалов Соликамского Святотроицкого монастыря [ПДП XVIII; МБ XIX] мы несколько изменили традиционную структуру справочного раздела подобных изданий.

Так, при публикации отобранных для полного печатного воспроизведения документов Соликамского Святотроицкого монастыря, с целью облегчения работы с вводимыми в научный оборот источниками, а также для расширения представления о составе и типах документов всего архива, мы пришли к необходимости сопровождать их аннотированными указателями, в которые включается краткое изложение содержания всех документов дела.

Лингвистические издания традиционно принято оснащать алфавитными указателями апеллятивов и имен собственных (антропонимов и топонимов), но в большинстве из них не приводится частотность употребления слов, хотя, по нашему мнению, эта информация может быть востребована в некоторых направлениях лингвистических исследований. Поэтому указатели апеллятивной лексики, административных названий, наименова-

ний церковей и монастырей, антропонимов и топонимов в наших изданиях являются алфавитно-частотными: все знаменательные части речи даются с указанием листа рукописи и количества употреблений на каждом листе; для служебных частей речи приводится количество употреблений, но не указываются листы рукописи.

В алфавитно-частотных указателях апеллятивов учтен лексический состав всех печатно воспроизводимых в изданиях документов. Слова, образующие устойчивые сочетания, приводятся отдельно. Сохраняются графические и орфографические варианты в написании одного слова (*мещенинъ, мещанинъ, мѣщанинъ; железо, желѣзо, жолезо; бичевка и бечевка; ассигнація и асигнація* и под.). Если в документах слово не имеет орфографически правильного написания, оно приводится в варианте, зафиксированном в рукописи (*коструля* (вместо *кастрюля*) *вишнягъ* (вместо *вешнякъ*); *бокоушка* (вместо *боковушка*). При возможной лексической полисемии и омонимии значение слова поясняется в скобках: *запоръ* (*задержка стула*) и *запоръ* (*замок*); *лукъ* (*растение*), *воскресеніе* (*день недели*)), в наиболее очевидных случаях разграничиваются грамматические омонимы.

Алфавитно-частотные указатели антропонимов содержат все имена, фамилии и прозвища в том виде, в каком они употреблены в рукописи (*Алексій и Алекѣй, Василій и Василей; Гаврилъ и Гаврило; Кирилль и Кирило*). Варианты номинаций одного лица (*Михаилъ Тихоновъ Жданковъ* и *Михайло Жданковъ; Александръ Рязанцовъ, А. Васильевичъ* и *А.В. Резанцевъ* и под.) сводятся в одну статью. В указателе к последнему изданию [МБ XIX] приводятся те или иные сведения о персоналии, если они содержатся в рукописи (*Анна, дочь Димитрія Иларіонова Елькина, служителя Соликамского Святотроицкого мужского монастыря, и жены его Стефаниды Алексѣевой; Савелій Лукояновъ, крестьянский сын, присланный из Красноуфимского уезда в Соликамский монастырь для прохождения эпитимии*). Алфавитно-частотные указатели топонимов включают номинации населенных пунктов (городов, сел, деревень) с указанием территориально-административной их принадлежности, если эти сведения представлены в документе. В алфавитно-частотные указатели административных названий включены номинации учреждений (*Пермская духовная консистория, Оренбургская духовная семинария, Училище княгини Бутеро, Соликамская золотопромысловая контора Чердынскаго уѣзда, Кунгурский городовоу магистратъ*). В алфавитно-частотных указателях названий церковей и монастырей приводятся графические и орфографические варианты названий (*Верхотурский Николаевский монастырь, Николаевскій монастырь, Николавскій монастырь, Верхотурскій монастырь*).

Кроме того, мы посчитали полезным сопроводить подобные издания словарными материалами с толкованиями вышедших из активного употребления лексем (словниками сопровождаются три из четырех осуществленных изданий [ПДП XVIII; МБ XIX; НД]). В них включены слова

и словосочетания – устаревшие или специального характера – церковно-религиозной, промыслово-ремесленной и бытовой сфер. Например:

Аплековый – от **апликэ** – фрнц. вещь из простого металла, густо посеребренная или одетая серебряным листом; накладное серебро, наклад [Даль 1981, I: 19];

Закубáрить – вероятно, упаковать, завернуть, от **кубáрь** – пук или сверток мочек, кудели; соотносится с **кубáриться** – вертеться кубарем [Даль 1981, II: 209];

Клеймо́ – род рамки, орнамента, внутри которого помещались изображения святых или государей, картины на религиозные сюжеты и т.п., а также само изображение вместе с рамкой (род медальона) [СлРЯ XI–XVII, 7: 161];

Крестóвый – **крестовые поны** – безместные священники, которые в старину нанимались «править кресты», т.е. совершать в домах церковные службы [ПЦСС 1999: 270];

Кунга́н, кумга́н – металлический азиатский рукомошник, кувшин с носком, ручкою и крышкой [Даль 1981, II: 217];

Попéнный (о деньгах) – пенные или попенные деньги, со пня, по числу срубленных пней [Даль 1981, III: 29];

Рéгель – немц. зодчск. подпора, подставка, перевязка, искосина; поперечная связь стропильных ног [Даль 1981, IV: 89];

Симфо́ния – свод текстов Священного писания по алфавиту как пособие к отысканию текста [ПЦСС 1993: 599];

Стопа́ – сруб с кровлей, с накатом и с полом, изба вчерне, без наряда (окон, дверей, лавок и пр.) [Даль 1981, IV: 330];

Цка, тска, дска, дека – **1.** Иконная доска; **2.** Деревянная крышка книжного переплета [СлРЯ XI–XVII, 4: 329].

Подобные словарные статьи содержат сведения, извлеченные из лингвистических и энциклопедических словарей, и могут облегчить специалистам различных отраслей знания работу с источниками.

Все материалы справочного раздела систематизируют языковые факты и сведения о реалиях, отраженных в документах, и призваны помочь в поиске необходимой информации специалистам разных профилей.

На материале издаваемых региональных рукописных документов мы исследуем целый ряд лингвистических проблем: графико-орфографические особенности текстов, в том числе в связи с изучением уровня образованности разных социальных групп; проявления в документах региональных речевых особенностей; отражение в материалах разных лексических пластов, ограниченных в сфере и времени функционирования; языковые средства создания речевых жанров – директивных, комиссивных, экспрессивных; признаки естественной письменной речи с учетом параметров речевого общения; разнообразные речевые компетенции языковой личности [РП 2011].

Реализация перечисленных аспектов лингвистического описания материалов позволила установить, что по степени владения различными языко-

выми нормами и по реализации навыков построения текста авторов писем можно разделить на две группы – *носителей* (в той или иной мере) *книжно-письменной культуры* и так называемых «просторечников». Эти два полярных типа речевой культуры выделяются на основе того, как в текстах реализуется набор и степень сформированности разноуровневых речевых компетенций.

Для носителей книжно-письменной речевой культуры характерно владение языковыми и коммуникативными нормами письменной речи, наличие навыков свободного текстопорождения, а иногда и проявление индивидуальной манеры построения текста. В изучаемых нами источниках такой тип речевой культуры присущ представителям исключительно духовного сословия, большая часть которых является церковными иерархами (архиепископ, архимандриты), занимает ведущие церковные должности (настоятели монастырей). Возможно, таким же уровнем речевой культуры обладали и некоторые представители светского сословия (купцы, служащие заводоуправления), поскольку созданные ими тексты демонстрируют достаточно высокий уровень сформированности языковых компетенций, а также и коммуникативных, но только в рамках делового общения. При этом характер имеющихся в нашем распоряжении документов не позволяет наблюдать реализацию ими навыков свободного текстопорождения.

Носители низовой речевой культуры – «просторечники» – демонстрируют невысокий уровень владения некоторыми языковыми и коммуникативными нормами и, не освоив законов построения письменной речи, порождают текст с ориентацией на привычные формы устной речи. В рассматриваемых нами источниках такой тип речевой культуры проявляется у представителей светских сословий (мещан и купцов).

Между представителями двух полярных типов речевой культуры находятся носители языка, для которых, с одной стороны, характерна ориентация на языковые и коммуникативные нормы письменной речи, но с другой – степень их освоенности недостаточно высока. Данная группа адресантов самая многочисленная и пестрая по сословной принадлежности: это и священнослужители, и гражданские лица разных сословий (от дворянства до мещанства).

Очевидно, что типы речевой культуры носителей языка формируются под влиянием меняющейся социально-культурной и образовательной среды. В связи с этим для описания дальнейших динамических процессов в речевом пространстве Северного Прикамья целесообразно расширение хронологических рамок привлекаемых рукописных источников. Особый интерес в этом отношении представляют документы, созданные в послереволюционный период и отражающие изменения в социальной структуре общества и смену культурной парадигмы. В этот период признаками естественной письменной речи по-прежнему будут обладать эпистолярные тексты, а также документы делового характера, созданные работниками

предприятий и членами общественных организаций (заявления, докладные записки, протоколы собраний и т.п.).

Кроме того, прерывание вековых традиций речевой письменной культуры, результатом чего стало снижение уровня речевых компетенций носителей языка, привело к тому, что признаки естественной письменной речи в 20–30-е гг. XX в. приобрели и некоторые печатные тексты, в частности публикации отдельных региональных и отраслевых изданий. Таким образом, решая задачу описания речевой культуры жителей Северного Прикамья в начале XX в. по данным текстов естественной письменной речи, целесообразно, помимо рукописных источников, привлекать и некоторые печатные. Мы считаем, что как рукописные, так и печатные материалы указанного периода еще недооценены как лингвистический источник, а потому важным представляется не только их исследование, но и опубликование для введения в научный оборот.

Источники и словари

МБ XIX – Монастырский быт и уклад XIX века: рукописные материалы Соликамского Святотроицкого мужского монастыря [Текст] : моногр. / сост. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова ; науч. ред. Н.В. Логунова. – Соликамск, 2011.

НД – Николаевская церковь: Новоусольские документы первой трети XIX века [Текст] / В.А. Цыпуштанов, Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова ; Ист.-архитектур. музей «Палаты Строгановых». – Усолье, 2011.

ПДП XVIII–XIX – А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. [Текст] / сост. Л.А. Белова, Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. – Усолье, 2006.

ПДП XVIII – Памятники деловой письменности конца XVIII: из архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря [Текст] : моногр. / сост. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова ; науч. ред. Н.В. Логунова ; ГОУ ВПО «Соликамский государственный педагогический институт». – Соликамск, 2009.

ПЦСС – Полный церковнославянский словарь [Текст] / сост. Г. Дьяченко. – М., 1993.

РП – Речевое пространство Северного Прикамья в синхронии и диахронии [Текст] : моногр. / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Л.М. Пантелеева, М.В. Толстикова ; науч. ред. Л.Л. Мазитова. – Соликамск, 2011.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2008. – Вып. 1–28.

Литература

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М., 1981.

Лебедева, Н.Б. Естественная письменная речь: основные понятия и аспекты изучения [Текст] // Письменная культура народов России : материалы Всерос. науч. конф. 19–21 ноября 2008 г. / под ред. Б.И. Осипова. – Омск, 2008. – С. 12–18.

Л.П. Михайлова
(Петрозаводск)

НЕСИСТЕМНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ

Несистемные лексические единицы, отражающие явления, которые возникли в результате незакономерных для языка процессов, в некоторой степени описаны и касаются прежде всего состояния современных говоров, характеризующихся наличием вариантов разного рода. Интерес представляют данные памятников письменности, в которых отражены явления неисконного характера. В настоящей заметке обратим внимание на некоторые факты подобного рода, обнаруженные в новгородских и псковских источниках.

И.И. Срезневский зафиксировал необычное по фонемному составу слово *сторовьи* ‘здоровый, невредимый’, приведя в качестве иллюстраций примеры из Новгородской I летописи, сравнивая его с другими вариантами: *съдоровьи, здоровьи, съдравьи, здравьи* [Срезневский 1989, III–I: 521]. Единственный пример словоформы *сторови* из этого же источника дается в Словаре XI–XVII вв. в статье на слово *здоровый* [СлРЯ XI–XVII, 5: 364], при отсылке к последнему варианту *сторовъ* [СлРЯ XI–XVII, 28: 95].

Лексема *сторовьи*, с ее необычным сочетанием глухих согласных в начале слова, представляет интерес не только для лингвиста, пытающегося объяснить появление подобных, необычных для русского языка и не сразу понятных слов. Известный ученый А.И. Попов, изучавший Новгородскую летопись как историк и лингвист, обратил внимание на неоднократное употребление в ее тексте формы *сторови*, сделав пометы карандашом на полях. Мы пользуемся книгой «Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку», изданной Археографической комиссией в 1888 (далее – НЛ), с пометами А.И. Попова, переданной в Лабораторию лингвистического краеведения и языковой экологии супругой покойного ученого Н.В. Поповой в начале 1990-х гг. Замечания А.И. Попова, сделанные карандашом на полях, выделяем курсивом.

Наиболее употребительной в летописи является словоформа *сторови*. Это касается таких текстов, где речь идет о возвращении воинов после какого-либо сражения: 1169 г. – «и бишася с ними, и б#ше новгородць 400, а Суждальць 7000; и пособи Богъ Новгородцемъ < > и придоша сторови вси» [НЛ 1888: 148–149]. Замечание А.И. Попова кратко: “*Сторови*” *Ср. берест. грам. № 424* [НЛ 1888: 149]. Далее при тексте «и придоша сторови вси Новугороду» на поле замечание: “*сторови*” *ср. берестян. грам. А.В. Арциховского № 424: “сторови” (XII в.)* [НЛ: 151]. Под 1219 г. вновь употреблено «и придоша сторови» [НЛ 1888: 210], при этом А.И. Попов

делает попытку проследить хронологию употребления данной словоформы; ей посвящен также отдельный лист, на который выписаны сведения о вариантах слова *сторовъ* – *сѣдравъ* – *здравъ*. В итоге наблюдения-выписки А.И. Попова выглядят следующим образом: ”*сторови*” (*первый разъ* 1130 г.), 1169, 1173, 1180, 1186, 1191, 1200, 1219 гг.; *сторови* *Новг. I* 1219 (!). *Берест. грам. А.В. Арциховского № 424: ”сторови” (XII в.)* [НЛ 1888: 210]. Далее выделены те словоформы, которые имеют несколько иной фонетический облик: 1204 – *сѣдрава*; 1212, 1214 – *сѣрави*; 1223 – *сѣрави*; 1234 – *сѣрави*; 1236 – *здрави*; 1265 – *здорови*; 1267 – *здорови*; 1268 – *здорови*. В итоге выясняется, что форма *сторови* наиболее активно использовалась в течение XII в.

Обратимся к новгородской берестяной грамоте № 424, опираясь на публикацию и комментарии к ее тексту в книге А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [Зализняк 1995: 248]. Основной текст грамоты от Гюргия к отцу и матери – № 424 – таков: «продавъше дворъ идите же с#мо смольнъску ли кыевоу ли: дешеве ти хлебе: али не идете а присъте ми грамотичу *сторови* ли есте» [там же]. Перевод текста грамоты: «Продавши двор, идите сюда – в Смоленск или в Киев: дешев [здесь] хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы *живы-здоровы*» [там же]. Древненовгородское слово *сторовъ*, возникшее из *сѣдоровъ* ‘жив-здоров’, ‘цел’, ‘благополучен (как в физическом, так и в социальном отношении)’, по мнению А.А. Зализняка, отражает редкое явление после падения редуцированных, характерное для древненовгородского диалекта, – прогрессивную ассимиляцию согласных, что подтверждается и другими немногочисленными фактами такого же рода: *кте*, *стоумаша* [Зализняк 1995: 68–69].

Подобное произношение глухих согласных в соответствии с обычными звонкими отражено и в имени *Ст#жиръ* или *Стежиръ*, зафиксированном в грамоте Старой Руссы № 5 [Зализняк 1995: 277]. Заметим, что славянские имена на *-жиръ* и *-миръ* широко представлены в новгородских берестяных грамотах: *Домажиръ*, *Нажиръ*, *Доброжиръ*, *Держимиръ*, *Станимиръ*, *Творимиръ*, *Видомиръ*, *Жизномиръ*, *Сольмиръ*, *Станьмиръ*, *Ратьмиръ* [Зализняк 1995: 696]. Предполагается, что первая часть имени собственного *Ст#жиръ* по происхождению связана с глаголом *сѣд#(ти)*, обозначающим ‘собирать’, ‘соединять’, или с наречием *сѣде*, *сѣд#* ‘здесь’ [Зализняк 1995: 68].

В обоих случаях после падения редуцированных на месте [д] стало произноситься [т], чем и обусловлено начальное сочетание согласных в имени *Ст#жиръ* и в словоформе *сторови* ‘здоровы’: *сѣд-* (*сѣд-*) > *сд-* > *ст-*.

На наш взгляд, причины отмеченного изменения допустимо видеть не в отклонениях от системных процессов, происходивших в русском языке после падения редуцированных звуков (закономерной была ассимиляция согласных по звонкости, что и привело к закреплению в орфографии начальному сочетанию *зд-*: *здоров*), а во внешнем воздействии. Известно, что новгородское и псковское население плотно соприкасалось с прибалтийско-финским с древних времен. Историко-культурная зона Верхняя

Русь, или Русь Рюрика, ядро которой соответствует территории современной Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, по предположению историков, «полностью охватывала зону взаимодействия восточных славян с финнами (а частично и с верхне-днепровскими балтами, или «балто-славянами» – кривичами) к северу от Даугавы – Западной Двины и Оки до акваторий Онеги – Ладоги – Финского залива» [Лебедев 2001: 32]. Это, безусловно, нашло отражение в языке, во взаимном «обмене» языковыми особенностями. Через стадию билингвизма автохтонное население частично перешло на язык славян-пришельцев (хотя и до настоящего времени существует двуязычие, характерное в основном для финнов, карел, вепсов), а восточные славяне усвоили ряд признаков прибалтийско-финского языка-основы. В последнем, в частности, отмечается такая важная черта, как отсутствие звонких согласных в начале слова [Лыткин 1974: 126]. Именно эта особенность – употребление глухих согласных в соответствии с исконными звонкими (*zd-* > *ct-*) – и представлена в анализируемом примере. Данное положение подтверждается и другими фактами подобного рода. В новгородских берестяных грамотах № 109 (стратигр. к XI – сер. 10-х гг. XII в.) и № 494 (стратигр. к. 1400-х – 1420-е гг.) употребляется союз *та* в соответствии с общеизвестным *да*: «...село...у меня отнял та еще мя...напрасно продалъ» [Зализняк 1995: 557].

Немаловажным является и то, что современные говоры также спорадически сохраняют указанную черту, которую можно в целом квалифицировать как экстенциальный признак, т.е. особенность русского слова, которая возникла под внешним воздействием неродственной языковой системы. Свидетельством служат данные диалектных словарей: *пйрестень* ‘корзина, кузов’ Кирил., Черепов. Новг. [СРНГ 1965–2010, 26: 229], ср. *берестйнь* ‘корзина из бересты’ Тихв., Лод. Ленингр., Чуд. Новг. [СРГК 1994–2005, 1: 66]; *прызгать* ‘брызгать’ Дем. Смол. (ССГ 1974–2005, 9: 68), ср. *бры’згать*; *пйрйденъ* ‘брედень’ Козлов. Чуваш. (СРГП 2005: 39), ср. *бйрйденъ*; *патуз* ‘палка’ Гряз. Волог. [СВГ 1983–2007, 7: 15], ‘ударная часть цепа’ Ростов., Рязанц. Яросл., Аньков., Ильин.-Хован. Иван., ‘валек для выколачивания белья при стирке’ Данил. Яросл. [ЯОС 1981–1991, 7: 77], *патуз* ‘короткая часть цепа, било’ Молоков. Калин. [СРНГ 1965–2010, 25: 273], *пбдог* ‘посох, употребляемый стариками при ходьбе’ Одесск. [СРГО 2000–2001, 2: 7], ср. *батуз* ‘палка’ Волог., Арх., Олон., Новг., Смол., Тамб. [СРНГ 2: 144] и др. [подробнее см.: Михайлова 2008]. В некоторых говорах Архангельской области данное явление отмечено в начале XX в.: *панушка* ‘бабушка’, *самуш* ‘замуж’, *трушок* ‘дружок’ и др. Озерки Арх., что объясняется влиянием консонантной системы карельского языка [Елизаровский 1958: 131]. Особенно большой по объему материал, свидетельствующий о мене глухих и звонких звуков в псковских говорах, приводится в работе С.М. Глускиной [Глускина 1973].

В памятниках письменности отмечено также употребление глухого согласного в соответствии с исконным звонким в позиции, когда невозможна прогрессивная ассимиляция по глухости, ср.: *крбдник* ‘горожанин

(искаженное градник)' Пск. Разговорник. Т.Ф., 1607 г. [ПОС 1967–2009, 16: 53] и *градникъ* 'горожанин' Усп. сб., XII–XIII вв. [СлРЯ XI–XVII, 4: 115]. В работе В.В. Колесова, посвященной согласным, парным по глухости-звонкости, приводятся примеры из памятников письменности, в основном севернорусской, XII–XVII вв., например, приводятся случаи употребления [п] вместо [б]: *переза, патогы, пезъ осуженья, продяху, погрепенъе, опроку, прать*, на *преже* (здесь же *ж* вм. *з*), *опладае, на през#, съ трупами и бубны*, а также много подобных замен [Колесов 1963].

Слово *тороницики* обнаружено только в Строевском списке третьей Псковской летописи как тождественное более употребительной лексеме *сторонцики* 'псковская врльница, добровольцы в войске': «Того же л#та *тороницики* ходили в немецкую землю, и много воевали земли» в Псковской первой летописи, 1560 [Сороколетов 1970: 230–231]. И.И. Срезневский приводит *сторонцик* 'доброволец': «*Стороницики* воевали по всему рубежу охочие и полноу много вывели» Псков. I лет. 7066 г. [Срезневский 1989, III–I: 526].

В варианте *тороницики* наблюдается отражение сокращения сочетания согласных в начале слова до одного звука, что также обусловлено влиянием прибалтийско-финской языковой системы, для которой свойственно наличие одного согласного в начале слова [Лыткин 1974: 119]. Подобное явление широко представлено в лексике русских говоров [Михайлова 2007], сохраняются и слова с корнем *торон-*, в которых реализовалась лексикализация упрощения сочетания *ст-* > *т-*, ср.: *торонъть* 'отъезжать в сторону' Обоян. Курск., *торонъться* 'отходить, отъезжать в сторону, освобождая место для прохода, проезда' Нижегор., Смол., Курск., Ворон., 'сторониться людей, держаться в стороне от кого-либо' Обоян. Курск., Смол. [СРНГ 1965–2010, 44: 282].

Таким образом, необычные слова – новгородское *сторовъ* 'жив-здорв' и псковские *крбдник* 'горожанин', *тороницик* 'доброволец', являющиеся экстенциальными вариантами известных лексем *здоров* (< *съдоровъ*), *градник*, *сторонцик*, – возникли в результате незакономерных для русского языка процессов в позиции анлаута (употребление глухих согласных вместо звонких и сокращение сочетаний согласных). Данные лексические единицы выступают свидетелями тесных взаимоотношений русского и прибалтийско-финского населения в отдаленные времена.

Источники и словари

НЛ – Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку [Текст]. – Изд. Археографической комиссии. – СПб., 1888.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными [Текст]. – Л./СПб., 1967–2009. – Вып. 1–21.

СВГ – Словарь вологодских говоров [Текст]. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2008. – Вып. 1–28.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Текст] / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005. – Вып. 1–6.

СРГО – Словарь русских говоров Одесщины [Текст] / отв. ред. Ю.А. Карпенко, С. Уэмура. – Одесса, 2000–2001. – Т. 1–2.

Срезневский 1989 – Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка [Текст] : в 2 ч. – М., 1989. – Т. I–III.

СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. – М. ; Л./СПб., 1965–2010. – Вып. 1–44.

ССГ – Словарь смоленских говоров [Текст]. – Смоленск, 1974–2005. – Вып. 1–11.

ЯОС – Ярославский областной словарь [Текст]. – Ярославль, 1981–1991. – Вып. 1–10.

Литература

Глускина, С.М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах [Текст] // Псковские говоры III. – Псков, 1973. – С. 35–51.

Елизаровский, И.А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. [Текст]. – Архангельск, 1958.

Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект [Текст]. – М., 1995.

Зализняк, А.А. Обратный индекс к словоуказателю [Текст] / А.А. Зализняк // Древненовгородский диалект... – С. 688–705.

Колесов, В.В. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости [Текст] // Вестн. ЛГУ. – 1963. – № 2. – Серия истории, языка и литературы. – Вып. 1. – Л., 1963. – С. 103–112.

Лебедев, Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории [Текст] // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб., 2001. – С. 31–58.

Лыткин, В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков [Текст] // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М., 1974. – С. 108–213.

Михайлова, Л.П. Ареальная характеристика лексики с экстенциональными признаками [Текст] // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исслед. / Ин-т лингвист. исслед. – СПб., 2007. – С. 62–69.

Михайлова, Л.П. Русская лексика с признаками экстенционального характера в области согласных [Текст] // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2008. – № 2(9) : Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы : в 3 ч. – Ч. 2. – С. 96–100.

Мызников, С.А. Словарь русских говоров Поволжья [Текст] // Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. – СПб., 2005. – С. 255–467.

Сороколетов 1970 – Сороколетов, Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). – Л., 1970.

Ю. Мускала

К ТЕКСТОЛОГИИ ТРАВНИКА ЛЮБЧАНИНА (некоторые наблюдения)

Введение

Русский перевод травника *Gaerde der Suntheit*, напечатанного в 1492 г. в Любеке и написанного на средненижненемецком языке, был осуществлен в 1534 г. и стал первым на Руси переводным медицинским трактатом. Авторство русского перевода с общепринятым названием *Травник Любчанина* приписывается по сведениям в выходной записи Николаю Бюлову (Nicolaus Bülow), придворному врачу великого князя Василия III [ср. Буланин 1988: 102].

Нам известно пять списков *Травника Любчанина*, хранящихся в собраниях Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (ХНУ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российской национальной библиотеки (РНБ), Государственного исторического музея (ГИМ), и БАН Литвы (МАБ), но их текстологические взаимоотношения или соотнесенность с оригиналом пока еще не установлены. Б.Н. Морозов [Морозов 2001 & 2005] и Т.А. Исаченко [Исаченко 2009: 135–181], ссылаясь на филигранные и редакторские правки, предполагают, что протографом следует считать список ХНУ, но не приводят текстологических аргументов и не сравнивают перевод со средненижненемецким оригиналом, что могло бы подтвердить их выводы. Поэтому мы в настоящей статье предпримем попытку выяснить, подтверждают ли некоторые из наших текстологических наблюдений выводы Б.М. Морозова и Т.А. Исаченко.

Текстологические наблюдения

Наш анализ основывается на трех частях текста: часть 1 – глава 372, часть 2 – глава 440, часть 3 – главы 512–513; каждая часть включает приблизительно по одному листу А4 в компьютерном наборе. Мы рассмотрим ряд параметров, легко сопоставимых с оригиналом: а) разделение текста на параграфы, б) именование «мастеров» своими именами или словом *мистрь* и в) передача названий растений.

Каждая глава *Травника Любчанина* разделяется на параграфы. Нередко параграфы начинаются оборотом *такой-то мастер пишет/говорит*. В нашей выборке зарегистрировано 26 разночтений, связанных с разделением текста на параграфы, и 18, связанных с именованием «мастеров» своими именами или словом *мистрь*. Учитывая, что это разночтения одного типа, систематически представленные в большом количестве во всем тексте, мы считаем их показательными, несмотря на то, что рукописи включают в себя несколько сотен листов, а три листа – очень маленькая выборка материала.

Параграфы

Сравнение списков с очевидностью показывает, что ХНУ и РГАДА составляют единую группу с одинаковым делением текста, которое отличается от списков РНБ, ГИМ и МАБ. Мы обнаружили 15 случаев, где одно чтение имеется в списках РНБ, ГИМ и МАБ, а другое в ХНУ и РГАДА. Приводим примеры с начальными словами параграфа:

Глава	ХНУ, РГАДА	РНБ, ГИМ, МАБ
440	[Ш] та же вода	Д. та же вода
440	Д. вода тоѣ травы	Е. вода тое травы
440	И. плинѣусь глетъ	Ө. мстръ глетъ
440	Вї. та же самая трава	Гї. самая та трава
440	Еї. в книзе панде ктове	Сї. мстръ глетъ
512	[Ш] есть же иная трава	В. есть же иная трава
512	[Ш] есть же иная трава	Г. есть же иная трава

Что касается нумерации параграфов, то ХНУ и РГАДА находятся в полном соответствии с оригиналом. Отличия нумерации от оригинала в РНБ, ГИМ и МАБ обусловлены тем, что писец архетипа этих списков произвольно начинал параграфы там, где в оригинале разделения не было. Причиной этого являлось, по-видимому, то обстоятельство, что текст в соответствующих пассажах начинается таким же образом, каким часто начинаются параграфы, что и приводило писца к заключению – сознательному или подсознательному – о начале нового параграфа. Приняв такое решение, он должен был изменить нумерацию следующих параграфов. Если писец делил книгу на новые параграфы сознательно, можно предположить, что он хотел предоставить текст читателям более удобным в употреблении.

Три списка – РНБ, ГИМ и МАБ, однако, не одинаковы в том, что касается параграфов. Разделение текста на параграфы в РНБ и ГИМ отличается не только от ХНУ и РГАДА, но часто и от МАБ, который, таким образом, выделяется среди всех остальных:

Глава	ХНУ/РГАДА	РНБ/ГИМ	МАБ
513	В. <i>корен</i>	[Ш] корень	Д. корень
513	Г. тѣх травъ	Д. тѣхъ травъ	Е. тѣхъ травъ
513	Д. тѣм же питием	Е. тѣмъ же питіемъ	С. тѣмъ же питіемъ
513	Е. листовіе	[Ш] листовіе	З. листовіе

В этих случаях нумерация параграфов оригинала сохраняется в списках ХНУ и РГАДА. Интересно заметить, что слова *корень* и *листовіе* в списке РНБ начинаются с большой буквы, написанной киноварью, а в ГИМ вместо буквы – пробел, т.е. там оставлено место для киноварной буквы.

Поэтому есть основания полагать, что в протографе здесь начинались параграфы, как в оригинале. Чтения МАБ или отражают это, или являются «поправками», спровоцированными киноварными буквами в его антиграфе.

Еще есть случаи, где чтения МАБ отличаются от всех других списков, демонстрирующих одинаковые чтения:

Глава	ХНУ, РГАДА, РНБ, ГИМ	МАБ
513	Е. <i>предижереченныи</i> плинїюс	[Ш] прежереченный мистръ
513	S. он же	Е. онъ же
513	З. кора	S. кора
513	И. сок же	З. сокъ же
513	Ө. листовие	И. листовие

Почему писец списка МАБ не начал новый параграф там, где в других списках начинается параграф № 5, объяснить нелегко. Может быть, он просто ошибочно пропустил его и в результате пронумеровал следующий параграф номером 5. Тем не менее, его разделение текста не совпадает с оригинальным, которому соответствует чтение остальных списков.

Анализ разделения текста на параграфы ставит перед нами проблему, как оценить разные нумерации параграфов в тексте. Как упоминалось выше, писцы РНБ, ГИМ и МАБ перескочили или добавили только небольшое количество параграфов, но в большинстве случаев различие заключается в разной нумерации, присутствующей во всех пяти списках. При этом нумерация везде последовательная, т.е. параграфы нумеруются 1, 2, 3 и т.д. без опущения номеров. Можно было бы привести аргументы в пользу исключения этих случаев из анализа, но мы их все же включаем, потому что только счастливое стечение обстоятельств позволило бы реконструировать правильную, т.е. изначальную, нумерацию оригинала при переписке списков РНБ, ГИМ или МАБ. Это, в свою очередь, означает, что чтения ХНУ и РГАДА лучшие и не могут зависеть от остальных списков. Исключаем все-таки из анализа параграф 20 главы 372, который в списке ГИМ мы находим под номером 21, а в других списках под правильным номером. Решение основано на том, что предыдущие и следующие параграфы пронумерованы правильно. Тем самым, ошибку можно считать исправленной; в результате изначальную нумерацию оригинала можно без проблем воссоздать, имея перед с собой только список ГИМ.

При сравнении всех пяти списков со средненижненемецким оригиналом становится очевидным, что первоначальное деление текста сохраняется в списках ХНУ и РГАДА и что список МАБ более других отделился от исконного состояния текста. Параграфы ХНУ и РГАДА полностью соответствуют оригиналу, в то время как параграфы РНБ и ГИМ совпадают с оригинальными на 64 %, а МАБ – лишь на 55 %.

Как появились варианты, реконструируется довольно легко благодаря тому, что все изменения текста, которые мы находим в списках РНБ и ГИМ,

наблюдаются и в списке МАБ. Из этого следует, что у РНБ, ГИМ и МАБ один антиграф или антиграфом МАБ может являться либо РНБ, либо ГИМ.

Помимо разделения на параграфы, текст делится также на главы. Каждая глава пронумерована. В двух из рассмотренных трех глав нумерация МАБ отличается от всех остальных. Глава *портулака* имеет номер 372 в ХНУ, РГАДА, РНБ и ГИМ, как и в оригинале, но 371 в МАБ. Главу *скобиоза* мы находим под соответствующим оригиналу номером 440 в ХНУ, РГАДА, РНБ и ГИМ, но под номером 439 в МАБ.

Имена «мастеров»

Как указывалось выше, в начале параграфов автор *Травника Любчанина* часто ссылается на «мастеров». В двух списках (ХНУ, ГИМ) «мастера» называются своими именами (например, *Ависен говорит*), а остальные списки (РНБ, ГИМ, МАБ) заменяют имена словом *мистръ* или *онъ (же)*. Приведем примеры:

Глава	ХНУ, РГАДА	РНБ, ГИМ, МАБ
372	галіень глетъ	мстръ глетъ
372	серапіонъ глетъ	мстръ глетъ
372	ависень глетъ	мстръ глетъ
372	діоскорид глетъ	мстръ глетъ
513	плиніюс глетъ	онъ же глетъ

В оригинале пишутся обычно только имена (ср. GdS: *Galienus /.../ bescrifft vns vnde sprikt*, 394; *Serapio sprikt*, 395; *Auicenna /.../ sprikt*, 395; *Dyascorides* 396; *Ok sprikt Plinius*, 525), но в нашей выборке мы столкнулись и с шестью случаями, когда в оригинале написаны как имя, так и слово *mester*, а в рукописях лишь имя (ХНУ, РГАДА) или *мистръ* (РНБ, ГИМ, МАБ):

Глава	Gaerde der Suntheit	ХНУ, РГАДА	РНБ, ГИМ, МАБ
372	De mester Ruffus /.../ sprikt	руѳісь глетъ	мстръ глетъ
372	De mester Plinius sprikt	плиниунис глетъ	мстръ глетъ
440	De mester Paulus sprikt	павлин глетъ	мстръ глетъ
440	De mester Plinius sprikt	плиниусъ глетъ	мстръ глетъ
512	De mester Dyascorides	диоскорид глетъ	мстръ глетъ
513	De voerbenomede mester Plinius /.../ sprikt	предижереченныи плиніюс пишет	преждереченный мстръ пишетъ

Тот факт, что в оригинале обнаруживаются и *mester* и имена, мог бы поставить под сомнение тезис о том, что вариант с именами указывает на первоначальность текста. Если предположить, что в самом начале оригинала слово *мистръ* находилось рядом с именем, логично заключить, что писец протографа мог бы систематически вставлять его и там, где его в оригинале нет. Итак, если в протографе всех пяти списков имена сопровождаются сло-

вом *мистръ*, вариант с именами столь же отошел от протографа, как и вариант без имен. Тем не менее, с текстологической точки зрения важно, что списки без имен не могут быть антиграфами списков с именами, т.е. списки РНБ, ГИМ, МАБ не являются антиграфами ХНУ и РГАДА. Это особенно ясно при сравнении с оригиналом, именам которого следуют ХНУ и РГАДА, ибо нельзя реконструировать первоначальное состояние текста, исходя только из слова *мистръ*, а замена имен на *мистръ* осуществляется очень легко. Однако наличие слова *mester* в оригинале и его отсутствие в ХНУ, РГАДА ставят под вопрос, может ли ХНУ являться протографом, как думают Б.Н. Морозов и Т.А. Исаченко.

В нашей выборке обнаружен только один случай, где имя оригинала в русских списках заменено другим именем (ХНУ 392, ГАДА 242 об.). Речь идет о написании *павлин* на месте *Paulus (Павел)*. Мы полагаем, что имя было заменено, может быть, чтобы не перепутать данного *Paulus* с апостолом.

Еще следует обратить внимание на три места в ХНУ и РГАДА, где имена передаются не так, как ожидается. Вместо *руѳусь* пишется *руѳісь* (ХНУ, РГАДА), а вместо *плинуусь* в ХНУ два раза фиксируется *плинуунис*. Сложно догадаться, почему в имени *Ruffus* латинское *u* заменено кириллическим *і*, однако с текстологической точки зрения нет сомнения, что вариант *руѳісь* лучше варианта *мистръ*, на основе которого нельзя воссоздать форму *руѳісь*, почти точно передающую *Ruffus*. Написание *плинуунис* можно считать произвольной ошибкой писца, который подсознательно повторил предыдущий слог *ни*. Так как чтение *руѳісь* лучше чтения *мистръ* и *плинуунис* – произвольная, легковесная ошибка, которую другому писцу нетрудно исправить при списывании, наличие этих отклонений от оригинала не противоречит тому, что текст ХНУ и РГАДА ближе к оригиналу, т.е. ХНУ может являться русским протографом.

Кроме имен мастеров, в начале параграфов мы нашли один случай, где название книги заменяется на слово *мистръ*:

Глава	ХНУ, РГАДА	РНБ, ГИМ, МАБ
440	в книзе пандектове	мстръ глетъ

В этом случае оригиналу (*In demelboke Pandecta*, GdS 460) следуют также ХНУ и РГАДА. Поскольку в оригинале не упоминается никакой «мастер», а в списках РНБ, ГИМ, МАБ все же читается *мистръ*, очевидно, что в архетипе этих трех списков все ссылки на источники оригинала были заменены на слово *мистръ*, в принципе ничего не говорящее. Наверное, писец считал ссылки излишними, и читателям, должно быть, они в самом деле были не нужны.

Помимо того, что мы находим имена «мастеров» в начальных ссылках, последние упомянуты еще в самом конце главы 440, где говорится о том, как

святой Урбан попросил одну из своих сестер объяснить пользу травы, а она в ответ написала ему стихи, которые в оригинале цитируются по-латыни. Весь текст параграфа отличает ХНУ и РГАДА от РНБ, ГИМ и МАБ (см. примеч. 11).

Глава	ХНУ, РГАДА	РНБ, ГИМ, МАБ
440	стыи урбан	Ш
440	нѣкоторыя сестры своя	нѣкото рыя мстры
440	Оурбан	Ш

Чтениям оригинала (GdS: *sunte vrbanus*, 460; *siner susteren eyne*, 460; *Urbanus*, 461) следуют ХНУ и РГАДА, в то время как РНБ, ГИМ и МАБ довольно далеко отошли от них, пропустив целые фразы и превратив одну сестру в нескольких мастеров. Такие изменения текста были осуществлены, по-видимому, для того, чтобы эта часть больше походила на весь текст, и стали возможны потому, что писцу (и читателям) не были важны точные ссылки на источник информации.

Есть один случай, когда чтения всех списков одинаковы и отличаются от чтения оригинала. Параграф 6 в главе 513 начинается словами *он же* во всех списках, хотя в средненижненемецком оригинале – *Plinius*. Это единственный в нашей выборке пример, который позволяет предположить, что замена имен «мастеров» была проведена в каком-то списке, находящемся в более высоком положении в текстологической иерархии, из чего следовало бы, что ХНУ не может быть протографом. Однако вполне возможно, что чтение *он же* возникло впервые в списке ХНУ. Чтобы решить этот вопрос, необходимо проанализировать больший объем текста.

Итак, анализ имен «мастеров» показывает: а) что списки ХНУ и РГАДА образуют группу, противопоставленную РНБ, ГИМ и МАБ; б) чтения ХНУ и РГАДА находятся в близком соответствии с текстом оригинала и, важнее всего, в) что чтения ХНУ и РГАДА нельзя воссоздать только с помощью чтений других списков, в то время как от чтений ХНУ и РГАДА легко прийти к чтениям списков РНБ, ГИМ и МАБ. Это свидетельствует о том, что в протографе были имена, и протографом может являться список ХНУ, как полагают Т.А. Исаченко и Б.Н. Морозов.

Названия растений

Каждая глава начинается «введением», где упоминается название (названия) определенного растения. Нередко название приводится по-латыни, на греческом и немецком языках. Иногда во «введении» можно найти и русское название, но гораздо реже, чем на других языках. Порой писец оставлял в тексте пробел для русского названия, которое изредка вписывалось другой рукой, однако чаще названия все же отсутствуют. Кроме того, русские названия встречаются и на полях. Не всегда ясно, современник ли до-

бавил русские названия. Поэтому мы включаем в анализ только названия, написанные сходной с остальным текстом рукой. Наконец, названия встречаются и вне «введения», т.е. в самом тексте.

Как и в большинстве случаев выше, в списках ХНУ и РГАДА обычно наблюдается одно чтение, а в РНБ, ГИМ и МАБ – другое. Во «введениях» глав обнаружены следующие вариации в воспроизведении названий:

Глава	ХНУ, РГАДА	РНБ, ГИМ, МАБ
372	андрахне	андрохи
372	гаждоне	гаждовѣ
440	стибесь или стибеосъ	стибесь или стибесь
513	ене линде	елинде

Сравнение с оригинальными чтениями *Andragne* (GdS 394), *Hasdane* (GdS 395), *Stibes effte Stibeos* (GdS 459), *Eyne lynde* (GdS 525) показывает, что лучшие чтения сохраняются в списках ХНУ и РГАДА. Поскольку русский облик этих названий немного отличается от средненижненемецкого, прокомментируем чтения ХНУ и РГАДА. В названии *андрахне* написание *x*, соответствующее немецкой букве *g*, обусловлено фонетическими причинами, так как фонема /g/ во многих позициях в средненижненемецком могла произноситься как [x]. О названии *гаждоне* следует сказать, что, помимо ожидаемой буквы *z* на месте латинской *h* и буквы *o* на месте *a*, отражающей аканье, буква *s* оригинала передается посредством *ж*, а не *c* или *z*, чего можно было бы ожидать. Чередование латинского *s* (или *z*) и кириллических *ш* и *ж* типично для многих транслитерированных названий во всем тексте. Поэтому можно констатировать, что *гаждоне* находится в полном соответствии с оригинальным *Hasdane*. Средненижненемецкое *Eyne lynde* произносится как русское *ене линде*. Разницы в произношении между буквами *i* и *u* не было, и *eu* произносилось как [e:].

В трех случаях чтения списков ХНУ, РГАДА и РНБ одинаковы:

Глава	ХНУ, РГАДА, РНБ	ГИМ, МАБ
372	боргель	белгель
372	портулакова трава	полтулакова трава
440	о той ско биозовѣ травѣ	о той скорбиозове траве

Разночтения – особенно *боргель* ~ *белгель* – интересны потому, что наводят на мысль о большей близости списка РНБ к спискам ХНУ и РГАДА по сравнению со списками ГИМ и МАБ. Только с трудом мы можем представить себе, как от искаженной формы *белгель* можно прийти к правильной форме *боргель*, соответствующей названию оригинала *Borgel* (GdS 394), без наличия хотя бы одного списка (или самого оригинала) с чтением *боргель*.

В нашей выборке обнаружилось одно место, в котором ХНУ и РГАДА демонстрируют одно чтение, РНБ – другое, а ГИМ и МАБ – третье. Речь идет об искаженном воспроизведении названия *Portulaca*. Правильная форма сохраняется в списках ХНУ и РГАДА:

Глава	ХНУ, РГАДА	РНБ	ГИМ, МАБ
372	та портулакова трава	та трава портулахова	та та трава порту латова

Как и при сравнении параграфов и именовании «мастеров», при сравнении названий растений мы обнаружили различия, которыми список МАБ, содержащий неправильные чтения, выделяется среди всех других списков:

Глава	ХНУ, РГАДА, РНБ, ГИМ	МАБ
372	портулакову траву	портулатову траву
440	скобиоза	скопиоза
440	та трава скобио зова	тра ва скобиозова
512	конигесь карсе	конигесь ка рбесе
512	ѳломось огрестись	ѳломос грестись

Первые три различия восходят к оригинальным *Portulaca* (GdS 394) и *Scabiosa* (GdS 459), *конигесь карсе/карбесе* – к средненижненемецкому *Konighes kerse* (GdS 524), а *ѳломос огрестись/грестись* – к греческому *Flommos agrestis* (GdS 524). Так как /er/ в средненижненемецком часто произносили как [ar], что часто фиксируется в воспроизведениях нерусских слов во всем переводе, вариант *конигесь карсе* следует считать вполне соответствующим оригиналу. Что же касается чтения *ѳломось грестись*, можно полагать, что писец списка МАБ, начиная новую страницу и только что написав букву *o* (с надстрочным *c*) на предыдущей странице, ошибочно подумал, что он уже написал начальную букву слова *огрестись*. Несмотря на такую банальную опisku, маловероятно, чтобы переписчик какого-то другого списка мог исправить искаженный вариант *грестись* на более правильный *огрестись*, переписывая список МАБ.

Заключение

Сравнение разделения текста на параграфы, именовании «мастеров» своими именами или словом *мистръ* и воспроизведений названий растений показывает, что рукописи образуют две группы: группа А – списки ХНУ и РГАДА, группа Б – списки РНБ, ГИМ и МАБ. Представляется очевидным, что текст именно в таком состоянии, в каком он дошел до нас в группе А, лучше сохраняет первоначальный облик перевода. Не обнаружено ни одного различия, в котором варианты группы Б с точки зрения близости к оригиналу превосходили бы чтения группы А, поскольку от ва-

риантов группы Б прийти к вариантам группы А нельзя, тогда как от чтений группы А прийти к чтениям группы Б нетрудно.

Из проведенного анализа явствует, что группа Б неоднородна: а) в списке МАБ обнаружено большое количество индивидуальных чтений и б) три разночтения указывают на большую близость списка РНБ к группе А по сравнению с двумя другими списками группы Б. Для более точных выводов о статусе списка РНБ в пределах группы Б необходимо проанализировать больший объем текста.

Более подробные и точные выводы о взаимоотношениях всех списков в рамках нашего анализа не представляются возможными; проведенное исследование не дает и бесспорного ответа на вопрос о том, является ли список ХНУ протографом. Однако нет сомнения в том, что в нем и в списке РГАДА сохраняется близкий к оригиналу текст, и наш анализ не исключает, что протографом следует считать ХНУ. Чтобы установить позицию списка ХНУ (и остальных списков) в текстологической иерархии, необходимо исследовать текстологические взаимоотношения в большей выборке текста.

Источники

ГИМ – Государственный исторический музей, собр. Увар. 387 [Текст].

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, ф. 188, № 649 [Текст].

РНБ – Российская национальная библиотека. F.VI.9/I–II [Текст].

ХНУ – Центральная научная библиотека Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина [Текст]. – № 159/С.

МАБ – Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, ф. 22, № 25 [Text].

GdS – Universitätsbibliothek Göttingen, 4 Mat. Med. 38/19 Inc., Gaerde der Suntheit. Steffen Arndes, Lübeck 1492 [Text].

Литература

Буланин, Д.М. Булев (Бюлов) Николай [Текст] / отв. ред. Д.С. Лихачёв // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). – Л., 1988. – Ч. 1 : А – К. – С. 101–103.

Исаченко, Т.А. Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. [Текст]. – М., 2009.

Морозов, Б.Н. К истории Травника Любчанина 1533/34 г. [Текст] // Археографический ежегодник за 2000 год. – М., 2001.

Морозов, Б.Н. Травник из постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. – новый памятник мастерской митрополита Даниила. (Первые итоги изучения) [Текст] // Археографический ежегодник за 2002 год. – М., 2004.

Соболевский, А.И. Труды по истории русского языка [Текст]. – М., 2006. – Т. 2 : Статьи и рецензии.

Lasch, A. Mittelniederdeutsche Grammatik (= Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte IX) [Text]. – Halle a. S., 1914.

Lasch, A. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch [Text] / A. Lasch, C. Borchling. – Ers. Bd. – A – F/V. – Neumünster, 1956.

Sarauw, Chr. Niederdeutsche Forschungen I. Vergleichende Lautlehre der niederdeutschen Mundarten im Stammlande (= Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser V, 1.) [Text]. – Kopenhagen, 1921.

С.А. Мызников
(Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ СКАНДИНАВСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ И СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Изучение лексических единиц скандинавского происхождения в русском языке имеет давнюю традицию. В различного рода работах рассматривалась скандинавская топонимия на территории России, это труды Е.А. Рыдзевской [Рыдзевская 1934] Т.Н. Джаксон [Джаксон 2001]. В книге К. Тернквист [Thornqvist 948] была предпринята попытка выявить всю совокупность скандинавских заимствований в русском языке. В последних работах, посвященных исследованию данной проблемы, предлагается учитывать 122 активно функционирующих скандинавизма, при том, что более 60 % последних вошли в русский язык в древний период его развития [Кохановский 2010].

Одним из первых исследователей данной проблемы был Я.К. Грот, который, проанализировав диалектные данные, предложил всего около сорока единиц скандинавского происхождения. Однако, по его мнению, «такое заключение несколько не уменьшает важности изучения скандинавских наречий для исследования русского языка» [Грот 1899: 433]. Именно он, анализируя лексемы **рюжа, рюза** 'рыболовная сеть', впервые отметил, что фин. *rysä* заимствовано из скандинавских языков, сравнивая их с нем. *Reuse* [Грот 1899: 437]. Позднее эти единицы рассматривались уже на самской и прибалтийско-финской почве, причем саам. южн *rKæ3I3I!*^K также заимствовано из скандинавских источников: ст.-швед. *rysia, ryskia* (1544), (*fiska*)*ryszio* (1566), *rysse-* и т.д., швед. совр. *ryssja*, швед. диал. *ryssa, russja, ryssja, russa, rusa, ryska, ruska, ryssj* 'мережа, вентерь (ловушка, используемая также для ловли бобра, выдры, птицы)', при др.-датск. *ruse*, норв. диал. *rusa, rysja* 'мережа'. Авторы SKES видят в основе скандинавских данных др.-нижн.-нем. *ruse* или др.-верхн.-нем. *riusche* [SKES 901].

По материалам памятников письменности и диалектным данным можно дифференцировать скандинавизмы на ряд групп.

I. Выделяются лексемы, отмечаемые только в древнерусском языке.

Рет (рѣтъ) 'суд': – *И что вытягал боярин мой Федоръ Аньдреевич на обчем рѣтъ*. 1389 г. [СлРЯ XI–XVII, 22: 147]. Ср. швед. *rätt* 'суд' [SEO 677], при фин. *rättäri* (с 1593 г.), из др.-швед. *rättäre* 'стражник, судья', при нем. *Richter* 'судья' [SKES 918].

В ряде случаев проследить, функционировало ли слово в тот или иной период развития языка или помещалось в словари по традиции, весьма не просто. Так например, отмечается др.-рус. **луда** 'плащ, накидка' 1024 г. – *И приде Якун с варягы и бе Якун съ лепь и луда у его золотом истькана*. Лавр. Лет. 1074 г. [СлРЯ XI–XVII, 8: 292]. Далее он повторяется в САР 1 и в САР 2: **лу'да** – «старин. Шутовское лицедейственное платье» (Никоновская летопись) [САР 1]; **лу'да** – «старин. Одежда в виде брони»: – *Якун же ту отбеже луды своя златыя*. Никоновская летопись [САР 2]. И спорным кажется помещение в СРНГ материалов Еремина: **луда'** 'верхняя одежда типа плаща' Нижегород. [СРНГ, 17: 178]. Причем, если ранее слово рассматривалось как заимствование из др.-сканд. *lori* 'грубая верхняя одежда' [Thörnqvist 1948: 240; Преображенский 1910–1914, I: 474; Фасмер 1986, 2: 529], при отрицании древнегерманских источников, ср. др.-верх.-нем. *ludo, lodo* 'грубое сукно, накидка из него' [Berneker 1915–1924, 1: 743], то по новым славянским данным эта этимологическая версия не кажется убедительной, ср.: укр. *луда'н* 'старинная блестящая ткань; одежда, сшитая из нее; одежда, шитая золотом', *луда* 'плащ, верхняя одежда, обычно шитая золотом', пол. *loden* 'грубая льняная ткань', чеш. *loden*, словац. *lodén*, болг. *луден* 'то же'. Исходя из сходства формы и семантики этих данных в славянских языках предлагается западно-кавказская версия происхождения, ср. адыгейск. *läudan* 'вид шелковой ткани' (буквально – шелк с Лоо, на берегу Черного моря близ Сочи) [Абаев 1963: 116–119; ЕСУМ 1982–2012, 3: 300].

II. Можно выделить некоторые материалы, которые фиксируются в памятниках письменности и затем только в диалектных источниках не позднее XIX – начала XX в.

Ския – «специальный амбар для хранения соленой рыбы (стены и крышу такого амбара обкладывали дерном для предохранения от солнечного тепла)»: – *Да в реке в Нявдеме рыбная ловля с четверть лука с тонями... да два анбара с погребом да ския*. Грам. Кольск. 1675 [СлРЯ XI–XVII, 24: 201]. Ср. диалектные данные: **Скей** 'помещение для соления рыбы' Беломор., Баренц. м., 1913 [СРНГ, 37: 408]. **Скея'** 'амбар у ловцов трески' Арх. **Ске'я** 'небольшой амбар или врытый в землю погреб для хранения соленой рыбы' Мурман., Арх., 1847. *Богатель он у нас, три скеи соленой рыбки у его заполонено*. Кольск., Арх. [СРНГ, 37: 409]. **Ске'ля** 'амбар для хранения рыбы' Мурман., 1850 [СРНГ, 37: 408].

М. Фасмер дает первую фиксацию для слова **ския** под 1617 г., хотя в СлРЯ XI–XVII вв. первое упоминание отмечено под 1666 г. Слово заимствовано из др.-сканд. *skia* 'пристройка, сени', при норв. диал. *skjaa*, при прагерм. **skewo*, ср. др.-верх.-нем. *scura* нов.-верх.-нем. *Scheuer* 'сарай' [Фасмер 1986, 3: 639; Thörnqvist 1948: 81].

III. Данные, отмечаемые в древнерусском языке и современных русских говорах.

Так, например, лексема **голбецъ** по памятникам письменности фиксируется в двух значениях: 'пристройка или ларь у русской печи': *Лавки кругом тесовые с причалинами и опечек зделал, и надлавочники тесовые наложил, и полати, и голбец, и у голбца двери, и от голбца к ызбной стене против печи чулан в столбцы тесом забрал.* Тамож. Кн., 1678 [СлРЯ XI–XVII, 4: 59–60]; 'подвальная часть церковного здания, используемая как помещение для хранения товаров' Гр. Новг. и Пск., XVII в. (1393) [СлРЯ XI–XVII, 4: 60].

Слово **го'лбец** рассматривается как единица скандинавского происхождения, ср. др.-сканд. *golf* 'пол, отделение' [Фасмер 1986, 1: 427], образуя широкий ареал в архангельских, костромских, вологодских говорах, со спорадическими фиксациями в Посвирье и Поволховье, что, вероятно, является реликтами прежних древних ареалов (см. также: [Тынтуева 1982: 161–167]). А.И. Попов, сводя в одно гнездо **голбе'ц** и **голубе'ц** 'вид надгробного памятника', на наш взгляд, неоправданно отрицает скандинавскую этимологию первого слова [Попов 1969: 121–122]. Из русских говоров слово вошло также в коми язык, ср. коми *гӧбӧч* 'подполье' [КЭСКЯ: 79].

В севернорусских говорах отмечаются лексемы **бу'са** 'две выдолбленные колоды с сужеными полосами, которые скреплены между собою и служат для плавания по пруду, где не употребляются лодки' [Васнецов 1907: 22], **бу'сы** 'выдолбленная из дерева лодка, употребляющаяся для плавания по мельничному пруду' Уржум., Вят., 1882. Вят. [СРНГ, 3: 308], **бу'са** 'выдолбленная из одного куска дерева лодка' [ЯОС 1982: 32], **бу'сы'** 'скрепленные между собой бревна, которыми ограждали плывущий по реке лес' Чердын., Перм. Первая фиксация датируется началом XV в. с северной локализацией: *буса* 'род мореходного судна' (1419). *Того же лета, пришедъ мурмане войною, въ 500 человекъ, в бусахъ и въ шнекахъ, и повоеваша в Арзуги погостъ Корильский.* Новг. 1 лет. [СРЯ XI–XVII, 1: 358]. В ПОС слово **буса** – 'большое весельно-парусное судно' фиксируется только в исторической части словаря под 1448 г. [ПОС, 2: 222]. В XVII в. слово **буса** 'род судна' фиксируется по сибирским источникам Илим., 1683, Нерчин., 1682 [СРНДР: 14]. По источникам XVIII в. слово **бу'са** 'дубовое долбленное двухмачтовое судно, похожее на ладью', фиксируется на Дальнем Востоке и на Каспийском море [СРЯ XVIII, 2: 172]. По СРНГ отмечается **бу'са** 'большой корабль' (Симб., Оренб., Урал), **бусб** 'китайская лодка' (Амур), причем в более поздних данных на Амуре фиксируются варианты **буса'**, **бусы'** 'китайская лодка, джонка' [СРГП: 32]. По диалектным источникам европейской части России слово **буса** имеет значение 'лодка из двух скрепленных выдолбленных бревен', тогда как по сибирским диалектным данным и историческим источникам лексеме **буса** дается толкование 'большое вместительное плавательное средство'. Так, например, в словаре Срезневского **буса** – род судна: *...взяли у нихъ бусу одну, на ней было полтора ста человекъ да четыре пушки* [Срезневский 1958, 1: 194], отме-

чается у Ричарда Джеймса: бусы – небольшие корабли, на которых в Каспийском море плавают персы [Богородский 1983: 41]. И.И. Срезневский и следом за ним Преображенский относят данный материал к древнескандинавскому влиянию – *bussa, bûza*, 'род судна' [Срезневский 1958, 1: 194; Преображенский 1910–1914: 55]; см. также [Фасмер 1986, 1: 251]. А.Е. Аникин также останавливается на традиционной этимологической версии, отмечая сравнение дальневосточного материала с кит. *бо* 'судно' [Аникин 1997: 150]. На наш взгляд, возможно развести **буса** 'судно, корабль', 'китайская лодка, джонка' и **буса** 'лодка-долбленка'. В первом значении данная лексема, вне всякого сомнения, восходит к скандинавскому влиянию; что касается второго значения, фиксация его на востоке исследуемой территории, в сфере влияния коми языка позволяет наметить пути разграничения этих лексико-семантических вариантов, как гетерогенных омонимов, ср. коми *бус* 'длинное широкое корыто для кормления домашнего скота заварным кормом' [ССКЗД 1961: 31], мар. *пуш* 'лодка' [РМС: 184]. Хотя Б.А. Серебренников сопоставляет марийские данные с коми *пыж*, удм. *пыж* 'лодка' и далее удм. *пыжаны* 'жарить'. Однако на финно-угорской почве не ясно взаимоотношение этих материалов с манс. *һар*, хант. *һор* 'лодка', венг. *hajó* 'корабль' [Серебренников 1968: 302–303].

III. Выделяются скандинавизмы, которые не отмечались ранее в памятниках письменности, с первой фиксацией только в русских народных говорах.

Бра'ма 'паром' Мурман. [КСРГК]. **Бра'ма** 'большая грузовая лодка с двумя-тремя парами весел' Северомор., Терск. [Меркурьев 1979: 23]. **Прам** – «морск. большое военное плоскодонное судно, на которое ставится осадная артиллерия», «плоскодонное судно, употребляемое при конопачении кораблей и для проездов в узких протоках; паром» [Слов. Акад. 1847]. Слово восходит к результатам скандинавского влияния, ср. др.-швед. *praam*, норв. *prem* 'баржа', при фин. *prootti* 'баржа, грузовое судно' [SSAP 1922–2000, 2: 411], *ruota* 'баржа, барка, шаланда' [SKES 1955–1981: 872]. Неоправданно Д. Пинеда возводит лексему **брама** к результатам влияния голландского языка [Пинеда 2004: 31].

Брю'га 'пристань' Северомор. (Захребетное, Ловозер. Поной) [Меркурьев 1979: 24]. **Брю'жный** 'относящийся к брюге' Кандалакш. [Меркурьев 1979: 24]. Исходя из типа консонантизма, более вероятна связь со скандинавскими данными, ср. швед. лит. *brygga*, швед. диал. Финляндии *brygg, bryggje, brigi* 'мост, пристань', нежели с прибалтийско-финскими, ср. фин. *pryki, ryki* 'пароходная пристань' [SKES 1955–1981: 622].

Но'та 'невод' Лодейноп. [КСРГК]. **Нот** – «горизонтально располагаемая сеть для лова сельдей и сайды, сажень до 17 длиною с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузиками, – так, что образует собой мешок. Сеть эту дубят два или три раза в лето для того, чтобы по своему темному цвету была менее заметна в воде» Онеж., Кем., Кольск. [Под-

высоцкий 1885: 126]. Беломор., Север [СРНГ]. **Но'товый** 'относящийся к ноту' Беломор. [Дуров 1929].

Подвысоцкий к слову **нот** дает помету – норвежское [Подвысоцкий 1885: 126]. Однако из скандинавских языков слово вошло в прибалтийско-финские, ср. фин. *nuotta*, ливв. *nuottu*, люд. *nuot*, *nuotta*, вепс. *not*, водск. *nōtta*, *not*, эст. *noot* 'невод', при саам. норв. *nuotte*, саам. инар. *nyetti*, кильд. *nū;ht*, саам. терск. *nih̄te* 'невод' [SKES 1955–1981: 402]. На германской почве, норв. *not* 'большая сеть, невод', швед. *not*, др.-норв. *nōt* связано с англ. *net*, гол. *net*, швед. *nät*, норв. *net* 'сеть' [EONDS 1999: 549, 555].

В этимологическом плане выделяются два основных пласта скандинавизмов.

1. Лексика, имеющая этимологические соответствия только на скандинавской почве.

2. Лексика, отмечаемая не только в скандинавских, но и в прибалтийско-финских языках.

Реке'ша 'деревянная решетка, применяемая при перевозке сена на санях' Кандалакш [Меркурьев 1979: 133]. Связано с прибалтийско-финскими либо скандинавскими источниками, ср. фин. *rekka* 'подставка на санях, дровнях для перевозки дров, жердей', швед. *räck* 'подставка, опора' *räcke*, *räckä* 'жердь' [SKES 1955–1981: 762]. Вряд ли следует учитывать вепс. *rethed*, *retug* 'волокуша для перевозки чего-л.' [СВЯ: 469].

Ро'кан 'непромокаемый рыбацкий костюм' Кандалакш. [Меркурьев 1979: 135]. **Ро'кан** 'пальто из домотканой шерсти или другой материи' Терск., Мурман., 1932 [СРНГ, 35: 169]. 'Поддевка' Север, 1864 [СРНГ, 35: 169]. 'Камзол' Север, 1864 [СРНГ, 35: 169]. 'Меховая одежда мехом вниз; малица' Арх., 1954 [СРНГ, 35: 169]. 'Куртка из непромокаемой ткани (проолифленной), надеваемая поверх одежды на морских промыслах' Арх., 1910 [СРНГ, 35: 169]. 'Парусиновое проолифленное пальто или пиджак' Беломор. [Дуров 1929: 142]. 'Непромокаемое пальто, непромокаемая рубаша' Север [СРНГ, 35: 169]. **Ро'кан** 'рыбацкая куртка с капюшоном': – *Рокан – куртки, специальные для рыбаков, с шапками, куртка проолифена, а то прорезинена*. Терск. *Рокан да буксы я по старинке одену, рокан-то как пинжак, а буксы – брюки, олифляна одежда сейчас называется, чтобы не промокала, досель надевали*. Белом., Кем., Кандалакш., Онеж., Северомор. [СРГК 1994–2004, 5: 556]. **Рака'н** 'надеваемый лопарями под пычку дубленый полушубок' Кольск. [Подвысоцкий 1885: 146]. У Подвысоцкого имеется помета – «лопарское» [Подвысоцкий 1885: 146]. Вероятно, представляет собой результат скандинавского влияния, ср. швед. *rocken* 'сюртук' [Фасмер 1986, 3: 497]. Ср. также фин. *rokki* (редк., большей частью диалект.), *trokki* 'пиджак, обычно длинный мужской, также праздничный костюм, сюртук', 'диннополое пальто', 'старинная женская одежда, состоящая из двух частей', совр. фин. *rokkileninki*, *rokkihame*, из швед. *rock* 'костюм, куртка', 'старинное платье' [SKES 1955–1981: 828].

Ше'йма 'веревка, привязываемая к носу лодки, с помощью которой ее тянут на берег' Онеж. (Пурнема) [КСРГК; СРГК, 6: 854]. 'Веревка на лодке' Перм. [КСРНГ]. 'Канат, за который лодку тянут по льду' Онеж. [Подвысоцкий 1885: 192]. 'Канат, на котором бросают и поднимают якорь на судах и баржах' Арх. [Подвысоцкий 1885: 192]. 'Якорный канат' Арх., Астрах. [Опыт], Поволжск. [Даль], Онеж., Печор. **Ше'йма** 'якорная веревка, цепь' Кандалакш. [Меркурьев 1979: 179]. 'Якорный канат' Соликам., Перм. [Беляева 1973]. А.П. Погодин предполагает связь с фин. *seimi*, кар. *šeimi* 'ясли', против чего возражает Калима, говоря о том, что в этом значении никакой связи с русскими словами нет, а кар. сев. *šeimi* 'канат для перетаскивания лодки', фин. *seimi* 'веревка' наоборот заимствованы из русского языка. А русские данные им возводятся к скандинавским источникам, ср. др.-сканд. *snite* 'ремень' [Kalima 1913: 81]. Имеется также саам. *sieima* 'просмоленный канат, леска' из др.-сканд. *sniti* 'канат' (см. также: [Thörnqvist 1948: 208; Kalima 1915: 218]. Латыш. *šeima* 'канат' возводится к русским источникам.

В заключение следует отметить, что в настоящее время накапливаются новые материалы как по памятникам письменности, так и по русским народным говорам, что дает возможность более детального изучения скандинавизмов.

Источники и словари

Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков [Текст]. – Новосибирск, 1997.

БАС – Словарь современного русского литературного языка [Текст]. – М., 1950–1965. – Т. I–XVII.

Беляева, О.П. Словарь Соликамского района Пермской области [Текст]. – Пермь, 1973.

Дуров, И.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья [Текст] / под ред. и с доп. Н. Виноградова. – Соловки, 1929.

КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» [Текст] // Собр. слов. кабинета им. Б.А. Ларина филол. фак. СПбГУ.

КЭСЛЯ – Лыткин, В.И. Краткий этимологический словарь коми языка [Текст] / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. – Сыктывкар, 1999.

Миланова, Д.Э. Большой шведско-русский словарь [Текст]. – 7-е изд., стер. – М., 2002.

НОС – Новгородский областной словарь [Текст] / отв. ред. В.П. Строгова. – Вып. 1–12. – Новгород, 1992–1995; Вып. 13. – Великий Новгород, 2000.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук [Текст]. – СПб., 1852.

Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении [Текст]. – СПб., 1885.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными [Текст]. – Л./СПб., 1967–2011. – Вып. 1–22.

Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка [Текст]. – М., 1910–1914.

САР 1 – Словарь Академии Российской [Текст] : ч. 1–6. – СПб., 1789–1794.

САР 2 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный [Текст] : ч. 1–6. – СПб., 1806–1822.

СВЯ – Зайцева, М.И. Словарь вепсского языка [Текст] / М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. – Л., 1972.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук [Текст]. – СПб., 1847. – Т. I–IV.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2011. – Т. 1–29.

СПЛДР – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. [Текст] / Волог. гос. пед. ун-т. – СПб., 2003. – Вып. 1.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Текст] / под ред. А.С. Герда. – СПб., 1994–2004. – Вып. 1–6.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры [Текст] / под ред. Л.А. Ивашко. – СПб., 2003–2005. – Т. 1, 2.

СРГП – Словарь русских говоров Приамурья [Текст] / отв. ред. Ф.П. Филин. – М., 1983.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст]. – М., 1958. – Т. I–III.

СРНДР – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. [Текст] / сост. Л.Г. Панин. – Новосибирск, 1991.

СРЯXVIII – Словарь русского языка XVIII в. [Текст]. – Л./СПб., 1984–2011. – Вып. 1–19.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов [Текст]. – Сыктывкар, 1961.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. – М., 1986. – Т. I–IV.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка [Текст]. – Изд. 2-е., стер. – М., 1999. – Т. I–II.

Шергин, Б.В. Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имен и названий [Текст]. – М., 1959.

Шилов, А.Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка [Текст]. – М., 2008.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков [Текст] / под ред. О.Н. Трубачёва. – М., 1974–2011. – Вып. 1–37.

ЯОС – Ярославский областной словарь [Текст]. – Ярославль, 1981–1991. – Вып. 1–10.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови [Текст]. – Київ, 1982–2012. – Т. 1–6.

Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch [Text]. – Heidelberg, 1915–1924. – Т. 1, 2.

EWDS – Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22. Auflage, bearb. Von E. Seebold [Text]. – Berlin ; N.Y., 1989.

- EONDS – Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog [Text]. – Oslo, 1999.
- SEO – Hellquist Elof. Svensk etymologisk ordbok [Text]. – Lund, 1922.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja [Text]. – Helsinki, 1955–1981. – О. 1–7.
- SSAP – Somen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja [Text]. – Helsinki, 1992–2000. – О. 1–3.

Литература

- Богатова, Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии [Текст]. – М., 1984.
- Богородский, Б.Л. Лексика водников Северной Двины в русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джеймса (1618–1619) [Текст] // Рус. историческая лексикология и лексикография. – Л., 1983. – С. 40–47.
- Весен, Э. Скандинавские языки [Текст]. – М., 1949.
- Грот, Я.К. Слова областного словаря, сходные со скандинавскими [Текст] // Филологические разыскания. – СПб., 1899. – Т. II. – С. 433–444.
- Джаксон, Т.Н. "AUSTR i GORBUM": Древнерусские топонимы в древне-скандинавских источниках [Текст]. – М., 2001.
- Довгопольй, Я. Допетровские лексические заимствования из нидерландского языка [Текст] // Acta Neophilologica, XIV (1). – 2012. – № 19. – С. 19–30.
- Ершова, И.А. Введение в германскую филологию [Текст]. – Вып. 3 : Лексика древнегерманских языков. – М., 2002.
- Иваницкий, В.В. Шведская лексика в сопоставлении с русской [Текст] : учеб. пособие. – Великий Новгород, 2003.
- Кохановский, В.А. О происхождении новгородского топонима Нутная [Текст] // Материалы XIV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – Секция «Филология». – М., 2007.
- Кохановский, В.А. Русская лексика скандинавского происхождения [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2010.
- Кохановский, В.А. Тематическая классификация скандинавских заимствований в русском языке [Текст] // Вестн. НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Серия «История/Филология». – 2009. – № 52.
- Меркурьев, И.С. Живая речь Кольских поморов [Текст]. – Мурманск, 1979.
- Пинедда, Д. Некоторые наблюдения над заимствованиями в русском говоре Кольского полуострова [Текст] // Поляр. вестн. – 2004. – № 7. – С. 25–40.
- Погодин, А.Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка [Текст] // Варшав. унив. изв. – 1904. – № 4. – С. 1–72.
- Попов, А.И. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования [Текст] // Этимология – 1967 : материалы Междунар. симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». – М., 1969. – С. 119–128.
- Рыдзевская, Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. [Текст]. – М., 1978.

Рыдзевская, Е.А. К варяжскому вопросу [Текст] // Изв. АН СССР, отд. общ. наук. – Сер. 7. – 1934. – № 7–8. – С. 485–532, 609–630.

Серебренников, Б.А. К этимологии некоторых названий лодки в уральских языках [Текст] // Этимология – 1966. – М., 1968. – С. 302–303.

Тынтуева, Е.И. Из истории слов омшаник и голбец в диалектном языке (на материале бытовой лексики говора семейских старообрядцев Забайкалья) [Текст] // Диалектная лексика. – Л., 1982. – С. 161–169.

Шаскольский, И.П. Культурные связи России и Швеции в IX–XVI вв. [Текст] / И.П. Шаскольский, М.Б. Свердлов // Скандинав. сб. XXX / Тартус. гос. ун-т. – Таллин, 1986. – С. 113–123.

Cederschiold Gustaf. Framtidssvenska [Text]. – Stockholm, 1917.

Edlund, L.-E. Lanord i svenskan. Om sprakforandringar i tid och rum [Text] / L.-E. Edlund, B. Hene. – Norstedts Forlag AB, 1996.

Gardiner, S.C. German Loanwords in Russian 1550–1690 [Text]. – Oxford, 1965.

Holthausen, F. Altenglisches Wörterbuch [Text]. – Heidelberg, 1934.

Hutterer, C.J. Die germanischen Sprachen. Ihre Geschichte in Grundzügen [Text]. – Wiesbaden, 2002.

Kalima, J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen [Text]. – Helsingfors, 1915.

Kalima, J. Kritisches zur Frage über die Finnisch-ugrischen Element im Russischen. II (Zelenin, Vasmer, Pogodin) [Text] // Rocznik slawistyczny. – Krakow, 1913. – T. VI. – S. 74–94.

Kiparsky, V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen [Text] // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. – Helsinki. – Ser. B. – T. 32.

Куник, А.А. Die Berufung der schwedischen Rodse durch die Finnen und Slowenen [Text]. – СПб., 1844.

Pfeifer, W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Erarbeitet unter der Leitung von W. Pfeifer. 4. Auflage [Text]. – Berlin, 1999.

Schützeichel, R. Althochdeutsches Wörterbuch [Text]. – Tübingen, 1989.

Sitzmann, A. Nordgermanisch-ostslavische Sprachkontakte in der Kiever Rus' bis zum Tode Jaroslavs des Weisen [Text] // Wiener Studien zur Skandinavistik 6. – Wien, 2003.

Skeat, W.W. An Etymological Dictionary of the English Language. New Edition revised and enlarged [Text]. – Oxford, 1968.

Thomas, G. Middle Low German Loanwords in Russian [Text] // Slavistische Beiträge. – 123. – München, 1978.

Thornqvist, C. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen [Text]. – Uppsala och Stockholm, 1948.

Vries, J. Altnordisches Etymologisches Wörterbuch. 2. verbesserte Auflage [Text]. – Leiden, 1962.

Worth Huttll, G. Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550–1800 [Text]. – Berkley, 1963.

Н.В. Николенкова
(Москва)

**ДОПОЛНЕНИЯ К ИСТОРИЧЕСКОМУ СЛОВАРИЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА XVII ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕРЕВОДА АТЛАСА ВЛАЕУ**

Древнерусские кос/змографии XVI–XVII вв. (большого объема тексты, переведенные в первую очередь с латинского языка) не вошли в «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. В словнике есть лишь лексемы, взятые из «Христианской топографии Козмы Индикоплова» [Срезневский 1989, I: 2, 25]. В конце XIX – начале XX в. растет интерес исследователей к переводным произведениям и, в том числе, к космографиям: публикуются отдельные списки и большие фрагменты, систематизируются сведения об этих текстах [Козмография 1881; Соболевский 1903: 52–78]. Однако вплоть до настоящего времени в словари привлечены лишь отдельные сочинения космографического содержания, весьма немногочисленные [СлРЯ XI–XVII, СВ: 319–320; Барандеев 2003]. Между тем, изучение переводных космографий – предшественниц географических сочинений – может существенно расширить словник и обогатить представления о лексике русского языка на этапе перехода от церковнославянского книжно-письменного языка к литературному языку Нового времени.

Семнадцатый век дает толчок изменениям в функционировании церковнославянского языка в Московской Руси: продолжая выполнять функцию литературного, он постепенно становится показателем образованности и учености [Успенский 2002: 472–482], перевод текста на церковнославянский язык демонстрирует статус произведения. Именно так распределяется масса космографических переводов, большая часть которых переведена на русский язык (с украинизмами и полонизмами), однако один ориентирован на «ученый церковнославянский» [Соболевский 1903: 61]. Это перевод огромного труда голландских картографов первой половины XVII в., сборник географических карт с описанием различных стран и земель, составленный Вильгельмом и Иоанном Влаеу в Амстердаме в первой половине XVII в. [Vlaeu 1645]. Необходимо заметить, что в трудах А.И. Соболевского и ссылающихся на него исследователей было принято написание «*Блеу*». Современные специалисты в области истории географии и картографии предпочитают использовать написание «*Блау*». Сами переводчики Атласа называют основного автора «*Иван Влаевъ*».

Еще в 40-е гг. XIX в. обнаруживается, что перевод сделан Епифанием Славинецким [Абрамов 1866: 96–97]. Дальнейшее, хотя и крайне поверхностное изучение текста, подтвердило авторство Славинецкого, что

позволило Ф.И. Буслаеву включить ряд фрагментов из перевода Атласа Блау в свою Хрестоматию [Буслаев 2004: 1185–1190]. Но филологического описания перевода Атласа до настоящего времени не было. Наше изучение текста и сопоставление его с латинским оригиналом показывает, что Атлас Блау в его церковнославянском переводе является ценным лингвистическим источником [Николенкова 2010]. Фундаментальность работы, объем и характер заключенных в нем сведений требует признать этот перевод едва ли не первым серьезным естественно-научным сочинением в области географии, переведенным в допетровский период. Характер сведений по географии, астрономии, политической истории существенно отличает текст перевода от ряда других космографий, попавших в XVI–XVII в. в Россию.

Латинский оригинал "Theatrum orbis terrarum sive Atlas novus" составлялся Вильгельмом и Иоанном Влаеу (отцом и сыном) в Амстердаме в период с 1635 по 1665 г. В Россию попало издание 1645 г. – роскошные тома в полный лист, с высоким качеством печати, в переплете из белой кожи заказаны, по-видимому, патриархом Никоном [Никон 2004: 918–919]. При описи «домовой казны» патриарха в числе его личного имущества показаны «семь книг в белых кожах, большие, печатные на Латинском языке <...> книга описание всеа земли, книга описание ж всех частей поморские земли, две книги козмографии третье части, одна с прибавкою, книга вторая часть земли козмографии ж, две книги четвертой части той же козмографии» [Переписная книга 2009: 453]. Именно такой вид имеют тома Атласа Блау. Еще одно упоминание об этом издании встречаем в Син. 424, где помещена составленная в 1675 г. Евфимием Чудовским «Опись книг письменных и печатных, взятых в патриаршую казну из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и его Иверского подворья в Москве» (лл. 345–420 и беловик лл. 422–452). На л. 392 (и л. 441 об.) в описи отмечено «Описание ра(з)ны(х) г(с)дртвь земель се(д)мь кни(г) на латинскомъ зыкѣ печатныи». Латинский оригинал представляет собой отпечатанные в два столбца описания определенной земли, внутри описания помещена соответствующая карта.

О церковнославянском переводе можно сказать следующее: работа над ним велась во второй половине 50-х гг. XVII в. (на переплете беловика 1 тома – рукопись Син. 19 – есть дата 7167 (1659); еще одну дату позволяет назвать бумага черновика третьей части – 1660 г. (лилия в гербовом под короной щите) [Протасьева 1970: 110]). Латинский оригинал был разделен между Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей Чудовским. Они перевели текст в черновом варианте: эти переводы содержатся в рукописях Син. 779 (Славинецкий, первая часть), 781 (Сатановский, вторая часть), 780 (Исайя, третья часть) и 41 (Исайя, четвертая часть). Их полное описание, а также фотоснимок листа 107 рукописи Син. 779 – автографа Епифания Славинецкого, содержится в описании рукописей Синодального собрания, сделанном Протасьевой.

Черновые экземпляры Син. 779, 781 и 780 переписаны набело – соответственно Син. 19, 112 и 204. Беловой экземпляр последнего тома (Син. 41) сделан не был. Беловые экземпляры Син. 19 и Син. 112 очень похожи оформлением, кроме того, Син. 19 писан одним почерком – русской четкой скорописью, и этот же почерк отмечен в части Син. 112 с листа 71 (на это указывает еще Соболевский) [Соболевский 1903: 62]. Обе беловых рукописи Син. 19 и Син. 112 имеют на первых листах вкладную патриарха Никона (собственноручную) в Ново-Иерусалимский монастырь с датой 1661. Беловик Син. 204 имеет совсем иной тип оформления – писан русским полууставом разных рук, с использованием киноварных заголовков. На листах 1–9 рукописи – вкладная в Ново-Иерусалимский монастырь от 1666 г.

Таким образом, можно предположить, что работа над самими переводами шла практически одновременно во второй половине 50-х гг. XVII в., беловой экземпляр первого и второго тома сделан в 1658–1659 гг., чуть позже началась работа над третьим томом, беловик же четвертого тома – описание Англии – не был приготовлен.

Объем текста весьма значителен. *Объем черновых экземпляров*: 605 листов (в 4⁰, Син. 779), 422 (в 4⁰, Син. 781), 650 листов (в 4⁰, Син. 780), 624 (в 1⁰, Син. 41), т.е. объем черновика – 2 301 лист. *Беловые экземпляры* содержат Син. 19–306 листов (1⁰, писано довольно мелко, 40 строк на лист), Син. 112–277 листов (1⁰), Син. 204–522 листа (1⁰), т.е. 1 105 листов беловика (общий объем перевода при расчете рукописей в лист вместе с черновиком Син. 41 составит 1 729 листов).

Основной текст перевода представляет собой описание отдельных стран и частей света, построенных по одной схеме: границы, основные города, основные водные артерии, религия, форма правления, основные сведения из истории, природные ресурсы. Особое положение в тексте занимает вступление – «Ввождение в Космографию», в котором содержатся общие сведения астрономического характера, основы общей географии и рассказ об освоении различных частей земли (главы «О разнствѣ между Космографією, Географією, и Хорографією», «О зонахъ или По#сахъ, и о различныхъ именахъ жителей земныхъ», «О величествѣ земли и раздѣленіи странъ по долготѣ и широтѣ», «О плаваніихъ древнихъ же и новѣишихъ»). Объем вступления – 18 листов в рукописи Син. 19, в черновом варианте (Син. 779) текста вступления нет.

Основная часть перевода сохранилась лишь в перечисленных выше рукописях. Но текст «Ввождения в Космографию» (далее – ВВК. – Н.Н.) получил широкое распространение во второй половине XVII и начале XVIII в., причем характер распространения показывает, что данный перевод воспринимался в одном ряду с другими научными сочинениями, созданными в этот период. Наиболее ранний список ВВК содержится в рукописи Син. 642 – Сборник богослужебного содержания, в четверть, разный почерк, большей частью скоропись, 284 листа, 2 пол. XVII в., ВВК на листах 161–193 об. [Горский, Невоструев 1917, (III, 2): 467–470]. Данный

сборник содержит тексты, распространившиеся как раз при патриаршестве Никона: в начале приплетена печатная статья с чином освящения воды (напечатана в Москве, 1655), далее – фрагменты октоиха, месяцеслова, ирмосы, «кои не обретаются в новом ирмологии печатном» (т.е. издания 1657), листы 126–160 об. – «дамаскина архиерея студита собрание от древних философов о некихъ собствах естества животных» (перевод изданной на греческом в Венеции в 1643 книги).

К концу XVII – началу XVIII в. относят три рукописи, хранящиеся в РНБ: Q.XVII.31, Q.XVII.6 [Калайдович, Строев 1825: 221, 287] и Соф. 1510 [Абрамович 1905: XIV; Новгородское Софийское собрание: 987], еще один список хранится в РГБ (ф. 722 № 315), по филиграням бумаги рукопись датирована не ранее 1691 г.; но, скорее всего, после 1700 г. – на полях рукописи есть запись «по новому календару се есть написано» (л. 13 об.). Восприятие ВВК как научного текста особенно ярко видно по составу рукописей Q.XVII.6 и Соф. 1510 – вступление к Атласу оказывается в окружении «Диалектики» (без названия, с началом «азь есмь диалектика») и «Математики», «Риторики» и некоего «медицинского наставления».

Несмотря на довольно подробные характеристики рукописей в описях, самая ранняя из которых относится к 1784 г., текст ВВК остался не изучен, а нами при детальном анализе обнаружены разночтения списков. Так, рукопись Q.XVII.31 содержит большие лакуны (к примеру, на лл. 7–7 об. отсутствует большой фрагмент главы 5; на л. 10 нет фрагмента главы 8; есть пропуски меньшего объема и в других главах); в рукописи Q.XVII.6 перепутаны листы (на л. 7 об. начинается глава 3, потом на л. 8 расположено продолжение главы 6, связный текст идет далее до л. 15 об., а с л. 16 возвращаются главы 3, 4 и 5). Описи указывают на полную идентичность этой рукописи и списка Соф. 1510, что не совсем точно: в последнем страницы не перепутаны, есть отличия в количестве чертежей, присутствуют и текстовые разночтения.

Сопоставление всех указанных выше рукописей и латинского оригинала свидетельствует о том, что ближе всего к утраченному черновику рукописи текст из Син. 642, небольшие расхождения с латинским оригиналом (в первую очередь пропуски) есть в Син. 19, остальные списки имеют разночтения разного рода, в том числе свидетельствующие об их создании без обращения к латинскому оригиналу.

Рукопись Син. 779 начинается общим описанием Европы, далее идут рассказы об отдельных европейских государствах, начиная с самых северных. Черновик, созданный, по общему мнению, Елифанием Славинецким, точно копируется в беловик Син. 19.

Если содержание ВВК, по нашему мнению, было известно образованным кругам конца XVII в., то основной текст оказался невостребованным. Это было связано и с предназначением беловика – лично для патриарха Никона, и с содержанием (подробные географические сведения, практически не сопровождающиеся интересными историями, как в других кос-

мографиях, перечисление исторических данных не могли заинтересовать широкий круг читателей), и с выбранным языком. «Ученый церковнославянский» язык перевода местами столь темен, что понять смысл его без привлечения латинского оригинала невозможно.

Несмотря на сказанное выше, перевод Атласа Блау может существенно пополнить словник словаря XVII в., так как переводчики текста предложили свои интересные идеи в разных группах лексики. Часть из предложенного не была реализована в дальнейшей истории языка, но целый ряд слов вошел в лексикон, хотя и намного позже.

Наиболее яркий пример – употребление в ВВК лексемы *горизонъ*. Вероятнее всего, это первая фиксация лексемы в письменности, хотя для XVII в. словари фиксируют только грецизированный вариант «оризонт» [СлРЯ XI–XVII, 13: 68]. Написание с начальным «г», по данным Словаря русского языка XVIII века [СлРЯ XVIII], фиксируется с 1701 г., да и тогда авторы сбиваются на прежнее с начальным «о» (такое употребление зафиксировано в «Географии генеральной» Варения). Переводчик ВВК знает традиционный вариант и последовательно противопоставляет «старое», грецизированное написание новому:

<p>Circulus visum nostrum circumcirca ad caelum terminans, Graecis dictus <i>οριζων</i>, Latinis Finitor aut Terminator visus, dividit caelum & totam sphaeram in duas partes aequales...</p>	<p>Кругъ зрѣніе наше отвсюду кНб§си (о)предл##и отГрековъ наречен Орѣзон, от Латінов же Кончитель или определитель зрні# разд#еть НбѸо и весь Кругъ великіи на двѣ части равны# (Син. 19, л. 3 об.)</p>
<p>Polus Arcticus, alias <i>Borealis</i> dictus `a vento Borea, qui ex illa mundi plaga spirat, est iste, qui habitantibus in septentrionali Mundi hemisphaerio, ut nobis, conspicuus est, & supra <u>horizontem</u> attollitur. Antarcticus, feu Australis, `a vento Austro, est qui Boreali nostro hemi sphaerio nunquam cernitur, sed perpetuo latet depressus sub <u>Horizonte</u></p>	<p>Поль Арктіцкіи, иначе Вореискіи, наречень от Вѣтра Вореа, и(же) от оно# страны Міра вѣть, есть той, иже живущим на сѣверной Міра части, "ко же намъ, видимъ е(ст), и вышше <i>Горѣзона</i> возноситс#. Антарктіцкіи, или Полуденный от вѣтра Австра, е(ст) иже на нашої Вореиской или полунощной странѣ николиже видимъ е(ст), но присно невидимъ затѣсненъ по(д) <i>Горѣзономъ</i> (Син. 19, л. 2 об.)</p>

Среди терминов, впервые употребленных в переводе ВВК, можно назвать такие лексемы, как *архипел#гъ*, *діаметеръ*, *зенитъ*, *параллель*, *сфера*, *тропикъ*, *солнцестояние* и некоторые другие. В существующих словарях XVII в. они либо не зафиксированы, либо (как «диаметр» и «зенит») не имеют терминологического значения.

Впервые зафиксирована в функции научного термина лексема *ось*:

Primo attribuitur sphaerae <u>Axis</u> transiens per centrum globi terreni	Перв ^{не} причитаец [#] великому Кругу <i>Ось</i> пронцающа [#] сквоз ^н среду круга земнаго (Син. 19, л. 2)
Extrema <u>Axis</u> puncta vocantur Poli Mundi, quia totus mundus circa ea convertitur	Концевьи же <i>Оси</i> край нарицаютс [#] Поли Мира, зане весь Миръ окрестъ ихъ кругообращаетс [#] (там же)
...linea H L <u>Axem</u> mundi per terram extensum usque ad fixas	...черта HL <i>Ось</i> мира сквоз ^н землю прот [#] женна [#] до зв ^н здъ недвижныхъ (Син. 19, л. 2 об.)

Словарь XI–XVII вв. фиксирует только значение «ось, стержень, на котором вращается колесо» [СлРЯ XI–XVII, 13: 173], такое же значение отмечал И.И. Срезневский [Срезневский 1989, II: 1, 752]. Терминологическое значение фиксирует лишь Словарь русского языка XVIII века [СлРЯ XVIII, 17: 182], отмечая его в «Географии генеральной», а далее в трудах М.В. Ломоносова. Заметим, что термин «земная ось» традиционно связывают с именем великого ученого [Меншуткин 1937: 134; Виноградов 1982: 112].

В приведенных выше примерах обращает на себя внимание передача словосочетания *globi terreni* как «круга земнаго». Есть фрагменты, где «кругъ земный» передает латинское *orbis terrarum* (например, соответствующее название главы по-церковнославянски передается «Кругъ земный, или Вселенна[#]»). При этом сочетание «кругъ земной» вполне можно считать терминологическим: даже при изменении порядка слов латинского оригинала переводчик, старающийся максимально следовать за структурой латинской фразы, не меняет компоненты этого связанного сочетания местами (*terranum globum* = кругъ земный (л. 11); *terranum orbem* = Кругъ Земный (л. 8 об.)).

В тексте перевода есть и другие лексемы, употребленные в качестве терминов, что уточняет их словарное значение. Скажем, *долгота* [СлРЯ XI–XVII, 4: 300] имеет два значения, второе определяется как «длина, одно из трех измерений» и соотносимо с лексемами «широта» и «высота». Словарь русского языка XVIII века также выделяет два значения, но второе определено как «геогр., астроном.»; самый ранний пример зафиксирован в Арифметике Магницкого. В переводе Атласа Блау *долгота* и *широта* как аналоги латинским «longitudo & latitudo» отмечаются регулярно, т.е. переводчик приспособил уже использующееся в языке слово для терминологического употребления.

По отношению к некоторым известным (хотя и нешироко распространенным) в XVII в. терминам автор перевода относится творчески, предлагая авторские термины. К примеру, словари отмечают для греческого «ζώνη» перевод «пояс»: «8. Большой круг небесной сферы, по которому совершается видимое годичное движение солнца» [СлРЯ XI–XVII, 18: 92], «круг небесный» [Срезневский 1989, II: 2: 1340]. Автор перевода ВВК использует этот

термин: «О зонахъ или По#сахъ; первый по#съ содержитс# между обоимъ Тропикомъ; нарекоша его се# д#л# вины По#съ Пал#щій» (все – Син. 19, л. 4 об.); отметим, что лексема *зона* не отмечена в словарях XVII в., в переводе ВВК мы также фиксируем первое употребление термина. Лексемы «зона» и «пояс» употребляются часто в качестве полных синонимов:

De Terrae ambitu, ejus longitudine, ac latitudine, per Zonas quinq; distinctione, nihil attinet dicere...	О окруженіи земли, е# долгот# и широт#, чре(з) п#ть зонъ, или по#совъ разд#леніемъ, ничтоже ☉глати належить... (Син. 19, л. 10 об.)
An Zona torrida & frigida sint (так!) inhabitabiles	Еда зона или По#съ пал#щій и мразныи необитателны суть? (Син. 19, л. 11)

Но переводчики предлагают еще один вариант перевода для греческого слова – *превязка*: «(круг земной) разд#лиша на ѱе частиць, "же ζώνας, сир#чь, Прев#зки, или По#сы, нарекоша» (л. 4 об.). Введение дополнительного термина диктуется необходимостью передать латинский текст: «quj ZwOnaj, id est, fascias aut cingula nominarunt». Предложенный окказионализм «превязки» не сохранился в языке, однако точно передал значение латинского «fascia» и был основан на известном переводчикам глаголе «превязати(ся)» [СлРЯ XI–XVII, 18: 167].

Вообще необходимо заметить, что переводчик использует для введения нового термина транслитерацию, но чаще предпочитает перевод с опорой на известные церковнославянскому языку модели. Так, несколько раз используется термин «экватор», однако чаще переводчик использует собственный, не известный языку термин *равнитель*:

Eandem ob causam idem circulus alio nomine vocatur <i>Æquator</i> .	Е# же ради вины тоиже кругъ инымъ именемъ нарицаетс# <i>Екваторъ</i> , или <i>равнитель</i> (Син. 19, л. 3)
Prima Zona comprehenditur utroque Tropico, <i>Æquatorque</i> mediam pertransit.	Первый по#съ содержитс# между обоимъ Тропикомъ, и <i>Равнитель</i> посреде его шествуетъ (Син. 19, л. 4 об.)
Nam qui sub <i>Æquatore</i> degunt, diem semper habent nocti æqualem, nem pe 12 horarum.	Понеже иже по(д) <i>Равнителемъ</i> живу(т), день всегда им#ють ноци равный, сир#чь, ѱви, часовъ (Син. 19, л. 5 об.)

В языке науки предложенный термин впоследствии оказался отвергнут. Однако еще в начале XVIII в. лексема была известна. Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. фиксирует его употребление в Географии

краткой 1710 г.: «*Сеи же кругъ паки нарицается и экватор, или равнитель...*».

Переводчики ВВК встречали в тексте не только географические/астрономические термины, но и лексемы, относящиеся к иным смысловым полям. Фиксация таких слов может служить дополнительной иллюстрацией к путям вхождения их в русский литературный язык. Так, переводчик транслитерирует латинское «*poeta*» как «*поеть*» (в значении «сочинитель»). Это более широкое значение, чем отмечено в Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 16: 91], где дан пример глоссы на полях «Назирателя» XVI в. со значением «творец стихов». Во всех списках ВВК встречается форма *авторов* (в разных написаниях) для передачи латинского *autores*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 1: 20] зафиксировано только в значении «работник» (из «Книги глаголемая гречески алфавит»). В одном из поздних списков ВВК на полях стоит глосса *творецъ* – значение, в котором, по Словарю русского языка XVIII в. [СРЯ XVIII], слово фиксируется лишь с 20-х гг. XVIII в.

Перевод Атласа Блау позволяет уточнить значения лексем, отмеченных в текстах «Лексикона латинского» и «Лексикона словено-латинского», составленных Е. Славинецким и А. Корецким-Сатановским приблизительно в тот же период XVII в. [Німчук 1973]. Ряд словоупотреблений в лексиконах отмечено (например, *ось, долгота*), но без контекстов нельзя определить их значение. Целого ряда словоупотреблений, отмеченных нами выше, нет и в Лексиконах, что еще раз подтверждает необходимость внимательного изучения перевода Атласа Блау и других космографий – предшественниц географических сочинений, число которых будет лишь расти к концу XVII – началу XVIII в.

Источники и словари

Абрамович, Д.И. Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека [Текст]. – СПб., 1905. – Вып. 1.

Библиотека Новгородского Софийского собрания [Текст] // РНБ СПб. Ф. 728. Оп. V.

Горский, А.В. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки [Текст] / А.В. Горский, К.И. Новоструев. – М., 1855–1869, 1917. – Отд. I–III.

Калайдовичъ, К. Обстоятельное описание славяно-российскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библиотекѣ тайнаго совѣтника, сенатора, двора Его Императорскаго Величества действительнаго камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. Съ палеографическими таблицами почерковъ съ XI по XVIII вѣкъ [Текст] / К. Калайдовичъ, П. Строевъ. – М., 1825.

Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света замаль и государств великих [Текст]. – СПб., 1878–1881 (Изд. ОЛДП, № 21, 57, 68).

Космография, относящаяся к началу второй половины XVII столетия [Текст] / пер. с иностр. монаха Елифания Славинецкого ; сообщ. Н. Абрамовым // Изв. Император. геогр. о-ва. – 1866. – Т. 2. – № 3.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975 – настоящее время. (Справочный выпуск. – М., 2004).

Сочинения Григория Скибинского. Переписная книга домовая казны патриарха Никона (текст по изд.: Переписная книга домовая казны патриарха Никона, составленная в 7166 году по велению царя Алексея Михайловича [Текст] // ВОИДР. – Кн. 15. – М., 1852). – Рязань, 2009. – С. 337–482.

Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка [Текст]. – М., 1989.

Словарь русского языка XVIII века [Электронный ресурс]. – Л., 1984–1991. – Вып. 1–6 ; СПб., 1992 – настоящее время. – Вып. 7 и далее. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/sl18/>

Литература

Барандеев, А.В. Русские космографии XVI–XVII вв. [Текст] : библиогр. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 3 (13). – С. 105–111.

Буслаев, Ф.И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков [Текст]. – М., 2004.

Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков [Текст]. – М., 1982.

Меншуткин, Б.Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова [Текст] // Изв. АН СССР. Отд. ОН. – 1937. – № 1.

Николенкова, Н.В. Церковнославянский перевод Атласа Влаеу: нерешенные вопросы [Текст] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2010. – № 6. – С. 86–98.

Никон Патриарх. Труды [Текст] / науч. исслед., подгот. док. к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. – М., 2004.

Німчук, В.В. Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецького-Сатановського [Текст]. – Київ, 1973. – С. 61–420, 423–540.

Протасьева, Т.Н. Описания рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева) [Текст]. – М., 1970.

Соболевский, А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков [Текст]. – СПб., 1903.

Успенский, Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) [Текст]. – М., 2002.

Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum [Text] / Ed. a Guiljele et Ioanne Blaeu. – Amsterdami ; Anno, 1645. (Собрание ГИМ № 54000/ГО-5683/1).

А.А. Никольский
(Рязань)

«ОПЫТ СЛОВАРЯ ИЗ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ» Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Латинское изречение гласит, что книги имеют свою судьбу. Это в полной мере относится и к работе Н.Г. Чернышевского «Опыт словаря из Ипатьевской летописи», вышедшей в свет в 1853 г. в виде журнальной публикации и отдельного оттиска. Появление и судьба этого произведения неразрывно связаны с историей взаимоотношений между И.И. Срезневским и Н.Г. Чернышевским.

В 1847 г. И.И. Срезневский становится профессором Петербургского университета, студентом которого был в то время Н.Г. Чернышевский. В письмах студенческих лет последнего неоднократно упоминается Срезневский, который характеризуется им как выдающийся профессор и, вместе с тем, как мягкий и доброжелательный человек. Так, в письме к родителям от 9 мая 1847 г. он сообщает: «Во вторник был экзамен у И.И. Срезневского из славянских наречий... Мы попросили его показать баллы; он сказал, что он сейчас будет при нас переносить их из своего чернового списка в беловые, и что если мы думаем, что кому-нибудь поставлено больше или меньше надлежащего в черновом списке, то он готов переменить. Мы, конечно, просили увеличить баллы у тех, кому мало поставлено, и таким образом из 13 человек <...> у одного только осталась тройка; всем прочим, у кого было 3, переправили на 4» [Чернышевский 1949, 14: 132–133]. С юношеской восторженностью он пишет Г.С. Саблукову, своему учителю по Саратовской семинарии: «И.И. Срезневский – один из лучших людей, которых я знаю...» [Чернышевский 1949, 14: 148].

И.И. Срезневский сразу обратил внимание на одаренного студента и стал приобщать его к научной работе. Уже в студенческие годы Н.Г. Чернышевский получил задание: составить словарь к Ипатьевской летописи.

В 1850 г. будущий писатель окончил Петербургский университет и уехал в Саратов, где преподавал в местной гимназии. Вместе с тем, он продолжал работать над составлением словаря. Сохранилось письмо Н.Г. Чернышевского к И.И. Срезневскому, датированное 16 ноября 1851 г., в котором он пишет: «Мне совестно было посылать Вам письмо, не прилагая к нему по крайней мере образчика словаря к Ипатьевской летописи, так медленно продвигающегося у меня вперед. Теперь, наконец, я могу послать на Ваш суд начало этого словаря и просить Вас об исполнении моей покорнейшей просьбы к Вам – сообщить мне Ваши замечания на план, которому я решил следовать в его составлении» [Чернышевский 1949, 14: 219].

В 1953 г. Н.Г. Чернышевский вернулся в Петербург. К этому времени он уже закончил работу над словарем. В его планах – не только сотрудничество в столичных журналах, но и выполнение магистерской диссертации под руководством ученого.

И.И. Срезневский, по словам Чернышевского, принял его «чрезвычайно радушно» [Чернышевский 1949, 14: 227]. В письме к родным от 25 мая 1853 г. он сообщает: «Семейство Срезневских, особенно сам он и его мать, также понравились Ольге Сократовне (жене Чернышевского. – А.Н.). Срезневский даже бегают с нею в перегонки по Павловскому парку. На днях мы поедем к ним опять в Павловск гостить на несколько дней... Словарь мой к Ипат. летописи скоро начнет печататься. Это будет самое скучное, самое неудобочитаемое, но вместе с тем едва ли не самое труженическое из всех ученых творений, какие появились на свет в России» [Чернышевский 1949, 14: 228].

По представлению И.И. Срезневского словарь, составленный Чернышевским, был опубликован в 1853 г. во втором томе «Известий Академии наук по Отделению русского языка и словесности».

В «Библиографическом указателе литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год» отмечается: «К 60-м годам XIX в. развертывается большая работа по собиранию материалов для словаря древнерусского языка. Появляются "Опыт словаря из Ипатьевской летописи" Н.Г. Чернышевского, "Выбор слов из летописей новгородских и псковских" П.А. Лавровского, "Словарь к Новгородской первой летописи" А.Н. Пыпина и др. Среди этих работ выделяется исследование Н.Г. Чернышевского, которое, по отзыву И.И. Срезневского, было "первым после словаря Востокова к Остромирову Евангелию основательным трудом". Позднее этот словарь был использован И.И. Срезневским в его "Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам"...» [Библиографический указатель 1954: 9].

Словарь, как подчеркивается уже в его заглавии, охватывал не всю лексику Ипатьевской летописи. В него не вошли имена собственные в связи с тем, что Археографическая комиссия готовила в то время общий указатель имен собственных по всем летописям. В состав словаря были включены только нарицательные имена существительные, имена прилагательные и глаголы с производными от них наречиями.

Н.Г. Чернышевским принят этимологический (корнесловный) порядок расположения слов. В начале словарной статьи указывается корень, затем приводятся образованные от него слова с толкованием их значений. Например, под корнем *вод-* рассматриваются следующие представленные в Ипатьевской летописи однокоренные слова: *водьными* – «водяной», *наводьнитися* – «разлиться (о реке)», *поводь* – «наводнение», *водохреши*, *водокреши* – «крещение (праздник)» [Чернышевский 1953, 16: 409].

В словаре посредством специальных помет выделяются слова, принадлежащие церковнославянскому языку, и слова риторического характера, созданные древнерусскими книжниками, что позволяет их отграничить от слов народного русского языка.

В авторецензии на словарь, которая была опубликована анонимно в 1854 г. в журнале «Отечественные записки», Н.Г. Чернышевский отмеча-

ет, что словарем не совсем удобно пользоваться, так как к нему не приложен алфавитный список вошедших в него слов. Он подчеркивает, что «мы часто не знаем даже, под каким корнем надобно искать нужное нам слово, потому что словопроизводство – вещь довольно загадочная во всех языках, тем более в славянском, менее других обработанном» [Чернышевский 1949, 2: 342].

В мае 1853 г. писатель подал прошение в Петербургский университет о допущении его к испытаниям на степень магистра по истории русского языка и славянских наречий. Однако вскоре после этого он принимает решение держать испытания по русской словесности. Соответственно с этим профессор русской литературы А.В. Никитенко утверждает ему тему диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности».

Уход от И.И. Срезневского определялся не какими-либо конъюнктурными соображениями, не личными отношениями между Н.Г. Чернышевским и И.И. Срезневским, а сформировавшимися у Чернышевского утилитарно-общественными взглядами, согласно которым все ставилось в зависимость от наличия непосредственной общественной пользы, что получило отражение в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Это же вызвало переоценку им составленного ранее словаря. Показательна дарственная надпись на оттиске «Опыта словаря из Ипатьевской летописи», подаренного Н.Г. Чернышевским Т.П. Пекарскому: «Сей курьезный образец того, на какие пустяки может тратить время человек, не знающий, что ему делать, посвящается автором П.П. Пекарскому» [Чернышевский 1949, 14: 805].

Время, однако, показало, что подобная оценка словаря имела односторонний и предвзятый характер. В 1893 г. был издан посмертно первый том «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского. В предисловии к нему указываются работы учеников последнего, которые способствовали созданию этого фундаментального труда. Среди них упоминается и «Опыт словаря из Ипатьевской летописи» Н.Г. Чернышевского.

Литература

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год [Текст]. – М., 1954. – Вып. II : Лексикология и лексикография.

Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений [Текст] : в 15 т. – М., 1949. – Т. 2 : Статьи и рецензии: 1853–1855.

Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений [Текст] : в 15 т. – М., 1949. – Т. 14 : Письма 1838–1876 годов.

Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений [Текст] : в 15 т. – М., 1953. – Т. 16 (доп.) : Статьи, рецензии, письма и другие материалы: 1843–1889.

ЛЕКСИКА РЯЗАНСКИХ ГОВОРОВ: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

И.И. Срезневский в «Замечаниях о материале для географии русского языка» указывал на необходимость составления языковой карты. Диалектное слово, отражающее самобытный духовно-практический опыт народа, привлекало внимание ученого, поскольку оно является источником реконструкции народной ментальности. Видимо, поэтому научная практическая деятельность И.И. Срезневского была связана с собиранием фольклорного, этнографического и собственно диалектного материала по восточнославянским и другим славянским языкам, интерпретацию последнего. Теоретические изыскания И.И. Срезневского в области диалектологии заключались в использовании сравнительного метода при изучении русских народных говоров и других родственных языков и диалектов, в осмыслении путей и времени возникновения славянских языков и диалектов и т.д.

Рязанские говоры, распространенные на территории раннего восточнославянского заселения, имеют сложную многовековую историю. Исследователями неоднократно отмечалась неоднородность рязанских говоров. Видимо, этим объясняется интерес лингвистов и историков к вопросу о племенах, которые участвовали в формировании рязанских диалектов. Деление Рязанской области по диалектным и этнографическим признакам на две части – южную и северо-восточную – имеет историческое объяснение, отражает специфику процессов, связанных с освоением славянами Рязанского Поочья. Очевидно: исторические и археологические ареалы на территории Рязанской области в общих чертах совпадают с лингвистическими и этнографическими ареалами. Причина столь необычного явления состоит в формировании устойчивых историко-культурных зон в пределах древнейших границ. В свою очередь диалектные и этнографические ареалы формируются именно в рамках историко-культурных зон [Герд 2001: 8].

Массовое заселение славянами Среднего (Рязанского) Поочья относится к концу X–XI вв. Еще А.А. Шахматов высказал мысль, что заселение славянами Рязанского Поочья шло двумя потоками: с запада по Оке и с юга из Донского бассейна, что в настоящее время убедительно подтверждается археологическими данными [Седов 1994: 8]. Западная и центральная части современной Рязанской области составляли крайнюю юго-восточную окраину ареала вятичей, которых П.Н. Третьяков называет «основным населением Рязанской земли» [Третьяков 1967: 114]. Исследования раннего диалектного членения восточных славян отмечают совмещение в районе

Рязани современных диалектных явлений, которые можно отнести к «верхнедонским» и «вятичским». По мнению ученых, эти племенные языки оказали влияние на формирование основных черт южного наречия русского языка [Николаев 1994: 37; Трубачёв 2002: 5].

Мещёрскую низменность и нижнее течение Оки заселили представители другого восточнославянского племени – кривичи, двигавшиеся из смоленских земель [Монгайт 1961: 122; Седов 1982: 158, 189]. Они колонизовали северную и северо-восточную части нынешней Рязанской области. Кривичи мирно существовали с местными финнами, вступая в брачные и хозяйственные отношения, что привело к культурной ассимиляции. Находки в рязанских могильниках обнаруживают смешение славянских и финских черт [Монгайт 1961: 118; Куфтин 1926: 87]. Еще в дореволюционной науке Д.К. Зелениным высказывалось мнение, что цоканье является наследством древней мещёры, оно образовалось на почве взаимодействия фонетической системы языка исчезнувших дославянских насельников края, принадлежавших к одному из финских племен, и фонетической системы языка русских племен, колонизовавших Мещёрский край и ассимилировавших его финское население – летописную мещёру [Зеленин 1913]. Об иноязычном (финском) воздействии как причине образования цоканья в русских говорах Восточной Европы в свое время поднял вопрос В.И. Чернышев [Чернышев 1902]. Такое же происхождение цоканья допускал академик А.А. Шахматов, хотя больше склонялся к тому, чтобы связывать появление цоканья с влиянием на древнерусские говоры польских мазуракающих говоров [Шахматов 1916]. В связи с упомянутым, важно вспомнить данные археологов о наличии в погребениях кривичей, колонизовавших северо-восточную часть современной рязанской территории, множества предметов финского происхождения, что свидетельствует о мирном существовании кривичей с финнами и смешении элементов финской и славянской культуры. Возможность финского влияния в возникновении цоканья позже отмечал и Р.И. Аванесов [Аванесов 1949].

Примечательно, что северо-восточная часть Рязанской области характеризуется большим количеством сохранившихся неславянских по происхождению топонимов. Отсутствие цоканья в южнорусских рязанских говорах согласуется с наблюдениями над вятичскими погребениями, в которых полностью отсутствуют предметы финской культуры. На основании этого делается вывод, что вятичи завоевали свой край в результате вооруженной борьбы, полностью оттеснив из него финнов. Данный вывод подтверждается отсутствием на территории вятичской колонизации названий населенных пунктов неславянского происхождения.

Современные рязанские говоры делятся, в связи с особенностями их формирования, на южнорусские (Восточная (Рязанская) группа) и вос-

точные среднерусские акающие говоры. Граница между ними приблизительно совпадает с границей, разделяющей в Рязанской области славянскую и неславянскую топонимию, южнорусский и среднерусский тип жилища, вятческую (синюю клетчатую) поневу и кривичскую (мещёрскую, сложной техники ткачества, со свастическим узором), лапоть вятческого (московского) типа и мордовского, что не может выглядеть как простое совпадение.

Территориальное распространение типов яканья также делит территорию Рязанской области на 2 части – восточную и западную, точнее – северо-восточную и юго-западную. Северо-восточная часть в основном характеризуется умеренным яканьем, юго-западная – яканьем ассимилятивно-диссимилятивным. Граница между ними проходит приблизительно следующим образом: северо-восточная часть включает северную часть Клепиковского района, Касимовский, Пителинский, Ермишинский, восточную половину Шиловского, Кадомский, Чучковский, Сасовский, восточную половину Путятинского, северо-восточную часть Сараевского района. (В Шацком районе бытуют южнорусские говоры, это территория позднего заселения). Таким образом, эта граница в основных своих чертах совпадает с рубежами племенными, административными, археологическими и этнографическими (см. выше). Эта же граница разделяет и другие лингвистические фонетические явления: ударный «е» в положении между мягкими согласными в соответствии с «о» литературного языка сопутствует в основном ассимилятивно-диссимилятивному яканью и «г» фрикативному – [ɣ], характеризуется отсутствием цоканья; в свою очередь умеренное яканье встречается в тех районах, где распространен «г» взрывной, присутствует цоканье и утрата интервокального «j» с последующим стяжением гласных в глагольных формах и т.д.

Лексические изоглоссы противопоставляют южнорусские рязанские говоры и среднерусские рязанские говоры: *люлька*, *колыбка* ‘детская колыбель’ (южн.) – *зыбка* (ср.); *дежа* ‘посуда для заквашивания теста’ (южн.) – *квашня* (ср.); *корец* ‘ковш’ (южн.) – *ковиш* (ср.); *рогач* ‘приспособление для захватывания чугунов’ (южн.) – *ухват* (ср.); *котух* ‘постройка для скота’ (южн.) – *хлев* (ср.); *стёжка* (южн.) – *тропа* (ср.); *кричат* ‘плакать по покойнику’ (южн.) – *вопить* (ср.); *гутарить* ‘говорить, разговаривать’ (южн.) – *баять* (ср.) и др. [Русские Рязанского края 2009: 68]. На картах микроатласа «Наименования народной одежды Рязанской области» отмечаются противопоставления *понёва* ‘домотканая юбка замужней женщины’ (южн.) – *понька* (ср.); *вендерка* ‘праздничная, нарядная женская шуба’ (южн.) – *голанка* (ср.); *занавеска* ‘праздничный фартук’ (южн.) – *запон*, *запонка* (ср.) [Осипова 2004: 70–72].

Следует отметить, что говоры северо-восточной части отличаются от говоров северо-западной, где севернорусские черты встречаются лишь в самой северной части этой группы, а южнорусские признаки широко

распространены по всей территории северо-запада области. Значительное южнорусское влияние в говорах северо-западной части области, видимо, объясняется вторым этапом славянской колонизации этой территории, связанным с притоком русского населения в XIV–XV вв., – периодом борьбы русского народа с монголами. Рязанское княжество, занимавшее в это время, по сравнению с другими русскими княжествами, окраинное положение, принимало на себя первые и самые сильные удары монголов. Население степных районов, спасаясь от нашествия, уходило в леса за Оку, где встречало мещёрское или уже обрусевшее, говорящее на одном из местных русских диалектов население. Это был этап вторичной колонизации края южными рязанцами, потомками вятичей.

Отличаются своеобразием говоры Богословщины – исторической территории, занимающей западную часть Рязанской области в междуречье Оки и Прони. Богословщина включает населенные пункты, относящиеся к ряду районов – Захаровскому, Рязанскому и Михайловскому (д. Хавертово). Помимо общих особенностей южнорусских рязанских говоров, диалект Богословщины обладает и другими чертами, которые отмечаются в так называемых мещерских говорах северо-востока Рязанской области, что, по мнению О.Н. Мораховской, позволяет сделать вывод: «...островок этих сел представляет как бы кусочек, оторвавшийся от большого мещерского острова». Получается, что говоры района Богословщины несут в себе «сгусток» целого ряда своеобразных и архаических языковых черт на компактной, исторически сложившейся территории [Мораховская 1951: 398]. Подобное сходство, несомненно, является свидетельством ранних исторических контактов населения Богословщины и Мещёрского края в прошлом.

На картах тематического лексического микроатласа «Названия народной одежды Рязанской области» устанавливается реальная связь данной территории, находящейся в междуречье Оки и Прони (правобережье Оки), с северо-западной частью исследуемой территории и Мещёрскими ареалами (на левобережье) [Осипова 2004: 67–68], а материалы «Словаря русских народных говоров» и региональных диалектных словарей указывают на продвижение лексических изоглосс за пределы северной и восточной границ Рязанщины, что позволяет определить Богословский микроареал как островной [Осипова 2004: 73].

На востоке Рязанской области (Сасовский район) отмечается локальная группа окающих говоров (села Салтыково, Крутое, Новое и др.). Говор населения этой территории имеет черты сходства с владимирскими говорами, что подтверждается и происхождением населения: в XVII в. сюда князем Салтыковым были переведены крепостные из владимирской вотчины. Здесь они получили название «москали». Обращает на себя внимание произношение под ударением и в первом предупредительном слоге между мягкими согласными звука «и» на месте старого «ять» (*ди'ти*,

ми'сяц, у ниви'сти; на рике', убигёт), вставка гласного внутри групп согласных (*бирига'да, силепо'й, билести'т*), тенденция к утрате среднего рода и замена его мужским (*мой окно, бараний мясо, хороший вино*). Некоторые из перечисленных черт, по данным диалектологов, распространены среди окающих говоров.

Таким образом, в рязанских говорах отмечаются следующие диалектные локальные территории, отличающиеся в том числе лексическим своеобразием: северо-восток области (среднерусские окающие говоры), юго-запад и южная окраина области (южнорусские говоры), Богословщина на западе (южнорусский говор с «мещёрским наслоением»), «окающий остров» (Сасовский район) на востоке.

Литература

Аванесов, Р.И. Очерки диалектологии рязанской Мещёры. I. Описание одного говора по течению р. Пры [Текст] // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М.; Л., 1949. – Т. 1. – С. 135–236.

Герд, А.С. Введение [Текст] // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. – СПб., 2001. – С. 8–14.

Зеленин, Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации [Текст]. – СПб., 1913.

Куфтин, Б.А. Материальная культура русской Мещёры. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан [Текст]. – М., 1926. – Ч. 1.

Монгайт, А.Л. Рязанская земля [Текст]. – М., 1961.

Мораховская, О.Н. Говоры Мещёрского края [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1951.

Николаев, С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов [Текст] // Вопр. языкознания. – 1994. – № 3. – С. 23–49.

Осипова, Е.П. Язык рязанского костюма. Наименования элементов народной одежды в рязанских говорах [Текст] // Ряз. этногр. вестн. – Рязань, 2004. – Сер. 34.

Русские Рязанского края [Текст] : в 2 т. – М., 2009. – Т. 1.

Седов, В.В. Восточные славяне в VI–VIII вв. [Текст]. – М., 1982.

Седов, В.В. Восточнославянская этноязыковая общность [Текст] // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 3–16.

Третьяков, П.Н. Восточные славяне и балтийский субстрат [Текст] // Советская этнография. – 1967. – № 4. – С. 110–118.

Трубачёв, О.Н. Из истории лингвистической географии восточнославянского освоения [Текст] // Материалы и исследования по русской диалектологии. – I (VII). – М., 2002. – С. 5–25.

Чернышев, В. Как произошла мена Ц и Ч в русских говорах? (Вопрос лингвистам) [Текст] // Рус. филол. вестн. – Т. XLVII. – № 1–2. – Варшава, 1902.

Шахматов, А.А. Введение в курс истории русского языка [Текст]. – Пг., 1916. – Ч. 1 : Исторический процесс образования русских племен и наречий.

Т.В. Пентковская
(Москва)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТОЛКОВЫХ И БОГОСЛУЖЕБНЫХ НОВОЗАВЕТНЫХ ТЕКСТОВ В СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ

По отношению к византийской традиции славянская богослужебная традиция является своего рода традицией-репликой (наряду с сирийской, грузинской, арабской), что во многом обуславливает историю развития переводов священных текстов, а также структурные особенности и состав самой традиции (подробнее об этом [Пентковский 2001: 79]). Это обстоятельство в значительной степени определяет и специфику функционирования славянского корпуса толковых текстов. В византийской традиции как традиции-оригинале богослужебный текст и этот же текст в составе толкования не могут значительно отличаться друг от друга, так как толкования не переводятся, а создаются. В славянской традиции, при отсутствии оригинальных толкований на священные тексты, текст Священного Писания в составе переводных толковых произведений может иметь собственную историю, и в связи с этим собственный лингвистический облик [Алексеев 1999: 33]. Поэтому по отношению к славянской письменности возможно выделение особого типа библейского текста, извлекаемого из произведений экзегетики, формирующего, в частности, особую «толковую редакцию» славянского Евангелия и Апостола. В связи с этим положением стоит еще одна немаловажная особенность толковых переводов, отличающая вторичную традицию от оригинальной письменности – текст толкований в переводе нередко влиял на комментируемый священный текст. Как отмечает А.А. Алексеев, «установление стабильного библейского текста не предшествовало в толковых переводах истолкованию Св. Писания, а происходило в ходе перевода толкований» [Алексеев 1999: 35].

Взаимодействие толкового и богослужебного текстов может быть двух типов: на уровне текста и на уровне структуры. В случае внутритекстового влияния лингвистические особенности, характеризующие толкования, переходят в комментируемый (основной) текст. Это явление характерно, в частности, для древнейшего перевода Толкового Евангелия и Толкового Апостола. Толковые переводы Евангелия и Апостола появились в славянской традиции, по всей вероятности, в конце XI – начале XII в. Недавние исследования показали, что Толковое Евангелие относится к группе переводов домонгольского периода, содержащих одновременно исконные русизмы (ТИВУНЬСТВО ‘должность иконома’, ВЪРСТА ‘мера длины’, ЩЪПЬ ‘ущерб (о луне)’, СЪСТАТЬКЪ ‘имущество’ и др.) и южнославянизмы, не

освоенные собственно древнерусским узусом (например, **кычитис**, **оплазньство**, **прэзорьство**) [Алексеев 1999: 179; Пичхадзе 2011: 69–71; Пентковская и др. 2011].

Г.А. Воскресенский, опираясь на исследования А. Горского и К.А. Невоструева, установил, что основной текст Толкового Апостола взят из древнейшего перевода Апостола, а толкование представляет собой новый перевод, «свойственный позднейшим спискам» Апостола [Горский, Невоструев 1855: 143; Воскресенский 1879: 1]. Основной текст Толкового Евангелия представляет собой особую редакцию Евангельского текста, но она основана на уже существовавших ко времени ее появления древней и преславской редакциях богослужебного текста [Евангелие от Иоанна 1998: 12]. Эта неоднородность частей и дает импульс для взаимодействия основного текста и толкований.

Вероятно, благодаря такому взаимодействию в древнейшем переводе Толкового Евангелия появляются чтения, составляющие характерную особенность толковой редакции. Например, в Толковом Евангелии последовательно употребляется грецизм **синапь** (**синапнь**) вместо традиционного для богослужебных редакций **горюшьнь** ‘горчичный’. При этом в Мф. 13: 31, Мф. 13: 33, Мф. 17: 20, Лк 13: 19 этот грецизм используется как в толкованиях, так и в основном тексте [Пентковская и др. 2011].

Еще одной разновидностью этого рода взаимодействия является взаимодействие между двумя типами текста, при котором языковые особенности одного типа текста заимствуются в другой. Так, Г.А. Воскресенский определил, что некоторые исправления в Мстиславовом Евангелии и других списках того же времени сделаны под влиянием Толкового Евангелия [Воскресенский 1896: 279]. Это обстоятельство послужило одним из важных доводов в пользу датировки самого толкового перевода Евангелия, который должен был появиться в славянской письменности не позднее 1117 г., предполагаемой даты написания Мстиславова Евангелия [Лисовой 1997: 717].

Толковое Евангелие повлияло и на более поздние богослужебные редакции Евангельского текста, причем на редакции, происходящие из разных частей славянского мира, что свидетельствует о его известности за пределами Древней Руси и косвенно указывает на локализацию перевода скорее не на восточнославянской территории. Так, А.А. Алексеев отметил, что главной текстологической чертой редакций среднего периода развития Евангельского текста (нового литургического тетра сербского происхождения, афонских редакций А и В, Чудовской редакции Нового Завета) «является отражение во всех группах текста языковых и стилистических особенностей Толкового Евангелия» [Алексеев 2008: 156]. Этот вывод был сделан в результате изучения основного текста указанных редакций. В частности, Ио. 15: 2 **сътворить: принесеть** (на первом месте чтение древнего текста, на втором – чте-

ние всех «редакций среднего периода», хронологически старшей из которых является Толковое Евангелие) [Евангелие от Иоанна 1998: 16].

Так происходит и при формировании Чудовской редакции Нового Завета (далее – ЧРНЗ), ряд чтений и переводческих приемов которой восходит к древнейшим переводам Толкового Евангелия и Толкового Апостола. В частности, из Толкового Евангелия в ЧРНЗ заимствуется выражение **зерно синапно**, грецизм **грамота**, глагол **свиряти** для перевода *ajgraulevw* 'находиться под открытым небом' (Лк. 2: 8) а также некоторые другие чтения [Евангелие от Иоанна 1998: 16; Индыченко 2011: 56–57, 75–78, 81–84; Пентковская 2009: 64–65].

Можно привести и другие примеры заимствований из основного текста Толкового Евангелия в текст ЧРНЗ. Так, здесь представлена особая парадигма перфекта, где 3 л. ед. ч. и мн. ч. регулярно используется без глагола-связки. Эта черта не находит параллелей в других редакциях новозаветного текста. За пределами форм 3 л. отмечено только два случая пропуска связки при наличии во фразе местоимения ты, оба они приходятся на 2 л. ед. ч. (Лк. 16: 25 и Ио. 9: 34). Особо следует отметить чтение Ио. 9: 34, в котором вариант, совпадающий с вариантом ЧРНЗ, представлен в основном тексте Толкового Евангелия: **Пог. 173 2yaCђ Отвъэщаша и рекоша 2му" въ грэсэхъ родилъс ты всь" и ты учиши насъ** (453r) – *ajpekriwqhsan kai; ei\pan aujtw/\` : ejn aJmartivai~ su; ejgennhvqh~ o{lo~ kai; su; didavskei~ hJma`~;*

В ЧРНЗ л-форма во 2 л. ед. ч. используется в трех списках, формирующих особую ветвь Чудовской редакции, в частности Погод. 21 **въ грэсэађ ты родиМђс весь** (л. 178). В Чудовской редакции соответствием этой конструкции является действит. I причастие пр. вр., что свидетельствует о восприятии л-формы как причастной: **Ѕвэщадђ" ¶ рэдђ 2му" в грэсэађ ты роFђс веTђ** (46 в). Древний текст, преславская и афонская редакции имеют трехчленную конструкцию, включающую в себя перфект со связкой и личным местоимением: **Мар. въ грэсэхъ ты родилъ с еси весь** (с. 46); **Баниц. въ грэсэхъ ты родилъ с ъси весь** (167б); **F.I.657 въ грэсэа тГ рвдилъс 2си веTђ** (л. 122). В данном случае обращает на себя внимание влияние Толкового Евангелия на вторую ветвь Чудовской редакции, представленную тремя евангельскими списками, но не на сам Чудовский список.

Влиянием Толкового Евангелия и Толкового Апостола на ЧРНЗ можно объяснить и перевод греческого обобщенно-относительного местоимения *o{sti~* как **иже кто**. В основном тексте совпадающий перевод находится

в Мф. 10: 32; Мф. 10: 33; Мф. 13: 12; Мр. 8: 34. В последнем стихе составная форма местоимения читается также в толкованиях: **ТСЛ 109 вижьDђ же яко не ресђ любо. яко и не хочеть кто да умреть. но иже кто хочеть**

никого же бо вѣща нужю (л. 263), то же ТСЛ 108 (л. 299 об.), Пог. 171 (л. 374 об.), Кир.-Бел. 16/141 (л. 276) – κDv μ[θέλf τις, Вποθνήσεται, Βλλ' Γοτις θέλει, ο^δένα γ@ρ φησρ βιάζομαι.

Случай влияния Толкового Евангелия на представителя второй ветви ЧРНЗ отмечается и здесь, причем расхождение между представителями ЧРНЗ аналогично расхождению по спискам Толкового Евангелия: Мр. 9: 41 ТСЛ 109 иже бо аще кто напоить вѣи чашю водѣ, то же ТСЛ 108 (307 об.), но Пог. 171 иже бо аще напоить вѣ (л. 394), Кир.-Бел. 16/141 иже бо аще напоить вѣ (л. 283) – ο}~ ga;r a]n potivsh/ uJma`~ pothvrion u{dato~. Ср. Пог. 21 иже бо аще кто напоѣть (л. 81), но Чуд. иже бо аеѣ напоиUѣ вы" чашю воды (21б).

Однако в Толковом Евангелии, а также в Толковом Апостоле большее число случаев употребления составного относительного местоимения иже кто приходится не на основной текст, а на толкования (Мф. 5: 22; Мф. 6: 33; Мф. 17: 20; Мр. 8: 34; Мр. 8: 38; Мр. 10: 13–16; Мр. 10: 28–31; Мр. 11: 15–18; Мр. 11: 19–23; Ио. 6: 53–56; 1 Кор. 12: 5).

Наиболее наглядно механизм заимствования составной формы местоимения в ЧРНЗ представлен в чтении Гал. 5: 4. В этом случае в основном тексте Толкового Апостола читается только иже, а составная форма имеется именно в толкованиях: Син. 7 упразнистес § хѣа< иже законъмь Оправьдовастес § блѣгдти испадосте (220г), Ф.п.1.24 иже (158а) – kathrghvqhte ajpo; Cristou` oi{tine~ ejn novmw/ dikaiou`sqe th`~ cavrito~ ejxepevsate, но в толк. Син. 7 Оправьдатис тѣщите ꙗко глѣше иже нѣции тѣщитес § закона Оправьдитис (220г – 221а), Ф.п.1.24 иже нѣц·и (158а), Христ. иже нѣции (205об.) – ουτινεѣ. Ср. Чуд. упразднистес § хѣа иже нѣции закономь оправдастес блѣгдти испадосте (123г), Пог. 27 иже нѣции (80а).

Проникновение особенностей толкований в основной текст отмечается и для Ветхозаветных текстов, в частности, это характерно для толковой версии Песни Песней. «Явления такого рода показывают, что, во-первых, сам библейский текст Песни Песней сложился в результате перенесения на него содержания толкований и, во-вторых, что библейский текст и его толкование представляет собою в литературном отношении неразложимое целое» [Алексеев 2002: 45].

Помимо взаимодействия толкового и богослужебного типов текста, взаимодействуют также четий и толковый переводы: например, некоторые лексемы четьего перевода Песни Песней включаются в толковый перевод в качестве глосс: 2: 16 цвѣты в кринахъ и 7: 2 въ кринахъ въ цвѣтехъ; 4: 10, 5: 13 вонь араматы и 5: 1 съ вонями араматами, где варианты крины и араматы принадлежат изначально четьему переводу [Алексеев 2002: там же].

В свою очередь толковый перевод может оказывать влияние на четий текст: так, одним из источников, использовавшихся при справе XVII в.

в книжном кругу Епифания Славинецкого – Евфимия Чудовского, был второй перевод Толкового Евангелия XIV в. южнославянского происхождения. Оттуда, в частности, был заимствован лексический вариант голубица в соответствии с греческим $\eta\lambda\ \text{peristera}$; с сохранением славянским словом родовой характеристики греческого слова (традиционный перевод – голѠбь): Мф. 3: 16 Син. греч. 473 и видэ дѣха бѣжего низходща (исправлено из исх-) якъ голѠб (исправлено из -бицѠ) и грдѠща на него (исправлено из на нь) – $w\lambda\sim\ \text{peristera};n$ (л. 4, с. 9) (источник цитируется по изданию [Isačenko 2004]). Ср. Толковое Евангелие: Егор. 447 и видэ дѣхъ бжѣ и съхожаше яко голубицу и грдуца на нь (л. 33 об.).

При структурных взаимодействиях богослужебный тип оказывает влияние на толковый на уровне организации текста. Новозаветные тексты с толкованиями имеют структуру двух типов: первый тип – это рамочное построение (толкования на полях окружают основной текст, в славянской традиции это Христинопольский Апостол), второй тип – так называемые «широкие катены», когда толкования пишутся после чтений основного текста, занимая с ними тем самым равноправное положение на листе [Бобрик 2011: 54–55]. Внутри второго типа основной текст, как правило, излагается в порядке, соответствующем порядку непрерывного текста в богослужебной разновидности новозаветных текстов. Известны, однако, рукописи, например, РНБ, Солов. 24/24 и РГБ, Унд. 21 (обе XV в.), в которых текст Апостола с толкованиями принимает структуру апракоса, т.е. переформируется для использования на литургии [Алексеев 1999: 179].

Параллели для славянской традиции представлены в арабском материале. Здесь имеется группа списков евангелий с толкованиями, принадлежащими Абдаллаху ибн аль-Фадлю Антиохийскому († после 1052) (см. о нем [Панченко 2000: 39]). Сохранившиеся списки демонстрируют различную структуру организации текста: так, А.Н.С. (арабская новая серия) № 149 (XIII в.) – это полный апракос с толкованиями, А.Н.С. № 150 (1242) – это краткий апракос с толкованиями, А.Н.С. № 100 (1548) – это тетр с толкованиями; наконец, А.Н.С. № 101 (XVI в.) содержит только толкования без основного текста, расположенные в порядке апракосных чтений (описание рукописей см. в [Лебедев 1978]).

Тесным взаимодействием богослужебного и толкового типов текста объясняется и своеобразная подвижность основного текста внутри толкового типа, который с течением времени меняется в зависимости от господствующей редакции богослужебного текста: имеются рукописи, содержащие древнейший перевод толкового Евангелия (в частности, РГБ, ТСЛ 108 (XVI в.); РНБ, Кир-Бел. 16/141 (XV в.); РНБ, Пог. 171 (XV в.) толкового Евангелия от Марка), в которых в качестве основного текста берется афонская редакция, а толкования подвергаются лишь минималь-

ной несистематической правке [Федорова 2011: 134–135]. Подобная ситуация складывается и в текстовой традиции Толкового Евангелия от Луки [Индыченко 2011: 111].

Итак, для славянской традиции библейских переводов характерны разнонаправленные процессы влияния – богослужебного (и четьего) типа текста на толковый и толкового на богослужебный (а также четий), проявляющиеся как на уровне языка, так и на уровне структуры текста. Взаимообусловленная зависимость, по крайней мере, на уровне структуры, характеризует и иную традицию-реплику – арабскую, что свидетельствует о типологической природе данных процессов.

Сокращения и источники

Баниц. – Банишко Евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век [Текст] / подгот. за печат с увод и коментар. Е. Дограмаджиева, Б. Райков. – София, 1981.

Егор. – Собрание рукописей Е.Е. Егорова [Текст] // РГБ. Ф. 98а.

Кир-Бел. – Собрание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря [Текст] // РНБ. Ф. 76103.

Пог. – Собрание рукописей М.П. Погодина [Текст] // РНБ. Ф. 583.

Солов. – Собрание рукописей Соловецкого монастыря [Текст] // РНБ. Ф. 717.

ТСЛ – Собрание рукописей Троице-Сергиевой лавры [Текст] // РГБ. Ф. 304.

Унд. – Собрание рукописей В.М. Ундольского [Текст] // РГБ. Ф. 304.

Чуд. – Митрополит Леонтий (Лебединский). Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа [Текст] // Труд святителя Алексея, митрополита Московского и всея Руси. – М., 1892.

Христ. – Христинопольский Апостол XII в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lhm.lviv.ua/history.shtml>

Литература

Алексеев, А.А. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий [Текст]. – СПб., 2008.

Алексеев, А.А. Остромирово Евангелие и византийско-славянская традиция Священного Писания [Текст] // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. – СПб., 2010.

Алексеев, А.А. Песнь Песней в славяно-русской письменности [Текст]. – СПб., 2002.

Алексеев, А.А. Текстология славянской Библии [Текст]. – СПб., 1999.

Бобрик, М.А. Толковый Апостол в Великих Четвях минеях: два списка – две редакции [Текст] // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010–2011. – М., 2011. – С. 52–102.

Воскресенский, Г.А. Древнеславянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. Опыт исследования языка и перевода Апостола по рукописям XII–XIV вв. [Текст]. – М., 1879.

Воскресенский, Г.А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям Евангелия XI–XIV вв. [Текст]. – М., 1896.

Горский, А. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки [Текст] / А. Горский, К.И. Невоструев. – М., 1855. – Т. 1 : Священное Писание.

Евангелие от Иоанна в славянской традиции [Текст] / изд. подгот. А.А. Алексеев [и др.]. – СПб., 1998.

Индыченко, А.А. Лингвотекстологическое исследование Толкового Евангелия от Луки Феофилакта Болгарского [Текст] : диплом. работа. – М., 2011.

Лебедев, В.В. Арабские документы IX–X вв. [Текст] : каталог / ред. О.Г. Большаков. – Л., 1978.

Лисовой, Н.Н. К датировке Мстиславова Евангелия [Текст] // Мстиславово Евангелие XII века : исслед. – М., 1997. – С. 710–719.

Пентковская, Т.В. К изучению толковой традиции домонгольского периода: Апостол и Евангелие с толкованиями [Текст] / Т.В. Пентковская, А.А. Индыченко, Е.В. Федорова // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010–2011. – М., 2011. – С. 30–51.

Пентковская, Т.В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета [Текст]. – М., 2009.

Пентковский, А.М. Литургические реформы в истории Русской Церкви и их характерные особенности [Текст] // Журн. Моск. патриархии. – 2001. – № 2.

Пичхадзе, А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект [Текст]. – М., 2011.

Федорова, Е.В. Толковое Евангелие от Марка Феофилакта Болгарского: лингвотекстологический анализ [Текст] : диплом. работа. – М. : МГУ, 2011.

Панченко, К.А. Абдаллах ибн аль-Фадль Антиохийский [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. – Т. 1 : А – Алексей Студит. – М., 2000. – С. 39. – Режим доступа : <http://www.pravenc.ru/text/62438.html>

Neues Testament in der Übersetzung des Priestermönchs Jepifanij Slavynec'kyj [Text] / Hrsg. T.A. Isačenko. – Paderborn ; Münster ; Wien ; Zürich, 2004.

М.В. Пименова
(Владимир)

УСТОЙЧИВЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В «МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА» И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Словарь И.И. Срезневского является «сокровищницей языка, памятником быта и образованности народа, насколько они выражаются в языке» [Срезневский 1854: 154], «незаменимым руководством при чтении древнерусских памятников и надежным источником при изучении древнерусской лексики» [Бархударов 2003: 3]. Этот классический труд, не утративший

своего значения за более чем вековое использование, содержит весь лексический состав привлекаемых источников (около 2 700 памятников), среди которых фиксируются не только отдельные лексемы, но и устойчивые лексико-семантические единицы, состоящие их двух и более компонентов. Например: *Ариевъ ледъ* в м. Ариопагъ, холм Арея, Марса («*Поемъше Павла на Ариевъ ледъ ведоша*» Деян. XVII. 19. сп. XIV в.); *уотробныя басни* – чревоушание («*Да не послушаете оутробныхъ басни*» Лев. XIX. 31); *безъ лѣна* – напрасно, попусту («*Словеса добрая безъ лѣна еси просыпаль*» Жит. Андр. Юр. XXXI. 122); *бестѣлесныи призоръ* – призракъ, («*Непыщеваша бестѣлесныи призоръ быти*» Мр. VI. 49. Ев. Холм. д. 1300 г.); *бесудная грамота* – грамота, выданная против неявившагося къ суду для отвѣта в обвинении («*А кто на кого челомъ бѣетъ, дворяне и подвоиские позовутъ къ суду, а онъ не стантъ у суда и на того намѣстници дадутъ грамоту правую бесудную*» Уст. Дв. Грам. 1397 г.); *благодать воздати* – возблагодарить («*Благодать въздавъ Богоу иде въ домъ свои*» Георг. Ам. 236); *идти къ Богови* – умереть («*Аже Смолнянинъ ...не расплативъся поидѣтъ къ Богови, а кто его задѣницу възьметъ, тѣмъ и гостиньи тѣваръ дастъ*» Смол. гр. п. 1230 г.); *бѣлое мѣсто* – юр. терм. («*Продаль есми ... дворъ свой на Досланѣ улицы, на бѣломъ мѣстѣ не тягломъ*» Купч. Вяж. Мон. 1583 г. [Срезневский 2003, I: 27, 45, 66, 78, 97, 138, 219]).

Следует отметить, что при изучении устойчивых сочетаний в древнерусских текстах многие исследователи проводят параллели с современным фразеологическим составом языка, используя для их наименования термины *фразеологизм, фразеологическая единица, фразеологический оборот, фразема* и предлагая классификации, в основу которых чаще всего положен современный критерий степени семантической спаянности, или аналитичности, компонентов, предложенный В.В. Виноградовым (1946). С другой стороны, ряд ученых употребляет самые различные терминологические определения для данных единиц (*литературная формула, штамп, устойчивый словесный комплекс, формула-синтагма, формула-матрица, фигура, синсемическая комбинация слов, коллокация* и др.), чем имплицитно указывает на их отличие от современных фразеологизмов, хотя среди критериев выделения отмечаются в большинстве случаев традиционные «фразеологические» дифференциальные признаки, отличающие фразеологизм, с одной стороны, от слова, с другой – от свободного словосочетания и сочетания слов (нерасчлененность значения или идиоматичность, т.е. невыводимость цельного значения из значений, составляющих данную единицу компонентов; устойчивость, воспроизводимость, постоянство лексико-грамматического состава, единство синтаксических функций).

Следует отметить, что каждый из вышеприведенных терминов по своему справедлив и, безусловно, имеет право на существование, однако все они в большинстве случаев используются изолированно, вне какой-либо терминологической системы. Мы предлагаем обозначать устойчивые лексиче-

ские единицы древнерусского текста термином **синкретемы** (корень *синкрет-* + суффикс *-ем*), который находится в одном ряду с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней – *синтаксема, фразема, лексема, семема, морфема, фонема* и подобное. От современных фразеологизмов древнерусские устойчивые единицы отличаются прежде всего с семантической точки зрения, поскольку реализуют отражающее древнюю концептуальную форму ментальности (*ментализацию*. – В.В. Колесов) **синкретичное значение**, основанное на метонимии (а не на метафоре, как большинство современных фразеологических единиц), причем особенности метонимии как переноса по смежности [Колесов 2005: 13–14] определяют их следующие частные дифференциальные признаки: а) регулярность метонимии – относительную лексико-семантическую *системность* данных единиц (в отличие от метафорической нерегулярности, индивидуальности и вторичности фразеологизмов); б) построение метонимией *синтагмы* (а не парадигмы) – *синтагматический (линейный) характер* проявления всех типов отношений между знаками в древнем тексте; в) разработка объема (а не содержания) понятия – особую/преимущественную связь значения с *денотатом*, определяющую особенности семантики отдельных видов (подробнее см.: [Пименова 2007: 50 и сл.]).

Так, **парные именованья** указывают на денотат, который возникает в результате синкретичной парности двух предполагающих друг друга предметов, явлений и т.д., например: *мать и отец* – ‘родители’, *день и ночь* – ‘сутки’, *небо и земля* – ‘вселенная’, *сѣмо и овамо* – ‘езде’, *щит и меч* – ‘оружие’ и др. [Артамонова: 3 и сл.] Приведем примеры употребления данного типа синкретем в древнерусском тексте: «*Дана ми естъ въсака власть на небеси и на земли*» Мф. XXVIII. 18. Остр. Ев.; «*И си вся видѣвъ, възрадуися и възвеселися, и похвали благааго Бога, всѣмъ симъ строителя*» Илар. Зак. Благ.; «*Възрадуемъ и възвеселимъся*» Кир. Тур. 17; «*Всъка гора и хлѣмъ сѣмѣрится*» Лук. III. 5. Остр. Ев.; «*Небо и земля мимо идеть, а словеса мои не мимо идутъ*». Мф. XXIV. 34. т.ж. [Срезневский 2003, I: 273, 368, 551; II: 357].

Словосочетания с постоянными эпитетами указывают на денотат, соответствующий представлениям о том, каким он должен быть, отвечающий норме, стандарту, идеалу (*добрый молодец, красна девица, белый свет, белый день, белые руки, буйна голова, цветное платье, синее море, черный ворон, серый волк, бела лебедь, чистое поле, ярый воск, зелено вино, стрелы каленые, скатный жемчуг, идолище поганое* и т.д.). Примеры использования постоянных эпитетов в тексте «Слова о полку Игореве»: «*Боянь бо вѣщий, аще кому хотяше нѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шинымъ орломъ подѣ облакы <...> Сѣдлай, брате, свои бръзьи комони... а всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону <...> и поѣха по чистому полю... помчаша красныя дѣвки половецкыя <...> ни*

тебѣ чръный воронъ, поганый половчине!» Сл. плк. Игор. [Срезневский 2003, I: 159, 199; II: 1125].

Словосочетания с устойчивыми книжными атрибутами (УКА), на наш взгляд, представлены двумя основными лексико-семантическими разновидностями.

Словосочетания с УКА первой разновидности называют денотат, обладающий признаком, выделяющим его из однородного ряда, превращающим его именно в этот денотат (объект, явление) в сопоставлении с денотатом «родовым». Ср.: («именно этот/это»): *великия кнѣзь* (‘титул верховного правителя Древней Руси’) – князь, *сынъ божи* (‘наименование второго лица святой троицы’) – сын, *слово Божие* (‘Священное Писание’) – слово, *царствие небесное* (‘рай’) – царствие, *правая вѣра* (‘православие’) – вера, *чръныя ризы* (‘монашеская одежда’) – ризы, *труба архангелова* (‘звуковой знак, возвещающий о начале Страшного суда’) – труба, *зълый свѣтъникъ* (‘дьявол’) – советник, *тъма кромѣшняя* (‘ад’) – тьма, *воровское время* (‘ночь’) – время и др. Например: «*Иже послани о(т) Олга великаго князя Рускаго, и от всѣх(х), иже суть по(д) рукою его, свѣтълыхъ боярь*» Дог. Ол. 911 г.; «*Никто же бо имъ проповѣдалъ слова Б(ож)ия*»; «*Остриже и * и въ чръны ризы облече*» Нест. Жит. Феод. 7; «*Моужественное твое тѣло лежитъ, жда троубы арханг(е)л(о)вы*». Ип. л. 6796 г.; «*Въверзѣте въ тьмоу кромѣшнюю*» Мф. XXII. 13. Остр. Ев. [Срезневский 2003, I: 1402; III: 121, 420, 1005, 1081].

Словосочетания с УКА второй разновидности с семантической точки зрения не отличаются от словосочетаний с постоянными эпитетами, поскольку, как и данные единицы, указывают на денотат, представляющий собой то, что должно, являющийся таким, каким он должен быть, соответствующий норме, идеалу. Ср. («именно такой/-ая/-ое/-ие»): *благовѣрный/христоролюбивый князь*, *святая богородица*, *святое евангелие*, *святые святители*, *святые пророки*, *святые епископы*, *святая пасха*, *святая троица*, *святая молитва*, *святые иконы*, *святой соборъ/храмъ*, *святая церковь*, *зловѣрный Мамай*, *безбожные татары* и др. Например: «*Чудо видѣвши самъ благовѣрнии кн(я)зь Ярославъ ...и вси людие, хвалу воздаща Б(го)ви*» Иак. Бог Гл. 124; «*Б(ог)ъ ны поможетъ и Святѣлая Бцѣ*» Поуч. Влад. Мон.; «*Поставилъ есми церковь святые великие Иванъ на Петрятинѣ дворище*» Грам. кн. Всевол. д. 1136 г. и др. [Срезневский 2003, I: 92; III: 307, 308].

Устойчивые сравнения (с союзами *ако*, *яко*, *како*, *что*, *аки*) указывают на денотат, уподобляемый другому, например: *аки агньць* (свѣтила, сълньце, свѣща, звѣзда, мълния, дньница, луна) – святой, *яко сокол млады* – богатырь; *ако звери дивы* (аки волци, аки нѣкаа ехидна) – враги и др. [Богрова 2012: 3 и сл.]. Святой-праведник чаще всего уподобляется символам наивысшей положительной оценки, денотативное значение которых связано с представлением о естественных и искусст-

венных источниках света. Например: «*Свѣтозарна явистася, яко свѣтилѣ, озаряюща вся землю Русьскуюю*» Пов. вр. л. 6523 г.; «*[Ольга] аки дѣница предѣ солнцемъ и аки зоря предѣ свѣтомъ. Си бо съяше аки луна в ноци...*» Пов. вр. л. 6477 г. [Срезневский 2003, I: 290, 771]. Символами смирения, кротости, невинной жертвы в древнерусских памятниках являются *агньць, агня, агница, овьца*, восходящие к образной системе Ветхого и Нового Завета, в которой агнец – животное жертвоприношения, связываемое с именем Иисуса Христа [Михайловская 1980: 101–103]. Например: «*Поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезь ножь, зарѣза Глѣба, аки агня непорочно и безлобиво*» Нест. Бор. Гл. 25 [Срезневский 2003, I: 6]. Если жертва уподобляется ягненку, то убийцы – дикому зверю [Михайловская 1980: 107–108]. Например: «*И се нападоша аки звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копыи*» Нест. Бор. Гл. 29 [Срезневский 2003, I: 966]. Пейоративные сравнительные обороты связаны, как правило, с библейскими образами «нечистых» животных. Например: «*...нѣ аки свиния въ калѣ грѣховенѣ присно калящеся и аки псы на своя блювотины възвращающеся, тако прѣбываете*» Изб. 1073 г. л. 38 [Срезневский 2003, III: 272].

Описательные глагольно-именные обороты связаны с «раздваивающимся» денотатом, например: ‘победить’ – *взяти/створити победу*, ‘мириться’ – *сѣтворити/възяти миръ*, ‘любить’ – *любьы деяти*, ‘заплакать’ – *источити/испустити слезы*, ‘молиться’ – *творити/приносити молитвы*, ‘согрешить’ – *грѣх сотворити*, ‘верить’ – *веру яти*, ‘чествовать’ – *възложити чѣсть* и т.д. Примеры использования глагольно-именных оборотов в древнерусском тексте: «*И сроубиша новгородци городъ новъ. а с Литвою миръ взяша*». Новг. I л. 6706 г.; «*Самъ, вѣлѣзь въ шатѣрь, и начать млѣтву творити вечернюю*». Иак. Бор. Гл. 71; «*Слышав же владыка Семенъ особую рать промежи своими дѣтми и испусти слезы изъ очюю*». Новг. I л. 6926 г. [Срезневский 2003, II: 150, 166; III: 438].

Этимологические фигуры обозначают качественно и количественно «удвоенный» денотат – объект, существующий только в процессе реализации определенного признака или во время соответствующего действия [Пешковский 1935: 232], например: *свет светлый, жить жизнью, воровством воровать, сослужить службу, взглянуть взглядом, мосты мостить, радоваться радостью* и др. Примеры использования этимологических фигур в древнерусском тексте: «*Его же видѣвшие отъци ти възрадовашася радостию великою*» Новг. I л.; «*Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый – ты, Игорю!» <...> Орѣтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половѣцкыми <...> Жены руския възплакашася, ар-*

кучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни **мыслию** **смыслити**, ни **думую** **сдумати**, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» Сл. плк. Игор.; «И рече Володимеръ: **требите** **путь** и **мостите** **мостъ**» Пов. вр. л. 6522 г. [Срезневский 2003, I : 368; II: 176; III: 296, 1004].

В заключение необходимо отметить, что развитие концептуальных форм русской ментальности, связанное с разработкой содержания понятия, привело к постепенному разрушению древнерусской системы синкретем и формированию новой лексико-фразеологической системы на сигнификативной (а не денотативной) основе.

Литература

Артамонова, М.В. Парные именованя в древнерусском тексте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.

Бархударов, С.Г. К 100-летию со дня рождения И.И. Срезневского [Текст] // Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. и доп. / И.И. Срезневский. – М., 2003.

Богрова, К.М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура [Текст]. – Иваново, 2012.

Колесов, В.В. История русского языка [Текст]. – СПб. ; М., 2005.

Михайловская, Н.Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв.: Нормативный аспект [Текст]. – М., 1980.

Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст]. – 5-е изд. – М., 1935.

Пименова, М.В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте [Текст]. – СПб. ; Владимир, 2007.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст] : в 3 т. и доп. – М., 2003.

Срезневский, И.И. Обзорение замечательнейших из современных словарей [Текст] // Изв. Император. Акад. наук по Отд-нию рус. яз. и словесности. – СПб., 1854. – Т. III. – С. 145–164, 177–187, 235–248.

Л.С. Плавинская
(Рязань)

ЭТИМОНЫ ФАМИЛИЙ РЯЗАНСКОГО ДВОРЯНСТВА XVI–XVII ВЕКОВ

Антропонимы представляют собой неотъемлемую часть лексического состава языка. Этим обусловлено широкое вовлечение антропонимических единиц в сферу исследований по русскому языку.

Вместе с тем, приходится констатировать, что история русских фамилий еще недостаточно изучена в социальном и региональном аспектах. Региональный подход к изучению дворянских фамилий дает возможность

выявить местные дворянские фамилии, которые не только осуществляли идентификацию личности, но и определяли социальные координаты человека в обществе, его имущественные и иные права, вследствие чего имели официальный, обязательный характер.

Присущие дворянству фамилии, подобно всем фамилиям, возникшим естественным путем, являются результатом трансформации в фамилии уже имеющихся антропонимических единиц. Этим они принципиально отличаются от искусственных фамилий, характерных, например, для духовенства [Никольский 2009: 288].

Проведенное нами исследование фамилий рязанского дворянства на материале местной деловой письменности XVI–XVII вв. [Писцовые книги Рязанского края 1996–1998; Ряжская десятина 1978; Рязанская десятина 2009; Рязанская десятина 2008] показало, что эти фамилии соотносятся с такими этимонами, т.е. исходными словами антропонимического происхождения, как крестильное имя, внутрисемейное имя и прозвище.

Пришедшие в древнерусский язык крестильные имена могли подвергаться определенным фонетическим изменениям, которые были связаны как с общерусскими, так и с диалектными особенностями освоения онимов. Для дворянских фамилий, как и для фамилий других сословий, типична соотнесенность с мужскими крестильными именами (*Васильев – церк. Василий, Аверкеев – церк. Аверкий, Ермолаев – церк. Ермолай, Марков – церк. Марк*). Фамилии, соотнесенные с женскими крестильными именами, в исследованных памятниках письменности имеют единичный характер (6 %, 14 от 2030): *Аксиньин, Аленин, Катеринин, Марьин и др.*

Фамилии рязанских дворян достаточно полно отражают фонетические процессы, имевшие место при преобразовании церковной формы имени в светскую. Эти процессы имели такие проявления, как выкидка, вставка, замена и перестановка звуков. Имен, изменивших церковную форму, было больше, чем имен, сохранивших ее. Этим объясняется особая многочисленность фамилий рязанских дворян, соотносительных с именами в светской форме (70 % общего количества фамилий): *Антонов – Антон (церк. Антоний), Кузьмин – Кузьма (церк. Косма), Дементьев – Дементий (церк. Доментий), Иванов – Иван (церк. Иоанн), Фролов – Фрол (церк. Флор)* и др.

Дворянские фамилии, образованные от уменьшительной формы крестильного имени встречаются в памятниках рязанской деловой письменности лишь в единичных случаях. Изучение фамилий, образованных от уменьшительных личных имен с суффиксом *-к-*, представляет собой особый интерес в связи с семантикой этой формы личного имени. Материалы рязанских писцовых книг XVI–XVII вв. [Писцовые книги Рязанского края 1996–1998] свидетельствуют о последовательной социальной дифференциации полных и уменьшительных форм крестильных имен. Применительно к дворянам использовались полные формы последних (*Трофим, Степан, Василий, Иван*). По отношению к крестьянам с такой же последовательностью находила применение в писцовых книгах уменьшительная форма крестильного имени с суффиксом *-к-*, которая

имела уничижительный характер как предназначенная для наименования представителей низшего сословия (*Ивашко, Фомка, Сидорка, Максимко*). Наряду с этим, необходимо учитывать, что формы личного имени носили «иерархический» характер. Так, наличие у служилых людей, опись которых дается в десятнях [Ряжская десятня 1978; Рязанская десятня 2009; Рязанская десятня 2008], полных и уменьшительных форм имени указывает на неодинаковый социальный статус этих людей, на их различное служебное положение. Можно полагать, что редкие дворянские фамилии, образованные от уменьшительных крестильных имен с суффиксом -к-, при своем возникновении отражали более низкое социальное положение дворянина по отношению к вышестоящему феодалу: *Еропкин (от Еропка или Еропка), Левкин (от Левка или Левко), Михалков (от Михалка или Михалко)*.

Значительная часть дворянских фамилий была образована от внутрисемейных (некалендарных) имен, которые давались ребенку родителями при рождении.

Внутрисемейные имена, получаемые при рождении, постепенно выходят из употребления к концу XVII в., что в свою очередь сопровождалось уменьшением количества случаев образования фамилий от этих имен. Материалы Ряжской десяти 1578–1579 гг. [Ряжская десятня 1978: 55–75] позволяют говорить о еще довольно частом употреблении внутрисемейных имен (6 % общего количества): *Прокуда, Третьяк, Нечай, Первуша, Менишк, Милованко, Жданец* и др. Данные Рязанской десяти 1648 г. [Рязанская десятня 2009: 64–140] показывают, что использование данных имен стало более редким явлением (2 %), чем это было в XVI в. В Рязанской десяти 1676 г. [Рязанская десятня 2008: 142–151] подобные наименования представлены лишь в единичных случаях (4 из 367, 1 %). Стоит отметить, что к внутрисемейным именам восходит ряд фамилий рязанского дворянства. Это наглядно иллюстрируют случаи, когда внутрисемейные имена находят аналогию в соответствующих фамилиях, представленных в тех же самых памятниках письменности. Ср., например: *Безсон Иванов сын Агламазов – Семен Третьяков сын **Безсонов**; Вешняк Васильев сын Волотин – Андрей Афанасьев сын **Вешняков**; Некрас Пронин сын Ворыпаев – Иван Васильев сын **Некрасов**; Шестак Иванов сын Большев – Михаил Дмитриев сын **Шестаков***.

Изучение фамилий рязанского дворянства XVI–XVII вв. показало, что многочисленными являются дворянские фамилии, образованные от прозвищ. Данный тип фамилий происходил от наименований, полученных их носителями не при рождении, а в течение жизни. Эти прозвища отличаются большим разнообразием. Поэтому образованные от них дворянские фамилии подразделяются на разноплановые лексико-семантические группы, основными из которых являются такие, как: 1) фамилии, связанные с характеристикой отличительных свойств и признаков человека; 2) связанные с профессиональными занятиями; 3) связанные с географическими названиями; 4) соотносительные с предметами быта, орудиями труда и оружием воинской службы. К фамилиям, образованным от прозвищ, которые характеризовали

свойства и признаки именуемого лица, относятся, например, такие, как *Волотов* (*нарицательное имя существительное волот, лежащее в основе прозвища, имеет значение 'гигант, великан'* [Даль 2007, 1: 235–236]), *Нарышкин* (*нарышка – дурной запах изо рта* [Даль 2007, 2: 464]), *Кишкин* (*кишка – брюхо, живот* [Даль 2007, 2: 112]), *Кудрявцев* (*кудрявец – кудрявый человек* [Даль 2007, 2: 212]). Обращает на себя внимание, что многие дворянские роды носили довольно неблагозвучные фамилии, что отражает формирование дворянских фамилий от прозвищ, возникших в народной среде, например: *Безобразов*, *Блудов*, *Вертиглазов*, *Дуров*, *Полоумов*, *Тюфякин*. Дворянские фамилии, которые были образованы от прозвищ, обозначающих профессиональное занятие человека, показывают, что дворянство по своему происхождению не являлось изолированной кастой, а формировалось за счет привлечения представителей различных социальных слоев русского общества. К таким фамилиям, например, относятся: *Ведерников* (*ведерник – бондарь, ведерный мастер* [Даль 2007, 1: 175]), *Гончаров* (*гончар – мастер глиняной посуды* [Даль 2007, 1: 375]), *Колесников* (*колесник – тот, кто делает ездовые или повозочные колеса* [Даль 2007, 2: 137]), *Ловчиков* (*ловчий – главный псарь, управляющий всем порядком псовой охоты* [Даль 2007, 2: 262]), *Торжнев* (*торжник – купец, рыночный торговец* [Даль 2007, 3: 419]). В ряде случаев дворянские фамилии были образованы от прозвищ, возникших на основе географических названий. В случае, если дворянин являлся крупным вотчинником, подобные фамилии образовывались от названия населенного пункта, находившегося во владении: *Шиловский* (*с. Шилово*), *Вердеревский* (*с. Вердерезо*), *Гавердовский* (*с. Гавердово*), в большинстве же случаев дворянские фамилии, соотносительные с названиями географических объектов, образовывались от прозвищ, указывавших на место происхождения данного человека: *Муромцев*, *Зарецкий*, *Спасский*, *Суздальцов*. Выделена также группа фамилий, соотносительных с названиями частей тела: *Животов*, *Локтяев*, *Носов*, *Рукин*, *Щекин*. Образование фамилий дворян происходило также на основе прозвищ, возникших в результате тех или иных ассоциаций между человеком и определенным предметом. Например: *Голиков* (*голик – веник с обитыми листьями* [Даль 2007, 1: 372]), *Ларин* (*ларь – большой ящик* [Даль 2007, 2: 238]), *Ступин* (*ступа – сосуд, в котором толкут, мельчат* [Даль 2007, 4: 349]). Сюда же относятся фамилии, которые были образованы от прозвищ, связанных с теми или иными разновидностями оружия: *Секирин* (*секира – топор на длинной рукоятке* [Даль 2007, 4: 382]), *Пикин* (*пика – род копья* [Даль 2007, 3: 110]), *Саблин* (*сабля – оружие с длинным изогнутым клином* [Даль 2007, 4: 126]). Данные фамилии непосредственно связаны с деятельностью дворян как военнослужилых людей.

В фамилиях рязанских дворян нередко представлены основы диалектного характера. Это имеет место в тех случаях, когда фамилия возникла из прозвища диалектного происхождения. Примеры соотносительности основ дворянских фамилий с лексическими диалектизмами рязан-

ских говоров далеко не единичны: *Бачков* (*бачка* – отец, обращение к отцу [Словарь русских народных говоров 1965–2008, 2: 161; Даль 2007, 1: 56]), *Вотолин* (*вотола* – верхняя одежда из самой грубой ткани [Словарь русских народных говоров 1965–2008, 5: 159; Даль 2007, 1: 253]), *Емаев* (*ема* – ростовщик [Словарь русских народных говоров 1965–2008, 8: 354]), *Неретин* (*нерета* – рыболовный снаряд, верша [Даль 2007, 2: 533]), *Телешов* (*телеш* – нагота, обнаженность [Даль 2007, 4: 449]), *Хлуднев* (*хлуд* – дубина, водонос [Даль 2007, 4: 551; Ганжина 2001: 514]) и др. Подобные региональные фамилии указывают на то, что процесс формирования дворянских фамилий был непосредственно связан с местной языковой средой.

Имеют место также фамилии рязанского дворянства с тюркскими (татарскими) основами. С XV в. переход татарских феодалов с их военной свитой из позднеордынских ханств на территорию Российского государства стал практически обычным явлением. В рязанском регионе это были новокрещенные бордаковские татары. Следует также учитывать, что данный регион с середины XV в. до 1681 г. непосредственно граничил с татарским Касимовским царством, которое находилось в вассальной зависимости по отношению к Москве. Татарское происхождение имеет ряд фамилий представителей рязанского дворянства: *Айдаров*, *Байчурин*, *Бегшиев*, *Беклемшиев*, *Булатов*, *Кобяков*, *Маматов* и др. Данные фамилии характеризуются сочетанием иноязычных основ со стандартными для русских фамилий суффиксами.

Изучение этимонов, положенных в основу дворянских фамилий, показало, что последние образовывались на народной языковой почве и представляют собой ценный исторический источник при исследовании процесса становления рязанского дворянства.

Источники и словари

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М., 2007. – Т. 1–4.

Писцовые книги Рязанского края XVII в. – Сторожев, В.Н. Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей [Текст] / В.Н. Сторожев, А.И. Цепков. – Рязань, 1998. – Т. 1. – Вып. 3.

Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. – Сторожев, В.Н. Русские грамоты [Текст] / В.Н. Сторожев, А.И. Цепков. – Шилово, 1997. – Т. 1. – Вып. 2.

Писцовые книги Рязанского края – Сторожев, В.Н. Экономика Рязанского края конца XIV–XVI вв. по письменным источникам [Текст] / В.Н. Сторожев, А.И. Цепков. – Рязань, 1996. – Т. 1. – Вып. 1.

Ряжская десятина 1978 – Ряжская десятина детей боярских верстанья боярина князя Ивана Юрьевича Булгакова и дьяка Дея Губастого 1578–1579 г. [Текст] // Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. – М., 1978.

Рязанская десятня 2008 – Рязанская десятня 1676 г. [Текст] // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Рязань, 2008. – Т. 17. – С. 142–151.

Рязанская десятня 2009 – Рязанская десятня 1648 года [Текст] // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Рязань, 2009. – Т. 18. – С. 64–140.

Словарь русских народных говоров [Текст]. – М. ; Л./СПб., 1965–2008. – Т. 1–42.

Литература

Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий [Текст]. – М., 2001.

Никольский, А.А. Из истории фамилий рязанского духовенства [Текст] // Материалы и исследования по рязанскому краеведению : сб. науч. работ. – Рязань, 2009. – Т. 18. – С. 288–290.

В.В. Плешакова
(Рязань)

О ДРЕВНЕРУССКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯХ

В древнерусских текстах в составе прямой речи, наряду с молитвами, благословениями, наставлениями и другими традиционными речениями, нередко употребляются и *благопожелания*, т.е. пожелания какого-либо блага в чей-либо адрес. Регулярно они отмечаются в писцовых записях к древним рукописям, в надписях на крестах и задравных чашах, в речи от первого лица в оригинальных и переводных произведениях Древней Руси: в летописях, в житийной и церковно-учительной литературе, воинских повестях.

Например, в записи писца Рязанской кормчей: Бл(а)говерная княг(и)ни реч(е), да ти дасть Б(ог)ъ, о(т)че, за трудъ съ н(е)б(е)сныи покоі [КР 1284: 402 об.]. В иллюстративном материале Словаря И.И. Срезневского [Срезневский 1958, 3: 863] также имеются благопожелания, например: И да ему отецъ крестъ честны и мечъ, река: се ти буди схранникъ и помощникъ, а мечъ пр#щенье и опасенье, иже нын# даю ти пасти люди своя отъ противныхъ. [ЛЛ 1377: 6714]. В шести из восьми редакций «Повести о Довмонте» XIV–XVII вв. [Пов о Д. 1985] засвидетельствовано благопожелание псковского князя Довмонта (Тимофея) дозорным Давиду и Луве (Луке), которые вовремя оповестили псковичей об опасности: Помози вам Бог и святая Троица, уже еста устерегла рать велику (П1Л), Помози вама Бог святаа Троица на стражи вашей (П2Л), Помози вама Бог и святаа Троица, оже еста устерегла рать велику (П3Л), Помози вам Бог, что есте устерегли рать велику (Хрон ред.), Помози вам

Бог, братие, что есте устерегли рать велику (Сред ред.), Бог да спасет вы, братие, яко добре устерегосте вои пришествие (Распростр ред.).

Благодаря многочисленным и разновременным источникам историю русских благопожеланий можно проследить с середины XI столетия – с записи писца дьякона Григория в Остромировом Евангелии, в которой содержится три благопожелания новгородскому посаднику Остромиру (Иосифу) и его семье: Мънога же л#т(а) дароуи Б(ог)ъ сътяжавъшоумоу Еу(ан)г(е)лие се на оут#шение мъногамъ д(у)шамъ кр(е)стияньскамъ, даи емоу Г(оспод)ъ Б(ог)ъ бл(агослове)ние с(вя)тыхъ еванг(е)листь Иоана, Матфеа, Лоукы, Марк(а) и с(вя)тыхъ прао(те)ць Авраама и Исаака и Якова самомоу емоу и подроужию его Феофан# и чадомъ ею и подроужиемъ чадъ ею. Съдравъствоуйте же мънога л#т(а) съдръжаще пороучение свое [ЕвОстр 1056–1057: 294в – г].

В писцовых записях употребление благопожеланий вызвано упоминанием имени «строителей» книги: заказчика и вкладчика рукописи и самого писца, а также отцов и братьев, «читающих и поющих по святей книзе сей», «всех слушающих с прилежанием», «всех нас христиан». Благопожелание, адресованное писцу рукописи, обычно следует за молитвенным прошением, например: А почато месяца октября в 29 на память святых Анастасии Господи помози рабу своему Кузме даи Бог ему списати си [святых] книги благословеньем архимандричим Серапионовым (запись писца [Ап 1389–1406: 182]).

Часто благопожелания, наряду с молитвами, употребляются в адрес заказчика-вкладчика рукописи, чьим «замышлением и повелением» она была устроена ради «душевного спасения» своего и своих родственников, и «всего племени своего измерших». Например: В лето 6908 индикта 9 лета написаны быша книги сия глаголемыи пролог ко святому чудотворцема и безмездникама Козмы и Дамьяну на Кузмодемьяну улицу а повелением рабов Божиих боголюбивых бояр Юрья Онисифорович Дмитрия Микитинич Василья Кузминича Ивана Даниловича и всих бояр и всеи улицы Кузмодемьяне ... а даи им Бог живот и здравье и отдание грехов в сии век и в будущи (запись писца [Пр 1400: 186 об.]). Также: В лето 6000 и 800-е 62 написано бысть се Еувангелие рукою многогрешна раба Божия чернца Иоана Телеш къ священному отцю Климент замышленьемъ Олексия Костяньтиновича при великом князи Иоане Ивановиче пре епископе Афонасьи Прияславскомъ а рабу Божию Олексю даи Бог здравье и спасенье (запись писца [Ев 1354: 189]); даи Б(ог)ъ имъ здравие и сп(а)с(е)ние о(т)дание гр#ховъ. давшихъ серобро на книгахъ сихъ (запись писца [Ев втор. пол. XIV: 137 об.]).

Если благопожелание адресовано отцам и братьям, то оно может быть употреблено вслед за наставлениями, просьбами о поминовении

и снисхождении. Например: А ты, брате писецо, не ленися, начатое свершиваи, вставаи рано на свое доброе дела, Б(ог)ъ тебе пома(гае)ть (приписка писца [Триодь: 1 об.]); И вы господие отци и братье поите по святеи книзе сеи Бога молити о мире всего мира, аще ся буду в коемь месте где описал или з другом глаголя или забытем помыслы лукавыми и вы господа поите исправлявая а на мене слова хулна не молвите, благословите а не клените да твоим благословением и исправлениемъ мое неисправленное писание исполнится а от Господа сугубу милость обрячете в день Судный в веки аминь (запись писца [Треф: 208 об.]); аже станеть. по мн# кто попь оу с(вя)т(а)го Лазоря. поминаите мя Б(ог)а д#ля. оу служб# и въ м(о)л(и)твахъ. попа окс#нт#я многогр#шнаго. а васъ Б(ог)ъ бр(а)т(и)е. моя помянетъ во своемъ си ц(а)рств(и) аминь (запись [Стих XII: 27]).

Среди древних благопожеланий в записях и приписках отмечен пример благопожелания «злоумышленнику»: Господи, спаси помилуй раба Божия Иоанна подьяка святого Иоанна Богослова, псал Иоан#ць Демидов. а кто се отгоне даи Бог ему здрави аминь [Стих XII (2): 71].

В надписях на заздравных чашах (чарах) благопожелание следует после упоминания имени царя, князя, владыки, которому чаша принадлежит, например: А се чара кня Володимерова Давыдовча кто из нее пь тому на здоровье, а хваля Бога [и] своего осподаря великого кня. [Надп до 1151]. По данному образцу построено древнее благопожелание в писцовой записи XII в.: Се стих#рарь есть с(вя)т(о)го Власи да кто въ нь поеть боуди емоу многа л#т [Стих XII (3): 1].

В летописях благопожелания входят в диалоги и монологи, по своему воспроизводимые летописцем. Адресатом благопожелания является не только 2-е лицо, но и 1-е и 3-е, например: и реч(е) имъ Б(ог)ъ вы помози. оже ми ся есте яли. помогати [ЛИ ок. 1425: 1149], а даи ми ты Б(ог)ъ. им#ти аки оца соб#. и слоужити тоб# со всею правдою. до моег(о) живота [ЛИ ок. 1425: 1287], она же поклонивши главу стояше... аки губа напаяема. внимаючи оученью. и поклонившися патриарху г(лаго)лаше. м(о)л(и)твами твоими вл(а)д(ы)ко да съхранена буду. от с#ти неприязнены [ЛИ ок. 1425: 955], Вячеславъ же и Гюрги тако рекоста. Б(ог)ъ помози зятю нашему королеви. и братоу нашему Болеславу. и с(ы)н(о)ви нашему Индрихов#. оже межи нами добра хотите [ЛИ ок. 1425: 1149].

С самого начала письменной фиксации древнерусские благопожелания отличаются богатством и разнообразием выражения, формальной самостоятельностью, что свидетельствует о древности данного вида высказываний. Благодаря тому, что противопоставление именительного падежа и звательной формы для имен священных в XI–XV вв. еще остается актуальным, древнерусские благопожелания и молитвенные прошения надежно различаются по форме существительного *Богъ – Боже, Господь – Гос-*

поди, даже если полностью совпадают лексически. Ср., например, молитвенные прошения: Господи помози рабу Своему Ивани даи Боже ми писати лучши писати [Сб ж. кон. XIV: 193 об.] и молитвенное прошение с благопожеланием: Господи помози рабу Своему Ивану, даи Бог ему пера дописати, рука ему крепка, а сердце право [Мин XV: 1].

По морфолого-синтаксической форме древнерусские благопожелания представляют собой высказывания, построенные на основе фразеосхемы с устойчивым (фиксированным) лексическим компонентом, нередко варьирующимся. Выделяется не менее 17-ти формальных образцов (моделей), употребление которых, как правило, связано с характером текста.

1. Благопожелания, вводимые словами *даи Богъ/дажь Богъ/дароуи Богъ/даи Господь Богъ/даи Господь/дажь Господь* (кому) в сочетании с пропозицией положительной семантики (блага). Например, нъ даи же ти Г(оспод)ь по с(е)рдцю твоему. и вс(я) прошени(я) тво(я) исполни. егоже. желание ц(а)рства Н(е)б(е)снаго. дажь ти Г(оспод)ь в#н#чь с прав#дными. в пици раистии. весельи ликъствованье съ Аврамамъ. и с прочими патр#архы [ЛИ ок. 1425: 1015], даи же ему Господь Бог милость Свою и наследие Царства Небесьнааго и дълголетно княжение съ всеми своими аминь (запись писца Алексы [ЕвМст до 1117: 213]), даи Б(ог)ь здра(въ) был ц(а)рь г(осу)д(а)рь наш(ь)... на многа л#та *Чаша Ив. Вас.* [Срезневский 1958, 3: 1484]. Владыц# арх(иепис)к(о)п(у) Олексію да Б(о)гъ много л# (т) и здравие и сп(асе)ние. *Нап. на кр. Новг. п. 1360 г.* [там же, 2: 211], даи ему Б(ог)ь оставление гр#ховъ *Кир Иер XII–XIII, 270 об. (запись)* [СДЯ 1988–1991, II: 442].

2. Благопожелания, вводимые словами *не даи Бог/не даи Господь* (кому) в сочетании с пропозицией отрицательной семантики (зла). Например: Изяславъ же реч(е) не даи ми того Б(ог)ь я. не оубица есмь брати своєї [ЛИ ок. 1425: 1150], Но не даи же вы Господь се слышавшимъ отпасти славы съ сима страсотерпцема, ею же днесь убиения празднуемъ, ею же чудеса предъ очима вашима предлежитъ [Сл о кн.]. В записях и приписках благопожелания данного типа не отмечены.

3. Благопожелания, вводимые частицей *да* (в значении – пусть), например: Х(ристо)съ же да сподобит вся ны одесную Себе стати въ страшнии д(е)нь пришествія Его со вс#ми оугожьшими от в#ка (запись писца [КР 1284: 402 об.]), да подасть им Господь Царство Свое и грехы их потребить тех всех святых поминаемыми в книгах сих (запись писца [ПР 1282: 148 об.]), Да и нас сподобить Господь молитвами их избыти от с#ти ловащаго нас диавола и обр#стися въ м#ст# отца Антонія и Феодосія [Киево-Печ пат.]. Характерны для книжных памятников.

4. Благопожелания, имеющие своим ядром сочетание слова *Богъ* и глагола положительной семантики в основной форме (2-го лица) повелительного наклонения, например: В лето 6888 е написан бысть молитвеник сии рабу Божию попу ерею Микеле святаго Николе благослови его Бог (запись писца [Служ 1380: 79–79 об.]), Покои Богъ душу его съ вс#ми

правдными въ Царствіи Небесн#мь [ЛН XIII–XIV: 1230]. Такого рода благопожелания с формой глагола помочи/помощи – помози особенно часто употребляются в летописях, например: и реч(е) Изяславъ брату своему. Володимеру брате Б(ог)ъ ти помози оже ся еси потрудилъ моя д#ля ч(е)сти и своя [ЛИ ок. 1425: 1150]; онъ же реч(е) имъ. вы есте людие д#да моего. и отца мо(е)г(о) а Б(ог)ъ вы помози. и тако ц#ловавъ # и пусти в городъ [ЛИ ок. 1425: 1150].

5. Благопожелания, образуемые сочетанием слов *Богъ, Господь, Богородица* и других, называющих небесных покровителей человека, и глагола с положительной семантикой в форме простого будущего времени. Например: а вас Бог благословить аминь (запись писца [Ев 1323: 219 об.]); а Бог вас вразумит и научит (запись писца [Ев 1409: 1 об.]); а вас помянетъ Г(оспод)ъ Б(ог)ъ въ Ц(а)рствіи Своемъ (запись писца [Ев 1463: 168 об.–169]); а вам Богородица мзду подасть и всем послушающим с прилежаньем (вкладная митр. Киприана [Триодь нач. XV: 2–15]).

В надписях на крестах встречаются благопожелания-обещания, где в позиции подлежащего – имя существительное со значением лица, например: Офросинья же раба Х(ристо)ва сътяжавъши кр(е)сть сии. приметъ вечную жизнь съ вс#. . . [Надп 1161].

6. Благопожелания вида *Господь съ вами*, с глаголом-связкой *буди* и без него. Например: Г(о)с(под)ъ со всеми вами и м(и)л(о)сть Его и съ д(у)хомъ вашим, аминь (запись писца [Сл пост.: 271 об.]). Подобное благопожелание содержится в записи писца к Лаврентьевской летописи: А со вс#ми нами хр(е)с(т)ьяны Х(ристо)съ Б(ог)ъ наш, С(ы)нъ Б(ог)а живаго [ЛЛ(2) 1377: 172 об.–173]. Г(оспод)ъ же боуди съ вами. *ЖФП XII, 63 в.* [СДЯ 1988–1991, I: 347].

7. Благопожелание вида *Богъ буди помощникъ/помочникъ кому-либо*, с глаголом-связкой *буди* и без него, например: а мн# Б(ог)ъ помочни на Гюргя и на олгович# и на Галичког(о) кн(я)зя [ЛИ ок. 1425: 1150], онем же рекшимъ. Б(ог)ъ боуди помощникъ ти [ЛИ ок. 1425: 1255], И да ему отецъ крестъ честны и мечъ, река: се ти буди схранникъ и помощникъ, а мечъ пр#щенье и опасенье, иже нын# даю ти пасти люди своя отъ противныхъ [ЛЛ 1377: 6714]. Данное благопожелание обычно для летописей.

8. Благопожелания с глаголом-связкой *быти* в основной форме повелительного наклонения – *буди* с относящимся к нему кратким прилагательным или причастием положительной семантики, при незаполненной позиции подлежащего, например: Сдравъ буди [Киево-Печ пат.]; Здоров(ъ) же кн(я)же буд(и) въ в# (къ) живи (из записи Упыря Лихого в книге пророков с толкованиями XV в. [Карский 1979: 281]).

Вариант данного типа благопожелания – без глагола-связки отмечен Б.А. Успенским в «Теогонии» Иоанна Цеца (сер. XII в.), «где приводится русская фраза в греческой транскрипции: σδρα πρaтe, σeσтpиτξa ...δoβpa δeвn, т.е. Сдра(в), брате, сестрице... добръ день (Моравчик, 1930, с. 356–

357; ср.: Ларин, 1946, с. 72; – цитируется рукопись XV в.)» [Успенский 1983: 42].

9. Благопожелание с глаголом в основной форме повелительного наклонения и положительно характеризующим его наречием, прилагательным или существительным с предлогом: И егда приближиша ся къ мн# глаголахъ имъ: «Добр# ходите...» [Сказ о. н. А.]; Благословивъ его, отпусти и, рекъ ему: «Иди съ миром» [Киево-Печ. пат.], А вы наш# сус#д# живите здорово. *Ревел. а. II, 3. XV в.* [СлРЯ 1975–2008, 5: 364].

10. Благопожелания, имеющие своим ядром сочетание: имя в дательном падеже с обозначением адресата + существительное в именительном падеже с пропозициональным значением блага, например: а чтощи(м) здорвие и сп(а)с(е)ние (запись писца [Ев ок. 1341: 151г]).

К данному морфолого-синтаксическому типу относятся благопожелания с устойчивым лексическим компонентом – *миръ кому-либо и многая л#та кому-либо, в#чная память кому-либо*. Слова *миръ* или *многая л#та* употребляются также в благопожеланиях других типов, так что можно говорить о парадигме форм благопожеланий со словами *миръ* и *многая л#та*:

1а) Буд(и) в любви пис(а)ние се г(оспо)дъству князи наших. *миръ* ти о Г(о)с(под)#. прес(вя)щ(е)ныи еп(и)с(ко)пе Иосифе [КР 1284: 402 об.], Агапии же..., изиде изъ монастыря. Рек: «*Миръ* вамъ, и Господъ съ вами» [Сказ о. н. А.];

1б) И рече ми Илия: «*Миръ* ти буде, Агапие...» [Сказ о. н. А.];

1в) а Б(ог)ъ мира и любви боуди с вами и со мною въ вся бесконечныя в#кы, аминь (запись писца [Мин 1438: 299]);

1г) да будет(ь). Б(ог)ъ мира с вами, амин(ь) (запись писца [Ев XIII–XIV: 158]);

1д) И Богъ мира со вс#ми вами в в#ки, аминь [Хож и. Д.];

1е) Въ ньже домъ внидете, то преже г(лаго)лете. *миръ* домоу семоу *Пч к. XIV, 130 об.* [СДЯ 1988–1991, IV: 542];

2а) М(нога) л#та князю Володим#ру и княгини Волз# и строителю книгамъ симъ исто... (запись писца [Поуч Еф.: 329–329 об.]);

2б) Мънога же л#т(а) дароуи Б(ог)ъ сътяжавъшоумоу Еу(ан)г(е)лие се на оут#шение мъногамъ д(у)шамъ кр(е)стияньскамъ (запись писца [ЕвОстр 1056–1057: 294в]);

2в) Се стих#рарь есть с(вя)т(о)го Власи да кто въ нь поеть боуди емоу многа л#т (запись писца [Стих XII (3): 1]);

2г) Съдравъствоуйте же мънога л#т(а) съдръжаще пороучение свое, аминь (запись писца [ЕвОстр 1056–1057: 294в – г]).

11. Благопожелания с глаголом *съ/здрав(ь)ствовати* в основной форме повелительного наклонения с зависимыми от него словами, например: О Господ# здравствуй [Сл. о ж. Д.И.]; Здравствуй о Господе, господине отче, и моли о нас грешных, а мы святыни твоей велми челом бием [Посл Н.С.] (см. также пример 2г).

12. Благопожелания с глаголом *быти* в основной форме повелительного наклонения – *буди* и относящимся к нему кратким прилагательным положительной семантики, при заполненной позиции подлежащего, например: Буди же м(о)л(и)тва ваша бл(а)гоприятна *ФСт XIV, 224 г* [СДЯ 1988–1991, I: 195]; И егда поклонити ся хот# и рещи: «Добр# ходите и добръ вы путь буди», тьгда малыи д#тищъ пьрв#е рече къ Агапию... [Сказ о. н. А.]. Глагол-связка может быть утрачен (см. пример: Добръ день... из п. 8).

13. Благопожелания с глаголом *быти* в основной форме повелительного наклонения – *буди* с примыкающим к нему инфинитивом глагола положительной семантики: С ними же буди и намъ получитьи милость въ сий в#къ и въ будущий о Христ# Исус#, Господи нашем... [Киево-Печ. пат.], Буди же вам, прочитающимъ и слышащим душеполезную пов#сть сию, части сподобитися угождьших Господеви, молитвами и мольбами Варлама Иосафа блаженных, о нихже пов#сть, о Христ# Исус#, о Боз# нашем... [Пов о В. и И.: 267]. В некнижных памятниках благопожелания данного типа не отмечены.

14. Благопожелание *на здоровье кому-либо* характерно для надписей: А се чара кня Володимерова Давыдовча кто из нее пь тому на здоровье [Надп до 1151].

15. Благопожелание-оптатив с глаголом в сослагательном наклонении, например: а н(ы)н# абы со мною Б(ог)ъ былъ. и хр(е)стьная сила [ЛИ ок. 1425: 1149], Дабы г(осу)д(а)рь наш(ь) здра(въ) был(ь) на многіе л#та *Чаша митр. Мак.:* [Срезневский 1958, 3: 1484], Господи помози рабу Своему Якову научитися писати рука бы ему крепка око бы ему светло ум бы ему острочен писати бы ему з...м /златом?/... (запись писца XV в. [Гр Бог XIV: 1]).

16. Благопожелание *радуйся* при обращении к адресату (калька с греческого), например: Мы же рц#мъ к неи: ра(ду)ися, Руское познанье къ Б(ог)у. *Пов. вр. л. 6477 г.* [Срезневский 1958, 3: 13], Пишет бо наутр#и к сынов# епистолию, имущу тако: «Царь Авенирь превозлюбленному Иоасафу радуйся» [Пов о В. и И.: 249]; да еже ц#лование архангель дасть Д#вици, будетъ и граду сему. Къ онои бо: «Радуися, обрадованаа! Господь с тобою!», къ граду же: «Радуися, благов#рнии граде! Господь с тобою!» [Сл о з. и б.].

17. Благопожелания, имеющие своим ядром сочетание: имя в дательном падеже с обозначением адресата + глагол-связка *буди/быти* с предложно-падежным сочетанием положительной семантики, например: Вс#мъ родомъ крестьянскимъ правителю неподвижному и счастливому..., великому Московскому королю царю Ивану въ добромъ пребывани# быти *Никон. л. 7066 г.* [Срезневский 1958, 3: 864].

Среди перечисленных выше формальных образцов имеются *прямые* (1, 4, 7, 8, 11, 14), употребляющиеся только для благопожеланий, *смешанные* (2, 3, 9, 12, 13, 17), выступающие как благопожелания при определен-

ных условиях внутреннего контекста, и *косвенные* (5, 6, 10, 15, 16), возникшие путем переносного употребления других речений. К косвенным благопожеланиям относятся древние формулы благословений *Миръ вамъ/ти, Иди/те съ миромъ/въ мир#*, молитвенных прошений *Многая л#та, В#чная память*, древних приветствий *Господь/Богъ съ тобою/вами*, которые могут употребляться расширительно. Из собственно благопожелательных формул (прямых) наиболее частотным является благопожелание с *даи Богъ* и его варианты. Оно отмечено в разных жанрах древнерусской книжности. Кроме того, используется в высказываниях общего характера, например: *Даи Б(о)гъ здравіе и сп(а)с(е)ніе и отпушчєніе гр#ховъ творящему бл(а)гое (приписка) [Мин 1439: 236], Бог даи здравіе к сему богатію что кун то все в калите что порт то все на себе (приписка Кузьмы Поповича [Пр 1313: 20 об.]), та же пословица – в Паремейнике [Пар 1313: 131].*

Древнерусские благопожелания основаны на христианской системе ценностей, что отражается в именовании желаемых благ – «небесных и земных» – и в указании божественного Источника блага. Для обозначения желаемого блага используются прежде всего слова и словосочетания, обозначающие блага духовные, вечные: мир, радость, спасение, отдавание/оставление/отпущение грехов, пособие от святых, т.е. молитвенное их предстательство, венец с праведными, милость Бога, наследие Царства Небеснаго, спасенная молитва и подобные, например: *Господи помози рабу своему Феодору коньчавъшуму книги сия даи ему Бог оставление грехов и раба Божия Константина писавъшуму книги сия амин (приписка писца [Кир Иер: 270 об.]); А даи Бог молитва его святая всем хрестьяном и мне грешному Тимофею пономарю [ЛН(2) XIII–XIV: 113]; Х(ристо)съ же да сподобит вся ны одесную Себе стати въ страшный д(е)нь пришествія Его со вс#ми оугожьшїми от в#ка (запись писца [КР 1284: 402 об.]).*

В древнерусских благопожеланиях жизнь человека представлена в целостности, в единстве духовного и материально-телесного: душе желают спасения, прощения грехов, вечной жизни, телу – здоровья, многолетия: *нъ даи же ти Г(оспод)ъ по с(е)р(д)цю твоему. и вся прошения твоя исполни. егоже. желание Ц(а)р(с)тва Н(е)б(е)снаго. дажь ти Г(оспод)ъ вмн#чь с прав#дными. в пици раистии. весельи ликъствованье съ Аврамамъ. и с прочими патр#архы [ЛИ ок. 1425: 1015]; даи им Бог живот и здравье и отдавание грехов в сии век и в будущи [Пр 1400: 186 об.].*

В благопожеланиях отражен жизненный выбор христианина Древней Руси, его вера и упование: *оже хочещи Хр(и)стоу оуправити. то даи ны Б(ог)ъ пожити [ЛИ ок. 1425: 1150], а намъ даи Б(ог)ъ за кр(е)стьяны и за Рускую землю. головы сво# сложити и къ м(у)ч(е)никомъ причтеномъ быти [ЛИ ок. 1425: 1170], И ре(че) кн(я)зь не даи Б(ог)ъ поганому в#ры яти. николиже. а я оуже погинуль и д(у)шею и жизнью [ЛИ ок. 1425: 1170]; а даи ми тя Б(ог)ъ. им#ти аки оца соб#. и слоужити тоб# со всею правдою. до мое(го) живота [ЛИ ок. 1425: 1287].*

В числе желаемых благ называются и естественные, конкретные: живот, здоровье/здравие, многая лета, добрый путь, все, что по сердцу твоему, долголетно княжение, на врагы победа и др. Например: Господи помози рабу своему Кузме даи Бог ему списати си [святыя] книги благословеньем архимандричим Серапионовым [Ап 1389–1406: 182]; Господи помози рабу своему Ивану, даи Бог ему пера дописати, рука ему крепка, а сердце право [Мин XV: 1]; но даи ми Б(ог)ъ им#ти свою ятровь. аки достоиную м(а)т(е)рь соб# и чтити [ЛИ ок. 1425: 1287], Се на трапезе о здравии цесаремъ или княземъ. В долголетний живот и здравия, смирения, благопоспешения, и спасения, и на врагы победа благочестивому и христолюбивому великому князю [Уст Иер: 18].

В древнерусских благопожеланиях желаемое благо – б(ог)оданое [СДЯ 1988–1991, I: 167, 255], т.е. дарованное Богом, Подателем всяческих благ. По вере русского народа, Б(ог)ъ всего блага испльненъ. *Сб. 1076 г.* Бл(а)год#ть с(вя)тая о Х(рист) # Боз# нашемъ бы(сть). *Мин. Пут. XI в. 31* [Срезневский 1958, 1: 90, 98]. Для выражения источника благ в древнерусских благопожеланиях утвердились такие формы, как: 1) даи (дажь, даждь, подаи, даруи, не даи) Бог (Господь, Господь Бог), например: ...даи же ему Господь Бог милость свою и наследие Царства небесьнааго и дълголетно княжение съ всеми своими амин [ЕвМст до 1117: 212 об.–213]; 2) о Христ#, о Господ# как кальки с греческого, например: О Господ# здравствуй [Сл о ж. Д.И.]; 3) благопожелания со словами Господь, Бог, Христос в качестве подлежащего, например: а васъ Бог благословить (запись писца [Ев 1323: 219 об.]); онем же рекшимъ. Б(ог)ъ боуди помощникъ ти [ЛИ ок. 1425: 1255]; да подасть им Господь Царство Свое и грехы их потребить тех всех святых поминаемыми в книгах сих (запись писца [Пр 1282: 148 об.]).

В благопожеланиях поименованные блага нередко совпадают с названиями благ в молитвенных прошениях, например: Поможи Г(о)с(под)и рабу своему Якову. псати дьяку. пр(е)с(вя)тая г(о)с(по)же Б(огороди)це помогаи намъ гр#шнымъ (запись писца [Мин втор пол XIV: 1]). Обращает на себя внимание, что неизменяемая часть фразеосхемы *даи Бог* близка к молитвенному прошению *даи (даждь, дажь) Боже (Господи)*, а именованные блага близки к прошениям сугубой ектении: Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих, братии святаго храма сего.

Уже в древнерусский период наблюдается «специализация» благопожеланий в зависимости от ситуации: живым – умершим, отходящим в путь – встречающимся по пути и др., например: А вы наш# сус#д# живите здорово. *Ревел. а. II, 3. XV в.* [СлРЯ 2008, 5: 364]; Покои Богъ душу его съ вс#ми правдными въ Царствии Небесн#мъ [ЛН XIII–XIV: 1230]; Агапии же постави имъ игумена брата стар#ишаго, и устройвь я и ц#ловавь #, изиде изъ манастиря. Рек: «Миръ вамъ, и Господь съ вами» [Сказ о. н. А.]; И егда приближиша ся къ мн# глаголахъ имъ: «Добр# ходите...» [Сказ о. н. А.].

Частичная фразеологическая связанность состава древнерусских благопожеланий, повторяемость ситуации общения или контекста, в которых они возникают, авторитетность текста – источника благопожеланий (благословения, молитвы) – обеспечивали на протяжении многих веков хорошую сохранность и преемственность русских благопожеланий. Это позволяет говорить о них как о традиционных высказываниях – носителях речевой традиции, благодаря которым она живет и передается из поколения в поколение. Подобные традиционные высказывания, видимо, имели в виду П.С. Кузнецов и Н.А. Мещерский, когда говорили об «определенных традиционных выражениях, определенных штампах, переходящих из века в век» [Кузнецов 1960: 40–41], об «особых устойчивых словосочетаниях, свойственных “литературному этикету” и передававшихся из века в век» [Мещерский 1995: 44].

Источники и словари

- Ап 1389–1406 – Апостол апракос 1389–1406 гг. [Текст] // ГИМ. Хлуд. 37.
Гр Бог XIV – Григория Богослова 16 слов с толкованием Никиты Ираклийского XIV в. [Текст] // ГИМ. Чуд. 11.
Ев 1323 – Евангелие апракос 1323 г. [Текст] // ГИМ. Хлуд. 29.
Ев 1354 – Евангелие апракос 1354 г. [Текст] // ГИМ. Син. 67.
Ев 1409 – Евангелие апракос 1409 г. [Текст] // ГИМ. Син. 71.
Ев 1463 – Евангелие 1463 г. [Текст] // РНБ. Погод. 18.
Ев XIII–XIV – Евангелие апракос полный XIII–XIV в. [Текст] // РГАДА, ф. 381 (Син. тип.). – № 15.
Ев втор. пол. XIV – Евангелие апракос краткий второй половины XIV в. [Текст] // РГАДА, ф. 381 (Син. тип.). – № 10.
Ев ок. 1341 – Явилово Евангелие ок. 1341 г. [Текст] // РГАДА, ф. 381 (Син. тип.). – № 2.
ЕвМст до 1117 – Мстиславово Евангелие до 1117 г. [Текст] // ГИМ. Син. 1203.
ЕвОстр 1056–1057 – Евангелие апракос Остромирово, 1056–1057 [Текст] // РНБ. Ф.п. I, 5.
Киево-Печ пат. – Киево-Печерский патерик [Текст] // ПЛДР. – 1980. – С. 412–622.
Кир Иер – Кирилл Иерусалимский. Огласительные поучения, XI–XII вв. [Текст] // ГИМ. Син. 478.
КР 1284 – Кормчая Рязанская 1284 г. [Текст] // РНБ. Ф.п. I, 1.
ЛИ ок. 1425 – Полное собрание русских летописей [Текст]. – М., 1962. – Т. 2 : Ипатьевская летопись.
ЛЛ 1377 – Полное собрание русских летописей [Текст]. – М., 1962. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись.
ЛЛ(2) 1377 – Лаврентьевская летопись 1377 г. [Текст] // РНБ. Ф.п. IV, 2.
ЛН XIII–XIV – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Текст]. – М. ; Л., 1950.
ЛН(2) XIII–XIV – Новгородская первая летопись XIII–XIV вв. [Текст] // ГИМ (Син. 786).
Мин 1438 – Миня на ноябрь 1438 г. [Текст] // РНБ. Соф. 191.
Мин 1439 – Миня на июнь, 1439 г. [Текст] // РНБ. Соф. 207.

- Мин XV – Минея служебная на июль XV в. [Текст] // ГИМ. Усп. 18-перг.
 Мин втор пол XIV – Минея служебная, апрель. Вторая половина XIV в. [Текст] // РГАДА, ф. 381 (Син. тип.). – № 111.
 Надп до 1151 – Надпись на чаре Володимира Давидовича до 1151 г. [Текст].
 Надп 1161 – Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г. [Текст].
 П1Л – Псковская 1 летопись [Текст] // ГИМ. Увар. – № 279 ; РНБ. Тихан. – № 201.
 П2Л – Псковская 2 летопись [Текст] // ГИМ. Син. – № 154.
 П3Л – Псковская 3 летопись [Текст] // РНБ. Погод. – № 1413.
 Пар 1313 – Паремейник 1313 г. [Текст] // РГАДА, ф. 381 (Син. тип.). – № 61.
 Пов о В. и И. – Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. [Текст] / отв. ред. О.В. Творогов. – Л., 1985.
 Пов о Д. – Охотникова, В.И. Повесть о Довмонте (Исследование и тексты) [Текст]. – Л., 1985.
 Посл Н.С. – Прохоров, Г.М. Послания Нила Сорского [Текст]. – Л., 1974. – Т. 29.
 Поуч Еф. – Поучения Ефрема Сирина 1492 г. [Текст] // РНБ. Погод. 71.
 Пр 1282 – Пролог 1282 г. [Текст] // ГИМ. Хлуд. 187.
 Пр 1313 – Пролог/сентябрь – февраль/не ранее 1313 г. [Текст] // ГИМ. Син. 239.
 Пр 1400 – Пролог 1400 г. [Текст] // ГИМ. Син. 240.
 Распротр ред. – Распространенная редакция «Повести о Довмонте» [Текст] // РНБ. Погод. – № 901.
 Сб ж. кон. XIV – Сборник житий конца XIV в. [Текст] // ГИМ. Чуд. 23.
 СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV) [Текст]. – М., 1988–1991. – Т. I–IV.
 Сказ о. н. А. – Сказание отца нашего Агапия... [Текст] // ПЛДР, 1980. – С. 154–164.
 Сл о з. и б. – Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 50.
 Сл о кн. – Слово о князьях [Текст] // ПЛДР. – 1980. – С. 340, 342.
 Сл пост. – Слова постнические Василия Великого 1391–1392 гг. [Текст] // Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева, кп 952.
 Сл о ж. Д.И. – Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя рускаго [Текст] // РНБ. F.IV.603.
 СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2008. – Вып. 1–28.
 Служ 1380 – Служебник 1380 г. [Текст] // ГИМ. Воскр. 7-п.
 Сред ред. – Средняя редакция «Повести о Довмонте» [Текст] // ГИМ. Син. – № 850.
 Срезневский – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст]. – М., 1958. – Т. I–III.
 Стих XII (2) – Стихирарь минейный, на крюковых нотах XII в. [Текст] // ГИМ. Син. 279.
 Стих XII (3) – Стихирарь минейный (сентябрь, июль, август) на крюковых нотах XII в. [Текст] // РГАДА, ф. 381 (Син. тип.). – № 145.

Стих XII – Стихирарь постный и цветной, на крюковых нотах XII в. [Текст] // РГАДА, ф. 381 (Син. тип.). – № 147.
Треф – Трефологий псковский 1445 г. [Текст] // ГИМ. Син. 872.
Триодь – Триодь постная, 1389–1425 гг. [Текст] // РГАДА, ф. 181. – № 760.
Триодь нач. XV – Триодь постная нач. XV в. [Текст] // ГИМ. Усп. 6 – перг.
Уст Иер – Устав Иерусалимский 1409 г. [Текст] // РНБ. Ф.п. 1.25.
Хож и. Д. – Хождение игумена Даниила [Текст] // ПЛДР. – 1980. – С. 114.
Хрон ред. – Хронографическая редакция «Повести о Довмонте» [Текст] // РНБ. Q.1.70.

Литература

- Вздорнов, Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в. [Текст]. – М., 1980.
- Гранстрем, Е.Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей ГПБ. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские [Текст]. – Л., 1953.
- Карский, Е.Ф. Славянская кирилловская палеография [Текст]. – М., 1979.
- Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР [Текст] : в 2 ч. / сост. О.А. Князевская [и др.]. – М., 1988. – Ч. 1. – 122 с. – Ч. 2.
- Кузнецов, П.С. Ответы на анкету «Об образовании восточно-славянских литературных национальных языков» [Текст] // Вопр. языкознания. – 1960. – № 5. – С. 40–41.
- Мещерский, Н.А. Существовал ли «эпистолярный стиль» в Древней Руси? Из заметок о грамотах на бересте [Текст] // Избр. ст. – СПб., 1995. – С. 39–44.
- Обнорский, С.П. Хрестоматия по истории русского языка [Текст] / С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов. – М., 1952. – Ч. 1.
- ПЛДР, 1980 – Памятники литературы Древней Руси: XII в. [Текст] / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва. – М., 1980.
- Прохоров, Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. [Текст] / отв. ред. Д.С. Лихачёв. – Л., 1987.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. [Текст] / С.О. Шмидт (гл. ред.) [и др.]. – М., 1984.
- Столярова, Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. [Текст]. – М., 2000.
- Тихомиров, Н.Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина [Текст] // Зап. Отд. рукоп. ГБЛ. – М., 1962. – Вып. 25. – С. 143–183 ; 1965. – Вып. 27. – С. 93–148 ; 1968. – Вып. 30. – С. 87–156 ; 1972. – Вып. 33. – С. 213–220.
- Успенский, Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка [Текст] : докл. на IX Междунар. съезде славистов (Киев, 1983 г.). – М., 1983.
- Щепкина, М.В. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея [Текст] / М.В. Щепкина [и др.]. – Ч. 1 : Русские рукописи // АЕ за 1964 год. – М., 1965. – С. 135–234.

**«РАССУЖДЕНИЕ О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ» Г.Р. ДЕРЖАВИНА
КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ФОРМИРОВАНИИ КОРПУСА
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Начатое академиком Я.К. Гротом в середине XIX в. источниковедческое рассмотрение нехудожественных работ Г.Р. Державина еще далеко от завершения. Эта часть творческого наследия последнего велика по объему и к настоящему времени не только исчерпывающе не прокомментирована, но и не собрана целиком.

«Рассуждение о лирической поэзии» – завершающий и самый масштабный по замыслу литературоведческий труд Г.Р. Державина, который автор завершил в рукописи, но не успел целиком издать при жизни. Композиционно «Рассуждение...» делится на четыре части. В 1811–1815 гг. в «Чтении в Беседе любителей русского слова» увидели свет первая часть и отрывок из второй части (о лирических жанрах оперы и песни). В обоих академических «Сочинениях Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота» (девятитомном – 1864–1883 гг. и семитомном – 1868–1878 гг.) опубликованные части были воспроизведены и прокомментированы. Третья и четвертая части увидели свет лишь в конце XX столетия благодаря усилиям В.А. Западова: они напечатаны Ленинградским отделением издательства «Наука» соответственно в 15 и 16 сборниках «XVIII век» Пушкинского Дома (1986 г. – с. 246–280, 1989 г. – с. 289–318).

Первые три части «Рассуждения...» посвящены рассмотрению многочисленных лирических жанров, заключительная часть – содержательной (тематической) стороне оды в трактовках различных авторов и ее метрическим особенностям у разных народов (от скандинавских до восточных).

Последняя (четвертая) часть державинского труда станет объектом нашего рассмотрения.

Делая исторический обзор возможного содержания оды, ее композиции, строфики, рифмы и размера, Г.Р. Державин использует большое число специальных слов, среди которых первое место по частотности и количественным показателям занимают прилагательные характеризующего (классифицирующего) типа. В основной массе они относятся к разряду качественных, однако встречаются группы относительных (например, образованные от имен известных авторов: *пиндарическая*, *гораццианская*, *анакреонтическая оды* и подобные). Прилагательные в заключительной части «Рассуждения...» Державина интересны прежде всего с точки зрения их терминологического статуса.

Труд Г.Р. Державина, во многом обобщающий теоретико-литературные работы М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, А.Д. Байбакова и со-

державский собственный осмысление различных переводных (в основном немецких и французских) поэтических теорий, делает попытку заложить основы отечественной терминологической системы в области литературоведения. Узко специальное использование отдельных прилагательных по-этом носило характер их семантической неологизации. Представляется важным рассмотреть семантические сдвиги прилагательных в державинском тексте и отметить случаи их закрепления в русском языке и укоренения в терминологическом словаре российского литературоведения.

Вслед за французскими и немецкими эстетиками Г.Р. Державин выделяет следующие тематические разновидности жанра оды (нас интересуют исключительно их словесные определения, а не стройность классификации): *духовная, героическая, философическая, общежительная, размыслительная, фантазическая, чувственная, смешанная, переключная*. Применительно к каждому определению он приводит синонимы, выделяет поджанры, дает толкования и уточнения – таким образом возникает целый авторский терминологический куст. В такой системе мы и будем их рассматривать.

Прилагательное *духовный* применительно к литературному сочинению не фиксируется толковыми словарями вплоть до XX в. (само слово отмечено у Срезневского [Срезневский 1989, 1: 747], в трех Словарях Академии Российской и др.). Большой академический словарь русского языка (далее – БАС III), отмечая значение «связанный с религией, церковью (противоп. светский)», указывает оттенок – «написанный, сочиненный на религиозную тему, библейский сюжет» [БАС III 2004, 5: 450]. Разумеется, дифференциация семантики, связанная с реальным употреблением прилагательного *духовный*, включала на протяжении XIX в. значение, реализуемое в сочетаниях *духовные песнопения, духовные стихи* и подобное, но самостоятельного характера не носила и входила в более общие значения. Терминологический статус этим словом получен лишь в XX в.

Применительно к данному типу оды Г.Р. Державин использует в основном прилагательные в традиционных для его времени значениях, без неологизации: «Все же таковые понятия изъявляет [поэт] *простым, чистым, сокрушенным* (курсив здесь и далее наш. – Д.Р.) сердцем или *пламенным* восторгом, даже иногда как бы во исступлении, из *бренной* плоти исторгаясь, воскрыляется душой в лик ангелов» [Державин 1989: 291; здесь и далее при цитировании четвертой части «Рассуждения о лирической поэзии» указывается страница по изданию Г.Р. Державина, приведенному в списке источников]. «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского в основном фиксируют подобную семантику: *простой* – «свободный; простой, понятный» [Срезневский 1989, 2: 1582], *чистый* – «ясный; прямой, откровенный; неоскверненный» [там же, 3: 1532], *сокрушенный* – «опечаленный (сокрушенное сердце, мысль)» [там же, 3: 726], *бренный* – «бренный, смертный» [там же, 1: 185]. Прилагательное *пламенный*, по «Материалам» Срезневского, имеет значение «огненный»

[там же, 2: 185], однако «Словарь русского языка XI–XVII вв.» дает и переносное значение, известное к XVIII в. – «пылкий, страстный» [СлРЯ XI–XVII 1975, 15: 72].

Духовную оду Г.Р. Державин называет также *богочтимельной* [292]. Прилагательное не приобрело терминологического характера и употреблено с обычной для XVIII в. семантикой «чтущий бога» (у Срезневского в этом значении зафиксированы 3 слова: *богочтимый*, *богочтец* и *богочтица*) [Срезневский 1989, 1: 137].

«В *героической оде*, – пишет Державин, – восхищенный лирик удивляется или сорадуется душевным или телесным качествам прославляемого им героя или героини; одобряет и хвалит их заслуги, поощряя и впредь к добродетелям; превозносит великодушие, мужество и благость в действиях, смелость и благоразумие в предприятиях» [292]. Прилагательное *героический* (русское соответствие французскому *héroïque* или немецкому *heroisch*), по данным «Словаря русского языка XVIII в.», присутствует в письменных текстах с 1694 г. в формах *ироический*, *ероический*, *героический*. На протяжении XVIII в. у него сложилось терминологическое литературоведческое значение «повествующий о героях и их подвигах» [СлРЯ XVIII 1984, 5: 108]. Г.Р. Державин использовал уже сформировавшееся значение и своей работой поддержал терминологический статус данной семантики, которая в современном русском языке сохраняется: «Связанный с изображением героя, героев, их подвигов в произведениях литературы и искусства. // Повествующий о подвигах героев древности» [БАС III 2004, 4: 94]. Терминологическая сочетаемость, представленная в «Литературной энциклопедии», такова: *героический эпос*, *героические сказания*, *героическое стихотворение*, *героическая ода*, *героический характер*, *героический портрет* [Лит. энцикл. 1964–1978, 1: 144–145].

«В *философической оде* плененный стихотворец красотой добродетели или пораженный гнусностью порока изъявляет благорасположение свое к первой и отвращение от другой» [294]. Согласно И.И. Срезневскому *философствовать* – «размышлять», *философский* – «1. Разумный, мудрый. 2. Богословский. 3. Свойственный философу. 4. Ораторский» [Срезневский 1989, 3: 1355]. Г.Р. Державин использует как терминологическое одно из общеязыковых значений прилагательного. Аналогичное его использование наблюдается и в наши дни: терминологического литературоведческого (или эстетического) характера ни одно значение не приобрело. Форма *философический* существовала в течение всего XIX в. наряду с *философский*; в конце века устарела (Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (далее – МАС) отмечает ее в произведениях М. Горького, Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова приводит как архаическую).

«*Общежительные* оды могут быть различного содержания: *веселые*, *роскошные*, *задумчивые* и *печальные*. – В них стихотворец, роскошествуя в лоне удовольствий, воспекает младость, радость, пиры, игры и смехи, как Анакреон; или, утопая в пучине горести, оплакивает, как Юнг, потерю

своих родных и прочее» [295]. Прилагательное *общежительный*, с терминологическим значением «отражающий разные стороны повседневной жизни, быта, обихода», является семантическим неологизмом Державина. У И.И. Срезневского зафиксировано только церковное значение «общежительный монастырь» [Срезневский 1989, 2: 579]. Первый и Второй академические словари этого слова не приводят, в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. прилагательное *общежительный* дано с отсылкой к *общежитию* («относящийся к общежитию»), которое в свою очередь трактуется как «общественная жизнь» [Словарь 1847, 3: 38]. Являясь калькой с французского, *общежительный* у Г.Р. Державина акцентирует не сему «совместности жизни», а сему «повседневности жизни», т.е. включения в произведение событий обычной жизни любого человека. С актуализацией этой семы слово *общежитие*, по данным БАСа III, использовал В.А. Жуковский [БАС III 2004, 13: 395]. Очевидно, что терминологическое значение за прилагательным не закрепилось, к XX в. оно устарело во всех значениях.

В качестве характеристик общежительной оды Державин использует прилагательные с традиционными значениями, отмеченными позднее И.И. Срезневским в памятниках русской письменности: *веселый*, *роскошный* (у Срезневского отмечено существительное *роскошница* – любительница роскоши) [Срезневский 1989, 3: 166], *печальный* (Срезневский отмечает 5 значений этого прилагательного [там же, 2: 924]). Исключение составляет только прилагательное *задумчивый* – неологизм XVIII в. По замечанию В.В. Виноградова, это слово «возникло в русском литературном языке в XVIII в. и было связано с его простым и средним стилями. <...> Прилагательное *задумчивый* ...стало в 10–30-х гг. XIX столетия излюбленным словом так называемой романтической литературы. Экспрессия этого слова сгустилась, его смысловый вес увеличился. В нем выступили новые оттенки: мечтательный, отличающийся глубокой сосредоточенностью, молчаливо-замкнутый в себе (и несколько загадочный). Слово *задумчивый* стало применяться как эпитет к очам, глазам, голове, лицу и т.д.» [Виноградов 1999: 186–187].

Первоначальное значение – «предающийся думам, погруженный в себя, в собственные переживания», которое мы и встречаем у Г.Р. Державина, сохранилось в языке как первично номинативное, но терминологического статуса не приобрело.

Немецкий эквивалент определения *общежительный* применительно к оде дал поэту возможность использовать кальку *смешанный*: «Ода *смешанная* – та же самая и общежительная, о коей говорилось выше. <...> в ней одной стихотворец может говорить обо всем. Похваляя героя, прославлять бога; описывая природу, проповедовать нравоучение и проч.» [302]. Прилагательное *смешанный* образовано от глагола *смешать*, который задолго до XVIII в. обозначал не только «процесс смешивания», т.е. некий физический акт, но и вообще «соединение разнородных элементов»

(см.: [Срезневский 1989, 3: 768]). Литературоведческая терминологизация в языке не прижилась, однако применительно к творчеству самого Г.Р. Державина определение *смешанная ода* является весьма частотным в современной филологической науке. Как оригинальное и едва ли не единичное явление в истории нашей литературы ода Державина, построенная на смешении лексики всех «штилей» и нарушающая каноны классицизма, получила собственное именование, данное самим автором.

Прилагательное *размыслительный* Гаврила Романович переводит с немецкого оригинала Зюльцера и Гецеля, поясняя, что «она есть та же самая, что и философическая, или *моральная*; но поелику сии эстетики ничего не говорят о духовной, всеми филологами принимаемой, то и нужно кажется допустить в нее не токмо философические, но и *богословские* мысли» [296–297]. У Срезневского прилагательное *размыслительный* не отмечено (имеется слово *размысливый* – «способный размышлять»), но производящий глагол с соответствующим значением зафиксирован: *размыслити* – «обдумать, рассудить» [Срезневский 1989, 3: 47]. Форма *размыслительный* приводится «Словарем русского языка XI–XVII вв.» в единственном контексте конца XVII в. (также переводного характера) со значением «мыслительный, относящийся к размышлению» [СлРЯ XI–XVII, 21: 222]. У В.И. Даля отмечено слово *размысливый* в сочетании *размысливая голова* – «умный, смекалистый человек» [Даль 1994, 3: 1533]. Прилагательное языком не сохранено, существует как потенциальное слово, терминологических свойств не реализовало.

Прилагательное *моральный* – французское заимствование XVIII в., против которого активно выступал А.С. Шишков. У Державина оно используется со значением «проповедующий правила нравственности, наставительный, нравоучительный». Слово *моральный* в теории литературы не стало термином, зато в последующую эпоху от исходного корня образовались прилагательные, занявшие терминологическую нишу в литературоведении и эстетике – *моралистический* и *морализаторский*. Прилагательное *моралистический* впервые зафиксировано в «Словаре современного русского литературного языка» (далее – БАС I) и воспроизведено в БАС III с семантикой «относящийся к морализму, моралистам, связанный с ними; нравоучительный, назидательный» [БАС III 2004, 10: 395]. *Морализаторский*, как указывает БАС III, впервые отмечено в «Новых словах и значениях 1984» и имеет семантику «содержащий проповедь строгой морали; поучающий» [там же, 10: 394]. Оба прилагательных активно сочетаются со словами *литература*, *произведение*, *критика* (см. контексты названного выше словаря). Кроме них, XX в. дал от того же корня слово *моралистика*, активно развивающее второе значение – «совокупность нравоучительной литературы», словарями пока не зафиксированное, но активно употребляющееся в специальных текстах литературоведческого и литературно-критического характера.

Слово *богословский*, представляющее собой древнюю церковнославянскую кальку с греческого оригинала, бытовало в языке, по данным Срезневского, начиная с Изборника 1076 г. [Срезневский 1989, 1: 136] как сложное слово со значением объединенных корней – «говорящий слова о Боге». «Словарь русского языка XI–XVII вв.» отмечает семантику «относящийся к богословию» в контекстах 1670 г. [СлРЯ XI–XVII, 1: 267]. Г.Р. Державин использует прилагательное в традиционном для его времени значении, которое сохраняется в русском языке и ныне: «связанный с церковным учением о Боге и догматах религий» [БАС III 2004, 2: 88]. Прилагательное развило терминологические потенции: *богословские книги*, *богословская литература*, *богословская проблематика*.

«Фантастическая ода, – считает Г.Р. Державин, – описывает природу» [298]. В другом месте своего трактата поэт графически видоизменяет прилагательное – *фантастическая* и поясняет, что эта ода именуется также *вообразительной* или *описательной* [290]. Прилагательное *фантастический* (*фантастический*) – заимствование из немецкого (из упоминавшихся работ по эстетике Зюльцера и Гецеля), прилагательное *вообразительный* – перевод этого немецкого слова, имеющего греческий по происхождению корень *phantas-*.

Слово *фантастический* с течением времени расширило свою семантику, включив не только значение «отражающий игру воображения, причудливый, удивительный», но и «не существующий в действительности», «несбыточный, неосуществимый» [МАС 1999, 4: 552]. В терминологическом поле литературоведения употребляются жанровые определения *фантастический роман*, *фантастический сюжет* и подобные; из греческого (возможно, с учетом названного прилагательного) позднее переведено слово *фантастика* с терминологическим значением «литературное произведение, описывающее вымышленные, сверхъестественные события, явления» [там же].

Прилагательное *вообразительный* – неологизм XVIII в., отмеченный «Словарем русского языка XVIII в.» в текстах Н. Карамзина, А. Радищева, публикациях «Московского журнала» 1790-х гг. Мотивирующий глагол *вообразить* («придать образ, изобразить») зафиксирован И.И. Срезневским [Срезневский 1989, 1: 393]. В XVIII в. прилагательное имело два значения: «1. Могущий быть представлен в мысли. 2. Основанный на воображении, фантазии; воображаемый, не существующий в действительности» [СлРЯ XVIII, 4: 61]. Кроме того, отмечается устойчивое сочетание *вообразительная сила*, употреблявшееся в контекстах эстетического характера со значением «творческое воображение, сила творчества» [там же]. Слово в языке не прижилось. Академическим словарем 1847 г. оно еще зафиксировано со значением «способствующий к воображению» [Словарь 1847, 1: 137], но в более поздних толковых словарях отсутствует.

«Чувственная ода изливает нежные, трогательные чувства» [299]. Прилагательное *чувственный* фиксируется И.И. Срезневским в трех значениях, одно из которых соответствует контексту – «удовлетворяющий чув-

ства» [Срезневский 1989, 3: 1546]. Слово функционирует в языке до настоящего времени, терминологического значения не имеет. Для объяснения содержания этого типа оды Державин соединяет два новообразования XVIII в.: исконно русское *нежный* (от церковнославянского *нега*), известное с 1730-х гг., и семантическую кальку с французского второй половины столетия – *трогательный*.

Последний тематический тип оды Державин называет *перекличной*, или *амбеической*: «...поэт, представляя два лица, заставляет их перекликаться, спорить или говорить между собою...» [299]. Прилагательное *перекличный* зафиксировано в Академическом словаре 1847 г. с семантикой «1. Относящийся к перекличке. 2. Попеременно возглашаемый. *Перекличное пение двух хоров*» [Словарь 1847, 3: 184]. В.И. Даль приводит в статье *перекличка* словосочетание *перекличная пора* без уточнения значения [Даль 1994, 3: 141]. Литературоведческое значение «написанный в форме диалога, разговора и под.» за словом не закрепилось. К концу XIX в. прилагательное вышло из употребления: толковые словари XX столетия его уже не фиксируют (Д.Н. Ушаков, МАС, БАС).

Прилагательное *амбеический*, заимствованное Г.Р. Державиным из трудов немецких авторов, представляет собой образование от латинского корня *ambo-*, восходящего к греческому *amphi-*, означающему «вокруг, с обеих сторон» (отсюда же – *амбивалентный*), т.е. это прилагательное буквально подчеркивает двоичный характер, двойственность формы, выражающей содержание оды. Это заимствование не сохранено русским языком. Вероятнее всего, оно изначально носило авторский, окказиональный характер («Словарем русского языка XVIII в.» данное слово не зафиксировано). В литературоведческой терминологии функционирует другое заимствованное прилагательное – *диалогичный* и существительное *диалог* как обозначение жанра (*диалоги Платона* и под.).

Значительное количество прилагательных Державин использует при характеристике «школярского разделения» од (под таким делением он понимает «преподаваемые господами учеными» студентам различных учебных заведений классификации видов лирической поэзии). В этом разделе трактата присутствуют только гречизмы: *генетлиатический* (точнее – *генетлиаческий*) – на день рождения, *эпиталамический* – на бракосочетание, *апобатерический* – на отъезд, *эпибатерический* – на возвращение, *сотерический* – на выздоровление и под. Г.Р. Державин отвергает подобную типологию из-за ее безграничности. В основном тексте трактата он эмоционально восклицает: «Вот нелепица!» [304]. В замечаниях на полях остались такие его слова: «...удивительны мне кажутся те господа ученые, которые каждому случаю, или происшествию, чают особые оды <...> ...греки имели на многие случаи оды или песни, но это не то, чтоб в них заводить правила... на всякие происшествия, которые суть бесчисленны...» [315–316]. Все приведенные в «школярском разделении» заимствованные прилагательные остались исключительно в ученых трудах XVIII в.

(см., например: «Правила пиитические...» А.Д. Байбакова, «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» В.К. Тредиаковского).

Сам Г.Р. Державин предлагает классификацию лирических произведений по именам создателей новых жанров и литературных традиций: «Таким образом распознаются зодчие и ваятели по их характерам, привычкам и вкусам, – то, для чего бы, кажется, не различить и не распределить и лирических поэм по именам их славных мастеров, не говоря о их содержаниях... Например, оставя духовные неприкосновенными, для чего бы не назвать героической, или похвальной оды – *пндарической*? философической, или размыслительной – *гораццианскою*? страстной, или пламеннолюбовной – *сафической*? роскошной, или веселошутливой – *анакреонтической*? меланхолической, или военноунылой – *оссиянскою*? – применяясь к почерку, или вкусу их...» [305].

Из данной группы прилагательных определенная часть вошла в русский язык и терминологию литературоведения:

анакреонтический – «воспевающий земные радости» [БАС III 2004, 1: 188]; неологизм XVIII в., впервые лексикографически зафиксирован в 1-й части «Нового словотолкователя...» Н. Яновского 1803 г. По данным «Словаря русского языка XVIII в.», первые переводы французского *anacreontique* встречаются у Державина и Востокова в специальных литературоведческих контекстах [СлРЯ XVIII, 1: 64]. Прилагательное получило широкое распространение после издания в 1804 г. сборника стихотворений Г.Р. Державина «Анакреонтические песни»; сочетаемость – *песни, оды, стихи, лирика*;

сафический (*сапфический*) – в сочетании *сапфическая строфа* – «в античной лирике и ее имитациях строфа из трех 11-сложных и 5-сложного стихов логэдического строения» [БЭС 1997: 1061]; неологизм XVIII в., является узкоупотребительным литературоведческим термином, толкуется в специальных и энциклопедических словарях.

Прочие прилагательные лексикографически не зафиксированы, – следовательно, не имеют устоявшегося узуального статуса, представляя собой частные отантропонимные производные с элементарным значением «относящийся к ...». Исключение составляет прилагательное *гораццианский*, которому свойствен терминологический потенциал в двух семантических направлениях: 1) «переведенный из Горация, написанный в подражание Горацию» (это значительная и представительная литературная традиция России), 2) «элегический, исполненный размышлений, рефлексирующий» (отсюда существительное *гораццианство*, активно используемое в литературоведении с 1980-х гг.). Видимо, это слово целесообразно включать в массовые и специальные лексикографические издания.

В «Словаре русского языка XVIII в.» (это единственная фиксация) прилагательное *гораццианский* приведено как специальное литературное в устойчивом сочетании *гораццианская строфа* (разновидность стихотворной строфы, имеющей четыре дактилические рифмы) с иллюстрациями из Тредиаковского и Байбакова [СлРЯ XVIII, 5: 166].

Трактат Г.Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии» в языковом отношении является весьма показательным документом 1810-х гг. Делая попытку обобщить опыт XVIII в. (в области заимствования, перевода и создания собственных литературных терминов и характеристик), он стоит у самого начала современного метаязыка литературоведения и эстетики. В Предисловии к Академическому словарю 1847 г. о Державине сказано: «...он не мог, подобно Карамзину, ... действовать успешно на стихотворный слог и привести в единство разобщенный способ изложения других поэтов» [Словарь 1847, 1: VI]. Это справедливо и для его теоретических работ. Тем не менее, они представляют интерес как важнейшее звено связи эпохи накопления научного опыта (XVIII в.) с периодом его разумного приумножения (вторая половина XIX в.).

Источники и словари

БАС I – Словарь современного русского литературного языка [Текст] : в 17 т. – М. ; Л., 1948–1965.

БАС III – Большой академический словарь русского языка [Текст]. – М. ; СПб., 2004–... (издание продолжается).

БЭС – Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1997.

Виноградов, В.В. История слов [Текст]. – М., 1999.

Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – Репр. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. – М., 1994.

Державин, Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Ч. 4 [Текст] / публ. В.А. Западова // XVIII век : сб. 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Л., 1989. – С. 290–318.

Литературная энциклопедия [Текст] : в 9 т. – М., 1964–1978.

МАС – Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 4-е. – М., 1999.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–... (издание продолжается).

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. [Текст]. – Л. ; СПб., 1984–... (издание продолжается).

Словарь 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук [Текст] : в 4 т. – СПб., 1847.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст] : в 4 т. – Репр. воспроизведение изд. 1893–1912 гг. – М., 1989.

Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935–1940.

В.В. Ротарь
(Лампетер, Великобритания)

ОТСУБСТАНТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ РУБЕЖА XVII–XVIII ВЕКОВ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Петровская эпоха – значимый период в истории русского языка. Создание национальной формы языка сопровождалось известными изменениями на всех уровнях языковой системы. Словарный состав русского языка в начале XVIII в. в значительной степени пополнился иноязычными словами, исследовать которые представляется весьма продуктивным на материале пяти текстов путевых записок: П.А. Толстого, Б.П. Шереметева, Б.И. Куракина, А.А. Матвеева и «Неизвестной особы».

Одним из признаков освоенности нового заимствованного слова в языке считается наличие дериватов, выражающих необходимые словообразовательные значения. В данной статье будут рассмотрены примеры использования для этого наиболее продуктивных средств русского языка Петровской эпохи.

Вследствие быстрого проникновения иноязычных элементов в русский язык подавляющее большинство новых слов приобрели категориальное значение предметности, наиболее четко отвечавшее в то время потребностям языка – обозначать новые явления окружающей действительности посредством номинации. Этому способствовала общность грамматических систем русского и западноевропейских языков, в которых имя существительное служит главным средством выражения мысли. Однако, как известно, дальнейшее освоение иноязычных слов в принимающем языке в значительной степени зависит от способности новых единиц характеризовать объективную реальность с разных сторон, в частности – обозначать *признаки* новых реалий. Таким образом, объектом нашего исследования будет группа *имен прилагательных*, образованных от основ иноязычных единиц при помощи морфем русского языка.

С учетом значения новых заимствований, количества дериватов, построенных по той или иной словообразовательной модели, а также характера их связи с определяемым словом, представляется возможным выделить четыре основных типа отсубстантивных дериватов, представленных в текстах путевых записок.

I группа. Для образования имен прилагательных от основ иноязычных названий лиц, выражающих значение принадлежности, в текстах путевых записок используются суффиксы *-ск-*, *-ов-* и (редко) *-ин-*. Существенная разница в количественном отношении может говорить как о повышении продуктивности суффикса *-ск-*, так и о стремлении к оформлению единиц, близких по лексико-грамматическому значению, по единому образцу. Так, в словаре польского языка представлен следующий перевод

прилагательного *kanclerski* – канцлерский, канцлеров [Потоцкий 1909: 231].

Во всех рассматриваемых текстах имеется 9 случаев образования прилагательных с суффиксом *-ов-*, причем их значение выражает единичную принадлежность, «усвоение ближайшее, относящееся к одному известному лицу» [Матвеев 1972]. Это явление типично для «Путешествия...» П.А. Толстого, где автор многократно повествует о *конкретных* лицах, упоминавшихся ранее: «пошел со мною провожать меня до двора *губернаторова*»; «несут 4 человека *вицеровеву* жену в порчшезе»; «В том замке живет коштелян <...>. Ис того костела зделана вверх в *коштеляновы* полаты лесница круглая» [Толстой 1697: 122, 129, 182].

Суффикс *-ск-* послужил средством образования 47 прилагательных со значением принадлежности. Несмотря на наличие вариантов, отражающих применение этой морфемы для единиц с семантикой индивидуального обладания («*адмираловы* люди»/«*адмиралские* люди» [Толстой 1697: 73]), большинство прилагательных характеризуют групповую принадлежность. Более того, в контексте, не предполагающем упоминания отдельных лиц, такие новообразования имеют тенденцию к выражению относительного значения при определении понятий, связанных с осуществлением профессиональной деятельности людей. К последним относятся, во-первых, наименования единиц недвижимого владения: «дом <...> *адмиралтейской*» [Куракин 1890: 134], «дворов <...> нет, кроме *генералскаго* и *салдацких*», «владение *папешское*», «*корчма желнерская*» [Толстой 1699: 69, 188, 36]; во-вторых, средств транспорта: «в большом *ланкучском* фурмане», «*фурманских* подвод» [Россия и Запад 2000, I: 152]; в-третьих, предметов одежды: «в *абатском* платье» [Куракин 1890, 1: 188], «шапок *епископских*» [Толстой 1697: 169] (ср. для последней группы тенденцию к образованию устойчивого сочетания: *Insula* – *âiëñêiïñêà# øàïêà* [Копиевский 1700: 97]); в-четвертых, чинов и должностей: «*фельдмаршальскаго* чину», «места *адвокацкия*» [Матвеев 1972: 193, 204]; наконец, понятий, относящихся к профессиональной деятельности лиц: «анатомия *дохтурская*» [Куракин 1890: 154], «по разсуждению *дохтурскому*», «*аптекарские* питья» [Толстой 1697: 138, 179].

Принадлежность прилагательных рассматриваемой группы к разряду относительных прослеживается и в случаях, где значение прилагательного совмещает указания на родовую принадлежность человека и на их должность: «человек <...> *сенаторскаго* роду» [Толстой 1697: 208], «наших персон министерских и *офицерских*», «*принцеской фамилии*» [Куракин 1890: 104, 179].

Наконец, следует отметить, что высокая частотность использования прилагательных с суффиксом *-ск-* может быть объяснена прямым заимствованием совпадающих по структуре единиц из польского языка, нередко сопровождающихся переводом: «по обыкновению *капланскому*, то есть

священническому», «кляштор *поненской*, то есть девической», «дом *гетманской*» [Толстой 1697: 124, 20, 15]. В польско-русском словаре XVIII в. представлены перечисленные примеры, что говорит о высокой степени их употребительности в языке Петровской эпохи: *kapłanski* – поповский; *hetmanski* [Кондратович 1775: 43, 37]; *klasztor panieński* – девичий монастырь [Потоцкий 1909: 423]).

II группа. Ряд относительных прилагательных, образованных от основ иноязычного происхождения, используются как средство построения атрибутивных словосочетаний, называющих предмет и изделие, из которого оно изготовлено. Необходимость их использования продиктована содержанием произведений, важную роль в котором играет описание предметов материальной культуры. Из всех исследуемых текстов «Путешествие...» П.А. Толстого содержит наибольшее количество подобных единиц (20 наименований). Это названия тканей: «рукавицы <...> *отласные*», «солношник *аксамитной*», «в стихаре <...> *миткалинном*» [Толстой 1697: 83, 62, 14]; материалов строительства: «печи <...> *кафлевые*», «камины <...> *гипсовые*», «комины *алебастровые*» [Толстой 1697: 83, 27]; драгоценных камней: «множество клейнодов <...> *яхонтовых* и *изумрудных*» [Толстой 1697: 30]. Выделение таких образований в отдельную группу иллюстрирует словообразовательную продуктивность суффиксов *-н-* и *-ов-* по отношению к иноязычным словам, что имело место в древнерусском языке (ср.: *àêñàìèòíûè*) [Срезневский 1985, 1: ст. 13]. Также следует указать, что, несмотря на освоенность, иноязычное происхождение и соответствующее авторское восприятие этих лексем отражено в наличии вариантов («столп *мраморной*»/«столп *мраморовой*») [Толстой 1697: 40, 88], а также в их использовании в функции пояснения: [картин] «*парцелиновых*, или *фарфоровых*» [Матвеев 1972: 235].

III группа. В текстах имеются образованные от иноязычных основ прилагательные, обнаруживающие тенденцию к формированию тесной семантической связи с определяемыми существительными. Возможность построения устойчивых сочетаний, воспроизводимых в рассматриваемых текстах, а также в лексикографической практике, обусловлена потребностью точности дефиниции поясняемых с их помощью понятий: «книги архитектурные <...>, *домовные* и *фанталные*» [Толстой 1697: 223], «художеств <...> *геометрическаго* и *перспективнаго*» [Матвеев 1972: 222]. Значимыми элементами в структуре прилагательных этого типа являются суффиксы русского языка *-н-* и *-ск-*, общая семантическая функция которых при образовании от иноязычных основ прилагательных послужила причиной неустойчивости их формы при единстве значения, необходимого для наименования термина науки: «карты *козмографические*»/«*космографичные*» [Толстой 1697: 111, 223]; «вещей *математичных*»/«*математицких* наук» [Толстой 1697: 240, 35]; «с инструментами *математическими*» [Записки 1982: 176]; «*поэтичными* виршами»/«на виршах *поэтических*»

[Куракин 1890: 202]. Отметим, что в «Путешествии...» П.А. Толстого совпадение значения вариантов возможно объяснить влиянием со стороны польских форм *geograficzny, kosmograficzny, matematyczny* [Потоцкий 1909: 179, 251, 291].

Таким образом, прослеживается активизация процесса образования терминированных сочетаний, функция которых в языке нового времени – конкретизация значения понятий какой-либо специальной области знания. В то же время расчлененный характер терминов говорит о недостаточно разработанном состоянии терминологической системы русского языка Петровской эпохи для принятия однословных наименований. В качестве примеров можно привести сочетания, имеющие отношение к сфере управления: «над *галерными* делами» [Матвеев 1972: 171], «*ординарный* <...> совет» [Записка 2000, I: 134].

Нужно также отметить прямые заимствования прилагательных из польского языка для наименования понятий польской армии: «гетман *карунной*» [Куракин 1890: 174], «*панцлерной* хорогви», «*гусарская* хоролгва» [Толстой 1697: 23, 21] (пол. *koronny* – коронный; *pancerny* – одетый в броню; *husarski* – гусарский [Потоцкий 1909: 250, 422, 217]), а также для названий сферы религии католичества: «*катедральной* костел» [Куракин 1890: 110], «собрания *синодального*» [Матвеев 1972: 212] (пол. *katedralny, synodalny* [Потоцкий 1909: 234, 597]).

Наконец, следует указать на продуктивность в текстах путевых записок устойчивых сочетаний терминологического характера, в структуре которых прилагательное называет видовое понятие явления, род которого обозначен главным словом (существительным). Такой способ наименования, известный русскому языку с давних времен, нашел выражение и в Петровскую эпоху в использовании дериватов иноязычного происхождения. В лексикографии, как правило, такие термины приводятся в виде сочетания двух слов, что позволяет считать их терминированными даже при отсутствии специальных помет. Также можно относить такие единицы к узкой области науки при наличии подобного способа их оформления в других языках. Например, в тексте П.А. Толстого часто встречаются следующие термины растениеводства: «*лимонные* деревья», «дерев *лимоновых, помаранцовых*» [Толстой 1697: 40, 46] (ср. перевод данного примера в словаре XVIII в.: «*Лимонное дерево*, лат. *Malus limonia*, нем. *Citronenbaum*, англ. *Lemon-tree*»; «*Помаранцовое дерево*, лат. *Malus aurantia*, нем. *Pomeranzenbaum*, англ. *Orange-tree*» [Полетика 1763: 44–45]), «дерев *аливных*», «*арехов миндалных, мушкатных орехов*» [Толстой 1697: 74, 113, 60].

IV группа. Ограниченное использование образных средств в произведениях путевой литературы предопределило сравнительно узкий круг качественных имен прилагательных иноязычного происхождения. Показательно, что заимствованиям из польского языка свойственно приобретать новые оттенки значения на страницах исследуемых путевых дневников:

«натуральные удивительные вещи» [Толстой 1697: 105] (пол. *naturalny* – естественный [Потоцкий 1909: 337]; ср.: *Натуральный* – природный [Лексикон 1910: 374]); «работа <...> *субтелная*» [Толстой 1697: 231] (пол. *subtelny* – нежный [Потоцкий 1909]; ср.: *Суптелный* – тонкий, тонченный [Словарь 1889: 87]); «народ <...> побожен, *политичен*» [Толстой 1697: 233] (пол. *politiczny* – вежливый [Потоцкий 1909: 483]; ср.: *Политичный* – хитрый, расчетливый, ловкий [Дубровский 1914: 528]); «фантаны зело *штучковатые*», «штучными работами» [Толстой 1697: 197, 146] (пол. *sztuczny*, искусный [Потоцкий 1909: 609]).

В ряде случаев, однако, наблюдается переход качественных прилагательных польского языка в разряд относительных при использовании их в словосочетаниях, выполняющих функцию описательного наименования понятия: «взял *доскональную* ведомость», «*артифициальными* огнями», «замак <...> *регулярной* и квадратовой» [Толстой 1697: 241, 107, 125], «астерии *принципальныя*», «*триумфальныя* езды» [Куракин 1890: 156, 168] (пол. *doskonały* – совершенный; *artycjonalny* – искусственный; *regularny* – правильный *pryncypalny* – главный; *tryumfalny* – торжественный).

Таким образом, следует заключить, что процесс адаптации заимствованной лексики на словообразовательном уровне демонстрирует определенную закономерность в текстах путевой литературы Петровской эпохи. Основная тенденция образования дериватов отражает продуктивность тех средств и моделей, которые использовались в русском языке древнего периода. Применение их на новом материале в общей сложности характеризует магистральную линию развития русской лексики XVIII в. – поиск средств для наиболее адекватного выражения мысли.

Источники и словари

Дубровский, Н.А. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней [Текст]. – М., 1914.

Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства (1697–1699) [Текст] // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. – М., 2000. – Вып. I.

Записки неизвестной особы о путешествии по Германии, Голландии и Италии [Текст] // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. – М., 1988.

Кондратович, К.А. Польский общий словарь и библейный с польскою, латинскою и российскою новоисправленною библиями смечиван [Текст]. – СПб., 1775.

Копиевский, И.Ф. Номенклатор на русском, латинском и немецком языке [Текст]. – Амстердам, 1700.

Куракин, Б.И. Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина 1705–1710 [Текст] // Архив князя Ф.А. Куракина. – СПб., 1890. – Т. 1.

Лексикон вокабулам новым по алфавиту [Текст] // Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху / Н.А. Смирнов. – СПб., 1910.

Матвеев, А.А. Архив, или Статейный список, Московскаго посольства, бывшаго во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября 5 день [Текст] // Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева). – Л., 1972.

Павский, Г. Филологические наблюдения над составом русского языка [Текст]. – СПб., 1850.

Полетика, Г.А. Словарь на шести языках – российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданный в пользу учащагося российского юношества [Текст]. – СПб., 1763.

Потоцкий, Ф.А. Словарь польского и русского языка, составленный по новейшим и лучшим источникам [Текст]. – Лейпциг, 1909. – Т. 1.

Словарь книжной малорусской речи рукописи XVII в. [Текст] // Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. / П. Житецкий. – Киев, 1889.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст]. – М., 1985. – Т. 1–3.

Толстой, П.А. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 гг. [Текст]. – М., 1992.

О.А. Старовойтова
(Санкт-Петербург)

«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА» И ПРОБЛЕМА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ¹

Окказиональная лексика традиционно является предметом пристального изучения лексикологии, словообразования, стилистики, лингвистики текста. Ограниченный характер ее употребления, нахождение на периферии языка, как правило, выводят данное явление из сферы лексикографии (вопрос о создании словаря окказионализмов был поставлен в 50-е гг. XX в. [Фельдман 1957], однако до сих пор такое специализированное издание не осуществлено. Некоторые лексические окказионализмы собраны А.И. Солженицыным [Солженицын 1990], известны словари окказионализмов отдельных авторов [например: Валавин 2010]). Создание нового словаря, о котором пойдет речь в настоящей публикации, как нам кажется, предполагает серьезный научный подход и учет разнообразных аспектов проблемы окказиональной лексики в системе русского языка.

В цепи существующих исторических словарей, описывающих развитие словарного состава русского языка от первых письменных памятников до настоящего времени, долгое время оставалась незаполненной ниша, охватывающая важнейший период развития русского литературного языка, – XIX в. Эту нишу предстоит заполнить «Словарю русского языка XIX века» –

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №11-04-0056а «Формирование дифференциального словника "Словаря русского языка XIX в."».

данный исследовательский проект реализуется коллективом группы «Историческая лексикология и лексикография» Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург). Десятилетие работы над словарем показало, что объективно значимые результаты по формированию словника будущего словаря могут появиться только с учетом и систематизацией уже существующих научных фактов, а также при исследовании новых материалов с применением современных технологий словарной работы.

Поскольку «Словарь русского языка XIX века» по своему характеру является историческим словарем, одним из принципов его создания провозглашается необходимость «интерпретировать факты речи, фиксируемые текстами XIX в.» [Словарь 2002: 36]. Именно исторический словарь должен преодолевать ригоризм нормативного словаря, отказывающегося от многих лексических явлений, в частности лексических новообразований, а в основу его концепции должен быть положен принцип отсутствия «резкого ограничения узувального от окказионального» [Сорокин 1977: 13]. Таким образом, общая установка на широкое представление окказиональной лексики в составе словника очевидна.

Отмечая разницу между русским каноническим и окказиональным словом, А.Г. Лыков выделил девять признаков [Лыков 1976: 11–35]. Продолжая разработку данной проблемы, Н.Г. Бабенко, например, выбирает из них те, которые ей представляются самыми характерными: а) принадлежность к речи; б) функциональная одноразовость; в) творимость; г) экспрессивность; д) синхронно-диахронная диффузность; е) индивидуальная принадлежность [Бабенко 1997]. Что касается отбора подобных единиц и необходимости лексикографического описания некоторых из них в рассматриваемом словаре, то одним из важнейших критериев является признак словообразовательной производности. Продемонстрируем это на нескольких примерах.

Словари современного русского языка включают глагол *обайбачиться* в значении ‘стать байбаком, неповоротливым, ленивым человеком; облениться’ [ССРЛЯ 1959, 8: 14; БАС 2009, 13: 14] с единственной иллюстрацией из романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859): – *И когда же, где же вздумали люди обайбачиться?* Данная словообразовательная модель (так же, как и сходная с ней без возвратной частицы *-ся*) продуктивна в русском языке нового времени, и лексемы, появляющиеся в результате их действия, оказываются в русле активных словообразовательных и семантических процессов, характеризующих динамичный язык XIX в. Поэтому не должно вызывать сомнений включение в словарь гоголевского *омедведить* из поэмы «Мертвые души» (1842): *Родился ли ты уж так медведем, или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посева, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак?* [НК]. Данная лексема не просто органично вписывается в систему языка: она входит в русскую культурную парадигму наряду с такими эксплицирующими данную идею лексическими единицами, как *медвежий угол*, *бер-*

ложная жизнь, и подобное. Яркость и образность данного авторского слова впоследствии тонко подметил К.И. Чуковский в работе «Высокое искусство» (1968), рассматривая проблемы перевода поэмы «Мертвые души» на иностранный язык: *У переводчика банальная гладкопись: «Вы превратились в медведя из-за своей жизни в глуши»* [НК].

По рассматриваемой модели активно образуются лексемы, мотивированные этнонимом – названием национальности. В толковых словарях современного русского языка зафиксированы следующие единицы: *оевропеиться, онемечить(ся), ополячить(ся), офранцузить(ся)* [ССРЛЯ, БАС]. Результаты исследований показывают, что «Словарь русского языка XIX века» будет включать большее число подобных единиц.

Так, глагол *оевреиться* – ‘освоиться с евреями, спознаться, подружиться с ними и перенять у них многое’ [Даль 1865, 2: 1235] – часто встречается в языке писателей, публицистов и социологов XIX в.:

(1) *Спросите у наших диких руссификаторов Польши, Остзейского края, у гонителей евреев, зачем они делают то, что делают? Они скажут вам, что это делается для защиты родной веры и языка, скажут, что если они не будут делать то, что делают, то пострадают родная вера и язык. Русские ополячатся, онемечатся, **объевреятся*** [Толстой 1954: 168];

(2) *Вот эта-то Галиция с принадлежащими странами к югу и западу досталась Австрии задаром, по первому разделу, с 3 м. русских жителей. Эту землю с населением **объевреили** и обвенгерили, насколько хватило сил, но, тем не менее, не могли уничтожить русский народ* [Риттих 1907: 372];

(3) *Немец, употребляющий в своей обыденной жизни и дома русский язык, есть обруселый Немец, и Русский, говорящий дома и в своей семье по-немецки (sic!), есть уже онемеченный Русский. Таких онемечившихся Русских нашлось довольно значительное число: 1 962. Они уже забыли свой родной язык, они уже пристали к чужому берегу. Ополячилось 88 чел.; олатышилось 498 чел.; объэстонилось 25 чел., и наконец, оевреилось 23 человека. Очень жаль, что в таблице не указано, остаются ли 23 человека оевреившихся Русских христианами или же перешли в иудейство* [Е. Ч. 1884: 102).

Последняя цитата (3), взятая из статьи о результатах однодневной переписи городского и сельского населения 29 декабря 1881 г. в прибалтийских губерниях – Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, – наглядно демонстрирует многообразие употреблявшихся в XIX в. лексем подобного типа (*обруселый, онемеченный, онемечившихся, ополячилось, олатышилось, объэстонилось, оевреилось, оевреившихся*), одновременно объясняя репрезентативность именно этой словообразовательной модели определенными экстралингвистическими факторами, поэтому задача составителей словаря – максимально объективно подойти к проблеме интерпретации таких слов, как окказиональных, которые могут остаться за пределами лексикографического описания. Попутно отметим важность поиска и фикс-

сации всех глагольных вариантов: морфолого-орфографических (*оевропеиться – обевропеиться – объевропеиться* и под.), морфологических (*оевропеить – оевропеиться, ополячить – ополячивать* и под.), а также deverbatивов (*оевропеивание* и под.):

Противодействие петербургскому «объевропеиванию» России никогда не перемежалось; казенное, четвертованное, повешенное на зубцах Кремля и там простреленное Меншиковым и другими царскими «потешными» в виде буйных стрельцов; убитое в рavelине петербургской крепости в лице царевича Алексея, оно – это противодействие – является как партия Долгоруких при Петре II, как ненависть к немцам при Бироне, как разнузданная брань гениального Ломоносова, как сама Елизавета, опиравшаяся на тогдашних славянофилов, чтобы сесть на престол: ведь народ в Москве ждал, что при ее короновании выйдет приказ избить немцев [НК].

Существенным восполнением пробелов представляется фиксация в словаре переходных глаголов *оевропеить – объевропеить*, практически не встречающихся в современных толковых словарях [БТС 1998: 704], поскольку они указывают на принудительный характер соответствующего действия:

Оно <время> могучей рукой понадавило на дядюшку Луку Лукича, так что тот из своей лавки вдруг попал в кредитное общество, затем в директорское кресло и из безхитростной сибирки стал почетным коммерсантом и денежным дельцом. Тогда Лука Лукич, в свою очередь, понадавил на свою ближайшую и, если не считать уз с левой стороны, единственную родственницу. Надо же, объевропеившись самому, объевропеить и свою обстановку. Так и пошло оно [Ананьев 1876: 469].

Любопытным представляется возникновение системных связей у рассматриваемого глагола – синонимических: *И так, чтоб облагородить и объевропеить религиозный, национальный подвиг Русского народа, решено было наделить Болгарский народ конституцией, которую первоначально и сфабриковали наши доморощенные «выученики» (выражаясь петербургским наречием) иностранных мастеров конституционных дел [Аксаков 1886: 455], и градационных: Французское правительство сперва стремилось, как и всякий победитель в побежденной стране, ввести свои законы, обычаи, нравы, т.е. вполне офранцузить, или, по крайней мере, оевропеить жителей Алжирии [Русский 1906: 1056].*

Глагол *орусачить*, по имеющимся на сегодняшний день данным, представляет собой окказионализм, вышедший из-под пера П.А. Вяземского в 1819 г.: *Я предпочел бы «Вильгельма Теля»: можно его прекрасно орусачить* [Вяземский 1899: 299]. Он, без сомнения, должен быть включен в словарь, во-первых, в силу словообразовательной аналогии, во-вторых, как вариант канонических *обрусеть – обрусить* [БАС 2009, 13: 312] и, в-третьих, потому что представляет собой «идеологический антоним» указанному выше глаголу *оевропеить*. Несомненно, в языке находили отражение

взаимоотношения России и Европы (см., например: [Старовойтова 2008]), которые являли собой ключевую проблему всего XIX в. и были унаследованы веком XX. Ср. комментарий в «Петербургской газете» за 1 сентября 1910 г.: *Путешественники, которые недавно побывали на острове Капри, где живет Максим Горький, рассказывают, что певец босячества совершенно объевропеился* [НК].

Очевидно, что приоритетной задачей «Словаря русского языка XIX века» является расширение наших представлений о языковом состоянии соответствующей эпохи, однако словарь позволяет решать и еще одну важнейшую проблему – проблему заполнения «лакун» в лексикографическом описании языка, способствуя тем самым установлению «непрерывности исторического бытия слова» [Виноградов 1995: 23].

Так, пополнение и внимательное изучение материалов словника для «Словаря русского языка XIX века» позволяет в отдельных случаях говорить о том, что декларируемая окказиональность оказывается мнимой. Например, прилагательное *ахтительный*, зарегистрированное в «Русском словаре языкового расширения» А.И. Солженицына, считается авторским окказионализмом Е.И. Замятина [Бабенко 1997]. Писатель использует его в своей повести «На куличках» (1913): *Уж и дубинушку спели, и куплет ахтительный какой-нибудь загнули про подрядчика; ну, еще раз!* [НК]. Однако материал XIX в. убедительно свидетельствует о наличии данной лексемы в системе языка:

Больших усилий стоило Хвостину обуздать порыв своего счастья и не выразить его каким-нибудь новым фарсом. – Но, ахтительная моя, померанцевая моя Мар-Аким (так сокращенно называл Хвостин Марью Акимовну), – воскликнул он, протягивая руки к старухе, – скажите мне, в чем репрезентируюсь я моей суженой? [Вонлярлярский 1853: 286].

Кроме прилагательного *ахтительный*, характеризующего как одушевленные, так и неодушевленные существительные, встречается и наречие *ахтительно*:

– *У меня <сапожонки> двое новенькие. Статский советник Курдюков мне их подарил онамедни да жене муфту. Старенька, признаться, но греет ахтительно* [Левитов 1884: 412].

Введение в научный оборот текстов писателя И.Т. Кокорева (1825–1853) позволило сделать вывод о том, что данная лексема – замечательный пример разговорного словечка середины XIX в.: авторский метатекст (*у нас называется*) отчетливо указывает на распространенность данной единицы в речи: *Ахтительный ...у нас в Замоскворечье приятный сад называется просто без затей – ахтительным* [Кокорев 1858: 263]. На рубеже веков данная лексема использовалась К.М. Станюковичем (О чем мечтал мичман, 1898) в речи его героев: – *Чудная ночь. – Ахтительная, ваше благородие. В Рассее таких нет* [Лр]. В 10-е гг. XX столетия, наряду с произведением Е. Замятина, лексема *ахтительный* была употреблена З.Н. Гиппиус: *Аркаша, Аркаша, /Во рту твоём каша, /Но*

что-то в тебе восхитительное,/Румян ты и сдобен,/Купидоподобен,/Как яблочко весь – ахтителное [НК]. Представленный материал лишь частично отражает схему словарной статьи «Ахтителный» в будущем словаре.

Окказиональные лексемы играют огромную роль в пополнении словарного состава языка, а окказиональное словопроизводство – активный процесс XIX в., требующий пристального внимания, осмысления, изучения. К сожалению, Проект «Словаря русского языка XIX века» не слишком подробно останавливается на путях решения проблемы окказиональных и малоупотребительных слов [Словарь 2002: 36–37], в отдельных случаях категорично решая вопрос о включении подобных слов в словари языка писателей, а не в общий словарь языка XIX в.

«Что касается разных новообразований, то их возможность должна быть безусловно предусмотрена, но попасть в словарь должны лишь те, которые приобрели, так сказать, некоторую индивидуальность», – писал Л.В. Щерба [Щерба 1940: 106]. Расширение источниковой базы словаря, постоянное пополнение его словника способствуют установлению этой «индивидуальности» и уточнению некоторых критериев, благодаря которым проблема окказиональных слов решалась бы в пользу их отражения в словаре. Таким образом, «Словарь русского языка XIX века» с еще бóльшим основанием стал бы «недостающим звеном» русской исторической лексикографии.

Источники и словари

Ананьев, Е. Страница из жизни одного оптимиста [Текст] // Отечественные записки. – 1876. – Т. ССХХVII.

БАС – Большой академический словарь русского языка [Текст]. – М. ; СПб., 2004–2011. – Т. 1–19.

БТС – Большой толковый словарь русского языка [Текст]. – СПб., 1998.

Вяземский, П.А. Остафьевский архив князей Вяземских [Текст]. – СПб., 1899. – Т. I.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – М., 1865. – Ч. 2.

Е. Ч. – Е. Ч. Грамотность в Риге [Текст] // Журн. Министерства народного просвещения. – 1884. – Ч. ССХХХIII.

Кокорев, И.Т. Очерки и рассказы [Текст]. – М., 1858. – Ч. II.

Левитов, А.И. Хорошия воспоминания (очерки из московских нравов) [Текст] / А.И. Левитов // Собр. соч. – 1884. – Т. 2.

Риттих, А.Ф. Западно-русская граница и русская народность [Текст] // Рус. старина. – 1907. – Т. 130.

Русский врач [Текст] : еженедел. газ. – 1906. – Т. V. – № 34.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка [Текст] : в 17 т. – М. ; Л., 1948–1965.

Солженицын, А.И. Русский словарь языкового расширения [Текст]. – М., 1990.

Толстой, Л.Н. Полн. собр. соч. [Текст]. – М., 1954. – Т. 68 : Письма. 1895.

Лр – Электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://az.lib.ru/p/pushkin_w_1/text_0090-1.shtml

НК – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

Литература

Аксаков, И.С. Славянский вопрос. 1860–1886 [Текст]. – М., 1886.

Бабенко, Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ [Текст] : учеб. пособие / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997.

Валавин, В.Н. Словообразование Маяковского. Опыт словаря окказионализмов [Текст]. – М., 2010.

Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [Текст] // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5–34.

Вонлярлярский, В.А. Две сестры [Текст] // Все сочинения В.А. Вонлярлярского. – СПб., 1853. – Ч. IV.

Лыков, А.Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово [Текст] : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М., 1976.

Словарь русского языка XIX в. Проект [Текст]. – СПб., 2002.

Сорокин, Ю.С. Что такое исторический словарь? [Текст] // Проблемы исторической лексикографии. – Л., 1977. – С. 4–27.

Старовойтова, О.А. Представление о «европейском» в русском языковом сознании XIX века [Текст] // Русская историческая лексикология и лексикография. – 2008. – Вып. 7. – С. 212–225.

Фельдман, Н.И. Окказиональные слова и лексикография [Текст] // Вопр. языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.

Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Текст] / Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1940. – № 3. – С. 89–117.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Lin-guist/Article/baben_okk.php

Г.В. Судаков
(Вологда)

«КИСЛАЯ ЖИЗНЬ» РУСИЧА В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ СЛОВ¹

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, соглашение № 14. В37.21.0036.

В «Мыслях об истории русского языка» у И.И. Срезневского есть такие слова: « <...> история русского языка представляется связью нескольких историй отдельных, и две главные из них – история языка простонародного и история языка книжного, литературного. На ту и другую филолог должен обращать внимание отдельно» [Срезневский 1959: 38].

Проецируя мысль об отдельности языковых сущностей на диахроническую лексикологию, заметим, что семантическая структура исторического слова существенным образом зависит от его валентных (сочетаемых) возможностей и от сферы употребления. Существовавшая в древнерусском языке резкая грань между книжно-письменной и устной разговорной речью заметно влияла на объем семантической структуры того или иного слова. Так, семантика книжного слова была задана традицией его употребления, книжное слово было прикреплено к текстам определенного типа, в малой зависимости от содержания текста оно воспроизводилось во всем ореоле своих стилистических качеств и своей символики. Тем более, что старорусское книжное слово – это чаще всего слово церковно-религиозной сферы. Зато разговорное слово, особенно общерусского употребления, в старину зависело от контекста в меньшей мере, имело динамичную семантику, легко меняло свою коннотативную сферу.

При анализе древнерусского слова необходимо учитывать, что семантическая структура исторического слова и современного слова не тождественны, хотя звуковая форма мало различается. Вопрос о тождестве и различии одного и того же слова в разные исторические эпохи был впервые поставлен В.В. Виноградовым в 1945 г. (см. подробнее: [Виноградов 1977]), но до сих пор не нашел удовлетворительного решения в исторической лексикологии.

Теперь – по поводу выбора лексической группы для анализа. И.И. Срезневский поставил такие вопросы: «Как изменяется язык в народе? Что именно в нем изменяется и по какому пути идет ряд изменений?» [Срезневский 1959: 17]. Выяснением этого и должна заниматься история языка. И еще одна цитата: «Чем более будут изучаемы памятники русские..., тем яснее будет понят язык русский в его древнейшем состоянии» [Срезневский 1959: 24].

Избранная нами для наблюдения группа названий напитков очень убедительно подтверждает слова классика.

В перечне напитков в Древней Руси преобладали напитки питательные и прохладительные. Миф о том, что «веселие русских есть питие», опровергается при обращении к реальной истории русского застолья.

Слово *питие* при описании трапезы встречается часто, а с XI в. уже упоминается *чаша заздравная* или *ковш заздравной*, но питие за здравие носило торжественный ритуальный характер, а самый выдержанный мед (имеется в виду напиток) был не крепче четырнадцати градусов. Более крепкие напитки, приготовленные на основе перегонки зернового состава,

стали употреблять в XVII в., но они не сразу стали украшением русского стола и вообще не были самыми популярными.

Расширение ассортимента и функций напитков выражалось в речи увеличением числа наименований и составных номинаций, называющих разные виды напитков.

К прохладительным относились напитки кислые (кисель, квас, кислые шти, морс), к питательным – преимущественно напитки сладкие (взвар, сбитень, сыта, сусло, росол свекольный) или напитки молочные (молоко).

Рассмотрим группу наименований такого авторитетного и широко употребительного питья, как *квас* – «кислый напиток, приготовленный на воде с солодом из различных видов зерна или муки». Это общеславянское слово от праславянского корня *kisati* «кис-ну-ти», имеющего соответствия в латинском и древнеиндийском [Фасмер 1986, 2: 218].

Сам напиток и его название упоминаются в письменных источниках с летописных времен без каких-либо жанровых и территориальных ограничений. Об обычае древних русичей париться в бане, бросая на каменку *квась оуснианыи*, впервые повествуется в Лаврентьевской летописи. *Квас* как обязательный напиток для пира, вечера упоминается в Великих Четвх минеях: *Где квасы и пирове и вечера и обіаданія и піаньства* [Маргарит 1530 г. – ВЧМ, 880 – сент. 14–24]. По мнению А.Х. Востокова, застолье с хмельным иногда называли *квасами* – во мн. числе [Востоков 1858–1861, 1: 169]. Для этого были некоторые основания, о чем см. далее.

Слово *квас* зафиксировано в первых записях русских пословиц, относящихся к XVII в.: *Обыскал себе Влас по нраву квас* (Отр. посл. 37); *Азь пью квась а коли вижу пиво не проду ево мимо* (Симони. Посл. 75).

Квас и его производные есть практически во всех словарях XVIII в.

Качества и функция кваса объективно описаны в стихотворной эпистоле Д. Тербервиля, направленной им в 1568 г. из России в Англию: *он слаб и водянист и кисловат на вкус. Случится ли, что гость к соседу в дом зайдет, он и не смотрит на еду, лишь был бы квас да мед* [Лит. наследство 1982, 81: 25]. А вот мнение другого иностранца: *Питие же их обыкновенное квас есть, которой нашему тонкому пиву подобень* (конец XVII в., Оп. Моск. гос-ва – Срезн. Опис. рук., с. 464). Русский человек описывал квас более поэтично: *квась сладостень и благовонень и добровиденъ* (XVI в. – Ж. Дан. Пер., с. 49).

Квас пили в царских палатах, в монастырских трапезных и в поле во время летней страды. Пили его из ковшей, из братин и из чаш (чашек), а хранили в ведрах, в бочках, в мехах, в кувшинах, берестяных туссах. Эти обычаи подтверждаются многочисленными примерами.

Технология изготовления кваса была до тонкостей разработана в монастырских поварнях, поэтому в монастырях был и наибольший ассортимент этих напитков. Поэтому монастырская деловая письменность

XV–XVII вв. – наиболее содержательный источник для изучения лексики пищи.

Основное сырье для приготовления кваса – это заквашенное зерно, причем технология предусматривала два варианта: 1) прямое изготовление кваса из пророщенного зерна – из *жита* (так называли ячмень), *ржи*, *овса*; пророщенное зерно – *солод*, затем мололи; 2) готовили квас и из остатков пивной гущи, из хлебных сухарей. *Житный квасъ, не сыченый ни медом, ни патокой, пили по постным дням*. Приведем названия кваса по основному сырью: *куплено яшиного квасу на 3 алт.; квасу ржаного на 12 алт.* [1688, В. Устюг – АХУ 2. ст. 1236]. Особый случай – *квас свекольный: миро, аки квас свекольный* [Пам. литературы Древней Руси 1988, 1: 104].

Квас варили: *варил пивовар Федюня кислой квас* [1638, кн. пр.-расх. вологод. арх., л. 117 – ГАВО, ф. 1260, кор. 10. № 232]. Название технологии приготовления этого напитка дало целую серию производных: *пивовар, пивоварня, чан пивоварной* и т.д.

«Добрый квас» получали из суслу (*сусляной переварной квас*), хуже качеством был *квас дробинной*. Над таким квасом творить благодарственную молитву считалось предосудительным делом. *Сусляной переварной квас* и *квас дробинной* – это семантическая оппозиция, основанная на различиях технологии приготовления кваса. См. поясняющий пример: *после стола о црьскомъ величестве над чашеи бга молит над дробинным квасом, а про себя онъ игумень в келе держит всегда квас добрый сусляной переварной* [Ферапонтово, XVII – ГАВО: 1260: 10 : № 232].

Обратим внимание на то, что в зависимости от качества заквашенной гущи, от этапов ее обработки получали *квас кислой (обышной)* или *квас пьяный*. *Квас кислой(-ый), безхмельной, непьянственной, непьяной* – это название прохладительного напитка, он назывался также *простой квас* или просто *квас*: *Человекъ самой кажетца доброй и разума не простого, и кроме квасу ничего не пьетъ* [ДАИ 1682, X: 144].

Обратим внимание на один технологический нюанс изготовления непьяного кваса: *Нехорошку с товарищи <...> держать <...> на продажу всякой харч и квас непьяной... а квас им квасить кислошную гущю а не дрожжами* [АЮБ 1640, 2: 577]. Кислый квас называли также *квасом щавным* (от слова *щи*): *велено отпустить съ дворца четверникъ квасу щавново* [РИБ 1626, 9: 448].

Уже в Паремейнике 1271 г. словом *квас* при переводе заменяют греческое слово *sikera* – «опьяняющий напиток». Добавка меда или дрожжей (*медвяной квасъ – медовой квасъ – квас от меду; дрожжаной квас*) превращала квас в хмельной напиток, см. пример: *Заказать им всем крестьяном накрепко, чтоб судов винных не держали и квасов пьяных не продавали и без явки не держали* [АС XVII, 2: 670]; *промышлять ему за нашею рукою в торгу простым квасом и суслom, а хмельного и дрожжаного квасу отнюдь не держати* [АЮ 1648: 318]. Иногда квас вместо меда сытили патокой: *чаша квасу патошнаго, чаша квасу медвянаго* (Архив К.-Бел. мон.,

нач. XVII в. – СПб., Отд-ние Ин-та истории РАН). Однако сыченой квас не обязательно становился хмельным напитком: *На господьские праздники и на наши царьские кормовые столы ставят на братью просто сыченой квась безъ хмелю* [Царская грамота – ДАИ 1647, X: 144].

Что значит квас пьяный, как его получали? *Квас пьяный* – это слабоалкогольный напиток, употребление которого тем не менее осуждала православная этика: *горе восстающим заутра и квась гонящимъ, и ждущим вечера съ гусльми и сопельми и съ бубны, пьютъ бо* [Парем. 1271; Востоков 1858–1861, 1: 169]; *заказать им всем крестьяном накрепко, чтоб судов винных не держали и квасов пьяных не продавали и без явки не держали* [АС нач. XVII, 2: 670]; *а праздниковъ ради торжественныхъ держати въ монастырехъ на погребяхъ пиво и квась медвеной, безхмельной и непьянственной, а винного пития отнюдь держати не велеть* [1682 память ростов. митроп. – Картотека ДРС]. Приведем еще пример, свидетельствующий о синонимии наименований *квас хмельной* и *пьяный квас*, употребленных в составе одного документа при упоминании одного и того же напитка: *чтобъ пивъ и брагъ и квасу хмелного безъявочно не варили; сварить пива или браги или пьяного квасу* [ДАИ 1652, 3: 373].

В «Послании» Иосифа Волоцкого XVI в. есть существенная деталь, объясняющая, как уменьшить спиртозность кваса и меда: *в постныя дни пити квасу житного ино ноужи ради великия испити медоу; какъ бы пьянства не слышати: или к медоу воды приляти или в квась мало медоу вольяти* (Картотека ДРС).

После второго налива солодовая гуща теряла свои качества: результатом был кислый водянистый напиток *кислые шти*, что зафиксировано пословицей: *Удасться квась, а не удасться инъ кислые шти* (XVII в.). Эту пословицу повторил затем Курганов в своем «Письмовнике». Знаменитый напиток *кислые шти* приближается по своим качествам к квасу. Основа его – солод и мука, а готовился этот напиток в пивоварне по технологии, близкой к пивной. См. примеры: *А в пивоварню поварню на пиво и на брагу и на кислые шти солоду и муки и хмелю отдать* (Дом нач. XVII: 46).

В квас добавляли пряности: *гвоздики куплено въ медвеной квась* (1684–1689 гг., кн. прих.-расх. Бог. м., 216 – Картотека ДРС). Медвяной квас без пряностей назывался *квасом медвяным простым*. Для придания квасу различных вкусовых оттенков в него, как сообщается в «Домострое», закладывали яблоки или груши и получали *квас яблочный – яблошный, квас грушиной*. А вот еще квасы из разряда ягодных: *велеть квасы малиновые и черемховые и вишневые готовить* [РИБ 1657, 5: 291].

По сладости различались три категории кваса: *сладкий, черствый, выкислый, см.: Держати квасы сладкие и черствые и выкислые, кто како-ва требует* [Стоглав XVII: 121]. Чтоб сделать квас сладким, его сытили («подделывали») патокой или медом: *квась медвеной братцкии квась патошныи квась сыченои; квась овсяной и квась полуянь* [1601–1621, опись К.-Бел. м., 228 – Картотека ДРС]. *Сыченый квас* противопоставлялся *квасу*

просто, а выдержанный выкислый (старый) квас – квасу черствому: а в великих обителях всякие бы квасы были: и старые, и черствые, и выкислые, и сладкие, и житные сыченые и простые, чье какое естество подыметъ [Стоглав XVI: 130].

Назначение кваса подчеркивалось определениями: *братский квас* в монастыре – это жидкий повседневный напиток для монастырских работников; *добрый квас* – густой пенистый напиток для знатного гостя, см.: *да ему же дано на дорогу <...> квасу медвяного доброго в ведра* [1592, Волоцкой м., кн. ужина и умолота, 135 – Картотека ДРС].

Разновидности кваса имели и цифровые обозначения *полуторный, двумерный – двомерный: 2 бочки полутарнаго квасу да бочка квасу двумернаго в восемь ведрь* [1592 – кн. пр.-расх. Волоколамского м., 31031, л. 24 – Картотека ДРС]. Пока не удалось обнаружить контекстов, позволяющих точно расшифровать смысл подобных обозначений.

Квас готовили не только для домашних нужд, но и на продажу, для чего нужно было оформлять *откуп*, т.е. право торговли откупным квасом: *Велено мне съ темъ откупнымъ квасомъ на Вологде внутри города и за городомъ по прежнимъ местамъ стоять* [1647 – «Вологод. губ. ведомости», 28.07.1862]. Продавали квас в лавках на торговой площади и в разнос. В таком случае изготовление и торговля квасом превращались в промысел, о чем свидетельствует фраза из жалобы 1688 г.: *и квасом промышлят не дают* [ГАВО: 1260: 5: № 167].

Следующее кислое название – *кисель*. Если взвар и сбитень предпочитали подогретым, то кисель пили и холодным, и подогретым, хотя технология его подготовки – варка: *сковородка медная кисель варять* [1601, переп. кн. К.-Бел. м. – РГПБ: 351, № 71/1310, л. 363]. Но основное качество киселя – быть кислым. Слово *кисель* – общеславянское, по своему происхождению слово родственно слову *квас* [Фасмер 1986, 2: 239]. Кисель упоминается уже в Лаврентьевской летописи под 997 г., и этот фрагмент повторяется во многих летописных сводах: *повеле женамъ створити цежъ в немъ же варять кисель*. В Никоновской летописи поясняется: *Повеле ископати два кладезя, и поставити въ нихъ по кади, и единъ наполнивъ цежа киселнаго, сиречь киселя несваренаго, а другой сыты* (67 – Картотека ДРС).

Что такое *cejж*? *Cejж* – это сырая заготовка для варки киселя, разведенная в воде овсяная мука, см. в письменных источниках: *купилъ на кисель ceжy* [Кн. расх. новг. митр. 1651: 50]; *послали мы к вамъ в мнстръ... овсяныя муки на кисел* [1677; грамотка, 304 – Картотека ДРС]. Таким образом, старая Русь предпочитала овсяный кисель, а ела его с сытой, сусликом или с молоком, сливками, маслом: *кисель холодной съ сокомъ... кисель клюковной... кисель горячей съ патокой... кисель холодной съ сливками, кисель горячей съ масломъ... кисель холодной съ сытою* [Кн. кушаньям патр. Адриана 1699: 556]. Кстати, овсяный кисель был вовсе не кислым, но по своему виду и вязкости

вполне соответствовал понятию о киселе. Напомним, что картофельный крахмал, как и сам картофель, Россия узнала только в XVII в.

Благодаря своей распространенности слова *кисель* и *киселек* уже в XVIII в. попали во все словари. Наличие киселя среди угощения почиталось признаком благополучия дома. В то же время кисель не считался дорогим кушаньем: *Убог рад киселю, а богатому и злато в горло не идет* [посл. XVII: 50 – Картотека ДРС]. Кисель часто пили с молоком.

Теперь немного о молоке, поскольку из него тоже получали кислые продукты. *Молоко – млеко*, получаемое от коровы, употребляли как самостоятельный напиток, не нуждающийся в добавках, выступающий наряду с другими популярными напитками как особо ценный питательный продукт. Именно об этом свидетельствует следующая запись в Рязанской кормчей 1284 г., где перечисляются четыре вина напитков (здесь, как и в других книжно-славянских текстах, употребляется старославянский вариант слова *млеко*): *едина – воды не мутящихся, другая – млека не изменяемаго сладости своя, 3-я вина сладка, 4-я меду цезжена*. Молоко потребляли монахи и миряне, но для монашествующих оговаривались условия его употребления в связи с постами: *запретил масла и млека въ среды и в пятки не ясти* [Моск. лет. кон. XV: 79].

Различали *молоко пресное*, т.е. сырое, и *молоко топленое*: *въ кашу же и въ молочко топленое полведра молока пресного* [АИ 1613: 2]. Знали русичи и сливки: *На блюдо киселя белого, а въ него ковшъ молока пресного, ставецъ сливокъ* [там же].

Тюркские народы предпочитали в связи со своими условиями хозяйствования молоко козье или молоко кобылье. Из кобылья молока готовили *кумыс – кумыз – кумуз – нимыс*. Тюркское название этого напитка попало в Ипатьевскую летопись в записи под 1185 и 1250 гг., откуда их и извлек И.И. Срезневский: *пьеши ли кобылиши кумузъ?* [Срезневский 1958: 1266, 1364]. Молоко кобылье – напиток питательный, а кумыс – чаще напиток горячительный («вино кумыское»): *молоко козье и коровье и вино, а по их кумыз, из молока ж; да кумыз из молока ж кобылья* [Рус-монг. 1617: 59, 61]. Надо сказать, что русичи путались, когда перед ними кислый питательный кумыс, а когда – вино кумыское: *вино ис кумызу, бело, а пьяно: только братина духовая выпить, и человек пьян будет так, что с меду* [там же]. Впрочем, теперь ученые установили, что слабая доза алкоголя есть и в кефире.

Холодные кислые напитки русские делали давно. К таким относятся, например, брусничная вода и морс: *а брусничная вода и вишни в патоке, и малиновои морсь, и всяки сласти; ягодныи и вишневои морсь* [Дом. нач. XVII: 43, 45]. «Бочку морсу вишневого» получили, например, монахи Троице-Сергиева монастыря в 1544 г. «Делали морсы» в Аптекарском приказе в 1677 г. Судя по текстам, *морсом* называли и сок черники (цельный или разбавленный – «наливной»), который использовали как один из ингредиентов при приготовлении ягодного меда: *медовъ красныхъ: ...30 ведръ чернишного изъ целного морсу, 95 ведръ чернишного из наливного морсу* [там же: 55].

Безусловно, кислым напитком был уксус, который в число напитков между медом и пивом включил иностранец Том Фенни: *медъ яблоцны уксус пива* (1607: 84 – Картотека ДРС). Кислотность этого напитка создавалась за счет добавки клюквы: *да он же купил в уксус ягод клюквы* [1640, Вологда, кн. пр.-расх. – ГАВО: 883: № 19: л. 151].

В конце XVII в. было освоено искусство приготовления лимонного сока – лимонада. Вот характерные примеры: *есть ли лимоновъ свежихъ будетъ много, половину осолить, а другую натер(е)ть на сахаръ, искрошивши, всыпать въ бутылки, а нутрь изрезать и пересыпать сахаромъ же въ ставики. А буде мало будетъ, все зделать въ лимонатъ* [Петр 1694, 1: 25]. А примером для подражания были обычаи итальянцев: *Неаполитанские жители потчиваютъ другъ друга шербетамы и лимонадами, а вина пьютъ мало виноградного, а водокъ отнюдь не пьютъ* [Неаполь – Дн. Толстого 1698, 2: 50].

Таким образом, русский стол изобиловал разными типами кислых напитков. Все они непременно были сытными – питательными, поэтому и взрослые, и дети увлекались этим питьевым богатством во здравие и веселье свое и приходящих гостей. Понятно, что не меньше любили и сладкие напитки.

При назывании кислых напитков чаще употреблялись составные названия, но семантическим ядром любой микрогруппы выступало название однословное типа *квас, кисель*. В основе номинирования был отличительный признак напитка (кислотность), технология его приготовления, сырье для изготовления и т.д. На изменение номенклатуры напитков и их наименований влияли условия хозяйствования, смена сырья и технологий и иные социально-экономические факторы. В старорусский период было значимо клерикальное влияние на активность употребления тех или иных напитков.

Источники и словари

А. Воронеж – Материалы для истории Воронежа и соседних губерний [Текст]. – Воронеж, 1887, 1891. – Т. 1–2.

АИ – Акты исторические... [Текст]. – СПб., 1841–1842. – Т. 1–5.

АС – Архив П.М. Строева [Текст]. – Пг., 1915–1917. – Т. 1–2.

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархии [Текст]. – СПб., 1890–1908. – Ч. 1–3.

АЮ – Акты юридические... [Текст]. – СПб., 1838.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России [Текст]. – СПб., 1861–1865. – Т. 1–3.

Востоков – Востоков, А.Х. Словарь церковнославянского языка [Текст]. – СПб., 1858–1861. – Т. 1.

ГАВО – Государственный архив Вологодской области, ф. 1260 [Текст].

Д. Шакл. – Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках [Текст]. – СПб., 1884–1893. – Т. 1–4.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим... [Текст]. – СПб., 1846–1872. – Т. 1–12.

Дворц. разряды – Дворцовые разряды [Текст]. – СПб., 1850–1855. – Т. 1–4.

Дн. Толстого – Путешествие стольника П.А. Толстого [Текст] // Рус. архив. – 1881.

Дом – Домострой [Текст] // Чтения в обществе истории и древностей российских. – 1881, 1908.

ДТП – Дела Тайного приказа 1907–1926 [Текст]. – Кн. 1–4.

Ж. Дан. Пер. – Житие преп. Даниила Переяславского [Текст]. – М., 1908.

Картотека ДРС – Картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [Текст] / Ин-т рус. яз. РАН. – М.

Кн. кушаньям патр. Адриана – Книга расходная Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану... [Текст]. – СПб., 1890.

Кн. расх. новг. митроп. – Расходная книга митрополита новгородского Никона... [Текст] // Временник Общества истории и древностей российских. – 1852. – № 13.

Мат. медиц. – Материалы для истории медицины в России [Текст]. – СПб., 1881–1885. – Вып. 1–4.

Перс. дела – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией [Текст]. – СПб., 1898. – Т. 1–3.

Петр – Письма и бумаги имп. Петра Великого [Текст]. – СПб. ; М., 1887–1950. – Т. 1–9.

РГПБ – Российская государственная публичная библиотека, рукописные фонды [Текст].

РИБ – Русская историческая библиотека [Текст]. – СПб., 1875–1908. – Т. 1–6.

Рус.-монг. – Русско-монгольские отношения [Текст]. – М., 1959, 1974. – Т. 1–2.

Срезн. – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст]. – М., 1958. – Т. 1–3.

Срезн. Опис. – Срезневский, В.И. Описание рукописей и книг... [Текст]. – СПб., 1913.

Стоглав [Текст]. – Казань, 1887.

Стол. патр. Филарета – Столовая книга патриарха Филарета Никитича 1623–1624 гг. [Текст] // Старина и новизна. – СПб., 1906–1909. – Кн. 11, 13.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. – М., 1986. – Т. 1–15.

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских [Текст]. – 1847. – № 1.

Литература

Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования [Текст] / В.В. Виноградов // Избр. тр. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 112–145.

Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка [Текст]. – М., 1959.

**ПОЗИЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПРИСТАВКОЙ У-
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**
(по данным «Материалов для словаря древнерусского языка»
И.И. Срезневского и другим источникам)

Существенным для определения динамики русского приставочного глагольного словообразования является изучение истории одного из видов стальных, а именно позиционных (положения в пространстве относительно поверхности) глаголов с пространственными приставками. Пространственные дериваты типа *возлежать*, *достоять*, *надстоять*, *обстоять*, *подлежать*, *предстоять*, *предлежать*, *прилежать* и другие – реликтовые образования уже для древнерусского периода, наследие того состояния праславянского языка, когда приставки не имели еще значения предельности и могли сочетаться со стальными основами.

История позиционных глаголов с пространственными приставками – это в основном история их исчезновения или развития переносных значений, связанных с прямым пространственным, а также появления омонимичных пространственным результативных словообразовательных типов (далее – СТ).

Предлагаемая статья, в задачи которой входит анализ указанных процессов и поиск следов утраченной пространственности префикса у- в семантике приставочных дериватов, выполнена на материале различных словарей – исторических, прежде всего, «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, этимологических, диалектных, современного русского языка – и посвящена семантической эволюции позиционных стальных глаголов с приставкой у-: *устоять*, *усидеть*, *улежать*, что еще не становилось объектом диахронического исследования.

Предлог-приставка у- восходит к праслав., инд.-евр. **au* ‘у-’, ‘от-’, ‘с- (= ‘вниз’)', ср. лит. *au-*: *auzenimis* ‘безрассудный’, ‘необдуманый’, лат. *au-*: *auferre* ‘уносить’, др.-инд. *a ōna-*: *a ōnabharati* ‘относит (отбрасывает)’, ‘спускает(ся)’ [Черных 1993, 2: 279], отмечено родство с др.-слав. *вы-* [Мейе 2001: 356]. Ее генетико-прототипическое значение можно определить как ‘в сторону; вниз’. Б.А. Серебренников связывал значение этой приставки с исчезновением объекта или субъекта, что, по его мнению, могло обозначать и прекращение самого действия [Серебренников 1988: 91].

В истории русского языка следует выделять два слоя позиционных глаголов с приставкой у-. Во-первых, это реликты древних словообразовательных типов стальных глаголов с пространственным значением приставки – глаголы-исключения несовершенного вида. Во-вторых, это приставочные глаголы совершенного вида, образованные по относительно новым модифи-

кационным и мутационным словообразовательным типам. Между этими двумя группами нет генетической преемственности: вторая группа развивалась не на основе древних пространственных образований, а на основе результативных.

Сначала проанализируем значения позиционных глаголов с приставкой *у-*, в которых сохраняется след пространственной семантики.

В старославянском языке из позиционных стальных глаголов с приставкой *у-* употреблялся только глагол *уѣ̀дѣти* "дѣ *несов.*, использовавшийся в качестве эквивалента для перевода греческих глаголов другой словообразовательной структуры – *ⲉⲓⲓⲥ* и *ⲉⲓⲓⲥⲁ*; 1. *ⲉⲓⲓⲥ*, *ⲉⲓⲓⲥⲁ* 'царствовать, господствовать над кем-л., чем-л., управлять кем-л., чем-л.'; 2. *без доп.* 'превозмогать, пересиливать'. Приставка не придавала глаголу значение совершенного вида, семантика ее в этом деривате не вполне ясна, но можно предположить, что сохраняется одно из ее пространственных значений – 'вниз'.

В книжно-славянских памятниках письменности древнерусского языка, так же как и в старославянских, глагол *устояти*, управлявший беспредложными формами *кому*, *чесому*, употреблялся в значении 'подчинять своей власти, господствовать над кем-л., чем-л., управлять кем-л., чем-л.', в котором также наблюдается след пространственной семантики приставки – 'вниз'. Например, в Остромировом Евангелии он использовался в том же контексте, что и в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом Евангелиях, Саввиной книге (см. [СС 1999: 747]: *Вѣсте, яко мнѣнящеися власти языки устоять имъ и велиции ихъ обладаютъ ими* (Мр. X. 42. Остр. Ев.). В этом же значении он употреблялся и в книжно-славянских текстах XIII–XV вв. (см. Срезн., 3, с. 1238). Так же, как в старославянском языке, глагол *устояти* использовался в переносном значении 'превозмогать' (в словаре И.И. Срезневского, в отличие от Старославянского словаря (СС), приставочный глагол трактуется как перфектив – 'превозмочь'). Например, в Юрьевском Евангелии XII в. он употребляется в том же контексте (Лук. 23, 23), что и в Зографском и Мариинском евангелиях [СС 1999: 747]: *Они же прилежааху гласы великы, просяще его на распятие, и устояху гласи ихъ*. Лук. XXIII. 23. Юр. Ев. п. 1119 г. [Срезневский 1958, 3: 1283].

Это значение в качестве архаического отмечается и в словарях XVIII и XIX вв.: 'одерживать верхъ, брать преимущество' [САР 1789–1794, 5: 789]; 'преодолевать, одерживать верх, брать преимущество пред другим': *Устояху гласи ихъ и архиерейстии*. Лук. XXIII. 23 [Слов. Акад. 1847, 4: 364]. В современном русском языке этот ЛСВ не сохранился.

В древнерусских памятниках книжно-славянского типа глагол *ушѣдѣти* использовался в значении 'нашѣдать, ложиться' для перевода греческого глагола *ⲉⲓⲓⲥⲁ*; *ⲉⲓⲓⲥⲁ*: *Яко же бо прѣсть ушѣдѣющая правда наша*. Панд. Ант. XI в. л. 307. [Срезневский 1958, 3: 1299]. Приставочный дериват оставался глаголом несовершенного вида, возможен опре-

деленный след пространственного значения приставки – ‘вниз, внизу’. В современном русском языке в значениях приставочного глагола *усидеть* пространственная семантика приставки никак не отражается.

В старославянском языке употреблялся автокаузатив *qěamè sov.* ‘улечься, успокоиться, утихнуть’ для перевода греческих глаголов другой словообразовательной структуры $\&\square\square\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}$ и $\square\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}\textcircled{\square}$ [СС 1999: 734]. Функцию приставки в этом деривате нельзя рассматривать как перфективирующую, поскольку сам производный глагол *ěamè* является глаголом совершенного вида. В этом значении сохраняется след пространственной семантики – ‘вниз, внизу’.

Так же, как и в старославянском языке, в древнерусских памятниках письменности старшей поры использовался автокаузатив *улечи* в значении ‘лечь, успокоиться’, например, в Остромировом Евангелии: *Онъ же, вставъ, запрѣти вѣтру и въльнению водьнууму, и улеже и бысть тишина.* Лук. VIII. 24. Остр. Ев. 1056–1057 гг.; и ‘выпадать, ложиться’: *Како уляжетъ слово.* Руф. III. 18 по сп. XIV в. [Срезневский 1958, 3: 1195], в которых, на наш взгляд, сохраняется след пространственной семантики – ‘вниз’. В XVIII в. Словарь Академии Российской (далее – САР) это значение дает в качестве архаического и фиксирует постфиксальный по происхождению дериват *улегаться* в значениях ‘укладываться, ложиться спать’; ‘умещаться, укладываться’: *Все нужное въ одинъ сундукъ улеглось* [САР 1789–1794, 3: 1172]. В XIX в. ЛСВ ‘успокоиться’ отмечается только у постфиксального по происхождению мутативного глагола *улегаться/улечься*, который употребляется также в значениях ‘лечь, найдя удобное положение’, ‘уместиться’, ‘слежаться, ссесться, осесть от долгой лежки и гнету, плотно’ [Даль 1978, 4: 487–488], сохраняющихся и в современном русском языке.

Важным этапом внутриглагольной префиксации было появившееся у приставок значение результативности как частного случая предельности. В русском языке XI–XVII вв. круг результативных приставок был достаточно широким, и они относительно свободно варьировались в сочетании с основами. В недрах результативности при семантическом «заражении» от широкого контекста и от основ глагола с возможным влиянием генетико-прототипического значения префиксов развиваются модификационные и мутационные значения приставок, которые следует рассматривать как омонимичные префиксам пространственной семантики. Время появления этих СТ – старорусский период.

Это относится и к дериватам с приставкой *у-*. В старорусский период приставка *у-* использовалась в качестве перфективирующей в рамках СТ «удержаться в том состоянии, которое названо мотивирующим глаголом», придавая стательным глаголам значение результативности. В глаголе *устояти* при этом активизировалась прежде всего сема стательности, и он получал значение ‘остаться стоять, не двинуться’ (1480): *Ударшиася... сторожевой полкъ съ сторожевымъ полкомъ Псковичи и Нѣмцы, а боль-*

шая рать устояла Псковская и Нѣмецкая. Псков. I лет. [Срезневский 1958, 3: 1283]. Это значение глагола сначала было более узким, относилось только к ситуации военных действий, затем стало относиться к более широкому кругу денотативных ситуаций.

Такие результативные дериваты мы относим к мутационным, поскольку они в качестве основной обозначают новую ситуацию, связанную не с исходной основой, а с другим классом глагольных номинаций, в данном случае – с номинацией «удержаться». Результативность омонимичных пространственным мутационных дериватов, как правило, связана с семантическим усложнением субъекта: одушевленный субъект всегда потенциально активен и задействован «в одновременных (параллельных) событиях, оказываясь участником нескольких ситуаций в **социальном** пространстве» [Лебедева 2010: 174].

Анализируя семантическую структуру этого глагола с когнитивных позиций, Н.Б. Лебедева выделяет две пропозиции, которые содержит глагол *устоять*: «одна (*стоять*) – основная, маркированная, целеполагающая, субъективно-модальная (субъект ЖЕЛАЕТ, НАМЕРЕН продолжать стоять), реализованная и вторая – дополнительная, немаркированная, нецелеполагающая, но, предположительно, имманентно целевая, объективно-модальная: *субъект может не реализовать целевую установку, так как он дополнительно делает нечто, или он находится в не соответствующем выполнению целевой установки состоянии, или является объектом какого-то внутреннего или внешнего воздействия*» [там же: 49].

Глагол *устояти* использовался также и в переносном значении ‘устоять на чем-л., исполнить что-л.’: *А кто въ сеи приговорнои не устоитъ, на томъ пять рублевъ Ноугородцкая*. Отдѣльн. Вяж. мон. 1505 г. [Срезневский 1958, 3: 1283]. В XVIII в., по данным САР, у глагола *устоять* фиксируется также и имперфективная пара (*устаивать*) в указанных результативных значениях: ‘в силах находиться противиться кому-л.’: *Тебѣ устоять, не устоять противу его*; в чем. ‘соблюдать, хранить сказанное’: *Устоять въ словѣ, въ обѣщании. Онъ не устоялъ въ рѣчахъ своихъ* [САР 1789–1794, 5: 789].

В словарях XIX в. *устаивать, устоять* – ‘твердо противиться; выдерживать нападение’: *Тебѣ не устоять противъ него* [Слов. Акад. 1847, 4: 364]; *устоять* противу кого-л., чего-л. – ‘стоять твердо, выстоять, успешно противиться силе, выдержать, не уступить’: *Устоять противу сильнаго неприятеля. Устоять на своем, сделать по-своему. Устоять в слове, сдерживать его* [Даль 1978, 4: 515].

В современном русском языке приставочный глагол *устоять* реализует только мутационные результативные значения, связанные с перфективирующей функцией приставки, – статальное ‘выдержать напор чего-л., отстоять в борьбе свои позиции, не поддаться’, связанное с ним переносное ‘остаться стойким, не подпасть под влияние чего-л.’, позиционное

‘удержаться в стоячем положении, сохранить состояние равновесия, не упасть’, экзистенциальное ‘сохраниться в целостности, не поддаться разрушению’. Употребляются также существительные *устой*, *устои*, прилагательное *устойчивый* и его дериваты в значениях, связанных с семантикой производящего глагола [СРЯ 1981–1984, 4: 525–526].

В старорусский период у глагола *усидѣтъ* в рамках мутационного СТ «удержаться в том состоянии, которое названо мотивирующим глаголом» также развивается значение ‘остаться сидеть, удержаться на месте’ [Отырба 1996: 48], которое отмечает также САР – ‘сидя удержаться на своем месте’ [САР 1789–1794, 5: 1043].

В словарях XIX в. *усиживать/усидѣтъ* – ‘сидя удерживаться на своем месте’: *Можешь ли ты усидѣтъ на лошади?* [Слов. Акад. 1847, 4: 756]; ‘высидеть, просидеть при какой помехе, на одном месте, удержаться или вытерпеть сидя’ [Даль 1978, 4: 360]. В русских народных говорах значения сов. ‘удержаться в стоячем положении, устоять’; сов. ‘выстоять, устоять’ имеет также глагол *состоять* [СРНГ 1965–2010, 40: 63].

В современном русском языке в значениях приставочного глагола *усидеть* пространственная семантика приставки никак не отражается, этот глагол имеет ряд мутационных результативных значений: 1) позиционное – ‘удержаться в сидячем положении, не падая, при толчке, ударе’, 2) стательное – ‘остаться сидеть, удержаться на месте вопреки собственным желаниям, намерениям’, 3) связанное с ним *разг.* ‘удержаться на какой-л. должности, работе’, а также 4) *прост.* ‘сидя за столом, съесть или выпить что-л. полностью или в большом количестве’, результативность которого связана не с самим процессом сидения, а с сопутствующими ему действиями, в данном случае ‘сидеть за столом и есть’ [СРЯ 1981–1984, 4: 516]. В первых трех значениях глагол имеет только форму совершенного вида, в 4-м значении имеет имперфективную пару – *усиживать*. Сохранились также прилагательное *усидчивый* и его дериваты *усидчиво*, *усидчивость*.

Со старорусского периода отмечается и стательный глагол *улежати* со значением ‘пролежать известное время; вытерпеть, лежать’ [Отырба 1996: 88]. В XIX в. *улеживать/улежать* ‘вылежать, пролежать известное время, вытерпеть, лежать спокойно’ (*Такъ нажарили печь, что не улежишь! Экая непосѣда! ни въ день не усидитъ, ни въ ночь не улежитъ на одномъ мѣстѣ*) [Даль 1978, 4: 487–488]. В современном русском языке *улежать* имеет мутационное разговорное значение ‘пробыть на одном месте лежа’, без имперфективной пары [СРЯ 1981–1984, 4: 485, 486].

Таким образом, у позиционных глаголов с приставкой *у-* в истории русского языка след пространственной семантики ‘вниз’ можно обнаружить в значениях глаголов *устояти* (несов.) ‘господствовать, управлять’, *перен.* ‘превозмогать’, *ушѣдѣти* (несов.) ‘нашѣдать, ложиться’, *улечи* (сов.) ‘выпадать, ложиться’, употреблявшихся в книжно-славянских текстах. В современном русском языке возможный след пространственного значения ‘вниз, внизу’ можно найти только в семантике автокаузатива *улечься* –

‘утихнуть’. Начиная со старорусского периода в рамках мутационного СТ «удержаться в том состоянии, которое названо мотивирующим глаголом», у указанных глаголов развиваются результативные значения, связанные со статальной, позиционной и экзистенциальной семантикой мотивирующих позиционных глаголов, сохраняющиеся и в современном русском языке. Развитие мутационных СТ связано с одушевленностью субъекта, с его представленностью не только в пространственно-временном, но и в анимальном, психологическом, ментальном, социальном планах.

Словари

Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – М., 1978. – Т. I–IV.

САР – Словарь Академии Российской [Текст]. – СПб., 1789–1794. – Ч. 1–6.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук [Текст] : в 3 т. – СПб., 1847.

Срезневский – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст]. – М., 1958. – Т. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. – Л./СПб., 1965–2010. – Вып. 1–43.

СРЯ – Словарь русского языка [Текст] / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984. – Т. 1–4.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) [Текст] / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд., стер. – М., 1999.

Черных – Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]. – М., 1993. – Т. 1–2.

Литература

Лебедева, Н.Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики [Текст]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2010.

Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст]. – М., 2001.

Отырба, Р.Н. История словообразовательных гнезд глаголов статального способа действия висеть, лежать, сидеть, стоять в русском языке XI–XX вв. [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – М., 1996.

Серебрянников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление [Текст]. – М., 1988.

Т.К. Ховрина
(Ярославль)

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Начало XVIII в. ознаменовалось в истории отечественной лексикографии появлением целого ряда переводных словарей. В 1704 г. в г. Москве Ф. Поликарпов издает свой «Лексикон трехязычный». В это же время осуществляется перевод на книжно-славянский (поздний церковнославянский) язык и одного из экземпляров Тезауруса Герасима Влаха (четырёхязычного ново- и древнегреческо-латино-итальянского лексикона), изданного в Венеции в 1659 г. (Γερασίου Βλάχου Θησαυρός <...> τετράγλωστος). Данный словарь, содержащий рукописный славянский перевод всех словарных статей (хранится в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника), принадлежал другому видному переводчику Петровской эпохи, справщику Московского Печатного двора, а впоследствии и его директору, носителю высокой книжной образованности конца XVII в. Алексею Кирилловичу Барсову (1673–1736). Именно он, как показал палеографический и текстологический анализ памятника, является одним из авторов славянского перевода и его редактором (см.: [Ховрина 2009]). Известен и другой экземпляр Лексикона Влаха с рукописными глоссами справщика Сильвестра Медведева (1641–1691), который является одним из источников Словаря русского языка XI–XVII вв.

Тезаурус Герасима Влаха (1605/7–1685), известного греческого богослова, философа, филолога, представлял для московских печатников особую ценность, потому что, кроме древнегреческого языка, традиционно включавшегося в лексиконы XVI–XVII вв., содержал новогреческий, необходимый в этот период для их переводческой деятельности. Как известно, А.К. Барсову и его коллегам приходилось переводить, в частности, документы Синода как с греческого языка на русский, так и с русского на греческий [Пекарский 1862: 243].

Перевод иноязычных слов сделан в Лексиконе Влаха путем подбора к ним одного или ряда славянских соответствий, синонимичных или семантически сближенных, причем наиболее характерны для нашего источника полилексемные переводы, например: греч. νοητικός, лат. intelligibilis, итал. intelligibile, *умный, смысленный, разумный*; греч. λογιάζω, лат. cogito, *помышляю, мню, непшую, думаю*; греч. εἶδωλον, лат. idolum, итал. idolo, *идоль, кумирь, образъ изваянный, истуканный*; греч. βουίνος, лат. bouinus, итал. boiino, *быковый, волуй, воловый*. Таким образом, наш источник относится к тому типу переводных (дву- и многоязычных) словарей, культивировавшихся в России XVII – первой трети XVIII в., в которых совокупность значений слова-оригинала передавалась «совокупностью переводов» [Кутина 1980: 73]. Подобным образом организованы словарные статьи в лексиконах Е. Славинецкого и Ф. Поликарпова. Важным источником при создании славянского перевода в ярославском экземпляре Лексикона Герасима Влаха послужил «Лексикон латинский» Е. Славинецкого, составленный в середине XVII в.

В славянской части Лексикона Влаха представлены многочисленные деривационные образования от древних славянских основ, возникшие в ре-

зультате активного словотворчества по книжно-славянским моделям и образцам, вплоть до новообразований XVIII в., присутствуют здесь и элементы народно-разговорного языка.

Русские переводчики стремились дать по возможности исчерпывающее число славянских соответствий вокабулам Влаха, этим и объясняется присутствие в славянской части нескольких эквивалентов иноязычных слов оригинала. Непосредственным объектом перевода, несомненно, были, прежде всего, греческие и латинские слова, как правило, несколько славянских соответствий возникало в результате их калькирования, что является характерной чертой книжно-славянского перевода Лексикона Влаха. Так, например, греч. ἀγράμματος, лат. *indoctus* первоначально переведены следующим образом: *неграмматный, безграмматный, неученый*, но А.К. Барсов затем расширяет славянскую часть данной словарной статьи, дополняя ее словами: *неписмоученый, неписмознателень, простой, простакъ* (ср. у Е. Славинецкого: *indoctus, ненаучите(л)ний, некни(ж)ний* [Лекс. лат. 1973: 233]). Здесь, как видим, наряду с кальками, книжными образованиями, присутствуют и другие варианты – *простый* (в книжно-славянский форме) и русская параллель *простакъ*, т.е. ‘необразованный, неученый’, что соответствует семантике данных иноязычных слов.

В переводной части Лексикона Влаха представлены и заимствования или транслитерированные слова, чаще всего это грецизмы, что обусловлено, безусловно, спецификой самого словаря, являющегося сокровищницей лексики греческого языка. Лексемы иноязычного происхождения Барсов снабжает дополнительными книжно-славянскими эквивалентами, например, греч. χειρουργός и лат. *chirurgicus* он толкует так: *рукодѣлатель, хирургъ, рукодѣль*, т.е. не только помещает в перевод греческое по происхождению слово, но и калькирует его (ср. греч. χεῖρ ‘рука’, ἔργον ‘дело’). Следует отметить, что сложение *рукодѣлатель* в значении ‘тот, кто занимается ручным трудом’ представлено уже в переводных памятниках церковнославянской письменности XI в. (греч. χειροτέχνας) [СлРЯ XI–XVII, 22: 248]. Ср. славянские эквиваленты греческих лексем в соответствующей словарной статье «Лексикона трехязычного» Ф. Поликарпова: *рукодѣлникъ, рукохудожникъ, рукодѣлатель, χειροτέχνης, χειρουργός* [Лекс. трехяз. 1704: 85].

Несколько славянских соответствий представлено и в словарных статьях, содержащих названия конкретных предметов, например: *δεκάκι, baculus, палка, патогъ, палица*. Обратимся к следующей словарной статье, в которой греч. ἀφορα, ἀφορεῖς, лат. *amphora*, итал. *anfora* первоначально переведены так: *великая бочка, мѣхъ, чванъ*; далее следуют дополнения Барсова: *скудель, делва, двоухъ*. Ср. у Е. Славинецкого: *amphora, мѣх, скуде(л), чван(ец), чва(н)* [Лекс. лат. 1973: 81]. В обоих словарях, как видим, совпадают в славянском переводе слова *мѣх*, древнеславянское *скудель* ‘глиняный сосуд, горшок’ и характерное для церковнославянской письменности название разного рода сосудов – *чван (чванец)*. Как известно, амфора – древний глиняный сосуд для жидких и сыпучих продуктов

с двумя ручками и узким горлом. В славянской части Лексикона Влеха отсутствует заимствованное слово *амфора*, хотя оно засвидетельствовано в славянских текстах с конца XV в. Оно представлено, в частности, в Библии 1499 г.: «...любезнейше дасться ему ... и вина амфоръ 100». Библия Генн. [СлРЯ XI–XVII, 1: 36]. А в «Арифметике» Л. Магницкого 1703 г. оно поясняется следующим образом: «*Амфора капитолинская... словенски может именоватися боченок*, имѣет же в себѣ 80 либр» [СРЯ XVIII, 1: 63].

Переводчик приводит в данной словарной статье славяно-русские эквиваленты иноязычного слова, пытаясь ими передать его значение. Отсюда в переводе и возникают соответствующие параллели: *великая бочка*, *мѣхъ*. Второе слово среди прочих имело и значение ‘мешок, обычно из шкуры животного, для жидких и сыпучих тел’. Ср., например, в деловой письменности XVI в.: «Привез... *три мѣхи медвяных*». Кн. прих.-расх. Волокол. мон. № 1028. 1576 г. [СлРЯ XI–XVII, 9: 130]. Представлено это слово и в памятниках XVIII в., ср. в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана (1731): «*Мѣх винный*», а также в «Словаре ручной натуральной истории» (пер. с фр.) 1788 г.: «Шьют из них <козловых кож> *мѣхи для перевозки вина и масла*» [СРЯ XVIII, 12: 161]. Как видим, оба источника – переводные словари XVIII в.

Слово *делва* ‘бочка’, вписанное в славянский перевод Барсовым, широко представлено в памятниках письменности XIV–XVIII вв., например: «Прочая от имѣния своего вложи в сосудъ, в *дельву*, рекше в *бочку*». Жит. Ант. Римл., 263. XVI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 4: 205]. Ср. в «Книге житий» Дим. Ростовского (1705): «Извлекоша *делву* велику <на поле: бочку>, имущую обручи желѣзныя» [СРЯ XVIII, 6: 84]. К концу XVIII столетия этот славянизм, по данным Словаря русского языка XVIII в. (СРЯ XVIII в.), выходит из употребления.

Все слова, представленные в славянской части данной словарной статьи, называют разного рода сосуды, а поскольку амфора – это сосуд с двумя ручками, в переводе появляется сложное образование *двоухъ*, вписанное А.К. Барсовым, которое отсутствует в исторических и диалектных словарях русского языка. Таким образом, при толковании иноязычного слова используются в данном случае названия предметов, знакомых русскому человеку и чем-либо напоминающих реалию, названную словом *амфора*, т.е. при переводе осуществляется их сопоставление. Заметим, что, толкуя греческое слово *амфора*, В.И. Даль также прибегает к сопоставлению, ср. его определение: «...остроконечный книзу глиняный кувшин, *кубышка*; их находят в древних гробницах» [Даль 1978–1980, I: 15]. Славяно-русские эквиваленты, таким образом, отражают то, с чем ассоциируются иноязычные слова у русского переводчика.

В другой словарной статье нашего источника греч. *φακίδα* ‘веснушка’, лат. *lentigo* ‘чечевицеобразная пятнистость’, ‘веснушки’ переводятся: *пѣга*, *пѣжина*, *пѣма*. Ср. толкование латинского слова у Е. Славинецкого: *lentigo*, *вре(с)ка*, *пѣга* [Лекс. лат. 1973: 252]. Слово *пѣга* ‘пятно, крапина на коже’ за-

свидетельствовано в памятниках письменности XVI–XVII вв., ср.: «Натолкаи ее с пресным медом – выгоняет *пегги* или лишаи телесный» (Лечебник) [СлРЯ XI–XVII, 14: 185]. Слово *пега* ‘веснушка’ известно многим славянским языкам, ср.: болг. *пега*, серб.-хорв. *пјега*, чеш. *рпна*, словац. *репа*, пол. *piega*, в.-луж. *riha*, н.-луж. *рѣга* [Фасмер 1986–1987, III: 225]. В русском языке это слово появилось, видимо, под влиянием польского языка.

Производное от него *пѣжина* ‘пятно, пятна на коже (у человека)’ представлено, например, в Новгородских кабальных книгах: «А собою онъ молодъ, на лице у него *пѣжина*... лицомъ русь». 1594 г.; ср. в Лечебнике (кон. XVII – нач. XVIII в.): «У которых от вѣтрости *пѣжины* или от нечистоты на лице бываютъ, коли помажетъ, вскоре згонить» [СлРЯ XI–XVII, 14: 186]. В ином значении ‘пятно другого цвета на шерсти животного, перьях птицы’ данное слово употреблялось как в старорусской письменности, так и в языке XVIII в., например: «Продал... коненка *пега*, на каре белые *пежины*, ноги все белые» (Там. кн. I. 1636 г.) [СлРЯ XI–XVII, 14: 186]; «*Чайки дымчатая* <...> в первой год бывают с *красно-темными пѣжинами*» (Сл. натур. ист. 1788 г.) [СРЯ XVIII, 18: 256].

Во втором значении слово *пежина* в современном русском языке свойственно профессиональной речи [БАСРЯ 2011: 529]. Известно оно и в русских народных говорах, так, в вятских говорах *пежина* – ‘пегое пятно на шерсти лошади’. Интересно, что в диалектной речи данное слово употребляется в более широком значении ‘пятно на чем-л.’ (на каком-либо предмете, одежде и т.п.), например, в тверских говорах: *Пежина на потолке*; ср.: *Выкрасила юбку, а она начто-то вся в пежинах образовалась* (Кемер.) [СРНГ, 25: 314].

Следующее славянское соответствие *пляма* ‘пятно’ В.И. Даль дает с пометой «зап.» [Даль 1978–1980, III: 133]. Действительно, по данным «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), это слово известно в брянских говорах в значении ‘пятно на лице, теле’, ср.: *Лицо покрыто плямами*. Кроме того, как и слово *пежина*, в западнорусских говорах (брянских, смоленских) *пляма* обозначает ‘пятно; запачканное место на чем-л.’ [СРНГ 1965–2010, 27: 174]. Это наименование является достоянием диалектов русского языка. Таким образом, все славянские параллели в данной словарной статье соответствуют семантике иноязычных слов.

Слова *веснушка* и *веснуха* появляются в русском языке во второй половине XVIII в. Первое слово представлено, в частности, в издании «Поденщина», ср.: «Для согнания с лица пятен или *веснушек*»; второе – в «Полном французском и российском лексиконе» (1786): «*Веснухи, веснины*, пятна рыжеватые на лице и на руках» [СРЯ XVIII, 3: 68]. Однокоренной вариант *веснины* зафиксирован несколько ранее в сочинении «Флорина экономика», переведенном с немецкого языка (1738), ср.: «*Веснины на лице*». В конце XVIII в. слово *веснины* было включено в Словарь Академии Российской (1789) [СРЯ XVIII, 3: 68].

Итак, рассмотренные материалы ярославского экземпляра Лексикона Герасима Влаха показывают, как создавался славянский перевод представленных в нем иноязычных слов, как отрабатывались межъязыковые лексические соотнесения. Приведенные примеры наглядно демонстрируют стремление русских переводчиков к более полной, адекватной передаче славянскими средствами иноязычных вокабул.

Источники и словари

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка [Текст]. – СПб., 2011. – Т. 15.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. – М., 1978–1980.

Лекс. лат. – Славинецкий, Е. Лексикон латинський [Текст] // Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. – Київ, 1973.

Лекс. трезяз. – Поликарпов, Ф.П. Лексикон трезязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище [Текст]. – М., 1704.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2008. – Вып. 1–28.

СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст]. – М. ; Л./СПб., 1965–2010. – Вып. 1–43.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. [Текст]. – Л./СПб., 1984–2011. – Вып. 1–18.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 т. – М., 1986–1987.

Литература

Кутина, Л.Л. Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) [Текст] // Словари и словарное дело в России XVIII в. – Л., 1980. – С. 70–89.

Пекарский, П. Наука и литература в России при Петре Великом [Текст]. – СПб., 1862. – Т. 1.

Ховрина, Т.К. Лексикографическая деятельность справщиков Московского печатного двора [Текст] // Русский язык конца XVII – начала XIX века (Вопросы изучения и описания) : сб. 3. – (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды ИЛИ РАН. – Т. V. – Ч. 3). – СПб., 2009. – С. 92–103.

И.Н. Хрусталёв
(Рязань)

ЕРАНДУЧЬ, КРЯ И ОСОКА
(К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ТОПОНИМИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)

Центральнорусская топонимия содержит в себе еще немало загадок, касающихся происхождения множества названий. Очевидно, что поиск достоверных ответов на них – немаловажная задача для исследователя топонимии, ее решение позволит лучше представить картину исторического развития русского языка, проследить динамику этноязыковых процессов и становления системы географических наименований Центральной России. Причем подходить к этимологизации топонимов следует в рамках комплексного лингво-культурологического анализа, который опирается на все доступные сведения исторического, этнографического, культурологического и лингвистического плана, так или иначе касающиеся исследуемой топонимии (о сути такого анализа мы уже говорили в одной из работ [Хрусталеv 2008: 183]). Необходимо также добавить, что часто установление достоверной этимологии затрудняется рядом факторов, одним из мотивирующих апеллятивов, например, рассмотрим некоторые, на наш взгляд, интересные в этом отношении названия водных объектов и связанные с ними ойконимы.

В каталоге «Гидронимия бассейна Оки» Г.П. Смолицкая отмечает названия небольшой речки *Ерандучь* (левого притока реки Павловки, правого притока Оки) и расположенной на ней деревни *Ерандуч* [Смолицкая 1976: 165] со ссылкой на планы Генерального межевания Рязанской губернии конца XVIII – начала XIX в. В других источниках XIX в. гидроним уже не указывается, по-видимому, из-за незначительности водного объекта, а название населенного пункта представлено в следующих формах: сельцо *Ерандучь* (карта Рязанской губернии 1850 г. масштаба 1 верста в 1 дюйме из атласа А.И. Менде), сельцо *Ерандачь* (карта Рязанской губернии 1850 г. масштаба 2 версты в 1 дюйме из атласа А.И. Менде), деревня *Ерандучи* (*Ерандычь*) (Списки населенных мест Российской империи: 5). В «Писцовых книгах Рязанского края» в документах за 1628–1629 гг. находим интересующее нас название в таком отрывке: «За Ивановъ Ондръевымъ сыном Ржевскимъ – отца ево купленная вотчина треть пустоши *Ерандучи* – пашни перелогом и дикого поля» [Писцовые книги Рязанского края 1900: 662] (*пустошь* – «незаселенная земля, дальний от селения особняк, участок того же владельца, но не входящий, по дальности своей, в надел; покинутые надолго из-под сохи поля, залежь; покосы из-под пашен» (Даль 1912–1914, III: 561), *пустошь* – «незаселенная земля» [Срезневский 1890–1912, II: 1730]). В настоящее время отмечено на топографической карте как нежилое поселение *Ерандучи* и представлено в списке «Административно-территориальное деление Рязанской области» за 1970 г., в списках же населенных пунктов области за 1997 г. отсутствует.

Таким образом, мы имеем несколько вариантов наименования, а именно: *Ерандачь*, *Ерандуч(ь)*, *Ерандычь*, *Ерандучи*. В «Писцовых книгах»

представлена, по-видимому, форма родительного падежа от *Ерандучь*, согласованного со словом *пустоши*, что соответствует традиции согласования топонимов с родовыми понятиями в деловых документах и на картах XVII–XIX вв. (ср. «За Володимеромъ Ѳедоровымъ сыномъ Злобинымъ – старая ево вотчина, половина д. Перекали...» [Писцовые книги Рязанского края 1900: 660] (совр. д. Перекаль).

Исходя из того, что разные источники дают различные варианты топонима, мотивирующую его основу также можно представить в виде нескольких вариантов – *еранд(а)*, *еранд-ак*, *еранд-ук*, *еранд-ык*. В словаре В.И. Даля находим слова *еранда* ‘жидкий, безвкусный квас или бражка’, *еранда* ‘егоза или елоза, болтливый непоседа, неугомон’ и *ерандак* (*еру(ы)ндак*) ‘род пялец на роспуски, для простора при укладке товара’, *ерандачник* ‘ломовой извозчик с ерандаком’ [Даль 1912–1914, I: 859]. Кроме того, необходимо учесть, что в «Обратном словаре гидронимии бассейна Оки» приводятся несколько названий, финалы которых совпадают с финалами рассматриваемого топонима: *Рогод-ач*, *Ке(и)рж-ач*, *Пуз-ач*, *Лих-ач*, *Столб-ич*, *Вяз-ич*, *Никул-ич*, *Никул-ичи*, *Паникул-ич*, *Хан-ич*, *Загор-ич*, *Кирж-ачь*, *Муж-ачь*, *Люб-ичь*, *Вситк-учь*, *Вег-ачи*, *Крем-ичи*, *Лан-учи*, *Пот-ычи* [Смолицкая 1988, 2: 5, 68, 75].

В связи с этим может быть дано несколько вероятных этимологий наименования. Во-первых, если предположить, что различное написание финалы топонима связано, скорее всего, с неустойчивостью заударного вокализма в акающих говорах, возможно допустить, что варианты финалы топонима *-учи/-учь/-ычь* представляют собой искаженный патронимический суффикс *-ич(и)*, следовательно, очень вероятно, что в основе названия лежит характеризующий антропоним-прозвище ⁺*Еранда* (< *еранда* – «егоза, непоседа»). В таком случае первичным нужно считать наименование пустоши и трактовать его как ‘пустошь, принадлежащая ⁺*Еранде* или его семье’ (ср. *Никуличи*, *Никулич*, *Кремичи*). Во-вторых, топоним может мотивироваться и *еранда* в значении «жидкий, безвкусный квас или бражка», в этом случае первичным будет название реки, которое метафорически характеризует какие-то ее природные особенности (какой-то особый цвет воды, например) (ср. с образованными от апеллятивов: *Столб-ич*, *Вяз-ич*, *За-гор-ич*). В-третьих, и лексема *ерандак* ‘род пялец на роспуски, для простора при укладке товара’ могла, видимо, выступать в виде антропонима-прозвища ⁺*Ерандак*, характеризующего человека с длинными руками, например, или очень широкоплечего, тогда топоним (и в качестве названия реки, и в качестве названия пустоши, что более вероятно) может указывать на принадлежность объектов кому-то по прозвищу ⁺*Ерандак* (*Ерандачь* < *Ерандак* + суфф. *ј*). Не исключена, конечно, и вероятность определенной контаминации в рамках семантики топонима в процессе его употребления.

В каталоге «Гидронимия бассейна Оки» отмечаются также гидронимы *оз. Кра Колодески*, *оз. Кра Мочилское* и *оз. Кра Дрековник* [Смолицкая 1976: 79], о которых Г.П. Смолицкая в примечаниях пишет: «Несколько озер в излучине р. Упы нанесены только на одну из карт МГМОрл. Названия их написаны неразборчиво, каждое состоит из двух слов, первое слово названия – из трех букв, напоминающих Кра» [Смолицкая 1976: 287]. На наш взгляд, помочь в объяснении семантики их главного компонента *Кра* может, например, то, что на карте Рязанской губернии середины XIX в. встречается название деревни *Савина Кря*, в других источниках – д. *Совей Корь*, сейчас – д. *Савин Корь*. Очевидно, что главный компонент топонима – это онимизированный местный апеллятив-термин *корь* (др.-рус. *кърь*) (*кърь*, *корь*, *корь* ‘место, расчищенное под пашню; небольшой лесок, кустарник, выросший на месте выкорчеванного леса; пень, ствол старого дерева как межевой знак’ [Словарь русского языка XII–XVII вв., 7: 354–355]; *корь* ‘небольшой лесок или кустарник на месте вырубленного леса’ [Смолицкая 1969: 123], зафиксированный на старой карте в составе топонима, по-видимому, в произвольно образованной составителем форме женского рода с беглым гласным, в соответствии с тенденцией к согласованию топонимов в роде с родовыми терминами (ср., например, на той же карте: деревня Деулина, деревня Давыдова, деревня Новлянская). Похожая форма Р. п. с беглым гласным от *корь* приводится в составе иллюстративного материала в «Словаре русских народных говоров: «Куда ты идешь? – Только до дубового кря» [СРНГ XV: 38]. Как можно видеть, в источниках имеется и вариант с твердой основой – *кор* (*корь*), который вполне может мотивировать указанные выше гидронимы – *Кра Колодески*, *Кра Мочилское* и *Кра Дрековник* (кроме того, встречается в Поочье и наименования *Кор* и *Карей Кор* [Смолицкая 1976: 85, 158]. Скорее всего, *Кра* допустимо расценивать либо как не зафиксированную в источниках в нарицательном употреблении диалектную форму женского рода от *кор*, либо как форму Р. п. от *кор*, указывающую на пространственную близость озер к месту, которое обозначается данным термином (т.е. *озеро кра* = озеро, расположенное возле *кра/кря* (< *къра* (*кърь*)/*къря* (*кърь*)). Второй компонент можно расценивать как основное, характеризующее наименование водного объекта (*Мочилское*) или места в целом (*Колодески*, *Дрековник*). Слово *корь* в некоторых значениях относится к терминологии подсечного земледелия, от которой особенно часто образуются как названия поселений, так и гидронимы.

Очевидно, что не с названием травы, а также с терминологией подсечного земледелия могут быть связаны и гидронимы *р. Осока*, *р. Осочка*, *оз. Долгая Осока* (< *осока* ‘место вырубki’ < *осочить* ‘снять по кругу кору’ [Даль 1912–1914, III: 717; ЭССЯ XXIX: 125–128.], хотя, конечно, в данных случаях возможно производство и от *осока* ‘вид прибрежной

травы' [там же], и от *осока* 'навозная жижа, грязь' [СРНГ XXIV: 42; Фасмер 1964–1971, III: 163; ЭССЯ XXX: 6,7], по-видимому, через этап перехода в апеллятив-термин. Особенно интересным в плане сопоставления можно считать окское название *Глушица Польская Осока* [Смолицкая, 1976: 209], где первый компонент образован от апеллятива-термина *глушица* (< *глушица* 'непроточная старица' [Мурзаев 1984: 145; Смолицкая 1981: 185], второй указывает на расположение объекта (ср. *оз. Польское*), и поскольку он относится к третьему компоненту, то закономерно будет предположить, что тот, в свою очередь, мотивируется также апеллятивом-термином ⁺*осока* (< *осока* 'навозная жижа, грязь'), который, скорее всего, обозначает озеро с заболоченными, влажными берегами.

Этимологический интерес представляют и некоторые другие составные наименования. И в первую очередь, стоит сказать о гидронимах с главным компонентом *куст*: *Долгий Куст*, *Журавлиный Куст*, *Медвежий Куст*, *Осинов Куст*, которые могут пониматься как указывающие на соседство объекта с зарослями каких-либо кустарников, что, в общем, не лишено оснований. Но странными кажутся зависимые части, по крайней мере, трех первых названий, да и употребление слова *куст* в единственном числе может вызвать определенные вопросы. Это связано с тем, что этимологически главный компонент этих гидронимов восходит не к нарицательному слову *куст* в его современном значении, а к омонимичному ему географическому апеллятиву-термину, который определяется как 'небольшая роща в вершинах степных логов, в западинах; западины, заросшие кустарником' [Мурзаев 1984: 322]. Видимо, в Рязанском Поочье у данного термина развились еще значения 'заросшее кустами болото, расположенное в низине' или 'озеро с заросшими кустами берегами'. И в таком случае можно сказать, что главный компонент данных названий изначально указывал на тип объекта, а зависимый на тот или иной его признак (*Долгий* на размеры и вытянутую форму, *Осинов* на связь с растительностью, *Журавлиный* и *Медвежий* на связь с животными). Но в любом случае определенное сужение семантики у этих гидронимов произошло, так как слово *куст* уже не осознается как термин. Что же касается самого термина *куст*, то небезынтересно будет обратиться к этимологии этого слова вообще, П.Я. Черных, например, возводит его к о.-сл. **kupa* 'совокупность' (*куст* < **kupst(pst>st)* < **kupa*) [Черных 1994, I: 458], и закономерно будет предположить, что лексема *куст* изначально обозначала не только отдельное кустарниковое растение, но и небольшие совокупности любых деревьев. И тогда более ясным становится название *Осинов Куст*, так как осина все же дерево, а не кустарник.

Источники и словари

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – СПб. ; М., 1912–1914. – Т. I–IV.

Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов [Текст]. – М., 1984.

Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII века [Текст] / под ред. В.Н. Сторожева. – Рязань, 1900. – Вып. 2. – Т. I.

СРНГ – Словарь русских народных говоров [Текст] / под ред. Ф.П. Филина. – М. ; Л./СПб., 1965–2007. – Вып. I–XLI.

Словарь русского языка XII–XVII вв. [Текст]. – М., 1975–2007. – Вып. I–XXVIII.

Смолицкая, Г.П. Обратный словарь гидронимов бассейна Оки [Текст]. – Препр. – М., 1988. – Ч. I–II. – № 3, 4 за 1988 г.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Рязанская губерния [Текст]. – СПб., 1859.

Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст]. – СПб., 1890–1912. – Т. I–III.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – М., 1964–1971. – Т. I–IV.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов [Текст]. – М., 1994. – Т. I–II.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд [Текст] / под ред. О.Н. Трубачёва, А.Ф. Журавлёва. – М., 1974–2011. – Вып. I–XXXVII.

Литература

Смолицкая, Г.П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер) [Текст]. – М., 1976.

Смолицкая, Г.П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: Проблема реконструкции [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1981.

Смолицкая, Г.П. Корь/корёк как географический термин [Текст]. – М., 1969.

Хрусталёв, И.Н. Листвянка или Листань? [Текст] // Культура народов Причерноморья : науч. журн. – № 6. – Симферополь, 2008. – С. 183–186.

С.М. Шамин
(Москва)

ИЗ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ СЛОВА «КОМЕТА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

28 апреля 1866 г. И.И. Срезневский на заседании Второго отделения Академии наук представил записку с планом работы над словарем древнерусского языка, в которой отмечал особую важность слов, отражающих отвлеченные или научные понятия и представления. Он считал необходимым выяснить, как и с какого времени такие слова стали употребляться в русском языке [Срезневский 1893: II]. Данная публикация посвящена истории слова «комета». В число наших целей входит: 1) определить, когда в рукописных памятниках появляются упоминания о данном природном явлении; 2) к какому времени относится первая фиксация термина «комета»; 3) каковы были конкретные источники заимствования номинации «комета»; 4) когда слово начали употреблять регулярно и без дополнительных пояснений; 5) в речи каких социальных и профессиональных группах оно бытовало; 6) как долго в языке сохранялась предшествующая традиция именованя данного природного объекта.

Перейдем к анализу словоупотребления в источниках различных типов. В первую очередь обратимся к летописям. Эти материалы крайне важны, поскольку описываемые в них события имеют хронологическую привязку. Даже если сообщение сохранилось не в оригинальном летописном произведении, а в составе более позднего памятника, «осовременивания» языка оригинала обычно не происходило. По крайней мере таких случаев не выявлено. Кроме того, в отличие от переводчиков иноязычных сочинений, летописцы были свободны от влияния языка оригинала. Анализ летописных материалов значительно упрощается благодаря исследованию М.Л. Городецкого, поместившего в приложении к переизданию трудов Д.О. Святского каталог астрономических известий русских летописей [Городецкий 2007: 494–598]. На основе каталога составлена таблица 1, в которой в хронологическом порядке приведены описания комет. При составлении таблицы из данных Городецкого исключены сообщения составленных на территории Речи Посполитой памятников позднего летописания, не летописные материалы, а также повторяющиеся сходные описания одного явления.

Таблица 1

Описания комет в русских летописях

Год	Текст описания
1066	звезда велика; звезда привелика, луце имуши акы кровавы, възсодающи

	с вечера по заходе солнечною; звезда образ копиинны; звезда... испущающе луча, еуже прозываху блистаньницу
1105	звезда с хвостом
1145	звезда привелика... испущающи луча
1222	звезда... и бе от нея луча не възрак человеком, но яко в полуденью... и бе величеством паче инех звезд; звезда, глаголемая копие, простираема от востока до запада копейным образом; звезда... луча от неа копейным образом, юже зовяху человеци хвостата; звезда... копейным образом; звезда... глаголемая докит, рекше яко копие, простираема... копийным образом
1264	звезда... хвостатая образом страшным испускающе от себе луч великы си же звезда наречается власатая; звезда хвостата
1266	звезда... бе луча от нея долга, яко хвост
1301	звезда... лучи имущи яко хвост; звезда... луча вверх испущая яко хвост
1367	звезда копейным образом; звезда хвостата
1381	звезда копейным образом; звезда некая аки хвостата и аки копейным образом
1402	звезда хвостата... луч имущи светел; звезда немала, аки копейным образом, верхоу же аки лоуч сияше; звезда велика зело копейным образом, верху ея луч сияше
1471	звезда велика, а от нея луч долог; звезда хвостата; звезда копейным образом; звезда с хвостом; звезда, и протяже, от себе испусти луча аки хвост
1491	звезда хвостата
1499	звезда хвостата; звезда хвостовая
1520	звезда хвостата
1531	звезда, а хвост от нея вверх, как бы луч протянулся; звезда некая хвостата копейным образом
1532	звезда... луч сияше от ней велик; звезда светла велика и испущаше от себе луч велик
1556	звезда хвостата; звезда копейным образом
1584	звезда с хвостом
1619	звезда копейным образом; звезда... величиною она бяше как и протчие звезды, светлостию ж она тех звезд светлее
1664	звезда хвостовата
1680	столп облачной светлойна западе от звезды; звезда... величиною она как и протчие звезды, светлостию же тех звезд светлее
1683	звезда с хвостом
1697	звезда с хвостом

Из приведенных материалов видно, что для русских летописей во всех случаях комета – некая «звезда». Иногда дается описание «звезды», но чаще всего упоминается, что эта «звезда с хвостом», а также «хвостата» или «хвостовата». В ряде случаев упоминание «звезды» сопровождается определением «копейным образом», которое характеризует форму хвоста кометы – в виде копья.

В летописях представлено несколько конструкций, где «звездам» (кометам) как бы дается название: «еюже *прозываху* блистаньницу», «*глаголемая* копие», «звезда... *глаголемая* докит, *рекше* яко копие», «*наречается* власатая». В последнем случае словом «власатая» летописец явно переводит известное ему греческое «κομήτης», т.е. «комета». Слово «докит» в самом тексте определено как «копие». Возможно, что это искаженное греческое «δору» – копье, пика. По крайней мере, найти более близкой аналогии пока не удалось. Появление наименований «блистаньница» (т.е. блестящая) и «копие» (т.е. похожая на копье) находит объяснение в русском языке – здесь наиболее яркие признаки комет превращаются в наименование самого астрономического явления. Однако в любом случае перечисленные наименования кометы не стали устойчивыми и не закрепились в языке за астрономическим явлением в качестве прямой номинации.

Следует отметить, что в летописях употреблялось и слово «комета». Однако во всех случаях это летописи, составленные в белорусских и украинских землях Речи Посполитой. При этом использование термина, особенно на ранних этапах, хорошо коррелируется с летоисчислением от рождения Христова, что было несвойственно для восточнославянского православия. К примеру, «Кройника литовская и жмойтская» сообщает: «року 1320. Две кометы...». Очевидно, что появление слова «комета» в украинских и белорусских летописях связано с распространением польской «латинской» культуры.

Аналогичным образом, под влиянием европейской культуры, слово «комета» проникает и в русский язык. Его наиболее раннее упоминание встречаем в сборнике Бисер златый (Луцидариус) [Словарь 1981: 263], представляющем собой нечто вроде энциклопедии, рассказывающей о мироустройстве. Луцидариус переведен с немецкого языка в начале XVI в., хотя его древнейшие списки относятся уже к XVII в. [Буланина 1989: 72–76]. Характерно, что в Луцидариусе слово «комита» определяется как «звезда подобная лучу»: «звезда комита дает блистание от себе яко луч» [Луцидариус 1859: 57].

Первый случай фиксации слова еще не свидетельствует о том, что оно вошло в язык. Выше отмечалось, что в летописях встречались попытки обозначить «звезду с лучом» тем или иным наименованием, не приведшие, однако, к закреплению этого наименования за астрономическим явлением. Слово «комета» также некоторое время оставалось не востребованным.

Начало перелома приходится на середину 1660-х гг. В это время в небе над Европой действительно появлялись кометы. О них писали в европейской прессе, а оттуда сообщения попадали в куранты (обзоры немецкой и голландской прессы, которые составлялись для царя и бояр в Посольском приказе). Кометы упоминаются в 16 сводках курантов этого десятилетия. Для 5 статей из курантов И. Майер выявила иностранные оригиналы [Вести-Куранты 2008: 2]. Астрономическое явление в 7 случаях обозначено словом «комета» и еще один раз – «комет». В трех из этих слу-

чаев установлена нидерландская параллель – «*commeet/comeet*». В 5 случаях в курантах речь шла о «звезде» («которая побегает на восток», «новой» и трижды – «с хвостом»). Оригиналы выявлены для двух случаев. Оба раза в нидерландской газете видим «*sterre*» – «звезда». Это позволяет сделать вывод о том, что появление в переводных текстах традиционных наименований может быть связано и с номинациями, используемыми в иноязычных оригиналах. В трех случаях использовано сразу оба наименования, к примеру, в 1668 г. писали: «Видели тамо на небе страшную крававую комиту (это единственный случай, когда, в отличие от современного написания, слово в курантах пишется через «и». – *С.Ш.*) или звезду с хвостом» [Вести-Куранты 2009: 1, 257]. Позднее, в курантах 1680-х гг., слово «комета» уже употреблялось регулярно (выявленные случаи упоминания «звезд» связаны с метеоритами). Как правило, о кометах писали без дополнительных пояснений. Так, в конце 1680 г. из Рима сообщали, что «вновь являющаяся комета от звездознатцов велми злополучною толкуется, а наипаче, что недавно у некоторого честного служителя курица снесла яйцо, на котором помянутая комета тем подобием велми естественно изображена была. И видели то яйцо многие искусные люди с великим удивлением. А весь мир о том небывалом деле в великом страхе пребывает» [РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 267]. Около месяца спустя корреспонденты сообщали из Кёльна: «Кроме знаемой кометы, еже ныне невидима стала, в сей области объявились удивительные птицы с ягненка величиной, весом в 30 и 40 фунтов. О чем сетуют и страшного последствия опасаются, понеже преж сего в начале бывшей войны такие птицы видимы были. Еще сказывают о двух иных кометах, которые показались на полуночи» [РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 194].

Некоторые известия курантов выглядели как записи научных наблюдений. В «Переводе с печатных цесарских и галанских вестовых курантов, каковы присланы чрез рижскую почту в нынешнем во 191-м (1682) году октября в 4 день» (на них имелась помета: «191 года октября в 5 день великим государем известно». – *С.Ш.*) сообщалось: «Ис Колштена/дацкой/(помета на полях рукописи. – *С.Ш.*) сентября в 1 день. Прошлого понедельника подлинно и явственно видели звезду с хоботом ю же называют комету, она же показуется широтою на 54 града/град почитается мерою по 75 верст/(помета на полях рукописи. – *С.Ш.*) и на 33 минуты часовых, а длиною протянется на 43 градуса и на 58 минут. Она же восходит по обычаю при вечери в 9 часу в 10-м градусе над нашим горизонтом (в том небесном крае, под которым живем) из северного востоку, а сходила в половине 12-го часа, и погода после часа с три паки появилась. Хобот у нее видитца исполнити 10 градусов и течением своим на сутки проходит 5 градусов» [РГАДА. Ф. 155. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 235–242].

В связи с появлением кометы 1680 г. на русский язык перевели с польского языка два небольших научных сочинения по данной тематике. Одно рассказывало о комете 1577 г. Его автором был Самуэль Дамбров-

ский. Второе произведение математика Станислава Невеского было посвящено непосредственно комете 1680 г. С появлением последней кометы современники связали смерть царя Федора Алексеевича (ум. 27 апреля 1682 г.). Данный взгляд на комету отразился в стихах различных авторов: «День той 27 всезлобный комета принесет,/Российским царем во гроб тяжко потрясет»; «Комета егда в небе видена бывает,/Никое благо быти на земле являет» [Николаев 1997: 684–688].

Слово «комета» встречаем в «Известии о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России», написанном его клириком И.К. Шушериным в 1680-х гг. Интересующее нас событие относится к 1664 г., когда Никон, живший по своей воле в Ново-иерусалимском монастыре, узнав, что его хотят сместить с патриаршества, приехал в Москву прямо на утреню службу в Успенском соборе. Однако царь не захотел примирения, и Никона выслали из Москвы уже по царскому указу. Возмущенный патриарх, покидая Кремль, стал отряхивать ноги со словами «идеже аща не приемлют вас, исходяще из града того, и прах прилепший к ногам вашим отрясите во свидетельство на ня». В их словах содержалась угроза божьей кары, отсылающая к евангельской цитате: «В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» [Мф., 10: 11–15]. В ответ же патриарх услышал уничижительное восклицание: «мы убо прах сей подметим». На это Никон разразился новой угрозой: «разметет убо вас сия метла, явльшаяся на небеси, бе бо в то время явльшаяся на небеси хвостовая звезда, якоже метла, еже есть комета...» [Известие 1871: 47]. Здесь Никон использовал игру слов: «метла» – инструмент для подметания мусора и «метла» – народное наименование кометы, которое фиксировалось в этнографических записях вплоть до XIX в. Характерно, что И.К. Шушерин счел необходимым разъяснить для образованного читателя эту игру, используя в пояснении как нормальное для летописей наименование «хвостовая звезда», так и новое, характерное для придворной культуры конца XVII в., «комета».

Попытаемся на основе изложенных выше данных реконструировать историю бытования слова «комета» в русском языке. Образованные древнерусские книжники, безусловно, сталкивались с греческим «κομήτης», но воспринимали его как иностранное. Слово передавали в древнерусских текстах «переводя», или заменяя привычным описательным наименованием. С древнейших времен вплоть до второй половины XVII столетия для определения комет в русском языке ключевым являлось слово «звезда». Это оставалось нормой даже в тех редких и хронологически достаточно

поздних переводных текстах, где при переводе термин «комета» сохранялся. Между наиболее ранним случаем употребления слова в русском языке и началом его устойчивого использования прошло более столетия. Иными словами, доступный для заимствования термин оставался невостребованным в течение долгого времени. Ситуация изменилась в годы правления царя Алексея Михайловича. Слово «комета» стали использовать как в переводных, так и в оригинальных текстах. Все выявленные к настоящему моменту записи XVII в., создатели которых использовали слово «комета», имеют ту или иную связь с придворной культурой. Из профессиональных групп его быстрее всего освоили специалисты Посольского приказа. В русском же летописании продолжали использоваться традиционные наименования комет. Объяснением этого может служить то, что в XVII столетии государственного летописания в России уже не существовало. В конце века летописцы составляли в патриаршем скриптории, при монастырях, их писали дьячки, дворяне, простые горожане и даже крестьяне. Новые веяния придворной культуры до этих категорий населения доходили со значительным запозданием.

Перейдем к источникам, из которых слово было заимствовано в русский язык. Среди них хорошо знакомые образованным россиянам украинские, белорусские летописи и польские хроники, а также сочинения о кометах и публикации в прессе на польском, немецком и голландском языках. Бросается в глаза, что среди языков-доноров нет греческого. Такое положение дел вполне объяснимо. Для того чтобы термин утвердился в русском языке, первоначально должно было сформироваться понимание принципиальных отличий между кометами и звездами. Между тем, переводов греческих сочинений о кометах в русской книжности не известно. Оригиналы выявленных к настоящему моменту русских переводных текстов о кометах написаны западноевропейскими авторами. Важную роль здесь играли и изображения. К примеру, при царе Алексее Михайловиче в моду вошло изображать на потолках в царских дворцах «небесные беги». Эти схематические изображения неба были основаны на иностранных источниках и отличались познавательностью. В 1675 г. секретарь австрийского посольства А. Лизек сделал описание Столовой палаты Кремлевского дворца: «Стены аудиенц-залы были обиты дорогими тканями, а на потолке изображены небесные светила ночи, блуждающие кометы и неподвижные звезды, с астрономическою точностью. Каждое тело имело свою сферу, с надлежащим уклонением от эклиптики; расстояние двенадцати знаков небесных так точно размерено, что даже пути планет были означены золотыми тропиками и такими же колюрами равноденствия и повороты солнца к весне и осени, зиме и лету» [Шустова 2009: 56–81]. Как видим, изображение на потолке палаты было достаточно информативным для того, чтобы усвоить отличия между кометами и звездами. Слово оказалось востребовано лишь в момент усвоения широкого круга сведений об астрономическом явлении.

Таким образом, во второй половине XVII в. параллельно с проникновением в Россию достижений европейской научной мысли шла волна заимствования в русский язык слов астрономической тематики. В полной мере это явление проявило себя уже в XVIII в. Переход от эмпирического описания астрономических явлений к их терминологическому наименованию отражает процесс изменения традиционного сознания и формирования научного сознания и мышления. Слово «комета» вместе с научными знаниями об астрономическом явлении попало из греческого языка в латынь, потом в новые европейские языки, затем через них в речь русской знати и в итоге вместе с образованием распространилось во всех слоях русского общества. Этот процесс затянулся вплоть до начала XX столетия.

Источники и словари

Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. [Текст]. – Т. VI. – Ч. 1 : Русские тексты. – М., 2009. – 856 с. ; Ч. 2 : Иностранные оригиналы к русским текстам. – М., 2008.

Луцидариус [Текст] // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. – М., 1859. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 57, 33–68.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М., 1981. – Вып. 7 (К–КРАГУЯРЬ).

Срезневский, И.И. Материалы для словаря по письменным памятникам [Текст]. – СПб., 1893. – Т. 1.

Литература

Буланина, Т.В. Луцидариус [Текст] // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1989. – Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). – Ч. 2. – С. 72–76.

Городецкий, М.Л. Каталог астрономических известий в русских летописях [Текст] // Астрономия Древней Руси / Д.О. Святский. – М., 2007. – С. 493–597.

Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным [Текст] / сост. архим. Леонид (Кавелин). – М., 1871.

Николаев, С.И. Кометы в переводной литературе XVII в. [Текст] // ТОДРЛ. – СПб., 1997. – Т. 50. – С. 684–688.

Шустова, Ю.Э. Восприятие символики знаков зодиака в книжности Московского государства второй половины XVII в. [Текст] // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания : материалы XXI Междунар. науч. конф., Москва, 29–31 января 2009 г. – М., 2009. – С. 56–81.

А.К. Шапошников
(Москва)

ОТ АНТОВ, ВЕНЕТОВ И СЛАВЯН К ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОВОМУ СОСТОЯНИЮ

ТИВЕРЦЫ, УЛИЧИ и ХОРВАТЫ

Анты – особая народность в составе поздней праславянской общности, отличающаяся от славян и венетов [Седов 1995: 82]. (Сравни описание антов у Иордана [Iord. 1: 35]).

Анты (*Antes*) же, самые могущественные из них (венетов, славинов и антов. – *А.Ш.*), там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра (*a Danastro*) вплоть до Данапра (*ad Danaprum*). Эти реки удалены друг от друга на много переходов.

Последний раз этноним *анты* встречается у Феофилакты Симокатты. В 602 г. во время одного из походов римлян в Подунавье, аварский каган послал против антов, союзников римлян, военачальника Апсиха с поручением истребить это племя [Феофилакт Симокатта 1996: 216, 268].

В правление Коврата (605–667) значительная часть этого племенного союза именовалась уже определенно болгарами (българи) [Шульгач 2006: 47].

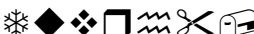
Иллюстрацией для этнической территории антов служит ареал Пеньковской археологической культуры [Седов 1994: 316–318]. Оставившее ее население – потомки создателей Черняховской археологической культуры с некоторой примесью носителей киевской археологической культуры [Славяне и их соседи... 1993: 6, 9, 10, 13]. Наиболее поздние памятники Черняховской археологической культуры 400–450 гг., наиболее ранние памятники Пеньковской археологической культуры 450–500 гг., второй этап – 500–660 гг.

Позже всех прочих антов переселились болгарские племена. Как известно, произошло это после 667 г. Они покинули лесостепное Северное Причерноморье к востоку от Днестра и вселились в Малую Скифию, в известной мере освобожденную от славянского населения аварским нашествием. В составе этой поздней антской общности были и северы, до того обитавшие в долине Северского Донца [Седов 1995: 256–273]. Опустевшие местности после ухода общности болгар заняли угорские племена, центром которых стал г. Лебедин.

Некоторые племена антского сообщества в VII–VIII вв. оставались на своих привычных местах поселения или переместились незначительно.

Скорее всего, реликтовая ономастика позднего праславянского облика между Дунаем, Днестром и Днепром оставлена антами и их потомками – *уличами, тиверцами* [Шапошников 2012б: 234]. (Ср. [ПВЛ 1: 76–80]).

• а оулѣчи тиверьци • сѣдахѣ бо по днѣстрѣ • присѣдахѣ къ дунаеви бѣ мнѣжество ихъ • сѣдахѣ бо по днѣстрѣ • или до моря • сѣтъ гради и^х • и до сего дне • да то сѣ звахѣ ѿ грекъ • великаѣ скѣфѣ • имахѣ бо вбычаи свои и законъ ѿць свои^х • и преданье кождо свои нравъ •

Здесь уместно напомнить, что античный гидроним *Tyras* может иметь индоарийскую эти-

мологию на базе др.-инд. *tīvrá-* ‘быстрый, резкий’, инд. гидронима *Tīvrā*. От подобного корня и произведен посредством суф. *-ьсь* славянский этноним тиверьци.

Уличи – славянский этноним регулярного словообразования посредством суф. *-itji* от имени родоначальника **Uľь*, вероятно, некой усеченной основы.

Реликтовая ономастика по Северскому Донцу, в Подонье и в Приазовье оставлена так называемыми *борадами* или *боранами*, предками *север*, а возможно и *хорватов*, *сербов* и *болгар* [Шапошников 2012б: 234]. (Ср. [ПВЛ 1: 73–74]).

• иже бѣхѹ в мирѣ полане • и деревлане • сѣверъ и радимичъ • и вѣтичи • и хрвате •

В данном перечислении обращает на себя внимание в одном ряду с полянами и древлянами («из рода словенского»), радимичами и вятичами (пришедшими «от ляхов»), *северов* и неких *хорватов*. Напомним, что этническое имя *хорват* сармато-аланского происхождения раньше всего зафиксировано эпиграфикой Танаиса (Χορoυάθoς).

Далее летопись описывает обычаи, получившие отражение в археологических материалах (особенно из погребений) королевства остроготов [ПВЛ 1: 91–106].

• и радимичи и вѣтичи и сѣверъ • ѡдинъ ѡбычаи имахѹ живахѹ в лѣсѣ • ѡко же всакии звѣрь • ѡдѹще все нечисто срамословыѹ в ни^х предъ Ѡтьци • и предъ снохамі браци не бывахѹ въ ни^х • и игрища межю селы • схожахѹса • на игрища на пласанье • и на вса бѣсовьскаѡ игрища • и тѹ оумыкахѹ жены собѣ • с нею же кто сѣвѣшася • имахѹ же по двѣ и по три жены • аще кто оумраше творахѹ трызно надъ нимъ • и по семь т^ворахѹ кладѹ великѹ и възложатъ и на кладъ мртвца • сожьжахѹ • и по семь собравше • кости • вложатъ в сѹдинѹ малѹ • и по ..хѹ на столпѣ на пѹте^х еже творатъ вѣтичи и нынѣ • си же творахѹ ѡбычаѡ кривичи • прочии погании •

Это свидетельство прекрасно описывает некоторые обычаи населения, оставившего черняховскую археологическую культуру III–V вв. н.э. и всех вышеупомянутых славянских, антских и венетских вlemen. (Ср. описание некоторых племен этого региона у Иордана).

(1: 36) К югу от них (*Aesti*, эстов – прибалтийских племен. – *А.Ш.*) живет могущественнейший народ акациров (*gens Acatzirorum*), не знающий земледелия, который питается скотом и дичью.

(1: 37) Хунугуры (*Hunuguri*) же известны оттого, что от них идет торговля пушниной.

«Надо сказать, что водораздельный регион Верхнего Дона – Верхней Оки обращает на себя внимание своей как бы среднерусской центрально-стью: сюда относится скопление именно здесь некоторого количества достаточно древних русских водных названий самобытного славянского вида, нередко – без соответствий в нарицательной лексике языка, например *Калитва*, *Непрядва*, *Идолга*, *Снова* и другие. <...> К водораздельному региону названных выше рек применима характеристика гидронимического центра... ниже по Дону мы вступаем в царство избыточных однородных, как правило – двучленных, названий балок и ериков типа *Офицерская балка* и даже *балка Трубачёва*... В гидронимии так ведут себя зоны экспансии» [Трубачёв 2005: 72]. «Заметную долю – можно сказать, лицо юго-восточной гидронимии составляют названия-эндемики: *Идолга*, *Излегоща*, *Калитва*, *Меча*, *Непрядва*, *Обиток*, *Плота*, *Полта*, *Толотый* и некоторые др.» [Трубачёв 2005: 146].

Примечательной особенностью промежуточной прародины антской этнической общности является присутствие на ней, помимо вост.-и.-е. гаплогруппы R1a1, далматинской гаплогруппы I2 (процентная доля которой понижается к северо-востоку) [Klyosov 2009a: 232–251, 2009b: 217–256; Рожанский, Клёсов 2009: 974–1099].

СЛОВЕНЕ

Весьма давно произошло переселение славянского племени в бассейн озер Псковского и Ильменя. Недостаточно исследованная археологическая культура псковских длинных курганов середины V–VIII вв. приписывается племенной общности словен. Эта первая из славянских миграционных волн на северо-восток в своем источнике определена археологами ошибочно на основе аналогий германских пряжек Мекленбурга первой половины V в. [Седов 1995: 211–217].

Секрет этногенеза ильменских словен заключается в том, что эти славяне пришли в содружестве с неким германским племенем, может быть, гепидами (или другими давними мигрантами из Мекленбурга на юго-восток, которые и в Трансильвании имели наследственный инвентарь еще своей северогерманской прародине).

А центром распространения собственно славянских курганных погребений, как известно, являлась археологическая культура карпатских курганов в Верховьях Тисы, Прута и Серета, откуда новая обрядность распространилась раньше всего в Волынские земли [Седов 1995: 17].

Более того, при своем продвижении от Карпат до Ильменя германцы и славяне медленно продвигались через земли восточных балтов (тушемлинско-банцеровской культуры), оставляя часть своих людей в местных селениях и увлекая часть ятвягов (может быть, и галиндов) вместе с собой на север. Пришельцы мирно поселились рядом с редким финским населением.

Но из всех этнических групп самой многочисленной и потенциальной оказались славяне. Их язык и культура доминировала, хотя приобрела некоторые черты как ятвяжского, так и финского культурного компонента. Позднее культура псковских длинных курганов трансформировалась в культуру новгородских сопок VIII–IX вв. [Седов 1995: 238–246].

Доказательством именно этой версии служат многочисленные топонимические и диалектные изоглоссы Новгородской и Галицко-Волынской земель [Васильев 2008: 25–29].

Однако имеются любопытные топонимические изоглоссы новгородских словен и полабских венетов. Так, к примеру, еще в 1004 г. венетское племя древян обитало в долинах рек *Ilmenau* и *Jetzel* (*Jesionna*) на левом берегу Эльбы (Лабы) [Mały słownik 96, 145]. Гидроним *Ilmenau* выводится из венетск. **jьльтьно* (*ezero*) ‘ильмено, вязовое (озеро)’ или словосложения **jьльтевь* + **навь* ‘ильмовый корабль’ (?), ср. полабск. *jělm*, *jělmā* ‘вяз’, *jělmüvë* ‘роща вязов’ [ЭССЯ 1974, 8: 222–223]. А словене новгородские обитали вокруг озера Ильмень (др.-рус. *Илмърь* и эст. *Ilmjärv* – вероятно, славяно-фин. гибрид или даже осознанная адаптация и переоформление славянского гидронима в финском речевом обиходе?). Но не лишено вероятия первично собственно-славянское словообразование, мотивированное преобладавшим некогда в той местности видом растительности (речь могла идти о массивах вяза гладкого *Ulmus laevis* Pall. или вяза шершавого *Ulmus scabra* Mill.)

КРИВИЧИ

В VIII–IX вв. в Полоцко-Смоленском регионе поселились славянские племена, выходцы из Среднего Подунавья. Археологическая культура смоленско-полоцких длинных курганов приписывается племенной общности кривичей. Передвижение славянского населения началось на рубеже VII и VIII столетий и продолжалось некоторое время в дальнейшем. В частности, одно из подразделений славянского племени смолян, разделенного аварским нашествием на две части еще в 580-е гг., основало город Смоленск, другое подразделение поселилось в Родопах, г. Смолен и район Смоленско [Седов 1995: 229–238].

Основу сложения старобелорусской народности составляла родоплеменная общность *кривичей*, хорошо известная соседним балтам. «Это большое древнерусское племя Белая Русь и Великая Русь как бы поделили между собой...». «Смоленск был центром кривичей» [Трубачёв 2005: 79, 98–99].

Топоним *Смоленск* (впервые упоминается ретроспективно в связи с событиями 863 г.) образован посредством суф. *-ск-* от этнонима *смолене/смоляне*. Отмечу однообразную словообразовательную схему топонимов *Брянск*, *Смоленск* – производное с суф. *-ьскъ* от этнонимов (родоплеменных или территориальных наименований жителей) на *-яне*, а именно,

дъбряне, смоляне с возможными вариантами без -ян-: Курск (но – куряне), Смольск (но – смоляне), Польскъ (но – поляне), Лучьскъ (но – лучане). Эти топонимы и современное русско-украинское порубежье как бы очерчивают внешние границы центра восточнославянского ареала. «...В древней паре **smol'ane* – **smol'skъ* мы имеем дело с усечением (truncation) производящей основы **smolĕne*, а не с образованием от названия древесной смолы» [Трубачёв 2005: 102].

О.Н. Трубачёв «указывает на большую актуальность связи этого древнего лексического гнезда не с добыванием смолы, а с культурной стадией, называемой в науке подсечно-огневым земледелием» [Трубачёв 2005: 104]. (Ср., впрочем, нижнелужицкое сущ. *smala* ‘выжженное место в лесу’).

«Название (*дреговичи*. – *А.Ш.*) носит преимущественно белорусский характер и имеет вместе с тем четкую славянскую этимологию. Слово *дръгъва* ‘трясина’ произведено от слав *дръгати* ‘дрожать’...» [Трубачёв 2005: 74]. Позволим себе не согласиться с почтенным учителем. По нашему мнению, образование с патронимическим суфф. *-ичи* возможно только от антропонима, а не от апеллятива (названия болота, трясины), т.е. основа *Дрегов-* если и связана с *дръгъва*, то опосредованно (апеллятив стал прозвищем родоначальника, первопоселенца, частью двучленного имени типа *Добрыня Дръгъва*). А скорее всего, наименование племенной общности *дреговичей* было образовано посредством суфф. *-ичи* от имени родоначальника *Дръговъ*, в свою очередь производного на *-ов-* от первичного *Дръгъ*, соотносительного с гл. *дръгати* ‘дрожать’.

Примечательно иноязычное топонимическое свидетельство, а именно литовский хороним *Kriveja*, который обозначает Россию. Он косвенно указывает на то, что был период, когда этническая группа кривичей наиболее ярко представляла все восточнославянские этнические группы. Видимо, инновационными были и некоторые культурные явления этнической группы кривичей, что нашло отражение в прусской традиции основания святилища в Ромове, учреждения культа Перконаса (Перуна) и первожречества Криве-Кривейто [Кулаков 1990: 8, 1986: 140].

ЛЕНДЗЯНЕ или ЛЯЖАНЕ(?)

Как все-таки именовались северо-славянские племена, в VI–VII вв. и позже обитавшие к северу от Судет, Татр и Карпат, а также в заболоченном Припятском Полесье? Похоже, они именовались собирательно лензянами (ляжанами). В 940-е гг. эти племена все еще сохраняли свое наименование и известную самобытность.

Вот что писал о них греческий царь Константин Багрянородный (DAI): «Славяне (Σκλάβοι) же, их (народа рос, архонта Святослава, сына Ингора) пактиоты (федераты), а именно: кривитеины (Κριβηταιηνοί), лензанины (Λενζανήνοι) и прочие славинии (Σκλαβηνίαι) – рубят в своих горах

моноксилы в зимнее время и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, спускают в водоемы, находящиеся рядом. Так как эти водоемы впадают в реку Днепр, то и они из тамошних мест входят в эту самую реку и отправляются в Кию. Их вытаскивают для оснастки и продают народу рос». «<...>, а (печенежская) фема Иавдиертим соседит с подплатежными местностями страны Рос: ултинами, дервленинами и лензенинами (Λενζενίνοις) и прочими славами».

Итак, эти лензяне или лензене расселялись где-то западнее Киева, на притоках Припяти и Днепра. Ключевое слово в связи с ними – водоемы!

Этот «говорящий» этноним так и не был правильно понят историками-комментаторами и даже многоопытными лингвистами-славистами. Одни поспешно реконструировали его как **lədjane* и отождествили с ляхами (поляками) (Lehr-Spławiński), другие хотели читать его как *лучане* – жители города Луцка (Лучьска) (Нидерле, Хабургаев), третьи отождествляли с *радимицами* по реке Сож (Ильинский), четвертые – с *лицикавиками* (Labuda), пятые толковали лензяне/лензене как иное наименование *волынян, бужан, дулебов* (Василевский). Не смог самостоятельно взглянуть на этот этноним и О.Н. Трубочёв, остановившийся на толковании Лер-Сплавиньского: **lədjane* – целинники, поселенцы в пустоши [Трубочёв 2003: 234, 248, 286, 380, 476].

Между тем, этимология данного собирательного этнонима совершенно иная и ясная, не оставляющая никаких сомнений. Перед нами регулярное славянское словообразование посредством суф. *-jane/-ěne* от названия местности, а именно от праславянского **ləga* I ‘низкое, топкое, заболоченное место, водоем, болото, лужа и т.п.’, **ləža* ‘сырое топкое место в лесах или на сенокосах’ [ЭССЯ 1974, 15: 52–53, 65]. И правильная реконструкция не **lədjane*, а совершенно регулярное **ləžane* или **ləžěne*, как **ləža*, **ləžina* ‘низкое сырое место, болото, топь, трясина’, **ləžьbina*, **ləžьka* II, прилаг. **ləžьнь(jь)* [ЭССЯ 1974, 15: 65, 66, 67]. Таким образом, славянские племена (славянской или венетской, но не антской общности?) ляжане или ляжене – обитатели заболоченных, топких местностей не только Припятского Полесья, но и любых водосборных бассейнов. Ими оставлена пражско-корчакская археологическая культура в Припятском Полесье VI–VIII вв.

К ним в IX–XII вв. присоединились бужане, волынiane и древляне, как кажется, венетского происхождения (в ареале полабских славян имелись свои древляне и волынiane). Обстоятельства их подселения к ляжанам и дальнейшего совместного житья не слишком ясны. Вероятными наследниками ляжанских древностей являются носители современного западно-полесского говора.

«По данным исследования гидронимии Правобережной Украины, славянская гидронимия на юг от Припяти... отличается значительной

архаичностью, с собственными старыми соответствиями в западнославянском и южнославянском... Уже к северу от Припяти эти архаичные славянские гидронимы не повторяются» [Трубачёв 2005: 52].

РАДИМИЧИ и ВЯТИЧИ

Еще средневековые летописцы утверждали, что радимичи и вятичи пришли от ляхов. Вятические курганы VIII–IX вв. в значительной степени исследованы. С вятичами справедливо связывают памятники археологической культуры Верхнего Поочья VIII–IX вв. н.э. [Седов 1995: 202–203]. Однако археологи не вполне правильно атрибутировали предшественников вятичей. Волынцевская археологическая культура последней трети VII–VIII вв. оставлена не столько антской общностью северов, сколько симбиозом антских и угорских племен. Это – легендарная венгерская страна Лебедия. Венгры к 900 г. покинули этот ареал и поселились в Паннонии. Впоследствии к оставшимся северам и хорватам добавились еще два народа – радимичи и вятичи.

«радимичи бо и вятичи ѿ лаховъ • баста бо • в • брата в ласѣх • радимъ • а дрѣгомѣ ватько и пришедша • сѣдоста радимъ на съжжъ-прозвашася радимичи • а ватько сѣде съ родомъ своимъ по шѣѣ • ѿ него же прозвашася вятичи» [ПВЛ Лавр. сп., 1: 69–73].

В составе восточнославянских племен, предков древних руссов, упоминается племя *радимичей*, пришедшее от *ляхов* (т.е. из ареала суковско-дзедзицкой археологической культуры, простиравшегося в VI–VII вв. к западу от Вислы). Этноним *радимичей* толкуется как производный с суф. *-ичи* от усеченного двукорневого имени *Радимиръ*, соотносимого с польским именем собственным *Радомиръ* и местным названием *Радам* в Сендомирском воеводстве Малопольши. «Единственный магистральный путь и для *радимичией* и для *вятичей* был только в обход, по южной дуге с запада на восток вокруг лесов и не менее труднодоступных болот Припятского Полесья» [Трубачёв 2005: 76].

В составе восточнославянской и др.-рус. общности оказались и лехитские *вятичи*. «Как полагают, они пришли в начале VIII в. на верхнюю Оку, на земли, где уже жили балты... Несмотря на это, они успешно сохранили свою славянскую самобытность. Выразилось это, среди прочего, и в том, что именно... в Поочье «ляшское» племя вятичей воспроизвело фрагменты топонимического ландшафта своей далекой «ляшской» родины» [Трубачёв 2005: 76]. О.Н. Трубачёв имел в виду такие топонимические изоглоссы Московии и Мазовши с Хелминской землей, как *Москва ~ Moskiew*, *Тула ~ Tuł*, *Вщиж ~ Uściqż*, *Трубезж ~ Trąbezż*. «Особое скопление западнославянских по происхождению местных названий... приходится на Верхнее и Среднее Поочье, а не на сопредельную с польским Мазовшем Белоруссию!» [Трубачёв 2005: 77].

Киевский летописец [ПВЛ 1: 91–106] без симпатии описывает давние обычаи вятичей, получившие отражение в археологических материалах (особенно из погребений).

Вятичи были включены в состав древнерусского государства очень поздно, уже во времена деградации восточнославянской этнической общности, последовавшей в результате интеграции сначала в рамках военно-политической древнерусской общности (862–988), а затем в рамках религиозной общности (988–1700). Шансов сохранить свои этнические и языковые особенности у вятичей не было.

Рассмотрев общеисторические, ономастические и археологические воззрения на происхождение и расселение антских, венетских и славянских народов на территории восточнославянского распространения, попробуем в упрощенной, доступной форме изложить восточнославянскую глоттогенетическую концепцию с точки зрения языкознания.

Для наглядности, простоты и удобства возьмем слово «город» во всем разнообразии его форм в современных и древних славянских языках. Для древнейшего языкового состояния предков славян (агафирсов-авхетов, травсов, давов, гетов-тирагетов) реконструируется архетип **gardas* (< вост.-и.-е. **g^hord^hos*) и его артикуляционно-акустический вариант римского времени **gârdâs* (100–250/270 гг.).

Этот поздний вариант в результате синхронных с румынскими фонеморфологических изменений IV–V вв. преобразовался в общеславянский архетип **gard-/*gârd-ÿ-* > **gardь/*gârdь*. Это языковое состояние уже к середине V в. охватывало 2 диалекта:

1. Центральный (инновационный) **gardь*-диалект (лесостепной пояс Мунтени, Молдовы и Украины) с сохранением артикуляционно-акустического качества гласного. Причиной чего, скорее всего, были внешние факторы межъязыковых влияний со стороны германского **gardaz* и сармато-аланского корневого -а-вокализма (ср. осет. *kard* ‘нож, меч’) [Шапошников 2012а: 81–85]. Вот откуда в позднеантичной книжности такие раннеславянские «дометатезные» формы, как Ἄρδαγαστος, Ἄρδαγαστήνός [СДПИОС 1991, II: 14, 18, 20, 22, 47, 254, 256], т.е. *Родогость*, *Родогостинь*, вокализм которых объясняли нарочитой «иранизацией» «варварских» имен.

К началу VI в., к времени становления обширного и разветвленного анто-славянского диалектного ареала, в **gardь*-диалекте уже произошла мутация, по сей день являющаяся визитной карточкой всех славянских и антских дочерних диалектов – а именно метатеза плавного (-r- и гласный -a- поменялись местами).

Из **gardь* получилось слово **gradь*, которое поныне существует в болгарском (*град*), сербохорватском (*град*), словенском (*grad*), словацком (*hrad*) и чешском (*hrad*) языках. А из старых диалектов Северного Причерноморья можно со значительной долей уверенности отнести сюда диалек-

ты тиверцев, уличей и плохо локализованных хорватов. К примеру, «славянские» наименования Днепровских порогов [Максимович 2006: 26–30] определенно свидетельствуют об этом: *Островоунъ-прагъ*, *Вълнъ-прагъ*, ср. рус. *порог*. В случае с топонимией, затруднительно объяснять подобные случаи как рус.-цслав. «литературное» переоформление гидронимов.

Некогда периферийный ареал **gǫrdь*-диалекта (область Карпатской гряды) также очень рано (уже к середине V в.?) допускал произносительные варианты **gǫrdь* и **gǫrǫdь*. Признак чего можно было бы усмотреть в так называемом «ложном полногласии», по времени предшествовавшем метатезе плавных (ср. праслав. **korbь* ~ **korabjь*, **korkь* ~ **korakь*, **koračiti*, **koltiti* ~ *kolatati*) [Трубачёв 1982: 15; ЭССЯ 1974: 11, 49]. Первый произносительный вариант характерен для венецких полабских диалектов, второй – для самых старых диалектов псковско-новгородского, полоцко-смоленского и северского ареалов. Этот второй **gǫrǫdь* диалект и лег в основу так называемого восточнославянского языкового состояния (см. ниже).

Венецкие племена волянян и древлян, скорее всего, были носителями **gǫrdь* диалекта. В дальнейшем диалектный ареал бужан, волянян, древлян и полян относился совершенно определенно к продолжениям **gǫrodь*-диалекта (результат интеграции в вост.-слав. и др.-рус. общности?).

Протяженный ареал **gǫrǫdь*-диалектов уже в VIII в. подразделялся на центр (**gǫrǫdь*) и периферию (**gǫrodь*).

2. Центральный инновационный ареал **gǫrǫdь*-диалектов (полоцко-смоленских кривичей и северских племен). Именно из него происходит не только белорусский язык и южно-великорусские диалекты, но и произносительная норма современного русского языка! По сути дела, этот ареал и есть центральный инновационный ареал восточнославянского языкового состояния.

«Огромную проблему лингвистической географии представляет определение инновационного центра языкового ареала. То, что мы имеем по этому вопросу в нашей литературе, объективно является отождествлением, или подменой инновационного центра центром политическим, административно-территориальным» [Трубачёв 2005: 205]. Отмечу прозорливость этого замечания в отношении восточнославянского и древнерусского языкового ареала. Как известно, народ *русь* (какого бы происхождения он не являлся, род Рюриковичей относится к финской гаплогруппе № 3) первоначально базировался в Новгородской и Киевской областях, которые, как будет ясно из последующего изложения, являлись и являются поныне перифериями восточнославянского ареала.

Центром последнего в VIII в. являлись полоцко-смоленские и северские земли, не совпадавшие с политическим и административно-территориальным центром Руси IX–X вв. Центр лингвогеографического

ареала языковых инноваций русского разговорного и письменного языка приходится на ареал курско-орловской группы говоров [Трубачёв 2005: 206–208, 209].

Периферийный консервативный ареал **górodь*-диалектов оказался как бы разделенным на два ареала (северные великорусские и малороссийские (украинские) говоры и диалекты).

«В плане лингвистической географии русский Север обнаруживает свойственные периферии архаизмы, причем немаловажно, что явления этой северной периферии переключаются с явлениями другой периферии, южной, – с аналогичными украинскими явлениями» [Трубачёв 2005: 213–214]. О.Н. Трубачёв имел в виду сохранение звонкости согласных в конце слова в украинских и некоторых севернорусских диалектах, а также твердость согласных перед гласными переднего ряда, отсутствие оглушения конечных звонких согласных (задержка падения «еров»), которые доносят старое состояние единого большого восточнославянского ареала [Трубачёв 2005: 68, 71, 213].

Более того, подавляющая часть современной украинской гидронимии ареала верхнего Поднестровья – это адаптация предшествующей вост.-слав. и др.-рус. гидронимии, также не слишком древней (за исключением редчайших случаев едва ли старше др.-рус. языкового состояния). Аналоги с территории Восточной Беларуси, Псковщины и Новгородщины, справедливо и удачно привлекаемые В. Вербичем, являются зримыми иллюстрациями к реконструкции восточнославянского диалектного состояния. Время от времени мы сталкиваемся с наследием диалектного состояния, предшествующего распространению собственно украинских языковых черт (перехода *-ó-*, *-ě-* > *-í-*; примеры немногочисленны, но показательны). Гидронимы восточнославянского (и древнерусского) происхождения выглядят самым старым славянским субстратом ареала. Единственный пример с германской этимологией (Стрвях) недостоверен. Предшествовали времени распространения украинских фонетических черт и гидронимы (топонимы, антропонимы) польского происхождения. Польская ономастика исследованного ареала является адстратом, подвергшимся украинизации в Новейшее время. Принимая во внимание частое упоминание диалектных слов и гидронимов из Полесья (как украинского, так и белорусского), приходим к парадоксальному выводу, что «украинизация» субстратной и адстратной диалектной гидронимии Верхнего Поднестровья, как некогда и восточнославянское освоение этой территории, происходили с востока (!) и относительно поздно, иногда позже распространения польской антропонимии и гидронимии (!) [Шапошников 2008: 124]. При том, что Карпаты были некогда колыбелью праславянской **gårdь*-диалекта, предкового вида как для венето-ляхитских **górdь*/**gródь* диалектов, так и восточнославянских **góřďь*/**górodь* диалектов.

Завершая этот сюжет, упомянем о возникновении еще одного инновационного диалектного ареала среди венетских **górdь*-диалектов. Это **gróđь*-диалект племени ляхов, в котором имела место подобная анто-славянской метатеза гласного и плавного согласного, т.е. из **górdь* получилось **gróđь*. Возникла эта инновация первоначально в великопольских землях (в междуречье Одры и Вислы) и распространилась не только на прежние венетские **górdь*-диалекты ареала, но и на вторично интегрированные в новый обширный ареал некоторые славянские (силезские, словинские) и даже антские (белохорватские и белосербские) диалекты. Но эта инновация должна быть позднее миграции вятичей и радимичей на восток.

При всей схематичности и искусственности этой глоттогенетической конструкции она в известной степени согласуется с данными нарративной истории, ономастики, археологии и ДНК-генеалогии, что дает перспективу гармонизации и сведения их воедино для построения непротиворечивой концепции этногенеза восточных, да и остальных славян.

Источники и словари

ПВЛ – Повесть временных лет [Текст] (Ипатьевская рукопись ПВЛ. – 3-е изд. – Пг., 1923. – Вып. 1. – Т. 2 ; Лаврентьевская рукопись ПВЛ. – 2-е изд. – Л., 1926. – Т. 1).

СДПИоС – Свод древнейших письменных известий о славянах [Текст]. – М., 1991. – Т. I (I–VI вв.).

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд [Текст]. – М., 1974 – ... (продолжение).

JHG – Journal of Human Genetics [Text].

Mały słownik – Mały słownik kultury dawnych słowian [Text] / pod. red. Lecha Leciejewicza. – Warszawa, 1880.

Литература

Васильев, В.Л. О проблеме раннеславянского заселения Русского Северо-Запада по материалам ономастики и диалектной лексики [Текст] // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры : IV Чтения памяти академика О.Н. Трубочёва. – М., 2008.

Вербич, С.О. Гідронімія басейну Верхнього Дністра. Етимологічний словник-довідник [Текст]. – Київ, 2007.

Клёсов, А.А. Гаплогруппы южных и балтийских русских славян: четверо племен? [Текст] // Вестн. Рос. акад. ДНК-генеалогии. 2009. – Т. 2. – № 5. – С. 801–815.

Кулаков, В.И. Древности пруссов VI–VIII вв. [Текст]. – М., 1990.

Кулаков, В.И. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов [Текст] // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986. – С. 140.

Максимович, К.А. «Росские» и «славянские» названия днепровских порогов в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»: новые

этимологии [Текст] // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры : IV Чтения памяти академика О.Н. Трубочёва. – Киев ; М., 2006. – С. 26–30.

Рожанский, И. Гаплогруппа R1a: гаплотипы, генеалогические линии, история, география [Текст] / И. Рожанский, А. Клёсов // Вестн. Рос. акад. ДНК-генеалогии. – 2009. – Т. 2. – № 5. – С. 974–1099.

Седов, В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование [Текст]. – М., 1999.

Седов, В.В. Славяне в раннем Средневековье [Текст]. – М., 1995.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. [Текст] / отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Симонович. – М., 1993.

Топоров, В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья [Текст] / В.Н. Топоров, О.Н. Трубочёв. – М. : Изд-во АН СССР, 1962.

Трубочёв, О.Н. В поисках единства [Текст]. – М., 1992.

Трубочёв, О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси [Текст]. – 2-е изд., доп. – М., 2005.

Трубочёв, О.Н. Слово на открытии Международной конференции «130 лет Московскому славянскому съезду» 21 мая 1997 г. [Текст] // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. – М., 1998. – С. 10–14.

Трубочёв, О.Н. Вятичи-рязанцы среди восточных славян (к проблеме этногенеза) [Текст] // И.И. Срезневский и современная славистика: наука и образование : сб. науч. тр. (по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Славянские языки, письменность и культура», 27–29 мая 2002 г.) / Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина ; отв. ред. Г.А. Богатова, Е.В. Архипова. – Рязань, 2002. – С. 11–17.

Трубочёв, О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского распространения [Текст] // Южнославянский филолог. – 2000. – LVI/3–4. – С. 1257–1279.

Трубочёв, О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения [Текст] // ВЯ. – 2000. – № 5. – С. 4–27.

Трубочёв, О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского распространения [Текст] // В пространстве филологии / ДонНУ, филол. фак. – Донецк, 2002. – С. 22–45.

Трубочёв, О.Н. Из истории лингвистической географии восточнославянского освоения (В поисках единства. Вятичи-рязанцы среди восточных славян) [Текст] // Русская историческая лексикография на современном этапе: К 25-летию издания СлРЯ XI–XVII вв. – М., 2000. – С. 7–14.

Трубочёв, О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста) [Текст]. – М., 1993.

Трубочёв, О.Н. Этногенез и культура древнейших славян : лингвист. исслед. [Текст] / отв. ред. Н.И. Толстой. – Изд. 2-е, доп. – М., 2003.

Трубочёв, О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики [Текст] // ВЯ. – 1982. – № 5. – С. 3–17.

Феофилакт Симокатта. История [Текст]. – М., 1996.

Шапошников, А.К. Рец.: С.О. Вербич. Гідронімія басейну Верхнього Дністра. Етимологічний словник-довідник [Текст]. – Київ, 2007. – Бібліогр. : С. 92–106 // Київська старовина. – № 1 (385). – Київ, 2009.

Шапошников, А.К. Северно-причерноморский ареал реликтовой макро- и микро-топонимии позднепраславянского языкового состояния [Текст] // XVIII Międzynarodowa i Ogólnopolska Konferencja Onomastyczna na temat „Mikrotoponimia i makrotoponimia”. – Łódź, 2012.

Шапошников, А.К. Северно-причерноморский ареал позднего праславянского языкового состояния (I–VI вв.) [Текст] // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры : VII Чтения памяти академика О.Н. Трубачёва. – Киев ; М. ; Феодосия, 2012. – С. 81–85.

Шульгач, В.П. К проблеме лакун в этимологических словарях праславянских лексических древностей [Текст] // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. – Киев ; М., 2006.

Klyosov, A.A. Haplotypes of Eastern Slavs: nine tribes? [Text]. – JHG, 2009. – Vol. 2. – P. 232–251.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аннушкин Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва). E-mail: vladannushkin@mail.ru

Астахина Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва). E-mail: lastakhina@yandex.ru

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: bekasova@mail.ru

Белова Лариса Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Пермский государственный университет. E-mail: lara-belova26@mail.ru

Васильев Валерий Леонидович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород). E-mail: vihnn@mail.ru

Ватсон Кристин – кандидат филологических наук, преподаватель, Упсальский университет (Швеция). E-mail: christine.watson@moder-na.uu.se

Галиуллин Камиль Рахимович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой прикладной лингвистики отделения русской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: galiullin.kamil@mail.ru

Георгиева Тодорка Йорданова – кандидат филологических наук, преподаватель, Русенский университет «Ангел Кънчев», Филиал-Силистра (Болгария). E-mail: knidor@abv.bg

Глинка Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail: AlenaGlinka@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна – кандидат филологических наук, докторант, Институт языкознания РАН (Москва). E-mail: onyuma-ryazan@yandex.ru

Демидов Дмитрий Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: demidoffs@rambler.ru

Догусева Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и методики его преподавания, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: e.dogusheva@rsu.edu.ru

Дудин Алексей Александрович – преподаватель, Учебно-консультационный пункт при Федеральном казенном учреждении ИК-2 УФСИН по Рязанской области (Рязань). E-mail: dudinrzn@gmail.com

Дуличенко Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор-эмеритус кафедры славянской филологии, Тартуский университет (Эстония). E-mail: aleksd@list.ru

Жакова Наталья Кирилловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: mzhakova@yandex.ru

Жолобов Олег Феофанович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и славянского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: oloz@rambler.ru

Зубов Николай Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Украина). E-mail: zubov_nik@te.net.ua

Илиева Татьяна Атанасова – доктор филологических наук, научный сотрудник II ст., доцент, Кирилло-Мефодиевский научный центр Болгарской АН (София). E-mail: ilieva_tatyana@abv.bg

Исаченко Татьяна Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник НИО книговедения, Российская государственная библиотека (Москва). E-mail: isachenko33@yandex.ru

Каверина Валерия Витальевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: kaverinal@yandex.ru

Ковалых Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Псковский государственный университет. E-mail: kovalyh@yandex.ru

Колгушкина Нина Васильевна – заслуженный учитель РФ, директор Музея академика И.И. Срезневского, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: n.kolgushkina@rsu.edu.ru

Коннова Вера Фёдоровна – кандидат филологических наук, преподаватель русского языка на факультете средневековых и современных языков, Оксфордский университет (Великобритания). E-mail: vera.konnova@mod-langs.ox.ac.uk

Костючук Лариса Яковлевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Псковский государственный университет. E-mail: anh57@yandex.ru

Красикова Алёна Юрьевна – аспирант, лаборант кафедры литературы, Вологодский государственный педагогический университет. E-mail: cool-girl_35@mail.ru

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор филологических наук, ассоциированный профессор кафедры русистики и славистики, Даугавпилсский университет (Латвия). E-mail: anatolijs.kuznecovs@du.lv

Логунова Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, Соликамский государственный педагогический институт. E-mail: logunovaN@yandex.ru

Мазитова Лариса Львовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии, Соликамский государственный педагогический институт. E-mail: mazitova-larisa@rambler.ru

Михайлова Любовь Петровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск). E-mail: posnm87@bk.ru

Мускала Юхан – аспирант, Упсальский университет (Швеция). E-mail: Johan.Muskala@moderna.uu.se

Мызников Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, заведующий Словарным отделом, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). E-mail: myznikovs@rambler.ru

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания, Московский государственный областной университет. E-mail: olnikitin@yandex.ru

Николенкова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: nata-nik2004@mail.ru

Никольский Александр Александрович – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: a.nikolskiy@rsu.edu.ru

Осипова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, декан факультета русской филологии и национальной культуры, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: e.osipova@rsu.edu.ru

Пентковская Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: pentkovskaia@gmail.com

Пименова Марина Васильевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: pimenova-vgru@yandex.ru

Плавинская Лидия Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: l.plavinskaya@rsu.edu.ru

Плешакова Валентина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: zadorova-li@yandex.ru

Попова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, филиал Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (Северодвинск). E-mail: lestvic@mail.ru

Прискока Олег Владимирович – кандидат филологических наук, профессор, Киевский славистический университет (Украина). E-mail: priskoka@ukr.net

Романов Дмитрий Анатольевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого. E-mail: kafrus@rambler.ru

Ротарь Виктория Владимировна – кандидат филологических наук, магистрант Отделения классических языков, Университет Уэльса Троицы и Св. Дэвида (Великобритания). E-mail: torik_kit@mail.ru

Старовойтова Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). E-mail: ostarovo7@rambler.ru

Судаков Гурий Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Вологодский государственный педагогический университет. E-mail: gvs035@rambler.ru

Табаченко Людмила Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону). E-mail: lyudmila-tabachenko@yandex.ru

Федосеева Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: t.fedoseeva@rsu.edu.ru

Ховрина Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского. E-mail: tatyana.hovrina@mail.ru

Хрусталёв Игорь Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. E-mail: i.hrustalev@rsu.edu.ru

Черепанова Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: olga_home36@mail.ru

Чернышёва Маргарита Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва). E-mail: chernysheva@bk.ru

Шамин Степан Михайлович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва). E-mail: shaminy@yandex.ru

Шапошников Александр Константинович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва). E-mail: possidima@gmail.com

Для заметок

Для заметок

Научное издание

И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ
И РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ:
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО

Сборник статей
Международной научной конференции,
26–28 сентября 2012 г.

Ответственные редакторы:
Шеина Ирина Михайловна
Никитин Олег Викторович

Редактор *Н.В. Смурова*
Технические редакторы: *И.И. Савело, М.В. Твердоступ*
Дизайн обложки *М.В. Коледёнкова*

Подписано в печать 15.11.2012. Поз. № 060. Бумага офсетная. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 22,78. Уч.-изд. л. 28,6. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22